РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

■ Главный редактор

Комлева Евгения Владиславовна
доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

■ Заместитель главного редактора

Туманик Екатерина Николаевна
кандидат исторических наук
Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, Новосибирск, Россия

■ Ответственный секретарь

Введенский Владимир Викторович
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

■ Редакторы и ответственные секретари выпусков

Аблажей Наталья Николаевна
доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
выпускающий редактор

Ананьев Денис Анатольевич
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
выпускающий редактор

Дашинамжилов Одон Борисович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Журавлёв Вадим Викторович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
выпускающий редактор

Кириллов Алексей Константинович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Лапердин Вячеслав Борисович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Петров Станислав Геннадьевич
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
выпускающий редактор

Потапова Наталья Анатольевна
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Резникова Мария Александровна
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Романов Роман Евгеньевич
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Савин Андрей Иванович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
выпускающий редактор

Семёнов Михаил Александрович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Чернова Ирина Сергеевна
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

■ Члены редакционной коллегии

Блаховска Катажина
профессор
Институт истории Варшавского университета, Варшава, Польша

Гагкуев Руслан Григорьевич
доктор исторических наук
Институт истории РАН, Москва, Россия

Дай Цзяньбин
доктор исторических наук, профессор
Хэбэйский педагогический университет, Шицзячжуан, Китай

Данилович Вячеслав Викторович
кандидат исторических наук
Институт истории НАН Беларуси, Минск, Беларусь

Дацышен Владимир Григорьевич
доктор исторических наук, профессор
Сибирский Федеральный университет, Красноярск, Россия

Ильиных Владимир Андреевич
доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Исупов Владимир Анатольевич
доктор исторических наук
Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия

Кабульдинов Зиябек Ернуханович
доктор исторических наук, профессо
Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Казахстан

■ Члены редакционной коллегии

Катионов Олег Николаевич
доктор исторических наук, профессор
Институт истории, гуманитарного и социального образования, Новосибирский педагогический университет, Новосибирск, Россия

Коцонис Янни
профессор
Нью-Йоркский университет, Нью-Йорк, США

Куперштох Наталья Александровна
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Манчестер Лори
профессор
Университет штата Аризона, США

Плеханова Анна Максимовна
доктор исторических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия

Побережников Игорь Васильевич
доктор исторических наук
Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Разгон Виктор Николаевич
доктор исторических наук, профессор
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Рольф Мальте
доктор исторических наук, профессор
Ольденбургский университет имени Карла фон Осецкого, Германия

Сабурова Татьяна Анатольевна
доктор исторических наук
Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия

Урбански Сёрен
кандидат исторических наук
Германский исторический институт, Вашингтон, США

Шелегина Ольга Николаевна
доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Шиловский Михаил Викторович
доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Щеглова Татьяна Кирилловна
доктор исторических наук, профессор
Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

Выпускающий редактор **кандидат исторических наук А.И. Савин**
Ответственный секретарь **кандидат исторических наук Н.А. Потапова**
Корректор **Т.В. Соболева**
Верстальщик **В.В. Введенский**
Интернет-верстальщик **К.А. Васильев**

ИСТОРИЧЕСКИЙ КУРЬЕР
ISSN 2618-9100

2021. № 6 (26)
Издается с октября 2018 г.
Выходит 6 раз в год.
Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук
Номер свидетельства Роскомнадзора ЭЛ № ФС77-73758

Сибирское отделение Российской академии наук
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Адрес редакции:
Россия, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8.
Институт истории СО РАН.

Тел.: +7 (383) 363-03-24
Факс: +7 (383) 333-24-37
E-mail: mail@istkurier.ru
Веб-сайт: istkurier.ru/

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора 7

From the Editor 8

Раннесоветский период

А.П. Килин. Смерть В.И. Ленина в оценках современников: по материалам информационных сводок окружных отделов ОГПУ по Уралу 9–28

А.А. Кожаева. Речевые практики подражания официальному советскому дискурсу в письмах «лишенцев» во власть (1918–1936 годы) (на материалах Западной Сибири) 29–38

Т.И. Морозова. «…До смерти хочется стать секретарем укома». Борьба за власть в Киренском уезде Иркутской губернии (сентябрь – декабрь 1925 года) 39–54

С.П. Качесова. Трансформация роли крестьянки в решении семейных конфликтов в первой трети XX века: последствия реализации советского проекта «новой женщины» или эхо отмены крепостного права? 55–72

В.А. Журавлева, М.И. Мирошниченко. Брачность городского населения Урала в условиях промышленной модернизации края (1926–1939 годы): историко-демографический аспект 73–87

Великая Отечественная война и послевоенные годы

М.Г. Гаргянц. Система управления театральными и музыкальными учреждениями в блокадном Ленинграде (июнь 1941 – январь 1942 года) 88–97

Р.Е. Романов. Многоликие «бойцы тыла»: социокультурные типы мотивации труда рабочих в годы Великой Отечественной войны 98–109

Н.Н. Мельников. План Академии наук СССР по развитию электроэнергетики Урала в годы войны: от замысла к реализации 110–123

Е.Н. Беневаленская. Пионерская организация Алтайского края и формирование советской идентичности в 1945–1955 годах 124–134

Позднесоветский период

Т.М. Петрова. Критический анализ дискурса советских дневников и «писем во власть» как инструмент для изучения общественных настроений о Н.С. Хрущеве (1953–1964 годы) 135–145

А.А. Фокин. «Автоматика нам не подходит»: выборы как элемент противостояния между социализмом и капитализмом в эпоху «холодной войны» 146–153

И.Н. Стрекалов. «Письма во власть» советских граждан в ходе создания Конституции СССР 1977 года: ломка стереотипа и неожиданные «откровения» 154–163

Т.В. Савина. Говорить по-большевистски? Язык партийца в литературе «оттепели» 164–179

Н.А. Белякова, В.П. Клюева. Маргиналы или честные труженики: разнообразие репрезентаций евангельских верующих в позднем СССР 180–194

А.Д. Попов, Е.А. Попова. Огонь, вода и звонкие горны: ритуализированные символические практики «Артека» в позднесоветский период 195–206

О.Н. Шелегина. Общественные организации позднего социализма: начальный этап деятельности сибирских отделений Советского/Российского фонда культуры 207–220

Открытые архивы

А.Г. Тепляков. «Жизнь чекиста-оперативника»: воспоминания М.П. Шрейдера (часть 5) 221–250

Н.Н. Аблажей, А.Т. Казбекова. Между ссылкой и репатриацией: вайнахи и хрущевская «оттепель» 251–276

Мир книги

М.А. Симонов. В начале долгой эпохи 277–285

И.Н. Стрекалов. Рецензия на книгу: Войтиков С.С. За фасадом сталинской конституции. Советский парламент от Калинина до Громыко. М.: Вече, 2021. 464 с. 286–291

И.С. Кузнецов. Ученые об ученых: миры и мифы Новосибирского Академгородка 292–304

Ad Memoriam

Памяти доктора исторических наук Александра Христиановича Элерта 305–306

CONTENTS

From the Editor (*in Rus.*) 7

From the Editor 8

■ **Early Soviet Period**

A.P. Kilin. Death of Vladimir I. Lenin in the Assessments of Contemporaries: on the Materials of Information Reports of the District Departments of the OGPU in the Urals 9–28

A.A. Kozhaeva. Speech Practices of Imitation of the Official Soviet Discourse in the Petitions of the Deprived to Power (1918–1936) (Based on the Materials of Western Siberia) 29–38

T.I. Morozova. "…He is Dying to Become the Secretary of the Uyezd Committee". The Struggle for Power in the Kirensky Administrative Division of the Irkutsk Governorate (September – December 1925) 39–54

S.P. Kachesova. Transformation of Peasant Woman's Role in Solving Family Conflicts in the First Third of the 20th Century: Consequence of Implementation of Soviet Project "New Woman" or Echo of the Abolition of Serfdom? 55–72

V.A. Zhuravleva, M.I. Miroshnichenko. Nuptiality of the Urban Population of the Urals in the Conditions of Industrial Modernization of the Region (1926–1939): Historical and Demographic Aspect 73–87

■ **The Great Patriotic War and the Postwar Years**

M.G. Gargyants. The Management System of Theatrical and Musical Institutions in Besieged Leningrad (June 1941 – January 1942) 88–97

R.E. Romanov. The Many-Faced Fighters of the Rear: Socio-Cultural Types of Motivation of Workers during the Great Patriotic War 98–109

N.N. Melnikov. The USSR Academy of Sciences Plan for the Development of the Power Industry in the Urals During the Great Patriotic War: From Conception to Implementation 110–123

E.N. Benevalenskaya. Pioneer Organization of the Altai Krai and the Formation of Soviet Identity in 1945–1955 124–134

■ **Late Soviet Period**

T.M. Petrova. Critical Discourse Analysis of Soviet Diaries and Letters to the Authorities as an Instrument for Studying Public Opinion about N.S. Khrushchev (1953–1964) 135–145

A.A. Fokin. "Automatics don't Suit Us": Elections as an Element of the Confrontation Between Socialism and Capitalism in the Cold War Era 146–153

I.N. Strekalov. "Letters to power" of Soviet Citizens During the Creation of the Constitution of the USSR in 1977: "Breaking" the Template and Unexpected "Revelations" 154–163

T.V. Savina. Speaking Bolshevik? The Language of a Communist Party Member in Soviet Prose of the "Thaw" Period 164–179

N.A. Belyakova, V.P. Klyueva. Outcasts or honest workers: Diversity of Representations of Evangelical Believers in the Late USSR 180–194

A.D. Popov, E.A. Popova. Fire, Water and Sonorous Bugles: Ritualized Symbolic Practices of Artek in the Late Soviet Period 195–206

O.N. Shelegina. Public Organizations of Late Socialism:
The Initial Stage of the Activity of the Siberian Branches of the Soviet/Russian Culture Fund 207–220

Open Archives

A.G. Teplyakov. M.P. Schrader's Memories "Life of the Officer of Secret Police" (Part 5) 221–250

N.N. Ablazhey, A.T. Kazbekova. Between Exile and Repatriation:
Vainakhs and the Khrushchev "Thaw" 251–276

The World of Books

M.A. Simonov. At the Beginning of a Long Epoch 277–285

I.N. Strekalov. Book Review: Voytikov S.S. Behind the Facade of the Stalin Constitution.
The Soviet Parliament from Kalinin to Gromyko. M., Veche, 2021. 464 p. 286–291

I.S. Kuznetsov. The Scientists about the Scientists: Worlds and Myths of Novosibirsk Akademgorodok 292–304

Ad Memoriam

In Memory of Doctor of Historical Sciences Alexander Khristianovich Elert 305–306

2022 · № 6 (26)

Тема номера:

«ЖИТЬ, ДУМАТЬ И ГОВОРИТЬ ПО-СОВЕТСКИ»: СОВЕТСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ И КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

ОТ РЕДАКТОРА

Тематический номер журнала приурочен к столетию образования СССР. Все авторы статей в той или иной мере попытались осмыслить феномен так называемой «советскости», уделили много внимания поиску корней и генезису «советского», в том числе проекту «нового человека». Важной темой номера стало исследование языка советского человека, его умения «говорить по-большевистски». В статьях, написанных в рамках лингвистического поворота в истории, на примере «писем во власть», дневников и художественных текстов анализируются различные дискурсивные практики в контексте формирования русского языка советского типа. Наряду с этим интенсивная коммуникация между властью и гражданами рассматривается как одна из важнейших форм политического участия в СССР. Ряд статей посвящен процессам трансформации в рамках советского проекта традиционных социальных институтов и ролей и формирования, наряду с советской идентичностью, широчайшей палитры идентичностей исторических акторов. Еще одной значимой темой номера стало изменение социокультурной «среды обитания» советского человека, в том числе в экстремальных условиях Второй мировой войны.

Выпускающий редактор
кандидат исторических наук
Андрей Иванович Савин

Выпускающие редакторы **кандидат исторических наук А.И. Савин**
Ответственный секретарь **кандидат исторических наук Н.А. Потапова**
Корректор **Т.В. Соболева**
Верстальщик **В.В. Введенский**
Интернет-верстальщик **К.А. Васильев**

2022 · No. 6 (26)

The Theme of the Issue:

"LIVING, THINKING, AND SPEAKING THE SOVIET WAY": SOVIET CIVILIZATION AS A SOCIAL AND CULTURAL PHENOMENON

FROM THE EDITOR

This thematic issue of the journal is timed to coincide with the centennial of the formation of the USSR. All the authors of the articles have tried in one way or another to comprehend the phenomenon of so-called "Sovietness" and have paid much attention to the search for the roots and genesis of "the Soviet", including the project of a "new man". An important theme of the issue was the study of the language of the Soviet man and his ability to "speak Bolshevik". The articles, written within the framework of the linguistic turn in history, analyze various discursive practices in the context of the formation of the Russian language of the Soviet type, using the examples of "letters to the authorities", diaries, and artistic texts. At the same time, intensive communication between the authorities and citizens is considered as one of the most important forms of political participation in the USSR. A number of articles are devoted to the processes of transformation of traditional social institutions and roles within the framework of the Soviet project and the formation, along with the Soviet identity, of the widest palette of identities of historical actors. Another significant theme of the issue was the changing sociocultural "habitat" of the Soviet man, including the extreme conditions of World War II.

Executive editor
Candidate of Historical Sciences
Andrey Ivanovich Savin

Executive editor	**Candidate of Historical Sciences A.I. Savin**
Executive secretary	**Candidate of Historical Sciences N.A. Potapova**
Corrector	**T.V. Soboleva**
Layout designer	**V.V. Vvedenskiy**
Web designer	**K.A. Vasil'ev**

А.П. Килин*

СМЕРТЬ В.И. ЛЕНИНА В ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННИКОВ: ПО МАТЕРИАЛАМ ИНФОРМАЦИОННЫХ СВОДОК ОКРУЖНЫХ ОТДЕЛОВ ОГПУ ПО УРАЛУ

doi:10.31518/2618-9100-2022-6-1
УДК 94(547.11).084.338

Выходные данные для цитирования:
Килин А.П. Смерть В.И. Ленина в оценках современников: по материалам информационных сводок окружных отделов ОГПУ по Уралу // Исторический курьер. 2022. № 6 (26). С. 9–28. URL: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-6-01.pdf

A.P. Kilin*

DEATH OF VLADIMIR I. LENIN IN THE ASSESSMENTS OF CONTEMPORARIES: ON THE MATERIALS OF INFORMATION REPORT OF THE DISTRICT DEPARTMENTS OF THE OGPU IN THE URALS

doi:10.31518/2618-9100-2022-6-1

How to cite:
Kilin A.P. Death of Vladimir I. Lenin in the Assessments of Contemporaries: on the Materials of Information Reports of the District Departments of the OGPU in the Urals // Historical Courier, 2022, No. 6 (26), pp. 9–28. [Available online: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-6-01.pdf]

Abstract. Death of Vladimir I. Lenin is considered in the context of the transition to a peaceful stage of development of early Soviet society. This event was used for propaganda purposes, allowed to consolidate the divided society and ensure the transfer of power in the party leadership. The attitude to the death of the country's leader, whose cult began to form during his lifetime, is a significant political marker for every citizen. Public opinion in general and the assessment of individual citizens were the object of attention of the political police, since they allowed 'friend-or-foe' identification of a citizen. Information reports of the OGPU allow not only to analyse public opinion, but also to identify the most acute problems of this period of national history.

Keywords: early Soviet society, Vladimir I. Lenin, death, OGPU, Ural region, information reports, loyalty, commemoration, social stratification, public opinion, propaganda.

The article has been received by the editor on 17.05.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Смерть В.И. Ленина рассматривается в контексте перехода к мирному этапу развития раннесоветского общества. Это событие было использовано в пропагандистских целях, позволило консолидировать расколотое общество и обеспечить трансфер власти в партийном руководстве. Отношение к смерти руководителя страны, культ которого начал формироваться еще при жизни, является значимым политическим маркером для каждого гражданина. Общественное мнение в целом и оценки отдельных граждан являлись объектом внимания политической полиции, поскольку позволяли идентифицировать гражданина как «своего» или «чужого». Информационные сводки ОГПУ позволяют не только проанализировать общественное мнение, но и обозначить наиболее острые проблемы этого периода отечественной истории.

* **Алексей Павлович Килин,** доктор исторических наук, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, e-mail: Alexey.Kilin@urfu.ru
Alexey Pavlovich Kilin, Doctor of Historical Sciences, Ural Federal University named after the First President of Russia Boris Yeltsin, Yekaterinburg, Russia, e-mail: Alexey.Kilin@urfu.ru

Ключевые слова: раннесоветское общество, В.И. Ленин, смерть, ОГПУ, Уральская область, информационные сводки, лояльность, коммеморация, социальная стратификация, общественное мнение, пропаганда.

Статья поступила в редакцию 17.05.2022 г.

Введение. Захватив власть, победители всегда вынуждены решать не менее сложную задачу – как эту власть удержать. Критически важным и переломным моментом в персоналистских автократиях, для которых характерен «вождизм», является процесс трансфера власти. Смерть лидера, являясь обстоятельством непреодолимой силы, может стать точкой бифуркации, способной привести к разнообразным сценариям развития событий. Анализ реакции на смерть Ленина позволяет выявить проблемные зоны или болевые точки раннесоветского общества. Причем это могут быть как воображаемые, так и реальные угрозы, имевшие как тактические, так и стратегические последствия.

Закономерно, что данная тема являлась объектом исследования историков, изучавших проблему как в контексте формирования культа вождя, который был реализован в полной мере в период «культа личности И.В. Сталина», так и конструирования советского общества в целом. Оставляя за скобками огромный пласт «ленинианы» советского периода, отметим работу О.В. Великановой[1], в которой продемонстрирован конструктивный подход к изучению этой темы, в прошлом излишне идеологизированной и табуированной для критики.

Монография В.П. Булдакова охватывает максимально широкий спектр проблем, которые сопровождали граждан в 1920–1930-е гг. На основе разнообразного источникового материала автор убедительно диагностирует психологическое состояние представителей раннесоветского общества[2]. Смерть Ленина в этой работе рассматривается как важная часть советского идеологического ритуала[3]. На основе сводок Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) В.П. Булдаков описывает реакцию различных социальных групп на это событие, при этом высказывает сомнения относительно степени достоверности данного источника[4].

А.И. Савин и А.Г. Тепляков делают вывод о том, что культ «героев-жертв» развивался в молодой Советской России в достаточно жестких границах, поскольку «революционная аскеза боролась с тенденцией культа видных покойников»[5]. Похороны Ленина сыграли роль катализатора в процессе обсуждения пределов и ограничений нового траурного церемониала, при этом они носили демонстративно экстраординарный характер.

Регламентация процесса советских переименований в 1920–1930-е гг., в том числе в честь вождей, явилась самостоятельным предметом исследования А.И. Савина[6]. Массовость и хаотичность данного процесса, особенно после смерти Ленина, привели к принятию постановления ЦИК СССР о запрете «ленинских» переименований без специального разрешения верховной власти[7]. А.И. Савин отмечает, что руководство страны осознавало реальную угрозу девальвации имени вождя[8]. Несмотря на это, имя Ленина эксплуатировалось в

[1] *Великанова О.В.* Образ Ленина в массовом сознании // Отечественная история. 1994. № 2. С. 177–178.
[2] *Булдаков В.П.* Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930 гг. М., 2012.
[3] Там же. С. 86.
[4] Там же. С. 19.
[5] *Савин А.И., Тепляков А.Г.* «Красные похороны». Новая похоронная обрядность в молодой Советской России // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13, № 3. Ч. 1. С. 213.
[6] *Савин А.И.* «Село Душегубово переименовать в село Солнцево». Советские переименования как способ коадаптации власти и общества (1918–1930-е годы) // Политическая адаптация населения Сибири в первой трети XX века: сб. науч. ст. Новосибирск, 2015. С. 183–238.
[7] Там же. С. 195.
[8] Там же.

СССР чрезвычайно широко и явно избыточно, что приводило к обратному эффекту – к аномизации объектов, носивших его имя.

Фундаментальный труд Б. Эннкера содержит значительный материал, который посвящен смерти В.И. Ленина[9]. Эту работу можно рассматривать как своеобразный итог исследования проблемы на современном этапе. Такой вывод был бы вполне закономерен, если не принимать во внимание значительный информационный массив, который содержится в региональных архивах и позволяет рассмотреть не только спектр оценочных суждений современников, но и процессы информационного обмена, практики официальных и неформальных коммуникаций в раннесоветском обществе, проанализировать феномен массового сознания на региональном материале.

«Смерть – это мир?» Анализ официальных источников, материалов периодической печати может создать упрощенное впечатление о реакции граждан на смерть В.И. Ленина. Несомненно, можно говорить о некотором объединении, основанном на вполне понятных и общечеловеческих морально-этических императивах – «о мертвом либо хорошо, либо ничего». Очевиден страх перед переменами, которые могут пойти по негативному, по мнению тех или иных социальных групп, сценарию. С другой стороны, это событие можно рассматривать как переход к нормальной жизни после периода Гражданской войны, для которой была характерна «рутинизация» смерти. В.П. Булдаков отмечает: «Годы Гражданской войны изменили взгляд на ценности жизни и смерти – ушло таинство, стали меняться представления о человеческом организме (соответственно и “душе”)»[10].

В послевоенное время реакция на смерть человека становится более естественной и вписывается в отечественную гуманистическую традицию. Б. Эннкер пишет: «Все современники были поражены тем резонансом, который она [смерть Ленина. – *А. К.*] вызвала практически во всех слоях общества. Как руководители Коммунистической партии, так и пропагандисты были потрясены и захвачены зрелищем участия масс в траурных событиях. Г. Зиновьев следующим образом суммировал эти многократно повторяющиеся впечатления: “Простой народ, одухотворенный идеями Ленина, сымпровизировал эти похороны вместе с нами”»[11].

«Даже меньшевистски настроенный сотрудник тогдашнего Высшего Совета народного хозяйства Советского Союза Н. Валентинов (Вольский), – пишет Б. Эннкер, – при всей своей враждебности к коммунистическому режиму вынужден был прийти к такого же рода выводам. Он сообщает, что большая часть населения в Москве, “без всякого сомнения, с печалью и с чувством какой-то значимой потери”, отреагировала на смерть Ленина». Далее Валентинов отмечает, что это «чувство скорби превалирует в рабочей среде, но отмечено также среди мелких служащих и беспартийной интеллигенции»[12].

В.П. Булдаков обращает внимание на кумулятивный эффект, который был спровоцирован совпадением двух дат: «О смерти Ленина люди узнали 22 января – день был нерабочим в память о “Кровавом воскресенье” (9 января по старому стилю). Уже сложился обычай – по крайней мере на предприятиях – устраивать в связи с этой датой собрания, петь революционные песни в траурно оформленных помещениях. Получалось, что одна жертва (рабочая масса) символично наложилась на другую (вождь), что оказывало дополнительное эмоциональное воздействие»[13].

В материалах периодической печати прослеживается стремление охватить трауром весь социальный спектр – от пионеров до пенсионеров, от пролетариев до нэпманов, от индустриальных рабочих до безработных, от Союза воинствующих безбожников до синода Русской православной церкви. Б. Эннкер приводит данные о трауре среди детей[14], которым совершенно не свойственно столь глубокое осознание конечности бытия и смерти.

---

[9] *Эннкер Б.* Формирование культа Ленина в Советском Союзе. М., 2011.
[10] *Булдаков В.П.* Утопия, агрессия, власть… С. 87.
[11] *Эннкер Б.* Формирование культа Ленина… С. 107.
[12] Там же. С. 125.
[13] *Булдаков В.П.* Утопия, агрессия, власть… С. 82.
[14] *Эннкер Б.* Формирование культа Ленина… С. 124.

Б. Эннкер также отмечает некоторые аспекты конструирования траура: «Эти реальные чувства – скорбь и участие – превратились в руках большевиков в ту “бесхитростную народную почву”, которую можно было обрабатывать и получать с нее плоды. В процессе организации “публичного траура” большевики последовательно занимали место, оставленное для трудящихся. Они делали это из осознания своей авангардной роли, которая не могла позволить обществу самостоятельно “носить траур”; наоборот, их цель состояла в том, чтобы траурные переживания перевести в “политику”. Благодаря этому событие публичного траура по случаю смерти Ленина приобрело характер политического “плебисцита”, в который были вовлечены сотни и миллионы людей. Подобное впечатление от политизированного траура могло сложиться не только у сторонних критически настроенных наблюдателей. Принудительному воздействию “плебисцита” оказались подвержены, прежде всего, сами его субъекты, т.е. “трудящиеся”»[15].

Тенденции на дезинтеграцию, разделение, классовую дифференциацию, разобщенность, атомизацию общества, которые доминировали в годы Гражданской войны и были вызваны как идеологическими установками властей, так и повседневной борьбой граждан за свое существование, должны были смениться периодом единения и консолидации. Поводом или причиной для этого могли являться внешние или внутренние угрозы, события, которые осознавались большинством населения как судьбоносные: как правило, это были минорные, трагические обстоятельства – ситуации, при которых «горе объединяет». Таким событием была смерть В.И. Ленина. Не абсолютизируя степень единения всех граждан СССР, можно утверждать, что это событие выполняло задачу консолидации общества.

Несмотря на различные идеологические установки и отношение к советской власти, к этому периоду созрела потребность или появился спрос на общенациональное действо, символизирующее национальное единство как своего рода антитезу Гражданской войне, как зримый символ ее завершения. Смерть человека, которого воспринимали как первопричину изменений, могла быть такой точкой, означавшей завершение определенного этапа революции.

Без такого рода контрастов и сопоставлений, без чередования периодов консолидации и размежевания ни тот ни другой механизм не мог быть эффективным и достигать заданной цели. «Маятник», «пружина» или «прилив и отлив» – все эти аналогии вполне уместны и являются традиционными механизмами поддержания устойчивости власти на основании создания предпосылок для нестабильности системы и придания ей дополнительной динамики. Этот механизм описал еще Аристотель в «Политике»[16].

Миф о «великом Ленине» как инструмент стабилизации. Год 1924-й – время, когда в хозяйственную деятельность был возвращен здравый смысл, наметились очевидные признаки стабилизации системы в экономическом и политическом плане. Была проведена денежная реформа, которая воспринималась как материализованное проявление устойчивости большевистской системы. Именно эти обстоятельства являлись фоном, на котором формировался миф о Ленине.

Смерть «первого лица государства» всегда является определенным рубежом, определяющим границы того или иного исторического периода. Уместно вспомнить отечественную традицию «нарезать» историческое полотно отечественной истории по периодам правления монархов, генеральных секретарей ЦК КПСС или президентов. Вождизм был значимой составной частью конструирования раннесоветского общества. Этому способствовала как дореволюционная практика, персонализирующая исторические процессы, так и милитаристская идеология Гражданской войны и образ СССР как осажденной крепости.

Задача состояла в том, чтобы, сформировав у населения образ «великого Ленина», объяснить, как страна будет существовать без его руководства и что его смерть не приведет к анархии. Вопрос «Кто, если не Ленин?» не должен был возникнуть. Излишняя драматизация события могла внушить гражданам чувство беспокойства и неуверенности, ослабить контроль со стороны государства.

[15] *Эннкер Б.* Формирование культа Ленина… С. 129.
[16] Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения: в 4 т. М., 1983. Т. 4. С. 558.

Следует обратить внимание на тот факт, что естественная смерть лидера могла рассматриваться элитами как самый предпочтительный вариант для транзита власти. Стабильность режима обеспечивалась процедурой преемственности и формированием культа вождя, носителями и верными толкователями наследия которого являлись его соратники. В этой ситуации смерть В.И. Ленина была использована максимально эффективно для легитимации и сакрализации власти тех людей, которые «находились в тени» Ленина или «грелись в лучах» его популярности.

Преемникам необходимо было по максимуму использовать авторитет ушедшего вождя в своих интересах, обеспечить устойчивость существующего режима и закрепление власти за господствующим социальным слоем. Несмотря на то, что целый ряд лидеров большевистского движения ушел из жизни до В.И. Ленина, устоявшегося канона, сценария церемонии прощания так и не сложилось. При этом существовало противоречие в идеологии траурных мероприятий. С одной стороны, ставилась цель поднять на наивысшую высоту умершего вождя, использовать его смерть для консолидации общества вокруг декларируемых ценностей и господствующей идеологии, с другой – потеря столь значительной исторической личности невольно наводила людей на мысли о неизбежных изменениях и невозможности продолжения прежней политики без его непосредственного участия. В условиях коллегиального управления эта проблема не столь остра, поскольку ротация и сменяемость в составе коллективного руководства является рутинной практикой.

Официальный дискурс по своим целевым установкам был направлен именно на это, но форма его представления была весьма разнообразна и, на наш взгляд, противоречива. Помимо традиционных и ожидаемых, вполне устоявшихся формулировок, он включал тексты соратников Ленина, которые были полны искренних, интимных, неформальных выражений, откровенно экзальтированные по своей форме и не вписывающиеся в традиционные представления о некрологе. Напротив, сам факт смерти и описание ее причин, сообщения медицинского характера наполнены конкретикой, холодной, рассудочной констатацией фактов, физиологизмами и натурализмом. Мы связываем это с антирелигиозной кампанией, выработкой подчеркнуто материалистического отношения к смерти в рамках официальной идеологической доктрины. Эти фрагменты контрастируют с доверительной и камерной манерой изложения, характерной для соратников Ленина. Контраст мифологичности, образности и конкретики, натуралистичности обращает на себя внимание как на уровне официальной пропаганды, так и при описании событий и настроений населения в сводках ОГПУ.

В своей работе Б. Эннкер цитирует немецкого философа и культуролога Эрнста Кассирера, посвятившего ряд своих работ феномену мифа: «И только там, где не ограничиваются спокойным созерцанием божественного присутствия, но дают божественному развернуть свое наличное бытие и свою природу во времени, где совершен переход от образа божества к божественной истории, мы имеем дело с мифом в подлинном смысле слова». Э. Кассирер поясняет, что «подлинный характер мифологического бытия раскрывается только там, где оно выступает как бытие причины, и исток присущего бытию священного начала следует видеть, в конечном счете, в его происхождении, а не выводить его из присущих мифу свойств и качеств. В силу этого мощь мифа – это мощь его истоков»[17].

Одним из истоков являлась жертвенная смерть вождя. Смерть В.И. Ленина приобретала сакральный характер, поскольку происходила экстраполяция культа жертвенной смерти Иисуса Христа на образ Ленина. Была очевидна востребованность данного культа, воспроизводимого с различными вариациями применительно к погибшим в Гражданскую войну. «Образ такого вождя оказывается высоко вознесенным над исторически-конкретной действительностью, в буквальном смысле наделенным метафизическими атрибутами и окруженным аурой святого», – пишет Б. Эннкер[18]. Ю.Л. Слёзкин, рассматривая партию большевиков как милленаристскую секту, пишет: «Ленин стал основателем и вождем, потому что был

[17] *Эннкер Б.* Формирование культа Ленина… С. 132.
[18] Там же. С. 129.

пророком»[19]. В.П. Булдаков отмечает: «Показательно, что партийное предписание вождю – “жить вечно” в забальзамированном виде – было встречено в народе без всякого изумления»[20].

Источники исследования. Оценка знаменательного исторического события является маркером лояльности граждан по отношению к существующей власти, поскольку В.И. Ленин воспринимался как создатель, демиург нового строя. В результате лояльность оценивалась не только через реакцию на саму смерть, но и стремление, желание участвовать в траурных мероприятиях, предпринимать конкретные шаги к увековечиванию памяти о Ленине (коммеморативные практики).

Общественное мнение воспроизводится нами не с опорой на первоисточник (письма, дневники, воспоминания), а на основе данных официальных источников, как созданных для публикации (периодические издания), так и не предназначенных для широкого круга лиц (делопроизводственные и отчетные документы), в частности, сводки ОГПУ.

Периодическая печать. В материалах периодической печати преобладают тексты, которые дублируют официальные документы, с включением более эмоционально окрашенных оценок. В газетах публиковались различные «народные инициативы», связанные с формами и способами увековечивания имени В.И. Ленина.

Номер «Уральского рабочего» от 25 января 1924 г. полностью посвящен смерти В.И. Ленина. Помимо воззваний высших партийных органов, на страницах газеты опубликована статья Л.Д. Троцкого, а также выдержки из резолюций различных организаций. Обращает на себя внимание консолидированная позиция социальных антиподов, например тех, кто охраняет, и тех, кого охраняют.

С одной стороны: «Сотрудники ПП [полномочного представительства. – *А. К.*] ОГПУ Урала и состава екатеринбургского гарнизона войск ГПУ, давая торжественное обещание пред трудящимися всего мира хранить заветы великого Друга и Вождя В.И. Ленина, клянутся неустанно нести красное знамя борьбы рабочего класса все вперед и вперед до окончательной победы труда над капиталом». Сотрудники областной и окружной милиции: «Смерть нашего учителя сплотит еще сильнее наши ряды, и дружной боевой цепью пойдем мы в поход против капитала. Победа будет лучшим памятником тов. Ленину».

С другой стороны: «Заключенные Исправдома № 1, работающие на внешних работах Верх-Исетского завода, в количестве 346 человек, высказывают уверенность, что, несмотря на жизненный уход с революционного поля битвы, Ильич все же будет жить в умах и сердцах не только нас, но и наших потомков, и поручают РКП(б) донести красное знамя до окончательного торжества социальной революции во всем мире». «Заключенные Екатеринбургского домзака № 2 сожалеют о смерти любимого вождя и гения революции, Владимира Ильича, и поражены тяжелой утратой, понесенной возрождающейся Россией»[21].

Достоверность данных источников вызывает сомнение в связи с невозможностью определить их авторство, поскольку тексты стандартизированы и тотальны в плане охвата организаций.

Сводки ОГПУ. Анализ сводок ОГПУ как исторического источника является предметом специального исследования[22]. В данной работе мы сосредоточим свое внимание на палитре оценок смерти Ленина как со стороны социального состава респондентов, так и на основе сюжетной классификации, которые нашли отражение в сводках. Нами были рассмотрены информационные сводки 16 округов Уральской области и сводные информационные сводки по Уральской области за 1924 г., которые хранятся в Центре документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО) в фонде Областного комитета КПСС[23].

[19] *Слёзкин Ю.Л.* Дом правительства: сага о русской революции. М., 2019. С. 200.
[20] *Булдаков В.П.* Утопия, агрессия, власть… С. 84.
[21] Уральский рабочий. 1924. 25 янв.
[22] *Килин А.П.* Информационные сводки Окружных отделов ОГПУ Уральской области за 1924 г. как источник по истории раннесоветского общества // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. № 1. С. 60–65.
[23] Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 2. Д. 61–63, 69–79.

В большинстве сводок, относящихся к периоду январь–март 1924 г., содержатся относящиеся к смерти В.И. Ленина сюжеты, упомянуты связанные с этим событием мемориальные мероприятия.

Сводки ОГПУ являлись объектом исследования Б. Эннкера, в частности как источник информации об оценках факта смерти В.И. Ленина представителями различных социальных групп. Основное внимание было сосредоточено на сводках столичных полномочных представительств, по этой причине могут представлять определенный интерес сводки региональных, провинциальных подразделений ОГПУ.

Разумеется, в документах политической полиции смерть лидера должна была быть оценена «антисоветскими элементами» как праздник, как шанс на скорое свержение советской власти, что, в свою очередь, позволило обосновать необходимость существования, а также особую значимость в текущей ситуации органов политического сыска. Можно критически оценивать степень достоверности приведенных фраз и выражений, которыми описывалась сложившаяся ситуация, но даже если допустить, что эти тексты отчасти являлись плодом воображения самих сотрудников информационных отделов ОГПУ, они не утрачивают исторической ценности и не умаляют ценность этого исторического источника, поскольку дают представление о процессе конструирования социальных образов как «чужих», так и «своих» – лояльных сторонников советской власти, а также проясняют содержание самой категории «лояльность». Степень достоверности данных повышается в случае персонификации источника информации, когда те или иные высказывания приписываются конкретному человеку (указаны фамилия, имя и отчество респондента, место его работы или жительства).

Сводки ОГПУ являются, с одной стороны, альтернативным каналом сбора и передачи информации в сопоставлении с данными общественных организаций и государственных органов (как воспринимают их некоторые исследователи), соответственно содержащих информацию более высокой степени достоверности, с другой – это документы, которые являются отчетными и служат цели продемонстрировать эффективность деятельности политической полиции. Вторая задача предопределяет, во-первых, необходимость обосновать широкое поле деятельности для политического сыска, значительное число контрреволюционных элементов, с которыми необходимо бороться, и, во-вторых, показать, что ситуация находится под контролем и ОГПУ «не дремлет». Этим, возможно, и предопределяется значительная доля негативных и провокационных отзывов на смерть Ленина, которые содержатся в сводках ОГПУ.

Б. Эннкер отмечает: «Сводки ГПУ о настроениях среди народа, ежедневно присылаемые агентами ГПУ из различных районов и предприятий Москвы с момента смерти Ленина, с лихвой подтверждают впечатления Валентинова [об общей скорби. – *А. К.*]. И напротив, враждебные настроения, о которых также регулярно обязаны были сообщать, регистрировались довольно редко»[24]. Материалы сводок ОГПУ по Уральской области демонстрируют несколько иную картину. Соотношение «правильных» и «неправильных» реакций на смерть В.И. Ленина можно определить как 3:1.

«Согласно этим досье, – пишет Б. Эннкер, – если смерть Ленина и сопровождалась какими-то политическими комментариями со стороны рабочих, то они ограничивались домыслами относительно предстоящего или совершившегося вследствие смерти Ленина переворота. Людей волновал вопрос о персональных альтернативах среди его наследников, интерес к которым подогревался слухами о вспыхивавших в политическом руководстве конфликтах. Эти материалы представляют типичный пример “раздвоенного рабочего сознания”, того сознания, которое после шести лет опыта жизни при большевистском режиме и вопреки нарисованной в вышеприведенных манифестах картине основывается на убеждении в непреодолимом разделении общества на “верхи” и “низы”. Оно не видит для себя никакой возможности для вмешательства в политическую жизнь, для участия в ней или принятия на себя политической ответственности»[25].

[24] *Эннкер Б.* Формирование культа Ленина… С. 126.
[25] Там же.

Материалы информационных сводок ОГПУ по Уральской области подтверждают вывод о том, что в раннесоветском обществе значительная часть «класса гегемона» не воспринимала себя в качестве актора политических процессов, была лишена политической субъектности. Это обстоятельство позволяет говорить о тотальной маргинализации раннесоветского общества, поскольку «деклассированными» ощущали себя не только пролетарии, но и иные социальные группы, в особенности непривилегированные и дискриминируемые.

Спектр оценок и индикаторы лояльности к советской власти. Особо ценна информация об отношении к факту смерти В.И. Ленина со стороны антагонистов существующего строя. В частности, оценка гражданами, содержащимися в заключении, частными торговцами, нэпманами, а также «бывшими» – теми слоями общества, чья нисходящая социальная мобильность явилась непосредственным следствием революции.

Спектр эмоциональных оценок предельно широк и, помимо крайних полюсов «трагедия/горе – радость/злорадство», которые представлены в сводках ОГПУ наиболее полно, включал в себя значительное число оценок тех, кто оставался равнодушным, поглощенный решением собственных проблем. Закономерно, что эта часть населения – «молчуны» – оставила наименьший след в исторических источниках.

По косвенным данным, в том числе отраженным в сводках ОГПУ, можно утверждать, что «болото», «чистые обыватели» или «обывательщина» составляли абсолютное большинство, но, судя по реакции властей, все же меньше, чем при оценке иных событий. По сведениям Ишимского окружного отдела (ОО) ОГПУ: «Обыватели считают, что со смертью т. Ленина будут изменения, этому событию нисколько не сожалеют, а даже радуются, на этой почве строят разные планы, рогатки, распространяя всевозможные нелепые слухи. Необходимо сказать, что умы “чистых” обывателей смерть т. Ленина мало занимает»[26].

Сотрудник Тобольского ОО ОГПУ под заголовком «Обывательщина» сообщает: «Часть из этого наравне с другими и искренно сожалеет о кончине Владимира Ильича, что выявляется из разговоров о смерти последнего»[27].

В сводках ОГПУ нашли отражение следующие темы:

– смерть В.И. Ленина – описание самого события и различные варианты/интерпретации фактических данных, анализ причин болезни и смерти;
– реакция на смерть Ленина различных категорий граждан как маркер лояльности/нелояльности советской власти;
– влияние этого события на внутрипартийную борьбу;
– последствия для внутренней политики в целом;
– внешнеполитические последствия;
– конкретные предложения по организации мемориальных мероприятий и способов сохранения памяти о В.И. Ленине как в конкретных материальных формах, так и в символическом виде;
– «Ленинский набор» в РКП(б)[28].

Обстоятельства смерти. Судя по сводкам ОГПУ, эта проблема не находилась в центре внимания населения Уральской области. По всей видимости, обстоятельства смерти большинством оценивались как вполне обоснованные, хотя не исключалась версия о криминальном характере событий, чаще всего упоминалось отравление. Отметим нашедший отражение в сводках сюжет о возможностях омоложения, знакомый современному читателю благодаря роману М.А. Булгакова «Собачье сердце». Сотрудник Ишимского ОО ОГПУ под рубрикой «Настроение крестьянских масс» сообщал: «Среди населения носятся слухи, почему, мол, не могли спасти тов. Ленина, если разрешают обмолаживать стариков, то взяли бы и тов. Ленина сделали молодым»[29]. В качестве «религиозной пропаганды» сотрудником Златоустовского ОО ОГПУ рассматривался следующий факт: «Попом села Рудничного Сат-

[26] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 71. Л. 7.
[27] Там же. Д. 77. Л. 12.
[28] В данной статье эта проблема не рассматривается, поскольку отношение жителей Уральской области к «ленинскому набору» является темой отдельной публикации.
[29] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 71. Л. 21 (22).

кинской волости распускались слухи, что Ленин перед смертью “исповедался и причастился” у попа»[30].

Реакция различных социальных групп и категорий граждан. Структура сводок, с одной стороны, была формализована, поскольку являлась результатом мониторинга, с другой – не всегда оставалась неизменной от периода к периоду, а ряд сюжетов мог быть отражен в разных рубриках. Одним из важных элементов структуры являлся анализ политических настроений отдельных социальных групп[31]. На первом месте находились рабочие, затем крестьяне и прочие социальные группы.

В сводке Троицкого ОО ОГПУ говорилось: «К данному моменту в жизни членов компартии, да и вообще животрепещущим вопросом является полученное Радио, возвестившее о смерти вождя пролетариата Владимира Ильича Ульянова-Ленина. Радио, полученное 23.01.1924 г. около шести часов вечера, принесшее известие о смерти, произвело потрясающее впечатление не только на коммунаров, но и на беспартийную массу. Среди обывательской массы первое время наблюдалось недоверие к смерти т. Ленина. Суммируя все имеющиеся сведения о произведенном смертью тов. Ленина впечатлении на массу, видно, что у большинства, даже беспартийных и крестьян, такая утрата вызвала глубокое сожаление, что является наглядным фактом авторитета т. Ленина и в целом Компартии среди сознательной части беспартийных и крестьянства. И среди бывших привилегированных нередко можно слышать сожаление о тов. В.И. Ленине, конечно, не как о коммунисте и вожде пролетариата, а как о гениальном и необычайного ума человеке, сумевшем подорвать империалистический, веками установленный строй и на развалинах старого строя создать новый, совершенно небывалый в истории строй. <…> Небезынтересно отметить отношение к известию о смерти В.И. Ленина со стороны заключенных, содержащихся в тюрьме. Среди таковых циркулируют разговоры о широкой амнистии как следствие смерти вождя пролетариата»[32].

Рабочие. Необходимо отметить, что на негативной реакции на смерть Ленина со стороны рабочих в сводках сделан особый акцент. Этот вывод подтверждается тем, что при описании данных фактов указывается конкретный человек, а информация сопровождается данными о том, что «меры приняты». В сводке Верхотурского ОО ОГПУ приводились следующие факты: «В Исовском платиновом округе наблюдались следующие явления. Рабочий Бороздин, принимавший деятельное участие при свержении Советской власти в 1918 г. в Невьянском заводе, узнав о смерти Ленина, сказал беседовавшим с ним пятью человекам рабочим: “Ленин подох, а значит, и все они подохнут”»[33]. Далее сообщалось: «Иканин Николай из рабочих, по профессии машинист, узнав о смерти Ленина, ударил ножом по его портрету с проклятием. <…> Такой же случай был в Кушвинском заводе, где рабочий Новокрещенов Павел Иванович в беседе сказал: “Что одна сволочь сгибла”. Меры к расследованию и привлечению виновных к ответственности нами приняты»[34].

Крестьяне. По данным начальника Кунгурского окружного отдела ОГПУ Костича и уполномоченного Лодейщикова, к смерти Ленина большинство крестьян отнеслось сочувственно. В их сводке говорилось: «Крестьянская масса в большинстве своем отнеслась пассивно, за исключением редких единоличных мнений большинства несознательных лиц и кулаков, по мнению которых “одним грабителем меньше и теперь очередь за Троцким”»[35].

В сводке по Тобольскому округу говорилось: «Все сознательное крестьянство Тобокруга отнеслось к смерти тов. Ленина с известным прискорбием, сознательно учитывая величайшую потерю вождя трудящихся. Преимущественно к этому относятся бедняки и середняки. Характерно то, что даже некоторые кулаки сожалеют о преждевременной кончине Ленина, говоря, что жизнь при нем заметно началась улучшаться, что он был умный,

[30] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 69. Л. 10.
[31] *Килин А.П.* Информационные сводки Окружных отделов ОГПУ… С. 63–64.
[32] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 78. Л. 13–13 об.
[33] Там же. Д. 74. Л. 10.
[34] Там же. Л. 11.
[35] Там же. Д. 73. Л. 9.

великий человек, привел страну к мирной жизни и т.п. Устроенные по селам Округа траурные заседания и демонстрации о смерти тов. Ленина привлекли внимание крестьянства, которое отнеслось к совершившемуся факту с чистосердечным неподдельным сочувствием в горе по смерти дорогого вождя трудящихся всего мира»[36].

Частные предприниматели. Несомненно, частные предприниматели не рассматривались органами ОГПУ как горячие сторонники советской власти[37]. Из Верхотурского округа сообщали: «Боровков Василий, житель Нижне-Туринского завода, сын крупного торговца, после извещения о смерти Ленина говорил присутствующим: “Что Ленин ничего не дал народу кроме расстрелов, конфискации имущества, разорения и т.д.”»[38].

«Многие торговцы сожалеют о кончине Владимира Ильича. В этом отношении ведутся разные рассуждения. В траурные дни почти все торговцы вывесили траурные флаги единодушно, участвовали в траурной демонстрации и пр. Общее настроение рынка в траурные дни соответствовало совершившемуся [событию. – *А. К.*]. Большинство отнеслось к факту с должным вниманием»[39].

«Гражданин г. Тобольска Деминов Петр Исаакович, сапожник, беседует с посетителями на политические темы и говорит: “Ленин был не вождь, а мировая вошь, которая расплодила таких же вшей, которые пьют кровь народа, доверившегося ему”. <…> Деминов в 1905–07 гг. играл руководящую роль в одной из подпольных организаций “Народной воли” в Ленинграде под кличкой “Сапожник Иван”. Весь материал, помещенный в настоящей сводке, добыт агентурным путем»[40].

Советские служащие (городские). Словосочетание «антисоветская агитация советских служащих» звучит как оксюморон, но в информационных сводках неоднократно лояльность совслужащих ставилась под сомнение, поскольку в условиях дефицита кадров значительная их часть вербовалась из «бывших».

Тобольский ОО ОГПУ сообщал: «22 января с.г. в помещении Нардома после доклада секретаря Окружкома РКП(б) т. Усова о значении празднования 9 января им же было кратко сообщено о скоропостижной смерти дорогого Вождя мирового пролетариата, Председателя Совнаркома Владимира Ильича Ульянова (Ленина). Это никем не ожидаемое известие через несколько часов разнеслось по всему городу и даже по деревням, расположенным вокруг города. И зашевелили умы всех, и даже того слоя населения, пассивно-пессимистически относящихся к политике вообще, задать себе вопрос – что же теперь будет, удержится ли Соввласть, а с нею и РКП(б), а если и удержится, кто может заменить столь гениального вождя Всемирной пролетарской революции и человека, пользующегося таким доверием всех слоев населения, как Владимир Ильич Ленин. Вот те вопросы, которые задавал каждый узнавший, включительно до отдельных членов партии, о смерти В.И. Ленина, но это было первое впечатление. Вслед за этим весь антисоветский элемент начал строить воздушные замки, т.е. делать всякого рода предположения в разных формах, но всецело направленных в сторону скорого свержения Советской власти, кои они не стеснялись высказывать открыто, т.е. в форме агитации, как, например: 23.01 с.г. гр-не 1) Казачек Василий Филиппович, 2) Казачек Николай Филиппович, 3) Брюно Любовь Николаевна, все служащие Совбольницы, вели среди служащих и больных агитацию о том, что Ленин умер уже давно, но коммунисты это скрывали, что Троцкого сослали за его намерение захватить верховную власть в свои руки, что в Центре партия совсем разложилась и коммунисты бессильны, причем гражданка Брюно добавила, что Ленин вовсе не умер, а его убили или отравили. Другой случай имел место 24.01 с.г. Некто гражданин Нагибин Василий Степанович вел агитации о том, что со смертью Ленина можно ожидать и смерть самой Соввласти, что большинство рабочих и другие слои населения рады смерти Ленина, но боятся открыто говорить и пр.

[36] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 77. Л. 11 об.
[37] *Килин А.П.* Частная торговля и кредит на Урале в годы нэпа: экономические, политические и социальные аспекты. Екатеринбург, 2018. С. 379–407.
[38] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 74. Л. 11.
[39] Там же. Д. 77. Л. 12 об.
[40] Там же. Л. 194.

В заключение всего гр-н Нагибин, сказал о смерти Ленина “собаке собачья смерть". Но вся эта агитация носила чисто стихийный характер и оставалась гласом вопиющего в пустыне. Материал в разработке Следственного отдела Окротдела ГПУ»[41].

По данным Пермского ОО ОГПУ: «Такую же [антисоветскую. – *А. К.*] агитацию ведет среди служащих и крестьян кассир пристани Табони гр-н Крутиков В.А. и всячески критикует РКП(б), якобы коммунисты это то же дворянство – если не умеют управлять властью, то лучше бы не брались. Николая II мы считали Богом, а теперь Ленин разве не Бог? Данные агитации сильно отражаются на крестьянстве. Последние малограмотные и не могут отвергнуть таковую, т.к. гр-н Крутиков среднее образование имеет, довольно политически развит и забивает их»[42].

Сотрудник Тобольского ОО ОГПУ под заголовком «Совслужащие о смерти т. Ленина» сообщал: «Все сознательные честные совслужащие, а таковых большинство, отнеслись к смерти тов. Ленина с большим сожалением, что усматривается из многих зарегистрированных фактов. Есть пожертвования на сооружение памятнику тов. Ленину. Антисоветские элементы из рядов совработников о смерти тов. Ленина толкуют по-своему. Смерть великого учителя для таковых явление благоприятное. Зарегистрированы в этом отношении разные единичные факты, не представляющие, в общем, ничего особенного. <…> Являясь преимущественно пролетариями, служащие совучреждений сел и деревень (сельсоветов, исполкомов, финорганов и пр.), все, исключая лиц, антисоветски настроенных, чистосердечно сожалеют о преждевременной кончине вождя мирового пролетариата тов. Ленина. Об этом свидетельствуют многие постановления совслужащих сел, связанных со смертью Владимира Ильича, в которых заявляется, что они пойдут по пути Ленина и призывают к этому других. Весть о смерти Владимира Ильича покоробила сердца многих»[43].

Троицкий ОО ОГПУ сообщал: «Смерть т. Ленина, всколыхнувшая ряды совслужащих (сознательная часть), разбудившая их от обыденной спячки, в данное время потеряла остроту первых впечатлений, каких-либо кривотолков по этому вопросу среди совслужащих не замечается»[44].

Красноармейцы. В сводке Пермского ОО ОГПУ говорилось: «Настроение красноармейцев в связи со смертью т. Ленина – упадочное. Жалеют о смерти, говоря, что помер не вовремя, в самый разгар, когда надо начатое дело кончить до конца. Красноармейцы говорят, что теперь надо стоять на посту бодро и смотреть зорко, чтобы этим моментом буржуазия не воспользовалась. Хотя Ленин и помер, но революционная деятельность и наука не померла»[45].

Контрреволюционеры. Помимо социальной стратификации, чекистами применялась идеологическая, которая делила граждан на «своих» и «чужих». В этом контексте вполне закономерной видится такая категория, как «контрреволюционеры» – основные объекты внимания, и спаринг-партнеры представителей правоохранительных органов, объединявшие в своих рядах весьма разношерстную публику. В сводке Тобольского ОО ОГПУ сообщалось: «Контрреволюционные элементы из кулачья, бывших активных бандитов, черносотенного духовенства, учительства[46] и др. отнеслись к смерти тов. Ленина с радостью. На почве этого замечаются такого рода рассуждения: “один сдох, теперь дело за другим” (подразумевается тов. Троцкий), “теперь русский правитель сдох и будет царство жидов” (подразумевается тов. Троцкий), что среди партии коммунистов развал и пр. В отношении этом имеется ряд фактов. В общем, контрреволюция смертью тов. Ленина довольна и не прочь на этой почве вставить черносотенное словечко по адресу Соввласти и РКП(б). Особенно выдающегося в этом отношении коллективного не замечено, лишь единичные случаи»[47].

[41] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 77. Л. 6–7.
[42] Там же. Д. 75. Л. 123–124.
[43] Там же. Д. 77. Л. 12 об.
[44] Там же. Д. 78. Л. 16.
[45] Там же. Д. 75. Л. 15.
[46] Значительная часть учителей, особенно в сельской местности, были выходцами из духовенства, соответственно, их взгляды признавались консервативными и реакционными.
[47] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 77. Л. 11 об. – 12 об.

Зачастую контрреволюционные, «неправильные» мысли связывались авторами сводок не столько с политической позицией респондентов, сколько с девиантным поведением. Самогоноварение, алкоголизм объявлялись первопричиной, а контрреволюция – следствием, в первую очередь вызванным борьбой с бутлегерством. Такого рода причины, вульгаризируя ситуацию, вполне могли согласовываться с образом мыслей сотрудников правоохранительных органов.

В сводке Нижне-Тагильского ОО ОГПУ сообщалось: «В районе Сосновского сельсовета среди крестьянского населения, главным образом кулачества, распространяется слух о скором свержении советской власти. Из имеющихся материалов, этой пакостью занимается учитель деревни Поспелковой некто Порошин Василий, каковой говорит: “Партия потеряла Ленина, потеряет и власть”. В этом районе развилось сильное пьянство, самогоноварение, хулиганство с драками и всякими последствиями. Дело дошло до того, что пьяные хулиганы избили уполномоченного сельского совета в деревне *Ивановичах* <…>. При аресте местным милиционером хулиганов кумышковаров и отобрании кумышки население гнало последнего, не давая привлекать к ответственности»[48].

Сотрудник Пермского ОО ОГПУ описывал ситуацию, при которой рэкетир Бородулин, обложивший данью частных предпринимателей, по наличию лидерских качеств сравнивал себя с Лениным. По всей видимости, к таким выводам он пришел, оценивая радикализм и решительность Ленина в борьбе с контрреволюцией. Отметим, что «душевное родство», которое ощущал Бородулин с вождем пролетариата, весьма симптоматично. «Оперирующий в пределах Оханского района бандит Бородулин прислал письмо гр-ну Шилову (мельнику) с наложением на него контрибуций 30 червонцев с предложением срочной уплаты. При разговорах с крестьянами Бородулин, еще до смерти В.И. Ленина, сказал, что он поедет в Москву к тов. Ленину, который его не отдаст под суд, считая, что “как тов. Ленин – лидер, так я – лидер, поэтому мы с ним в равных условиях, если явлюсь я к местным властям, то меня расстреляют”. Меры поимки Бородулина приняты»[49].

Политическая борьба после смерти Ленина. Единство и разобщенность как альтернативные варианты развития событий после смерти политического лидера рассматривались параллельно. Если официальные источники акцентировали внимание на необходимости единства, то неофициальные прогнозировали раскол. Отметим, что официальная позиция транслировалась в широкие массы и порой находила отклик. Троицкий ОО ОГПУ сообщал: «Таковой перелом вызван неожиданной смертью своего вождя т. Ленина, о каких-либо разногласиях, недоговоренности и прочем не может и быть речи. Смерть т. Ленина, являясь тяжелой утратой, тем не менее не внесла в ряды коммунистов разногласий (как это ждет антисоветский элемент и вся буржуазия), а наоборот, эта утрата еще более сплотила ряды, встряхнув их как бы от застоя. Еще раз напомнила членам Компартии об их борьбе с угнетателями рабочего класса»[50].

«Партийная дискуссия по всему [Нижне-Тагильскому. – *А. К.*] округу почти закончилась <…> Нижне-Тагильская организация в большинстве своем присоединилась к резолюции ЦК РКП, высказывающие товарищи против некоторых пунктов резолюции, например о бюрократизме и централизме, успеха не имели. Смерть тов. Ленина сплотила воедино всех членов РКП и некоторые товарищи высказывались за линию тов. Троцкого – в настоящее время присоединились к линии Ленинизма. В общем, население Верхотурского округа, особенно рабочие, отнеслось к смерти тов. Ленина с большим сожалением, некоторые из рабочих говорят, что, мол, умер тов. Ленин, теперь нам жиды покажут, где раки зимуют»[51].

Эсхатологические мотивы, а также поиск реальных или мнимых альтернатив политического развития страны находят отражение в сводках. При перечислении вероятных преемников Ленина, помимо большевистских лидеров, упоминаются «бывшие» – представители

[48] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 74. Л. 78.
[49] Там же. Д. 75. Л. 24.
[50] Там же. Д. 78. Л. 16–16 об.
[51] Там же. Д. 74. Л. 7 об.

дома Романовых и Временного правительства. Это свидетельствует о том, что идеи возвращения к прежнему порядку имели широкое хождение, а коммунистическую идею некоторые граждане считали утопией.

В информационной сводке Ишимского ОО ОГПУ сообщалось: «В некоторых волостях округа циркулируют слухи, распространенные кулачеством и их приспешниками, о том, что все рабочие центральных фабрик и заводов забастовали и требуют к власти на место тов. Ленина Керенского или бывшего князя Николая Николаевича. Подобные слухи на крестьянскую массу никакого влияния не имеют и изживаются как слухи безболезненно»[52].

Сводка Пермского ОО ОГПУ содержала следующие сведения: «В Оханском районе духовенство в связи со смертью тов. Ленина усиленно распускает всевозможные слухи среди крестьянства, говоря, что “Ленин умер, Троцкий ранен и сбежал за границу, Калинин отравлен, и уже теперь власть в центре переходит в руки наследника Константина”, чем будируется масса, т.к. последние (верующие) говорят, что в библии сказано, “что в предпоследнее время будет царь по имени Константин и при нем явится антихрист на землю и будет кончина века”»[53]. В сводке Пермского ОО ОГПУ сообщалось: «Командир парохода “Печора” Логинов неоднократно замечен в агитации среди команды в том, что якобы ленинцы выбрали неправильный путь идей коммунизма и что это есть утопия и т.п., и вахтенных, штурвальных и лоцманов заставляет молиться богу»[54].

Отметим тот факт, что традиционные представления о структуре власти в России (царь во главе) лучше всего сохранились в суровом северном климате. Чем ближе район к полярному кругу и дальше от Екатеринбурга–Свердловска, тем более архаичными являлись представления его жителей. Сводки Тобольского ОО ОГПУ дают тому подтверждение: «Самаровский район. Отношение к Соввласти инородческого [не славянского. – *А. К.*] населения лояльное, о существовании РКП многие не имеют понятия, к смерти В.И. Ленина отнеслись сочувственно, задаваясь вопросом: “А кто теперь будет новый царь?”»[55].

Вторым по частоте встречаемости политическим деятелем, который упоминается в сводках в связи со смертью Ленина, – Л.Д. Троцкий. Этот факт может рассматриваться как признак широкой известности его среди граждан страны. Ленин и Троцкий представлены либо как соратники, тесно связанные друг с другом, и, соответственно, по этой причине смерть Ленина вынудила Троцкого спасаться бегством, либо как антагонисты, соответственно, смерть Ленина и «воцарение» Троцкого, по мнению респондентов, приведет к смене курса, в том числе в отношении русского населения.

Сотрудник Троицкого ОО ОГПУ сообщал: «В связи со смертью т. В.И. Ленина возникает вопрос даже среди крестьянства “А кто же заменит его?”, т.е. займет пост председателя СНК. На этот счет имеется несколько версий, но большинство из них отрицательно относятся к имени тов. Троцкого»[56]. Сводка Златоустовского ОО ОГПУ содержала в себе следующие сведения: «В связи со смертью Ленина контрреволюционным элементом распускаются среди населения разные темные слухи, как, например, в селе Пристань Айлинской волости распустили слухи, что “коммунистов уже обезоруживают, недолго они нацарствуют. Ленин скончался, Троцкий заболел, а с остальными нужно расправиться”»[57].Сотрудник Ишимского ОО ОГПУ сообщал: «Учитель Бердюжской волости школы – Белозеров ведет агитацию о том, что тов. Троцкий сбежал за границу»[58]. «В связи с выступлением тов. Троцкого по Сарапульскому округу отмечается распространение нелепых слухов, что Троцкий арестован и пр. Среди крестьян есть суждение, что Троцкий хочет взять верх над коммунистами и встать вместо Ленина и т.д.»[59].

[52] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 71. Л. 30 (31).
[53] Там же. Д. 75. Л. 18.
[54] Там же. Л. 85.
[55] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 77. Л. 176.
[56] Там же. Д. 78. Л. 13–13 об.
[57] Там же. Д. 69. Л. 10.
[58] Там же. Д. 71. Л. 21 (22).
[59] Там же. Д. 76. Л. 8.

Отметим, что антисемитизм, учитывая традицию российского общественного мнения, вполне закономерно присутствовал в оценках личности Троцкого. В сводке Ирбитского ОО ОГПУ под рубрикой «Политсостояние деревни» приводятся следующие данные: «Перед сознательными крестьянскими массами вначале остро стоял вопрос, кто же сможет заменить Ленина и есть ли такой человек. Жаль Ильича было крестьянской массе, потому что он русский. Наш брат. Он понимал русскую душу и вел к хорошей жизни. Теперь, когда встал вопрос – кто будет вместо Ильича. Если Троцкий, то он не поймет нас, при нем евреям будет жить лучше, а нам хуже, они опутывают нас капиталом и властью, а тут еще будет хуже. И всякие разъяснения сознательных [крестьян. – *А. К.*] о том, что тут национальность не причем, что Троцкий показывает своей прошлой жизнью свою преданность рабочему классу и будет одинаково справедлив, но их не убедить»[60].

Помимо изложения фактов, в некоторых сводках содержится их интерпретация. Сложно определить, что является причиной такой формы представления материала. Это мог быть дефицит фактических данных либо стремление снять с себя ответственность за неблагонадежность граждан со ссылкой на объективные причины. Не исключен вариант, что присутствовала реальная попытка проанализировать ситуацию и предложить конкретные меры по ее исправлению, что выходило за рамки формата информационной сводки.

Примером такого подхода является сводка Троицкого ОО ОГПУ: «Случаев волнений антисоветских выступлений и т.д. среди крестьян не отмечено. Разного рода агитация наблюдается в Нижне-Санарском и др. поселках. Темой агитации является смерть тов. Ленина. И данное явление вызвало различные толкования не только со стороны кулаков, но и этому недостатку, благодаря несознательности, отдались некоторые бедняки. Вся соль агитации по этому вопросу со стороны кулачества сводится к тому, чтоб внушить бедноте то, что Соввласть со смертью Ленина обязательно падет и пр., говорят, что “вот уже Троцкий и Луначарский сбежали в Палестину, и вслед за ними разбегутся и все коммунисты” и т.д. Конечно, причиной распространения таких нелепостей, с одной стороны, отрицательное отношение к Соввласти и РКП(б) лиц, распространяющих эти слухи, темнота крестьянства, почти полное отсутствие политпросветработы не только в массах, но и среди членов РКП(б) на местах. Об этом можно судить по имеющимся данным, которые говорят, что на 90 % члены компартии деревни политически совершенно неграмотны. А с другой [стороны], если бы крестьянство имело возможность [знать] закулисную жизнь верхов и детально могло бы ознакомиться с проходившей дискуссией о внутрипартийной демократии, то в этом случае оно, пожалуй, предприняло бы более что-либо реальное, нежели передавать нелепости друг другу»[61]. Из текста сообщения не вполне ясно, что имеется в виду под конкретными действиями крестьянства и видит ли в этих действиях оперуполномоченный угрозу или позитивное действие.

Внутренняя политика. Смерть Ленина, по мнению большинства респондентов, должна была привести к ухудшению ситуации в стране. Во многом такой подход основывался на представлении об авторитарной модели управления как наиболее эффективной в отечественных условиях. Пермский ОО ОГПУ сообщал: «Настроение водников в общем остается прежним за исключением Усольского затона, в котором рабочие к РКП(б) в связи с колоссальной безработицей относятся неважно и имеются суждения, что после смерти тов. Ленина разруха примет еще более резкие формы и больше нет твердой руки защиты интересов рабочих. <…> Чтобы поддержать безработных, было предложено всем месткомам в день 8 февраля (праздник водников) отработать по два часа в пользу безработных, что проводится в жизнь»[62]. Аналогичные настроения отражены в другом высказывании: «Павловский завод. <…> Рабочие в этом видят бесхозяйственность. <…> Хотя Советская власть провела денежную реформу, а все же денежный кризис наблюдается, работы нет, производство замирает и пароходство останавливается, “нет у нас больше твердого руководителя В.И. Ленина”»[63].

[60] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 70. Л. 3.
[61] Там же. Д. 78. Л. 26.
[62] Там же. Д. 75. Л. 19.
[63] Там же. Л. 84–85.

Внешняя политика. Наряду с проблемами внутренней политики, значительное место в сводках занимает оценка перспектив политики внешней. Начальник Златоустовского ОО ОГПУ А. Клочков и уполномоченный по информации П. Балахонцев сообщали: «В г. Златоусте по поводу смерти т. Ленина ликует бывший белый офицер Федосеев, который считает, что признание СССР Европейскими государствами не состоится, раскол обессилит партию, выезд т. Троцкого на Кавказ в гнездо меньшевиков очень много говорит и что партия, желая обезопасить себя от Троцкого (могущего поднять восстание), постановила убрать его»[64].

В сводке Кунгурского ОО ОГПУ говорилось: «В Богородском районе кулацкие элементы распространяют слух “в центре советского правительства после смерти тов. Ленина идут беспорядки и скоро будет война с Англией”»[65]. В сводке Тобольского ОО ОГПУ приводилась оценка англо-советского договора жителя г. Тобольска, сапожника Петра Исааковича Деминова: «“Договор хорошего нам ничего не дает, т.к. капиталистические страны не могут согласиться с тем, чтобы дать коммунистам крупный займ. Это могло привести к укреплению их врагов и гибели их самих. Необходимый для России займ, чтобы восстановить хозяйство, необходим в размер 4–5 миллиардов рублей. А займ, который дают англичане, 300–400 миллионов руб., является лишь подачкой для СССР. В это время они замажут глаза коммунистам, которые, надеясь на их дружбу, попадут как нельзя лучше, т.к. капиталистические государства будут в это время готовиться к войне”. Деминов верит в то, что война обязательно будет, в которой может быть империализм и не восторжествует, но Советы без коммунистов будут»[66].

Мемориальные мероприятия. Помимо оценочных суждений, большое значение имеют конкретные действия жителей Уральской области, направленные на сохранение памяти о Ленине, коммеморативные практики – как планируемые, так и реализованные. В то же время население надеялось на получение некоторых преференций и льгот в связи со смертью Ленина. Одной из таких льгот был облегченный прием в партию, так называемый «ленинский набор», распространявшийся в первую очередь на рабочих государственных предприятий. Абсолютным лидером среди респондентов, прежде всего крестьян, была идея о проведении широкой амнистии, в том числе налоговой, в частности по сельскохозяйственному налогу. Тем более что практика амнистии в связи с восшествием на престол российских императоров была свежа в памяти представителей старшего поколения.

Пермский ОО ОГПУ сообщает: «В Ильинском районе на общем собрании крестьян в с. Ильинск[ое] в связи со смертью тов. Ленина крестьянами вынесено постановление, что память тов. Ленина должны дать крестьянству в виде амнистии по сельхозналогу, т.е. на будущую кампанию уменьшить налог, и выпустить из-под ареста заключенных за браговарение и пивоварение»[67]. Чуть позже сообщалось: «Среди крестьянства упорно циркулируют слухи, что якобы после смерти тов. Ленина должна быть объявлена амнистия осужденным за неуплату сельхозналога и 30 % скидки такового с каждого гражданина, но ничего не сделали»[68].

В сводке Тобольского ОО ОГПУ указаны памятные мероприятия, которые обсуждались исходя из приоритетов участников: «На собрании Карачинского сельсовета были поставлены вопросы 1) о сельхозналоге 2) о пожертвовании т. Ленину и Воздухофлоту, большинство с этим вопросом согласились, но гр. Проскуряков – кулак, выступил против, высказываясь, что лучше бы сбросили с сельхозналога, тогда бы крестьяне лучше помнили тов. Ленина»[69].

Некоторые граждане выступали против сбора средств, воспринимали пожертвования как дополнительный налог. В сводке Златоустовского ОО ОГПУ отмечалось: «Мелких выпадов со стороны отдельных личностей по поводу проводимой кампании по Златоустовскому заводу (в частности) подписок на памятник тов. Ленину, где в одном случае рабочий

[64] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 69. Л. 10.
[65] Там же. Д. 73. Л. 14 об.
[66] Там же. Д. 77. Л. 194.
[67] Там же. Д. 75. Л. 18.
[68] Там же. Л. 50.
[69] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 77. Л. 148.

беспартийный Пятыгин сорвал вопрос о коллективном отчислении двухдневного заработка, проведя постановление о добровольной подписке. В другом случае рабочий беспартийный Тюнин высказывает вслух соображение, что лучше бы нам дали, а не с нас, тогда бы мы лучше и стали поминать. И в результате среди рабочих Ново-прокатного цеха заметно нежелание отчислять на памятник т. Ленину. Здесь, видимо, играет роль материальная сторона, нежели политическая, и в последнем случае недоброжелательных отношений к РКП(б) и Соввласти отметить нельзя»[70].

Возникали и альтернативные предложения по расходованию уже собранных средств, основанные на прагматических, а не идеологических соображениях. Оперативные работники Нижне-Тагильского ОО ОГПУ сообщали о ситуации на Ново-Лялинском заводе: «Отношение рабочих к местным партийным организациям неудовлетворительное в силу того, что рабочими, путем отчисления, была пожертвована сумма на постройку памятника тов. Ленину. Впоследствии рабочие просили пожертвованные деньги израсходовать на постройку школы в Ляле (говоря, что это завет тов. Ленина). Партийная организация от постройки школы отказалась и этим подорвала доверие со стороны рабочих»[71].

Напротив, в негосударственном секторе вопрос с расходованием собранных средств на благотворительность решался положительно и вполне демократично. Пермский окружной отдел ОГПУ в разделе «Антисоветские группировки и духовенство» поместил сообщение следующего содержания: «На состоявшемся собрании объединенных общин (христианско-православных трудовых) в г. Перми вынесено постановление: “Почтить память вождя революции т. Ленина отчислениями от общин на дома беспризорных ребенка, приходские советы общины на месте добровольно сделают отчисления и будут обносить за богослужением блюдо в течение великого поста для сбора пожертвований на этот предмет. Устройство дома ребенка имени Великого Вождя В.И. Ленина – лучший памятник, увековеченный небывалой светлой личности Друга трудящихся”. В их письме по приходским советам написано: “Для исполнения. Предлагается Вам за богослужениями в течение великого поста произвести сбор на дома беспризорного ребенка, согласно постановлению общего собрания”»[72].

Сбор средств мог быть существенной нагрузкой для бюджета семей трудящихся, но отказ зачастую воспринимался как проявление нелояльности к существующему режиму. Умерших вождей революции было много, но финансовые возможности граждан весьма ограничены. В этой ситуации была необходима весомая аргументация для оптимизации дополнительного финансового бремени. В качестве нетипичного примера приведем фрагмент информационной сводки ОГПУ по Троицкому округу, в которой цитируется выписка из протокола заседания Бюро Троицкого окружкома РКП(б) от 27 августа 1924 г.: «Слушали: О сборе пожертвований на сооружение памятника в г. Екатеринбурге тов. Свердлову, отношение Областной комиссии по постройке памятника от 16.08.1924 за № 142. Постановили: Учитывая экономическую [мало]мощность населения Округа, не оправившегося от пережитого голода, и при наличии уже проводимой кампании по сбору пожертвований на сооружение памятника тов. Ленину в г. Троицке, проведение одновременно другой кампании, в данном случае по сбору пожертвований на сооружение памятника тов. Свердлову, реальных результатов не принесет, в силу чего означенный сбор отложить до ноября с.г.»[73]. Отметим, что приоритеты при сборе средств были определены строго в соответствии с иерархией вождей и локацией памятников.

Не требовавшие значительных капиталовложений мероприятия поддерживались более единодушно, в частности по всей стране, в том числе по Уралу, прокатилась волна переименований. В сводке Кунгурского ОО ОГПУ говорилось: «Сарсинский стекольный завод. По настойчивости рабочих завод переименован в честь В.И. Ленина (не официально)»[74]. Массовость этого явления и стремление властей регламентировать процесс переименований

[70] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 69. Л. 14.
[71] Там же. Д. 74. Л. 82.
[72] Там же. Д. 75. Л. 51.
[73] Там же. Д. 78. Л. 116.
[74] Там же. Д. 73. Л. 10–10 об.

детально проанализированы в статье А.И. Савина под заголовком: «Ленинские переименования 1924 г.: “Присвоение частям, учреждениям и заведениям имени Ленин как систему – отвергнуть”»[75].

Пользовались поддержкой такие мероприятия, как митинги и вечера памяти. «В общем и целом, анализируя все имеющиеся сведения, – сообщалось в сводке по Тобольскому округу, – необходимо отметить, что все слои общества Тобокруга, за исключением отдельных лиц и учеников школы Второй ступени, кои известие о смерти т. Ленина приняли в большинстве случаев как новость на злобу дня и часть с затаенной радостью, к смерти В.И. Ленина отнеслись с большим неподдельным прискорбием. Все профорганизации г. Тобольска и Красный гарнизон на предложенный им вопрос – желают ли они устроить в день похорон В.И. Ленина похоронную процессию – все как один ответили, что не желают, а требуют. Несмотря на стоявший сильный холод в день похоронной процессии, в 2 часа дня все организации двинулись на братские могилы, где после митинга состоялся салют. Вечером в помещении Нардома был устроен вечер воспоминаний. Характерно отметить случай, как, например, 24.01.1924 г. учительница школы Первой ступени имени Пушкина Евграфова во время классных занятий кратко ознакомила учеников с трудами В.И. Ленина и как с человеком, после окончания уроков Евграфова предложила спеть “Вы жертвою пали…”, а сама громко заплакала. Аналогичных явлений зарегистрировано несколько»[76].

В сводке Троицкого ОО ОГПУ описывалось празднование седьмой годовщины Октябрьской революции: «7 ноября с 9 часов утра все организации начали собираться ко Дворцу труда, откуда в 11 часов со знаменами и плакатами, под музыку, направились к саду имени Владимира Ильича Ленина, где было открытие памятника тов. Ленину. Открытие памятника сопровождалось митингом и пятикратным салютом из пушки»[77].

Создавая собственные советские традиции и обряды в противовес прежним, основанным на религиозном мировоззрении, проводились «советские крестины». Советский «новояз» активно вторгался в сферу «имянаречения», давая богатый материал для специалистов по ономастике. Сотрудник информационного отдела сообщал: «В Тобольске впервые 07.02 с.г. состоялись советские крестины. Крестили новорожденных женского пола беспартийные – члены Союза Деревообделочников Доровиков и Союза Транспорта рабочий-грузчик Обрядов. Дети получили имя, Доровикова – в память о великом вожде пролетариата тов. Ленине – Ленина, и Обрядова – в честь пролетарского праздника трудящихся 1 мая – Маина. Крестины состоялись в помещении Центрального клуба, каковой был переполнен публикой. Для обывательщины тобольской явление это кажется в высшей степени странным»[78].

Порой идеологически детерминированные элементы включались в иные массовые мероприятия, которые не имели под собой политической подоплеки. «9 октября 1924 г. в г. Красноуфимске ко дню урожая при сельскохозяйственном Техникуме открылась сельскохозяйственная выставка с отделами: 1. Почвоведения; 2. Животноводство; 3. Землеустройство; 4. Пчеловодство; 5. Агропропаганда; 6. Уголок Ленина; 7. Орудия сельского хозяйства; 8. Образцовый скотный двор; 9. Сорные травы, вредители злаков и борьба с таковыми. Во все дни работы выставки к каждому Отделу были прикреплены специальные лектора, которые и объясняли приходящей публике значение и важность того или иного отдела. В общем и целом выставка прошла удачно, и крестьянство ею осталось довольно»[79]. Возможно, что для современников соседство «уголка Ленина» с «образцовым скотным двором» и «сорными травами» не вызывало диссонанса и «все остались довольны», но сегодня это соседство выглядит по меньшей мере странно.

---

[75] *Савин А.И.* «Село Душегубово переименовать в село Солнцево»… С. 194–202.
[76] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 77. Л. 7.
[77] Там же. Д. 78. Л. 149.
[78] Там же. Д. 77. Л. 9 об.
[79] Там же. Д. 73. Л. 114.

Итоги. Подводя итог рассмотренному материалу, можно сделать выводы о том, что оценочные суждения, представленные в сводках ОГПУ, соответствовали архетипическим образам, стереотипам восприятия, которые доминировали в массовом сознании и могли быть сопоставимы с реакцией на смерть монарха. В качестве отличия следует назвать большую политизацию, радикализацию и полярность взглядов, их деление по принципу «свои»/«чужие», революционеры/контрреволюционеры. В приведенных высказываниях граждан очевидно стремление к персонификации власти, воплощением которой является пролетарский вождь/православный царь. Это свидетельствует о высокой степени зависимости населения, о сохранении, а возможно и усилении патерналистской модели взаимоотношения власти и общества. Несмотря на близость во времени революционных преобразований, значительная часть «господствующего» пролетарского класса была лишена субъектности и не ощущала себя той силой, которая самостоятельно может изменить ситуацию и улучшить свое экономическое положение. Очевиден страх перемен и изменений, которые, по мнению респондентов, могут ухудшить их положение. Пережив бури мировой и гражданской войн, оказавшись в атмосфере нэпа, граждане не готовы были идти на риск и вновь добиваться социальных преобразований. Очевиден страх перед тем, что будет хуже. По выражению В.П. Булдакова, общество находилось в депрессивном состоянии[80].

В оценке смерти Ленина можно наблюдать единение достаточно широких слоев общества, реализацию идеологической «смычки» города и деревни, поскольку существенных отличий в оценках рабочих и крестьян не прослеживается. Исключением являлся «ленинский набор», который в первую очередь был рассчитан на представителей городского пролетариата. Маргинализация раннесоветского общества создавала благоприятную почву для антисемитизма, поскольку очевидно стремление стигматизировать и дискриминировать этническое меньшинство, что, в свою очередь, было вызвано собственной ущемленностью, а также стремлением «приподнять» свой достаточно низкий социальный статус. Очевидно, что идеологическая установка на пролетарский интернационализм не получила живого отклика в широких народных массах. В связи со смертью Ленина вновь возникает образ войны (реальной или потенциальной), соответствующий стереотипам массового сознания, который в дальнейшем будет с успехом эксплуатировать сталинская пропаганда.

Несомненно, что представленные в сводках ОГПУ оценки смерти Ленина преследовали в том числе прагматические цели, служили обоснованием значимости и необходимости работы органа политического сыска.

Перспективы исследования. Анализ оценок смерти Ленина только на первый взгляд может показаться локальной и относительно узкой проблемой. Полагаем, что данная тема может быть помещена в более обширный контекст – изучение механизма коммуникаций в раннесоветском обществе, а в качестве конкретных направлений исследования можно рассматривать следующие:

– оценка механизмов и скорости распространения информации, определение временно́го интервала, который объективно существовал и был предопределен пространственными масштабами страны, отражал качество транспортной и информационной инфраструктуры страны и отдельных регионов;

– рассмотрение степени искажений сведений как по объективным основаниям (большие расстояния, значительное количество посредников, передача информации в письменной или в устной форме), так и субъективным (политические предпочтения респондента, уровень образования, коммуникативные навыки и круг общения);

– интерпретация фактов, информацию о которых городской житель получал из газет или очевидцев событий, существенно отличалась от оценок сельских жителей, лишенных доступа к печатным изданиям и получавших сведения нерегулярно и по каналам устной связи.

[80] *Булдаков В.П.* Утопия, агрессия, власть… С. 79.

Разумеется, что не все оценочные суждения и слухи зарождались в центре, периферия, в силу своей изолированности и архаичности, генерировала значительное количество интерпретаций, основанных, как правило, на фольклорной традиции.

Столь значимое событие можно рассматривать при изучении межрегиональных коммуникаций, при выявлении уникальных данных, которые были созданы в провинции, а затем распространились в определенном ареале. Отражение местной, региональной специфики, проецирование столичных проблем на жизнь провинции позволяет выявить особенности как социальной, так и региональной асимметрии, поскольку специфика социальной структуры провинциальных городов и сел предопределяла яркую палитру мнений и разнообразие оценок.

Литература

Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. 830 с.

Булдаков В.П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930 гг. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 759 с.

Валентинов Н. Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина: Годы работы в ВСНХ во время НЭП. Воспоминания / сост. и авт. вступ. ст. С.С. Волк. М.: Современник, 1991. 367 с.

Великанова О.В. Образ Ленина в массовом сознании // Отечественная история. 1994. № 2. С. 177–178.

Килин А.П. Информационные сводки Окружных отделов ОГПУ Уральской области за 1924 г. как источник по истории раннесоветского общества // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. № 1. С. 60–65.

Килин А.П. Частная торговля и кредит на Урале в годы нэпа: экономические, политические и социальные аспекты: моногр. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. 606 с.

Савин А.И. «Село Душегубово переименовать в село Солнцево». Советские переименования как способ коадаптации власти и общества (1918–1930-е годы) // Политическая адаптация населения Сибири в первой трети XX века: сб. науч. ст. / науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск: Параллель, 2015. С 183–238.

Савин А.И., Тепляков А.Г. «Красные похороны». Новая похоронная обрядность в молодой Советской России // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13, № 3. Ч. 1. С. 205–228.

Слёзкин Ю.Л. Дом правительства: сага о русской революции. М.: АСТ; Corpus, 2019. 969 с.

Эннкер Б. Формирование культа Ленина в Советском Союзе / пер. с нем. А.Г. Гаджикурбанова; науч. ред. Е.Ю. Зубкова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. 438 с.

References

(1983). Aristotel’. Politika [Aristotle. Politics]. In *Aristotle. Essays*: in 4 vols. Moscow, Mysl. Vol. 4. 830 p.

Buldakov, V.P. (2012). *Utopiya, agressiya, vlast’. Psikhosotsial’naya dinamika postrevolyutsionnogo vremeni. Rossiya, 1920–1930 gg.* [Utopia, Aggression, Power. Psychosocial Dynamics of the Post-Revolutionary Time. Russia, 1920–1930s]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN). 759 p.

Ennker, B. (2011). Formirovanie kul’ta Lenina v Sovetskom Soiuze [The Formation of the Cult of Lenin in the Soviet Union]. Trans. from German A.G. Gadzhikurbanova; scientific ed. E.Yu. Zubkova. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), Foundation “Presidential Centre of B.N. Yeltsin”. 438 p.

Kilin, A.P. (2017). Informatsionnye svodki Okruzhnyh otdelov OGPU Ural’skoy oblasti za 1924 g. kak istochnik po istorii rannesovetskogo obschestva [Informational Summaries of the District Departments of the OGPU of the Ural Region for 1924 as a Source on the History of Early Soviet Society]. In *Humanities in Siberia*. No. 1, pp. 60–65.

Kilin, A.P. (2018). *Chastnaya torgovlya i kredit na Urale v gody nepa: ekonomicheskie, politicheskie i sotsialnye aspekty: monografia* [Private Trade and Credit in the Urals in the Years of the NEP: Economic, Political and Social Aspects: Monograph]. Yekaterinburg, Ural University Publishing House. 606 p.

Savin, A.I. (2015). "Selo Dushegubovo pereimenovat' v selo Solntsevo". Sovetskie pereimenovaniya kak sposob koadaptatsii vlasti i obshchestva (1918–1930-e gody) ["Rename the Village of Dushegubovo into the Village of Solntsevo". Soviet Renaming as a Way of Co-Adaptation of Government and Society (1918–1930s)]. In *Politicheskaya adaptatsiya naseleniya Sibiri v pervoy treti XX veka. Sbornik nauchnykh statey.* Nauchnyy redaktor V.I. Shishkin. Novosibirsk, Parallel', pp. 183–238.

Savin, A.I., Teplyakov, A.G. (2021). "Krasnye pokhorony". Novaya pokhoronnaya obryadnost' v molodoy Sovetskoy Rossii ["Red Funeral". New Funeral Rites in Early Soviet Russia]. In *Ideii i idealy = Ideas and Ideals.* Vol. 13, Iss. 3, Pt. 1, pp. 205–228.

Slezkin, Yu.L. (2019). *Dom pravitel'stva: saga o russkoy revolutsii* [Government House: The Saga of the Russian Revolution]. Moscow, AST Publishing House, Corpus. 969 p.

Valentinov, N. (1991). *Novaya ekonomicheskaya politika i krizis partii posle smerti Lenina: Gody raboty v VSNH vo vremya NEP* [New Economic Policy and the Crisis of the Party after Lenin's Death: Years of Work in the Supreme Economic Council during the NEP]. Memories Comp. and auth. introductory article by S.S. Volk. Moscow, Sovremennik. 367 p.

Velikanova, O.V. (1994). Obraz Lenina v massovom soznanii [The Image of Lenin in the Mass Consciousness]. In *Russian History*. No. 2, pp. 177–178.

А.А. Кожаева*

РЕЧЕВЫЕ ПРАКТИКИ ПОДРАЖАНИЯ ОФИЦИАЛЬНОМУ СОВЕТСКОМУ ДИСКУРСУ В ПИСЬМАХ «ЛИШЕНЦЕВ» ВО ВЛАСТЬ (1918–1936 ГОДЫ) (НА МАТЕРИАЛАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ)

doi:10.31518/2618-9100-2022-6-2
УДК 94(47+57).084

Выходные данные для цитирования:
Кожаева А.А. Речевые практики подражания официальному советскому дискурсу в письмах «лишенцев» во власть (1918–1936 годы) (на материалах Западной Сибири) // Исторический курьер. 2022. № 6 (26). С. 29–38. URL: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-6-02.pdf

A.A. Kozhaeva*

SPEECH PRACTICES OF IMITATION OF THE OFFICIAL SOVIET DISCOURSE IN THE PETITIONS OF THE DEPRIVED TO POWER (1918–1936) (BASED ON THE MATERIALS OF WESTERN SIBERIA)

doi:10.31518/2618-9100-2022-6-2

How to cite:
Kozhaeva A.A. Speech Practices of Imitation of the Official Soviet Discourse in the Petitions of the Deprived to Power (1918–1936) (Based on the Materials of Western Siberia) // Historical Courier, 2022, No. 6 (26), pp. 29–38. [Available online: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-6-02.pdf]

Abstract. The state, which set the purpose of the deprivation campaign to ensure control over potentially alien groups of the population ("former", merchants and entrepreneurs, clergymen, etc.), achieved this with the help of a set of discriminatory restrictions accompanying disenfranchisement. The problem of studying various categories of deprived, despite a significant number of works devoted to this topic, doesn't lose its relevance. The question of the possibilities and limitations of adaptation of the deprived in Soviet society requires further in-depth study. The article is devoted to the study of the language used by the deprived in ego documents in an effort to demonstrate their loyalty to the existing system. Based on the analysis of petitions for the restoration of the rights of the deprived of Novosibirsk, as well as the Maslyaninsky and Iskitimskiy districts of Western Siberia, the methods of self-identification of the discriminated with the category of full-fledged citizens of the Soviet society are reconstructed. In order to achieve the restoration of voting rights, the deprived used language constructions that, in their opinion, could lead to a positive decision of the authorities. We have established such specific tactics of the deprived as using the discourse of power to describe their own status, focusing on their real merits to society and the state, not only in the past and present, but also possible in the future. The use of excellent epithets describing the achievements of the state in petitions was an additional way to strengthen the expressions of political loyalty of the deprived to the new system.

Keywords: deprived, social and legal discrimination, marginality, discourse, loyalty, propaganda, Siberia, USSR.

The article has been received by the editor on 29.09.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Советское государство, ставившее целью политики «лишенчества» обеспечение контроля над социально чуждыми группами населения («бывшие», торговцы и предприниматели, священнослужители и пр.), добивалось этого при

* **Альбина Алексеевна Кожаева,** магистрант 2-го курса, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия, e-mail: a.kozhaeva18@mail.ru
Albina Alekseevn Kozhaeva, 2nd Year Master's Student, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, e-mail: a.kozhaeva18@mail.ru

помощи комплекса дискриминационных ограничений, сопутствующих лишению избирательных прав. Проблема изучения различных категорий «лишенцев», несмотря на значительное количество работ, посвященных этой тематике, не теряет своей актуальности. Дальнейшего углубленного рассмотрения требует вопрос о возможностях и границах адаптации «лишенцев» в советском социуме. Статья посвящена исследованию языка, применявшегося «лишенцами» в эго-документах в стремлении продемонстрировать власти свою лояльность. На основе анализа ходатайств «лишенцев» Новосибирска, а также Маслянинского и Искитимского районов Западной Сибири о восстановлении в правах, реконструированы языковые практики, с помощью которых те пытались идентифицировать себя как лояльные граждане советского социума. Чтобы добиться восстановления в избирательных правах, «лишенцы» применяли языковые конструкции, которые, на их взгляд, могли привести к положительному решению органов власти. Установлены такие специфичные тактики «лишенцев», как использование дискурса власти для описания собственного статуса, акцентирование внимания на их реальных заслугах перед обществом и государством, причем не только в прошлом и настоящем, но и в будущем. Использование в ходатайствах превосходных эпитетов, характеризующих достижения государства, являлось дополнительным способом усилить выражение политической лояльности «лишенцев» новому строю.

Ключевые слова: «лишенцы», социально-правовая дискриминация, маргинальность, дискурс, лояльность, пропаганда, Сибирь, СССР.

Статья поступила в редакцию 29.09.2022 г.

В июле 1917 г. Временное правительство впервые в истории России утвердило принцип всеобщих выборов. В Конституции, принятой V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г., также закреплялся этот принцип: «правом избирать и быть избранными в Советы пользуются, независимо от вероисповедания, национальности, оседлости и т.п., следующие обоего пола граждане Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, коим ко дню выборов исполнилось восемнадцать лет»[1]. Однако статья 65 Конституции сразу же ограничила это достижение революции, определив круг лиц, лишенных избирательных прав. Основной закон государства не только установил семь категорий лиц, лишенных избирательных прав[2], но и предоставил возможность для произвольного толкования признаков, влекущих за собой дискриминацию. Так, например, статья 23 Конституции предусматривала возможность лишать избирательных прав лиц, использующих их «в ущерб интересам социалистической революции»[3]. Столь широкая формулировка фактически открыла двери для различного рода интерпретаций государственной электоральной политики, в том числе исходя из личных интересов представителей местных органов власти. Ш. Фицпатрик справедливо отмечает, что категория «лишенцев» «была шире и менее четко очерчена, чем оговаривалось в Конституции»[4]. Советское государство, «ставя своей основ-

[1] Конституция (Основной закон) РСФСР, принятая V Всероссийским съездом Советов в заседании 10 июля 1918 года. Ст. 64 // Конституции и конституционные акты РСФСР (1918–1937). М., 1940. С. 28.

[2] В статье 65 Конституции РСФСР определялось семь категорий «лишенцев»: а) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли; б) лица, живущие на нетрудовой доход, как-то: проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т.п.; в) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники; г) монахи и духовные служители церквей и религиозных культов; д) служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, а также члены царствовавшего в России дома; е) лица, признанные в установленном порядке душевнобольными или умалишенными, а равно лица, состоящие под опекой; ж) лица, осужденные за корыстные и порочащие преступления на срок, установленный законом или судебным приговором.

[3] Конституция (Основной закон) РСФСР, принятая V Всероссийским съездом Советов… С. 24.

[4] *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2008. С. 143.

ной задачей уничтожение всякой эксплуатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы»[5], нововведениями в избирательной сфере создавало новую систему стратификации, в которой важное место занимал признак наличия или отсутствия избирательных прав. Современный правовед Л.Г. Берлявский, отмечая трансформацию идеи диктатуры пролетариата в идею диктатуры партийно-советской бюрократии, находит зачатки данного процесса уже в Конституции 1918 г., которая «отразила на себе идеологемы социально-политического противостояния и гражданской войны: классово выдержанное подразделение на “своих” и “чужих”, юридическое закрепление политических установок “военного коммунизма”, институт лишения политических прав»[6]. Политика большевиков, направленная на преобразование постреволюционного общества через дискриминационные механизмы, со временем принимала все более жесткие формы. Стремительное увеличение числа «лишенцев» приходится на вторую половину 1920-х гг. В 1925 г. большевики в результате снятия ряда ограничений, связанных с проведением политики расширения социальной базы в деревне, добились противоположного результата – коммунисты стали терять позиции в низовых советах. Следствием этого явилось значительное ужесточение избирательного законодательства. Число «лишенцев» увеличилось за счет появления новых категорий с 1 040 894 чел. в 1926 г. до 3 716 855 чел. в 1929 г.[7] Инструкция о выборах городских и сельских советов 1925 г. законодательно закрепила лишение избирательных прав в отношении «членов семей лиц, лишенных избирательного права»[8]. В 1926 г. в дискриминационную стратификацию оказались включены «бывшие белые офицеры, военные чиновники белых армий и руководители контрреволюционных банд»[9]. Дискриминационная мера в виде лишения избирательных прав части населения не ограничивалась рамками исключительно политико-правовой сферы, поскольку «лишенцы» теряли возможность социальной адаптации из-за расширения круга сопутствующих ограничений. «Лишенцы» теряли работу, их выгоняли из колхозов, при этом заново трудоустроиться на другом месте не получалось из-за их неправового статуса. Повзрослевшие дети «лишенцев» не могли служить в Красной армии, взамен этого они подлежали призыву на три года в части тылового ополчения, кроме того, они не могли обучаться в вузах и техникумах. В сознании наделенного правами советского населения складывался определенный образ врага. Массовое сознание характеризовалось противоречивым сочетанием страха утратить полноправный избирательный статус и ощущением своеобразного социального реванша в отношении «бывших».

«Лишенец» мог подвергаться сразу нескольким ограничениям, что на практике ставило его на грань выживания и приводило к необходимости вести активную борьбу за восстановление в избирательных правах, где единственным способом была подача соответствующих ходатайств «во власть».

Цель данной публикации – выявление особых тактик, отражающих способы самоидентификации «лишенцев» с советским социумом. В центре нашего внимания находится язык, который использовали «лишенцы» при написании ими своих ходатайств.

Ходатайства «лишенцев» как исторический источник имеют своего рода двойной статус. Данные источники традиционно относятся к группе делопроизводственной документации, что справедливо, учитывая бюрократические причины их написания. Однако ходатайства правомерно рассматривать и как эго-документ, который, с одной стороны, отражает мысли автора, а с другой, показывает, как «лишенцы» понимали отношение к ним самой советской власти. В этих ходатайствах во власть содержится важная информация, способная показать «от первого лица», как работали механизмы «лишения», отразить жизненный путь авторов. Ходатайство являлось каналом общения с властью, поэтому «лишенцы» использо-

[5] Конституция (Основной закон) РСФСР, принятая V Всероссийским съездом Советов… С. 22.
[6] *Берлявский Л.Г.* Конституция РСФСР 1918 г. В парадигме конституционнного риска // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 110.
[7] *Красильников С.А.* На изломах социальной структуры: маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 – конец 1930-х годов). Новосибирск, 1998. С. 15.
[8] СУ РСФСР. 1930. № 19. Ст. 212.
[9] СУ РСФСР. 1926. № 75. Ст. 577.

вали различные поведенческие стратегии, которые, по их мнению, привели бы к положительному результату, т.е. восстановлению утраченных прав.

Кампания «лишенчества» долгое время оставалась за рамками специальных исследований историков и правоведов. Вопрос о лишении избирательных прав рассматривался через призму «классового подхода» в контексте советского государственного строительства[10]. В работах советского периода «лишенцы» упоминались в соответствии с идеей о «трудовом перевоспитании представителей эксплуататорских классов». Изменение подхода к проведению исторических исследований, связанное с пересмотром классовой методологии, привело к появлению с конца 1980-х гг. работ, направленных на рассмотрение механизмов кампании «лишенчества» и региональных особенностей осуществления дискриминационной практики[11]. На современном этапе изучения темы ощущается недостаток работ, посвященных дискурсу, исходящему от самих «лишенцев». Голос главных действующих лиц кампании редко присутствует в исторических исследованиях. Одним из способов выявления личных оценок и взглядов дискриминированных лиц является изучение их ходатайств. Кроме того, информация, указанная в ходатайствах, позволяет оценить степень воздействия пропаганды на сознание «лишенцев».В словаре В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной, содержащем толкование значений терминов советского новояза, термин «пропаганда» обозначается как «политическое или идеологическое воздействие на широкие массы; разъяснение и распространение учений, идей»[12]. Цель «политико-просветительной работы» в действительности заключалась не столько во внедрении политических знаний, сколько в актуализации политических дискурсов, формировавшихся во властных структурах. Используя различные каналы, государство закрепляло в сознании людей те языковые структуры, которые считало пригодными для построения системы контроля над обществом. Степень эффективности такого воздействия возможно оценить с помощью массовых источников, в которых фиксируются отмеченные явления. На наш взгляд, особый интерес представляет форма изложения, которую использовали авторы писем во власть. Язык «лишенцев» в ходатайствах претерпевал изменения под воздействием усвоения ими тех нормативных установок, которые транслировались «сверху» в директивах, инструкциях, постановлениях, периодических изданиях и пр. Лингвист В.Е. Чернявская, исследующая различные формы дискурса, отметила, что «в информации, передаваемой средствами языка, всегда заключено определенное отношение языковой личности к единицам/формам/структурам языка, которые эта личность актуализирует с разной степенью осознанности и целенаправленности в своей речевой деятельности»[13]. Предполагается, что употребление «лишенцами» тех или иных языковых конструкций является не случайным, а целенаправленным действием авторов ходатайств. Так, использование языка власти, по мнению «лишенцев», показало бы их заинтересованность в жизни постреволюционного общества, а следовательно, помогло бы им добиться восстановления в избирательных правах. Письма «лишенцев» «во власть» представлены в личных делах, хранящихся в Государственном архиве Новосибирской области (ГАНО)[14]. Заявители сами определяли, какое название дать своему письменному обращению. Для удобства изложения мы будем объединять все эти письма термином «ходатайства». К группе источников под названием «ходатайства» относятся заявления, жалобы, ходатайства и биографии «лишенцев». Источниковую базу исследования составили 572 ходатайства «лишенцев» Новосибирска, а также 528 ходатайств сельских «лишенцев» из Искитимского (247 ходатайств) и Маслянинского (281 ходатайство) районов. Эго-источники «лишенцев» не имели строгого формуляра,

[10] *Филимонов В.Г.* Первая советская Конституция. М., 1960; *Морозов Л.Ф.* Решающий этап борьбы с нэпманской буржуазией (1926–1929 гг.). М., 1960; *Ивницкий Н.А.* Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. М. 1972; *Чистяков О.И.* Конституция РСФСР 1918 г. М., 1984; и др.

[11] См., например: *Добкин А.И.* Лишенцы 1918–1936 гг. // Звенья. Исторический альманах. М.; СПб.: Феникс: Atheneum.1992. Вып. 2. С. 600–628; *Тихонов В.И., Тяжельникова В.С., Юшин И.Ф.* Лишение избирательных прав в Москве в 1920–1930-е годы. М., 1998; Корни или щепки. Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири (1930-е – начало 1950-х гг.). Новосибирск, 2008; *Валуев Д.В.* Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.) (на материалах Смоленской губернии и Западной области). Смоленск, 2012; и др.

[12] *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Толковый словарь языка Совдепии. СПб., 1998. С. 487.

[13] *Чернявская В.Е.* Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. М., 2006. С. 8.

[14] ГАНО. Ф. Р-437. Оп. 1; Ф. Р-449. Оп. 1; Ф. Р-1344. Оп. 2; Ф. Р-1345. Оп. 2; Ф. Р-1346. Оп. 2; Р-1347. Оп. 1а.

поэтому они могли значительно различаться по объему – от одного предложения до нескольких страниц. Кроме того, важно отметить, что большинство «лишенцев» являлись неграмотными или малограмотными, поэтому информацию с их слов записывал (или набирал на печатной машинке) человек, к которому заявители обращались за помощью. Это могли быть грамотные члены семьи, односельчане, соседи и пр. Соответственно, здесь встает проблема определения «чистоты» эго-документа – передал ли доверитель всю информацию в полном соответствии со словами и намерениями автора или, наоборот, сократил или дописал что-то свое. Исследование отражения дискурса власти в ходатайствах дискриминированных справедливо начинать с самого термина «лишенец». Образ человека, включенного в список лиц, лишенных избирательных прав, наделялся негативными чертами. Конструирование данного образа в постреволюционной среде начиналось с детства, когда в «Пионерской правде», главной пионерской газете страны, актуализировались негативные действия «лишенцев»[15], а также происходило наделение последних такими особыми чертами, как стремление к наживе, обману и пр. В центральных и региональных газетах фиксировался образ «лишенца» как человека, с которым нельзя иметь ничего общего. Пропагандистская кампания, направленная против определенных групп населения, выполняла функцию переадресации общественного недовольства на «чуждых элементов». «Лишенцы», как и полноправные граждане, не только подвергались влиянию пропаганды, но и пытались использовать ее стереотипы в своих интересах. Авторы ходатайств, описывая свой дискриминационный статус, не идентифицировали себя с «лишенцами», а с помощью различных языковых конструкций показывали свое явное недоброжелательное отношение к зачислению в «лишенцы» (см. табл. 1). Нередко указанные языковые конструкции сопровождались словами, противоположными негативным коннотациям – «защитник», «трудящийся», «помощник» и др. Последнее объясняется стремлением «лишенцев» показать свою значимость и необходимость для советского общества и лояльность советской власти.

Таблица

Маркеры, используемые «лишенцами» при описании своего дискриминационного статуса

№	Маркер	Примеры употребления	Количество употреблений
1	*Враг, вражеский, враждебный*	«являюсь-ли я теперь преданным сторонником соввласти или врагом»[16], «ни в коем случае не могу быть причислен к враждебному стану»[17], «нет большаго позора для трудящагося быть отнесенным (благодаря лишению голоса) к числу врагов Советской власти»[18]	24
2	*Элемент*	«я не представляю из себя элемент эксплуататорского типа»[19], «как кулацкий элемент»[20], «я не являюсь по происхождению и соцположению до 1924 года чуждым элементом, в отношении которого должна быть классовая настороженность»[21]	13

[15] См., например: Пионерская правда. № 168 (580). 25.12.1930. URL: https://rusneb.ru/catalog/000207_000017_RU_RGDB_BIBL_0000466843/ (дата обращения: 19.07.2021).
[16] ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 438. Л. 2–3. Ходатайство Деркшевича Н. в Городской совет от 17 января 1927 г.
[17] ГАНО. Ф. Р-1344. Оп. 2. Д. 1117. Л. 7. Заявление Освенцимского Р.И. в Краевую избирательную комиссию от 24 августа 1930 г.
[18] ГАНО. Ф. Р-1344. Оп. 2. Д. 507. Л. 10–11. Жалоба Жернова Ф.Н. в Краевую избирательную комиссию от 17 июля 1931 г. (здесь и далее сохраняется язык источника).
[19] ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 229. Л. 1. Заявление Бурундуковского М.Н. в Городской совет от 8 июля 1930 г.
[20] ГАНО. Ф. Р-449. Оп. 1. Д. 1034. Л. 23. Заявление Щемалина Е.И. Михаилу Ивановичу Калинину от 29 января 1931 г.
[21] ГАНО. Ф. Р-1344. Оп. 2. Д. 266. Л. 26. Заявление Видюлина К.В. в Краевую избирательную комиссию от 14 мая 1933 г.

Окончание таблицы

№	Маркер	Примеры употребления	Количество употреблений
3	*Чуждый*	«не могу относиться к категории чуждого класса-лишенцев»[22], «исходя из вышеизложенного я не считаю себя чуждым»[23], «как не занимавшегося теми явлениями, за что лишон и которые для меня являются совершенно чуждыми»[24]	12
4	*Пятно*	«снять с меня не заслуженное мною пятно перед советской властию»[25], «сгладить ненавистное пятно как с меня, а так-же и с семьи моей»[26], «находись я в то время где либо в другом месте, где была светская власть, я бы не носил этого позорного пятна»[27]	8
5	*Позор*	«прошу окр исполком снять с меня позорное имя»[28], «прошу об одном, чтобы с меня сняли позорное клеймо»[29]	8
6	*Клеймо*	«пожалуйста прошу вас дорогие товарищи снять с меня то клеймо, которого я не заслуживаю»[30], «в настоящее время я переношу не заслуженное клеймо лишонца»[31]	7
7	*Прочее*	«не считая себя злостным к сов[етской] власти»[32], «я в буржуазной провокационно предательской партии никогда не состоял»[33], «с группой тех лиц кои вели и ведут смертельную борьбу с рабочим классом»[34], «в частности, я не могу быть причислен к каким либо буржуазным специалистам»[35], «я хочу лишь служить и быть по[с]лушной Республике, а не ее балластом»[36]	5
Всего			***77***

[22] ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 479. Л. 3. Заявление Дондо С.И. в Городской совет от 8 октября 1929 г.
[23] ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 130. Л. 5. Заявление Белимова М.Б. в Октябрьский районный исполнительный комитет от 9 апреля 1936 г.
[24] ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 1. Заявление Абакумова Я.В. в Краевую избирательную комиссию от 5 ноября 1934 г.
[25] ГАНО. Ф. Р-437. Оп. 1. Д. 304. Л. 26. Биография Истомина М.И. в Районный исполнительный комитет от 20 декабря 1931 г.
[26] ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 472. Л. 3. Заявление Долгополова Н.И. в Городской совет от 30 октября 1929 г.
[27] ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 244. Л. 34–35. Заявление Варгасова М.И. в Центральную избирательную комиссию от 26 июня 1929 г.
[28] ГАНО. Ф. Р-437. Оп. 1. Д. 225. Л. 38. Заявление Ермакова В.М. в Краевую избирательную комиссию [не дат.].
[29] ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 62. Л. 4. Заявление Апраксина А.Д. в Окружную избирательную комиссию от 23 апреля 1929 г.
[30] ГАНО. Ф. Р-1344. Оп. 2. Д. 129. Л. 1, 3. Заявление Белобородова И.А. в Городской совет от 14 декабря 1929 г.
[31] ГАНО. Ф. Р-437. Оп. 1. Д. 298. Л. 11–12. Заявление Зеленцова Ф.П. в Центральную избирательную комиссию от 15 февраля 1931 г.
[32] ГАНО. Ф. Р-437. Оп. 1. Д. 689. Л. 6. Заявление Хабарова А.М. в Тулинский сельский совет [1930 г.].
[33] ГАНО. Ф. Р-449. Оп. 1. Д. 781. Л. 49. Заявление Селедцова Г.Ф. в Маслянинский районный исполнительный комитет от 25 августа 1934 г.
[34] ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 244. Л. 19. Заявление Варгасова М.И. в Окружную избирательную комиссию от 18 сентября 1929 г.
[35] ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 66. Л. 3. Заявление Арнопольдова Е.В. в Краевую избирательную комиссию от 1 октября 1930 г.
[36] ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 228. Л. 2. Заявление Бурмистровой-Пузановой Л.А. в Городской совет от 12 марта 1930 г.

Конструкт «человека нового типа», предложенный большевиками после прихода к власти, выполнял функцию воспитания как каждого индивида, так и общества в целом. В «Азбуке коммунизма» Н.И. Бухарина и Е.А. Преображенского выдвигался следующий тезис: «Отдельный человек принадлежит не себе самому, а обществу – человеческому роду»[37]. Жизнь человека, согласно концепции перевоспитания, должна была быть направлена на поддержание общественных структур. Смещение ракурса с собственных заслуг на заслуги советского государства – распространенная дискурсивная практика «лишенцев». Положительное отношение к советской власти и заинтересованность в «грандиозном социалистическом строительстве»[38] являлись важными аргументами в борьбе за правовое равенство. Подражание – практика, которую использовали «лишенцы» – подразумевало попытки воспроизводства в собственном дискурсе языка власти. Имитация и копирование как методы этой практики не всегда являлись осознанными действиями, однако их использование позволяет оценить степень социальной адаптации «лишенцев» в советском социуме. О.О. Смердин в 1931 г. был лишен избирательных прав за использование в своем хозяйстве наемной силы. В нашем распоряжении оказалось только одно его заявление, посланное в Маслянинский районный исполнительный комитет от 20 сентября 1936 г., но не исключено, что ранее он писал и другие ходатайства. В заявлении он пишет: «Сейчас я убедился[,] что нужно работать и нужно быть только в колхозе. Советская власть и компартия во главе с товарищем Сталиным правильно руководит нами, только Советская власть заботится о трудящихся[,] и я хотя и старик пойду работать по силе возможности со всеми трудящимися Советского Союза и хочу работать[,] без прав избирательного голоса не допускают к работе[,] и я хочу идти со всеми под руку»[39]. Примечательно, что, кроме этого, Смердин ничего не написал, за исключением того, что у него нет средств к существованию. Автор, используя эту тактику, предполагал, что, говоря с властью на ее языке, он скорее достигнет желаемого. «Лишенцы» наделяли образ советской власти особыми чертами, описывали ее как «единственную в мире власть[,] защищающую интересы пролетариев»[40], «которая беспощадно карая вредителей, относится справедливо к преданным работникам»[41]. Употребление слов «справедливость», «справедливо», «справедливое» не является случайным. Анализ ходатайств показывает, что «лишенцы» действительно рассматривали подачу ходатайств как реальный способ восстановления в избирательных правах, а адресаты ходатайств являлись в представлениях «лишенцев» проводниками «справедливого» закона. Поэтому неслучайно «лишенцы» в ходатайствах ссылались на те или иные положения избирательных инструкций и постановлений, связанных с правовым положением лиц, лишенных избирательных прав. Ф.А. Ершов[42], лишенный избирательных прав как бывший «тюремщик», а в действительности талантливый юрист, долгие годы прослуживший мировым судьей, смог добиться восстановления в избирательных правах благодаря своему юридическому образованию. Мужчина, ссылаясь на статьи инструкции, сумел опротестовать отнесение его к лицам, подлежащим лишению избирательных прав. Ссылки на законодательно-нормативные источники в ходатайствах других «лишенцев» подтверждают их веру в силу и справедливость советского закона. СССР также характеризовался ходатаями как «свободная страна»[43], связь с которой они подчеркивали словом «гражданин». Можно выделить две коннотации слова «свобода» в ходатайствах «лишенцев». В одних случаях свобода имела практическое значение – освободиться от принудительных работ в тыловом ополчении, а также покинуть места ссылки, в других – приоб-

[37] Азбука коммунизма: популярное объяснение программы Российской коммунистической партии большевиков / Н. Бухарин и Е. Преображенский; Рос. коммунист. партия (большевиков). Петербург, 1920. С. 182.
[38] ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 409. Л. 3. Заявление Грибунина В.М. в Городской совет от 18 января 1927 г.
[39] ГАНО. Ф. Р-449. Оп. 1. Д. 66. Л. 42. Заявление Смердина О.О. в Маслянинский районный исполнительный комитет от 20 сентября 1936 г.
[40] ГАНО. Ф. Р-1346. Оп. 2. Д. 180. Л. 6. Заявление Гуляева Ф.И. в Городской совет [1931 г.].
[41] ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 66. Л. 3. Заявление Арнольдова Е.В. в Краевую избирательную комиссию от 1 октября 1930 г.
[42] ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 522. Личное дело Ершова О.Л.
[43] ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 251. Заявление Васильева М.А. в Краевую избирательную комиссию от 7 октября 1931 г.

ретала моральный характер. Во втором случае понятие свободы заключалось в том, чтобы быть равным в правах с другими гражданами страны: «хоть бы умирать уехать к своим детям свободным гражданином»[44]. Еще одной дискурсивной составляющей ходатайств «лишенцев» была тема труда, направленного на благо общества. Для «лишенцев» труд являлся не только способом показать свою значимость, но и реальным шансом добиться восстановления в избирательных правах. Согласно инструкции о выборах городских и сельских советов 1926 г., «лишенцы» могли быть восстановлены в избирательных правах «при условии, если они в течение не менее пяти лет занимаются производительным и общественно-полезным трудом»[45]. «Лишенцы», ознакомившиеся с инструкцией, приводили в своих ходатайствах информацию о премированиях, членстве в профсоюзах, занятиях «общественно-полезным трудом», а также отмечали, что выполняли обязанности «добросовестно», «аккуратно», «по-ударному», «заинтересованно». Заслуги перед обществом и государством, по мнению «лишенцев», искупали все ошибки прошлого. Так, В.Г. Дмитриев, лишенный избирательных прав как бывший белый офицер, пишет: «Я с первого дня Советской власти в Сибири и еще при первой Советской власти, я всегда шел на работу и исполнял ее добросовестно»[46]. Бывший белый офицер В.Н. Беляев отмечал: «Интересы широких трудовых масс были моими интересами»[47]. Нередко в целях усиления эффекта восприятия «лишенцы» привлекали эмоциональный компонент: «всегда активно относился к мероприятиям нашей советской власти, а потому мне непонятно и больно, почему я теперь причислен к чуждым элементам»[48], «после всего этого мне не хочется верить и даже стыдно перед людьми в том, что я оказался в числе тех “лишенцев”, против которых всегда так яростно я сам восставал»[49]. С этой же целью «лишенцы» приобщали к ходатайствам ударнические книжки, справки с мест работы и даже копии патентов на изобретения[50]. Актуализация профессиональных заслуг демонстрирует тактику приспособления. Показать себя не только нужным для общества и государства человеком, но и продемонстрировать успешное включение в жизнь этого общества являлось важным аргументом для борьбы за восстановление в правах. Однако само право на труд нередко блокировалось расхождениями в избирательном законодательстве и реальной практикой. Не всем «лишенцам» удавалось найти работу и получить послереволюционный пятилетний трудовой стаж.

Еще одной интересной практикой является обращение в ходатайствах «лишенцев» к теме будущего. Как правило, это не персональное будущее, касавшееся исключительно личной биографии «лишенца». Напротив, авторы ходатайств предпочитали связывать собственное будущее с общественными или государственными институтами. Обещания «честно служить и работать на пользу Коммунистической партии и Советской власти»[51], «быть активными строителями социализма»[52], «отдать все силы, житейский опыт и знание по делу

[44] ГАНО. Ф. Р-449. Оп. 1. Д. 780. Л. 20–21. Заявление Скворцова В.Ф. в Краевую избирательную комиссию [1934 г.].
[45] СУ РСФСР. 1926. № 75. Ст. 577.
[46] ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 462. Л. 2–3. Заявление Дмитриева В.Г. в Окружную избирательную комиссию от 19 января 1927 г.
[47] ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 140. Л. 3. Заявление Беляева В.Н. в Городской совет от 18 января 1927 г.
[48] ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 68. Л. 5. Жалоба Архипова М.А. в Городской совет от 19 ноября 1934 г.
[49] ГАНО. Ф. Р-1344. Оп. 2. Д. 280. Л. 1. Заявление Вологдина А.Н. в Краевую избирательную комиссию от 2 апреля 1929 г.
[50] Так, например, Г.С. Бокарев, лишенный избирательных прав за наем рабочей силы на собственный кирпичный завод, пишет об изобретении им печей для обжига извести и кирпича, что позволило повысить показатели производства кирпича на 100 %, а также о работе над водонагревательной системой для прачечных и бань. Свои изобретения Бокарев подтверждает копиями патентов на изобретения (См.: ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 183). Н.А. Ермаков, лишенный избирательных прав как бывший белый офицер, писал об изобретении им машинки для разминки выработанных шкур во время работы в кооперативной артели «Сибодежда» (См.: ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 519).
[51] ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 66. Л. 7–9. Заявление в Городской совет от 2 сентября 1930 г.
[52] ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 222. Л. 7. Заявление Букреевых А.В. и Е.В. в Городской совет от 17 ноября 1931 г.

рабочего класса»[53], «работать в любом колхозе для страны советов»[54] и пр. укладывались в рамки официального дискурса.

По мнению «лишенцев», демонстрация желания «участвовать в Социалистическом строительстве»[55] показала бы заинтересованность в мероприятиях советской власти, а следовательно, позволила скорее добиться желаемого результата. Собственную жизнь дискриминированные связывали с понятием «советский образ жизни»[56], поэтому приводили в ходатайствах факты биографии, которые лучше всего подходили под это понятие.

Речевые практики подражания официальному советскому дискурсу, умение «говорить по-большевистски» позволяли «лишенцам» демонстрировать свою связь с советским социумом, а также являлись для них фактически единственным способом выхода из маргинального положения. Однако необходимо отметить, что в данном случае перед исследователями встает крайне трудная задача – определить, в какой степени «лишенцы», заявляя о своей лояльности, лишь адаптировались к социальной системе, которая относила их к категории «чуждых», а в какой выражали свои искренние мысли и чувства.

Литература

Берлявский Л.Г. Конституция РСФСР 1918 г. В парадигме конституционного риска // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 100–110.

Валуев Д.В. Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.) (на материалах Смоленской губернии и Западной области). Смоленск, 2012. 155 с.

Добкин А.И. Лишенцы 1918–1936 гг. // Звенья. Исторический альманах. М.; СПб.: Феникс: Atheneum, 1992. Вып. 2. С. 600–628.

Ивницкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. М., 1972. 360 с.

Корни или щепки. Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири (1930-е – начало 1950-х гг.) / С.А. Красильников, М.С. Саламатова, С.Н. Ушакова. Новосибирск, 2008. 387 с.

Красильников С.А. На изломах социальной структуры: маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 – конец 1930-х годов). Новосибирск, 1998. 91 с.

Лишение избирательных прав в Москве в 1920–1930-е годы / В.И. Тихонов, В.С. Тяжельникова, И.Ф. Юшин. М., 1998. 256 с.

Морозов Л.Ф. Решающий этап борьбы с нэпманской буржуазией (1926–1929 гг.). М., 1960. 103 с.

Толковый словарь языка Совдепии / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. СПб., 1998. 700 с.

Филимонов В.Г. Первая советская Конституция. М., 1960. 77 с.

Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2008. 336 с.

Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. М.: Флинта, 2006. 136 с.

Чистяков О.И. Конституция РСФСР 1918 г. М., 1984. 206 с.

References

Berlyavskiy, L.G. (2019). Konstitutsiya RSFSR 1918 g. V paradigme konstitutsionnnogo riska [The Constitution of Russia 1918. In the Paradigm of Constitutional Risk]. In *Yuridicheskaya tekhnika*. No. 13, pp. 100–110.

[53] ГАНО. Ф. Р-1344. Оп. 2. Д. 258. Л. 1–2. Заявление Верхова М.Н. в Городской совет от 2 августа 1930 г.

[54] ГАНО. Ф. Р-449. Оп. 1. Д. 584. Л. 24–25. Заявление Матвеенко И.В. в Маслянинский сельский совет от 24 ноября 1934 г.

[55] ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 229. Заявление Бурундуковского М.Н. в Городской совет от 8 июля 1930 г.

[56] ГАНО. Ф. Р-449. Оп. 1. Д. 196. Л. 9. Заявление Васенина К.Е. в Маслянинский районный исполнительный комитет от 3 апреля 1932 г.

Chernyavskaya, V.E. (2006). *Diskurs vlasti i vlast' diskursa: problemy rechevogo vozdeystviya* [The Discourse of Power and the Power of Discourse: Problems of Speech Influence]. Moscow, Flinta. 136 p.

Chistyakov, O.I. (1984). Konstitutsiya RSFSR 1918 g. [The Constitution of Russia 1918]. Moscow. 206 p.

Dobkin, A.I. (1992). Lishentsy 1918–1938 gg. [Disenfranchised of 1918–1938]. In *Zvenya. Istoricheskiy almanah*. Moscow, St. Petersburg. Edit. 2, pp. 600–628.

Filimonov, V.G. (1966). *Pervaya sovetskaya Konstitutsiya* [The First Soviet Constitution]. Moscow. 77 p.

Fitzpatrik, Sh. (2008). *Povsednevnyy stalinizm. Sotsial'naya istoriya Sovetskoy Rossii v 30-e gody: gorod*. [Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times. Soviet Russia in the 1930s: City]. Moscow, ROSSPEN. 336 p.

Ivnickiy, N.A. (1972). *Klassovaya bor'ba v derevne i likvidatsiya kulachestva kak klassa* [Class Struggle in the Countryside and the Elimination of the Kulaks as a Class]. Moscow. 360 p.

Krasilnikov, S.A., Salamatova, M.S., Ushakova, S.N. (2008). *Korni ili shchepki. Krestyanskaya semya na spetsposelenii v Zapadnoy Sibiri (1930-e – nachalo 1950-kh gg.)* [Roots or Wood Chips. A Peasant Family in a Special Settlement in Western Siberia (1930s – Early 1950s)]. Novosibirsk. 387 p.

Krasilnikov, S.A. (1998). *Na izlomah social'noy struktury: marginaly v poslerevolyutsionnom rossiyskom obshchestve (1917 – konets 1930-h godov)* [On the Fractures of Social Structure: Marginals in Post-Revolutionary Russian Society (1917 – Late 1930s)]. Novosibirsk. 91 p.

Mokienko, V.M., Nikitina, T.G. (1998). *Tolkovyy slovar' yazyka Sovdepii* [Explanatory Dictionary of the Language of Sovdepia]. St. Petersburg. 700 p.

Morozov, L.F (1960). *Reshayushchiy etap bor'by s nepmanskoy burzhuaziey (1926–1929 gg.)* [The Decisive Stage of the Struggle against the Nepman Bourgeoisie (1926–1929)]. Moscow. 103 p.

Tikhonov, V.I., Tyazhelnikova, V.S., Yushin, I.F. (1998). *Lisheniye izbiratelnykh prav v Moskve v 1920–1930-e gody* [Deprivation of Voting Rights in Moscow in the 1920s and 1930s]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo gorodskogo ob'edineniya arkhivov. 256 p.

Valuev, D.V. (2012). *Lishentsy v sisteme sotsialnykh otnosheniy (1918–1936 gg.) (na materialakh Smolenskoy gubernii i Zapadnoy oblasti)* [Lishentsy in the System of Social Relations (1918–1936) (Based on the Materials of the Smolensk Province and the Western Region)]. Smolensk, Madzhenta. 155 p.

Т.И. Морозова*

«…ДО СМЕРТИ ХОЧЕТСЯ СТАТЬ СЕКРЕТАРЕМ УКОМА». БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ В КИРЕНСКОМ УЕЗДЕ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ (СЕНТЯБРЬ – ДЕКАБРЬ 1925 ГОДА)

doi:10.31518/2618-9100-2022-6-3
УДК 94(571.5)+329.15"1925"

Выходные данные для цитирования:
Морозова Т.И. «…До смерти хочется стать секретарем укома». Борьба за власть в Киренском уезде Иркутской губернии (сентябрь – декабрь 1925 года) // Исторический курьер. 2022. № 6 (26). С. 39–54.
URL: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-6-03.pdf

T.I. Morozova*

"…HE IS DYING TO BECOME THE SECRETARY OF THE UYEZD COMMITTEE". THE STRUGGLE FOR POWER IN THE KIRENSKY ADMINISTRATIVE DIVISION OF THE IRKUTSK GOVERNORATE (SEPTEMBER – DECEMBER 1925)

doi:10.31518/2618-9100-2022-6-3

How to cite:
Morozova T.I. "…He is Dying to Become the Secretary of the Uyezd Committee". The Struggle for Power in the Kirensky Administrative Division of the Irkutsk Governorate (September – December 1925) // Historical Courier, 2022, No. 6 (26), pp. 39–54. [Available online: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-6-03.pdf]

Abstract. The article studies one of the episodes of such a mass phenomenon of political everyday life in the 1920s as interpersonal conflicts. Based on the previously unknown archival documents the author establishes the background, reconstructes the main events and describes the results of the struggle for the post of secretary of the Kirensk Uyezd Committee of the RCP(b). Until June 1925, this position was held by P.P. Bagryantsev, and after his recall, the Irkutsk Governorate Committee of the RCP(b) refused to send a new official and proposed to the Uyezd Committee of the party to nominate one from locals. As a result, the plenum of the Kirensk Uyezd Committee unanimously elected S.I. Tychkov, who had recently arrived in Kirensk to work as chairman of the Uyezd Executive Committee of the Soviets. Lack of experience, hostage relations with the new chairman of the Uyezd Executive Committee M.I. Belousov and the head of the Uyezd Financial Department I.V. Kurmakin, as well as the long absence from the uyezd weakened positions of S.I. Tychkov crucially. An additional factor that led to an imbalance in the power dynamic was the appointment of N.V. Ovsyannikov as the head of the organizing department, and later – deputy secretary of the Kirensky Uyezd Committee of the RCP(b). Being a young, energetic and ambitious communist, he stood out noticeably from the rest due to the knowledge that he obtained during the courses for uyezd party workers under the Central Committee of the RCP(b). M.I. Belousov and I.V. Kurmakin supported the career aspirations of N.V. Ovsyannikov, which ultimately resulted in a campaign of members of the presidium to remove S.I. Tychkov from the post of secretary of the Uyezd Committee. On December 22nd 1925, the presidium decided to send S.I. Tychkov to Irkutsk, and on December 23rd – to expel him from the RCP(b). The presidium, without any agreement with the Governorate Committee of the party, appointed N.V. Ovsyannikov as a new secretary of the Uyezd Committee. In this conflict, the governorate party leadership initially supported S.I. Tychkov and ordered to recall M.I. Belousov, I.V. Kurmakin and N.V. Ovsyannikov from Kirensk. The article shows that it was the decision that draw N.V. Ovsyannikov to commit suicide. It concludes that the Governorate Control Commission, which investigated the incident and justified the actions of the Irkutsk Governorate Committee, wrongfully claimed uyezd party leadership, including S.I. Tychkov, was responsible for everything that happened. Thus, suicide became not only the culminatiun, but also a real turning point of the described conflict, which noticeably distinguishes it from many others.

* **Татьяна Игоревна Морозова,** кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: mti137@yandex.ru
Tatiana Igorevna Morozova, Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: mti137@yandex.ru

Keywords: RCP(b), Kirensk Uyezd Committee of the RCP(b), party and Soviet leadership, power struggle, conflict, interpersonal conflict, suicide, Siberia, Kirensk.

The article has been received by the editor on 03.10.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья посвящена одному из эпизодов такого массового явления советской политической повседневности 1920-х годов как склоки. На основе архивных документов, впервые вводимых в научный оборот, автор установила предпосылки, реконструировала ход и охарактеризовала результаты борьбы за пост секретаря Киренского уездного комитета РКП(б). До июня 1925 г. эту должность занимал П.П. Багрянцев, после отзыва которого Иркутский губком РКП(б) отказался прислать нового работника и предложил уездному комитету партии выдвинуть его на месте. В результате пленум Киренского укома единогласно избрал на эту должность С.И. Тычкова, совсем недавно прибывшего в Киренск для работы в качестве председателя уездного исполкома Советов. Отсутствие соответствующего опыта, несложившиеся отношения с новым председателем уисполкома М.И. Белоусовым и заведующим уездным финансовым отделом И.В. Курмакиным, а также длительное отсутствие С.И. Тычкова в уезде заметно ослабили его позиции. Дополнительным фактором, внесшим дисбаланс в расстановку сил, стало назначение заведующим организационным отделом, а затем – заместителем секретаря Киренского укома РКП(б) Н.В. Овсянникова. Будучи молодым, энергичным и амбициозным коммунистом, он заметно выделялся на общем фоне благодаря прохождению курсов уездных партийных работников при Центральном комитете РКП(б). Карьерные устремления Н.В. Овсянникова были поддержаны М.И. Белоусовым и И.В. Курмакиным, что, в конечном счете, вылилось в попытку членов президиума снять С.И. Тычкова с поста секретаря уездного комитета. 22 декабря 1925 г. президиум постановил откомандировать его в Иркутск, а 23 декабря – исключить из РКП(б). Новым секретарем укома президиум без какого-либо согласования с губкомом назначил Н.В. Овсянникова. В разразившемся конфликте губернское партийное руководство изначально поддержало С.И. Тычкова и распорядилось М.И. Белоусова, И.В. Курмакина и Н.В. Овсянникова из Киренска отозвать. В статье показано, что именно это решение подтолкнуло Н.В. Овсянникова к совершению самоубийства. Сделан вывод, что расследовавшая инцидент губернская контрольная комиссия не вполне заслуженно оправдала Иркутский губком, переложив ответственность за все произошедшее на уездное партийно-советское руководство, включая С.И. Тычкова. Таким образом, самоубийство стало не только наивысшей, но и по-настоящему поворотной точкой описанного конфликта, что заметно выделяет его из общего ряда.

Ключевые слова: РКП(б), Киренский уездный комитет РКП(б), партийно-советское руководство, борьба за власть, конфликт, склока, самоубийство, Сибирь, Киренск.

Статья поступила в редакцию 03.10.2022 г.

Борьба за власть – неотъемлемая часть и один из важнейших движущих факторов политического процесса в любом государстве. Ее целью может быть как смена действующего политического режима, так и занятие определенных позиций в существующей системе властных отношений.

В России после Октябрьской революции и победы большевиков в Гражданской войне вопрос о власти довольно быстро перешел из политической в индивидуалистическую плос-

кость. Уже в начале 1920-х гг. массовым явлением политической повседневности стали так называемые склоки – межличностные конфликты, не имевшие идеологического содержания. На состоявшемся в конце марта – начале апреля 1922 г. XI Всероссийском партийном съезде член Политбюро ЦК РКП(б) Г.Е. Зиновьев заявил, что склоки, трения и группировки стали «настоящим бичом». При этом Г.Е. Зиновьев даже попытался классифицировать их по составу противоборствовавших сторон: «более молодые [работники] против более старых, уездные против городских, партийные против советских, совнархозовцы против профсоюзовцев, и наоборот, губпродкомы с совнархозами, и пр[очее] и пр[очее]»[1].

Несмотря на распространенность такого рода конфликтов, их изучение долгое время оставалось за пределами исследовательских интересов историков. В советской историографии данная проблематика в принципе была табуирована, поскольку, как справедливо заметил В.В. Шабалин, «межличностные ссоры большевиков слабо вписывались в модель классовой борьбы»[2]. После распада СССР ситуация изменилась. Однако по понятным причинам в числе приоритетных тем оказалась внутрипартийная борьба в высших эшелонах власти и/или на любом другом уровне, если она вписывалась в контекст противостояния сначала ленинского, а затем сталинского большинства ЦК с оппозицией[3]. По мере накопления и углубления знаний о борьбе за власть в 1920-е гг. в целом российские исследователи все чаще стали интересоваться историей отдельных, в том числе локальных межличностных конфликтов[4]. Актуальность данной проблематики авторы правомерно объясняют необходимостью углубления представлений о функционировании советской политической системы, образе жизни партийно-советской номенклатуры, неформальных политических практиках.

Причины, ход и результаты таких конфликтов всегда зависели от комплекса объективных и субъективных факторов. Вместе с тем уже введенный в научный оборот фактический материал свидетельствует, что, как правило, они разрешались путем отзыва одних и назначения других ответственных работников. В этом контексте неординарной выглядит развернувшаяся в сентябре 1925 г. борьба за пост секретаря Киренского уездного комитета РКП(б), наивысшей точкой которой стало самоубийство одного из ключевых участников конфликта. Представляется, что выяснение всех обстоятельств произошедшего позволит решить по меньшей мере три самостоятельные задачи: углубить знания о политических конфликтах середины 1920-х гг., охарактеризовать политическое поведение партийно-советских работников уездного уровня, внести вклад в изучение проблемы самоубийств в Сибири в период новой экономической политики.

* * *

Киренский уезд Иркутской губернии был одним из самых малонаселенных и наиболее отдаленных в Сибири. По данным на 1 июля 1924 г., в уезде проживало только 42,3 тыс. человек, что составляло 6,4 % всего населения губернии[5]. Административный центр уезда –

[1] Протоколы Одиннадцатого съезда РКП(б). М., 1936. С. 424.

[2] *Шабалин В.В.* «Склока» как способ саморегуляции районной элиты в 1920-е годы // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2013. Вып. 2 (22). С. 159.

[3] *Демидов В.В.* Политическая борьба и оппозиция в Сибири, 1922–1929 гг. Новосибирск, 1994. 165 с.; *Олех Г.Л.* «Омское дело» 1922 г.: хроника и смысл событий // Из прошлого Сибири: межвузовский сб. науч. тр. Новосибирск:, 1994. Вып. 1. Ч. 1. С. 101–123; *Олех Г.Л.* Партийная машина РКП(б) в начале 20-х гг.: устройство и функционирование. Новосибирск, 1995; *Кружинов В.М.* Политические конфликты в первое десятилетие советской власти (на материалах Урала). Тюмень, 2000.

[4] См., например: *Шабалин В.В.* «Склока» как способ саморегуляции районной элиты в 1920-е годы // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2013. Вып. 2 (22). С. 159–166; *Воробьев С.В.* Конфликт в Курганском окружкоме РКП(б): красные партизаны против заведующего организационным отделом А.Г. Осокина // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2017. № 4 (24). С. 67–78; *Воробьев С.В.* Случай Н.М. Шверника: конфликт в руководстве Уральской области в 1927–1928 гг. // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер.: Исторические науки. 2019. № 3 (35). С. 36–46; *Морозова Т.И.* Конфликт в Бурят-Монгольском обкоме РКП(б): формальные и неформальные практики борьбы за власть (март – ноябрь 1925 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 142–153; и др.

[5] Справочник по Иркутской губернии с приложением календаря, системы метрических мер, извлечений из действующего законодательства, сведений о СССР и важнейших иностранных государствах, карт Иркутской губернии и СССР. 1925 г. Иркутск, 1925. С. 32–33.

город Киренск – располагался в 646 км от Иркутска и в 1566 км от Новониколаевска. Большие расстояния и плохо развитая инфраструктура существенно затрудняли коммуникацию уездного партийно-советского руководства с губернскими и областными/краевыми органами власти. В результате на протяжении первой половины 1920-х гг. ни Иркутский губернский, ни Сибирский краевой комитеты РКП(б) не располагали сколько-нибудь точными сведениями о численности киренской партийной организации.

Главным и едва ли не единственным методом руководства, позволявшим в той или иной степени проводить в уезде политику правящей партии, являлась расстановка кадров. В соответствии со сложившейся практикой, к середине десятилетия оформившейся в так называемую номенклатурную систему, работники на ключевые партийные и советские должности в уезде сначала рекомендовались, а затем утверждались Иркутским губкомом РКП(б). То есть фактически речь шла о назначениях на ответственные должности, внешне замаскированных под демократичные выборы. К началу 1925 г. председателем Киренского уездного исполнительного комитета Советов таким образом стал член партии с 1920 г. В.Ф. Мохов, секретарем Киренского уездного комитета РКП(б) – член партии с 1920 г. П.П. Багрянцев, заведующим организационным отделом укома – член партии с 1919 г. А.Н. Воробьев[6].

В январе 1925 г. после откомандирования В.Ф. Мохова из Киренска в Иркутск председателем Киренского уисполкома по совместительству был назначен Иван Васильевич Курмакин (рис. 1), занимавший в то время пост заведующего финансовым отделом уисполкома. Год спустя, вспоминая события того времени, П.П. Багрянцев отзывался о И.В. Курмакине следующим образом: «человек он в высшей степени хитрый, карьерист до крайности <…>. На президиумах укома он не терпел (принципиально) возражений товарищей, стоящих ниже его по работе. Хотя зачастую его предложения были абсолютно неприемлемыми. Выдержанности не имел никакой»[7].

Рис. 1. Члены президиума Киренского уездного комитета РКП(б) (слева направо): М.И. Белоусов, Н.В. Овсянников, В.И. Алмазов, И.В. Курмакин (1925 г.) (ГАНО. Ф. П-6. Оп. 3. Д. 11. Л. [б/н])

Негативные качества И.В. Курмакина, а также совмещение им сразу двух важных должностей сделали необходимым поиск новой кандидатуры на пост председателя уисполкома. По решению Иркутского губернского комитета РКП(б) в конце мая 1925 г. для этой

[6] Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-2. Оп. 1. Д. 563. Л. 9.
[7] ГАНО. Ф. П-6. Оп. 3. Д. 11. Л. 21.

работы в Киренск был командирован Семен Ильич Тычков. Однако почти одновременно губком отозвал из уезда П.П. Багрянцева, не прислав ему замены, а лишь рекомендовав президиуму укома «кандидатуру секретаря выдвинуть на месте»[8]. Источников, которые позволили бы объяснить данное решение губернского руководства, нет. Наиболее убедительными выглядят версии об общем дефиците квалифицированных кадров, а также нежелании большинства работников ехать в столь отдаленную местность. Таким образом, получив усиление в виде одного ответственного работника, партийно-советское руководство Киренского уезда тут же лишилось другого.

По свидетельству самого П.П. Багрянцева, вопрос о кандидатуре нового секретаря укома был поставлен еще до его отъезда из Киренска. В середине июня 1925 г. на уездной партийной конференции после длительного обсуждения единогласно было принято решение «т[ов.] Тычкова с должности пред[седателя] уика снять и провести его секретарем укома»[9]. Кроме того, партконференция в соответствии со своей компетенцией сформировала новый состав президиума укома, в который, наряду в С.И. Тычковым, были избраны Иван Петрович Ягнышёв, одновременно назначенный заведующим организационным отделом укома, заведующий уездным финансовым отделом Иван Васильевич Курмакин, уполномоченный ОГПУ по Киренскому уезду Василий Иванович Алмазов (см. рис. 1), помощник уездного прокурора Иван Антонович Клабуков[10], секретарь городской ячейки профсоюза водников Антон Степанович Гробовский, член той же ячейки Павел Гаврилович Лесков.

Первостепенной задачей для нового состава президиума укома стал поиск кандидата на пост председателя уисполкома Советов. Имевший соответствующий опыт И.В. Курмакин, по всей видимости, приложил много усилий, чтобы убедить президиум вновь выдвинуть его на эту должность, но по неофициальной рекомендации П.П. Багрянцева С.И. Тычков заблокировал это решение[11]. Произошедшее закономерно вызвало негативную реакцию И.В. Курмакина и, вероятно, заложило серьезные предпосылки для взаимной неприязни и конфронтации.

В конце лета – начале осени 1925 г. Иркутский губернский комитет РКП(б) все-таки попытался укрепить Киренский уезд ответственными работниками. С этой целью в середине августа по решению губкома в город прибыл Н.В. Овсянников (см. рис. 1).

Николай Васильевич родился в 1903 г. в крестьянской семье. Окончил три класса начального училища, подрабатывал чернорабочим. Несмотря на юный возраст, с мая 1919 г. принимал участие в Гражданской войне на стороне Красной армии. Будучи коммунистом, служил политруком во 2-й Харьковской бригаде РККА. При этом свое вступление в РКП(б) в различных анкетах Н.В. Овсянников датировал по-разному: февралем, мартом или апрелем 1920 г.[12] После демобилизации в апреле 1921 г. работал заведующим отделом труда в Балаганском уезде Иркутской губернии, а с сентября 1922 г. – одновременно уполномоченным Иркутского губернского совета профессиональных союзов в г. Балаганске. Секретарь Балаганского укома РКП(б) характеризовал Н.В. Овсянникова как практика марксизма, умеющего подбирать работников и ориентироваться в политической обстановке. В том же отзыве исключительно с положительной стороны оценивались и другие качества Н.В. Овсянникова: «Имеются агитационные и пропагандистские способности. Уклонов и колебаний в сторону от большевизма и марксизма за время пребывания в Балаганской организации не замечалось. Политически выдержан. Настойчив в проведении принятых решений. Владеть собой, признавать свои ошибки и сделать из них соответствующие выводы может. Отношение к товарищам по партии, по работе и к подчиненным хорошее. Наклонностей к склоке не наблюдается»[13].

В июне 1923 г. Н.В. Овсянников был переведен в Иркутский уезд на работу в Усольское районное бюро профессиональных союзов. Там он сначала руководил культурной

[8] ГАНО. Ф. П-6. Оп. 3. Д. 11. Л. 21 об.
[9] Там же.
[10] В некоторых документах ошибочно именуется Каблуковым.
[11] ГАНО. Ф. П-6. Оп. 3. Д. 11. Л. 21 об.
[12] Там же. Л. 170 об., 176, 184 об.
[13] Там же. Л. 172.

работой, а затем его повысили до секретаря райпрофбюро. В декабре 1923 г. Н.В. Овсянников пытался освободиться от этой должности по собственному желанию, но тогда Иркутский уездный комитет РКП(б) отказал ему в удовлетворении данной просьбы[14]. Однако весной 1924 г. ситуация изменилась: 23 апреля уком вынес Н.В. Овсянникову выговор за «уклонение от партобязанностей и оторванность от парторганов», в связи с чем сам отстранил его от работы с запретом занимать ответственные должности сроком на один год. Полтора месяца спустя Н.В. Овсянников обжаловал данное решение в вышестоящих органах. В результате 12 июня 1924 г. партколлегия губернской контрольной комиссии отменила решение Иркутского укома о снятии Н.В. Овсянникова с ответственной работы, подтвердив, однако, вынесение ему выговора за нарушение партийной дисциплины[15].

Вскоре после этого Иркутский губком РКП(б) откомандировал Н.В. Овсянникова в Зиминский уезд, что, по всей видимости, имело решающее значение для его дальнейшей карьеры. Дело в том, что уже в июле 1924 г. президиум Зиминского уездного комитета партии констатировал, что заведующий орготделом укома тяжело болен и «нет никакой надежды на выздоровление»[16]. Приезд Н.В. Овсянникова и отсутствие в уезде более подходящих кандидатур обусловили его назначение на внезапно освободившуюся должность. За три последующих месяца на новом посту Н.В. Овсянников зарекомендовал себя как инициативный работник, принимавший активное участие в деятельности уездного комитета РКП(б) и заслуживающий повышения по партийной линии[17]. Вероятно, поэтому, когда в сентябре 1924 г. Иркутский губком РКП(б) получил разверстку на отправку коммунистов в Москву для прохождения курсов уездных партработников при ЦК РКП(б), выбор пал в том числе на Н.В. Овсянникова.

Учитывая, что со всего СССР осенью 1924 г. на данные курсы было направлено только 320 человек, можно оценивать зачисление на них Н.В. Овсянникова как большую удачу. Продолжительность обучения составляла девять месяцев, а программа включала девять различных предметов – от «политической экономии» и «исторического материализма» до курсов, посвященных практическим вопросам государственного и партийного строительства[18]. По результатам обучения Н.В. Овсянников получил следующий отзыв: «В течение прохождения курса систематизировал и теоретически обосновал опыт предшествующей партийно-советской работы. Обнаружил значительный рост в развитии и знаниях. Правильно ориентируется в политической обстановке и вопросах партстроительства. В партийном и бытовом отношении проявил себя как выдержанный и дисциплинированный член партии. Уклонов теоретических и в вопросах партийной политики и партстроительства нет. Кроме учебы выполнял на курсах партийно-общественную работу. Развитие и способности хорошие. Усвоил предметы курса хорошо. Имеет навык к самостоятельной работе. Излагает мысли ясно. Может быть рекомендован на партийно-организационную работу в уездном масштабе, под руководством»[19].

Именно в соответствии с этой рекомендацией после прохождения курсов уездных партработников при ЦК РКП(б) Н.В. Овсянникова командировали в Киренск. С 1 сентября он был назначен заведующим организационным отделом уездного комитета партии[20], сменив на этом посту И.П. Ягнышёва, переведенного на работу в уездный исполком Советов. В связи с данной перестановкой изменения были произведены и в составе президиума Киренского укома РКП(б): вместо выбывшего И.П. Ягнышёва кооптирован Н.В. Овсянников.

Вслед за ним Иркутский губком РКП(б) направил в Киренск еще одного работника – Михаила Ипполитовича Белоусова (см. рис. 1), рекомендовав уездному партийно-советскому руководству обеспечить его избрание председателем уисполкома Советов. Однако, по свиде-

[14] ГАНО. Ф. П-6. Оп. 3. Д. 11. Л. 173.
[15] Там же. Л. 176–176 об.
[16] Там же. Л. 175.
[17] Там же. Л. 174.
[18] Программа курсов уездных партработников // Известия ЦК РКП(б). М., 1924. № 1 (6). С. 7.
[19] ГАНО. Ф. П-6. Оп. 3. Д. 11. Л. 177.
[20] Там же. Л. 168.

тельству самого М.И. Белоусова, в Киренске он неожиданно столкнулся с сопротивлением секретаря укома С.И. Тычкова. Ссылаясь на незнание М.И. Белоусова как работника, С.И. Тычков фактически самоустранился, поручив выполнение директивы губкома только что приступившему к работе Н.В. Овсянникову. Именно при его содействии 3 сентября 1925 г. уездный съезд Советов единогласно избрал М.И. Белоусова председателем уездного комитета Советов[21].

Вскоре после этого, 20 сентября 1925 г., С.И. Тычков выехал из Киренска в Иркутск, чтобы принять участие в губернской партийной конференции[22]. Там он был избран делегатом на вторую Сибирскую краевую конференцию РКП(б), запланированную на 27 ноября – 2 декабря 1925 г., и потому из Иркутска сразу направился в Новониколаевск. С учетом дороги командировка С.И. Тычкова заняла в общей сложности три месяца.

Заранее осознавая, что поездка С.И. Тычкова будет долгой, 26 сентября 1925 г. президиум Киренского уездного комитета РКП(б) постановил назначить Н.В. Овсянникова заместителем секретаря укома[23]. Объективной предпосылкой для выбора именно этой кандидатуры стала занимаемая Н.В. Овсянниковым должность: по сложившейся в партии традиции в большинстве случаев именно заведующий орготделом являлся вторым человеком в партийном комитете. Дополнительным основанием, несомненно, являлось прохождение им курсов уездных партработников – по всей видимости, в отсутствие С.И. Тычкова Н.В. Овсянников на самом деле оказался наиболее квалифицированным работником в Киренске.

Информация о том, что происходило в уезде в отсутствие С.И. Тычкова, разнится. Сохранившиеся источники позволяют сформулировать по меньшей мере две гипотезы. Первая основана на письменных объяснениях, которые в начале 1926 г. были даны П.П. Багрянцевым и М.И. Белоусовым Иркутской губернской контрольной комиссии ВКП(б)[24]. Упомянутые документы подтверждают версию, что М.И. Белоусов и И.В. Курмакин имели личные счеты с С.И. Тычковым. Следовательно, у них был веский мотив для того, чтобы последовательно и методично убеждать Н.В. Овсянникова в необходимости сместить С.И. Тычкова с должности секретаря укома.

Вторая гипотеза базируется на свидетельствах председателя районного комитета профсоюза работников водного транспорта в Киренске П.И. Бакшука, также являвшегося непосредственным свидетелем событий. По его мнению, главным виновником склоки был именно Н.В. Овсянников, который «после от[ъ]езда Тычкова развил необычайную активность, выпячивая себя во всех случаях безусловно как центральную фигуру, что, конечно, действовало на недостаточно политически выдержанных членов президиума [укома] и некоторых тов[арищей] и[з числа] городского актива»[25].

Так или иначе (по собственной инициативе или же подталкиваемый М.И. Белоусовым и И.В. Курмакиным), Н.В. Овсянников в отсутствие С.И. Тычкова стал предпринимать неоднократные попытки дискредитировать его перед другими членами президиума и местным партийно-советским активом. По свидетельству члена РКП(б) Адамии, только с ним Н.В. Овсянников четырежды заводил разговор об «отношении к “старому секретарю”». 21 декабря 1925 г., в день возвращения С.И. Тычкова в Киренск, Адамия передал ему письмо, в котором не только сообщил об этих беседах, но и выразил свое к ним отношение: «Такие его подходы невольно настораживали и наводили на мысль, что Овсянникову до смерти хочется стать секретарем укома»[26].

В том же письме Адамия ссылался на М.И. Белоусова, якобы сообщившего ему, что почти все члены президиума уездного комитета против С.И. Тычкова и намерены «секретарем поставить Овсянникова». По словам Адамии, на вопрос о том, как они собираются осуществить столь рискованный план, М.И. Белоусов объяснял: «Как только приедет Тычков,

[21] ГАНО. Ф. П-6. Оп. 3. Д. 11. Л. 37.
[22] Там же. Л. 125.
[23] Там же. Л. 179.
[24] Там же. Л. 21–22, 37–38.
[25] См.: ГАНО. Ф. П-2. Оп. 4. Д. 7. Л. 15.
[26] ГАНО. Ф. П-6. Оп. 3. Д. 11. Л. 31.

президиум, не допуская Тычкова до секретарства, предложит ему “отказаться” по болезни или другим причинам и уехать»[27]. То есть замысел состоял в том, чтобы самовольно откомандировать С.И. Тычкова из Киренска, поставив Иркутский губком РКП(б) перед свершившимся фактом, что, безусловно, являлось серьезным нарушением установленных в партии правил и порядков.

М.И. Белоусов позднее не подтверждал подлинность таких разговоров. Кроме того, он заявлял, что был кооптирован в состав президиума Киренского уездного комитета РКП(б) только 8 декабря, пытаясь тем самым приуменьшить свою роль в заговоре. Вместе с тем М.И. Белоусов не скрывал своего отношения к С.И. Тычкову, утверждая, что тот, в отличие от Н.В. Овсянникова, «как секретарь укома в работе слаб»[28].

Письмо Адамии не только не смогло предотвратить заговор, но, напротив, ускорило цепочку событий. Будучи проинформирован о планах Н.В. Овсянникова и М.И. Белоусова, 22 декабря 1925 г. С.И. Тычков сам инициировал закрытое заседание президиума уездного комитета. На нем он заявил присутствовавшим, что знает о действиях, направленных на подрыв его авторитета, однако в результате не получил ни сочувствия, ни поддержки. Члены президиума единогласно выступили за откомандирование С.И. Тычкова в распоряжение Иркутского губкома и назначение секретарем Н.В. Овсянникова[29].

Сразу после заседания С.И. Тычков направил в Иркутск две срочные телеграммы. В первой он кратко информировал губком партии о решении президиума и просил немедленных указаний[30]. Вторая была более пространной и эмоциональной. В ней С.И. Тычков обвинял Н.В. Овсянникова в таких «гнусных проделках», как «дача директив ГПУ» и «фабрикация материалов», а также уличал президиум в пьянстве. Общее состояние киренской партийной организации он оценивал как критическое. На этом основании С.И. Тычков просил губком срочно выслать в Киренск комиссию для улаживания конфликта, а до ее прибытия предоставить ему чрезвычайные полномочия вплоть до права на роспуск президиума. В случае невозможности удовлетворить данную просьбу С.И. Тычков ходатайствовал о разрешении выехать в Иркутск[31].

По стечению обстоятельств в разгар описанного конфликта секретарь Иркутского губернского комитета А.В. Гриневич находился в Москве, где с 18 по 31 декабря 1925 г. проходил XIV съезд РКП(б). Поэтому вся тяжесть разрешения сложившейся ситуации легла на заведующего организационным отделом губкома И.А. Спирова.

Наряду с вышеупомянутыми телеграммами 22 декабря 1925 г. И.А. Спиров получил еще два срочных сообщения, прямо противоречивших друг другу. С одной стороны, члены президиума Киренского укома В.И. Алмазов, М.И. Белоусов, Н.С. Горнаков[32], И.В. Курмакин, И.А. Клабуков и П.Г. Лесков в качестве причин снятия С.И. Тычкова с должности называли его неспособность осуществлять практическое и деловое руководство, отсутствие авторитета среди партийных и беспартийных масс, а также «оторванность [от] низовых партийцев». Отправители телеграммы пытались убедить И.А. Спирова, что никакой намеренной работы по дискредитации С.И. Тычкова Н.В. Овсянников среди членов президиума не вел, а его избрание новым секретарем укома вызвано исключительно деловыми соображениями[33]. С другой стороны, четверо представителей партийного актива уездной комсомольской организации спешили сообщить И.А. Спирову, что, по их мнению, смещение С.И. Тычкова с поста неправильно, а авторитет Н.В. Овсянникову создан искусственно[34].

[27] ГАНО. Ф. П-6. Оп. 3. Д. 11. Л. 32.
[28] Там же. Л. 37–37 об.
[29] Там же. Л. 37 об.
[30] Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2357. Л. 1.
[31] Там же. Л. 4–5; ГАНО. Ф. П-6. Оп. 3. Д. 11. Л. 39–39 об.
[32] Выдвиженец из крестьян, член партии с 1920 г., введен в состав президиума после июньской уездной конференции РКП(б).
[33] ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2357. Л. 2–3.
[34] Там же. Л. 7.

На следующий день, 23 декабря 1925 г., президиум Киренского укома собрался на очередное закрытое заседание. Однако на этот раз С.И. Тычков не только не был инициатором, но и вовсе уклонился от участия, сказавшись больным. Председательствовавший на заседании Н.В. Овсянников зачитал шифротелеграмму, накануне направленную С.И. Тычковым в Иркутск. Ее копия, судя по всему, была получена В.И. Алмазовым по линии ОГПУ. Озвученный документ был использован Н.В. Овсянниковым, чтобы обвинить С.И. Тычкова в попытке настроить отдельных коммунистов против членов президиума. По итогам обсуждения президиум постановил процитированную телеграмму «считать явно ложной сводкой», состояние киренской парторганизации признать нормальным, С.И. Тычкова за предоставление «ложных сведений высшим партийным органам» и попытку дискредитировать президиум укома из рядов РКП(б) исключить[35]. Дополнительным основанием для принятия столь кардинального решения стала отсылка к личному делу С.И. Тычкова, в котором был зафиксирован выговор, вынесенный ему в прошлом во время работы в пензенской партийной организации за якобы имевшую место дезинформацию ЦК РКП(б).

Постановление президиума уездного комитета было доведено до Иркутского губкома по прямому проводу поздним вечером 23 декабря. Члены президиума заверили И.А. Спирова, что «состояние организации здоровое, пьянства нет, все, что сообщено губкому [в шифротелеграмме], является изысканиями путей оправдания самим Тычковым». В ответ И.А. Спиров напомнил, что в июне 1925 г. пленум Киренского укома РКП(б) избрал С.И. Тычкова секретарем единогласно, и просил сообщить, «чем объясняет президиум выборы секретарем неавторитетного человека». И.А. Спирова также интересовало, в чем конкретно заключалась слабость работы С.И. Тычкова и какие низовые парторганизации выдвинули вопрос о его замене[36].

Сразу после этого И.А. Спиров переговорил по прямому проводу и с самим С.И. Тычковым. Последний сообщал, что члены президиума рассчитывали вынудить его «подать заявление с просьбой о выезде [из Киренска] по болезни», а также пытались не допустить его до разговора с губкомом по прямому проводу. Также он сообщал, что направленные им накануне в Иркутск телеграммы были отобраны у заведующего конторой и попали в руки членов президиума. С.И. Тычков просил губком отменить постановление о его исключении из РКП(б) и вновь требовал наделить его особыми полномочиями до приезда специальной комиссии. Однако И.А. Спиров как в предоставлении полномочий по роспуску президиума, так и в выезде в Иркутск категорически отказал[37]. Вместе с тем он требовал, чтобы возникший конфликт не был вынесен на обсуждение широких масс. Это условие было предъявлено как С.И. Тычкову, так и всем остальным членам президиума.

Ответы на вопросы, поставленные И.А. Спировым перед членами президиума в разговоре по прямому проводу, были направлены ему срочной телеграммой 24 декабря. В ней утверждалось, что идея снятия С.И. Тычкова с должности якобы была выдвинута секретарем городской ячейки профсоюза водников[38], состоявшими в партии рабочими от станка и, как будто бы, даже отдельными делегатами губпартконференции. Отправители телеграммы в очередной раз настаивали на том, что С.И. Тычков не имеет авторитета среди партийной массы, а его избрание на пленуме объяснили отсутствием альтернативы: они напомнили, что летом 1925 г. губком отказался командировать в Киренск подходящего работника и предложил им выбирать «по своему усмотрению», что и было сделано. К озвученным ранее обвинениям в адрес С.И. Тычкова члены президиума добавили еще одно, не менее серьезное, заявив об использовании им служебного положения для получения двойного жалования. Чтобы убедить губком в своей правоте, члены президиума предлагали выслать в Киренск специальную комиссию для проверки приведенных фактов. В заключение

[35] ГАНО. Ф. П-6. Оп. 3. Д. 11. Л. 39–40.
[36] ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2357. Л. 8–9.
[37] Там же. Л. 11–13.
[38] В телеграмме не указывалась фамилия, но, по всей видимости, речь шла о А.С. Гробовском.

президиум настоятельно просил утвердить Н.В. Овсянникова секретарем укома и дать дальнейшие указания[39].

С.И. Тычков в то же время пытался донести до губкома альтернативный взгляд на сложившуюся ситуацию. Короткой телеграммой он сообщал, что состоявшийся накануне его разговор с И.А. Спировым под давлением ГПУ был выдан членам президиума, а за домом, где он проживал, установлена слежка[40].

Для разрешения конфликта 24 декабря 1925 г. И.А. Спиров созвал заседание бюро Иркутского губернского комитета РКП(б). Противоречивость информации, полученной из Киренска, привела к тому, что мнения членов бюро губкома разделились. Однако четырьмя голосами против трех оно все же постановило указания, ранее данные И.А. Спировым уездному комитету, одобрить, решения президиума о назначении нового секретаря укома и исключении С.И. Тычкова из РКП(б) отменить, Н.В. Овсянникова, М.И. Белоусова и И.В. Курмакина срочно отозвать из Киренска в Иркутск. Вместо них бюро губкома рекомендовало ввести в состав президиума коммунистов Адамию, В.П. Завадского и И.А. Шергина, а обязанности секретаря укома до того, как в Киренск будет командирован подходящий работник, снова возложить на С.И. Тычкова[41].

25 декабря И.А. Спиров вновь вызвал членов президиума Киренского укома по прямому проводу, чтобы зачитать им постановление бюро Иркутского губкома. Затем к телефону был приглашен В.И. Алмазов, которому начальник Иркутского отдела ОГПУ Д.В. Шлёнов в категорической форме приказал прекратить использование аппарата ОГПУ «в склочных целях», имея в виду изъятие телеграмм С.И. Тычкова, записей его разговоров с губкомом и слежку. Кроме того, Д.В. Шлёнов потребовал от В.И. Алмазова «из склоки выйти, поддерживать всем авторитетом решения губкома», а также ставить его в известность «о всех новых нездоровых явлениях»[42]. Главным итогом переговоров стали обещания Н.В. Овсянникова и С.И. Тычкова выполнить все директивы губкома[43].

На самом же деле Н.В. Овсянников, М.И. Белоусов и И.В. Курмакин восприняли постановление бюро как личное поражение, с которым они вовсе не хотели мириться. Вечером того же дня заведующий киренской конторой Бронников, отвечавший за организацию переговоров по прямому проводу, был вызван в уком, где, по его словам, проходило закрытое заседание президиума в составе Н.В. Овсянникова, В.И. Алмазова, М.И. Белоусова, И.А. Клабукова и И.В. Курмакина. По свидетельству Бронникова, присутствовавшие были пьяны. Стуча кулаками по столу и угрожая арестом, они пытались выяснить у него, о чем С.И. Тычков говорил с губкомом, негативно отзывались о В.П. Завадском и И.А. Шергине, а также обсуждали возможность реванша[44].

По косвенным данным, на следующий день, 26 декабря, И.В. Курмакин и Н.В. Овсянников продолжали обсуждение планов на квартире последнего[45]. После этого, около пяти часов вечера, Н.В. Овсянников разослал членам президиума, включая С.И. Тычкова, записки, в которых требовал срочно явиться в уком[46].

Первым откликнулся Н.С. Горнаков. Позднее в своем объяснении губернской контрольной комиссии он так описывал произошедшее: «Я пришел по вызову Ов[сяннико]ва. Он ходил у себя в кабинете, волновался и спросил меня: “Знаешь директиву г[уб]к[о]ма?” Я ответил “знаю”. Он сказал еще: “Неправильно мы сделали”. <…> Я взял со стола газету, прислонился к окну, в это время он вышел, прикрыл за собой дверь. Со времени моего прихода продлилось не более минуты. Еще он говорил: “Губком сменял семь человек на

[39] ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2357. Л. 16–16 об.
[40] Там же. Л. 19.
[41] ГАНО. Ф. П-6. Оп. 3. Д. 11. Л. 130.
[42] ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2357. Л. 33.
[43] Там же. Л. 33–39.
[44] Там же. Л. 22–22 об.
[45] ГАНО. Ф. П-6. Оп. 3. Д. 11. Л. 149 об.
[46] Там же. Л. 41 об.

одного”. Я слышал крик Овсянникова: “Горнаков, скажи г[уб]к[о]му, что я сказал!”. Раздался выстрел. Я выскочил. Овсянников в это время упал в комнате»[47].

К тому времени, когда в уком пришли остальные члены президиума, Н.В. Овсянников был мертв. Процитированные выше показания Н.С. Горнакова дают основания утверждать, что главной причиной самоубийства Н.В. Овсянникова стало постановление бюро губкома о его откомандировании из Киренска. Осознав поражение в борьбе за пост секретаря уездного комитета, он понял, что произошедшее грозит ему не только отзывом в распоряжение Иркутского губкома РКП(б), где пришлось бы объясняться за свои поступки, но и неизбежно отразится на его дальнейшей карьере. Репутационный ущерб, понесенный Н.В. Овсянниковым в результате неудачной попытки подсидеть С.И. Тычкова, перечеркивал все его предыдущие заслуги.

В пользу данной версии служат предсмертные записки, обнаруженные Н.С. Горнаковым в кабинете Н.В. Овсянникова. Две из них прямо отсылали к состоявшемуся накануне разговору по прямому проводу. Так, Иркутскому губернскому комитету РКП(б) была адресована следующая запись: «Директива выполнена на 100 %. А где же демократия[?]»[48] (рис. 2). Тем самым Н.В. Овсянников упрекал губком в игнорировании позиции поддержавших его членов президиума, но одновременно демонстрировал, что как коммунист подчиняется партийной дисциплине, хотя и в таком извращенном варианте – предпочитая откомандированию с должности уход из жизни. Вторая записка была предназначена В.И. Алмазову и на фоне первой выглядела еще более саркастической: «Предлагаю всем президиум[ом] выпол[нить] директиву губкома [на] 100 %»[49].

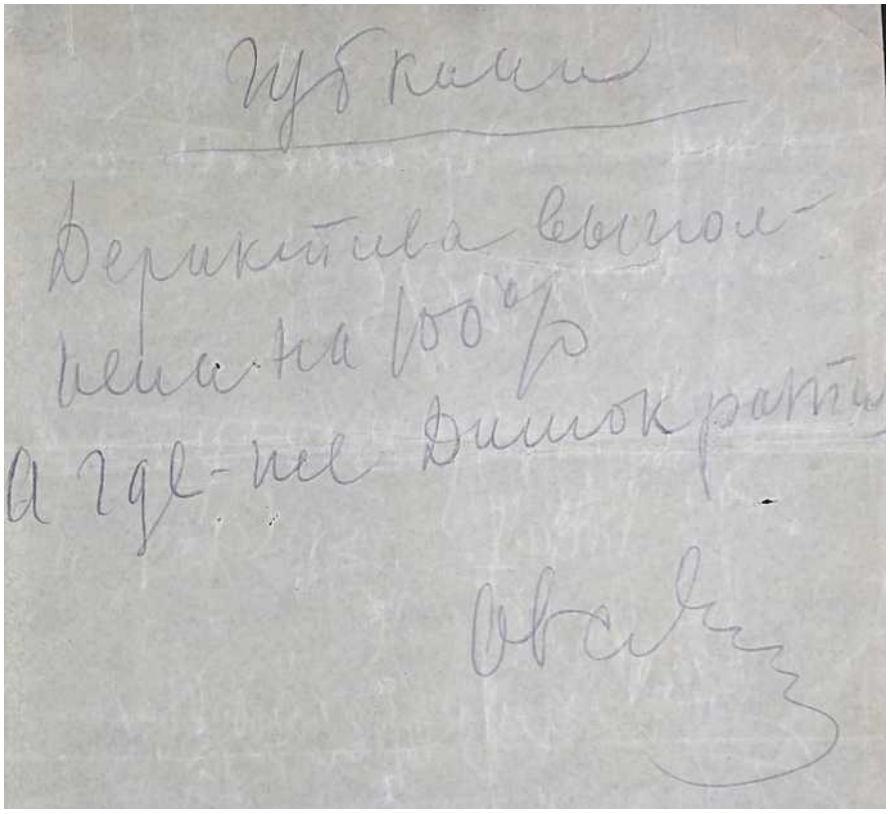

Губкому
Директива выполнена на 100%
а где-же демократия
Овсян

Рис. 2. Предсмертная записка Н.В. Овсянникова, адресованная Иркутскому губкому РКП(б) (26 декабря 1925 г.) (ГАНО. Ф. П-6. Оп. 3. Д. 11. Л. 30)

[47] ГАНО. Ф. П-6. Оп. 3. Д. 11. Л. 103–103 об.
[48] Там же. Л. 30.
[49] Там же. Л. 24.

Остальные три послания носили скорее личный характер. «Пана, прости, – писал Н.В. Овсянников жене, – иначе не мог, поцелуй Нелю, пусть будет такая же, как отец»[50]. М.И. Белоусова и И.В. Курмакина Н.В. Овсянников просил довезти его жену и ребенка в Иркутск[51] (рис. 3), С.И. Тычкова – устроить жену на службу[52]. Эти короткие реплики, написанные, вероятно, в последние часы жизни, не оставляли возможности списать произошедшее на какие-либо семейные неурядицы.

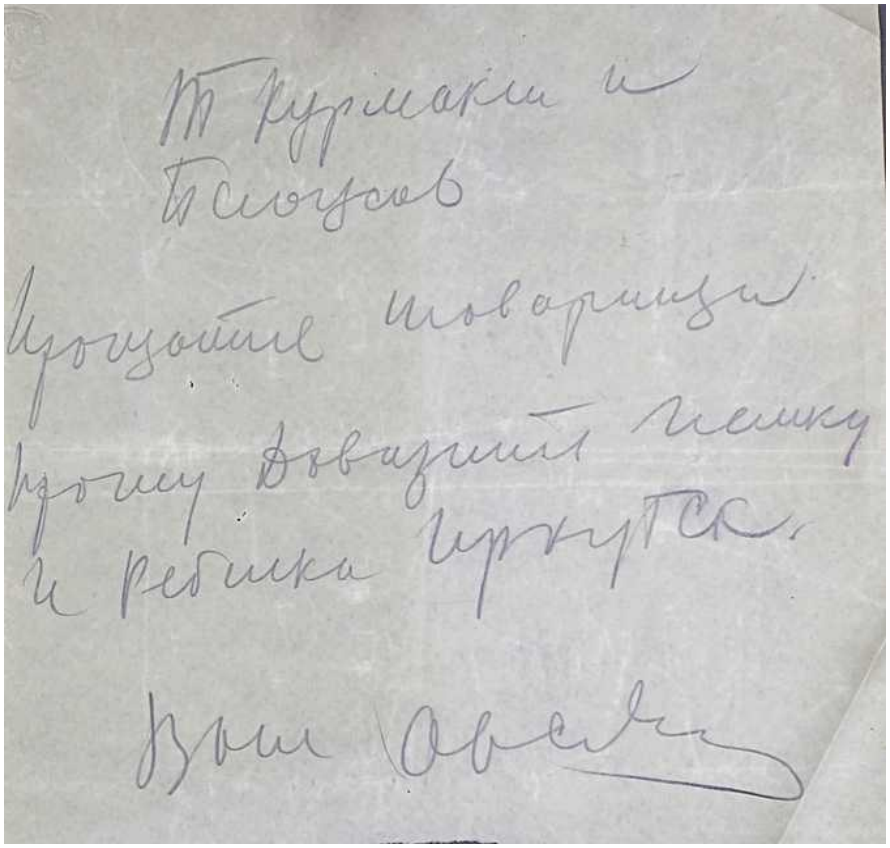

Тт Курмакин и
Белоусов
Прощайте товарищи
прошу довезти Нелку
и ребенка Иркутск.
Ваш Овсян

Рис. 3. Предсмертная записка Н.В. Овсянникова
на имя М.И. Белоусова и И.В. Курмакина (26 декабря 1925 г.)
(ГАНО. Ф. П-6. Оп. 3. Д. 11. Л. 27)

Ввиду экстраординарности события в ночь на 27 декабря 1925 г. С.И. Тычков направил И.А. Спирову срочную телеграмму: «26 декабря вечером [в] укоме [в] присутствии члена президиума Горнакова застрелился Овсянников».

Днем 27 декабря 1925 г. И.А. Спиров запросил по прямому проводу С.И. Тычкова о причинах и обстоятельствах гибели Н.В. Овсянникова, поведении остальных членов президиума и мерах, принятых «для правильного освещения перед организацией вопроса о самоубийстве»[53]. В ответ С.И. Тычков сообщал, что в 11 часов утра в Киренске состоялось заседание городского партийного актива в составе 30 человек, которые были проинформированы о кадровых решениях бюро Иркутского губкома РКП(б) и ознакомлены с новым составом президиума: С.И. Тычков, Адамия, В.И. Алмазов, В.П. Завадский, И.А. Клабуков, Ф.Д. Куракин, И.А. Шергин[54]. Поступок Н.В. Овсянникова С.И. Тычков предложил интерпретировать как самоубийство «на почве припадка», упомянув, однако, наличие слухов среди партактива о том, что причиной суицида стало совершение Н.В. Овсянниковым некого преступления перед партией. Выслушав С.И. Тычкова, И.А. Спиров согласился с медицин-

[50] ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2357. Л. 25.
[51] ГАНО. Ф. П-6. Оп. 3. Д. 11. Л. 27.
[52] Там же. Л. 26.
[53] ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2357. Л. 23.
[54] Там же. Л. 24.

ской версией самоубийства, предложив при этом совершенные Н.В. Овсянниковым ошибки «сильно не раздувать»[55].

Для подтверждения официальной версии Иркутский губком РКП(б) даже заверил копии двух справок, выданных Н.В. Овсянникову врачом 10 и 14 декабря 1925 г. В них перечислялись такие симптомы, как «эпилептические припадки, общая слабость, повышенная нервная возбудимость», а в качестве диагноза было указано «подозрение на эпилепсию»[56]. Установить, были эти копии сделаны с подлинных документов или же просто сфабрикованы задним числом, не представляется возможным. Однако и в заявлении Прасковьи Овсянниковой в Иркутскую губернскую контрольную комиссию, а также в письме, которое, уже будучи вдовой, она получила от матери Н.В. Овсянникова, действительно упоминались его «слабое здоровье», «болезнь» и возможный «припадок»[57].

Смерть одного из участников конфликта заметно усложнила ситуацию и вынудила И.А. Спирова обратиться за советом к секретарю Иркутского губкома А.В. Гриневичу, все еще находившемуся на XIV съезде РКП(б). В телеграмме, отправленной в Москву 28 или 29 декабря, И.А. Спиров сообщал, что Н.В. Овсянников застрелился после распоряжения губкома об отзыве из Киренска «инициаторов склоки», упомянул записку с вопросом «где же демократия» и просил рекомендовать дату созыва пленума губкома[58].

Ответная телеграмма поступила в губком вечером 29 декабря. В ней А.В. Гриневич заявил, что считает целесообразным С.И. Тычкова также снять с должности секретаря. Кроме того, А.В. Гриневич предлагал как можно скорее обратиться в Сибирский краевой комитет РКП(б) с просьбой послать в Киренск работников за счет других уездов и районов[59].

В начале января 1926 г. в город прибыл уполномоченный Иркутского губкома партии А.С. Трифонов, выехавший в командировку за день до самоубийства Н.В. Овсянникова[60]. Основными задачами А.С. Трифонова были выяснение на месте всех обстоятельств склоки и ликвидация ее последствий.

5 января А.С. Трифонов принял участие в закрытом заседании президиума Киренского укома. В ходе продолжительной дискуссии он подверг резкой критике предсмертную записку Н.В. Овсянникова и его последние слова о том, что «губком сменил семь человек на одного». А.С. Трифонов объяснял, что «никаких претензий на нарушение демократии со стороны губкома не может быть», потому что «демократия не заключается в решении президиума укома партии». Эту точку зрения горячо поддержал В.П. Завадский, заявивший, что «демократия разрешается не семеркой, а внеочередной конференцией, в крайнем случае внеочередным пленумом»[61]. Главным результатом этого заседания стало решение о необходимости проводить директивы Иркутского губкома, но при этом держать в секрете подробности произошедшего[62].

Неделю спустя, 12 января 1926 г., новость о самоубийстве Н.В. Овсянникова была доведена до членов бюро Сибирского краевого комитета ВКП(б). Приняв информацию к сведению, бюро Сибкрайкома признало необходимым произвести инструкторское обследование киренской партийной организации[63]. Несколько дней спустя это решение было подтверждено Сибирской краевой контрольной комиссией ВКП(б) (далее – СибКК), которая одновременно постановила «просить Сибкрайком снять с работы тов. Тычкова немедленно»[64].

23 января 1926 г. президиум Иркутской губернской контрольной комиссии (губКК) по рекомендации СибКК принял решение командировать в Киренск сроком на два месяца

[55] ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2357. Л. 24–27.
[56] ГАНО. Ф. П-6. Оп. 3. Д. 11. Л. 20.
[57] Там же. Л. 23–23 об.
[58] ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2357. Л. 40.
[59] Там же. Л. 41.
[60] Там же. Л. 27.
[61] ГАНО. Ф. П-6. Оп. 3. Д. 11. Л. 70–71.
[62] Там же. Л. 72.
[63] ГАНО. Ф. П-2. Оп. 4. Д. 7. Л. 40.
[64] ГАНО. Ф. П-6. Оп. 3. Д. 11. Л. 134.

ответственного секретаря партколлегии М.М. Магдюка. Ему было поручено расследовать самоубийство Н.В. Овсянникова и обследовать состояние уездной партийной организации[65].

М.М. Магдюк прибыл в Киренск в первой декаде февраля, ознакомился с официальными документам, после чего приступил к личным беседам с участниками конфликта, подробно записывая и анализируя их объяснения. На основе этих материалов уже 13 февраля он подготовил краткое письмо на имя председателя Иркутской губКК И.А. Сумина, в котором утверждал, что среди партийно-советского руководства уезда отсутствует «товарищеская спайка», зато царит страх ответственных работников друг перед другом. «Мне кажется, – докладывал И.А. Сумину М.М. Магдюк, – губкому придется подумать о посылке сюда работников, иначе здесь дело с места не сдвинется, а нездоровая атмосфера все будет усугубляться»[66].

Написание официального заключения по делу Н.В. Овсянникова заняло у М.М. Магдюка четыре дня: с 26 февраля по 1 марта 1926 г. Основные выводы этого 15-страничного документа сводились к тому, что президиум Киренского уездного комитета «заговорщическим путем подготовил смещение секретаря укома и без санкции пленума провел это в жизнь», приняв тем самым на себя права уездной партийной конференции. В заключении утверждалось, что Н.В. Овсянников не только не был жертвой, но и сам лично вместе с другими членами президиума «поставил крест на идее широкой внутрипартийной демократии»[67].

Наряду с Н.В. Овсянниковым обвинение было предъявлено еще девяти коммунистам, включая С.И. Тычкова. В ходе расследования был сделан вывод, что действовавший секретарь укома, вернувшись в Киренск и «застав на месте склоку, потерял самообладание и веру в большинство пленума, чем ввел в заблуждение г[уб]к[ом]». Положение С.И. Тычкова усугублялось тем, что М.М. Магдюк не нашел доказательств организации пьянок на квартире В.Н. Овсянникова, о которых информировал С.И. Тычков, но зато подтвердил факт незаконного получения С.И. Тычковым «второго оклада из редакц[ии] “Киренской правды”»[68].

20–21 марта 1926 г. М.М. Магдюк представил свое заключение в виде доклада на заседании президиума Иркутской губКК. На основе заслушанной информации присутствовавшие признали руководство Иркутского губкома киренской партийной организацией «достаточным», а осуществляемый им подбор кадров «удовлетворительным»[69]. Таким образом, контрольная комиссия фактически сняла с членов губернского комитета ВКП(б) всякую ответственность за произошедшее, целиком и полностью возложив вину на уездных партийно-советских работников. Практическим выражением этого стал целый ряд кадровых решений и дисциплинарных взысканий. Так, И.В. Курмакина и М.И. Белоусова исключили из ВКП(б), С.И. Тычкову был объявлен выговор с запретом занимать руководящие партийные должности, И.А. Клабукову и В.И. Алмазову – строгий выговор со снятием с работы в Киренске и откомандированием в другую организацию, Н.С. Горнакову, П.Г. Лескову и А.С. Гробовскому – строгий выговор. Примечательно, что наряду с вышеперечисленными коммунистами к ответственности оказался привлечен также заведующий агитационно-пропагандистским отделом Киренского укома Ф.Д. Куракин. Согласно заключению М.М. Магдюка, он обвинялся в том, что знал о заговоре, но «не сделал ни малейшей попытки [ему] противодействовать», скрывая от С.И. Тычкова важную информацию[70]. За это президиум губКК постановил объявить Ф.Д. Куракину строгий выговор и снять его с ответственной работы[71].

Выводы губернской контрольной комиссии вряд ли можно назвать беспристрастными. Вынесенным постановлением она полностью оправдала Иркутский губком, хотя именно его кадровая политика явилась одной из важнейших предпосылок разразившегося в Киренске

[65] ГАНО. Ф. П-6. Оп. 3. Д. 11. Л. 135.
[66] Там же. Л. 135 об.
[67] Там же. Л. 148 об. – 149 об.
[68] Там же. Л. 152 об.
[69] Там же. Л. 154.
[70] Там же. Л. 152 об.
[71] Там же. Л. 154.

конфликта. Ее прямым следствием стало наличие серьезных противоречий между секретарем и членами президиума уездного комитета РКП(б). Ключевым событием, запустившим процесс борьбы за пост секретаря укома, вероятно, стало назначение его заместителем Н.В. Овсянникова – молодого, энергичного и амбициозного коммуниста, выделявшегося на общем фоне благодаря прохождению курсов уездных партработников при ЦК РКП(б). Авантюризм и уверенность в себе, активно подпитываемые другими членами президиума, подтолкнули Н.В. Овсянникова к рискованным действиям, в конечном счете истолкованным губернским партийно-советским руководством как нарушение внутрипартийной демократии. На самом же деле речь шла о гораздо более серьезном проступке – попытке сменить секретаря укома, с конца 1925 г. входившего в номенклатуру губернского комитета РКП(б), без санкции последнего. Тот факт, что Н.В. Овсянников ввязался в столь опасное предприятие, свидетельствует, что он либо не успел своевременно адаптироваться к происходящим в РКП(б) изменениям, либо в принципе не понимал, как на самом деле устроен и функционирует партийный аппарат. В то же время молодость, горячность, карьеризм и забота о собственной репутации не позволили ему смириться с постигшим его поражением. Совершив самоубийство, Н.В. Овсянников избавил себя от участия в разбирательстве, снятия с ответственной работы и других партийных взысканий вплоть до исключения из РКП(б).

Литература

Воробьев С.В. Конфликт в Курганском окружкоме РКП(б): красные партизаны против заведующего организационным отделом А.Г. Осокина // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2017. № 4 (24). С. 67–78.

Воробьев С.В. Случай Н.М. Шверника: конфликт в руководстве Уральской области в 1927–1928 гг. // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер.: Исторические науки. 2019. № 3 (35). С. 36–46.

Демидов В.В. Политическая борьба и оппозиция в Сибири, 1922–1929 гг. Новосибирск: Изд-во Сибирского кадрового центра, 1994. 165 с.

Кружинов В.М. Политические конфликты в первое десятилетие советской власти (на материалах Урала). Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2000. 232 с.

Морозова Т.И. Конфликт в Бурят-Монгольском обкоме РКП(б): формальные и неформальные практики борьбы за власть (март – ноябрь 1925 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 142–153.

Олех Г.Л. «Омское дело» 1922 г.: хроника и смысл событий // Из прошлого Сибири: межвузовский сб. науч. тр. Новосибирск: НГУ, 1994. Вып. 1. Ч. 1. С. 101–123.

Олех Г.Л. Партийная машина РКП(б) в начале 20-х гг.: устройство и функционирование. Новосибирск: Изд-во Новосибирского гуманитарного института, 1995. 146 с.

Шабалин В.В. «Склока» как способ саморегуляции районной элиты в 1920-е годы // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2013. Вып. 2 (22). С. 159–166.

References

Demidov, V.V. (1994). *Politicheskaya bor’ba i oppozitsiya v Sibiri, 1922–1929 gg*. [Political Struggle and Opposition in Siberia, 1922–1929]. Novosibirsk, Izd-vo Sibirskogo kadrovogo tsentra. 165 p.

Kruzhinov, V.M. (2000). *Politicheskie konflikty v pervoe desyatiletie sovetskoy vlasti (na materialakh Urala)* [Political Conflicts in the First Decade of Soviet Power (Based on the Materials of the Urals)]. Tyumen’, Izd-vo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. 232 p.

Morozova, T.I. (2018). Konflikt v Buryat-Mongol’skom obkome RKP(b): formal’nye i neformal’nye praktiki bor’by za vlast’ (mart – noyabr’ 1925 g.) [A Conflict in the Buryat-Mongol Regional Committee of the Russian Communist Party of the Bolsheviks: Formal and Informal Tactics of the Power Game (March – November 1925)]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 426, pp. 142–153.

Olekh, G.L. (1994). “Omskoe delo” 1922 g.: khronika i smysl sobytiy [“Omsk Case” 1922: Chronicle and Meaning of Events]. In *Iz proshlogo Sibiri: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov*. Novosibirsk, NGU. Vol. 1, pp. 101–123.

Olekh, G.L. (1995). Partiynaya mashina RKP(b) v nachale 20-kh gg.: ustroystvo i funktsionirovanie [The Party Machine of the RCP(b) in the Early 1920s: Structure and Functioning]. Novosibirsk, Izdatel’stvo Novosibirskogo gumanitarnogo instituta. 146 p.

Shabalin, V.V. (2013). “Skloka” kak sposob samoregulyatsii rayonnoy elity v 1920-e gody [“Hassle” as a Way of Regional Elite’ Self-Control in the 1920s]. In *Vestnik Permskogo universiteta*. Ser.: Istoriya. Vol. 2 (22), pp. 159–166.

Vorob’ev, S.V. (2017). Konflikt v Kurganskom okruzhkome RKP(b): krasnye partizany protiv zaveduyushchego organizatsionnym otdelom A.G. Osokina [Conflict in the Kurgan District Committee of the RCP(b): Red Partisans Against the Head of the Organizational Department A.G. Osokin]. In *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 4 (24), pp. 67–78.

Vorob’ev, S.V. (2019). Sluchay N.M. Shvernika: konflikt v rukovodstve Ural’skoy oblasti v 1927–1928 gg. [The Case of N.M. Shvernik: Conflict in the Leadership of the Ural Region in 1927–1928]. In *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Ser.: Istoricheskie nauki*. No. 3 (35), pp. 36–46.

С.П. Качесова*

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОЛИ КРЕСТЬЯНКИ В РЕШЕНИИ СЕМЕЙНЫХ КОНФЛИКТОВ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА: ПОСЛЕДСТВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ СОВЕТСКОГО ПРОЕКТА «НОВОЙ ЖЕНЩИНЫ» ИЛИ ЭХО ОТМЕНЫ КРЕПОСТНОГО ПРАВА?

doi:10.31518/2618-9100-2022-6-4
УДК 94:338(470.7)"1880/1917"

Выходные данные для цитирования:
Качесова С.П. Трансформация роли крестьянки в решении семейных конфликтов в первой трети XX века: последствия реализации советского проекта «новой женщины» или эхо отмены крепостного права? // Исторический курьер. 2022. № 6 (26). С. 55–72. URL: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-6-04.pdf

S.P. Kachesova*

TRANSFORMATION OF PEASANT WOMAN'S ROLE IN SOLVING FAMILY CONFLICTS IN THE FIRST THIRD OF THE 20TH CENTURY: CONSEQUENCE OF IMPLEMENTATION OF SOVIET PROJECT "NEW WOMAN" OR ECHO OF THE ABOLITION OF SERFDOM?

doi:10.31518/2618-9100-2022-6-4

How to cite:
Kachesova S.P. Transformation of Peasant Woman's Role in Solving Family Conflicts in the First Third of the 20th Century: Consequence of Implementation of Soviet Project "New Woman" or Echo of the Abolition of Serfdom? // Historical Courier, 2022, No. 6 (26), pp. 55–72. [Available online: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-6-04.pdf]

Abstract. The Purpose of the article is based on the study of the ego-documents of peasant women of the first third of the 20th century to identify the signs and causes of the transformation of the role of women in solving family conflicts. The methodological approaches of the history of everyday life and gender history were used in the Study. The novelty of the research is determined by its source base. Currently, not so many scientific works devoted to the study of peasant life are written on the basis of ego documents exclusively of female authorship. The study of the ego-documents of peasant men revealed their negative attitude to the changing behavior of women during the resolution of family conflicts, undermining the patriarchal foundations of the peasant family. In the ego-documents of peasant women, on the contrary, conflicts in the family with men are not mentioned. Peasant women describe family conflicts, the participants of which were women – stepmother and daughter, mother-in-law and daughter-in-law, aunt and niece. Such a change in the composition of participants in family conflicts was associated not only with the traditional patriarchal foundations of the peasant family, but also with the departure of men for earnings, which became a consequence of the reform of the abolition of serfdom. In the 1920s, the soviet government began to hold events aimed at constructing the image of the "new soviet woman", which had a great impact on the life of a peasant family. However, the results of the implementation of this soviet project became most tangible only in the 1930s.

Keywords: peasant Woman, family Conflict, Serfdom, 20th century, New Soviet Woman, gender History.

The article has been received by the editor on 20.07.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Светлана Павловна Качесова,** кандидат исторических наук, Сибирский институт бизнеса и информационных технологий, Омск, Россия, e-mail: volf.svetlana.2015@mail.ru
Svetlana Pavlovna Kachesova, Candidate of Historical Science, Siberian Institute of Business and Information Technologies, Omsk, Russia, e-mail: volf.svetlana.2015@mail.ru

Аннотация. Цель статьи – на основе изучения эго-документов крестьянок первой трети XX в. выделить признаки и причины трансформации роли женщины в решении семейных конфликтов. При проведении исследования использовались методологические подходы истории повседневности и гендерной истории. Новизна исследования определяется его источниковой базой. В настоящее время не так много научных трудов, посвященных изучению крестьянского быта, написаны на основе эго-документов исключительно женского авторства. Изучение эго-документов крестьян-мужчин выявило их отрицательное отношение к изменению поведения женщин в ходе решения семейных конфликтов, подрывающего патриархальные основы крестьянской семьи. В эго-документах крестьянок, напротив, конфликты в семье с мужчинами не упоминаются. Крестьянки описывают семейные конфликты, участницами которых являются исключительно женщины – мачеха и дочь, свекровь и сноха, тетка и племянница и т.д. Такое изменение состава участников внутрисемейных конфликтов было связано не только с традиционными патриархальными основами крестьянской семьи, но и с массовым отходничеством мужчин на заработки. В 1920-е гг. советская власть начинает проводить мероприятия, направленные на конструирование образа «новой советской женщины», что оказывает большое влияние на быт крестьянской семьи. Однако результаты воплощения этого советского проекта в жизнь становятся наиболее ощутимыми лишь в 1930-е гг.

Ключевые слова: крестьянка, семейный конфликт, крепостное право, XX век, новая советская женщина, гендерная история.

Статья поступила в редакцию 20.07.2022 г.

Сфера семейных взаимоотношений всегда была наиболее чувствительна к масштабным государственным реформам. Начиная с середины XIX в. семья, независимо от принадлежности ее членов к определенному сословию, испытывала постоянные потрясения в результате государственных преобразований. Первым из них стала отмена крепостного права в Российской империи. Крестьяне, привыкшие до этого момента во всем (даже в решении семейных конфликтов!) полагаться на помещиков[1] и абсолютно не знавшие современного им законодательства, были вынуждены столкнуться еще и с сокрушительным ударом, направленным на разрушение патриархальных основ их семейных взаимоотношений. Начавшийся процесс модернизации промышленности и сельского хозяйства постепенно размывал жесткие правила, на основе которых были построены взаимоотношения между мужчиной и женщиной в крестьянской семье. Последовавшие затем революции, гражданская и мировая войны стали не только тяжелым испытанием для всего населения страны, но и возложили нелегкую ношу на плечи женщин, которые зачастую были вынуждены встать во главе семьи. Главенство мужчины в семье при этом не оспаривалось, но ввиду его отсутствия из-за необходимости ехать на заработки в город или нести военную службу все хозяйственные вопросы приходилось решать женщине.

С установлением советской власти, активно занимавшейся семейной политикой, процесс разрушения традиционных основ крестьянской семьи еще более усугубился. Семью как базовую структуру общества предполагалось подвергнуть коренным изменениям с целью ее активного участия во всех государственных мероприятиях по конструированию нового советского общества. Советский проект по созданию «нового человека» включал в себя, в том числе, и меры по созданию образа «новой советской женщины». По мнению одного из авторов концепции «новой женщины», российской революционерки А. Коллонтай, «новый тип женщины, внутренне-самостоятельной, независимой, свободной, отвечал той морали,

[1] См. об этом подробнее: *Вольф С.П.* Правовой нигилизм в решении семейных конфликтов дворянами и крестьянами в Российской империи первой трети XIX века // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2021. Т. 6, № 3. С. 22–30.

какую вырабатывает в интересах своего класса рабочая среда; рабочему классу для выполнения своей социальной миссии нужна не слуга мужа, не безличная семьянинка, обладающая пассивными женскими добродетелями, а восставшая против всякого порабощения “бунтующая личность”, активный, сознательный и равноправный член коллектива, класса...»[2]. Такая трактовка образа «новой советской женщины» акцентировала внимание «на новых чертах женственности, органически связанных с задачами советской власти: в противовес символистской индивидуальности феминный стереотип советской идеологии базируется на чувстве коллективизма»[3].

При этом А. Коллонтай отмечала, что «перевоспитание психики женщины применительно к новым условиям ее экономического и социального существования дается не без глубокой драматической ломки; каждый шаг в этом направлении порождает коллизии, совершенно незнакомые героиням прошлого»[4].

Таким образом, новому советскому обществу нужна была женщина, являющаяся полноценной участницей общественной и трудовой жизни. Строго говоря, «новая советская женщина» – это прежде всего работница, представительница пролетариата, в то время как «крестьянская семья и поведение крестьянки были более традиционными»[5]. Женские роли хозяйки и матери, традиционные в крестьянской семье, должны были быть замещены в системе новых социальных отношений на роли труженицы и общественницы. Для достижения данных целей женщине-крестьянке предлагались новые модели поведения не только в обществе, но и в семье. Активное участие крестьянки в жизни общества, ее ударный труд во благо государства, а не семьи требовали и ее активного участия в решении семейных конфликтов.

Активное вмешательство государства в жизнь крестьянской семьи посредством проведения мероприятий по созданию «новой советской женщины» очевидно. Но не так очевидна степень влияния этих мероприятий на изменение роли крестьянки в решении семейных конфликтов.

Проблема реализации советского проекта «новой женщины» именно в крестьянской семье является одной из наиболее исследуемых тем в последние годы. Работы ученых-историков, посвященные этой проблеме, представляют осмысление эффективности проведения мероприятий советской власти в воплощении конструкта «новой советской женщины». Многие историки не только отмечают «стремление женщин стать полноправными участницами социально-политической жизни советского государства»[6], но и уделяют особое внимание изучению причин изменений государственной политики в отношении женщин после революционных событий 1917 г.[7] Большинство исследователей единогласны в том, что, по сути, женщина в результате внедрения политики «государственного феминизма» фактически получила «обязанность нести двойную нагрузку и отказываться от собственных потребностей в пользу общественных»[8].

М.В. Васеха – одна из немногих ученых-историков, использующих для проведения своих исследований эго-документы крестьянок в качестве источников наряду с архивными статистическими данными и материалами сибирской прессы 1920-х гг. Она проанализиро-

[2] *Коллонтай А.* Новая мораль и рабочий класс. М., 1919. С. 33.

[3] *Ерохина Т.И.* Трансформация феминных стереотипов в советской культуре начала XX века // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 4 (23). С. 177.

[4] *Коллонтай А.* Новая мораль… С. 35.

[5] *Амбарцумян К.Р., Булыгина Т.А.* Образ советской женщины в текстах представителей большевистской власти и пропагандистских материалах 1920-х гг. // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. № 4. С. 18.

[6] *Давыдов Д.В., Козлова О.В.* «Мысль, что мы равноправны, нас еще больше воодушевляла»: эмансипация советской женщины в 1920-е гг. // Гасырлар авазы – Эхо веков Echo of centuries. 2021. № 4. С. 68.

[7] *Жулаева А.С., Высочина Э.А.* Предпосылки и суть изменений государственной политики в отношении социального статуса женщин в России на пути от монархии к Советам // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2020. № 1. С. 118–122.

[8] *Бобровская Е.В.* «Государственный феминизм» в СССР: особенности гендерного (не)равенства в советской России // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: История и политические науки. 2020. № 4. С. 138; *Жулаева А.С., Высочина Э.А.* Предпосылки и суть изменений государственной политики… С. 121.

вала механизмы внедрения новых паттернов женского поведения – «крестьянки грамотной»[9] и матери-крестьянки нового типа[10] в первое десятилетие советской власти. Результатом анализа стал тезис автора о том, что «провал политики ликбеза и слабое вовлечение девочек в школьное образование в Западной Сибири в 1920-х гг. стали ключевыми причинами того, что образ русской крестьянки в Сибири в этот период еще во многом соответствовал представлениям о роли, функциях и месте женщины в “традиционном” обществе»[11]. М.В. Васеха также отмечает, что мероприятия, проводимые в рамках медико-санитарного просвещения женщин, встречали «непонимание и неприятие со стороны сибирских матерей-крестьянок»[12]. Крестьянки продолжали ухаживать за новорожденными с применением традиционных методов. Таким образом, результаты исследований М.В. Васехи позволяют сделать вывод о том, что в 1920-х гг. роль крестьянки в семье, несмотря на активное вмешательство государства в эту сферу жизни общества, не изменилась коренным образом.

О.М. Семерикова[13], В.В. Мирошкин[14], О.С. Поршнева[15], Р. Савосткина[16] и авторский коллектив в составе В.В. Кулачкова, В.Б. Безгина, В.П. Николашина и А.Н. Корнетова[17] также подчеркивают сохранение в обществе традиционного представления о месте и роли женщины-крестьянки в семье и социальной жизни в первое десятилетие советской власти. Конфликты, происходившие внутри крестьянских семей, эти авторы детально не рассматривают.

С.С. Крюкова подтверждает повышение конфликтности в крестьянских семьях ввиду поддержки советской властью прав женщины в решении вопросов, связанных с собственностью на землю. Нараставшие новые противоречия между мужчинами и женщинами при решении земельных вопросов в деревне «усугубляли социальную разобщенность, нарушали прежнюю однородность общины и ее обычай»[18]. «Семейные разделы 1920-х годов свидетельствуют скорее о тяге к эмансипации – поколенческой, гендерной и, наконец, индивидуальной, сдерживавшейся традициями общины, неохотно уступавшей свои позиции», – отмечает С.С. Крюкова[19]. В исследуемых нами эго-документах крестьянок описания подобных случаев гендерной эмансипации в процессе семейных разделов отсутствуют, что позволяет оспорить ярко выраженное существование этого явления в крестьянской среде.

Современные зарубежные исследователи российской истории первой трети XX в. обращают внимание на изменение роли женщины-крестьянки в решении семейных конфликтов только с точки зрения годности или негодности этих выводов для оценки большевистского проекта «создания новой женщины» и изменений в нормах фемининности. В 2018 г. был издан сборник, обобщивший труды по изучению женской и гендерной истории России в XX в.[20]

---

[9] *Васеха М.В.* «Крестьянка грамотная»: ликбез в Западной Сибири и конструирование нового паттерна женского поведения в 1920-е годы // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2018. Т. 17, № 5. С. 150–160.

[10] *Васеха М.В.* Политика охраны материнства и младенчества 1920-х гг. и «конструирование» матерей нового типа: опыт сибирской деревни // Женщина в российском обществе. 2019. № 2. С. 107–119.

[11] *Васеха М.В.* «Крестьянка грамотная»: ликбез в Западной Сибири… С. 150.

[12] *Васеха М.В.* Политика охраны материнства и младенчества… С. 115.

[13] *Семерикова О.М.* Женщины-крестьянки в сельскохозяйственных трудовых коммунах Советской России в 1917 – начале 1930-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2019. Т. 18, № 2. С. 412–430.

[14] *Мирошкин В.В.* «Женский вопрос» в контексте процессов трансформации крестьянского менталитета в 1917–1920-е гг. (на примере мордвы) // Гуманитарные науки и образование. 2021. Т. 12, № 1. С. 108–112.

[15] *Поршнева О.С.* Реализация большевистского проекта «новая женщина» в 1923–1928 гг.: противоречия и проблемы // Личность, общество и власть в истории России: сб. науч. ст. Новосибирск, 2018. С. 383–397.

[16] *Савосткина Р.* Социальная роль женщины в советском обществе в дискурсе журналов «Работница» и «Крестьянка» в середине 1920-х годов // Вестник РГГУ. Сер.: Политология. История. Международные отношения. 2018. № 4 (14). С. 130–140.

[17] *Кулачков В.В., Безгин В.Б., Николашин В.П., Корнетов А.Н.* Изменения в положении сельских женщин в эпоху новой экономической политики // Вопросы истории. 2021. № 10. С. 201–211.

[18] *Крюкова С.С.* Крестьянская община 1920-х годов: от имперского к советскому обычному праву // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2020. № 3 (68). С. 36.

[19] Там же. С. 43.

[20] The Palgrave handbook of women and gender in twentieth-century Russia and the Soviet Union. London, 2018. 560 p.

В работе над книгой приняли участие историки, политологи, социологи, географы, экономисты, специалисты по культурологическим исследованиям, литературоведы и лингвисты из Австралии, Великобритании, Венгрии, Канады, Латвии, Литвы, США, Швеции, Швейцарии, Эстонии и Южной Кореи. Сборник включает в себя 30 самостоятельных статей. По мнению Н.Л. Пушкаревой, выводы зарубежных авторов, чьи статьи посвящены изучению женской и гендерной истории межвоенного периода 1918–1941 гг.[21], «на удивление схожи с выводами наших авторов: отношение власти к работающим женщинам было “противоречив”», “амбивалентно”, подвержено традиционным предрассудкам»[22].

Для нас особенно интересны выводы статьи британского историка Дж. Уотерлоу, который в качестве объекта исследования выбрал советские эксперименты в сфере семейной политики и конструирования образа «новой женщины». Предметом исследования являются политические анекдоты 1930-х гг. В своих выводах Уотерлоу отмечает «полное отсутствие “новой советской женщины” в анекдотах, где женщина предстает либо как сексуальный объект, либо как помощница, либо как “бабушка” (с присущими ей фольклорными аллюзиями) – веское подтверждение надуманности индоктринируемого образа и курса». Британский историк, таким образом, сомневается в эффективности реализации советского проекта новой женщины, представленной в историографии с «точки зрения мужчин»[23].

Совместное исследование американского слависта Л. Олсон и российского филолога С.Б. Адоньевой выполнено на основе материалов фольклорных экспедиций, где информантами выступали исключительно деревенские женщины нескольких советских поколений[24], среди которых есть и интересующие нас современники первой трети XX в. Авторы не признают деревенских женщин «жертвами патриархального уклада», обращая внимание на то, «как они смотрят сами на себя, как их рассказы и песни говорят об их ценностях, желаниях и мотивах»[25]. В описании результатов исследования авторы также отрицают определение гендерных отношений русского крестьянства как формы деспотизма. Л. Олсон и С.Б. Адоньева подчеркивают зависимость выполнения социальных ролей крестьянами и крестьянками от гендера, но отвергают существование гендерного неравенства в русской деревне XX в. «Женщины действительно рассказывали истории о том, как они оказывались жертвами мужчин, но в историях подчеркивалось то, как они с этим справлялись. Конкретный мужчина может совершать плохие поступки, даже ужасные, но жертвы-женщины часто считают себя защищенными выбранными ими духовными практиками, а также сетью социальных отношений, в которые они включены», – отмечают Л. Олсон и С.Б. Адоньева[26]. Влияние советского проекта «новой женщины» на конструирование отношений в крестьянской семье исследователями не упоминается, однако необходимость государства в женщинах как источнике прироста населения подчеркивается неоднократно.

В работах историков бывших советских республик, посвященных исследованию реализации советского проекта «новой женщины», мы можем отметить две полярные тенденции. С одной стороны, их авторами отмечается несостоятельность проводившейся советской властью гендерной политики[27], с другой – подчеркивается, что советские чиновники действи-

---

[21] *Klots A.* The kitchen maid as revolutionary symbol: Paid domestic labour and the emancipation of Soviet women, 1917–1941 // The Palgrave handbook… P. 83–100; *Ilic M.* “Equal pay for equal work”: Women’s wages in Soviet Russia // The Palgrave handbook… P. 101–116; *Gradskova Yu.* Emancipation at the crossroads: Between the “Woman Question” and the “National Question” // The Palgrave handbook… P. 117–132.

[22] *Пушкарева Н.Л., Большакова О.В.* Гендерные исследования российского двадцатого века // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2020. Т. 65. Вып. 1. С. 323.

[23] *Waterlow J.* Babushka, Harlot, Helper, Joker: Women and Gender in 1930s Political Humour // The Palgrave handbook… P. 134.

[24] *Olson L.J., Adonyeva S.* The worlds of Russian village women: Tradition, transgression, compromise. USA, 2013. 368 p.; *Олсон Л., Адоньева С.* Традиция, трансгрессия, компромисс. Миры русской деревенской женщины. М., 2021. 368 с.

[25] *Олсон Л., Адоньева С.* Традиция, трансгрессия, компромисс… С. 3.

[26] Там же. С. 28.

[27] *Omarbayev Y., Khazretali T., Zulpikharova E., Kumganbayev Zh.* Muslim women under soviet rule in central Asia (Turkistan): soviet gender practice // Женщина в российском обществе. 2020. № 4. С. 126–136.

тельно «стремились к освобождению среднеазиатских женщин как в общественной, так и в частной сфере жизни»[28]. Так, С.С. Джеенбекова считает, что «после Октябрьской революции произошли коренные модернизационные процессы в обществе, были приняты новые законы советской власти, проводились мероприятия с учетом особенностей вековых традиций Востока, направленные на раскрепощение женщин»[29]. Более того, по мнению С.С. Джеенбековой, проводившиеся в последующем советской властью индустриализация, коллективизация, культурная революция коренным образом изменили повседневную жизнь кыргызских женщин, выводя их из «узких рамок семьи»[30].

Таким образом, большая часть исследований, посвященных проблемам реализации проекта «новой советской женщины», демонстрирует его незавершенность. Несмотря на частичную реализацию данного проекта, роль женщины в крестьянской семье подверглась бесповоротным изменениям. Об этом нам свидетельствуют эго-документы мужчин-крестьян[31], где крестьянки во время решения семейных конфликтов начинают вести себя совершенно иначе, нежели им это положено в соответствии с исторически устоявшимися правилами жизни патриархальной семьи.

Данная статья является логическим продолжением более раннего исследования, посвященного выявлению способов решения семейных конфликтов крестьянами в России первой трети XX в. на основе анализа эго-документов мужчин-крестьян. Насколько проникли в крестьянскую среду внедряемые советской властью роли «труженицы» и «общественницы», а также повлияло ли именно это нововведение, а не реформы, проведенные задолго до образования нового советского государства, на трансформацию роли женщины в решении семейных конфликтов, мы попытаемся выяснить, изучив эго-документы крестьянок.

Хронологические рамки исследования ограничены периодом первой трети XX в. (т.е. с 1900 по 1930 г.). Весь этот период является для страны переходным. Насыщенное революционными событиями начало XX в. завершается принятием в 1927 г. Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР. Дореволюционное законодательство отрицало существование межличностных конфликтов в семьях, что привело к отсутствию нормативного определения понятия «семейный конфликт»[32]. Крестьянские разделы свидетельствовали о фактах обращения крестьян за решением семейных конфликтов материального характера в органы власти. Однако решение внутрисемейных конфликтов крестьянами происходило без вмешательства властных органов, на основе патриархальных основ крестьянского быта. Кодекс законов о браке, семье и опеке РСФСР ввел кардинально отличные от дореволюционного периода меры трансформации института семьи. Таким образом, для первой трети XX в. характерно переходное состояние крестьянской семьи, когда традиционные основы ее жизни пока не разрушены, а новые меры ее реформирования только вступают в законную силу. В этой связи исследование эго-документов крестьянок приобретает новый смысл. Переходное состояние государства отражается и в жизни крестьянской семьи, о чем нам повествуют не только эго-документы мужчин-крестьян, но и женщин-крестьянок.

Будни крестьянской семьи первой трети XX в. подробно описаны в разных исследованиях. Основными источниками данных исследований были документы фондов центральных и региональных архивов, статические и этнографические материалы, законодательные и делопроизводственные документы, художественная литература, эго-документы крестьян. В подавляющем большинстве случаев авторами эго-документов, послуживших источниками

[28] *Omarbayev Y., Khazretali T., Zulpikharova E., Kumganbayev Zh*. Muslim women… С. 127.
[29] *Джеенбекова С.С.* Трансформация женской повседневности в Кыргызстане в 20–30-е гг. XX века // Вестник КРСУ. 2021. Т. 21, № 2. С. 9.
[30] Там же.
[31] См. более подробно об этом: *Качесова С.П.* «Старое отжило и не имеет силы, а новое еще не сложилось»: способы решения семейных конфликтов крестьянами в России первой трети XX века // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 2 (77). С. 122–136.
[32] См. подробнее о понятии «семейный конфликт» в первой трети XX в.: *Качесова С.П.* «Старое отжило и не имеет силы, а новое еще не сложилось»… С. 126–127.

исследования, были крестьяне-мужчины[33]. Указание на исследование воспоминаний, мемуаров, записок, писем о семейной жизни, написанных крестьянками, встречается крайне редко. На наш взгляд, описание семейной жизни крестьян с мужской и женской точек зрения – это два диаметрально противоположных источника. И речь даже не о противостоянии полов в рамках крестьянской семьи. Речь здесь идет о дополнении уже имеющейся картины семейной жизни крестьян новыми красками и цветовыми акцентами. Для этого нам необходимо определить, пишут ли крестьянки о влиянии изменений в государстве и обществе на жизнь их семей и процесс решения семейных конфликтов.

В качестве основных методологических подходов для исследования трансформации роли крестьянки в решении семейных конфликтов в первой трети XX в. мы применяем принципы гендерной истории и истории повседневности. Семейные конфликты – это часть крестьянского быта. История повседневности позволяет нам рассмотреть влияние исторических событий государственного масштаба на жизнь простого крестьянина. Е.Н. Бадмаева отмечает, что «история повседневности советского времени большинством современных историков исследуется с точки зрения традиций и новаторства в быте крестьянства, борьбы старого и нового в советской деревне»[34]. Взаимоотношения в крестьянской семье в связи с внедряемыми советской властью идеями приобретали конфликтный характер именно по причине противоборства традиций и новаций. Эту тенденцию мы выделили в процессе исследования эго-документов мужчин-крестьян. Изменение поведения женщины в семье из-за вовлечения ее в активную социальную жизнь вызывало негодование у подавляющего большинства мужчин. Результатом этого негодования чаще всего было применение рукоприкладства по отношению к жене. В результате мужчина, как правило, раскаивался в сделанном, но негодование при этом не становилось меньше, повышая градус конфликтности в крестьянской семье. Женская версия описания поведения членов крестьянской семьи в процессе решения конфликтных ситуаций совершенно другая. Историк В.Б. Безгин, посвятивший огромное количество работ исследованию крестьянской повседневности, отмечает, что «сельская баба, будучи носительницей консервативного начала деревенского быта, оказалась более восприимчивой и быстрее адаптировалась, чем мужик, к новым условиям жизни, к иной сути гендерных ролей в сельской обыденности»[35].

История повседневности позволяет определить степень влияния исторических событий общегосударственного уровня на семейную жизнь простых крестьянок. Особенно актуальным в данной связи становится вопрос о том, насколько на повседневную жизнь крестьянской женщины первой трети XX в. повлиял эксперимент создания «новой женщины».

Основоположник гендерной истории в России Н.Л. Пушкарева описывает два дискурса, характерных для российской женской истории[36]. Первый дискурс представляет описание традиционных гендерных ролей, отводя женщине дополнительную роль к роли мужчины – «все же изучать социальное прошлое женщин следует в разных ракурсах, с учетом и патриархального, и феминистского дискурсов»[37]. Второй ставит под сомнение взаимодополняемость гендерных ролей мужчины и женщины в прошлом и настоящем и приводит к феминистической рефлексии как новому вызову времени. В изучении эго-документов крестьянок первой трети XX в. мы будем ориентироваться прежде всего на первый дискурс, так как нам важно выделить признаки трансформации роли женщины в решении семейных конфликтов именно с точки зрения женщины, являвшейся их активной и (или) пассивной участницей.

[33] См., напр.: История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: аннотированный указатель книг и публикаций в журналах. Т. 4. Ч. 1. 1895–1917. М., 1983. С. 135–137.

[34] *Бадмаева Е.Н.* Повседневность российского крестьянства в 1920–1930-х гг.: историография вопроса // Magna adsurgit: historia studiorum. 2018. № 1. С. 81.

[35] *Безгин В.Б.* «О бедной крестьянке замолвите слово»: русская баба в современной историографии // Гендер в фокусе антропологии, этнографии семьи и социальной истории повседневности. М., 2019. С. 35.

[36] *Pushkareva N.* Womens and gender studies of the Russian past: Two contemporary trends // Womens History Review. 2018. Vol. 27, No. 1. P. 71–87.

[37] *Пушкарева Н.Л.* Женские и гендерные исследования историков 1990–2015 гг. // Гендерный маршрут [Электронный ресурс]. URL: http://gender-route.org/articles/other_projects/zhenskie_i_gendernye_issledovaniya_istorikov_v_rossii_1990_2015/ (дата обращения: 20.06.2022).

В качестве источников для проведения исследования мы выбрали эго-документы крестьянок, повествующие об их семейной жизни с 1900 по 1930 г. В начале XX в. письменные источники, авторами которых являлись крестьяне, были редкостью. В большинстве случаев авторами таких письменных источников, дающих хоть какое-то представление о бытовой жизни крестьян, были мужчины. Поэтому выводы нашего исследования будут основываться на эго-документах крестьянок, записанных с их слов родственниками или историками – участниками специальных экспедиций.

Первый источник – автобиография Евдокии Константиновны Макаровой «Евдокия – великомученица»[38]. Оригинал воспоминаний крестьянки Евдокии Константиновны Макаровой (1907–1984), уроженки Костромской губернии, утрачен. Дошедший до нас текст – результат двойной переработки исходной рукописи, сделанной двумя людьми: сначала содержимое рукописных тетрадей было переписано на машинке, затем, много лет спустя, набрано в электронном виде. В процессе обработки изначальный текст очевидным образом претерпел некоторые изменения, можно надеяться, не слишком существенные. Вмешательство публикатора свелось к синтаксической правке, быть может, слишком «осовременивающей» письмо Евдокии Константиновны, а также внесению кратких комментариев и толкованию фраз, неоднозначных по смыслу. Однако даже в таком «осовремененном» виде автобиография Евдокии Константиновны позволяет понять, насколько изменилась роль женщины в решении семейных конфликтов.

Следующим эго-документом, использованным для достижения поставленной цели исследования, стали воспоминания крестьянки Верейского уезда Натальи Филипповны Солдатенковой (в девичестве Морозовой), написанные ею собственноручно по просьбе внучки Елены Царевой и опубликованные на историко-краеведческом сайте Наро-Фоминского района «Боровский тракт»[39]. Воспоминания Натальи Филипповны представляют подробное описание жизни крестьянской семьи с 1900 по 1941 г.

Мы также используем воспоминания крестьян-очевидцев коллективизации и раскулачивания преимущественно в Кемеровской области и Алтайском крае, представленные в сборнике «Коллективизация и раскулачивание (очевидцы и документы свидетельствуют)»[40], объединившем в себе материалы спецэкспедиции фонда «Исторические исследования», проводимой под руководством Л.Н. Лопатина. Сборник объединяет материалы интервьюирования 132 крестьянок. Хронологические рамки процессов коллективизации и раскулачивания выходят за рамки нашего исследования, однако данные воспоминания содержат описание семейной жизни крестьянок не только в годы коллективизации, но и более ранних лет, что позволяет частично использовать данные материалы для решения задач нашего исследования.

В первой трети XX в. происходит коренная перестройка семейных взаимоотношений крестьян. Мужчины-крестьяне в своих воспоминаниях отрицают ведущую роль женщины в решении семейных конфликтов, хотя и отмечают, что ее поведение и степень участия в них резко изменились. Для крестьянского мужика любое противоречие, возникающее в семье, – это прежде всего противоречие с его мнением по поводу того, каким образом нужно решить тот или иной семейный конфликт. Именно он избирает способ решения семейного конфликта и разрешает разногласия между другими членами крестьянской семьи. Для него не существует других вариантов, кроме традиционно патриархального решения данного вопроса. В эго-документах крестьянок мы видим, что такое главенство мужчины в решении семейных конфликтов ими не оспаривается. «Старшим в доме всегда был только мужчина. Даже если он был еще мальчишкой (если не было из мужиков никого старше). С ним советовались, у него просили разрешения что-то сделать», – отмечала в своих воспоминаниях крестьянка Елена Малофеевна Рейник[41].

[38] *Макарова Е.К.* Евдокия – великомученица // На сердце пали все печали. Судьбы крестьян в XX веке. Воспоминания. М., 2019. С. 9–169.

[39] Воспоминания крестьянки Верейского уезда Натальи Филипповны Солдатенковой // Боровский тракт [Электронный ресурс]. URL: http://borovsk-tract.ru/memuar/Vospominaniya_krest_yanki_Verejskogo_uezda.html (дата обращения: 20.06.2022).

[40] *Лопатин Л.Н., Лопатина Н.Л.* Коллективизация и раскулачивание в воспоминаниях очевидцев. М., 2006. 445 с.

[41] Там же. С. 18. Документ № 1.

Об отсутствии конфликтов между мужем и женой в крестьянской семье рассказывали многие крестьянки. «Мы, дети, никогда не слышали, чтобы они промеж собой скандалили», – вспоминала Александра Константиновна Федорина о своих родителях[42]. В первых строках своих воспоминаний это отмечает и Варвара Петровна Скопенко: «С мужем жили дружно. За всю жизнь мы с ним поругались только один раз»[43]. Среди мужчин-крестьян также часто встречаются такие воспоминания. Николай Данилович Масякин рассказывал: «Семья наша была дружная. Никто никого не обзывал. Со старшими никогда не огрызались. Родителей чтили и побаивались. Отец никогда не ругался и не бил нас»[44].

Между тем не только внешнеполитическая обстановка, но и события, происходящие внутри страны, привели к тому, что поле конфликта переместилось в другую плоскость. Отмена крепостного права, нарастающие темпы модернизации промышленности, а также неутихающие революционные события, смена власти, постоянные войны стали причиной редкого участия мужской половины крестьянского населения в решении семейных конфликтов. Крестьянка Мария Ивановна Мещерякова вспоминала: «Хозяйство вела мать, отец служил, высылал деньги»[45]. Примечательно, что такая ситуация была характерна не только для революции и гражданской войны, но и начала XX в. Эта же крестьянка поясняла: «Отец служил офицером сначала в царской армии, потом, кажется, в Красной армии»[46]. О вынужденной обязанности женщины выполнять всю работу по хозяйству рассказывает в своих воспоминаниях и Евдокия Константиновна Макарова: «Папа уезжал в Москву и увозил сына, моего братку (Ивана), с собой. Матери тоже было трудно жить в деревне… Матери надо печь истопить, и в поле ехать пахать, и сеять, и боронить, все одна»[47].

Участниками, а вернее участницами семейных конфликтов становятся женщины, решавшие теперь все хозяйственные вопросы самостоятельно. Евдокия Константиновна Макарова вспоминала, что под плуг ее поставили еще в 14 лет, потому что «пахать и боронить некому было»[48] – один брат ушел на заработки в «Питер»[49], второй на войну. Но и после замужества этот порядок хозяйствования не изменился – она «поехала пахать, а муж на завод работать»[50].

Повышенная мера ответственности, переложенная на плечи крестьянок, приводила к тому, что некоторые из них, вынужденно становясь во главе семьи, перенимали и мужские методы решения семейных конфликтов. Евдокия Макарова писала о своей тетушке Коке, ставшей к тому времени хозяйкой в доме: «Тетушка с палкой ходила, бывало и огреет»[51]. Вместе с тем в эго-документах других крестьянок мы описаний такого поведения не обнаружили.

В воспоминаниях крестьянок часто описываются бытовые конфликты между женщинами – мачехой и дочерями, свекровью и снохой, теткой и племянницей. Причинами этих бытовых конфликтов становились разногласия между крестьянками по наиболее насущным хозяйственным вопросам. Вообще значение хозяйственной проблематики в эго-документах крестьян трудно переоценить. И.С. Слепцова обращает наше внимание на то, что такой стиль повествования крестьян – авторов эго-документов «отражает устойчивость как хозяйственного уклада, так и мировоззренческих и аксиологических установок крестьянина, несмотря на резкие трансформации в социально-экономической реальности первой трети XX в.»[52].

---

[42] *Лопатин Л.Н., Лопатина Н.Л.* Коллективизация и раскулачивание… С. 178. Документ № 47.
[43] Там же. С. 21. Документ № 2.
[44] Там же. С. 284. Документ № 78.
[45] Там же. С. 434. Документ № 120.
[46] Там же.
[47] *Макарова Е.К.* Евдокия – великомученица… С. 17.
[48] Там же. С. 35.
[49] Там же.
[50] Там же. С. 56.
[51] Там же. С. 51.
[52] *Слепцова И.С.* «Коллективная биография» сельского социума (по материалам дневников ярославского крестьянина П.В. Бугрова) // Русский север. Вып. 1. Идентичности, память, биографический текст. К 95-летию К.В. Чистова: сб. науч. ст. СПб., 2017. С. 87.

Некоторые, как крестьянка Евдокия Макарова, описывают конфликты между женщинами из-за одежды, которую было не только крайне сложно достать, но и сшить, так как ткань была недешевой. Описывая свою жизнь в 1921–1924 гг., Евдокия Макарова вспоминала: «Помню, мне купили ситцу два метра на кофту, отдали пуд овса, и железную гребенку за десять фунтов хлеба. Деньги были ни к чему, все на хлеб»[53]. Отсутствие нарядов стало причиной конфликта шестнадцатилетней Евдокии с тетушкой: «Я на тетушку обижена. У нее наряда было много и хорошего. Ничего не давала, только бабушкины сарафаны старушечьи... А мне уже шестнадцать лет, хотелось одеться»[54]. Значительная часть крестьянок оценивала жизнь до коллективизации положительно и о голоде и нехватке одежды не вспоминала. Одна из них, Аксинья Фоминична Бырбина (Салютина), отвечала на вопрос интервьюера: «Но лично мы одевались и жили лучше до коллективизации»[55].

Из-за постоянной смены власти финансовая обстановка в деревнях была нестабильной, что делало повседневный быт крестьянской семьи очень тяжелым. Крестьянок в это время намного больше занимали проблемы выживания. О семейных конфликтах писали крайне редко. В особенности это относилось к крестьянкам, чьи описания повседневного быта мы находим в сборнике воспоминаний очевидцев коллективизации и раскулачивания. Одним из таких примеров стали воспоминания Анны Григорьевны Черепановой (Кудриной): «А из детства помнится наш дом. Помню родителей, которых по целому дню не видишь, так как все время на поле работали. Старшие дети, как могли, помогали им. Да что там помогали! Работали почти наравне с ними. Старшая сестра Фаина нам всем за мать была. В доме постирать, приготовить, убрать, за нами всеми уследить, в огороде работать. Тогда рано взрослели. Нечего сказать, дружно мы жили. Даже не помню, чтобы ссорились»[56]. Часто встречаются ужасающие описания потери близких, ставшие для многих крестьян обыденными. Так, Евдокия Никифоровна Ярокалова рассказывала: «Свекровь и дети умерли в дороге. Их вынесли из вагона на какой-то остановке. Где и как они похоронены, мы не знали. Да и похоронены ли»[57]. В обыденном сознании крестьян происходит преломление прежних мировоззренческих и идеологических установок. Коллективизация и раскулачивание – два жесточайших по своим последствиям исторических процесса – раскрасили прежнюю жизнь крестьян самыми яркими красками. Нужно было выжить и не попасть в жерло советской политики коллективизации. Поэтому разногласия в семье по бытовым вопросам отходят на второй план и ни в одном (!) из интервью не упоминаются.

В эго-документах крестьянок часто встречаются описания семейных конфликтов по поводу их участия (или неучастия) в сельскохозяйственных работах. Ценность любого члена семьи, прежде всего как рабочей силы, отмечала в своих воспоминаниях Наталья Филипповна Солдатенкова. Она сожалела о том, что вышла замуж в самое рабочее время, на Петров день: «Я очень жалею, что я в такое время бросила родителей. Остались вдвоем отец и мать. Брату было три года, сестре шесть лет и восемь лет брату. А я ни на что не посмотрела и ушла от них в самую рабочую пору, и они мне не сказали ни слова. Вот так мы глупы смолоду»[58]. Вероятно, из-за предполагаемой потери рабочей силы в домашнем хозяйстве настоящим камнем преткновения стал также вопрос о замужестве крестьянки Евдокии Макаровой. Бабушка отказывала всем женихам «до году». «Во-первых, молода, да и работать некому. Во-вторых, свадьбу делать не на что», – так объясняла причины этого семейного конфликта Евдокия Константиновна. Обязанность работать была постоянной причиной ее конфликтов и с тетушкой Кокой – «я у нее была работница, а не племянница»[59].

Особенное место в воспоминаниях крестьянок занимают конфликты между свекровью и снохами, что было частым явлением в крестьянской среде. В эго-документах мужчин-

[53] *Макарова Е.К.* Евдокия – великомученица… С. 41.
[54] Там же. С. 42.
[55] *Лопатин Л.Н., Лопатина Н.Л.* Коллективизация и раскулачивание… С. 167. Документ № 44.
[56] Там же. С. 359. Документ № 100.
[57] Там же. С. 31. Документ № 4.
[58] Воспоминания крестьянки Верейского уезда Натальи Филипповны Солдатенковой…
[59] *Макарова Е.К.* Евдокия – великомученица… С. 44.

крестьян упоминаний о таких конфликтах мы не встречаем. Подавляющее большинство конфликтов между свекровью и снохами описывается крестьянками. И если Евдокии Макаровой «повезло» в этом смысле – они с мужем были круглыми сиротами и роль свекрови для нее выполняли золовки мужа, с которыми у нее сложились очень хорошие отношения, то Наталья Солдатенкова вспоминала, что «бабушкины дочери вышли замуж, не ужились в чужих семьях и вернулись домой с мужьями и детьми, я насчитала – было двадцать два человека...»[60]. Да и сама Наталья Филипповна свое замужество связывала не с радостью от перехода на новый жизненный этап, а с приходом в чужую семью, где она всех плохо знала. Одно только обстоятельство облегчало положение дел – то, что муж ее был рядом, «но со мной муж и мне легко»[61].

Целый фрагмент воспоминаний Натальи Филипповны Солдатенковой посвящен описанию разногласий между ее свекровью Марией Никитичной и женой ее старшего сына. «Свекровь, мать моего мужа, была женщина необразованная, с большими странностями»[62], – отмечала Н.Ф. Солдатенкова. По-видимому, высокая степень конфликтности свекрови была связана с тем, что ее муж к тому времени уже умер, что фактически сделало ее полноправной хозяйкой в доме. Разногласия между снохой и свекровью были настолько сильны, что скандалы привели семью к разделу. Несмотря на отсутствие симпатии к свекрови, Наталья Филипповна все же жалеет ее: «А всех труднее было свекрови. Ей досталась, или она сама пожелала, другая изба, в которой была маленькая печка. Выхода на улицу не было, ей надо было делать ход на улицу, ставить русскую печь. А она одна с двумя несовершеннолетними сыновьями»[63]. Примечательно, что нормативного решения вопроса о разделе имущества крестьяне не ищут. Но и гендерной эмансипации, о которой пишет С.С. Крюкова, мы в данном описании способа решения семейного конфликта не встречаем.

С разделами в семье мужа и переселением их в отдельный дом семейные конфликты для Натальи Филипповны заканчиваются. Об их исчезновении после замужества пишет и Евдокия Макарова: «Когда я вышла замуж, мне жизнь была хорошая. Жили мы дружно, выноса [сора] из избы не было»[64]. Семейные конфликты завершаются для девушек-крестьянок тогда, когда они становятся полноправными хозяйками в доме.

Мужчина никогда не указывался крестьянками в качестве участника семейного конфликта, даже в том случае, когда он постоянно находился в семье и не выезжал на заработки. Размышления о поведении мужа и попытки оценить его в воспоминаниях крестьянок мы встречаем, но описания самих конфликтов нет. Наталья Филипповна Солдатенкова стыдилась того, чем зарабатывал на жизнь ее муж: «Тимофей мой работал в Москве, и где работал – даже писать не хочется. Он пел в хоре по ресторанам. Конечно, когда строились, он свои заработки берег и все оправдывал...»[65]. Ситуацию усугубило пьянство мужа: «Тимофей мой запил да загулял и домой стал редко ездить. Это было зимою 25-го года. У нас стал вопрос – или жить где-то вместе, или разойтись. Не знаю, как мы жили, денег не было, он нигде не работал»[66]. Хотя позднее в своих воспоминаниях о 1930-х гг. Наталья Филипповна пишет о муже, что после вступления в колхоз он «то председатель, то бригадир»[67]. Отрицательное отношение крестьянки к мужу здесь очевидно, но в открытый конфликт оно не перерастает. Н.Ф. Солдатенкова словно просто перечисляет произошедшие события, ни в чем не обвиняя мужа.

Описание разногласий в семье исчезает, когда крестьянка начинает работать в колхозе на ответственных должностях. Роли труженицы и общественницы, активно внедряемые в жизнь крестьянки, находили отклик в их сердцах, так как также были связаны с традицион-

[60] Воспоминания крестьянки Верейского уезда Натальи Филипповны Солдатенковой…
[61] Там же.
[62] Там же.
[63] Там же.
[64] *Макарова Е.К.* Евдокия – великомученица… С. 57.
[65] Воспоминания крестьянки Верейского уезда Натальи Филипповны Солдатенковой…
[66] Там же.
[67] Там же.

ной крестьянской обязанностью трудиться. Однако совмещение этих новых ролей с ведением домашнего хозяйства и воспитанием детей вызывало у них поначалу настоящую растерянность. О.М. Семерикова отмечает, что, «несмотря на поддержку государством и партией процесса повышения статуса женщины-крестьянки, в обществе сохранялось традиционное представление о ее месте и роли в семье и социальной жизни; в результате привлечение женщин к управленческим функциям осуществлялось медленно, тем не менее повысило возможности их самореализации». В изученных нами эго-документах крестьянки возможностей такой самореализации не оценили. Так, Евдокия Макарова в своих воспоминаниях сокрушается о том, что очень мало времени оставалось у нее на работу по дому и заботу о детях после ее назначения бригадиром. В воспоминаниях, посвященных более позднему периоду, 1930-м гг., Евдокия Константиновна упомянула о том, что в 1937 г. она потеряла двоих детей, умерших девяти дней отроду. «Я была замучена работой. Весь колхоз на мне и дома все хозяйство... Была дурковатая. Надо было дать наряд рабочим, да и отдыхай. А я думала, все одна схвачу, и все мне надо было. А вот сейчас-то и вспоминаю, какая же я дура была, зачем так работала. Кого я удивила? А все на похвальбе была зато», – вспоминала крестьянка[68]. Об отсутствии декретного отпуска рассказывала и Прасковья Васильевна Гракович: «День я дома отлеживалась, а через сутки пришел ко мне председатель колхоза и говорит: “Ты что это, Паша, дома разлеживаешься. Ведь пора-то урожайная, работать надо”. И пришлось мне Васеньку моего с собой в поле брать, ведь муж-то тоже работал. И оставить дитя дома не с кем было»[69]. После включения крестьянки в активную трудовую и общественную жизнь основными сюжетами их эго-документов становятся переживания по поводу выполнения работы и ведения хозяйства.

Проблема трансформации роли женщины в решении семейных конфликтов довольно четко определена в эго-документах мужчин-крестьян. Изучение эго-документов крестьянок представило нам совершенно иную картину крестьянского семейного быта. Так подробно описанные в мужских воспоминаниях семейные конфликты с женами в эго-документах крестьянок отсутствуют. Мужчина в сознании крестьянки так и остается главой семьи, чье доминирование не оспаривается. Об этом пишут и историки: «Гендерные изменения в жизни российского крестьянства в 1920-е гг. носили поверхностный характер, о чем свидетельствуют как факты мужского доминирования, так и традиционное подчинение женщин сильной половине семьи»[70]. Более того, плоскость семейного конфликта с женской точки зрения перемещается в совершенно другое поле. Участницами семейных разногласий становятся женщины – мачеха и дочь, свекровь и сноха, тетка и племянница, а поводом для выяснения отношений – хозяйственные вопросы, составляющие основу домашней экономики крестьянской семьи – наличие одежды и обуви, участие (или неучастие) в сельскохозяйственных работах. Нельзя сказать, что конфликты между женщинами в крестьянской семье были редкостью и возникли они лишь в начале XX в. Но именно для первой трети XX в. характерно появление пренебрежения традиционным ролям женщин в крестьянской семье. Разделы крестьянских семей встречаются начиная уже со второй половины XIX в. Однако в это время открытое высказывание снохами неприязненного отношения к большухе[71], племянницы – к незамужней тетке[72], встречалось редко. Зато в эго-документах крестьянок, посвященных описанию семейной жизни в первой трети XX в., мы находим целые фрагменты, повествующие о таких семейных конфликтах. Крестьянки, конечно же, не ищут нормативного решения конфликтов в силу своей безграмотности и из-за страха обращения в новые властные органы. Трансформация роли женщины-крестьянки в решении семейных конфликтов происходит вынужденно – отходничество мужчин на заработки и их обязанность нести военную службу не оставляли ей другого выбора, как встать во главе семейства

[68] *Макарова Е.К.* Евдокия – великомученица… С. 81–82.
[69] Документ № 20 // Лопатин Л.Н., Лопатина Н.Л. Коллективизация и раскулачивание… С. 94–95.
[70] *Кулачков В.В., Безгин В.Б., Николашин В.П., Корнетов А.Н.* Изменения в положении сельских женщин… С. 209.
[71] Большуха – жена главы семьи, хозяйка дома.
[72] Девушку, не вышедшую замуж, относили к разряду «старых дев» («вековух»). Вековуха в родном доме имела преимущество перед невестками, а в отдельных случаях становилась хозяйкой дома – большухой.

и принять на себя ответственность в решении хозяйственных вопросов. Необходимость улаживать все бытовые неурядицы, свалившиеся на плечи женщины-крестьянки в результате интенсивных военных событий в первой трети XX в., требовала от нее повышенной ответственности в решении семейных конфликтов, что противоречило патриархальным традициям. Совмещая таким образом женскую и мужскую роли в семье, крестьянка постепенно начинает «требовать» учета ее интересов в решении семейных конфликтов.

Начавшееся в 1920-е гг. внедрение в крестьянский быт образа «новой советской женщины» оказало влияние на трансформацию роли женщины-крестьянки в решении семейных конфликтов намного позже, уже в 1930-е гг. Ведущая роль женщины в решении семейных конфликтов в исследуемый период была вызвана в большей степени последствиями крестьянской реформы середины XIX в. и последовавшими за ней модернизационными процессами[73]. Тем не менее, несмотря на трансформацию ее роли в решении семейных конфликтов, крестьянка продолжает выполнять женские социальные роли, сохраняя за мужчиной право главенства в семье[74].

Выделенные нами признаки и причины трансформации роли крестьянки в решении семейных конфликтов в первой трети XX в. открывают широкие перспективы для проведения исследований разных аспектов крестьянского быта на основе гендерной истории. Такой подход к исследованию быта крестьянской семьи и конфликтного поведения ее членов особенно будет плодотворен для изучения истории XX в. В XX в. крестьянская грамотность становится более частым явлением, что позволяет использовать в качестве источника исследования эго-документы и крестьян, и крестьянок. Однако следует помнить, что эго-документы крестьянок, в том числе использованные для нашего исследования, были созданы в основном при помощи родственников или интервьюеров, и достаточно поздно – спустя пять и более десятилетий после рассказанных ими событий. Этот факт естественно понижает объективность представленных в эго-документах материалов.

Кроме того, наше исследование, как и многие научные труды, посвященные изучению крестьянского быта, ограничены конкретными территориальными рамками. Авторы изученных эго-документов рассказывали о жизни своих семей в Костромской и Калужской губерниях, а также на территории современных Кемеровской и Курской областей, Алтайского края. В то же время это открывает перспективы для исследования быта крестьянской семьи и конфликтного поведения ее членов в эго-документах крестьян, проживавших на других территориях.

Несколько ограничивает значимость результатов нашего исследования и то, что отходничество на заработки было распространено не только среди мужчин, но и среди женщин[75]. Однако данное явление никак не упоминалось крестьянками в изученных эго-документах. Рассмотрение эго-документов крестьянок, отправлявшихся в город на заработки так же, как и мужчины, несомненно, расширяет перспективы исследования крестьянского быта на основе подходов истории повседневности и гендерной истории.

[73] Об изменениях в положении крестьянки в семье еще во второй половине XIX – начале XX в. см. также: *Мухина З.З.* Некоторые особенности процесса социализации русской крестьянской женщины в пореформенной России // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность: мат-лы междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 15–17 марта 2018 г.). СПб., 2018. С. 240–244.

[74] *Олсон Л., Адоньева С.* Традиция, трансгрессия, компромисс… С. 286.

[75] См. об этом, например: *Мухина З.З., Полупанова И.И.* Гендерные аспекты миграции из деревни в город в конце XIX – начале XX века // Женщины и мужчины в миграционных процессах прошлого и настоящего: мат-лы XII междунар. науч. конф. Российской ассоциации исследователей женской истории и Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. Калининград, 2019. С. 102–104.

Литература

Амбарцумян К.Р., Булыгина Т.А. Образ советской женщины в текстах представителей большевистской власти и пропагандистских материалах 1920-х гг. // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. № 4. С. 14–23.
Бадмаева Е.Н. Повседневность российского крестьянства в 1920–1930-х гг.: историография вопроса // Magna adsurgit: historia studiorum. 2018. № 1. С. 77–91.
Безгин В.Б. «О бедной крестьянке замолвите слово»: русская баба в современной историографии // Гендер в фокусе антропологии, этнографии семьи и социальной истории повседневности. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2019. С. 34–39.
Бобровская Е.В. «Государственный феминизм» в СССР: особенности гендерного (не)равенства в советской России // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: История и политические науки. 2020. № 4. С. 133–140.
Васеха М.В. «Крестьянка грамотная»: ликбез в Западной Сибири и конструирование нового паттерна женского поведения в 1920-е годы // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2018. Т. 17, № 5: Археология и этнография. С. 150–160.
Васеха М.В. Политика охраны материнства и младенчества 1920-х гг. и «конструирование» матерей нового типа: опыт сибирской деревни // Женщина в российском обществе. 2019. № 2. С. 107–119.
Вольф С.П. Правовой нигилизм в решении семейных конфликтов дворянами и крестьянами в Российской империи первой трети XIX века // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2021. Т. 6, № 3. С. 22–30.
Воспоминания крестьянки Верейского уезда Натальи Филипповны Солдатенковой // Боровский тракт [Электронный ресурс]. URL: http://borovsk-tract.ru/memuar/Vospominaniya_krest_yanki_Verejskogo_uezda.html (дата обращения: 20.06.2022).
Давыдов Д.В., Козлова О.В. «Мысль, что мы равноправны, нас еще больше воодушевляла»: эмансипация советской женщины в 1920-е гг. // Гасырлар авазы – Эхо веков Echo of centuries. 2021. № 4. С. 60–70.
Джеенбекова С.С. Трансформация женской повседневности в Кыргызстане в 20–30-е гг. XX века // Вестник КРСУ. 2021. Т. 21, № 2. С. 9–14.
Ерохина Т.И. Трансформация феминных стереотипов в советской культуре начала XX века // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 4 (23). С. 169–179.
Жулаева А.С., Высочина Э.А. Предпосылки и суть изменений государственной политики в отношении социального статуса женщин в России на пути от монархии к Советам // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2020. № 1. С. 118–122.
История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: аннотированный указатель книг и публикаций в журналах / науч. руководство, ред. и введ. проф. П.А. Зайончковского. Т. 4. Ч. 1. 1895–1917. М.: Книга, 1983. 369 с.
Качесова С.П. «Старое отжило и не имеет силы, а новое еще не сложилось»: способы решения семейных конфликтов крестьянами в России первой трети XX века // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 2 (77). С. 122–136.
Коллонтай А. Новая мораль и рабочий класс. М.: Изд-во ВЦИК Советов Р., и К. Депутатов, 1919. 61 с.
Крюкова С.С. Крестьянская община 1920-х годов: от имперского к советскому обычному праву // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2020. № 3 (68). С. 35–45.
Кулачков В.В., Безгин В.Б., Николашин В.П., Корнетов А.Н. Изменения в положении сельских женщин в эпоху новой экономической политики // Вопросы истории. 2021. № 10. С. 201–211.
Лопатин Л.Н., Лопатина Н.Л. Коллективизация и раскулачивание в воспоминаниях очевидцев. М.: Аксиома, 2006. 445 с.
Мирошкин В.В. «Женский вопрос» в контексте процессов трансформации крестьянского

менталитета в 1917–1920-е гг. (на примере мордвы) // Гуманитарные науки и образование. 2021. Т. 12, № 1. С. 108–112.
Мухина З.З., Полупанова И.И. Гендерные аспекты миграции из деревни в город в конце XIX – начале XX века // Женщины и мужчины в миграционных процессах прошлого и настоящего: мат-лы XII междунар. науч. конф. Российской ассоциации исследователей женской истории и Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН / отв. ред. Н.Л. Пушкарева, И.О. Дементьев, М.Г. Шендерюк. Калининград: Балтийский федеральный университет имени И. Канта, 2019. С. 102–104.
Мухина З.З. Некоторые особенности процесса социализации русской крестьянской женщины в пореформенной России // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность: мат-лы межд. науч. конф.: в 2 т. (Санкт-Петербург, 15–17 марта 2018 г.) / отв. ред. В.А. Веременко. СПб.: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2018. С. 240–244.
На сердце пали все печали. Судьбы крестьян в XX веке. Воспоминания / ред.-сост. А. Щербаков; сост. А. Козлова, И. Островская. М.: Agey Tomesh, 2019. 432 с.
Олсон Л., Адоньева С. Традиция, трансгрессия, компромисс. Миры русской деревенской женщины / пер. А. Зиндер. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 368 с.
Поршнева О.С. Реализация большевистского проекта «новая женщина» в 1923–1928 гг.: противоречия и проблемы // Личность, общество и власть в истории России: сб. науч. ст., посвящ. 70-летию д-ра ист. наук, проф. В.И. Шишкина. Новосибирск: Издательство Сибирского отделения РАН, 2018. С. 383–397.
Пушкарева Н.Л. Женские и гендерные исследования историков 1990–2015 гг. // Гендерный маршрут [Электронный ресурс]. URL: http://gender-route.org/articles/other_projects/zhenskie_i_gendernye_issledovaniya_istorikov_v_rossii_1990_2015/ (дата обращения: 20.06.2022).
Пушкарева Н.Л., Большакова О.В. Гендерные исследования российского двадцатого века // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2020. Т. 65. Вып. 1. С. 318–328.
Савосткина Р. Социальная роль женщины в советском обществе в дискурсе журналов «Работница» и «Крестьянка» в середине 1920-х годов // Вестник РГГУ. Сер.: Политология. История. Международные отношения. 2018. № 4 (14). С. 130–140.
Семерикова О.М. Женщины-крестьянки в сельскохозяйственных трудовых коммунах Советской России в 1917 – начале 1930-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2019. Т. 18, № 2. С. 412–430.
Слепцова И.С. «Коллективная биография» сельского социума (по материалам дневников ярославского крестьянина П.В. Бугрова) // Русский север. Вып. 1. Идентичности, память, биографический текст. К 95-летию К.В. Чистова: сб. науч. ст. / ред.-сост. Т.Б. Шепанская. СПб.: МАЭ РАН, 2017. С. 79–96.
Gradskova Yu. Emancipation at the Crossroads: Between the “Woman Question” and the “National Question” // The Palgrave handbook of women and gender in twentieth-century Russia and the Soviet Union. London: Palgrave Macmillan, 2018. P. 117–132.
Ilic M. “Equal Pay for Equal Work”: Women’s Wages in Soviet Russia // The Palgrave handbook of women and gender in twentieth-century Russia and the Soviet Union. London: Palgrave Macmillan, 2018. P. 101–116.
Klots A. The Kitchen Maid as Revolutionary Symbol: Paid Domestic Labour and the Emancipation of Soviet Women, 1917–1941 // The Palgrave handbook of women and gender in twentieth-century Russia and the Soviet Union. London: Palgrave Macmillan, 2018. P. 83–100.
Olson L.J., Adonyeva S. The worlds of Russian village women: Tradition, transgression, compromise. USA: University of Wisconsin Press, 2013. 368 p.
Omarbayev Y., Khazretali T., Zulpikharova E., Kumganbayev Zh. Muslim women under soviet rule in central Asia (Turkistan): soviet gender practice // Женщина в российском обществе. 2020. № 4. С. 126–136.
Pushkareva N. Womens and gender studies of the Russian past: Two contemporary trends // Womens History Review. 2018. Vol. 27, No. 1. P. 71–87.

The Palgrave handbook of women and gender in twentieth-century Russia and the Soviet Union / ed. by M. Ilic. London: Palgrave Macmillan, 2018. 560 p.

Waterlow J. Babushka, Harlot, Helper, Joker: Women and Gender in 1930s Political Humour // The Palgrave handbook of women and gender in twentieth-century Russia and the Soviet Union. London: Palgrave Macmillan, 2018.

References

Ambarcumyan, K.R., Bulygina, T.A. (2021). Obraz sovetskoy zhenshchiny v tekstah predstaviteley bol'shevistskoy vlasti i propagandistskih materialah 1920-h gg. [The Image of a Soviet Woman in the Texts of Representatives of the Bolshevik Government and Propaganda Materials of the 1920s]. In *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*. No. 4, pp. 14–23.

Badmaeva, E.N. (2018). Povsednevnost' rossiyskogo krest'yanstva v 1920–1930-h gg.: istoriografiya voprosa [Everyday Life of the Russian Peasantry in the 1920s–1930s: Historiography of the Issue]. In *Magna adsurgit: historia studiorum*. No. 1, pp. 77–91.

Bezgin, V.B. (2019). "O bednoy krest'yanke zamolvite slovo": russkaya baba v sovremennoy istoriografii ["Put in a Word about a Poor Peasant Woman": A Russian Woman in Modern Historiography]. In *Gender v fokuse antropologii, etnografii sem'i i social'noy istorii povsednevnosti*. Moscow, pp. 34–39.

Bobrovskaya, E.V. (2020). "Gosudarstvennyy feminizm" v SSSR: osobennosti gendernogo (ne)ravenstva v sovetskoy Rossii ["State Feminism" in the USSR: Features of Gender (Non-)Equality in Soviet Russia]. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki*. No. 4, pp. 133–140.

Davydov, D.V., Kozlova, O.V. (2021). "Mysl', chto my ravnopravny, nas eshche bol'she voodushevlyala": emansipatsiya sovetskoy zhenshchiny v 1920-e gg. ["The Idea That We were Equal Inspired Us Even More": The Emancipation of Soviet Women in the 1920s]. In *Gasyrlar avazy – Ekho vekov Echo of centuries*. No. 4, pp. 60–70.

Dzheenbekova, S.S. (2021). Transformatsiya zhenskoy povsednevnosti v Kyrgyzstane v 20–30-e gg. XX veka [Transformation of Feminine Stereotypes in the Soviet Culture of the 20s–30s of the 20th Century]. In *Vestnik KRSU*. Vol. 21, No. 2, pp. 9–14.

Erohina, T.I. (2020). Transformatsiya feminnyh stereotipov v sovetskoy kul'ture nachala XX veka [Transformation of Feminine Stereotypes in the Soviet Culture of the Early 20th Century]. In *Verhnevolzhskiy filologicheskiy vestnik*. No. 4 (23), pp. 169–179.

Gradskova, Yu. (2018). Emancipation at the Crossroads: Between the "Woman Question" and the "National Question". In *The Palgrave handbook of women and gender in twentieth-century Russia and the Soviet Union*. London, Palgrave Macmillan, pp. 117–132.

Ilic, M. (2018). "Equal Pay for Equal Work": Women's Wages in Soviet Russia. In *The Palgrave handbook of women and gender in twentieth-century Russia and the Soviet Union*. London, Palgrave Macmillan, pp. 101–116.

Ilic, M. (Eds). (2018). *The Palgrave handbook of women and gender in twentieth-century Russia and the Soviet Union*. London, Palgrave Macmillan. 560 p.

Kachesova, S.P. (2022). "Staroe otzhilo i ne imeet sily, a novoe eshche ne slozhilos'": sposoby resheniya semeynyh konfliktov krest'yanami v Rossii pervoy treti XX veka ["The Old has Outlived Its Usefulness and has No Force, but the New has Not Yet Developed": Ways of Solving family Conflicts by Peasants in Russia in the First Third of the 20th Century]. In *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 2 (77), pp. 122–136.

Klots, A. (2018). The Kitchen Maid as Revolutionary Symbol: Paid Domestic Labour and the Emancipation of Soviet Women, 1917–1941. In *The Palgrave handbook of women and gender in twentieth-century Russia and the Soviet Union*. London, Palgrave Macmillan, pp. 83–100.

Kollontay, A. (1919). *Novaya moral' i rabochiy klass* [The New Morality and the Working Class]. Moscow, Publ. VCIK Sovetov R., and K. Deputatov. 61 p.

Kryukova, C.C. (2020). Krest'yanskaya obshchina 1920-h godov: ot imperskogo k sovetskomu obychnomu pravu [The Peasant Community of the 1920s: From Imperial to Soviet Custo-

mary Law]. In *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S.A. Esenina*. No. 3 (68), pp. 35–45.

Kulachkov, V.V., Bezgin, V.B., Nikolashin, V.P., Kornetov, A.N. (2021). Izmeneniya v polozhenii sel'skih zhenshchin v epohu novoy ekonomicheskoy politiki [Changes in the Situation of Rural Women in the Era of New Economic Policy]. In *Voprosy istorii*. No. 10, pp. 201–211.

Lopatin, L.N., Lopatina, N.L. (2006). Kollektivizatsiya i raskulachivanie v vospominaniyah ochevidtsev [Collectivization and Dispossession in the Memoirs of Eyewitnesses]. Moscow, Aksioma. 445 p.

Miroshkin, V.V. (2021). "Zhenskiy vopros" v kontekste protsessov transformatsii krest'yanskogo mentaliteta v 1917–1920-e gg. (na primere mordvy) [The "Women's Question" in the Context of the Processes of Transformation of the Peasant Mentality in the 1917s–1920s (Using the Example of Mordovia)]. In *Gumanitarnye nauki i obrazovanie*. Vol. 12, No. 1, pp. 108–112.

Muhina, Z.Z. (2018). Nekotorye osobennosti protsessa sotsializatsii russkoy krest'yanskoy zhenshchiny v poreformennoy Rossii [Some Features of the Process of Socialization of the Russian Peasant Woman in Post-Reform Russia]. In C*hastnoe i obshchestvennoe v povsednevnoy zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost. Materialy XII mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii.* St. Petersburg, pp. 240–244.

Muhina, Z.Z., Polupanova, I.I. (2019). Gendernye aspekty migratsii iz derevni v gorod v kontse XIX – nachale XX veka [Gender Aspects of Migration from the Village to the City in the Late 19th – Early 20th Century]. In *Zhenshchiny i muzhchiny v migratsionnyh protsessah proshlogo i nastoyashchego: materialy XII mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Kaliningrad, pp. 102–104.

Olson, L., Adon'eva, S. (2021). *Traditsiya, transgressiya, kompromiss. Miry russkoy derevenskoy zhenshchiny* [Tradition, Transgression, Compromise. The Worlds of Russian Village Woman]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 368 p.

Olson, L.J., Adonyeva, S. (2013). The worlds of Russian village women: Tradition, transgression, compromise. USA, Publ. University of Wisconsin Press. 368 p.

Omarbayev, Y., Khazretali, T., Zulpikharova, E., Kumganbayev, Zh. (2020). Muslim women under soviet rule in Central Asia (Turkistan): soviet gender practice. In *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*. No. 4, pp. 126–136.

Porshneva, O.S. (2018). Realizatsiya bol'shevistskogo proekta "novaya zhenshchina" v 1923–1928 gg.: protivorechiya i problemy [Implementation of the Bolshevik Project "New Woman" in the 1923s–1928s: Contradictions and Problems]. In *Lichnost', obshchestvo i vlast' v istorii Rossii*. Novosibirsk, pp. 383–397.

Pushkareva, N. (2018). Womens and gender studies of the Russian past: Two contempory trends. In *Womens History Review.* Vol. 27, No. 1, pp. 71–87.

Pushkareva, N.L. Zhenskie i gendernye issledovaniya istorikov 1990–2015 gg. [Women's and Gender Studies of Historians of the 1990s–2015s]. In *Gendernyy marshrut [Gender Route]*. Available at: http://gender-route.org/articles/other_projects/zhenskie_i_gendernye_issledovaniya_istorikov_v_rossii_1990_2015/ (date of access 20.06.2022).

Pushkareva, N.L., Bol'shakova, O.V. (2020). Gendernye issledovaniya rossiyskogo dvadtsatogo veka [Gender Studies of the Russian 20th Century]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya.* Vol. 65, No. 1, pp. 318–328.

Savostkina, R. (2018). Sotsial'naya rol' zhenshchiny v sovetskom obshchestve v diskurse zhurnalov "Rabotnitsa" i "Krest'yanka" v seredine 1920-h godov [The Social Role of Women in Soviet Society in the Discourse of the Magazines "Worker" and "Peasant" in the Mid of the 1920s]. In *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. No. 4 (14), pp. 130–140.

Semerikova, O.M. (2019). Zhenshchiny-krest'yanki v sel'skohozyaystvennyh trudovyh kommunah Sovetskoy Rossii v 1917 – nachale 1930-h gg. [Peasant Women in Agricultural Labor Com-

munes of Soviet Russia in the 1917s – Early 1930s]. In *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii*. Vol. 18, No. 2, pp. 412–430.

Shcherbakov, A. (Eds.). (2019). *Na serdtse pali vse pechali. Sud'by krest'yan v XX veke. Vospominaniya* [All the Sorrows fell on My Heart. The Fate of Peasants in the 20th Century. Memories]. Moscow, Publ. Agey Tomesh. 432 p.

Slepcova, I.S. (2017). "Kollektivnaya biografiya" sel'skogo sotsiuma (po materialam dnevnikov yaroslavskogo krest'yanina P.V. Bugrova) ["Collective Biography" of the Rural Society (Based on the Materials of the Diaries of the Yaroslavl Peasant P.V. Bugrov)]. In *Russkiy sever [Russian North]*. Is. 1. St. Petersburg, pp. 79–96.

Vasekha, M.V. (2018). "Krest'yanka gramotnaya": likbez v Zapadnoy Sibiri i konstruirovanie novogo patterna zhenskogo povedeniya v 1920-e gody ["The Peasant Woman is Literate": Educational Program in Western Siberia and the Construction of a New Pattern of Female Behavior in the 1920s]. In *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya*. Vol. 17, No. 5, pp. 150–160.

Vasekha, M.V. (2019). Politika ohrany materinstva i mladenchestva 1920-h gg. i "konstruirovanie" materey novogo tipa: opyt sibirskoy derevni [The Policy of Maternity and Infancy Protection in the 1920s and the "Construction" of a New Type of Mothers: The Experience of the Siberian Village]. In *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*. No. 2, pp. 107–119.

Vol'f, S.P. (2021). Pravovoy nigilizm v reshenii semeynyh konfliktov dvoryanami i krest'yanami v Rossiyskoy imperii pervoy treti XIX veka [Legal Nihilism in the Resolution of Family Conflicts by Nobles and Peasants in the Russian Empire of the First Third of the 19th Century]. In *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. Vol. 6, No. 3, pp. 22–30.

Vospominaniya krest'yanki Vereyskogo uezda Natal'i Filippovny Soldatenkovoy [Memoirs of a Peasant Woman of the Vereysky District Natalia Filippovna Soldatenkova]. In *Borovskiy trakt [Borovsky Tract]*. Available at: URL: http://borovsk-tract.ru/memuar/Vospominaniya_krest_yanki_Verejskogo_uezda.html (date of access 20.06.2022).

Waterlow, J. (2018). Babushka, Harlot, Helper, Joker: Women and Gender in 1930s Political Humour. In *The Palgrave handbook of women and gender in twentieth-century Russia and the Soviet Union*. London, Palgrave Macmillan.

Zayonchkovskiy, P.A. (Eds.). (1983). *Istoriya dorevolyutsionnoy Rossii v dnevnikah i vospominaniyah* [The History of Pre-Revolutionary Russia in Diaries and Memoirs]. Vol. 4, Part 1, 1895–1917. Moscow, Publ. Book. 369 p.

Zhulaeva, A.S., Vysochina, E.A. (2020). Predposylki i sut' izmeneniy gosudarstvennoy politiki v otnoshenii sotsial'nogo statusa zhenshchin v Rossii na puti ot monarhii k Sovetam [Background and Issence of Changes in State Policy Regarding the Social Status of Women in Russia on the Way from the Monarchy to the Soviets]. In *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri*. No. 1, pp. 118–122.

В.А. Журавлева
М.И. Мирошниченко*

БРАЧНОСТЬ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ УРАЛА В УСЛОВИЯХ ПРОМЫШЛЕННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ КРАЯ (1926–1939 ГОДЫ): ИСТОРИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

doi:10.31518/2618-9100-2022-6-5
УДК 94(470.55)"1926/1939"+314.545

Выходные данные для цитирования:
Журавлева В.А., Мирошниченко М.И. Брачность городского населения Урала в условиях промышленной модернизации края (1926–1939 годы): историко-демографический аспект // Исторический курьер. 2022. № 6 (26). С. 73–87. URL: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-6-05.pdf

V.A. Zhuravleva
M.I. Miroshnichenko*

NUPTIALITY OF THE URBAN POPULATION OF THE URALS IN THE CONDITIONS OF INDUSTRIAL MODERNIZATION OF THE REGION (1926–1939): HISTORICAL AND DEMOGRAPHIC ASPECT

doi:10.31518/2618-9100-2022-6-5

How to cite:
Zhuravleva V.A., Miroshnichenko M.I. Nuptiality of the Urban Population of the Urals in the Conditions of Industrial Modernization of the Region (1926–1939): Historical and Demographic Aspect // Historical Courier, 2022, No. 6 (26), pp. 73–87. [Available online: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-6-05.pdf]

Abstract. The study of the transformation of the nuptiality of the urban population under the influence of industrial modernization is carried out within the Ural region, after its liquidation in 1934 – within the boundaries of the Sverdlovsk (in 1938 the Perm region separated from it) and Chelyabinsk regions based on the results of the All-Union population censuses of 1926 and 1939 and data of current statistics. The nuptiality of the urban population of the Urals developed under the influence of changing family legislation, unfolding in the region the industrial modernization and the socio-political situation in the country. Marriages concluded in the registry office, were finally approved but at the same time the law recognized actual marriages, divorces were simplified. In 1926–1939 in the cities of the Urals there was an unstable increase in the absolute number of marriages, but since 1930 the unstable dynamics of the total coefficient nuptiality found a downward trend. De facto marriages spread among the urban population of the region, but it is difficult to estimate their number, since they did not fall into the state registration and were not taken into account by statistics. The simplification of the divorce procedure led to their growth among the urban population. Marriages became less stable. Howewer, the increasing complexity of filing divorces in 1936 strengthened marital relations for a short time. Industrial modernization was accompanied by a rapid increase in the population of cities due to migrants. But difficult living conditions forced the townspeople to postpone entering into a legal marriage. In 1931, in the cities of the Urals, the share of singles increased to 15.5 %, and in 1926 it was 6 %. This affected the birth rate. Migrants contributed to the spread of interethnic marriages, but their proportion among the citizens of the Urals was lower than in neighboring regions. The rapid economic development of the Urals contributed to the inclusion of women in social production; education and career growth became important for them. As a result, women's age at marriage increased, the bulk of women married at the age of 30–39, as shown by the results of the All-Union Census of 1939, and not at 25–29, as in 1926. In general, the emerging changes in nuptiality connected with to

* **Вера Анатольевна Журавлева,** доктор исторических наук, доцент, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), филиал в городе Златоусте, Златоуст, Россия, e-mail: zhuravlvera@yandex.ru
Vera Anatolievna Zhuravleva, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, South Ural State University (National Research University), the Branch in Zlatoust, Zlatoust, Rossia, e-mail: zhuravlvera@yandex.ru
Мария Ильинична Мирошниченко, доктор исторических наук, доцент, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия, e-mail: mmi74@yandex.ru
Maria Ilinichna Miroshnichenko, Doctor of Historical Science, Associate Professor, Department of Russian and Foreign History, South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia, e-mail: mmi74@yandex.ru

industrial modernization of the late 1920s – 1930s failed to destroy the values of marriage, as before, the majority of the urban population of the Urals was married and had families.

Keywords: nuptiality, nuptiality structure, marital status, legal and de facto marriage, urban population, population census, divorce, Ural.

The article has been received by the editor on 21.04.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Исследование трансформации брачности городского населения под воздействием промышленной модернизации проводится в рамках Уральской области, после ее ликвидации в 1934 г. – в границах Свердловской (в 1938 г. из нее выделилась Пермская область) и Челябинской областей на основе результатов Всесоюзных переписей населения 1926 г. и 1939 г. и данных текущей статистики. Брачность городского населения Урала развивалась под влиянием изменявшегося семейного законодательства, развернувшейся в регионе промышленной модернизации края и социально-политической ситуации. Окончательно утвердился брак, заключенный в органах загса, но одновременно закон признал фактические браки, был упрощен развод. В 1926–1939 гг. в городах Урала наблюдался нестабильный рост абсолютного числа заключенных браков, но с 1930 г. неустойчивая динамика общих коэффициентов брачности обнаружила тенденцию их снижения. Среди городского населения региона получил распространение фактический брак, но о его масштабах сложно судить, так как он не попадал в государственную регистрацию и не учитывался статистикой. Упрощение процедуры разводов привело к их росту среди городского населения. Браки стали менее стабильными. Усложнение оформления разводов в 1936 г. на короткий срок укрепило институт брака. Промышленная модернизация сопровождалась быстрым ростом населения городов за счет мигрантов. Но тяжелые жилищно-бытовые условия заставляли горожан откладывать вступление в законный брак. В 1931 г. в городах Урала доля одиночек выросла до 15,5 %, а в 1926 г. она составляла 6 %. Это отразилось на рождаемости. Мигранты способствовали распространению межэтнических браков, но их удельный вес среди горожан Урала был ниже, чем в соседних регионах. Бурное экономическое развитие Урала способствовало включению женщин в общественное производство, для них стали важны образование и карьерный рост. В итоге у женщин повысился возраст вступления в брак, основная масса женщин, как показали итоги Всесоюзной переписи 1939 г., выходила замуж в 30–39 лет, а не в 25–29 лет, как в 1926 г. В целом наметившиеся изменения в брачности благодаря промышленной модернизации конца 1920–1930-х гг. не смогли разрушить ценности брака, большинство городского населения Урала по-прежнему состояло в браке и имело семью.

Ключевые слова: брачность, брачная структура, брачное состояние, законный и фактический брак, городское население, перепись населения, развод, Урал.

Статья поступила в редакцию 21.04.2022 г.

Промышленная модернизация, развернувшаяся на Урале с конца 1920-х гг., оказала влияние на демографические характеристики населения края, который находился на стадии демографического перехода от традиционного типа воспроизводства населения к современному. Важное значение для понимания процессов воспроизводства населения имеет изучение такого социального института, как брак, через который проявляется воздействие соци-

ально-экономических и политических факторов на демографические процессы. Неслучайно брачные отношения в исторической ретроспективе активно исследуются отечественными[1] и зарубежными[2] учеными. Первые региональные работы по брачно-семейному состоянию населения Урала появились еще в 1920-е гг. Особое значение имеет исследование заведующего отделом демографической статистики Уральского областного статистического управления Ф.Н. Лебедева, но для него изучение брака и семьи в регионе представляло практическое значение, задачу осветить демографические аспекты в общеисторическом плане Ф.Н. Лебедев не ставил[3]. Вновь к изучению историко-демографической проблематики в крае уральские ученые обращаются только в 1990-е гг. и рассматривают ее с позиций демографического перехода[4]. Вместе с тем до сих пор практически не изучена проблема влияния промышленной модернизации Урала, развернувшейся с конца 1920-х гг., на брачность горожан края. Данная статья призвана восполнить этот пробел. Авторы употребляют понятие «брачность» в широком смысле как массовый процесс формирования и распада брачных союзов, складывания брачной структуры населения.

Исследование ведется в рамках Уральской области, образованной в 1923 г. из Екатеринбургской, Пермской, Тюменской и Челябинской губерний; после ликвидации ее – в границах Свердловской (в октябре 1938 г. из нее выделилась Пермская область) и Челябинской областей. Для изучения обозначенной проблемы имеется богатый статистический материал: данные Всесоюзных переписей населения СССР 1926 и 1939 гг., программы которых включали сбор сведений о брачном состоянии населения и результаты текущей статистики.

Кодекс законов о браке, семье и опеке (КЗоБСО), принятый ВЦИК 19 ноября 1926 г., уравнял фактические и зарегистрированные в установленном законом порядке браки. Для признания фактических браков требовалось совместное проживание мужчины и женщины, ведение общего хозяйства, совместное воспитание детей. Окончательно утвердились браки, зарегистрированные в загсах. Но даже в крупных уральских городах еще встречались случаи церковных браков, хотя их удельный вес значительно снизился. К примеру, в Нижнем Тагиле в 1934–1935 гг. они составляли 2,4 % от всех зарегистрированных брачных союзов, а в 1922–1924 гг. их было около 40 %[5].

Во второй половине 1920-х гг. продолжилась намеченная ранее тенденция на увеличение количества зарегистрированных браков в городах Уральской области, за 1926–1929 гг. число брачных союзов выросло с 17 882 до 23 082, т.е. на 29,1 %. Аналогичные данные по сельской местности региона оказались скромнее: количество браков за указанный период выросло с 55 858 до 56 613, т.е. на 1,4 %[6]. Вместе с тем коэффициент брачности в городах Урала в 1926–1929 гг., по данным табл. 1, оставался почти неизменным – около 13 ‰. В окружных городах этот показатель оказался выше, чем в целом по городам края, –

[1] Воспроизводство населения СССР. М., 1983; *Вишневский А.Г.* Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М., 1998; *Араловец Н.А.* Городская семья в России. 1927–1959 гг. Тула, 2009; *Жиромская В.Б.* Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М., 2012; *Жиромская В.Б., Араловец Н.А.* Российские дети в конце XIX – начале XXI в.: историко-демографические очерки. М., 2018; и др.

[2] *Блюм А.* Родиться, жить и умереть в СССР. М., 2005; *Карлбек Х.* Брачное законодательство северных стран и советской России в 1920-е гг. // Новая и новейшая история. 2004. № 5. С. 170–178; *Coontz S.* The World Historical Transformation of Marriage // Journal of Marriage and Family. 2004. Vol. 66, No. 4. P. 974–979; *Glass B.L., Stolce M.K.* Family Law in Soviet Russia, 1917–1945 // Journal of Marriage and Family. 1987. Vol. 49, No. 4. P. 893–902; и др.

[3] *Лебедев Ф.Н.* Семья и социальный состав уральского города // Население и жилищные условия городов Урала. Свердловск, 1930. С. 1–61.

[4] *Корнилов Г.Е.* Уральское село и война. Проблемы демографического развития. Екатеринбург, 1993; *Кузьмин А.И.* Семья на Урале (демографические аспекты выбора жизненного пути). Екатеринбург, 1993; Население Урала. XX век. История демографического развития. Екатеринбург, 1996; *Чащин А.В.* Брачность городского населения Среднего Урала в 1920–1940 гг. // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: сб. мат-лов I Всерос. молодеж. науч. конф. Новосибирск, 2011. С. 190–197; *Ажигулова А.И.* Семейно-брачные отношения на Южном Урале в 1930-е годы // Клио. 2017. № 2 (122). С. 73–77.

[5] *Крупянская В.Ю., Будина О.Р., Полищук Н.С., Юхнева Н.В.* Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила (1917–1970). М., 1974. С. 150.

[6] Рассчитано по: Естественное движение населения РСФСР за 1926 год. М., 1928. С. 5–6; Уральское хозяйство в цифрах. 1930. Свердловск, 1930. Вып. 1. С. 10.

за рассматриваемый период он поднялся до 14,4 брачных союзов на 1 000 чел. В сельской местности проявилась тенденция к снижению коэффициента брачности с 10,5 до 8,6 ‰, однако в 1929 г. он вновь поднялся до 10 ‰.

Таблица 1

Коэффициенты брачности и разводимости
городского населения Уральской области в 1926–1931 гг., ‰

Год	Города		В том числе окружные города		Сельская местность	
	браки	разводы	браки	разводы	браки	разводы
1926	13,1	2,3	12,3	2,5	10,5	1,4
1927	13,4	6,5	14,2	8,4	9,6	2,4
1928	13,3	6,1	14,1	7,9	8,6	2,0
1929	13,5	7,0	14,4	8,8	10,0	2,1
1930	10,9	5,1	В 1930 г. округа были ликвидированы		7,4	1,9
1931	8,5	3,6			5,7	1,4

Составлено по: Уральское хозяйство в цифрах. 1930. Вып. 1. С. 14–15; Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-241. Оп. 2. Д. 3395. Л. 34.

Брачность в уральских городах в 1926–1929 гг. превышала аналогичные показатели по городам РСФСР, где на 1 000 горожан было заключено в 1926 г. 11,9 браков[7], и соседней Сибири – здесь коэффициент брачности составил в 1926 г. 12,3 ‰, в 1929 г. – 12,1 ‰[8]).

В 1930 г. коэффициент брачности городского населения Урала резко сократился до 10,9 ‰. Его снижение продолжилось и дальше. Так, в 1933 г. в городах, вскоре вошедших в состав вновь образованной Челябинской области, он составил 7,6 ‰, а в городских поселениях Свердловской области в 1934 г. этот показатель был равен 8,5 ‰. Еще более значительным было падение относительных показателей брачности в сельской местности Урала – с 10 ‰ в 1929 г. до примерно 4 ‰ в 1933 г. (см. табл. 1 и 2). В целом в 1934 г. в городах Свердловской и Челябинской областей было зарегистрировано супружеских пар меньше, чем в аналогичных поселениях РСФСР (соответственно 8,5 и 9 браков против 11,3 на 1 000 чел.) и соседней Сибири (11 браков на 1 000 чел.)[9].

Снижение коэффициентов брачности в начале 1930-х гг. не означало, что городские жители стали реже создавать семьи. Сокращение законно оформленных браков свидетельствовало о распространении на Урале фактических браков, которые не попадали в государственную регистрацию, а значит, не учитывались государственной статистикой.

Еще одним фактором была промышленная модернизация, которая сопровождалась интенсивной миграцией населения в города, что повлияло на половозрастную структуру горожан. В городских поселениях Уральской области была ликвидирована диспропорция между полами. Удельный вес мужчин-горожан поднялся с 47,5 % на начало 1928 г. до 50 % на начало 1932 г. На селе тенденция была противоположной: за указанный период произошло снижение доли мужчин-селян с 46,5 до 45,8 %, деревня отдавала в города прежде всего мужчин[10]. Город пополнялся в основном молодыми переселенцами, еще, как правило,

[7] Рассчитано по: Естественное движение населения Союза ССР в 1926 г. М., 1929. С. 36, 38.
[8] *Исупов В.А.* Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.). Новосибирск, 1991. С. 164.
[9] *Араловец Н.А.* Городская семья в России. 1927–1959 гг. … С. 41; *Исупов В.А.* Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению... С. 164.
[10] Уральское хозяйство в цифрах, 1931–1932 гг. Свердловск, 1933. С. 292.

не состоявшими в браке. По данным апрельского учета 1931 г., удельный вес трудоспособных горожан Урала составил 62,6 %. При этом на новостройках доля лиц в возрасте 16–59 лет превзошла областной показатель и достигла 73,3 %, в индустриальных центрах она была чуть ниже – 62,3 %, а в неиндустриальных городах – всего 57,9 %. Особенно много трудоспособных было среди мужчин-горожан. В целом по городам области они составили 64,2 %, новостройкам – 78,4, индустриальным центрам – 63,8, неиндустриальным городам – 57,9 %. Доля женщин в возрасте 16–59 лет значительно уступала мужской (за исключением неиндустриальных городов) и была соответственно 60,9; 66,7; 60,9 и 57,9 %. К 1932 г. население уральских городов стало чуть более мужским, здесь концентрировалось до 37 % всех представителей этого пола области против 33,2 % женского[11].

Таблица 2

Количество браков и разводов
в городах Свердловской и Челябинской областей в 1933–1939 гг.

Год		Свердловская область		Челябинская область	
		город	село	город	село
1933	Браки	11 649* 9,5	10 286 4,3	7 159 7,6	6 877 4,1
	Разводы	4 555 2,5	4 004 1,7	1 927 2,0	2 356 1,4
	Число разводов на 1 000 браков	391	389	269	343
1934	Браки	17 628 8,5	10 628 4,7	9 634 9,0	8 772 5,8
	Разводы	4 597 2,2	3 419 1,5	2 057 1,9	1 943 1,3
	Число разводов на 1 000 браков	261	322	214	222
1935	Браки	19 112 8,9	13 597	11 942 9,9	10 542 7,4
	Разводы	4 392 2,1	3 433	2 227 1,8	2 140 1,5
	Число разводов на 1 000 браков	230	252	186	203
1936	Браки	25 124 10,5	12 825 н. св.	10 584*** н. св.	8 926 н. св.
	Разводы	3 689 1,5	2 364 н. св.	1 608 н. св.	1 661 н. св.
	Число разводов на 1 000 браков	147	184	152	186

[11] Уральское хозяйство в цифрах, 1931–1932 гг. … С. 304–305.

Окончание таблицы 2

Год		Свердловская область		Челябинская область	
		город	село	город	село
1937	Браки	20 577 / 9,8	9 481 / 4,7	10 895 / 9,0	7 268 / 4,7
	Разводы	1622 / 0,8	680 / 0,3	826 / 0,7	517 / 0,3
	Число разводов на 1 000 браков	79	72	76	71
1939	Браки	11 209** / 7,4	4 365 / 4,3	15 554 / 13,2	13 190 / 8,1
	Разводы	1177 / 0,8	313 / 0,3	1 664 / 1,4	1 372 / 0,8
	Число разводов на 1 000 браков	105	72	107	104

* В числителе – количество человек, в знаменателе – количество браков и разводов на 1 000 чел.
** Без данных по Пермской области.
*** Данные по Челябинской области за январь–сентябрь 1936 г.
Составлено и рассчитано по: Социалистическое строительство в Челябинской области в 1936 году: кратк. итоги. Челябинск, 1936. С. 20; Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 329. Д. 19. Л. 4–5; Д. 53. Л. 3; ГАСО. Ф. Р-1813. Оп. 1. Д. 98. Л. 2 об. – 3 об.; Д. 99. Л. 3 об. – 4 об.; Д. 100. Л. 4–5 об.; Д. 101. Л. 1 об. – 2 об.; Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. Р-485. Оп. 5. Д. 144. Л. 111, 115; Д. 488. Л. 7, 22; Оп. 7. Д. 487. Л. 78–79.

Несмотря на изменения в половозрастной структуре населения городов Урала, горожане не спешили вступать в законный брак. В 1932 г. Уральское областное управление народнохозяйственным учетом подготовило для руководства регионом не подлежащий оглашению материал, в котором обратило внимание на увеличение процента одиночек среди городских жителей. Если по Всесоюзной переписи 1926 г. их насчитывалось 82 286 чел., что составляло 6 % городского населения Урала, при этом большая их часть – 44 273 чел. или 53,8 % – была сосредоточена в окружных городах[12], то по апрельскому учету 1931 г. доля одиночек среди горожан достигла 15,5 %. В крупных городах и на новостройках, в которых осуществлялось масштабное промышленное строительство, ситуация была еще хуже: в Свердловске доля одиночек исчислялась в 29,6 % против 10,1 % в 1926 г., в Перми соответственно – 19,8 и 8,3 %, в Нижнем Тагиле – 10,5 и 4,8 %, в Магнитогорске несемейные горожане составляли 41,5 %. Такой своеобразный состав городского населения вызвал тревогу у областных и городских властей Урала, так как стал одной из причин снижения рождаемости в быстрорастущих городах региона[13]. Одной из причин откладывания вступления в законный брак стали тяжелые жилищно-бытовые условия горожан в связи со слабым развитием городской инфраструктуры. В условиях острой нехватки жилплощади, особенно на новостройках, получило распространение временное жилье: бараки, землянки и даже палатки. Перенаселенность жилья, отсутствие элементарных коммунальных услуг, антисанитария, плохое медицинское обслуживание были усугублены голодом 1932–1933 гг.

Статистические данные, представленные в табл. 2, показывают рост абсолютного числа браков среди горожан: в городах Свердловской области за 1933–1936 гг. их количество увеличилось в 2,2 раза, Челябинской за 1933–1935 гг. – в 1,7 раза. Показатели по городам исследуемых административно-территориальных образований превышали аналогичные данные по селу. В сельской местности абсолютное число зарегистрированных браков выросло за обозначенный период в Свердловской области в 1,3 раза, Челябинской – в 1,5 раза.

Динамика брачности во второй половине 1930-х гг. отличалась нестабильностью. Как свидетельствуют данные табл. 2, в 1937 гг. городские жители Свердловской области

[12] *Лебедев Ф.Н.* Семья и социальный состав уральского города… С. 36.
[13] ГАСО. Ф. Р-241. Оп. 2. Д. 3395. Л. 32.

заключили на 18,1 % меньше браков, чем в 1936 г. В городах Челябинской области в обозначенном году официально было образовано супружеских пар на 8,8 % меньше, чем в 1935 г. Аналогичная ситуация сложилась и в сельской местности (соответственно снижение на 26,1 и 31,1 %). В 1938 г. вновь зафиксирован рост числа зарегистрированных браков. К примеру, в городах Челябинской области в указанный год было создано на 8871 супружеский союз больше, чем в предыдущий год[14], но в 1939 г., по данным табл. 2, произошло новое сокращение количества браков с 19 766 до 15 544 среди городского населения региона. Снижение числа браков в 1939 г. было отмечено и в Пермской области, где за 9 месяцев указанного года горожанами заключено 5 075 браков, а за аналогичный период предыдущего года – 6420, т.е. на 1 345 супружеских союзов меньше[15].

Современники видели причину сокращения числа браков в том, что в брачный период вступило поколение, рожденное в годы Гражданской войны, т.е. сказалось эхо военных потерь. В.Б. Жиромская считает, что свои коррективы в динамику брачных отношений внесли репрессии[16]. Влияние оказала и высокая смертность мужчин в начале 1930-х гг. Ряд российских исследователей объясняет численное сокращение юридически оформленных браков в конце 1930-х гг. принятием в СССР закона «О всеобщей воинской повинности» от 1 сентября 1939 г. и войной Советского Союза с Финляндией в 1939–1940 гг. Сложная внутренняя и внешняя ситуация этих лет стала фактором отсрочки вступления в брак молодых людей[17]. Все эти причины привели к наиболее значительному нарушению соотношения полов у горожан в возрасте 15–29 лет. По данным Всесоюзной переписи 1939 г., в городах Пермской области удельный вес мужчин в возрастной когорте 15–19 лет составил 46,9 %, 20–29 лет – 47 %, Свердловской – 47,7 и 46,1 %, Челябинской – 48,4 и 47,5 % соответственно[18].

Такой же нестабильностью характеризуется и динамика коэффициентов брачности. С 1934 г. – в городах Челябинской области, с 1935 г. – Свердловской они вновь начали расти (см. табл. 2), это продолжалось до 1937 г. Затем зафиксировано устойчивое снижение данного показателя для городского населения Свердловской области (с 9,8 ‰ в 1937 г. до 7,4 ‰ в 1939 г.); в городах Челябинской области коэффициент брачности, наоборот, в 1939 г. увеличился до 13,2 ‰ по сравнению с 9 ‰ в 1937 г.

В целом с 1930 г., несмотря на неустойчивый характер динамики общих коэффициентов брачности городского населения Урала, проявилась долгосрочная тенденция их снижения.

Статистические данные показывают, что в 1939 г. в городах Свердловской области регистрировалось меньше браков на 1 000 населения, чем в аналогичных поселениях РСФСР (7,4 браков против 9,5); в городах Челябинской области, наоборот, заключалось больше брачных союзов, чем в РСФСР (соответственно 13,2 и 9,5)[19]. Для сравнения: в 1939 г. в городах Сибири заключалось 10,3 брака на 1 000 чел.[20]

В условиях промышленной модернизации Урала получили распространение смешанные (межэтнические) браки. В 1936–1937 гг. доля подобных супружеских союзов составила в городах Свердловской области 8 %, Челябинской – 9%. Особенно они были распространены в крупных городах. К примеру, в промышленных центрах Челябинского региона их удельный вес достигал 10,7 %. В сельской местности таких браков было на порядок меньше, их доля равнялась 4,2 % в Свердловской области и 5,9 % в Челябинской. Однако по сравнению с другими областями Урал относился к группе регионов с небольшим удельным весом межэтнических браков. К примеру, в городах Башкирской АССР они составляли 17,1 %, Западно-Сибирского края – 12 %[21].

[14] ОГАЧО. Ф. Р-485. Оп. 6. Д. 789. Л. 130.

[15] *Чащин А.В.* Брачность городского населения Среднего Урала в 1920–1940 гг. … С. 193.

[16] *Жиромская В.Б.* Основные тенденции демографического развития России в XX веке… С. 121.

[17] См.: *Исупов В.А.* Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века. Историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000. С. 134; *Араловец Н.А.* Городская семья в России. 1927–1959 гг. … С. 42; *Чащин А.В.* Брачность городского населения Среднего Урала в 1920–1940 гг. … С. 193.

[18] Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион: сб. мат-лов. Екатеринбург, 2002. С. 126, 232, 288.

[19] *Араловец Н.А.* Городская семья в России. 1927–1959 гг. … С. 41.

[20] *Исупов В.А.* Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению… С. 164.

[21] *Греус П.* Межнациональные браки на территории Российской Федерации в 30-е гг. XX века // Историческая

Ускоренная индустриализация Урала привела к быстрому росту населения городов. Если удельный вес горожан в общем населении Уральской области по итогам Всесоюзной переписи 1926 г. составил 20,8 %[22], то по результатам Всесоюзной переписи 1939 г. в городах Свердловской области было сосредоточено 59,9 % населения региона, Челябинской – 42,2, Пермской – 39,6 %[23]. Города пополнялись прежде всего за счет внутриобластных миграций. Большинство среди переселенцев составляли деревенские жители трудоспособного возраста, в основном мужчины. Миграции повлияли на соотношение числа браков в городской и сельской местности Урала. В 1920-е гг. количество сельских браков преобладало над городскими. На 1 000 браков, заключенных в городах в 1929 г., приходилось 2 453 семейных союза, образованных в деревне[24]. В 1930-е гг., как показывают данные табл. 2, ежегодно в сельской местности стало заключаться браков меньше, чем в городской. В Свердловской области на 1 000 городских браков приходилось в 1933 г. 883 сельских, в 1934 г. – 603, в 1935 г. – 711, в 1937 г. – 461, в 1939 г. – 389; в Челябинской области соответственно – 961, 911, 883, 667, 848.

Кодекс законов о браке и семье 1926 г. внес важные коррективы, которые касались развода. Во-первых, в отличие от ранее действовавшего законодательства, кодекс разрешал регистрировать факт расторжения брака в органах загса без судебного решения. В то же время факт прекращения брака мог устанавливаться и судом, но регистрация развода все равно должна была осуществляться органами загса. Во-вторых, брак мог быть прекращен как по обоюдному согласию супругов, так и по одностороннему желанию кого-либо из них. Более того, если заявление о прекращении брака делалось одним из супругов, то другому супругу можно было сообщить о прекращении брака по адресу, указанному заявителем, т.е. по почте. Таким образом, процедура бракоразводного процесса была максимально упрощена, что немедленно сказалось на стабильности брачных отношений.

После принятия КЗоБСО 1926 г. в Уральской области стал наблюдаться стремительный рост числа разводов. Если в 1925 г. на 1 000 горожан приходилось 2,4 развода[25], в 1926 г. – 2,3, то в 1929 г. – уже 7 (см. табл. 1), при этом семьи чаще распадались в окружных городах (соответственно 2,7; 2,5 и 8,8 случаев развода на 1 000 лиц). Вместе с тем в 1926 г. показатель разводимости городского населения Урала уступал аналогичному по европейской части РСФСР (2,8 разводов на 1 000 чел.[26]). Во второй половине 1920-х гг. выросли коэффициенты разводимости и в сельской местности – с 1,4 ‰ в 1926 г. до 2,1 ‰ в 1929 г., но эти показатели были на порядок ниже, чем в городах региона.

В итоге, как показывает статистика, уже в середине 1920-х гг. браки в уральских городах становятся менее стабильными, в 1925 и 1926 гг. на 1 000 браков совершалось по 177 разводов в год[27], но это было значительно ниже показателей по городам европейской части РСФСР (соответственно 245 и 233 развода на 1 000 браков[28]). Развернувшиеся в СССР, в том числе и на Урале, коллективизация и промышленная модернизация привели в движение большие массы людей и оказала влияние на брачные отношения, которые становились все менее прочными. В 1929 г. в городах Уральской области на 1 000 браков приходилось 525 разводов, т.е. распадалось более половины оформленных браков, тогда как в сельской местности расторгался каждый пятый брак (210 разводов на 1 000 браков)[29]. Еще менее прочными стали семьи в окружных городах. За 1926–1929 гг. число разводов на 1 000 браков выросло в Ирбите с 266 до 874, Тобольске – с 498 до 850, Тюмени – с 199 до 717, Шад-

демография: сб. ст. М., 2010. С. 103–104.

[22] Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения, 1926 год. М., 1929. Т. IX. С. 8.

[23] Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион. С. 126, 232, 288.

[24] Рассчитано по: Уральское хозяйство в цифрах. 1930. Вып. I. С. 10.

[25] Рассчитано по: Здравоохранение Уральской области за 1925 г. Свердловск, 1926. Вып. II. С. 66; Уральское хозяйство в цифрах. 1926: крат. стат. справочник. Свердловск, 1926. С. 6.

[26] Естественное движение населения РСФСР за 1926 г. М., 1928. С. 5.

[27] Рассчитано по: Естественное движение населения РСФСР за 1926 г. … С. 31; Здравоохранение Уральской области за 1925 г. Вып. II. С. 66.

[28] Население России в XX веке. М., 2000. Т. 1. С. 178.

[29] Рассчитано по: Уральское хозяйство в цифрах. 1930. Вып. I. С. 10.

ринске – с 211 до 669, Челябинске – с 221 до 655, Кургане – с 100 до 641, Ишиме – с 192 до 626, Перми – с 159 до 597, Троицке – с 335 до 586, Свердловске – с 175 до 584, Златоусте – с 230 до 537, Нижнем Тагиле – с 138 до 443[30]. Российский ученый В.Б. Жиромская так объясняет широкое распространение разводов в 1920-е гг.: в этот период были распространены фиктивные браки, заключенные с целью трудоустройства, получения жилплощади при переезде из деревни в города и т.д. Сама упрощенная процедура заключения брака и развода способствовала распространению фиктивных браков. По мере достижения желаемой цели эти браки расторгались. Реальных же разводов было немного. Новая модель брачно-семейного поведения еще только формировалась. По мнению исследователя, семья на данном этапе демографической модернизации обладала еще традиционно высокой устойчивостью[31].

Еще одной причиной расторжения браков, которую называли сами разводившиеся супруги, стали трудные бытовые условия, неустроенный быт[32]. Как вспоминала А.И. Лепешкова о своем замужестве: «Мне дозарезу надо было ехать в Челябинск. <…> Он достал лошадь, приехали на квартиру, а у них ни пить, ни есть <…>, была у меня мука – 5–6 пудов. Быстро съели. Он собрался, да и тикать, поди через месяц его уж не стало. Я и радехонька»[33].

Следствием легкости заключения брака стала частная смена партнеров. Характерно содержание справки о фактическом браке, выданной в Камышинском сельском совете Лебяжьевского района Курганского округа в 1926 г.: «Гражданка нашего камышинского общества С.Н. Ив., действительно, выходила замуж один раз в д. Щетинково, два раза жила так с гражданином села Камышинского А., три раза сходилась с С.И., четыре раза – с И.И., в которой фамилии осталась по настоящее время, что удостоверяется Камышинским сельсоветом»[34].

С 1930 г. начался обратный процесс – снижение коэффициентов разводимости с 5,1 ‰ в городах Уральской области до 2,1 в Свердловской области и 1,8 Челябинской в 1935 г. (см. табл. 1 и 2). Аналогичная тенденция проявилась и в сельской местности, где за 1930–1934 гг. коэффициент разводимости уменьшился с 1,9 до 1,5 в Свердловской области и 1,3 ‰ в Челябинской. По данным табл. 2, за 1933–1935 гг. количество разводов на 1 000 браков сократилось в городах Свердловской области с 391 до 230, Челябинской – с 269 до 186. Подобная ситуация была характерна и для крупных уральских городов. За 1933–1935 гг. число разводов на 1 000 браков уменьшилось в Свердловске с 392 до 255, Златоусте – с 362 до 213, Нижнем Тагиле – с 356 до 178, Челябинске – с 328 до 180, Магнитогорске – с 187 до 142[35]. Как показывают данные табл. 2, сельские браки стали распадаться чаще, чем городские. В 1933 г. на 1 000 браков в сельской местности Челябинской области было зафиксировано на 74 развода больше, чем в городской, в 1934 г. – на 8, в 1935 г. – на 17; в свердловской деревне в 1933 г. было совершено разводов примерно столько же, сколько и в городе, но в 1934 г. их уже было больше на 61 развод, в 1935 г. – на 22. Деревенские браки стали менее прочными, чем городские. Здесь сказывался масштабный отток населения из сельской местности в города.

Значительное влияние на число разводов оказало постановление ЦИК и СНК СССР «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многосемейным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» от 27 июня 1936 г. Постановление усложнило процедуру расторжения брака. Требовался обязательный вызов супругов в загс с целью установления мотива развода и возможного примирения супругов. В случае развода в паспортах делалась соответствующая отметка. При этом повышалась оплата регистрации разводов: плата за первый развод составила 50 руб., за второй – 150 руб., за каждый последу-

[30] Уральское хозяйство в цифрах. 1930. Вып. I. С. 23–33.
[31] *Жиромская В.Б.* Основные тенденции демографического развития России в XX веке… С. 60.
[32] Архив Златоустовского городского округа. Ф. Р-270. Оп. 1. Д. 69. Л. 117.
[33] *Лепешкова А.И.* Воспоминания // ОГАЧО. Ф. Р-1732. Оп. 1. Д. 13. Л. 11.
[34] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 1083. Л. 39.
[35] Рассчитано по: РГАЭ. Ф. Р-1562. Оп. 329. Д. 19. Л. 4–5; ГАСО. Ф. Р-1813. Оп. 1. Д. 98. Л. 1 об., 5 об.; ОГАЧО. Ф. Р-485. Оп. 5. Д. 144. Л. 108–110.

ющий – 500 руб. В результате реализации этого постановления за период 1935–1937 гг., по данным табл. 2, число разводов в городах Свердловской и Челябинской областей сократилось в 2,7 раза. Коэффициент разводимости упал в городах Свердловской области с 2,1 до 0,8 ‰, Челябинской – с 1,8 до 0,7 ‰. Количество разводов на 1 000 браков снизилось в городах Свердловской области с 230 в 1935 г. до 79 в 1937 г., Челябинской – с 186 до 76. Аналогичная тенденция была характерна и для сельской местности Урала. В 1937 г. на 1 000 селян Свердловской и Челябинской областей стало совершаться всего 0,3 развода, что было меньше, чем в городах; на 1 000 браков приходилось чуть более 70 разводов.

Но искусственно стабилизировать брак государство смогло на короткий срок. Уже в 1939 г., по сравнению с 1937 г., абсолютное число разводов и коэффициент разводимости, к примеру, в городах Челябинской области, выросли в два раза, в сельской местности региона ситуация была еще хуже – здесь эти показатели увеличились в 2,7 раза. В этот год в Свердловской и Челябинской областях на 1 000 браков в городах приходилось соответственно 105 и 107 разводов, в то время как на селе эти показатели были немного меньше – 72 и 104 (см. табл. 2).

Всесоюзные переписи населения 1926 и 1939 гг. позволяют проследить изменения брачного состояния городского населения Урала под воздействием промышленной модернизации края. Под брачным состоянием в демографии понимается положение лица по отношению к институту брака, определяемого правовыми нормами страны. В результате увеличения количества браков произошел рост числа замужних и женатых в городах региона. За период между Всесоюзными переписями населения 1926 и 1939 гг. численность горожан брачного возраста, состоявших в браке, на 1 000 лиц выросла с 595 чел. в Уральской области до 626 в Свердловской и 646 в Челябинской областях, только в Пермском административно-территориальном образовании этот показатель остался неизменным (595 чел.)[36], в том числе, по данным табл. 3, женатых мужчин стало больше в городах Свердловской области на 27 чел. на каждую 1 000 лиц в возрасте 15 и старше лет и Челябинской – на 43 чел., замужних женщин соответственно – на 34 и 56 чел. Численность женатых горожан и замужних горожанок на 1 000 чел. в Пермской области осталась примерно на уровне показателей по городам Уральской области в 1926 г. Уровень брачности городского населения Урала (за исключением женщин в Пермской области), по итогам Всесоюзной переписи населения 1939 г., превосходил аналогичные данные по РСФСР. В российских городах в браке состояло 650 мужчин и 551 женщина на 1 000 лиц в возрасте 15 лет и старше[37]. В городах Урала как в 1926 г., так и в 1939 г. доминировали мужчины, состоявшие в браке.

В 1926 г. в сельской местности Урала проживало гораздо больше селян обоего пола, состоявших в браке, чем в городе, соответственно 704 мужчины и 654 женщины на селе против 654 горожан и 545 горожанок на 1 000 лиц в возрасте 15 и старше лет. В 1939 г. по-прежнему в сельской местности насчитывалось больше женатых мужчин, чем в городской: в Свердловской области было 719 селян против 681 горожанина на 1 000 чел., в Челябинской – 736 против 697, Пермской – 722 против 656. Замужние женщины-селянки преобладали над горожанками только в Челябинской (610 против 601 чел. на 1 000 населения) и Пермской (579 против 543 чел.) областях, в Свердловском регионе селянок в браке стало меньше, чем горожанок, – 508 чел. против 579 на 1 000 лиц[38].

Кодекс законов о браке и семье 1926 г. установил единый для всех граждан страны минимальный брачный возраст в 18 лет. Однако, по данным табл. 3, Всесоюзная перепись населения 1939 г. выявила горожан в возрасте 15–19 лет, состоявших в законном браке, но их стало меньше, чем в предыдущую перепись. Так, в 1939 г. на 1 000 горожан обозначенной возрастной когорты таковых было в Пермской области 56 чел., в Свердловской – 66, в Челябинской – 67, тогда как в 1926 г. в городах Уральской области в целом этот показатель

[36] Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион. С. 128, 234, 290.
[37] *Араловец Н.А.* Городская семья в России. 1927–1959 гг. … С. 39.
[38] Всесоюзная перепись населения 1926 года. Уральская область. Отд. III. С. 74; Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион. С. 128, 234, 290.

равнялся 83 чел. При этом если число мужчин, вступивших в ранние браки, на 1 000 горожан осталось почти на прежнем уровне, то аналогичные показатели в отношении женщин претерпели существенные изменения: в 1939 г. рано вышедших замуж горожанок на каждую 1 000 женщин в возрасте 15–19 лет в Пермской области было на 48 чел. меньше, чем в 1926 г., в Свердловской – на 30 и в Челябинской на 25 чел. (см. табл. 3).

Таблица 3

Брачное состояние городского населения Урала по переписям 1926 г. и 1939 г.
(на 1 000 горожан соответствующего возраста и пола, состоявших в браке)

Возраст, лет	Перепись 1926 г.		Перепись 1939 г.					
			мужчины			женщины		
	муж.	жен.	Перм. область	Свердл. область	Челяб. область	Перм. область	Свердл. область	Челяб. область
	Уральская область							
15–19	27	132	24	27	25	84	102	107
20–24	433	652	342	380	393	545	599	646
25–29	816	794	721	769	789	737	771	800
30–39	931	761	896	918	932	756	792	810
40–49	944	653	943	946	957	660	699	708
50–59	912	478	916	921	926	481	490	507
60 и старше	763	239	779	776	793	228	238	259
Всего	654	545	656	681	697	543	579	601

Составлено и рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Уральская область. Отд. III. М., 1930. С. 73; Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион. С. 128, 234, 290.

Российский ученый В.А. Исупов в качестве одной из причин снижения доли сверхранних браков в 1939 г. называет призыв большого количества молодых людей в армию и сокращение числа брачных партнеров для молодых девушек[39]. В целом в уральских городах в ранние браки по-прежнему вступали прежде всего девушки. Абсолютное же большинство молодых людей в указанном возрасте оставались еще холостыми.

Уже в следующей возрастной когорте (20–24 года) происходят резкие изменения в брачном состоянии горожанок. В 1939 г. в Пермской и Свердловской областях незамужними оставалось менее половины жительниц городов на каждую 1 000 женщин этой возрастной категории, тогда как в 1926 г. таковых была треть. В городах Челябинской области показатель брачного состояния женщин 20–24 лет остался примерно на уровне предыдущей переписи. Мужчины в этом возрасте не спешили вступать в брак, во всех трех областях Урала численность холостых превышала 600 чел. на 1 000 горожан, а в 1926 г. их было гораздо меньше – 567 чел.

Данные табл. 3 показывают, что в 1939 г. большинство горожанок Урала 25–39 лет (около 8 из 10 чел.) были замужем, как и в 1926 г., но если пик вступления их в брак в предыдущую перепись падал на возраст в 25–29 лет, то в конце 1930-х гг. – на 30–39 лет. Подавлявшее большинство мужчин-горожан были женатыми в 30–59 лет (свыше 9 из 10 чел.). Но для них пик создания семьи в 1939 г. приходился на 40–49 лет, как и в 1926 г.

[39] *Исупов В.А.* Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению… С. 168.

Переписи 1926 и 1939 гг. показали постепенное снижение численности замужних горожанок с 40–49 лет. В этой возрастной когорте на 7 женщин, состоявших в браке, приходилось 9 женатых мужчин, и этот разрыв в последующих возрастных группах только возрастал. Так, на 9 женатых горожан приходилось лишь 5 замужних горожанок в возрасте 50–59 лет. Особенно значительный разрыв между полами лиц, состоявших в браке, был в возрастной группе 60 и выше лет, в которой он составил три с лишним раза. Женщинам с возрастом все сложнее было создать семью и поменять свой брачный статус. «То, что прощается мужчине, – отмечала М.И. Ульяновская, – никогда не прощается женщине. У нас в жизни очень нередки случаи, когда старик женится на молодой девушке. Его за это не судят, не снимают с руководящей работы, не исключают из партии. А женщина такую роскошь позволить себе не может, ее заклюют, затаскают по контрольным комиссиям»[40].

Таким образом, анализ брачного состояния горожан по Всесоюзной переписи 1939 г. показывает, что у женщин повысился возраст вступления в брак. Они все чаще предпочитали сначала получить образование. За период между Всесоюзными переписями населения 1926 и 1939 гг. доля неграмотных среди горожанок сократилась в Пермской с 29,2 до 16 %, Свердловской – с 37,5 до 18,4 %, Челябинской – с 41,5 до 21,5 %. Больше всего неграмотных горожанок насчитывалось в возрастной группе 50 лет и старше (в Пермской области – 57,3 %, Свердловской – 60,4 %, Челябинской – 68,2 %), а в 1926 г. более половины женщин не умели читать и писать уже в возрасте 40–49 лет. В 1939 г. вырос и уровень образования женщин, проживавших в уральских городах: на 1 000 лиц среднее образование имели в Пермской области 118,2 горожанки, Свердловской – 108,3, Челябинской – 94,1; высшее образование получили соответственно 6, 5,9 и 4 женщины[41].

Промышленная модернизация способствовала активному включению женщин в общественное производство. Резкий перелом в этом отношении наметился уже в 1930 г., а с 1931 г. этот процесс стал идти более интенсивно. Об изменении роли женщин в экономической жизни городов Урала свидетельствовали материалы Всесоюзной переписи 1939 г. Они показали, что в городах Пермской и Свердловской областей свыше трети (соответственно 36,8 и 33,7 %), а в Челябинской –менее трети женщин (28,4 %) имели занятие[42]. В 1926 г. таковых было 31,8 %[43]. Для женщин стал важным карьерный рост.

Горожанки трудились во всех сферах общественного производства, но в просвещении, здравоохранении, торговле, общественном питании, жилищно-коммунальном хозяйстве их труд преобладал над мужским. Женщины стали занимать руководящие посты в партийных и общественных организациях, в государственных и кооперативных учреждениях и на предприятиях. И все это не могло не сказаться на брачном возрасте жительниц городов.

К концу 1930-х гг. были достигнуты успехи в городском строительстве. И Всесоюзная перепись 1939 г. показала значительное сокращение, по сравнению с началом 1930-х гг., доли одиночек, т.е. людей, не состоявших в браке, среди городского населения Урала. Она составила в Пермской области 6,3 %, Свердловской – 5,4 и Челябинской – 2,8 %, при этом в Пермской области удельный вес данной категории горожан среди мужчин достигал 5,2 %, среди женщин – 7,3 %; в Свердловской соответственно – 2,1 и 5,8; Челябинской – 2,4 и 3,1 %. В городах Пермской области на 1 000 мужчин-одиночек приходилось 1589 женщин-одиночек, Свердловской – 3172 и Челябинской – 1459. Итоги Всесоюзной переписи 1939 г. свидетельствуют о том, что в Челябинской области одиночки распределялись примерно в равных долях в городской и сельской местностях (соответственно 50,4 и 49,6 %), в Свердловской – в основном в сельской местности (56,2 %), а в Пермской – в городской (61,2 %)[44].

---

[40] *Баранов А.В., Сибирячка З.* Женщина Урала в борьбе и за работой (Десять лет работы партии среди работниц и крестьянок на Урале). Свердловск, 1928. С. 116.

[41] Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион. С. 129–130, 235–236, 291–292.

[42] Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион: сб. мат-лов. С. 143, 247, 303.

[43] Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1929. Т. XXI. Отд. II. С. 120.

[44] Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион. С. 127, 233, 289.

Таким образом, в 1926–1939 гг. брачность городского населения Урала развивалась под влиянием изменявшегося семейного законодательства, развернувшейся в регионе промышленной модернизации края и социально-политической обстановки в стране. Получили распространение такие явления, как развод, фактические и смешанные браки, окончательно утвердились семейные союзы, зарегистрированные в загсах, повысился возраст вступления в брак у женщин. Однако все эти изменения не смогли разрушить ценности брака. По-прежнему большинство мужчин-горожан и женщин-горожанок состояли в браке и имели семью.

Литература

Ажигулова А.И. Семейно-брачные отношения на Южном Урале в 1930-е годы // Клио. 2017. № 2 (122). С. 73–77.

Араловец Н.А. Городская семья в России. 1927–1959 гг. Тула: Гриф и К, 2009. 304 с.

Баранов А., Сибирячка З. Женщина Урала в борьбе и за работой (Десять лет работы партии среди работниц и крестьянок на Урале). Свердловск: Истпарт Уралобкома ВКП(б), 1928. 120 с.

Блюм А. Родиться, жить и умереть в СССР. М.: Новое изд-во, 2005. 169 с.

Вишневский А.Г. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998. 432 с.

Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион: сб. мат-лов / В.П. Мотревич. Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2002. 372 с.

Воспроизводство населения СССР / А.Г. Вишневский, А.Г. Волков. М.: Финансы и статистика, 1983. 303 с.

Греус П. Межнациональные браки на территории Российской Федерации в 30-е гг. XX века // Историческая демография: сб. ст. М.: МАКС Пресс, 2010. С. 94–105.

Жиромская В.Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М.: Кучково поле, 2012. 320 с.

Жиромская В.Б., Араловец Н.А. Российские дети в конце XIX – начале XXI в.: историко-демографические очерки. М.: ИРИ РАН, ЦГИ, 2018. 223 с.

Исупов В.А. Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.). Новосибирск: Наука, Сиб. отд-е, 1991. 291 с.

Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века. Историко-демографические очерки. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 244 с.

Карлбек Х. Брачное законодательство северных стран и советской России в 1920-е гг. // Новая и новейшая история. 2004. № 5. С. 170–178.

Корнилов Г.Е. Уральское село и война. Проблемы демографического развития. Екатеринбург: Уралагропресс, 1993. 175 с.

Крупянская В.Ю., Будина О.Р., Полищук Н.С., Юхнева Н.В. Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила (1917–1970). М.: Наука, 1974. 319 с.

Кузьмин А.И. Семья на Урале (демографические аспекты выбора жизненного пути). Екатеринбург: Наука, 1993. 237 с.

Лебедев Ф.Н. Семья и социальный состав уральского города // Население и жилищные условия городов Урала. Свердловск: Изд. статсектора Уралплана, 1930. С. 1–61.

Население России в XX веке / А.М. Поляков, В.Б. Жиромская. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 1. 463 с.

Население Урала. XX век. История демографического развития / А.И. Кузьмин, А.Г. Оруджиева, Г.Е. Корнилов. Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 1996. 212 с.

Чащин А.В. Брачность городского населения Среднего Урала в 1920–1940 гг. // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: сб. мат-лов I Всерос. молодеж. науч. конф. Новосибирск: Параллель, 2011. С. 190–197.

Coontz S. The World Historical Transformation of Marriage // Journal of Marriage and Family. 2004. Vol. 66, No. 4. Pp. 974–979.

Glass B.L., Stolce M.K. Family law in Soviet Russia, 1917–1945 // Journal of Marriage and Family. 1987. Vol. 49, No. 4. Pp. 893–902.

References

Aralovets, N.A. (2009). *Gorodskaya sem'ya v Rossii. 1927–1959 gg.* [Urban Family in Russia. 1927–1959]. Tula, Grif i K. 304 p.

Azhigulova, A.I. (2017). *Semeyno-brachnye otnosheniya na Yuzhnom Urale v 1930-e gody* [Family and Marriage Relations in the Southern Urals in the 1930s]. In *Klio*. No. 2 (122), pp. 73–77.

Baranov, A., Sibiryachka, Z. (1928). *Zhenshchina Urala v bor'be i za rabotoy (Desyat' let raboty partii sredi rabotnits i krest'yanok na Urale)* [Woman of the Urals in the Struggle and at Work (Ten Years of the Party's Work among Workers and Peasants in the Urals)]. Sverdlovsk, Istpart Uralobkoma VKP(b). 120 p.

Blum, A. (2005). *Rodit'sya, zhit' i umeret' v SSSR* [Born, Live and Die in the USSR]. Moscow, Novoe izd-vo. 169 p.

Chashchin, A.V. (2011). *Brachnost' gorodskogo naseleniya Srednego Urala v 1920–1940 gg.* [Marriage Rate of the Urban Population of the Middle Urals in 1920–1940]. In *Aktual'nyye problemy istoricheskikh issledovaniy: vzglyad molodykh uchenykh: sb. mat-lov I Vseros. molodezh. nauch. konf.* Novosibirsk, Parallel', pp. 190–197.

Greus, P. (2010). *Mezhnatsional'nye braki na territorii Rossiyskoy Federatsii v 30-e gg. XX veka* [Interethnic Marriages on the Territory of the Russian Federation in the 30s 20th Century]. In *Istoricheskaya demografiya: sb. statey*. Moscow, MAKS Press, pp. 94–105.

Isupov, V.A. (1991). *Gorodskoe naselenie Sibiri: ot katastrofy k vozrozhdeniyu (konets 30-kh – konets 50-kh gg.)* [Urban Population of Siberia: From Catastrophe to Revival (Late 30s – Late 50s)]. Novosibirsk, Nauka, Sib. otd-ye. 291 p.

Isupov, V.A. (2000). *Demograficheskie katastrofy i krizisy v Rossii v pervoy polovine XX veka. Istoriko-demograficheskie ocherki* [Demographic Catastrophes and Crises in Russia in the First Half of the 20th Century. Historical and Demographic Essays]. Novosibirsk, Sibirskiy khronograf. 244 p.

Karlbek, H. (2004). *Brachnoe zakonodatel'stvo severnykh stran i sovetskoy Rossii v 1920-e gg.* [Marriage Legislation of the Nordic Countries and Soviet Russia in the 1920s]. In *Novaya i noveyshaya istoriya*. No. 5, pp. 170–178.

Kornilov, G.E. (1993). *Ural'skoe selo i voyna. Problemy demograficheskogo razvitiya* [Ural Village and War. Problems of Demographic Development]. Yekaterinburg, Uralagropress. 175 p.

Krupyanskaya, V.Yu., Budina, O.R., Polishchuk, N.S., Yukhneva, N.V. (1974). *Kul'tura i byt gornyakov i metallurgov Nizhnego Tagila (1917–1970)* [Culture and Life of Miners and Metallurgists of Nizhny Tagil (1917–1970)]. Moscow, Nauka. 319 p.

Kuzmin, A.I. (1993). *Sem'ya na Urale (demograficheskie aspekty vybora zhiznennogo puti)* [Family in the Urals (Demographic Aspects of Choosing a Life Path)]. Yekaterinburg, Nauka. 237 p.

Kuzmin, A.I., Orudzhieva, A.G., Kornilov, G.E. (Eds.). (1996). *Naselenie Urala. XX vek. Istoriya demograficheskogo razvitiya* [The Population of the Urals. 20th Century. History of Demographic Development]. Yekaterinburg, Izd-vo "Yekaterinburg". 212 p.

Lebedev, F.N. (1930). *Sem'ya i sotsial'nyy sostav ural'skogo goroda* [Family and Social Composition of the Ural City]. In *Naselenie i zhilishchnye usloviya gorodov Urala.* Sverdlovsk, Izd. statsektora Uralplana, pp. 1–61.

Motrevich, B.P. (Comp.). (2002). *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya SSSR 1939 goda: Ural'skiy region: sb. mat-lov* [All-Union Census of the Population of the USSR in 1939: Ural Region]. Yekaterinburg, Izd-vo Gumanitarnogo un-ta. 372 p.

Polyakov, A.M., Zhyromskaya V.B. (Eds.). (2000). *Naselenie Rossii v XX veke* [The Population of Russia in the 20th Century]. Moscow, ROSSPEN. Vol. 1. 463 p.

Vishnevsky, A.G. (1998). *Serp i rubl': konservativnaya modernizatsiya v SSSR* [Sickle and Ruble: Conservative Modernization in the USSR]. Moscow, OGI. 432 p.

Vishnevsky, A.G., Volkov, A.G. (1983). *Vosproizvodstvo naseleniya SSSR* [Reproduction of the Population of the USSR]. Moscow, Finansy i statistika. 303 p.

Zhyromskaya, V.B. (2012). *Osnovnye tendentsii demograficheskogo razvitiya Rossii v XX veke* [The Main Trends in the Demographic Development of Russia in the 20th Century]. Moscow, Kuchkovo pole. 320 p.

Zhyromskaya, V.B., Aralovets, N.A. (2018). *Rossiyskie deti v kontse XIX – nachale XXI v.: istoriko-demograficheskie ocherki* [Russian Children in the Late 19th – Early 21st Century: Historical and Demographic Essays]. Moscow, IRI RAN, TSGI. 223 p.

М.Г. Гаргянц*

СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ ТЕАТРАЛЬНЫМИ И МУЗЫКАЛЬНЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ В БЛОКАДНОМ ЛЕНИНГРАДЕ (ИЮНЬ 1941 – ЯНВАРЬ 1942 ГОДА)

doi:10.31518/2618-9100-2022-6-6
УДК 316.462+316.722

Выходные данные для цитирования:
Гаргянц М.Г. Система управления театральными и музыкальными учреждениями в блокадном Ленинграде (июнь 1941 – январь 1942 года) // Исторический курьер. 2022. № 6 (26). С. 88–97. URL: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-6-06.pdf

M.G. Gargyants*

THE MANAGEMENT SYSTEM OF THEATRICAL AND MUSICAL INSTITUTIONS IN BESIEGED LENINGRAD (JUNE 1941 – JANUARY 1942)

doi:10.31518/2618-9100-2022-6-6

How to cite:
Gargyants M.G. The Management System of Theatrical and Musical Institutions in Besieged Leningrad (June 1941 – January 1942) // Historical Courier, 2022, No. 6 (26), pp. 88–97. [Available online: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-6-06.pdf]

Abstract. This article aims to analyze the strategy of cultural institutions' management bodies for the preservation of concert life in the rear and at the front. This article analyzes the historiography devoted to the cultural organizations of the besieged Leningrad, both as a complex and also focused on theaters, the Leningrad Philharmonic Society, and the work of the Leningrad Radio Committee and the Conservatory. The article uses previously unpublished records of the Leningrad Regional Directorate of the Arts, decisions and resolutions of the Leningrad City Executive Committee, and annual reports of the theaters held by the Central State Archive of St. Petersburg, the Central State Archive of the Ministry of Defense (Gatchina) which enable us to ascertain the attendance of theaters and the Philharmonic on the eve of the blockade, how it changed later, the prices for tickets and their availability to an average citizen, and how many concerts were organized on the stage. The conclusion is made that the preservation of cultural life in the city was promoted by rearrangement of the theater's main tasks from stationary performances to military-patronage work, as well as formation of regular concerts in the Red Army Theater and the Theater of the Baltic Navy. This is proved by the materials of statistics by comparing the number of concerts given in stationary theatres and the number of guest concerts, as well as by changes in the repertoire.

Keywords: History of the USSR, Siege of Leningrad, the Great Patriotic War, history of theatres and music of the 1940s.

The article has been received by the editor on 14.09.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В данной статье ставится задача, проанализировать стратегию органов управления культурными учреждениями по сохранению концертной жизни в тылу и на фронте. Приводится анализ историографии, посвященной культурным организациям блокадного Ленинграда, в том числе работ, специально посвященных театрам, Ленинградской филармонии, Ленинградскому Радиокомитету и Консерватории. В статье используются ранее не опубликованные делопроизводственные источники Управления по

* **Мария Георгиевна Гаргянц,** младший научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: maria.gargyants@gmail.com
Maria Georgievna Gargyants, Junior Researcher, St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia, e-mail: maria.gargyants@gmail.com

делам искусств Ленинграда, решения и постановления Ленгорисполкома, годовые отчеты театров, отложившиеся в Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб), Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб), Филиале Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, Архиве Военно-Морского Флота г. Гатчина (Филиал ЦА МО РФ (Гатчина)). Эти документы позволяют установить, какой была посещаемость театров и Филармонии накануне начала блокады и как она менялась в дальнейшем, сколько стоили билеты и насколько они были доступны обычному городскому жителю, сколько концертов удавалось провести на стационарных площадках. Делается вывод, что сохранению культурной жизни в городе способствовала перестройка основных задач театра с выступлений на стационаре на военно-шефскую работу, а также на формирование практики регулярных концертов в Театре Красной Армии и Театре Краснознаменного Балтийского Флота. Это доказывают материалы статистики путем сопоставления количества концертов, данных на стационаре, и количества выездных концертов, а также изменения в репертуаре.

Ключевые слова: история СССР, блокада Ленинграда, Великая Отечественная война, история театров и музыки 1940-х гг.

Статья поступила в редакцию 14.09.2022 г.

Сбор материалов о работе культурных учреждений начался уже в годы блокады. Во второй половине 1940-х гг. вышел ряд работ, подробно освещающих участие отдельных деятелей культуры в организации концертов, выборе репертуара, в сохранении материального наследия театров и продолжении подготовки новых кадров в области искусства[1]. Их общей чертой является богатая фактура, обилие подробностей о датах концертов и постановок, о задействованных актерах и музыкантах, их положении в блокадном городе, о внутренних конкурсах на лучшие военные песни, количестве кандидатов и процессе отбора музыки. Соответственно в данных публикациях содержится информация, которая была доступна авторам на этапе исполнения приказов Комитета по делам искусств при СНК СССР и подотчетных ему ленинградских органов управления культурой, т.е. уже после обсуждения и принятия ключевых решений, касавшихся эвакуации театров, предоставлений бомбоубежищ или стационаров для зрителей и актеров, в то время как возможные альтернативы и ход обсуждения данных инициатив остаются за рамками текста. В конце 1960–1970-х гг. в исследованиях блокады Ленинграда выросло значение социальных и культурных аспектов истории блокады. Отдельные работы посвящены проблеме смертности от голода и болезней, работе транспорта как в городе, так и на Дороге жизни, оказанию медицинской помощи, работе госпитальных учреждений, реализации стационарной помощи, продовольственной политике городских властей, работе органов печати. Также появилось больше трудов, посвященных роли отдельных личностей в сфере образования и культуры, обеспечивших сохранение досуга для ленинградцев в блокаду[2]. Это объясняется ростом публикаций источников личного происхождения: дневников и мемуаров очевидцев блокады. В 1960-е гг. также вышел ряд художественных произведений о войне и блокаде для детского и юношеского возраста в воспитательных целях, произошла перестройка деятельности комсомола в связи с празднованием его 50-летнего юбилея. Большое влияние на этот процесс оказал выход «Блокадной книги» А. Адамовича и Д. Гранина. У работ о деятельности театров и музыкальных учреждений в годы блокады, вышедших в 1970-е гг., есть общая черта: они демонстри-

[1] См.: Работа композиторов и музыковедов Ленинграда в годы Великой Отечественной войны: информ. обзор. Л., 1946; Ленинградские театры в годы Великой Отечественной войны: сб. ст., 1948; Театральный Ленинград (справочник). Л., 1948.

[2] См.: *Алянский Ю.Л.* Театр в квадрате обстрела. М., 1967; Без антракта. Актеры города Ленина в годы блокады. Л., 1970; Музыка продолжала звучать: Ленинград 1941–1945. Л., 1969.

руют уникальность той ситуации, в которой оказался Ленинград как промышленный и культурный центр страны, где каждому жителю города пришлось перестраивать свой жизненный уклад[3]. В этом отношении необходимость поддерживать музыкальную жизнь и сохранять довоенную организацию досуга в городе не казалась очевидной. Поэтому сохранение таких культурных объектов города, как театры и музыкальные учреждения, в литературе представляется, главным образом, волевым решением самих жителей города, инициировавших деятельность военно-шефских фронтовых бригад и сохранение работы на стационаре. При этом роль государственных институтов, управляющих организациями культуры и искусства, военная цензура театрального и музыкального репертуара и другие вопросы организации управления культурными учреждениями в городе оставались слабо освещенными. В историографии периода 1980–2000-х гг., посвященной культуре блокадного Ленинграда, появляется тенденция к изучению деятельности отдельных театров, музыкально-образовательных учреждений или концертных бригад, а также областных театров. Многие работы данного периода написаны А.Н. Крюковым[4], свидетелем блокады, подробно осветившим деятельность Ленинградского радиокомитета с 1941 по 1944 г. по архивным документам и публикациям «Ленинградской правды». В 1991 г. вышла работа сотрудников Дома радио, посвященная деятельности Радиокомитета в годы блокады и редким страницам истории Городского (Блокадного) театра[5]. В 2000 г. была защищена диссертация В.И. Кобляковой, о научной и культурной жизни города. В ней были изучены административно-бытовые аспекты управления Театром им. Ленинского комсомола: строительство бомбоубежища, сокращение и ликвидация антрактов, поиск реквизита и его сведение к минимуму, изменение репертуарных планов[6]. Появилось множество статей, посвященных истории театров в эвакуации, деятельности образовательных музыкальных учреждений[7], работе отдельных педагогов и студентов, позволивших сохранить концертную жизнь в городе[8]. В 2015 г. вышел отдельный сборник воспоминаний, писем и документов, посвященный работе Ленинградской консерватории[9]. Современная историография о работе театров в годы блокады достаточно обширна, но чаще опирается на воспоминания и эпистолярные источники современников блокады, уделяя недостаточное внимание делопроизводственным документам, отложившимся в партийных организациях при отдельных культурных учреждениях в ЦГАИПД, а также в ЦГАЛИ в фонде Управления по делам искусств (Ф. 333) и Управления культурно-просветительными предприятиями (Ф. 276) и фондах соответствующих культурных учреждений. Кроме этого, существуют отдельные темы, которые затрагиваются лишь фрагментарно. Это и цензура в условиях военного времени, и проведение конкурсов на создание военных постановок репертуарным комитетом при Управлении по делам искусств, и организация эвакуации отдельных артистов и музыкантов, а также обеспечение продовольственным снабжением артистов на выездных концертах. По-прежнему очень мало известно также о художественной самодеятельности в Ленинграде. Недостаточно освещено участие молодежных организаций, например Дворца пионеров, в сохранении культурной жизни города.

---

[3] *Дзенискевич А.Р., Ковальчук В.М., Соболев Г.Л., Цамутали А.Н., Шишкин В.А.* Непокоренный Ленинград. Краткий очерк истории города в период Великой Отечественной войны. Л., 1970; На защите невской твердыни: Ленинградская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. Л., 1965. С. 489–490.

[4] *Крюков А.Н.* Музыкальная жизнь сражающегося Ленинграда: Очерки. Л., 1985; Музыка в дни блокады: Хроника. СПб., 2002; *Крюков А.Н.* Музыка в эфире военного Ленинграда. СПб., 2005.

[5] *Палладин П.* Ленинградское радио: от блокады до «оттепели». М., 1991. С. 84.

[6] *Коблякова В.И.* Научная и культурная жизнь блокадного Ленинграда: 1941–1944 гг.: дис. … канд. ист. наук. СПб., 2000. С. 144–148.

[7] *Ткачева М.А.* Детские музыкальные школы Ленинграда в годы блокады // Новый Часовой. СПб., 2006. С. 229–305.

[8] *Михайлова Е.* Творческая деятельность педагогов и студентов Ленинградской консерватории в первый год блокады // Musicus: Вестник Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н.А. Римского-Корсакова. 2018. № 2 (54). С. 23–28.

[9] Ленинградская государственная консерватория в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: сб. ст. СПб., 2015.

Если сегодня мысль о важнейшей роли музыкального и театрального искусства в поддержании духа ленинградцев и бойцов Красной армии является императивом, то в первые месяцы войны необходимость поддерживать работу театров, радио и филармонии в городе не казалась очевидной. Цель данной статьи – изучить, какое место в процессе переустройства системы руководства городом с июня 1941 г. по январь 1942 г. занимали органы управления культурной жизнью Ленинграда, какую стратегию они выбирали для сохранения театрально-концертной деятельности в городе. Нижняя граница хронологического периода задается началом Великой Отечественной войны, а верхняя – критической ситуацией в материально-бытовой сфере ленинградских театров в декабре 1941 – январе 1942 г.

В 1940 г. учреждениями культуры в Ленинграде руководили две организации – Управление по делам искусств и Управление культурно-просветительными предприятиями. Они подчинялись союзному Комитету по делам искусств при СМ РСФСР и Ленинградскому исполнительному комитету городского совета депутатов. Так как обеспечить регулярную коммуникацию между союзными и городскими органами власти в Ленинграде в военное время было затруднительно, эти организации с июня 1941 г. взяли на себя текущие задачи в отношении штатных расписаний, утверждения и замены репертуара, поиска бомбоубежищ и мест для размещения декораций, кадровых вопросов и проблему продовольственного снабжения творческих коллективов. Нередко данные решения не успевали согласовывать с союзным Комитетом по делам искусств.

До начала блокады в Управление по делам искусств входило несколько отделов. В ведении отдела изобразительных искусств находились члены Союза художников, а также Музей городской скульптуры, Ленизо, Академия художеств и Художественная школа при художественно-педагогическом училище[10]. В союзном подчинении находились Эрмитаж и Русский музей, которые попали в подчинение Ленинградскому исполнительному комитету городского совета депутатов в сентябре 1941 г., а также Театр оперы и балета им. Кирова, Академический Малый Оперный театр, Ленинградский Академический театр драмы им. А.С. Пушкина и Ленинградская государственная консерватория. Отделу учебных заведений были подотчетны общеобразовательные и музыкальные и хоровые школы, а также музыкальное училище. С началом войны под его управление попала Ленинградская государственная консерватория – единственное учреждение, где продолжались музыкальные концерты. Отдел по контролю за зрелищами и репертуаром (Репертком) занимался регламентацией театрального, музыкального и кинематографического репертуара, а также художественным оформлением города. В ведении отдела охраны памятников находились вопросы сохранения и эвакуации архитектурных памятников, находящихся на территории города. Кроме этого, в Управлении по делам искусств имелось несколько отделов, осуществлявших административную работу: отдел кадров, технического снабжения и штат планово-финансового отдела.

Кроме Управления по делам искусств, до мая 1942 г. работало Управление культурно-просветительными предприятиями[11], созданное в 1938 г., в подчинении у которого были Ленинградский Зоосад, Антирелигиозный музей в Казанском соборе, парк Челюскинцев, Летний Сад, ЦПКиО им. Кирова, Ленгороформление, Дом занимательной науки и Парк культуры и отдыха Первой Пятилетки (Таврический сад), Ленфотохудожник, Петергофские дворцы, Сад Госнардома, Ораниенбаумский ПКО, Павловский и Пушкинский дворцы, а также Гатчинский сад[12]. После выхода приказа Управления по делам искусств от 17 октября 1941 г. для «улучшения повседневного контроля за деятельностью действующих и законсервированных учреждений» и для налаживания оперативного руководства произошло распределение сфер руководства отдельными театрами между руководителями отделов Управления по делам искусств[13]. П.И. Рачинский, заместитель начальника Управления

[10] Штатное расписание и утвержденные сметы Управления по делам искусств // ЦГАЛИ СПб. Ф. 333. Оп. 1. Д. 205. Л. 1.
[11] Петергоф в Великой Отечественной войне: 1941–1945.СПб., 2019. Т. I. С. 31.
[12] Годовой отчет по труду Управления культурно-просветительных предприятий за 1941 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 276. Оп. 1. Д. 65. Л. 161–170.
[13] Приказы по Управлению по делам искусств Ленгорисполкома // ЦГАЛИ СПб. Ф. 270. Оп. 1. Д. 31. Л. 121–122.

по делам искусств, стал ответственным за Театр оперы и балета им. Кирова, БДТ им. Горького, Ленинградский театр комедии. В управление инспектора театрального отдела Н.М. Мокшатова перешел Театр им. Ленсовета, театр Ленинградского Комсомола, ТЮЗ, Новый ТЮЗ, Кукольный театр под руководством Деммени, Второй Кукольный театр и Трудовой коллектив театра драмы. Начальнику Репертуарного комитета Т.Я. Карской передали управление Городской военно-шефской комиссией, Институтом театра и музыки, а С.В. Храмая, заведующая музыкальным отделом, приняла руководство Малым оперным театром, Театром музыкальной комедии, Филармонией, Капеллой и Госэстрадой. Также в ее зоне ответственности был Союз композиторов, отвечавший преимущественно за процесс отбора материала в соответствии с требованиями Реперткома и приказами Комитета по делам искусств при СНК СССР. В августе 1941 г., после организованной эвакуации театров в июле 1941 г., в городе остались работать актерские труппы Ленинградского театра комедии, Театра им. Ленинского комсомола, Театра юных зрителей «Ленгостюз», Театра музыкальной комедии, Театра им. Ленсовета, Кукольного театра им. Е.С. Деммени, Областного театра оперетты. Все они продолжали работать на стационарных площадках. На гастролях летом 1941 г. были Большой Драматический театр им. Горького – в Баку, Новый театр – на Дальнем Востоке, Кукольный 2-й – в Махачкале[14]. Также в Ленинграде остались (в неполном составе) труппы трех академических театров союзного подчинения: Театр оперы и балета им. Кирова (Мариинский театр), Малый Оперный (Михайловский театр) и Театр государственной драмы (Александринский театр). На следующий день после начала войны, 23 июня 1941 г., вопрос о необходимости и целесообразности сохранения кинотеатров и театров в Ленинграде был поднят на совещании руководителей Ленинграда под председательством А.А. Кузнецова. Этот вопрос рассматривался в контексте мер, необходимых для реализации Указа Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении», где в подпункте «д» прописано «регулировать время работы учреждений и предприятий, в том числе театров, кино и т.д.; организацию всякого рода собраний, шествий и т.п.; запрещать появление на улице после определенного времени, ограничивать уличное движение, а также производить в необходимых случаях обыски и задержания подозрительных лиц». Это означало, что поздние вечерние спектакли могли мешать соблюдению комендантского часа, создавать дополнительные трудности для организации пропускной системы. На совещании было предложено установить нижнюю границу окончания спектаклей и фильмов в 10 часов вечера и возложить ответственность за организацию соответствующих мероприятий на М.С. Шумилова[15], который занимался главным образом не проблемами городского управления, а боевыми действиями на Ленинградском фронте. Вопрос о переносе часов работы театров на шесть часов вечера был решен окончательно в сентябре 1941 г. соответствующим распоряжением Ленинградского совета народных депутатов[16]. Бюро Ленинградского городского комитета ВКП(б) установило 3 сентября 1941 г. в качестве приоритетного направления работы артистов театра, эстрады и самодеятельности «плановое обслуживание батальонов выздоравливающих концертами»[17]. Данные меры урегулирования позволили поставить театры под контроль в новой обстановке и обосновать необходимость сохранения концертных бригад артистов в городе, находящемся практически в полном окружении. В первые два месяца войны театры Ленинграда продолжали свою работу в полном объеме: в июле было дано 75 спектаклей, на которые пришли 23 тыс. зрителей. В августе зрителей было уже в два раза больше – 46 тыс. человек. В Академическом театре оперы и балета им. С.М. Кирова 23 июня состоялся первый выход балерины Е.М. Люком в «Жизели», а также в «Дон Кихоте». В Государственном академическом театре драмы им. А.С. Пушкина 29 июля прошла

[14] Отчеты о работе отделов Управления по делам искусств // ЦГАЛИ СПб. Ф. 333. Оп. 1. Д. 239. Л. 6.
[15] Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. 1941–1944 гг.: сб. док-тов. Постановления бюро ленинградских горкома и обкома ВКП(б), стенограммы заседаний. Ч. I. Июнь 1941 г. – март 1942 г. СПб., 2019. С. 22.
[16] Ленинградские театры… С. 19.
[17] Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда… С. 268.

премьера комедии Кальдерона «Ночь в Толедо»[18]. В начале июля была создана Городская Военно-шефская комиссия, которая должна была подготовить группы артистов для выезда с концертами на фронт и на некоторые городские объекты (госпитали, бомбоубежища, стационары). Сформированные бригады были переданы в управление Дому Красной Армии и Дому Военно-Морского Флота. В городе также работал Ленинградский симфонический оркестр (дирижер К.И. Элиасберг), дававший концерты не только на стационаре, но и в эфире Радиокомитета. Эти концерты исполнялись как в стенах Театра оперы и балета им. Кирова, так и в залах Ленинградской консерватории или домов культуры. По радио до декабря 1941 г. также выступали Ленинградский женский хор (50 человек[19]) и концертный ансамбль народных инструментов. Также в радиотрансляциях участвовал Концертный ансамбль народных инструментов под руководством В. Кацана и В. Андреева (33 музыканта). Эти коллективы, работая в блокаду, выступали для радиотрансляций концертов не только в СССР, но и в европейских странах-союзницах. Отметим, что музыка немецких композиторов продолжала звучать в Ленинграде и после начала войны. Так, Девятая симфония Л.В. Бетховена была впервые исполнена в Ленинграде для трансляции в Германии 15 декабря 1940 г. в честь 170-летия со дня рождения композитора, а в блокадном городе она исполнялась оркестрантами вплоть до конца ноября 1941 г. На протяжении шести месяцев с начала войны – вплоть до конца ноября 1941 г. – в Ленинграде продолжали работать музыканты трех оркестров: оркестра Кировского театра, оркестра Радиокомитета, а также части оркестрантов Ленинградской филармонии. Однако бóльшая часть музыкантов филармонии была по решению правительства эвакуирована 20 августа 1941 г. в Новосибирск[20]. С сентября 1941 г. по январь 1942 г. симфонические концерты оставшихся музыкантов проходили преимущественно в помещении Государственной филармонии.

Не имея возможности в кратчайшие сроки перестроить свой репертуар на военный лад, руководители театров, музыкальные исполнители и композиторы пользовались репертуаром прошлого сезона. Нередко это вызывало споры среди участников на партсобраниях бюро театров. Необходимо было выбирать между двумя приоритетными направлениями – подготовками артистов к выездным концертам и подготовкой нового репертуара. От новых постановок требовалось, чтобы они были менее «энергозатратные» и в то же время поднимали боевой дух солдат[21]. Также отдавался приоритет «советскому репертуару», а не пьесам «западных авторов». К примеру, 17 октября 1941 г. в Театре музкомедии спектакль «Как важно быть серьезным» О. Уайльда по решению Управления по делам искусств был заменен «Облаками» М. Зощенко, а также была дана задача поставить в кратчайшие сроки «Питомцев славы» А. Гладкова[22].

Иногда уникальный характер работы театра позволял ему работать лучше именно во фронтовых условиях. В этом отношении характерна история постановки пьесы «Профессор Мамлок» в Малом драматическом театре, которая пользовалась большим успехом в армии и на флоте. Малый драматический театр еще до войны являлся передвижным коллективом, выступавшим на разъездных концертах, а также на стационаре в Доме медработника, и находился в ведении как Управления по делам искусств, так и Дома санитарной культуры. Поэтому этот спектакль как нельзя лучше подходил для разъездной работы на фронтах и был быстро адаптирован к такой работе. За период с июля 1941 г. по февраль 1942 г. он был показан солдатам Ленинградского фронта и Балтийского флота около 300 раз[23].

В конце октября – начале ноября 1941 г. в силу экстремально низких температур выступать на стационаре становилось все труднее. 26 октября 1941 г. побывавшая на концерте В.М. Инбер отметила, что «зал концертный не так наряден, как прежде, нетоплен»; в начале декабря люстры зала горели в четверть. В верхней одежде здесь находились

[18] Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда… С. 14.
[19] *Крюков А.Н.* Музыка в эфире военного Ленинграда. СПб., 2005. С. 9.
[20] Отчет о работе Управления по делам искусств // ЦГАЛИ СПб. Ф. 333. Оп. 1. Д. 220. Л. 12.
[21] Протоколы партсобраний в театре Музкомедии // ЦГАИПД СПб. Ф. 545. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
[22] Там же. Л. 8–14.
[23] Ленинградские театры… С. 16.

не только зрители, но и оркестранты – «кто в валенках, кто в полушубках»[24]. Однако известно, что в ноябре 1941 г. деятельность театров продолжалась, что подтверждает сообщение немецкой разведки об обстановке в Ленинграде: «Кино и театры по возможности продолжают свою деятельность. В середине ноября, по слухам, еще работали следующие театры: “Театр комедии”, “Театр музыкальной комедии”, “Театр имени Ленинского комсомола”. В кинотеатрах в основном показывают новости, но бывают и игровые фильмы»[25].

В январе 1942 г. силами артистов Театра музкомедии и Театра им. Ленсовета было поставлено 40 спектаклей, которые посмотрели 20 000 зрителей[26]. Средняя стоимость билета для зрителей составляла 12,45 руб. – достаточно значительная сумма в условиях блокады. Финансирование театров, несмотря на военное положение, происходило из местного бюджета, при этом художественному персоналу продолжали платить зарплату, которая составляла в среднем 6120 руб. в год для актеров театра[27]. Учитывая, что работа театров на стационаре прекратилась в декабре 1941 – январе 1942 г., так как в городе не было электроэнергии[28], данные выступления проходили в Доме Красной Армии. Отсюда следует и высокая цена за билеты, которую могли заплатить, скорее всего, только военные и их семьи. Способы распространения и продажи билетов постепенно становились также все менее «прозрачными», а билеты – доступными. Один из очевидцев событий описывал свою попытку попасть на концерт в Большой зал филармонии весной 1942 г. так: «На концерт, состоявшийся 12 апреля, все билеты были проданы, и я купил билет с рук у подъезда, где стояло много желающих их приобрести»[29]. К февралю 1942 г. закончилась эвакуация стационарных театров.

Стимулируя работу композиторов в январе-феврале 1942 г., Управление по делам искусств объявило конкурс на новую строевую и походную песню, на лучший марш для духового и симфонического оркестра. Материал следовало сдать специальному оргкомитету 10 февраля 1942 г. Так родилось несколько инициатив – от постановки 18 июня 1942 г. оперетты «Лесная быль» до появления в октябре 1942 г. нового Ленинградского городского театра, в чей репертуар вошли уже непосредственно произведения на военную тематику: «Русские люди» (К. Симонов) – 18 октября, «Фронт» (А. Корнейчука) – 5 ноября[30]. Можно сказать, что именно с января 1942 г., послужившего верхней границей затрагиваемого в данном исследовании периода, начинался переход к фазе активной переработки репертуара ленинградских театров, который будет открывать следующий этап в истории работы ленинградских театров и музыкальных учреждений.

Вместе со сменой репертуарных ориентиров в 1942 г. образовался коллектив из оставшихся в городе артистов Театра оперы и балета им. Кирова, артистов Малого Оперного театра и студентов Ленинградской государственной консерватории[31]. 18 октября 1942 г. начал свою деятельность Ленинградский городской (блокадный) театр драмы из состава оставшихся артистов и музыкантов Радиокомитета, Театра драмы им. Пушкина, Нового ТЮЗа и военно-шефских бригад, прикомандированных к Дому Красной Армии. В нем играли И. Горин, Н. Чернявская, М. Павликов, Н. Левицкий, П. Курзнер и др. Они участвовали в инсценировках спектаклей для радио, а также выступали на кораблях КБФ, в госпиталях и воинских частях. Оба вышеназванных театра ставили спектакли преимущественно на фронтовую тему[32]. Это и «Русские люди» (К. Симонов), и «Фронт» (А. Корнейчук), и «Нашествие» (Л. Леонова). Появление данных коллективов позволило несколько разгрузить Театр

[24] *Яров С.В.* Повседневная жизнь блокадного Ленинграда. М., 2013. С. 258.
[25] *Соболев Г.Л.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга первая: июнь 1941 – май 1942. СПб., 2013. С. 260.
[26] Отчеты о работе отделов Управления по делам искусств // ЦГАЛИ СПб. Ф. 333. Оп. 1. Д. 239. Л. 3.
[27] Сводный годовой отчет за 1942 год. Театры // ЦГАЛИ СПб. Ф. 333. Оп. 1. Д. 225. Л. 4.
[28] *Загурский Б.И.* Искусство суровых лет. Л., 1970. С. 17.
[29] Музыка продолжала звучать… С. 20.
[30] Сводный годовой отчет за 1942 год. Театры // ЦГАЛИ СПб. Ф.Р-333. Оп. 1. Д. 225. Л. 4.
[31] Отчеты о работе отделов Управления по делам // ЦГАЛИ СПб. Ф.Р-333. Оп. 1. Д. 229. Л. 74.
[32] *Палладин П.* Ленинградское радио… С. 91.

музыкальной комедии, который к тому моменту был единственным регулярно работавшим на стационаре театром, и стимулировать его на работу в обновлении репертуара в соответствии с предъявляемыми требованиями Реперткома.

Итак, в первый год войны работа культурных учреждений в блокаду действительно не прекращалась, однако к ноябрю 1941 г. поддержание работы на театральных и музыкальных площадках становилось все более проблемным и энергозатратным из-за критических бытовых условий и продолжавшихся часами артиллерийских обстрелов с воздуха. Поэтому в январе 1942 г. в культурной жизни Ленинграда произошел постепенный переход от выступлений театральных коллективов на стационаре к активной военно-шефской работе, а также к разработке нового репертуара на военную тематику для концертов в Доме Красной Армии и Театре КБФ. Именно в это время впервые были вывезены на фронт целые спектакли вместе с бутафорией, специально подготовленной для полевых условий. Данная инициатива исходила от руководства Управления по делам искусств с целью постепенной перестройки театрального репертуара с учетом военных задач и сохранения за лучшими творческими кадрами города как работы, так и возможности найти продовольствие в тяжелую блокадную зиму 1941–1942 гг.

Литература

Алянский Ю.Л. Театр в квадрате обстрела. М.: Искусство, 1967. 231 с.

Без антракта. Актеры города Ленина в годы блокады / сост. В.Я. Меркулова-Маширова, С.А. Пономаренко. Л.: Лениздат, 1970. 367 с.

Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. 1941–1944 гг.: сб. док-тов. Постановления бюро ленинградских горкома и обкома ВКП(б), стенограммы заседаний / отв. сост. К.А. Болдовский. Ч. I. Июнь 1941 г. – март 1942 г. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019. 863 с.

Дзенискевич А.Р., Ковальчук В.М., Соболев Г.Л., Цамутали А.Н., Шишкин В.А. Непокоренный Ленинград. Краткий очерк истории города в период Великой Отечественной войны. Л.: Наука (Ленинградское отделение), 1970. 413 с.

Дубалкин А.И. Голос Ленинграда: ленинградское радио в дни блокады. Л., 1980. 208 с.

Загурский Б.И. Искусство суровых лет. Л.: Искусство. Ленинградское отделение, 1970. 96 с.

Коблякова В.И. Научная и культурная жизнь блокадного Ленинграда: 1941–1944 гг.: дис. … канд. ист. наук. СПб., 2000. 188 с.

Крюков А.Н. Музыкальная жизнь сражающегося Ленинграда: Очерки. Л., 1985. 120 с.

Крюков А.Н. Музыка в дни блокады: Хроника. СПб., 2002. 541 с.

Крюков А.Н. Музыка в эфире военного Ленинграда. СПб.: Композитор, 2005. 409 с.

Ленинградская государственная консерватория в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: сб. ст. / под ред. Е.А. Пономарева. СПб.: Скифия-принт, 2015. 240 с.

Ленинградские театры в годы Великой Отечественной войны: сб. ст. / ред. Т.Я. Карская. Л., М.: Искусство, 1948. 550 с.

Михайлова Е. Творческая деятельность педагогов и студентов Ленинградской консерватории в первый год блокады // Musicus: Вестник Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н.А. Римского-Корсакова. 2018. № 2 (54). С. 23–28.

Музыка продолжала звучать: Ленинград 1941–1945 / ред. А.Н. Крюкова. Л.: Музыка, 1969. 296 с.

На защите невской твердыни: Ленинградская партийная организация в годы Великой Отечественной войны / С.П. Князев, М.П. Стрешинский, И.М. Франтишев и др. Л.: Лениздат, 1965. 643 с.

Палладин П. Ленинградское радио: от блокады до «оттепели». М.: Искусство, 1991. 84 с.

Петергоф в Великой Отечественной войне: 1941–1945. СПб.: Петергоф, 2019. Т. I. 460 с.

Работа композиторов и музыковедов Ленинграда в годы Великой Отечественной войны: информ. обзор Л.: Искусство, 1946. 88 с.

Соболев Г.Л. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга первая: июнь 1941 – май 1942. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2013. 696 с.

Театральный Ленинград (справочник) / сост. Г.А. Авлов, А.А. Барташевич, И.А. Бродский и др. Л., 1948. 524 с.

Ткачева М.А. Детские музыкальные школы Ленинграда в годы блокады // Новый Часовой. СПб., 2006. С. 229–305.

Яров С.В. Повседневная жизнь блокадного Ленинграда. М.: Молодая гвардия, 2013. 320 с.

References

Alyanskiy, Yu.L. (1967). *Teatr v kvadrate obstrela* [Theater in the Firing Squad]. Moscow, Iskusstvo. 231 p.

Avlov, G.A., Bartashevich, A.A., Brodsky, I.A. et al. (Comp.). (1948). Teatral'nyy Leningrad (spravochnik) [Theatrical Leningrad (Directory)]. Leningrad. 524 p.

Boldovskiy, K.A. (2019). *Blokada v resheniyakh rukovodyashchikh partiynykh organov Leningrada. 1941–1944 gg. Sb. dokumentov. Postanovleniya byuro leningradskikh gorkoma i obkoma VKP(b), stenogrammy zasedaniy*. Vol. I. June 1941 – March 1942. St. Petersburg, Izd-vo St. Peterb. un-ta. 863 p.

Dubalkin, A.I. (1980). *Golos Leningrada: leningradskoe radio v dni blokady* [The Voice of Leningrad: Leningrad Radio during the Siege]. Leningrad. 208 p.

Dzeniskevich, A.R., Koval'chuk, V.M., Sobolev, G.L., Czamutali, A.N., Shishkin, V.A. (1970). *Nepokorennyy Leningrad. Kratkiy ocherk istorii goroda v period Velikoy Otechestvennoy voyny* [Unconquered Leningrad. A Brief Outline of the History of the City During the Great Patriotic War]. Leingrad, Nauka (Leningradskoe otdelenie). 413 p.

Karskaya, T.Ya. (Ed.). (1948). *Leningradskie teatry v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Leningrad Theatres During the Great Patriotic War]. Leningrad, Moscow, Iskusstvo. 550 p.

Knyazev, S.P., Streshinsky, M.P., Frantishev, I.M. et al. (1965). *Na zashchite nevskoy tverdyni: Leningradskaya partiynaya organizatsiya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Defending the Neva Stronghold: The Leningrad Party Organisation during the Great Patriotic War]. Leningrad, Lenizdat.643 p.

Koblyakova, V.I. (2000). *Nauchnaya i kul'turnaya zhizn' blokadnogo Leningrada: 1941–1944 gg.* [The Scientific and Cultural Life of the Besieged Leningrad: 1941–1944]: Dis. Cand. Ist. Nauk. St. Petersburg. 188 p.

Kryukov, A.N. (1985). *Muzykal'naya zhizn' srazhayushchegosya Leningrada: Ocherki* [Musical Life in Battling Leningrad: Essays]. Leningrad. 120 p.

Kryukov, A.N. (2005). *Muzyka v efire voennogo Leningrada* [Music in the Airwaves of Wartime Leningrad]. St. Petersburg. 409 p.

Kryukov, A.N. (Ed.). (1969). *Muzy'ka prodolzhala zvuchat': Leningrad 1941–1945* [The Music Went on: Leningrad 1941–1945]. Leningrad, Muzyka. 296 p.

Kryukov, A.N. (Ed.). (2002). *Muzyka v dni blokady: Khronika* [Music During the Blockade: Chronicle]. St. Petersburg. 541 p.

Merkulova-Mashirova, V.Ya., Ponomarenko, S.A. (Ed.). (1970). *Bez antrakta. Aktery goroda Lenina v gody blokad'* [No Intermission. Actors in the City of Lenin During the Blockade]. Leningrad, Lenizdat. 367 p.

Mikhaylova, E. (2018). Tvorcheskaya deyatel'nost' pedagogov i studentov Leningradskoy konservatorii v pervyy god blokady [Creative Activities of Teachers and Students at the Leningrad Conservatoire During the First Year of the Blockade]. In *Musicus: Vestnik Sankt-Peterburgskoy gosudarstvennoy konservatorii im. N.A. Rimskogo-Korsakova*. No. 2 (54), pp. 23–28.

Palladin, P. (1991). *Leningradskoe radio: ot blokady do "ottepeli"* [Leningrad Radio: From Siege to Thaw]. Moscow, Iskusstvo. 84 p.

(2019). *Petergof v Velikoy Otechestvennoy voyne: 1941–1945* [Peterhof in the Great Patriotic War: 1941–1945]. Vol. I. St. Petersburg, Petergof. 460 p.

Ponomarev, E.A. (Ed.). (2015). *Leningradskaya gosudarstvennaya konservatoriya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. 1941–1945* [Leningrad State Conservatoire During the Great Patriotic War. 1941–1945]. St. Petersburg, Skifiya-print. 240 p.

(1946). *Rabota kompozitorov i muzykovedov Leningrada v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: Inform. Obzor* [The Work of Leningrad Composers and Musicologists During the Great Patriotic War: Inform. Review]. Leningrad, Iskusstvo. 88 p.

Sobolev, G.L. (2013). *Leningrad v bor'be za vyzhivanie v blokade* [Leningrad in the Struggle to Survive the Blockade]. Vol. 1: June 1941 – May 1942. St. Petersburg, Izd-vo St. Peterb. un-ta. 696 p.

Tkacheva, M.A. (2006). *Detskie muzykal'nye shkoly Leningrada v gody blokady* [Leningrad Children's Music Schools during the Blockade]. Novyy Chasovoy. St. Petersburg, pp. 229–305.

Yarov, S.V. (2013). *Povsednevnaya zhizn' blokadnogo Leningrada* [Everyday Life in the Besieged Leningrad]. Moscow. 320 p.

Zagurskiy, B.I. (1970). *Iskusstvo surovykh let* [Art of the Harsh Years]. Leningrad, Iskusstvo, Leningradskoe otdelenie. 96 p.

Р.Е. Романов*

МНОГОЛИКИЕ «БОЙЦЫ ТЫЛА»: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТИПЫ МОТИВАЦИИ ТРУДА РАБОЧИХ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

doi:10.31518/2618-9100-2022-6-7
УДК 94(47+571).084.8

Выходные данные для цитирования:
Романов Р.Е. Многоликие «бойцы тыла»: социокультурные типы мотивации труда рабочих в годы Великой Отечественной войны // Исторический курьер. 2022. № 6 (26). С. 98–109. URL: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-6-07.pdf

R.E. Romanov*

THE MANY-FACED FIGHTERS OF THE REAR: SOCIO-CULTURAL TYPES OF MOTIVATION OF WORKERS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

doi:10.31518/2618-9100-2022-6-7

How to cite:
Romanov R.E. The Many-Faced Fighters of the Rear: Socio-Cultural Types of Motivation of Workers during the Great Patriotic War // Historical Courier, 2022, No. 6 (26), pp. 98–109. [Available online: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-6-07.pdf]

Abstract. The article is devoted to the identification of the socio-cultural diversity of the fighters of the rear by analyzing the processes of formation of five types of motivation for the work of workers of the Siberian defense industry during the Great Patriotic War. The purpose of the research is realized with the help of the author's concept, within which the analysis of "end-to-end" social and labor cases of world history, used by the Bolsheviks as atypical elements for the construction of the Red Project, is carried out. It is established that in order to consolidate the working personnel in the military industry, the Soviet state introduced both repressive and socio-consumer attitudes to employment in production into new factory collectives, consisting mainly of women and youth with peasant roots. These attitudes were laid in the minds of the personnel of the defense enterprises of Siberia through criminal penalties for official misconduct and the social security system. It is shown that the task of increasing labor productivity was solved by cultivating quasi-monetary, vital and heroic motivation among the defense workers of the region to exceed production standards. These guidelines were formed by them due to an increase in the nominal salary, additional supplies of Stakhanovites and drummers, and the widespread use of moral incentives. It is concluded that in 1941–1945, workers of the leading branches of the military economy acted as carriers of moral imperatives of labor behavior rooted in the archetype, tradition and modernity. The key mental specificity of the fighters of the rear, who became the main personification of the many-faced Sovietism during the period under review, was due to an increased tilt within the Red Project towards both negative (fear of repression) and positive (the desire for survival and glory) archaic, interacting with industrial modernity.

Keywords: Great Patriotic War, Second World Warworkers, socio-cultural types of labor motivation, social and labor cases, home front fighters.

The article has been received by the editor on 30.09.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Роман Евгеньевич Романов,** кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: rromanov1981@mail.ru
Roman Evgenievich Romanov, Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: rromanov1981@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена выявлению социокультурной многоликости «бойцов тыла» посредством анализа процессов формирования пяти типов мотивации труда рабочих сибирской оборонки в годы Великой Отечественной войны. Цель исследования реализуется с помощью авторской концепции, в рамках которой осуществляется анализ «сквозных» социально-трудовых кейсов мировой истории, использованных большевиками в качестве нетиповых элементов для конструирования советского проекта. Установлено, что для закрепления рабочих кадров в военпроме советское государство внедряло в новые заводские коллективы, состоявшие в основном из женщин и молодежи с крестьянскими корнями, как репрессивные, так и социально-потребительские установки к занятости на производстве. Эти установки закладывались в сознании персонала оборонных предприятий Сибири посредством уголовных наказаний за служебные проступки и системы социального обеспечения. Показано, что задача повышения производительности труда решалась путем культивирования среди оборонщиков региона квазимонетарной, витальной и героической мотивации к перевыполнению норм выработки. Данные ориентиры формировались у них за счет увеличения номинального размера зарплаты, дополнительного снабжения стахановцев и ударников, широкого применения моральных стимулов. Сделан вывод о том, что в 1941–1945 гг. работники ведущих отраслей военной экономики выступали носителями моральных императивов трудового поведения, укорененных в архетипе, традиции и модерне. Социокультурная специфика бойцов тыла, ставших в рассматриваемый период главным олицетворением многоликой советскости, обусловливалась тенденциями к усилению внутренней архаичности советского человека, взаимодействовавшими с инструментальными элементами индустриальной модернизации (монетарные и социальные стимулы).

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Вторая мировая война, рабочие, социокультурные типы мотивации труда, социально-трудовые кейсы, бойцы тыла.

Статья поступила в редакцию 30.09.2022 г.

Вводные положения. СССР воплотил в жизнь Советский проект, идеалом которого являлось дальнейшее развитие революционно-прогрессистской линии Просвещения в условиях кризиса европейской цивилизации. Отстаивая общество модерна, надломленное Первой мировой войной, большевики попытались укрепить его элементами, заимствованными из более ранних эпох. Ядром нового мироустроительного проекта выступала идея сознательного труда, освобожденного от эксплуатации. В реальности же сложилась система социально-трудовых отношений, создавшая советского индустриального человека как носителя неоднородных мотивационных установок. Эти установки порождали социокультурную многоликость рассматриваемого феномена, наиболее интенсивно раскрывшего свой внутренний потенциал в период Великой Отечественной войны.

Исследования по данной проблематике получили активное развитие в отечественной исторической науке. До 1991 г. историки объясняли производственный энтузиазм рабочих в военное время политико-воспитательной деятельностью Коммунистической партии[1]. В 1990-е гг. исследователи считали основным рычагом трудовой мобилизации населения СССР репрессивную политику сталинского государства[2]. В начале XXI в. одни авторы продолжили изучать эту политику в контексте развития оборонно-промышленного производства в тыловых районах страны[3]. Другие ученые акцентировали внимание на «повороте к принуждению», который стал ключевым способом формирования трудовой мотивации накануне и в

[1] См.: *Митрофанова А.В.* Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1971.

[2] *Кнышевский П.Н.* Государственный Комитет Обороны: методы мобилизации трудовых ресурсов // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 53–65.

[3] *Папков С.А.* Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М., 2012; *Папков С.А.* Судебно-карательная система СССР в годы Второй мировой войны // Вопросы истории. 2021. № 12-2. С. 178–188.

годы войны[4]. Третьи исследователи обратили внимание на особенности советской ментальности, послужившие источником патриотического подвига народа в тылу[5]. В целом новейшая историография интерпретирует мотивационные установки работников тыла в качестве продукта государственной политики или народной психологии. Однако вопрос о наиболее глубинных культурно-психологических истоках отношения к труду остается открытым.

Методологической базой исследования является авторская концепция социокультурных типов трудовой мотивации рабочих в 1941–1945 гг. (табл. 1). Данный концепт представляет дальнейшее развитие теории Ч. и К. Тилли о триаде мотивационных факторов – вознаграждении, побуждении и принуждении[6]. Эти факторы коренились в культурно-исторических «слоях», сгенерировавших в разное время различные социально-трудовые кейсы. Каждый кейс представлен ценностным императивом, который обусловливает то или иное нормативное отношение к труду, релевантное конкретным мерам по закреплению кадров или повышению выработки. Большевики использовали социально-трудовые кейсы для конструирования Советского проекта. В годы Великой Отечественной войны указанные компоненты исторического процесса стали средствами мобилизации людского потенциала СССР. Целью исследования является выявление социокультурной многоликости упомянутого потенциала посредством анализа тенденций формирования пяти типов мотивации труда рабочих сибирской «оборонки», созданной в основном на базе эвакуированных предприятий в конце 1941 и 1942 гг.

Таблица

Социокультурные типы трудовой мотивации рабочих СССР в 1941–1945 гг.

Фактор трудовой мотивации	Культурно-исторический «слой»	Социокультурный тип трудовой мотивации (кейс)	Императив	Стимул к труду
Закрепление кадров на производстве				
Принуждение	Традиция / Ранний модерн (доиндустриальный)	Репрессивный	Безопасность	Уголовные наказания
Вознаграждение	Модерн (индустриальный)	Социально-потребительский	Качество жизни	Социальное обеспечение
Повышение производительности труда				
Вознаграждение	Модерн (индустриальный)	Монетарный	Материальный достаток	Система оплаты труда
	Традиция	Витальный	Выживание	Нормированное снабжение
Побуждение	Архетип	Героический	Слава	Пропаганда

Социокультурные типы мотивации труда в сибирском военпроме. В военное время одной из новых сфер приложения социально-трудовых кейсов в советском обществе стала оборонная промышленность. Необходимость закрепления кадров и повышения выработки способствовала созданию, в том числе в региональном сибирском военпроме, системы стимулов, побуждающих рабочих к трудовой деятельности на основе их заинтересованности в безопасности, качестве жизни, материальном достатке, выживании и славе (см. табл. 1).

[4] *Соколов А.К.* Принуждение к труду в советской промышленности и его кризис (конец 1930-х – середина 1950-х гг.) // Экономическая история: Ежегодник. 2003. М., 2004. С. 74–99.
[5] *Сомов В.А.* Первое советское поколение: испытание войной. М., 2015.
[6] *Tilly Ch., Tilly K.* Work under capitalism. Oxford, 1998.

Степень восприимчивости заводского персонала к этим мотиваторам прежде всего зависела от состава производственных коллективов, скомплектованных в тыловых районах СССР.

Сибирский военпром: производственная и кадровая динамика. Во втором полугодии 1941 – начале 1942 г. в условиях эвакуации число военных заводов Сибири выросло с 8 до 77[7]. В регионе получили развитие авиастроение, танкостроение, судостроение, промышленность вооружения, минометного вооружения, боеприпасов, электропромышленность. В оборонных отраслях динамично росла численность персонала. В начале 1941 г. в авиационной и боеприпасной индустрии были заняты 18,5 тыс. чел., в начале 1945 г. – 98,8 тыс.[8] Этот кадровый потенциал комплектовался из эвакуантов, домохозяек, колхозников, школьников, студентов, воспитанников детдомов и колоний, депортантов и заключенных. Более половины «оборонщиков» составляли женщины и молодежь крестьянского происхождения, занимавшие в заводских коллективах маргинальное положение. Данные обстоятельства, наряду с чрезвычайной повседневностью сибирского тыла, несомненно, влияли на рамочные «форматы» ценностного отношения мобилизованных рабочих к труду. Совокупность их трудовых мотивов обусловливала неоднородность социокультурного облика тружеников военпрома.

Закрепление кадров в военпроме: репрессивная мотивация. Указанный кейс сложился под воздействием репрессии как изначальной стратегии социального контроля в традиционном или переходном обществе. До конца XIX в. в Западной Европе система принуждения базировалась на уголовном наказании за самовольный уход с места работы до истечения срочного трудового контракта. В Российской империи до 1861 г. схожие тенденции развивались в условиях крепостного права. В конце XIX – начале XX в. на Западе и в России работодатели сместили акцент с судебно-репрессивных на административные санкции. В это время на отечественных предприятиях наиболее широко практиковались штрафы за брак, прогулы и нарушения внутреннего распорядка. Лишение свободы применялось лишь к организаторам и активистам стачек[9]. После революции 1917 г. борьба за трудовую дисциплину осуществлялась товарищескими и народными судами соответственно с помощью административных мер (от выговора до увольнения), исправительно-трудовых работ и штрафов. Накануне Великой Отечественной войны в советской промышленности была создана система принуждения к исполнению бессрочного договора о найме. Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г., прогулы наказывались ИТР и штрафами до 25 % от зарплаты, самовольные уходы с предприятия – заключением в тюрьму на срок от двух до четырех месяцев[10]. К началу 1941 г. в оборонной индустрии число служебных проступков сократилось в несколько раз[11], что позволяет судить о выработке у ее персонала репрессивных установок, основанных на стремлении к безопасности.

В первые месяцы войны государство попыталось усилить процесс насаждения «дисциплины страха» в сознании рабочего класса. По Указу ПВС СССР от 26 декабря 1941 г. труженики оборонки были объявлены мобилизованными и подсудными военным трибуналам. Переквалификация самовольного ухода с предприятия в дезертирство привела к увеличению срока лишения свободы за трудовые преступления до 5–8 лет[12]. Из-за долгого оформления уголовных дел, низкого процента задержания дезертиров, высокой доли заочных приговоров карательная машина работала неэффективно. В январе-июне 1942 г. из новосибирского воен-

[7] *Букин С.С., Романов Р.Е.* Рабочая молодежь предприятий оборонного комплекса Сибири (1941–1945). Новосибирск, 2012. С. 54.

[8] Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. Р-7516. Оп. 1. Д. 1396. Л. 16; Д. 1425. Л. 3, 4; Ф. Р-8044. Оп. 1. Д. 2827. Л.64, 65; Д. 2940. Л. 22, 41.

[9] Фабричный закон 1886 г. [Электронный ресурс]. URL: https://istmat.org/node/33970 (дата обращения: 01.09.2022).

[10] Указ ПВС СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4252.htm (дата обращения: 01.09.2022).

[11] РГАЭ. Ф. 7516. Д. 1290. Л. 5.

[12] Указ ПВС СССР от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4336.htm (дата обращения: 01.09.2022).

прома сбежало 2 880 человек, в июле-октябре 1942 г. – 5 396 человек[13]. В конце 1942 г. председатель трибунала СибВО Кокоулин констатировал, что многие трудмобилизованные граждане «бросают работу <…>, зачастую не осознавая последствий своего поступка»[14]. То есть промышленность получила новых рабочих, не обладавших репрессивной мотивацией к закреплению на предприятиях.

Для преодоления социально-трудового кризиса в октябре 1942 г. СНК СССР сократил пайки хлеба прогульщиков на 100–200 г[15]. С 1943 г. на оборонных предприятиях периодически проводились мероприятия с разъяснением законов о труде и показательные суды над дезертирами. Данные меры породили среди работников тыла страх перед угрозой наказания, на что указывает наличие в их воспоминаниях упоминаний о строжайшей дисциплине[16]. В связи с ее укреплением число беглецов с военных заводов Новосибирска уменьшилось с 20,0 тыс. в 1943 г. до 10,2 тыс. 1944 г.[17] Но полному решению этой проблемы препятствовали негативные факторы, связанные с тяжелыми условиями труда и быта рабочих. В конце 1944 г. ПВС СССР объявил амнистию дезертирам, вернувшимся на прежнее место работы[18]. За 1941–1945 гг. народные суды и трибуналы вынесли 7,5 млн приговоров по делам о прогулах и самовольных уходах с предприятий. К ИТР и штрафам были приговорены 5,53 млн чел. (73,7 %), к лишению свободы – 1,97 млн чел. (26,3%)[19]. После победы над нацистской Германией власти освободили от отбывания наказания всех лиц, осужденных за труддезертирство. Эта амнистия вызвала как ослабление репрессивных установок, так и скрытый протест рабочих против своего мобилизационного статуса («Хватит, поработали честно, а сейчас работать незачем»[20]).

Закрепление кадров в военпроме: социально-потребительская мотивация. Данный кейс формировался под влиянием социальной политики как одного из элементов модернизирующегося общества. В конце XIX – начале XX в. в странах Европы и России происходило становление сферы социального обеспечения населения. В частности, владельцы крупных фабрик строили жилые казармы, больницы, ясли и детсады, школы и профучилища, выплачивали пособия по болезни, инвалидности и старости. После 1917 г. эти тенденции получили распространение в Советской России и СССР. Так, Конституция 1936 г. гарантировала рабочим и служащим всеобщее государственное страхование, бесплатную медицинскую помощь, восьмилетнее образование, содержание малолетних детей в дошкольных учреждениях[21]. К 1941 г. отечественные предприятия превратились в центры по комплексному жизнеобеспечению трудовых коллективов. Упомянутый фактор способствовал выработке у персонала основ социально-потребительской мотивации к занятости, выступавшей как запрос на улучшение качества жизни по месту работы.

В годы Великой Отечественной войны на оборонных заводах также создавалась своя социальная инфраструктура. По постановлению СНК СССР от 13 сентября 1941 г. для размещения рабочей силы в тылу строилось жилье упрощенного типа[22]. В первой половине 1940-х гг. только

[13] Оборонная промышленность Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны: сб. док-тов. Новосибирск, 2005. С. 401.
[14] Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-4. Оп. 34. Д. 175. Л. 39 об.
[15] Постановление СНК СССР от 18 октября 1942 г. «О порядке снабжения продовольственными и промышленными товарами рабочих промышленных предпиятий» // Сталин И.В. Сочинения. Т. 18. Тверь, 2006. С. 302–303.
[16] Обожгла наше детство война. Сб. воспоминаний детей военного времени. Омск, 2010. С. 32.
[17] *Савицкий И.М.* Важнейший арсенал Сибири: развитие оборонной промышленности Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 2005. С. 322.
[18] Указ ПВС СССР от 30 декабря 1944 г. «Об амнистии лицам, самовольно ушедшим с предприятий военной промышленности и добровольно возвратившимся на эти предприятия» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 – июль 1956 г. М., 1956. С. 406.
[19] *Земсков В.Н.* Организация рабочей силы и ужесточение трудового законодательства в годы войны с фашистской Германией // Политическое просвещение. 2014. № 2 (79). С. 32.
[20] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 196. Л. 57.
[21] Конституция СССР 5 декабря 1936 г. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm (дата обращения: 01.09.2022).
[22] Постановление Совнаркома СССР от 13 сентября 1941 г. «О строительстве жилых помещений для эвакуированного населения» // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967). Новосибирск, 1968. Т. 3. С. 34.

в Новосибирске, Омске и городах Алтайского края было возведено 475 тыс. кв.м жилплощади[23]. Большую часть нового жилфонда составляли бараки и землянки. Например, в 1943 г. на комбинате № 179 их удельный вес превышал 90 %. К 1 января 1945 г. на предприятии благодаря коммунальному благоустройству доля домов с электроосвещением достигла 59,2 %, центральным отоплением – 49,3 %, водопроводом – 41,3 %, канализацией – 35,7 %[24]. Затраты на койко-место по отношению к реальной средней зарплате сибметаллстроевцев равнялись 7,3 %[25]. В обустроенных квартирах проживали руководители производства, кадровые специалисты и рабочие, «знатные» стахановцы и их семьи. Основная масса тружеников размещалась в общежитиях с суровым барачным бытом. На одного жильца приходилось не более 4 кв.м жилплощади[26]. Для обслуживания жителей заводских кварталов открывались мастерские по пошиву и ремонту одежды, обуви, изготовлению мебели, парикмахерские. Из-за ограниченности ресурсов бытовые предприятия не могли предоставить услуги всем потребителям. В целом дефицит жилья и товаров повседневного спроса резко снижал закрепляемость работников в военном производстве. Огромные социальные издержки частично компенсировались небольшой платой за служебные койко-места, что имело большое значение для выживания трудмобилизованного населения.

Отраслевые ведомства и дирекции предприятий уделяли внимание также вопросам охраны здоровья трудящихся. 12 сентября 1942 г. приказом по Наркомату боеприпасов СССР в Новосибирске была учреждена поликлиника для медобслуживания персонала комбината № 179[27]. «Оборонщики» получали лечение и прививки от эпидемических заболеваний по месту работы за государственный счет[28]. Государство играло решающую роль и в определении малолетних детей работников в дошкольные учреждения. Летом 1942 г. на заводе № 617 открылся детсад на 150 мест[29]. Расходы на содержание детей в этом детском саду покрывали госбюджет (56,3 %) и родители (43,7 %). В 1944 г. доля затрат на детсад в реальной средней зарплате рабочих составляла 16,45 %. В это время садик посещали от 90 до 130 дошкольников. Недоукомплектованность садика воспитанниками была вызвана не столько стоимостью услуг, сколько его удаленным расположением от предприятия[30]. По сравнению со сферой жилищно-бытового обеспечения медицинские и дошкольные учреждения оказывали значительно меньшее влияние на процесс укрепления заводских коллективов.

Важной стороной государственной социальной политики являлась попытка создания условий для обучения занятых подростков. 15 июля 1943 г. СНК СССР принял постановление об образовании школ рабочей молодежи (ШРМ)[31]. К началу 1943/44 учебного года в целом по Сибири были открыты 132 ШРМ с контингентом 16,9 тыс. учащихся[32]. На ведущих предприятиях региона в учебные заведения поступило менее трети юных тружеников. Например, в ШРМ комбината № 179 пошли учиться 28,5 % работников до 18 лет[33]. Из-за интенсивной трудовой занятости многие учащиеся прекращали посещать занятия до конца учебного года. Так, к весне 1945 г. в Омске ШРМ смогли закончить 5 % юных рабочих[34]. Отсутствие для большинства из них образовательных возможностей усиливало текучесть молодых кадров из военпрома. В совокупности условия военного времени нивелировали формирование в среде оборонщиков социально-потребительской установки к занятости в промышленности. Этот негативный фактор обусловливал постоянную нестабильность состава заводских коллективов в глубоком тылу.

[23] Подвиг земли богатырской: Сибирь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1970. С. 174.
[24] ГАНО. Ф. 11. Оп. 4. Д. 141. Л. 12.
[25] Подсчитано по: ГАНО. Ф. 11. Оп. 4. Д. 141. Л. 12; Д. 200. Л. 13.
[26] *Букин С.С., Романов Р.Е.* Рабочая молодежь… С. 310.
[27] ГАНО. Ф. Р-1686. Оп. 1. Д. 20. Л. 5.
[28] ГАНО. Ф. Р-1750. Оп. 1. Д. 3. Л. 92; Д. 4. Л. 38; Д. 8. Л. 49; Д. 14. Л. 72.
[29] Там же. Д. 10. Л. 77.
[30] Там же. Д. 18. Л. 52, 53.
[31] Постановление СНК СССР от 15 июля 1943 г. «Об обучении подростков, работающих на предприятиях».
[32] История рабочего класса Сибири. Новосибирск, 1984. Т. 3. С. 143.
[33] ГАНО. Ф. 190. Оп. 2. Д. 764. Л. 73.
[34] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. М-1. Оп. 6. Д. 286. Л. 27.

Повышение производительности труда: монетарная мотивация. Зарождение данного кейса было связано с развитием товарно-денежных отношений в контексте становления западноевропейского капитализма. Его ментальным ядром являлась протестантская максималистская этика, поставившая во главу угла накопление прибыли. К концу XIX в. на Западе и в России сложилась современная модель экономического роста, ориентированная на повышение производительности труда за счет тарификации, сдельной, прогрессивной и премиальной систем его оплаты. К 1917 г. в отечественной индустрии появилась узкая прослойка высокооплачиваемой рабочей «аристократии», стремившейся к материальному достатку. Более массовые слои низкооплачиваемых пролетариев зарабатывали деньги для пропитания, сохраняя традиционную минималистскую этику. Пришедшие к власти большевики продолжали стимулировать рост выработки с помощью денежных стимулов, отдавая приоритет ударникам и стахановцам. Но из-за отсутствия ощутимого роста реальных доходов горожан социально-трудовая ситуация кардинально не менялась. В 1907–1913 гг. рабочая семья расходовала на питание в среднем от 45,5 до 57,3 % бюджета, в 1940 г. – 55,3 %[35]. К 1941 г. в индустриальных группах населения СССР произошла консервация квазимонетарной мотивации, релевантной потребительскому минимализму. Возможности ее эволюции в сторону накопительской этики внутри стахановской элиты минимизировались низким уровнем жизни.

В первые месяцы Великой Отечественной войны на предприятиях, эвакуированных в тыловые районы страны, началось восстановление механизмов денежного стимулирования[36]. В начале 1942 г. на оборонных заводах Сибири были введены семиразрядные (с соотношением 1:3,3) и восьмиразрядные (с соотношением 1:3,2 и 1:3,6) тарифные сетки образца 1939–1940 гг. При переходе рабочего на следующий разряд ставка повышалась на 20 %, с холодных на горячие, вредные или тяжелые работы – на 15–20 %, с повременной на сдельную оплату – на 20–30 %. Повременщики за добросовестное выполнение служебных обязанностей получали премии в размере от 10 до 50 % месячного оклада[37]. Сдельщикам за перевыполнение опытных норм от 1 до 20 % зарплата начислялась по полуторакратным расценкам, более 20 % – двукратным; за перевыполнение расчетных норм от 1 до 10 % – двукратным, свыше 10 % – четырехкратным расценкам[38]. Директора военных заводов широко практиковали перечисленные формы материального поощрения, делая особый акцент на увеличении стахановских заработков.

Данные факторы обеспечили повышение номинальных доходов работников военпрома Сибири на фоне опережающего подъема производительности труда. В 1942–1944 гг. в Новосибирске среднемесячная стоимость продукции, выпущенной одним авиастроителем, увеличилась с 1742 до 3642 руб. (на 109,1 %), боеприпасником – с 2630 до 4406 руб. (на 67,5 %). В то же время заработок рабочих авиапрома вырос с 665 до 788 руб. (на 18,5 %), промышленности боеприпасов – с 572 до 686 руб. (на 19,9 %)[39]. Однако монетарный рост оказался под давлением пертурбационных условий военного лихолетья. В 1940–1944 гг. зарплата персонала завода им. В.П. Чкалова возросла на 82,0 %, а с учетом возросшего фискального пресса – на 44,6 %. На фоне высокой инфляции реальная заработная плата вовсе ушла в минус. В сентябре 1941 г. новосибирские «оборонщики» на средний трудовой доход могли купить на базаре от 150 до 190 кг картофеля, в апреле 1943 г. – 12,6, в апреле 1945 г. – 46,7 кг[40]. Падение покупательной способности денег означало предельное снижение их роли в стимулировании производительного труда.

[35] Бюджетные расходы рабочих России в конце XIX – начале XX в. [Электронный ресурс]. URL: https://istmat.info/node/59 (дата обращения: 01.09.2022); Бюджеты рабочих, инженерно-технических работников, колхозников и служащих. М., 1957. С. 40.

[36] В период эвакуации рабочие и служащие получали пособия в размере средней зарплаты за последние три месяца работы на предприятии. После ввода эвакуированных заводов в строй их директора с подачи отраслевых наркоматов издавали приказы о восстановлении довоенных тарифных ставок оплаты труда.

[37] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-7678. Оп. 7. Д. 129. Л. 43–44.

[38] ГАРФ. Ф. Р-5451. Оп. 1. Д. 230. Л. 283–284.

[39] *Савицкий И.М.* Важнейший арсенал Сибири… С. 415–416.

[40] *Букин С.С., Романов Р.Е.* Рабочая молодежь… С. 303.

Вместе с тем денежные средства не потеряли полностью своего мотивирующего значения. С 1942 по 1944 г. среднемесячные доходы рабочей семьи в Новосибирске и Кузбассе увеличились с 691 до 1055 руб., расходы – с 669 до 1028 руб.[41] К концу войны ее суммарные затраты на приобретение продовольственных товаров составляли 59,6 % всего бюджета. Юные заводчане-одиночки находились в схожем материальном положении. В июле 1944 г. в Красноярске работница завода № 703 Чупина заработала 362 руб., из которых 112 руб. «съели» налоги и госзаймы. Оставшиеся 250 руб. она потратила на питание в столовой (100 руб.), покупку продуктов на рынке (110 руб.), проживание в общежитии (40 руб.)[42]. Всего на продуктовую «корзину» девушка израсходовала 58 % личного бюджета. Как для семейных работников, так и рабочей молодежи главным мотивом зарабатывания денег являлось желание выжить физически. В данном случае тыловая повседневность усилила воспроизводство среди различных групп производственников квазимонетарной мотивации к труду.

Повышение производительности труда: витальная мотивация. Формирование данного кейса обусловливалось спецификой ведения домохозяйств в традиционном обществе. Его ментальной основой выступала православная минималистская этика, ориентированная на выживание. В связи с этим крестьяне отдавали предпочтение натуральным стимулам хозяйственной деятельности. Так, глава семьи делил пищу между ее членами с учетом выполненной ими работы. Взявшие власть большевики перенесли принцип распределения по труду в советские конституции 1918 и 1936 г. («кто не работает, тот не ест»[43]). На основе созданной правовой базы в городах РСФСР (1918–1922 гг.) и СССР (1929–1935 гг.) вводилась карточная система снабжения в зависимости от характера занятости населения. Приоритет в нем отдавался «знатным» ударникам и стахановцам, получавшим сверх прожиточного минимума продовольственные и промтоварные премии. Поскольку карточки отоваривались за деньги, в промышленности сложилась бинарная система материального стимулирования. Ее наличие консервировало рудименты витальной мотивации в сознании индустриальных работников, ориентированных на потребительский минимализм.

В начале Великой Отечественной войны сфера нормированного «сервиса» вступила в новый этап развития (1941–1947 гг.). С 1 сентября 1941 г. рабочие оборонных заводов стали получать 800 г хлеба в день, 600 г сахара и кондитерских изделий в месяц[44]. С 1 ноября они ежемесячно могли рассчитывать на 2 200 г мяса или рыбы, 600 г жиров, 1 500 г крупы и макарон. Для персонала «горячих» и «вредных» цехов эти нормы увеличивались до 3 200–4 500 г мяса, 900–1 000 г жиров, 2 000–3 000 г крупы и макарон[45]. Пайки оборонщиков существенно превышали нормативы потребления работников других отраслей, служащих и иждивенцев. Иерархия снабжения по социально-производственному принципу мотивировала неработающее население к поступлению в военное производство.

Тем не менее учреждения общепита не удовлетворяли нормальные потребности трудящихся в пище. В 1942 г. в столовых Новосибирска калорийность одноразового питания с хлебом составляла 1935 ккал[46]. Партийные функционеры фиксировали в рабочей среде

[41] *Букин С.С.* Бюджеты рабочих семей Сибири в годы Великой Отечественной войны // Социально-демографическое развитие Сибири в XX столетии. Новосибирск, 2004. Вып. 3. С. 106.

[42] Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. П-1474. Оп. 3. Д. 675. Л. 75.

[43] Конституция РСФСР 10 июля 1918 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1918.htm (дата обращения: 01.09.2022); Конституция СССР 5 декабря 1936 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm (дата обращения: 01.09.2022).

[44] Постановление СНК СССР от 20 августа 1941 г. «О введении карточек на хлеб, сахар и кондитерские изделия в отдельных городах, рабочих поселках и поселках городского типа». [Электронный ресурс]. URL: http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/war//cards/408175/images (дата обращения: 01.09.2022).

[45] Постановление СНК СССР от 19 октября 1941 г. «О введение карточек в гг. Горьком, Свердловске, Молотове, Челябинске, Омске, Уфе, Казани, Куйбышеве, Чкалове, Новосибирске, Архангельске, Иваново, Ярославле, Кирове, Ижевске, Пензе, Саратове, Сталинграде, Вологде и Воронеже». [Электронный ресурс]. URL: http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/war//cards/408251/images (дата обращения: 01.09.2022).

[46] Подсчитано по: *Шумилов В.Н.* Создание оборонной промышленности Новосибирской области (1941–1945). Новосибирск, 2000. С. 93.

запрос на усиление натуральных стимулов: «Я дам и 500 % нормы после улучшения питания в столовой. А то приходится за 15–18 часов есть один раз»[47]. Первоначальным ответом на недоедание заводского персонала стала выдача передовикам вторых обедов и 100–200 г хлеба сверх пайка. В октябре 1942 г. для добросовестных работников СНК СССР установил первоочередную продажу промтоваров, дополнительное горячее меню, отпуск продовольствия из подсобных хозяйств предприятий[48]. С 1943 г. в сибирском авиапроме «стахановцы военного времени» премировались талонами на продукты и вещи стоимостью 35–50 руб., «лучшие рабочие по профессии» – 100–150 руб., «гвардейцы тыла» – 200 руб.[49] Неравенство в снабжении было нацелено прежде всего на поощрение стахановской элиты.

Подсобные хозяйства оборонных предприятий позволили многим учреждениям общепита организовать двухразовое питание. В 1943 г. в столовых Новосибирска калорийность одного обеда с хлебом достигла 1938 ккал, в 1944 г. – 1840 ккал, двух – 2276 и 2280 ккал. Рацион стахановцев вырос до 2480–2680 ккал в 1943 г. и 2920–3020 ккал в 1944 г.[50] Эти тенденции побуждали рабочих рассматривать интенсивный труд как один из источников физического выживания. Так, воспоминания ветеранов сибирского военпрома содержат информацию о том, как стахановские талоны спасали станочников от голода[51]. Бытовые лишения военного времени активизировали воспроизводство среди оборонщиков рудиментов витальной мотивации, которые в сочетании с квазимонетарными установками являлись одним из факторов роста выработки на военных заводах в 1941–1945 гг.

Повышение производительности труда: героическая мотивация. Данный кейс зародился на основе античного мифа о Прометее, принесшего себя в жертву ради прогрессивного развития человечества. В середине XIX в. эта легенда сыграла роль одного из источников обоснования коммунистической идеологии. Ее ментальным фундаментом послужила прометеевская версия максималистской этики, нацеленная на освобождение пролетариев от буржуазной эксплуатации. Октябрьский переворот 1917 г. создал предпосылки для «развертывания» революционного мифотворчества в процесс построения социализма. Дух социалистического максимализма нашел практическое воплощение в ударничестве и стахановском движении. Советская пропаганда характеризовала борьбу за производительный труд как битву, а ее участников – как бойцов хозяйственного фронта. Для морального поощрения ударников и стахановцев использовались почетные звания, лозунги, плакаты, доски почета, ордена, медали, переходящие красные знамена и т.п. К 1941 г. трансляция культа трудовой славы привела к становлению на предприятиях СССР небольшого слоя новой рабочей «аристократии» с героической мотивацией к перевыполнению норм выработки.

С началом Великой Отечественной войны ведущей формой индустриальной героики стало движение двухсотников (июль 1941 – март 1942 г.). Данный почин распространялся с помощью печати, обращений передовиков к рабочему классу, стахановских слетов, сталинских вахт, дней героического труда, наглядной агитации. С 1 августа по 1 декабря 1941 г. на заводе им. В.П. Чкалова число двухсотников увеличилось со 147 до 1087, а их доля в персонале – с 5,1 до 6,5 %[52]. Слабый отклик «чкаловцев» на пропаганду трудового героизма обусловливался неудовлетворительной организацией производства, подготовки кадров, агитационной работы и материально-бытового снабжения заводского коллектива. К весне 1942 г. аналогичная ситуация сложилась на большинстве оборонных предприятий, эвакуированных в сибирские города.

Необходимость подъема производительности труда обусловила переход двухсотничества в движение тысячников (март-июнь 1942 г.). Эта инициатива развивалась за счет прессы, обращений «знатных» стахановцев к трудящимся, лозунгов, восхвалявших новато-

[47] Цит. по: *Савицкий И.М.* Важнейший арсенал Сибири… С. 365–366.
[48] Постановление СНК СССР от 18 октября 1942 г. «О порядке снабжения продовольственными и промышленными товарами рабочих промышленных предприятий»… С. 302–303.
[49] ГАРФ. Ф. Р-7678. Оп. 6. Д. 187. Л. 2.
[50] Подсчитано по: *Шумилов В.Н.* Создание оборонной промышленности… С. 93.
[51] Из истории земли Томской. Кто был для фронта мал: сб. док-тов. Томск, 2003. С. 294.
[52] ГАНО. Ф. П-22. Оп. 3. Д. 1106. Л. 185.

ров производства, публичного вручения им правительственных наград. В середине 1942 г. в Новосибирске насчитывалось около тысячи передовиков, вырабатывавших по десять и более норм[53]. В дальнейшем на производстве наметилась тенденция к затуханию тысячных рекордов, которые не могли разрешить комплекс проблем, затруднявших развертывание выпуска вооружения и боеприпасов.

Решение данной задачи осуществлялось в рамках всесоюзного соревнования отраслей и предприятий военпрома (с мая 1942 г.). В его русле трудовой героизм нашел отражение в движениях двадцатников[54], многостаночников, лучших рабочих по профессии. Эти почины стимулировались газетной периодикой, перепиской тыловиков с фронтовиками, проведением фронтовых вахт, публичными клятвами бойцами трудового фронта, введением иерархии стахановских званий, установкой досок почета и фотогалерей передовиков, вручением заводам-победителям красных знамен ГКО и ЦК ВКП(б). Решающий вклад в рост выработки вносили комсомольско-молодежные бригады, соревновавшиеся за звания «фронтовых» и «гвардейских». В конце 1942 г. среди рабочей молодежи промышленности Новосибирской области доля стахановцев и ударников составляла 18,9 %, в середине 1944 г. – не менее 60,0 %[55]. Позднее ветераны сибирской оборонки в воспоминаниях неоднократно отмечали прямую связь между моральными стимулами и интенсификацией труда в тылу[56]. В целом культ массового патриотизма сформировал и усилил среди оборонщиков героическую мотивацию к перевыполнению военно-хозяйственных планов. Указанный фактор повышения выработки приобрел ключевое значение в связи с разрешением производственных и кадровых проблем, активизацией патриотической пропаганды и увеличения неравенства в рабочем снабжении.

Выводы. В годы Великой Отечественной войны «сквозные» социально-трудовые кейсы мировой истории, встроенные большевистской партией в Советский проект в 1917–1941 гг. через сферу индустриальной занятости, сыграли роль важнейших источников экономической победы СССР над нацистской Германией. Они обусловливались социокультурной многоликостью советских людей в рабочих спецовках, мобилизованных органами власти в тыловой военпром. Будучи маргинальным субъектом переходного общества, основная масса работников ведущих отраслей военного хозяйства выступала носителем моральных императивов трудового поведения, укорененных в архетипе, традиции и модерне. В процессе формирования мотивации труда в новых группах рабочего класса архетипные и традиционалистские элементы явно превалировали над модерновыми. С одной стороны, упрочение заводской дисциплины произошло преимущественно в результате психологического воздействия на «оборонщиков» репрессивного трудового законодательства, являвшегося в эпоху Новейшего времени очевидным социальным атавизмом. С другой стороны, рост производительности стахановцев военного времени выступал следствием их глубинных ментальных ориентиров на выживание и победу над врагом, активированных в сознании производственников материальными и духовными факторами экстремальной повседневности тыла. Таким образом, социокультурная специфика «бойцов тыла», ставших в 1941–1945 гг. главным олицетворением многоликой советскости, определялась, прежде всего, тенденциями к усилению внутренней архаичности «нового» человека, сформированного в СССР к концу 1930-х гг. В то же время не стоит забывать, что данный феномен сосуществовал параллельно с адаптацией советского общества к инструментальным элементам индустриальной модернизации (монетарные и социальные стимулы).

[53] ГАНО. Ф. П-190. Оп. 2. Д. 709. Л. 94.
[54] Двадцатники – рабочие, выполнявшие месячный план за 20 дней.
[55] ГАНО. Ф. П-190. Оп. 2. Д. 962. Л. 87.
[56] Долга на земле не имею. Рассказывают ветераны // Букин С.С. Завод «Искра» в годы Великой Отечественной войны. Исторический очерк и воспоминания ветеранов. Новосибирск, 2001. С. 93–94.

Литература

Букин С.С. Завод «Искра» в годы Великой Отечественной войны. Исторический очерк и воспоминания ветеранов. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2001. 111 с.

Букин С.С. Бюджеты рабочих семей Сибири в годы Великой Отечественной войны // Социально-демографическое развитие Сибири в XX столетии. Новосибирск, 2004. Вып. 3. С. 104–129.

Букин С.С., Романов Р.Е. Рабочая молодежь предприятий оборонного комплекса Сибири (1941–1945). Новосибирск: Параллель, 2012. 430 с.

Земсков В.Н. Организация рабочей силы и ужесточение трудового законодательства в годы войны с фашистской Германией // Политическое просвещение. 2014. № 2 (79). С. 104–114.

История рабочего класса Сибири / под ред. А.П. Окладникова. Новосибирск: Наука, 1984. Т. 3. 376 с.

Кнышевский П.Н. Государственный Комитет Обороны: методы мобилизации трудовых ресурсов // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 53–65.

Митрофанова А.В. Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1971. 525 с.

Папков С.А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М.: РОССПЭН, 2012. 440 с.

Папков С.А. Судебно-карательная система СССР в годы Второй мировой войны // Вопросы истории. 2021. № 12-2. С. 178–188.

Подвиг земли богатырской: Сибирь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / под ред. М.Р. Акулова. М.: Мысль, 1970. 364 с.

Савицкий И.М. Важнейший арсенал Сибири: развитие оборонной промышленности Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск: Институт истории, 2005. 449 с.

Соколов А.К. Принуждение к труду в советской промышленности и его кризис (конец 1930-х – середина 1950-х гг.) // Экономическая история: Ежегодник. 2003. М.: РОССПЭН, 2004. С. 74–99.

Сомов В.А. Первое советское поколение: испытание войной. М.: АИРО-XXI, 2015. 175 с.

Шумилов В.Н. Создание оборонной промышленности Новосибирской области (1941–1945). Новосибирск, 2000. 204 с.

Tilly Ch., Tilly K. Work under capitalism. Oxford: Westview Press, 1998. 326 p.

References

Akulov, M.R. (1970). *Podvig zemli bogatyrskoy: Sibir' v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg.* [The Feat of the Land of the Heroic: Siberia during the Great Patriotic War of 1941–1945]. Moskva, Mysl'. 364 p.

Bukin, S.S. (2001). *Zavod "Iskra" v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. Istoricheskiy ocherk i vospominaniya veteranov* [The Iskra Plant during the Great Patriotic War. Historical Essay and Memoirs of Veterans]. Novosibirsk, Institut istorii SO RAN. 111 p.

Bukin, S.S. (2004). Byudzhety rabochikh semey Sibiri v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Budgets of Working Families of Siberia during the Great Patriotic War]. In *Sotsial'no-demograficheskoe razvitie Sibiri v XX stoletii.* Novosibirsk. Vol. 3, pp. 104–129.

Bukin, S.S., Romanov, R.E. (2012). *Rabochaya molodezh' predpriyatiy oboronnogo kompleksa Sibiri (1941–1945)* [Working Youth of Siberian Defense Industry Enterprises (1941–1945)]. Novosibirsk, Parallel'. 430 p.

Knyshevskii, P.N. (1994). *Gosudarstvennyy Komitet Oborony: metody mobilizatsii trudovykh resursov* [State Defense Committee: Methods of Labor Resource Mobilization]. In *Voprosy istorii*. No. 4, pp. 53–65.

Mitrofanova, A.V. (1971). *Rabochiy klass SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [The Working Class of the USSR during the Great Patriotic War]. Moskva, Nauka. 525 p.

Okladnikov, A.P. (1984). *Istoriya rabochego klassa Sibiri* [The History of the Working Class of Siberia]. Novosibirsk, Nauka. Vol. 3. 376 p.

Papkov, S.A. (2012). *Obyknovennyy terror. Politika stalinizma v Sibiri* [Ordinary Terror. The Politics of Stalinism in Siberia]. Moskva, ROSSPEN. 440 p.

Papkov, S.A. (2021). Sudebno-karatel'naya sistema SSSR v gody Vtoroy mirovoy voyny [The Judicial and Punitive System of the USSR during the Second World War]. In *Voprosy istorii.* No. 12-2, pp. 178–188.

Savitskiy, I.M. (2005). *Vazhneyshiy arsenal Sibiri: razvitie oboronnoy promyshlennosti Novosibirskoy oblasti v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Siberia's Most Important Arsenal: The Development of the Novosibirsk Region Defense Industry during the Great Patriotic War]. Novosibirsk, Institut istorii SO RAN. 449 p.

Shumilov, V.N. (2000). *Sozdanie oboronnoy promyshlennosti Novosibirskoy oblasti (1941–1945)* [Creation of the Defense Industry of the Novosibirsk Region (1941–1945)]. Novosibirsk. 204 p.

Sokolov, A.K. (2003). Prinuzhdenie k trudu v sovetskoy promyshlennosti i ego krizis (konets 1930-kh – seredina 1950-kh gg.) [Forced Labor in Soviet Industry and Its Crisis (late 1930s – mid-1950s)]. In *Ekonomicheskaya istoriya: Ezhegodnik*. Moskva, ROSSPEN, pp. 74–99.

Somov, V.A. (2015). *Pervoe sovetskoe pokolenie: ispytanie voynoy* [The First Soviet Generation: The Test of War]. Moskva, AIRO-XXI. 175 p.

Tilly, Ch., Tilly, K. (1998). *Work under capitalism*. Oxford, Westview Press. 326 p.

Zemskov, V.N. (2014). Organizatsiya rabochey sily i uzhestochenie trudovogo zakonodatel'stva v gody voyny s fashistskoy Germaniey [The Organization of the Labor Force and the Tightening of Labor Legislation during the War with Nazi Germany]. In *Politicheskoe prosveshchenie.* No. 2, pp. 104–114.

Н.Н. Мельников*

ПЛАН АКАДЕМИИ НАУК СССР ПО РАЗВИТИЮ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКИ УРАЛА В ГОДЫ ВОЙНЫ: ОТ ЗАМЫСЛА К РЕАЛИЗАЦИИ

doi:10.31518/2618-9100-2022-6-8
УДК 94(47).084.8

Выходные данные для цитирования:
Мельников Н.Н. План Академии наук СССР по развитию электроэнергетики Урала в годы войны: от замысла к реализации // Исторический курьер. 2022. № 6 (26). С. 110–123. URL: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-6-08.pdf

N.N. Melnikov*

THE USSR ACADEMY OF SCIENCES PLAN FOR THE DEVELOPMENT OF THE POWER INDUSTRY IN THE URALS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: FROM CONCEPTION TO IMPLEMENTATION

doi:10.31518/2618-9100-2022-6-8

How to cite:
Melnikov N.N. The USSR Academy of Sciences Plan for the Development of the Power Industry in the Urals During the Great Patriotic War: From Conception to Implementation // Historical Courier, 2022, No. 6 (26), pp. 110–123. [Available online: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-6-08.pdf]

Abstract. During the Great Patriotic War, arms production was moved to the East of the Soviet Union. One of the main industrial centres of the Country was the Urals region. In the autumn of 1941, the Commission for the mobilisation of the Urals economy, headed by V.L. Komarov, president of the USSR Academy of Sciences, began its work in Sverdlovsk. The Commission completed its work by the end of the year. The Commission showed the current state of the Industry in the Urals and made a forecast of the development of the region in 1942. This plan called for a doubling of the Urals industrial potential during the year. In this article, the history of the development of the electric power industry is used as an example to show the difficulty of implementing the plan of the V.L. Komarov Commission. Up to the end of the war period, electricity production was growing, but did not reach the planned level. The energy industry was the basis which was to ensure the development of the Urals economy. During all wartime years, the Urals industry had a shortage of electricity. Therefore, the plan for the development of the industrial base of the Urals was impossible to implement.

Keywords: economy, War, electric power industry, Academy of Sciences, V.L. Komarov Commission.

The article has been received by the editor on 13.09.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В годы Великой Отечественной войны производство вооружений было перемещено на восток Советского Союза. Одним из основных промышленных центров страны стал Урал. Осенью 1941 г. в Свердловске начала действовать комиссия по мобилизации уральской экономики на нужды фронта под руководством президента Академии наук СССР В.Л. Комарова. К концу года комиссия закончила свою работу, описав состояние уральской промышленности и составив прогноз развития региона на предстоящий 1942 год. Этот план предусматривал фактически удвоение производственного потенциала индустрии Урала в течение одного года. В данной статье на примере истории развития региональной электроэнергетики показана сложность реализации предложений

* **Никита Николаевич Мельников,** кандидат исторических наук, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, e-mail: meln2011kit@gmail.com
Nikita Nikolaevich Melnikov, Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russia Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, e-mail: meln2011kit@gmail.com

комиссии В.Л. Комарова. Вплоть до конца военного периода производство электроэнергии постоянно росло, но так и не вышло на запланированный уровень, что оказывало негативное влияние на всю промышленность региона, поскольку именно энергетика являлась базовой отраслью, которая должна была обеспечивать промышленное развитие уральской экономики. Все военные годы индустрия Урала существовала в условиях дефицита электроэнергии. Следовательно, план развития производственной базы Урала, предложенный комиссией Академии наук, оказался нереализуем.

Ключевые слова: экономика, война, электроэнергетика, Академия наук, комиссия В.Л. Комарова.

Статья поступила в редакцию 13.09.2022 г.

История изучения деятельности комиссии Академии наук СССР по мобилизации экономики Урала на нужды обороны под руководством академика Владимира Леонтьевича Комарова имеет долгую традицию. В советской историографии, специальных работ, посвященных деятельности комиссии, не было создано. Однако и личность В.Л. Комарова, и работа самой комиссии существовали в качестве самостоятельных сюжетов в исследованиях по истории Академии наук СССР и отечественной науки[1]. Описание итогов работы команды под руководством В.Л. Комарова осуществлялось исключительно в положительном ключе: «Комиссия сыграла выдающуюся роль в расширении промышленного производства на востоке страны и увеличении добычи полезных ископаемых. К ее работам, кроме институтов Академии наук, было привлечено около 60 местных и эвакуированных научных учреждений и промышленных предприятий. В работе комиссии приняло участие свыше 600 человек»[2].

В постсоветское время изучение деятельности комиссии было продолжено[3]. Появились исследования, описывающие отдельные сюжеты, связанные с работой команды под руководством академика В.Л. Комарова. Опубликовано множество биографических исследований, посвященных личности В.Л. Комарова, где присутствует описание руководства им комиссией Академии наук на Урале[4]. С.А. Красильников проанализировал механизм создания, формы и результаты деятельности комиссии В.Л. Комарова в 1942–1943 гг., когда ее деятельность была расширена до регионов Сибири и Казахстана[5]. А.А. Сафронов посвятил свою статью конфликту между президентом и вице-президентом Академии наук СССР – академиками В.Л. Комаровым и О.Ю. Шмидтом, где деятельность комиссии по мобилизации промышленности Урала стала одним из важнейших сюжетов исследования[6]. В.В. Каплюков и Е.И. Яркова провели разбор опубликованной литературы по истории деятельности комиссии под руководством академика В.Л. Комарова. Они пришли к выводу, что история этой

[1] *Гракина* Э.И. Ученые – фронту, 1941–1945. М., 1989. С. 70–72; *Князев Г.А., Кольцов А.В.* Краткий очерк истории Академии наук СССР. М., Л., 1964. С. 981; *Левшин Б.В.* Академия наук СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). М., 1966. С. 24–30; *Левшин Б.В.* Советская наука в годы Великой Отечественной войны. М., 1983. С. 48–51, 69, 82; и др.

[2] *Левшин Б.В.* Академия наук СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). М., 1966. С. 30.

[3] *Костюк В.В.* Академия наук СССР в годы войны // Вестник Российской академии наук. 2005. Т. 75, № 11. С. 981.

[4] *Адамеску А.А.* Выдающийся организатор науки: к 145-летию со дня рождения академика В.Л. Комарова // Современные производительные силы. 2014. № 3. С. 166–171; *Богатов В.В., Урмина И.А.* Академик Комаров и его время (к 150-летию со дня рождения академика В.Л. Комарова). Владивосток, 2020. С. 297–299; *Воронцова Е.В., Рыбкина Н.П.* История советской науки в современном музейном пространстве: академик В.Л. Комаров // Социология науки и технологий. 2016. Т. 7, № 1. С. 66; *Илизаров С.С.* История науки в жизни и деятельности академика В.Л. Комарова // Историко-биологические исследования. 2020. Т. 12, № 4. С. 58; и др.

[5] *Красильников С.А.* Наука как мобилизационный ресурс: деятельность «комиссии В.Л. Комарова» в Западной Сибири в 1942–1943 годах // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2013. Т. 12, № 8. С. 146–152.

[6] *Сафронов А.А.* Конфликт в академии наук СССР: В.Л. Комаров – О.Ю. Шмидт – И.В. Сталин (1941–1942) // Документ. Архив. История. Современность. 2009. № 10. С. 128–149.

комиссии «изучена к настоящему времени крайне недостаточно», и полагают, «что этот феномен нуждается в специальном исследовании»[7].

Практически все работы, посвященные истории комиссии Академии наук СССР по мобилизации уральской промышленности, носят комплиментарный характер по отношению к результатам ее деятельности и говорят о ее высокой значимости. Однако до сих пор в историографии не ставился вопрос о качестве экспертизы и реальных результатах прогнозов, данных по итогу изысканий команды академика В.Л. Комарова, за исключением некоторых работ автора данной статьи, где впервые были показаны проблемы, связанные с реализацией планов развития промышленного потенциала Уральского региона в условиях военного времени.

Комиссия Комарова была основана в конце августа 1941 г. на базе Уральской комплексной экспедиции АН СССР и Уральского филиала Академии наук СССР[8]. В течение сентября и октября она проводила изучение экономического потенциала региона и готовила прогноз его развития на 1942 год. На сегодняшний день известно о двух машинописных копиях этого исследования: в фонде В.М. Молотова Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) и в фонде Свердловского обкома ВКП(б) в Центре документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). В фондах РГАСПИ выводы комиссии представлены двухтомной рукописью. Первый том – это «Академия наук СССР. Комиссия по мобилизации ресурсов Урала на нужды обороны. Доклад заместителю Председателя Государственного комитета обороны товарищу В.М. Молотову о неотложных мероприятиях по черной и цветной металлургии, строительным материалам, лесохимии, топливоснабжению, электроэнергетике, водному транспорту, ж.д. транспорту и сельскому хозяйству Урала»[9]. Второй том – «Материалы к докладу Комиссии Академии наук СССР по мобилизации ресурсов Урала на нужды обороны»[10]. Документ в ЦДООСО[11] по названию, объему и содержанию полностью соответствует «Материалам к докладу…», хранящемуся в РГАСПИ.

Сам доклад и материалы к нему разбиты на десять тематических разделов по изучаемым отраслям экономики Урала, вынесенным в название доклада. Каждый раздел готовила группа (бригада) под руководством профильного ученого. Доклад был подготовлен в ноябре 1941 г. и предоставлен В.М. Молотову 10 декабря 1941 г.[12] 31 января 1942 г. доклад был заслушан и одобрен Президиумом Академии наук СССР, 10 февраля через В.М. Молотова передан И.В. Сталину, а в марте 1942 г. академики В.А. Обручев, А.А. Байков и секретарь Свердловского обкома ВКП(б) по агитации и пропаганде И.С. Пустовалов направили В.М. Молотову письмо с просьбой поставить вопрос о присуждении комиссии Академии наук Сталинской премии[13]. И уже 10 апреля 1942 г. коллектив комиссии получил Сталинскую премию первой степени[14].

Сегодня мы располагаем достаточным объемом информации, чтобы сопоставить реалии развития уральской промышленности военных лет и прогноз, данный комиссией В.Л. Комарова по отдельным направлениям и отраслям. Безусловно, потенциал уральской промышленности резко вырос за годы Великой Отечественной войны. По ряду отраслей (таких как электроэнергетика, угледобыча, добыча железной руды и работа металлургии региона) этот рост только к концу войны приблизился к тому уровню, к которому, как утверждала комиссия Академии наук, уральская индустрия может прийти к началу 1943 г. Но в некоторых

[7] *Каплюков В.В., Яркова Е.И.* К вопросу о степени изученности истории работ комиссии Академии наук СССР по мобилизации ресурсов Урала на нужды обороны страны // Документ. Архив. История. Современность: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2016. С. 358–363.
[8] *Гракина Э.И.* Ученые – фронту, 1941–1945. М., 1989. С. 70.
[9] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 82. Оп. 2. Д. 874.
[10] РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 875.
[11] Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 31. Д. 159.
[12] РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 877. Л. 19.
[13] Там же. Л. 57 об.
[14] *Богатов В.В., Урмина И.А.* Академик Комаров… С. 299.

отраслях вместо хотя бы незначительного роста объемы производства в годовом исчислении упали в несколько раз по сравнению с довоенным периодом (например, в отрасли производства всех видов стройматериалов). Эти неоднозначные итоги заставляют нас внимательно посмотреть на прогноз комиссии В.Л. Комарова и реальное развитие промышленности Урала.

Для примера автором данной статьи была выбрана электроэнергетика региона, поскольку это базовая отрасль народного хозяйства, обеспечившая рост промышленного производства. Сами авторы доклада дали ей такое определение: «Электроэнергетическое вооружение Урала играет определяющую роль в выполнении Уралом производственных задач в условиях войны»[15].

Необходимо отметить, что комиссия не стала отдельно оговаривать территориальные рамки своего исследования. Поэтому изучаемые территории региона менялись в зависимости от отрасли. Например, при исследовании железнодорожной системы рассматривалась сеть дорог узкой и широкой колеи по всем транзитным направлениям (с запада на восток) и локальные железнодорожные линии. Таким образом, в область исследования попал весь Уральский экономический район и прилегающие территории. Иной подход использован в электроэнергетической отрасли. В своих выводах группа под руководством чл.-кор. Академии наук СССР В.И. Вейца говорила исключительно об «уральской энергетической системе». Следовательно, речь шла не обо всем Урале, а только о трех областях региона – Молотовской, Свердловской и Челябинской, т.е. той территории, которая была включена в единую систему «Уралэнерго». За рамками изучения остались Башкирия в целом[16], Удмуртия и Оренбургская область.

Начало Великой Отечественной войны энергетическая система Урала встретила в разгаре своего развития. В 1941 г. она продолжала формироваться в рамках тепловой энергетики. Все основные теплостанции региона находились в стадии становления. Это, с одной стороны, ограничивало возможности единой системы управления «Уралэнерго», но, с другой, уже в ближайшей перспективе давало возможности роста установленной мощности и производства электроэнергии.

Группа В.И. Вейца определила по состоянию на октябрь 1941 г. располагающую мощность Уральской энергетической системы[17] в 860 МВт, из которой около трети (300 МВт) приходилось на блок-станции, т.е. на электростанции крупнейших промышленных предприятий: Магнитогорский металлургический комбинат, Новотагильский металлургический завод, Уралвагонзавод и др. Кроме того, свыше 100 МВт вырабатывали промышленные электростанции, не замкнутые в систему «Уралэнерго». Расположение этих мощностей авторы доклада никак не обозначили в тексте.

В октябре 1941 г. вся электрическая нагрузка промышленности, транспорта и коммунально-бытового хозяйства Урала, отнесенная к шинам «Уралэнерго» и замкнутых электростанций, составила в сумме около 800 МВт (с учетом около 100 МВт изолированных промышленных объектов)[18]. Данные табл. 1 хорошо показывают, что реально (с учетом собственных расходов генерирующих объектов, ремонтов и потерь в сетях) система «Уралэнерго» осенью 1941 г. могла предоставить потребителям не более 700 МВт из имеющихся 860 МВт установленной мощности. Следовательно, в целом уральская энергетика имела достаточно шаткий баланс. Но в отдельных районах системы (особенно в Тагильском – северная часть Свердловской области) наблюдался серьезный дефицит, который покрывался за счет Средне-Уральского района (южная часть Свердловской области).

[15] РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 874. Л. 41.

[16] ТЭЦ башкирского Белорецкого завода была включена в единую энергетическую систему «Уралэнерго» и поэтому упоминается в докладе.

[17] Здесь и далее под территорией Урал мы будем подразумевать районы распределения сетевого хозяйства и объектов генерации электроэнергии «Уралэнерго», т.е. территорию Молотовской (Пермской), Свердловской и Челябинской областей.

[18] РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 875. Л. 187.

Таблица 1

Электробаланс по состоянию на октябрь 1941 г. и программа ввода мощности по районам уральской системы «Уралэнерго» к декабрю 1942 г.*

Основной показатель	Северо-Западный		Тагильский		Средне-Уральский		Южно-Уральский		Всего по системе	
	X.41	XII.42	X.41	XII.42	X.41	XII.42	X.41	XII.42	X.41***	XII.42
1. Потребляемая мощность:										
нагрузка потребителей	156	380	85	230	206	435	253	500	700	1 545
собственные расходы**	24	37	0,5	5	13	38	8	30	45/45,5	110
потери в сетях	19	33	4,5	8	14	37	15	32	50/52,5	110
мощность в ремонте	5	25	2	10	50	30	0	35	55/57	100
Всего	**204**	**475**	**92**	**253**	**283**	**540**	**276**	**597**	**850/855**	**1 865**
2. Располагаемая мощность	204	469	81,5	254	301	601	273	630	860/ 859,5	1 954
3. Избыток / дефицит (+/–) мощности	0	–6	–10,5	+1	+18	+61	–3	+33	+10/+4,5	+89

* *Составлено по:* РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 875. Л. 213.

** Только станций «Уралэнерго». Следовательно, с учетом потерь на блок-станциях общий расход мощности по этой статье должен быть выше.

*** В числителе (там, где это необходимо) указаны исходные данные группы В.И. Вейца; в знаменателе – данные, полученные автором при пересчете заявленных показателей.

Заявленные группой В.И. Вейца данные по электробалансу «Уралэнерго» по состоянию на осень 1941 г. (см. табл. 1) показывают наличие в системе избытка мощности в 10 МВт. Однако сделанный автором данной статьи пересчет показателей (см. предпоследнюю колонку табл. 1) дал гораздо меньший результат. Суммы цифр во всех строках, кроме первой («нагрузка потребителей»), дают результаты, влияющие на уменьшение баланса. Таким образом, мы получаем не объявленные 10 МВт, а всего лишь 4,5 МВт. Более того, группа В.И. Вейца сделала специальную сноску к строке «собственные расходы» – «ст[анции]У[рал]Э[нерго]». Здесь необходимо сделать важное уточнение. В условиях существовавшей на тот момент диспетчеризации электроснабжения (оперативного управления электрооборудованием) контроль за работой блок-станций со стороны централизованной системы управления был невозможен. А значит, «Уралэнерго» не могло учитывать и контролировать деятельность заводских электростанций. Следовательно, мы неизбежно приходим к выводу о значительно большем количестве расходов на «собственные нужды», чем указывает группа В.И. Вейца.

Выявление этих двух факторов (завышение баланса и неучет собственных расходов блок-станций) заставляет автора данной статьи предположить, что исследователи уральской энергосистемы старались искусственно завысить положительное состояние существовавшего баланса, который, скорее всего, был отрицательным даже по заявленным формальным значениям.

Именно поэтому особенностью энергосистемы региона стала «высокая полнота графика нагрузок» в течение всего 1941 г. Следовательно, к этому периоду располагаемая мощность была полностью исчерпана при отсутствии аварийных резервов. В условиях нормально работающей энергосистемы необходимо было выводить значительную часть оборудования на профилактический ремонт в летний период, когда общее потребление электроэнергии значительно снижалось. Нарушение планов ремонта основного оборудования электростанций заставляло энергосистему Урала работать в крайне напряженном состоянии, что влияло на надежность и качество электроснабжения. С учетом плохого развития энергосвязей даже в условиях балансирования электрических мощностей на каждый период (т.е. при условии, если в целом система «Уралэнерго» обеспечивала регион достаточным объемом мощностей) в ряде отдельных узлов возникал дефицит электроэнергии и падение напряжения сверх допустимого предела, чреватого остановкой производства. Наиболее неблагополучными в этом отношении были Молотовский городской узел, Тагильский и Кировградский узлы Свердловской области.

Нехватка рабочей мощности заставляла идти по пути жесткого лимитирования электропотребления. Была резко ограничена осветительная и бытовая нагрузка населенных пунктов Урала – до 30 МВт, но даже в этих условиях растущей уральской промышленности не хватало, по самым осторожным оценкам группы В.И. Вейца, около 40 МВт[19]. Именно этот факт демонстрирует, что реальный баланс уральской энергосистемы находился в отрицательном состоянии, что заставило резко ограничить энергопотребление домохозяйств и коммунальных служб региона. Ситуация здесь радикально не изменилась вплоть до конца войны.

Для детального рассмотрения ситуации с развитием электроэнергетики региона возьмем локальную часть всей уральской системы и посмотрим на динамику в отдельно взятой области. 15 июля 1942 г. нарком электростанций СССР Д.Г. Жимерин подписал приказ о ликвидации единой системы «Уралэнерго» и создании самостоятельных областных производственных объединений энергетики и электрификации: «Молотовэнерго», «Свердловэнерго» и «Челябэнерго». В Свердловске создавалось объединенное диспетчерское управление[20], впоследствии получившее название «Главуралэнерго». Наиболее показательной является работа «Свердловэнерго», поскольку именно на территории этой системы находились основные источники генерации и потребители Урала. Кроме того, свердловское объединение в годы войны на регулярной основе снабжало энергией своего северо-западного соседа – «Молотовэнерго».

По плану развития энергетики края комиссия предлагала удвоение энергетических нагрузок к концу 1942 г. Основная мощность должна была распределяться между предприятиями цветной, черной металлургии и машиностроения – в сумме 3/4 нагрузки всего народного хозяйства Урала[21]. В целом именно такое соотношение в структуре потребления электроэнергии в Свердловской области было реализовано в условиях войны. В табл. 2 дается общая выработка электроэнергии управлением «Свердловэнерго» (включая блок-станции), а в табл. 3 приведены основные потребители в этой же системе, что в целом соответствует заявленным группой В.И. Вейца «предприятиям цветной и черной металлургии, машиностроения». Сопоставление данных табл. 2 и 3 показывает, что на долю этих промышленных объектов приходится 77,6 % потребления электроэнергии в 1942 г. и 75,8 % – в 1943 г. Отметим здесь наметившуюся тенденцию к увеличению доли потребления гражданского (невоенного) сектора уральской экономики.

[19] РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 875. Л. 187–188.
[20] Приказ наркома электростанций СССР Д.Г. Жимерина № 55 от 15 июля 1942 г. // Материалы Музея электроэнергетики Урала.
[21] РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 875. Л. 190.

Таблица 2

Выработка электроэнергии в системе «Свердловэнерго» во второй половине 1941–1943 гг. (в млн кВт/ч)*

Вторая половина 1941 г.	1942 г.	1943 г.
1 535,7	3 357,4	3 948,2

* *Составлено по:* Итоги развития системы Свердловэнерго в 1943 г. (Рукопись) Л. 5 // Материалы музея энергетики Урала.

Таблица 3

Рост потребления энергии предприятиями основных и оборонных наркоматов в Свердловской области в 1941–1943 гг. (в млн кВт/ч)*

Наркомат	1941	1942	1943
Черной металлургии	313,9	361,4	420,7
Цветной металлургии	1 135,5	1 472,7	1 663,5
в т.ч. алюминиевая промышленность	*690,4*	*1 134,7*	*1 302,6*
Танковой промышленности	308,6	481,3	577,2
Авиационной промышленности	13,3	157,5	179,2
Боеприпасов	66,0	105,4	107,5
Вооружений	2,1	27,9	44,5

* Итоги развития системы Свердловэнерго в 1943 г. (Рукопись) Л. 13 // Материалы музея энергетики Урала.

Комиссия Академии наук сделала прогноз, по которому совмещенный электрический максимум потребителей составит более 1 500 МВт, что в сумме с учетом силовой нагрузки, потерь в сетях и минимума 100 МВт для ремонтного резерва требовало роста установленной мощности единой уральской энергосистемы до 1 865 МВт (см. табл. 1). Следовательно, за 1942 г. необходимо было ввести в эксплуатацию 1 000 МВт новой электрической мощности. Эта цифра не учитывает автономного Серовско-Богословского района, на который должно прийтись еще 100 МВт. Отметим, что план не предусматривал строительства гидроэлектростанций, которые в силу малой мощности уральских рек до сих пор отсутствовали в регионе. Развитие генерации должно было идти только в рамках тепловой электроэнергетики. Программу можно было реализовать, по мнению комиссии, за счет выполнения двух важнейших условий: максимальный темп ввода в эксплуатацию новых мощностей и обеспечение максимальной надежности электроснабжения. Развитие генерации должно было идти по следующим направлениям.

Во-первых, планировалось сделать ставку на существующие и заканчиваемые станции, поскольку именно они позволяли получить энергию быстро и дешево. Это давало в Северо-Западном районе дополнительно 62 МВт, в Тагильском районе – 115 МВт (в основном по 50 МВт на станциях Уралвагонзавода и Новотагильского металлургического завода), в Средне-Уральском – 275 МВт (в основном 175 МВт на Красногорской ТЭЦ, 50 – на СУГРЭСе, 25 – ТЭЦ Уралмашзавода, строительство ТЭЦ на Уралтурбозаводе[22]), в Южно-Уральском – 150 МВт (100 МВт даст Челябинская ТЭЦ, 50 – Магнитогорская станция). В сумме примерно 600 МВт.

[22] В конце 1941 г. Уральский турбинный завод в Свердловске был разделен на собственно турбинный завод и дизель-моторный завод № 76 Наркомата танковой промышленности. Во второй половине 1942 г. на базе котельной завода № 76 была возведена ТЭЦ на 12 МВт.

Во-вторых, стоило ограничить строительство новых станций четырьмя-пятью объектами, что давало возможность не распылять строительные мощности на многих площадках. Именно эти объекты должны были покрыть дефицит в 400 МВт.

В-третьих, необходимо было вести строительство по максимально упрощенной схеме, ориентируясь на завозимое (эвакуированное) готовое оборудование крупных агрегатов. Это направление вызывало у комиссии наибольшие опасения, поскольку к моменту составления доклада в регион поступила лишь небольшая часть из запланированного эвакуированного оборудования. Именно этот факт, по мнению авторов доклада, мог поставить под угрозу программу расширения энергетической базы региона в 1942 г.[23]

Этот в целом оптимистичный сценарий в течение 1942 г. так и не был реализован. Строительство новых электростанций и реконструкция существующих мощностей позволили в течение 1942 г. увеличить установленную мощность объектов генерации в Молотовской, Свердловской и Челябинской областях на 23,8 %, а выработку электроэнергии на 14,1 %[24]. Следовательно, программа развития уральской энергетики, предложенная комиссией Академии наук, оказалась провалена.

Уже к началу марта 1942 г. энергетическая группа В.И. Вейца подготовила новый доклад «О неотложных мероприятиях по энергетике Урала», в первой части которого констатировала серьезные проблемы в развитии уральской энергосистемы. Отметим, что ровно в этот момент началось обсуждение вопроса присуждения Сталинской премии всему коллективу комиссии Академии наук. С ноября 1941 г. по февраль 1942 г. установленная мощность всех уральских станций в сумме выросла лишь на 60 МВт. Но в целом «рабочая мощность энергосистемы в результате ухудшения условий эксплуатации и перебоев в топливоснабжении не только не выросла, а наоборот, понизилась». В последней декаде января реальная располагаемая мощность системы доходила до 730 МГв, а в феврале систематические ограничения промышленной нагрузки составляли около 100 МВт. Приходилось ограничивать все важнейшие предприятия региона, в том числе Уральский алюминиевый завод – единственный в стране производитель алюминия[25].

Существующие исследования истории развития уральского топливного сектора показывают, что период зимы 1941–1942 гг. стал временем тяжелых испытаний для торфо- и угледобывающей промышленности региона. Во второй части доклада В.И. Вейца содержалось исследование угледобычи на Урале, где показывались серьезные проблемы: «топливо в настоящее время лимитирует работу и развитие промышленности и транспорта» в регионе[26].

Из-за нехватки топлива на этом этапе в энергетике региона сложилась катастрофическая ситуация. В отдельные дни поставки угля составляли только 50–70 % от потребности, поэтому от электроснабжения отключались даже сами копи. Только к февралю 1942 г. удалось накопить хотя бы часовые запасы угля на электростанциях[27]. В целом острота ситуации была снижена в течение весны этого года. Исследователь С.А. Баканов считает, что «проблема снабжения уральской промышленности местным энергетическим углем была практически решена уже в 1944 г.[28]». Однако и в конце военного периода дефицит топлива давал о себе знать. В первом квартале 1945 г. ряд электростанций Урала (в том числе крупнейшая в регионе – Красногорская ТЭЦ, снабжавшая энергией Уральский алюминиевый завод) не выполнил план по производству электроэнергии именно в силу дефицита топлива.

[23] РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 875. Л. 198–201.

[24] Подсчитано по: *Антуфьев А.А.* Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург: УрО РАН, 1992. С. 115. Данные А.А. Антуфьева требуют уточнения, поскольку расходятся с результатами работы уральской энергосистемы в годы войны, обнаруженными автором данной статьи в материалах архивов. Здесь они используются лишь для определения доли роста энергетических мощностей в 1942 г.

[25] РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 877. Л. 19–20.

[26] Там же. Л. 44.

[27] *Баканов С.А.* Угольная промышленность Урала: жизненный цикл отрасли от зарождения до упадка. Челябинск, 2012. С. 167–168.

[28] *Баканов С.А.* Угольная промышленность… С. 186.

Для наглядности отметим, что Красногорская ТЭЦ недодала 23 МВт/ч (5 % от плана), что составило почти две трети от годового объема электроэнергии, выработанной на ТЭЦ Уралмашзавода[29]. Следовательно, все годы войны дефицит топливодобычи был одним из основных сдерживающих факторов развития уральской энергетики.

На фоне острого дефицита топлива для уральских электростанций осенью 1942 г. начала развиваться дискуссия о путях выхода из этого положения. В качестве решения данной проблемы родилась идея начать массовое строительство на Урале малых (до 5 МВт) и средних (до 25 МВт) гидроэлектростанций. Против этого выступал один из авторов плана ГОЭЛРО, советский энергетик и гидротехник академик Б.Е. Веденеев, поддержанный руководством Наркомата электростанций. Веденеев утверждал, что строительство таких гидростанций на Урале станет неэффективным в силу малой мощности рек региона при высоких затратах на строительство, и настаивал на «форсированном вводе новых мощностей на существующих тепловых электростанциях».

Госплан, основной сторонник строительства ГЭС на Урале, стал резко возражать против мнения академика и указывал на невозможность нарастить в ближайшие два года мощность уральских теплостанций до необходимого уровня. По его мнению, требовалось увеличить установленную мощность на 700–800 МВт, тогда как реально «путем расширения существующих электростанций» можно было получить дополнительной мощности не более 350–400 МВт. В то же время Госплан прогнозировал, что в ближайшие годы невозможно будет нарастить добычу местного угля до объемов, необходимых для производства запланированного объема тепловой электроэнергии: «дефицит угля в 1943 и 1944 гг. не будет ликвидирован». Именно поэтому Госплан считал строительство ГЭС на Урале необходимым делом: проведенные им изыскания «показали хозяйственную целесообразность и техническую возможность приступа к строительству на реках Урала в ближайшее время малых и средних ГЭС общей мощностью 300–350 тыс. кВт». Возведение гидростанций имело более высокую, по сравнению с теплостанциями, экономическую составляющую, поскольку требовало меньше дефицитных материалов и оборудования, хотя и было более затратным на стадии строительства[30].

Результатом этой дискуссии стало постановление ГКО от 5 ноября 1942 г. о немедленном начале первой очереди строительства 15 малых и средних гидроэлектростанций на Урале общей мощностью 113 МВт. 8 станций необходимо было запустить в работу в 1943 г. и 7 – в 1944 г.[31] Следовательно, данное решение ГКО даже теоретически не решало проблему дефицита электроэнергии в регионе даже в перспективе двух-трех лет, но создавало массу объектов капитального строительства, требующих для их возведения колоссальных объемов ресурсов.

Уже в течение первого года строительства стало понятно, что завершить возведение уральских ГЭС в установленные сроки не удастся. Основная проблема – дефицит строительных материалов, оборудования и рабочих. Ни один из объектов не был обеспечен нужным объемом ресурсов. В Молотовской области планировалось возвести три средние гидростанции: Понышскую и Широковскую – до конца 1943 г., а Вилухинскую – к середине 1944 г. Однако дальше проведения земляных работ по первым двум продвинуться не удалось[32]. Строительство Вилухинской ГЭС, видимо, даже не начиналось. В итоге из этих трех станций была запущена только Понышская в конце 1940-х гг.

На объектах в Свердловской области (малые ГЭС) к середине 1943 г. было сделано не более 10 % от запланированных работ[33]. Радикально ситуация не изменилась и к концу года – «основные строительные работы по многим гидроэлектростанциям до сих пор не развер-

[29] Подсчитано по: ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 40. Д. 188. Л. 56.
[30] Заключенные на стройках коммунизма. ГУЛАГ и объекты энергетики в СССР: собрание документов и фотографий. М., 2008. С. 75–77.
[31] Постановление ГКО СССР № 2484 с о строительстве средних и малых гидростанций первой очереди на реках Урала. URL: https://www.prlib.ru/item/1350878 (дата обращения: 05.11.2022).
[32] Заключенные на стройках коммунизма… С. 83–84, 86.
[33] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 385. Л. 3.

нуты, проектные работы не закончены и общий объем освоенных капиталовложений находится в пределах от 5 до 20 % от сметной стоимости»[34]. В схожем состоянии находились работы в Челябинской области. Фактически на всех объектах реально велись только земляные работы, т.е. действия, которые можно было осуществлять без привлечения массы узких специалистов, строительных материалов и специальной техники. Ни один из запланированных объектов не был сдан вовремя.

В составе комиссии Академии наук действовала группа нерудных ископаемых под руководством профессора Р.Л. Певзнера и академика Э.В. Брицке, изучавшая возможности уральской промышленности по увеличению производства огнеупоров, флюсов и строительных материалов. Эта группа в части прогноза развития данной сферы констатировала, что уже в 1941 г. Урал столкнулся с дефицитом цемента. Имеющиеся мощности с помощью дополнительного оборудования гипотетически позволяли нарастить выпуск цемента к концу 1942 г. в 1,5 раза. Но и этого будет недостаточно, поэтому рекомендовалось построить в дополнение к трем действующим портландцементным заводам еще два-три новых[35].

В реальности ситуация с производством стройматериалов в целом и цемента в частности развивалась в прямо противоположном направлении: уже в 1942 г. объем выпуска рухнул в несколько раз в годовом выражении по сравнению с 1941 г. и оставался на таком уровне все военные годы. Основная проблема – острый дефицит сырья, кадров и, что очень важно для данного исследования, электроэнергии. Потребляемая нагрузка Сухоложского цементного завода находилась на уровне 2,5 МВт, но в действительности в 1942–1943 гг. он получал не более 1,4 МВт, но чаще всего работал или с ограничениями в несколько сот киловатт, или полностью останавливал производство из-за отсутствия электроэнергии[36]. Первый секретарь Свердловского обкома В.М. Андрианов в апреле 1945 г. в своем докладе секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову о результатах развития электроэнергетики области указал, что дефицит электроэнергии все годы войны продолжал существовать и заставлял ограничивать ряд отраслей промышленности региона. В частности, в условиях войны приходилось ограничивать или полностью останавливать электроснабжение сферы производства стройматериалов[37]. Следовательно, состояние энергобаланса Свердловской области (впрочем, как и всего Урала) и в середине войны, и в конце военного периода напрямую тормозило выпуск строительных материалов.

Получался замкнутый круг, поскольку именно фактор дефицита стройматериалов, в свою очередь, крайне негативно повлиял на способность уральской индустрии завершить возведение малых и средних гидроэлектростанций в установленные сроки и в нужном объеме. Уже в конце 1945 г. строители Верхотурской ГЭС[38], закончив земляные работы и выемку скальных пород, столкнулись с тем, что дальнейшие работы проводить невозможно. Из необходимых 8 тыс. т цемента им было выделено фондов только на 150–200 т (менее 2,5 %!)[39]. Здесь необходимо отметить, что по советской традиции «выделение фондов» совершенно не равнялось получению того или иного материала. Это было лишь право его получить у соответствующего поставщика, который вполне мог не иметь всего объема запрашиваемого товара или не имел его полностью. Именно поэтому выделение фондов на 150–200 т цемента для Верхотурской ГЭС нельзя рассматривать как реальное появление этого ресурса на строительной площадке.

Единственной станцией, которую удалось достроить и пустить в эксплуатацию до завершения войны, стала Алапаевская ГЭС (р. Нейва) на 2 МВт. Однако еще до ее запуска в апреле 1945 г. стало понятно, что новые мощности не смогут реально повлиять на электроба-

[34] Заключенные на стройках коммунизма… С. 83.
[35] РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 875. Л. 132.
[36] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 414. Л. 50–51.
[37] Там же. Оп. 40. Д. 188. Л. 36.
[38] По постановлению ГКО от 5 ноября 1942 г. Верхотурская ГЭС мощностью 3 МВт должна была быть запущена в эксплуатацию в январе 1944 г. Гидростанция была введена в эксплуатацию только в 1949 г.
[39] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 40. Д. 188. Л. 69–70.

ланс Алапаевска. Ожидалось, что после пуска новой домны[40] на Алапаевском металлургическом заводе общая нагрузка города возрастет до 8 МВт. Новая ГЭС и два маломощных тепловых генератора на заводе давали в сумме не более 2,5 МВт. Поэтому уже в январе 1945 г., накануне начала работы гидростанции, в справке сектора по электростанциям Свердловского обкома было указано о необходимости монтажа на Алапаевском заводе третьего турбогенератора на 3–5 МВт[41]. После двух лет строительства гидростанции на р. Нейве выяснилось, что ее возможности совершенно недостаточны и необходим гораздо более мощный источник генерации, которой бы стал основным производителем энергии для всего Алапаевского узла.

К 1945 г. две крупнейшие станции Урала – Краногорская ТЭЦ и Среднеуральская государственная районная электростанция (СУГРЭС) вышли на проектные мощности в 256 и 200 МВт соответственно[42]. Развитие этих и других объектов в единой свердловской системе позволили поднять установленную мощность в шинах «Свердловэнерго» до 750 МВт[43]. Тогда как по плану группы В.И. Вейца уже к концу 1942 г. суммарная мощность Тагильского и Средне-Уральского районов (управление «Сверловэнерго» появилось летом 1942 г.) должна была составлять 855 МВт (подсчитано по данным табл. 1). Электроэнергетика региона к концу военного периода смогла только приблизиться к уровню энерговооруженности, спрогнозированного комиссией Академии наук, но так и не достигла его. Летом 1945 г. Свердловский обком ВКП(б) прогнозировал, что к концу года в связи с продолжающимся ростом промышленного производства дефицит мощности по области возрастет до 73 МВт, а в следующем году – до 141 МВт[44].

В целом комиссия под руководством В.Л. Комарова осенью 1941 г. предприняла комплексный и достаточно тщательный анализ состояния уральской промышленности. Необходимо признать, что на сегодняшний день материалы комиссии являются единственным источником, позволяющим судить об уровне развития производительных сил региона в условиях его перехода на массовый выпуск вооружений в годы Великой Отечественной войны. Тогда в целом удалось верно определить основные достоинства и недостатки уральской экономики по состоянию на осень 1941 г. В этом заключается главный положительный итог работы комиссии Академии наук на Урале. По-прежнему остается неясным вопрос о том, насколько советское руководство восприняло программу, предложенную академической наукой, как руководство к действию. Однако мы с уверенностью можем утверждать, что в течение военного периода региональная индустрия развивалась именно в направлении удвоения своего промышленного потенциала, спрогнозированного Комиссией, прежде всего в той части, которая напрямую или косвенно обеспечивала выпуск продукции военного назначения. Но срок достижения заданных результатов, предложенный командой В.Л. Комарова, был совершенно недостаточным.

Прогноз экономического развития Урала оказался нереализованным по отраслям, которые являлись определяющими: электроэнергетика и угледобыча. Группа исследователей под руководством В.И. Вейца представила амбициозный план развития электроэнергетики региона. Планировалось увеличить энерговооруженность Урала в течение одного года более чем в два раза, что должно было быть обеспечено, с одной стороны, соответствующим ростом топливодобычи, с другой – поступлением оборудования и строительных ресурсов для возведения новых мощностей и реконструкции старых. Причем уже весной 1942 г. было понятно, что реализация плана Академии наук в части развития уральского топливно-энергетического комплекса становится все менее вероятной. Однако это не помешало комиссии претендовать на Сталинскую премию и получить ее в апреле 1942 года. К осени 1942 г. стало очевидно, что достигнуть уровня топливодобычи, обозначенного в докладе комиссии, будет нереально даже в ближайшие годы. Более того, угледобывающая отрасль не могла обеспечивать на должном уровне даже текущие нужды региональной энергетики. Последняя вплоть до конца

[40] Пуск новой домны состоялся в конце 1946 г.
[41] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 40. Д. 188. Л. 59.
[42] Там же. Л. 16.
[43] Там же. Л. 36.
[44] Там же.

войны испытывала дефицит топлива, который часто приводил к невозможности выполнить плановые объемы производства электроэнергии.

Идея Госплана решить вопрос дефицита топлива через строительство гидроэлектростанций на Урале оказалась не просто провалена, а привела к отрицательным результатам, поскольку ресурсы, использованные на возведение малых и средних ГЭС, оказались потрачены впустую. Значительная часть станций достраивалась в послевоенные годы, а другие так и не были достроены. Основная причина – слабость ресурсов строительной сферы, усиленная резким сокращением производства стройматериалов. Именно в этой части прогноза комиссии Академии наук мы можем видеть не умеренный рост, как в случае электроэнергетики и угледобычи, а резкое падение объемов производства по сравнению с довоенным периодом. По причине дефицита стройматериалов также не появилось ни одной новой крупной теплоэлектростанции.

В результате вся уральская энергетика развивалась только в рамках тепловой генерации и преимущественно на существующих объектах. Возникновение некоторых новых станций (например, Алапаевской ГЭС или ТЭЦ завода № 76 Наркомата танковой промышленности СССР) не имело заметного значения, поскольку они радикально не повлияли на положительное изменение энергетического баланса в том или ином районе. Более того, уральская энергосистема подошла к концу военного периода ровно в том же состоянии, в котором находилась в первые полгода войны – постоянная угроза нарастания дефицита энергогенерирующих мощностей и недостаток топлива. Таком образом, уральская энергосистема испытывала дефицит мощности все военные годы и вынуждена была ограничивать все невоенные производства и сферу жилищно-коммунального хозяйства, направляя основные ресурсы предприятиям, выпускающим военную и связанную с ней продукцию.

Как в планах комиссии Академии наук, так и в реальном развитии экономики Урала отразились характерные черты народного хозяйства сталинской эпохи, серьезно усугубленные войной, а именно амбициозное планирование, распыление ресурсов на реализацию сомнительных проектов, долгострой, работа в условиях мобилизации на пределе возможностей, решение широкого спектра производственных и государственных задач за счет снижения качества жизни населения.

Литература

Адамеску А.А. Выдающийся организатор науки: к 145-летию со дня рождения академика В.Л. Комарова // Современные производительные силы. 2014. № 3. С. 160–171.

Антуфьев А.А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург: УрО РАН, 1992. 338 с.

Баканов С.А. Угольная промышленность Урала: жизненный цикл отрасли от зарождения до упадка. Челябинск: Энциклопедия, 2012. 328 с.

Богатов В.В., Урмина И.А. Академик Комаров и его время (к 150-летию со дня рождения академика В.Л. Комарова). Владивосток: Дальнаука, 2020. 464 с.

Воронцова Е.В., Рыбкина Н.П. История советской науки в современном музейном пространстве: академик В.Л. Комаров // Социология науки и технологий. 2016. Т. 7, № 1. С. 63–73.

Гракина Э.И. Ученые – фронту, 1941–1945. М.: Наука, 1989. 256 с.

Заключенные на стройках коммунизма. ГУЛАГ и объекты энергетики в СССР: собрание документов и фотографий. М.: РОССПЭН, 2008. 448 с.

Илизаров С.С. История науки в жизни и деятельности академика В.Л. Комарова // Историко-биологические исследования. 2020. Т. 12, № 4. С. 38–67.

Каплюков В.В., Яркова Е.И. К вопросу о степени изученности истории работ комиссии Академии наук СССР по мобилизации ресурсов Урала на нужды обороны страны // Документ. Архив. История. Современность: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. / гл. ред. Л.Н. Мазур; отв. ред. Т.В. Соловьева. Екатеринбург: УрФУ, 2016. С. 358–363.

Князев Г.А., Кольцов А.В. Краткий очерк истории Академии наук СССР. Изд. 3, доп. М., Л.: Наука, 1964. 224 с.

Костюк В.В. Академия наук СССР в годы войны // Вестник Российской академии наук. 2005. Т. 75, № 11. С. 975–983.

Красильников С.А. Наука как мобилизационный ресурс: деятельность «комиссии В.Л. Комарова» в Западной Сибири в 1942–1943 годах // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2013. Т. 12, № 8. С. 146–152.

Левшин Б.В. Академия наук СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). М.: Наука, 1966. 188 с.

Левшин Б.В. Советская наука в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1983. 382 с.

Сафронов А.А. Конфликт в Академии наук СССР: В.Л. Комаров – О.Ю. Шмидт – И.В. Сталин (1941–1942) // Документ. Архив. История. Современность. 2009. № 10. С. 128–149.

References

Adamesku, A.A. (2014). Vydayushchiysya organizator nauki: k 145-letiyu so dnya rozhdeniya akademika V.L. Komarova [Outstanding Organizer of Science: On the 145th Anniversary of the Birth of Academician V.L. Komarov]. In *Sovremennye proizvoditelnye sily*. No. 3, pp. 160–171.

Antufyev, A.A. (1992). *Uralskaya promyshlennost nakanune i v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Ural Industry on the Eve and During the Great Patriotic War]. Yekaterinburg, UrO RAN. 338 p.

Bakanov, S.A. (2012). *Ugolnaya promyshlennost Urala: zhiznennyy tsikl otrasli ot zarozhdeniya do upadka* [Coal Industry of the Urals: The Life Cycle of the Industry from Inception to Decline]. Chelyabinsk, Entsiklopediya. 328 p.

Bogatov, V.V., Urmina, I.A. (2020). *Akademik Komarov i ego vremya (k 150-letiyu so dnya rozhdeniya akademika V.L. Komarova)* [Academician Komarov and His Time (To the 150th Anniversary of the Birth of Academician V.L. Komarov)]. Vladivostok, Dalnauka. 464 p.

Vorontsova, E.V., Rybkina, N.P. (2016). Istoriya sovetskoy nauki v sovremennom muzeynom prostranstve: akademik V.L. Komarov [The History of Soviet Science in the Modern Museum Space: Academician V.L. Komarov]. In *Sotsiologiya nauki i tekhnologiy*. Vol. 7, No. 1, pp. 63–73.

Grakina, E.I. (1989). *Uchenyye – frontu* [Scientists to the Front]. 1941–1945. Moscow, Nauka. 256 s.

(2008). *Zaklyuchennyye na stroykakh kommunizma. GULAG i obyekty energetiki v SSSR: sobraniye dokumentov i fotografiy* [Prisoners on the Construction Sites of Communism. GULAG and Energy Facilities in the USSR: Collection of Documents and Photographs]. Moscow, ROSSPEN. 448 p.

Ilizarov, S.S. (2020). Istoriya nauki v zhizni i deyatelnosti akademika V.L. Komarova [The History of Science in the Life and Work of Academician V.L. Komarov]. In *Istoriko-biologicheskie issledovaniya*. Vol. 12, No. 4, pp. 38–67.

Kaplyukov, V.V., Yarkova, E.I. (2016). K voprosu o stepeni izuchennosti istorii rabot komissii Akademii nauk SSSR po mobilizatsii resursov Urala na nuzhdy oborony strany [On the Question of the Degree of Study of the History of the Work of the Commission of the Academy of Sciences of the USSR on the Mobilization of Resources of the Urals for the Needs of the Country's Defense]. In *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost. Materialy VI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Glavnyy redaktor L.N. Mazur. Otvetstvennyy redaktor T.V. Solovyeva. Yekaterinburg, UrFU, pp. 358–363.

Knyazev, G.A., Koltsov, A.V. (1964). *Kratkiy ocherk istorii Akademii nauk SSSR* [A Brief Outline of the History of the Academy of Sciences of the USSR]. Izd. 3., dop. Moscow, Leningrad, Nauka. 224 p.

Kostyuk, V.V. (2005). Akademiya nauk SSSR v gody voyny [Academy of Sciences of the USSR During the War]. In *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*. Vol. 75, No. 11, pp. 975–983.

Krasilnikov, S.A. (2013). Nauka kak mobilizatsionnyy resurs: deyatelnost “komissii V.L. Komarova” v Zapadnoy Sibiri v 1942–1943 godakh [Science as a Mobilization Resource: The Activities of the V.L. Komarov Commission in Western Siberia in 1942–1943]. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. filologiya*. T. 12, No. 8, pp. 146–152.

Levshin, B.V. (1966). *Akademiya nauk SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gg.)* [Academy of Sciences of the USSR During the Great Patriotic War (1941–1945)]. Moscow, Nauka. 188 p.

Levshin, B.V. (1983). *Sovetskaya nauka v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Soviet Science During the Great Patriotic War]. Moscow, Nauka. 382 p.

Safronov, A.A. (2009). Konflikt v Akademii nauk SSSR: V.L. Komarov – O.Yu. Shmidt – I.V. Stalin (1941–1942) [Conflict in the Academy of Sciences of the USSR: V.L. Komarov – O.Y. Schmidt – I.V. Stalin (1941–1942)]. In *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost*. No. 10, pp. 128–149.

Е.Н. Беневаленская*

ПИОНЕРСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ И ФОРМИРОВАНИЕ СОВЕТСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В 1945–1955 ГОДАХ

doi:10.31518/2618-9100-2022-6-9
УДК 94:338(470.7)"1880/1917"

Выходные данные для цитирования:
Беневаленская Е.Н. Пионерская организация Алтайского края и формирование советской идентичности в 1945–1955 годах // Исторический курьер. 2022. № 6 (26). С. 124–134. URL: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-6-09.pdf

E.N. Benevalenskaya*

PIONEER ORGANIZATION OF THE ALTAI KRAI AND THE FORMATION OF SOVIET IDENTITY IN 1945–1955

doi:10.31518/2618-9100-2022-6-9

How to cite:
Benevalenskaya E.N. Pioneer Organization of the Altai Krai and the Formation of Soviet Identity in 1945–1955 // Historical Courier, 2022, No. 6 (26), pp. 124–134. [Available online: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-6-09.pdf]

Abstract. The 100th anniversary of the Pioneers, celebrated this year, actualizes the problem of the role of this children's organization in the history of our country. In the article, for the first time, on the basis of regional materials, the mechanisms of implementing the state project for the formation of Soviet identity in the activities of the pioneer associations of Altai in 1945–1955 are considered. The value of the considered practices of constructing civic identity lies in the fact that their implementation was part of a large-scale and unique experiment in the world of incorporating Soviet rituals and traditions into the everyday life of children and youth. The methodological basis of the work was social-constructivist, process-relational and cultural approaches applied to the study of the phenomenon of memory in the problem field of Memory Studies. The source base of the article includes the normative documents of the Central Committee of the All-Union Leninist Communist Youth Union, office materials of its organizations in the region from the fonds of the State Archives of the Altai Krai. The analysis of the reports of the departments of pioneers and school youth of the Komsomol was supplemented by the study of information and certificates on inspections of the work of children's associations by the regional, city and district committees of the Communist Party and the involvement of press materials about their activities in Altai. During the study, in relation to the goals of ideological policy of the Soviet Union, the tasks and directions of the restored pioneer movement were revealed. The process of introducing all-Soviet symbols, rituals and commemorations into children's everyday life, called to instill civic identity, is shown. It has been established that turning to the past was an important mechanism for the formation of patterns of self-identification of the younger generation in the pioneer organization of the Altai Krai. Positive factors in the formation of life orientations for children and teenagers were examples of the fates of veterans of two wars, pilots, scientists and researchers, and highly qualified specialists from enterprises of the region.

Keywords: pioneer organization, socialization, Soviet identity, memory, Altai Krai, post-war decade.

The article has been received by the editor on 07.07.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Евгения Николаевна Беневаленская,** кандидат исторических наук, Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия, e-mail: rabota-ben11@yandex.ru
Evgeniya Nikolaevna Benevalenskaya, Candidate of Historical Sciences, Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia, e-mail: rabota-ben11@yandex.ru

Аннотация. 100-летний юбилей пионерии в текущем году актуализирует проблему роли этой детской организации в истории СССР. В статье на региональных материалах впервые определены механизмы реализации государственного проекта формирования советской идентичности в деятельности пионерских объединений Алтая в 1945–1955 гг. Ценность рассмотренных практик конструирования идентичности заключается в том, что их воплощение являлось частью широкомасштабного уникального эксперимента включения советских ритуалов и традиций в повседневную жизнь детей и юношества. Методологическую основу работы составили социально-конструктивистский, процессно-реляционный и культурологический подходы, применяемые к изучению феномена памяти в проблемном поле Memory Studies. Источниковая база статьи включает нормативные документы Центрального комитета ВЛКСМ, делопроизводственные материалы его организаций в регионе из фондов Государственного архива Алтайского края. Анализ отчетов отделов пионеров и школьной молодежи ВЛКСМ был дополнен изучением информаций и справок о проверках краевым, городскими и районными комитетами коммунистической партии работы детских объединений и привлечением материалов прессы об их деятельности на Алтае. В ходе исследования во взаимосвязи с целями идеологической политики Советского Союза раскрыты задачи и направления пионерского движения. Показан процесс внедрения в детскую повседневность общесоветской символики, ритуалов и коммемораций, призванных прививать советскую идентичность. Установлено, что обращение к прошлому являлось важным механизмом формирования образцов самоидентификации молодого поколения в пионерской организации Алтайского края. Положительными факторами формирования жизненных ориентиров детей и подростков являлись примеры судеб ветеранов двух войн, летчиков, ученых и исследователей, высококлассных специалистов предприятий региона.

Ключевые слова: пионерская организация, социализация, советская идентичность, память, Алтайский край, послевоенное десятилетие.

Статья поступила в редакцию 07.07.2022 г.

100-летний юбилей пионерии в текущем году актуализирует проблему роли этой детской организации в истории СССР. Исследователи, проводившие ретроспективные интервью в регионах, установили существенное воздействие социализации в пионерско-комсомольских объединениях на самосознание различных поколений российских граждан[1]. В советской историографии подчеркивались массовый характер пионерской организации и положительная роль государства в ее развитии[2]. Работы последних десятилетий XXI в. отличает внимание к вопросам детской повседневности, социализации и самоопределения подростков в школах и государственно-общественных объединениях[3]. Исследователь политики памяти в Сибири Е.И. Красильникова рассмотрела конструирование идеологических образов прошлого в коммеморациях пионеров и комсомольцев послереволюционных десятилетий[4]. Польский автор Е. Моравецки выявил влияние «советской обрядности» в детских коллек-

[1] В частности, этот вопрос раскрыт на материалах Московской и Саратовской областей в книге: *Рейли Д.* Советские бэйби-бумеры. Послевоенное поколение рассказывает о себе и о своей стране. М., 2015.

[2] См.: *Яковлев В.Г.* Рождение Пионерской организации имени В.И. Ленина. М., 1962; и др.

[3] *Зиберт Н.П.* Антирелигиозная деятельность комсомольских и пионерских организаций на Алтае в 1920-е гг. // Известия Алтайского государственного университета. Исторические науки и археология. 2017. № 5 (97). С. 44–48; *Перова М.А.* Пространство детской повседневности в Советской России 1920–1930-х гг. (на примере Курганского и Шадринского округов) // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2018. № 3 (42). С. 107–115; *Козлова А.В.* Как воспитать пионеров самостоятельными и инициативными: педагогические тактики «Артека» и «Орленка» (1957–1991) // Антропологический форум. 2020. № 45. С. 75–115; и др.

[4] См.: *Красильникова Е.И.* Помнить нельзя забыть… Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 – середина 1941 г.). Новосибирск, 2015. С. 26–27, 72–74, 112–114, 131–133, 214–215; и т.д.

тивах на религиозные убеждения россиян «поколения прорыва» (1970–1980-х гг.) крупных сибирских городов Томска, Красноярска, Улан-Удэ[5]. Вместе с тем исследования проблемы конструирования идентификационных образцов в практиках пионерской организации Алтайского края послевоенного периода еще не проводились.

Цель статьи: определить на региональных материалах механизмы реализации государственного проекта формирования советской идентичности в деятельности пионерских объединений Алтая в 1945–1955 гг. Особенность рассматриваемого в работе периода заключается в искоренении советским государством, начиная с 1930-х гг., альтернативных официальному нарративу версий прошлого, существовавших в профессиональных, религиозных, этнических, семейных и других группах. С этого времени нормативное конструирование исторической памяти становится фактически единственным механизмом формирования гражданской идентичности в СССР, а иные способы самоидентификации рассматривались как враждебные и карались[6].

Методологическую основу работы составили социально-конструктивистский, процессно-реляционный и культурологический подходы, применяемые к изучению феномена памяти в проблемном поле Memory Studies[7]. Развивая теоретические положения Е.И. Красильниковой, мы понимаем под термином «коллективная память» ментальную карту представлений о прошлом, существующую в общественном сознании определенной группы на конкретном пространственно-временном этапе и подверженную постепенной реконфигурации[8]. На память оказывают влияние социально-культурный контекст, средства трансляции воспоминаний, формы поддержания ретроспективных образов, доминирующий дискурс мемориальной политики[9]. Значимым инструментом поддержания коллективной солидарности выступают коммеморации общества, в которых продуцируется, фиксируется и транслируется память о прошлом[10].

Источниковую базу статьи составили нормативные документы Центрального комитета ВЛКСМ, делопроизводственные материалы его краевой, городских и районных организаций из фондов Государственного архива Алтайского края. Анализ отчетов отделов пионеров и школьной молодежи ВЛКСМ был дополнен изучением информаций и справок о проверках парткомами ВКП(б) – КПСС работы детских объединений. В комплексе с привлечением материалов прессы это позволило выявить в деятельности пионерской организации Алтая механизмы формирования советской идентичности.

Основные задачи и направления идеологической политики в 1945–1955 гг. определяли постановления ЦК ВКП(б) – КПСС и материалы публичных выступлений представителей центральной власти. Укреплять национальное единство предполагалось с опорой на патриотические чувства населения вокруг идей подвига в годы Великой Отечественной войны, памяти о прославивших страну деятелях и событиях отечественной истории, о героях

---

[5] *Morawiecki Jędrzej*. Октябрята, пионеры, комсомольцы – pierwsze wzruszenia duchowe, erozja ideologiczna i kontestacja w wywiadach biograficznych rosyjskiego „pokolenia przełomu” // Studenckie Prace Prawnicze, Administratywistyczne i Ekonomiczne. 2021. Vol. 38. P. 171–188.

[6] *Ионов И.Н.* Имперские, цивилизационные и формационные образы России XIX–XX века: память и идентичность в советской и постсоветской России // Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности. М., 2020. С. 83.

[7] См.: *Репина Л.П.* Введение // Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности. М., 2020. С. 5–10; *Федотова Н.Г.* Практики городской коммеморации: особенности формирования культурной памяти города // Вестник Томского государственного университета. Сер.: Культурология и искусствоведение. 2020. № 39. С. 130–142; *Olick J., Sier A., Wuestenberg J.* The Memory Studies Association: Ambitions and Invitation // Memory Studies. 2017. Vol. 10, No. 4. P. 490–494; и др.

[8] *Красильникова Е.И.* Мемориальное пространство Новосибирска в исторической динамике (1893–2000 гг.) // Вестник Томского государственного университета. Сер.: История. 2019. № 61. С. 33.

[9] *Линченко А.А.* Коммеморативные практики и массовое историческое сознание: методологический аспект // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Философия. 2015. № 2. С. 117.

[10] *Красильникова Е.И., Вальдман И.А.* Политика памяти: исторические символы и коммеморативные практики в системе социально-политической саморегуляции Сибирского региона в XX – начале XXI вв. // Вестник Самарского университета. Сер.: История, педагогика, филология. 2020. Т. 26, № 1. С. 49.

Октябрьской революции[11]. В послевоенный период советские властные инстанции усилили внимание к задачам конструирования идентичности подрастающего поколения под контролем государства. Обычными местами проведения советскими детьми досуга были дворы и улицы в городах и селах, колхозные поля, где ребенком стихийно усваивались образцы поведения, отклоняющегося от официальных норм воспитания[12]. После Второй мировой войны остро стояла проблема социализации оставшихся без родителей беспризорников. В стране началось восстановление деятельности пионерских организаций на бывших оккупированных территориях[13]. В.А. Кудинов установил, что их возрождение шло медленно. По его подсчетам, к 1948 г. в 30 тыс. школ Советского Союза вообще не было пионерских организаций. Это касалось не только бывших оккупированных, но и тыловых территорий. Так, к окончанию Великой Отечественной войны в Новосибирской области треть школ не имела пионерских дружин[14]. Подобная ситуация сложилась и в Алтайском крае. Если в 1939 г., по данным Т.С. Майоровой, в рядах краевой организации было 159 266 пионеров[15], то на 1 января 1947 г. она объединяла только 99 677 учащихся[16].

Изначально в 1920-е гг. Всесоюзное пионерское движение создавалось для вовлечения детей и подростков в политическую деятельность – для участия наряду со старшими в распространении среди населения революционных идеалов и обеспечения лояльности советской власти[17]. Со второй половины 1940-х гг. в советских официальных документах наметился пересмотр сложившихся подходов к воспитательным практикам в пионерских организациях. ЦК ВЛКСМ были приняты постановления, призванные восстановить и адаптировать к условиям мирной жизни работу детских объединений, определить цели и содержание внеучебных занятий пионеров. Комсомольским органам давалось указание не допускать подмены воспитательного процесса привлечением учащихся к политико-просветительным мероприятиям, перегрузки общественно-полезным трудом в ущерб обучению и здоровью. Рекомендовалось расширить детскую самостоятельность и инициативу, возможности для самореализации. Вновь вводилась выборность пионерского актива, предусматривалось применение вожатыми методов и форм сплочения и взаимодействия коллектива ребят, учитывающих их возрастные особенности и интересы.

В повседневную жизнь ребенка организацией целенаправленно внедрялась «детская обрядность» – символика, ритуалы, коммеморации, обеспечивающие формирование социалистических ценностей[18]. В принятых ЦК ВЛКСМ постановлениях[19] были обозначены методы конструирования советской идентичности детей и подростков: посвящение в пионеры, ежемесячные тематические и торжественные сборы отрядов и дружин, коллективные просмотры и обсуждения кинофильмов и спектаклей, выпуск стенгазет. Важной частью формирования образцов самоидентификации молодого поколения являлось обращение к прошлому в мероприятиях к официальным юбилеям и праздничным датам, популярных беседах и докладах о революционном движении, большевистской партии и биографиях ее лидеров, истории страны, комсомола и пионеров, экскурсиях и походах по изучению родных мест.

---

[11] *Беневаленская Е.Н., Демин М.А.* Активизация лекционной политико-просветительной работы на Алтае в послевоенный период // Вестник Омского государственного университета. Сер.: Исторические науки. 2022. № 1. С. 86.

[12] *Кэлли К.* Быт: идентичность и повседневная жизнь // Национальная идентичность в русской культуре. М., 2017. С. 187–188.

[13] С 1947 г. понижался возраст приема в организацию с девяти лет, до этого в пионеры посвящали с 10 лет.

[14] *Кудинов В.А.* История детского и юношеского движения в России. Кострома, 2017. С. 141.

[15] *Майорова Т.* Листая летопись пионерии Алтая. Барнаул, 1974. С. 47.

[16] Справка отдела школ Алтайского крайкома ВКП(б) о состоянии комсомольской и пионерской работы в школах края. Февраль 1947 г. // Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф.П-1. Оп. 30. Д. 159. Л. 5 об.

[17] *Димке Д.В.* Незабываемое будущее: советская педагогическая утопия 1960-х годов. М., 2018. С. 73.

[18] *Morawiecki Jędrzej.* Октябрята, пионеры, комсомольцы… P. 172.

[19] Постановление ЦК ВЛКСМ от 13 марта 1947 г. «Об улучшении работы пионерской организации» // Директивы и документы по вопросам пионерского движения. М., 1959. С. 84–88; Постановление VII Пленума ЦК ВЛКСМ (октябрь 1951 г.) «О работе пионерской организации им. В.И. Ленина» // Директивы и документы… С. 96–111.

Методические и педагогические наработки, отвечавшие государственным задачам социализации подрастающего поколения с помощью различных направлений и форм досуга, публиковались во всесоюзном печатном органе детского движения «Пионерская правда», специализированных изданиях для его руководителей – журналах «Вожатый», «Затейник», «Комсомольская жизнь» и др.[20] Жесткая вертикаль власти обязывала основывать деятельность пионерских объединений на инструкциях центра по вопросам воспитания. Это подтверждает анализ хранящихся документов в фонде Алтайского института усовершенствования учителей, координировавшего внеклассную и внешкольную работу в крае[21]. Папка с методическими материалами за 1945 – начало 1950-х гг. содержит вырезки из газеты «Пионерская правда».

С момента создания организации красный галстук и значок пионера были персональными символами, подтверждающими престиж членства в ней. Символическую коннотацию также имели важнейшие атрибуты детского движения – знамена дружин и флажки отрядов, цвет которых означал кровь борцов, пролитую за советскую власть. По замыслу идейных руководителей движения, торжественная клятва при посвящении в пионеры, давая право нести звание последователей революционеров, налагала на них обязанность выполнять поставленные партией задачи[22].

По оценкам А.А. Слезина, в ритуалах молодежных движений успешно адаптировалось смысловое поле символов большевистской партии к особенностям традиционной культуры населения. Сакральное значение вождя революции В.И. Ленина, портреты которого размещались в пионерских комнатах, умело использовалось в формировании у подрастающего поколения в школах и детских домах страны восприятия фигуры И.В. Сталина как его единственного преемника[23]. В Алтайском крае во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. вокруг образов коммунистических вождей строились вербальные коммеморации подростков: беседы и доклады ко дню рождения И.В. Сталина, «Без Ленина по ленинскому пути», «Комсомол трижды орденоносный»; тематические сборы «Как учился Ленин», «Заботой согреты миллионы сердец – Сталин любимый вождь и отец» и др. Проводились сборы пионерских отрядов и дружин к годовщинам Октябрьских событий, торжественные костры «Сталин – друг детей» и т.п.[24]

Изучение справок о проверках работы пионерских организаций Алтая первых послевоенных лет инспекторами крайкома ВЛКСМ показывает, что к 1951 г. в торговых пунктах районов имелось недостаточно пионерской символики. В ряде из них не продавалось пионерских галстуков, в Горно-Алтайской автономной области в текущем учебном году не было пионерских знамен, горнов и барабанов[25]. Проверяющие выявили школы в крае, где пионеры не носили галстук и значок, не отдавали салют при встрече друг с другом. Серьезные трудности возникли в приобщении детей и подростков аборигенных народов Горного Алтая к символике и ритуалам организации: инспекторы заключили, что в аймаках области пионеры «ничем не выделяются среди учащихся»[26].

На Алтае не хватало кадров обученных вожатых. Не могли перестроить работу в соответствии с целями движения в мирное время сотрудники Дома пионеров Барнаула. В справке по результатам проверки учреждения за 1951 г. подчеркивалось «одностороннее увлечение самодеятельными концертами в городе», на которых задействовали ребят, вместо организации для них торжественных костров и вечеров к знаменательным датам[27]. Отсутствие работ-

[20] *Головин Ю.А., Коханая О.Е.* Детско-юношеские общественные движения и отечественная периодика как факторы ценностного самоопределения личности // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 2. С. 137.
[21] ГААК. Ф. Р-1150. Оп. 1. Д. 58. Л. 73–95.
[22] Пионерская символика // Книга вожатого / сост. В. Губарев, А. Гусев. М., 1950. С. 37–44.
[23] *Слезин А.А.* «Новые верующие»: дела и иллюзии // Тамбовский комсомол: грани истории. Тамбов, 2008. Т. 1 (1918–1945) [Электронный ресурс]. URL: http://krotov.info/history/20/1920/slezin.htm (дата обращения: 30.06.2022).
[24] ГААК. Ф. П-1. Оп. 30. Д. 159. Л. 8–9; Ф. П-10. Оп. 45. Д. 69. Л. 47; Ф. П-54. Оп. 2. Д. 288. Л. 11–11 об.
[25] ГААК. Ф. П-1. Оп. 90. Д. 224. Л. 9, 11–20.
[26] ГААК. Ф. П-1. Оп. 30. Д. 114. Л. 16; Оп. 90. Д. 224. Л. 22–25.
[27] ГААК. Ф. П-1. Оп. 90. Д. 224. Л. 83; Ф.П-10. Оп. 31. Д. 202. Л. 6–7 об.

ников и оборудования в Алтайской краевой детской экскурсионно-туристической станции не позволило вплоть до 1952 г.[28] проводить с пионерами походы по родному краю, которые с 1946 г. реализовывались в центральных российских регионах[29].

Отдаленность во времени Октябрьской революции постепенно приводила к потере актуальности и забвению посвященных этим событиям практик и ритуалов[30]. Это осознавали идеологи детского движения. В октябре 1951 г. на VII Пленуме ЦК ВЛКСМ критиковалась управленческая практика пионерско-комсомольских структур Алтайского края и были даны конкретные предписания по внедрению в повседневную жизнь организации форм и приемов работы с детскими коллективами, аккумулирующих исторический опыт[31]. К середине 1950-х гг. укрепилась материально-техническая база краевой школы пионервожатых, в Горно-Алтайской автономной области были построены три Дома пионеров[32], в школах края открывались комнаты и залы, презентовавшие собранные поисковыми отрядами учащихся материалы на военно-патриотическую тему[33]. В пионерской организации Алтая на 1954 г. состояло 187 510 школьников[34].

Конструирование самоидентификации детей и подростков страны должно было строиться путем приобщения к идеям советской концепции патриотизма. Переживания миллионами граждан страны потрясений Великой Отечественной войны поставили в центр коллективной памяти увековечение подвигов и жертв героев фронта и тыла. В коммеморативных практиках пионерских организаций Алтая, как и в советской культуре в целом, создавалось романтизированное изображение ветеранов и военных действий[35]. На отрядных сборах ребятам рассказывали о героях-панфиловцах, героях Краснодона, героях-мучениках науки, а также о пионерах и комсомольцах, ставших символами героизма в борьбе за защиту Отечества (Зое Космодемьянской, Александре Матросове, Юрии Смирнове и др.)[36].

Общесоюзным начинанием стало присвоение пионерским отрядам и дружинам имен комсомольцев – Героев Советского Союза. В честь Зои Космодемьянской называлась дружина школы № 11 г. Бийска, в школе № 7 г. Камня-на-Оби один из отрядов носил имя Олега Кошевого[37]. Эмоциональное воздействие на детей были призваны оказывать визуальные коммеморации. В Алтайском крае, как и в других регионах страны, организовывались коллективные просмотры с последующим обсуждением пионерами советских фильмов «Она защищает Родину» (1943), «Рядовой Александр Матросов» (1947), «У них есть Родина» (1949), «Смелые люди» (1950), «Застава в горах» (1953) и других кинокартин, рисовавших воображению школьников романтический образ войны[38]. Эти примеры иллюстрируют тезис о широком использовании государством средств пропаганды в целях внушения гражданам идеи, что в СССР каждый может быть героем[39].

Во второй половине 1940-х гг. отрядные сборы проводились по темам: «Молодежь в борьбе за мир», «Боевой путь комсомола», «Герои-комсомольцы», «Знания нужны как винтовка в бою» и т.п. 6 июня 1950 г. во дворе Ребрихинского детского дома № 1 на районном пионерском слете сотни юношей и девушек дали клятву следовать примеру Павлика

[28] ГААК. Ф. П-1. Оп. 90. Д. 224. Л. 88.
[29] Всесоюзная пионерская организации имени В.И. Ленина… С. 24–25.
[30] *Красильникова Е.И.* Помнить нельзя забыть… С. 185–186.
[31] На Пленуме было принято постановление «О руководстве Алтайского крайкома ВЛКСМ работой комсомольских и пионерских организаций школ» [За боевую работу комсомольских и пионерских организаций школ // Сталинская смена. 1952. 20 февр. С. 1].
[32] *Беликова А.П.* Славный путь пионерии Горного Алтая. Очерки. Горно-Алтайск, 1983. С. 41.
[33] *Лапшина С.В.* Всегда готовы! Бийск, 2020. С. 65.
[34] *Майорова Т.* Листая летопись пионерии Алтая… С. 82.
[35] Юные путешественники. По следам Великой Отечественной войны // Книга вожатого… С. 197–198.
[36] ГААК. Ф. П-1. Оп. 30. Д. 159. Л. 5–6; Оп. 90. Д. 224. Л. 15; Ф.П-54. Оп. 2. Д. 288. Л. 4–4 об.
[37] ГААК. Ф. Р-1150. Оп. 1. Д. 58. Л. 107; *Лапшина С.В.* Всегда готовы! … С. 65.
[38] ГААК. Ф. П-10. Оп. 45. Д. 69. Л. 50–52.
[39] *Савин А.И.* Путешествия советского героя // Новое прошлое. 2019. № 1. С. 216–217.

Морозова. Пропагандистский миф преподносил образ советского мальчика как борца за идеалы коммунизма. В торжественной обстановке были возложены цветы к его памятнику[40].

Динамика политики памяти в СССР послевоенного периода заключалась в эволюции исторических символов мемориальных практик, названных Я. Ассманом «фигурами воспоминаний», и смыслов, которые им придавались. Британский исследователь советской визуальной культуры К.И. Макколлум показала постепенную смену тем и мотивов вооруженной борьбы и трудовых баталий за строительство социализма обращением к элементам и местам пространства повседневности, напоминающим о глобальном сталинском триумфе, обеспечившем благополучную жизнь населению[41]. В частности, на Алтае в первой половине 1950-х гг. милитаризация риторики торжественных вечеров и праздников детского движения сменяется трансляцией дискурса о мирных сюжетах в истории советского государства. Наглядным примером является содержание пионерского сбора, проведенного 9 июня 1952 г. в 5 «А» классе средней школы № 11 Барнаула. Ребята читали стихотворение В.И. Лебедева-Кумача «Советский простой человек», строки из которого передают квинтэссенцию официальной версии памяти о послевоенном времени, исключающую упоминания о травмах и тяготах этих лет: «Цветет красотой небывалой / Народного счастья весна, / Всемирной надеждою стала / Советская наша страна». Если в 1940-е гг. образ одного из идеалов пионеров З. Космодемьянской связывали с ее военными подвигами, то теперь вожатая рассказывала школьникам о Зое как примере упорства и настойчивости ученицы в овладении знаниями: «Вспомните, для того, чтобы стать образованным и культурным гражданином и принести как можно больше пользы Советской Родине, она до утра просидела за решением трудной задачи, пока ее не решила»[42].

Изучившая предпосылки реформирования внешкольной деятельности в детских коллективах А.В. Козлова пришла к выводу, что в поисках способов преодоления последствий войны руководителями пионерского движения страны были сформулированы идеи о необходимости использования различных форм активного досуга ребенка[43]. Согласно принятым в начале 1950-х гг. директивам центральной власти[44], требовалось развивать у подростков увлечение краеведческой работой. Эта деятельность одновременно являлась эффективным направлением обеспечения преемственности социальной памяти. На базе туристических станций и пионерских лагерей регионов с 1952 г. были активизированы экскурсии и походы пионеров с целью приобщения к официальному нарративу прошлого. Анализ газеты «Сталинская смена», выступавшей рупором воздействия партийно-государственной элиты края на детскую аудиторию, показал, что ребята встречались в туристических поездках со старожилами районов. Задачей организованных коммуникаций являлась трансляция подрастающему поколению воспоминаний местных жителей о бедности и бесправии крестьян и рабочих до революции, призванных наглядными примерами обосновать преимущества советского социокультурного развития. В ходе экскурсии пионеров из Рубцовска на Колыванскую шлифовальную фабрику потомственный мастеровой А.И. Воротников рассказывал, как тяжело и изнурительно ему приходилось трудиться в подростковом возрасте при царской власти, подчеркивал, что дети основной части населения на Алтае «даже не могли мечтать об учебе»[45]. Во время поездки пионеров из Барнаула в п. Ерестной старожил вспоминал, что в начале XX в. в деревне стояли полуразрушенные 18 дворов: «А сейчас, посмотри-ка: больше сотни домов, да какие крепкие, удобные. И грамота к нам пришла»[46].

---

[40] *Майорова Т.* Листая летопись пионерии Алтая… С. 73.

[41] *Макколлум К.И.* Судьба Нового человека: Репрезентация и реконструкция маскулинности в советской визуальной культуре, 1945–1965. М., 2021. С. 41–45.

[42] ГААК. Ф.Р-1150. Оп. 1. Д. 58. Л. 31, 36–38.

[43] *Козлова А.В.* Как воспитать пионеров самостоятельными… С. 84–85.

[44] Постановление VII Пленума ЦК ВЛКСМ (октябрь 1951 г.) «О работе пионерской организации…»… С. 96–111; Резолюция Всероссийского совещания по вопросам внеклассной и внешкольной работы с детьми. 10–14 сентября 1952 г. М., 1953. С. 8–15.

[45] Учащиеся 7 класса Рубцовской школы № 1 Ижицкая, Сухарев и др. Учиться, чтобы строить // Сталинская смена. 1952. 31 авг. С. 3.

[46] *Ник Л.* Хорошо в лагере // Сталинская смена. 1952. 29 июня. С. 2.

Контраст с описанием дореволюционного прошлого обеспечивали экскурсии на предприятия и в учреждения науки и образования, культуры и медицины края. На встречах с детьми их лучшие работники и руководители делились личными воспоминаниями о событиях, связанных с пионерской организацией, объясняли ее важность в выборе своего жизненного пути[47]. Известный деятель первого пионерского отряда на Алтае Т.С. Майорова емко отразила престижность участия и нормы поведения в детском движении: «Советский народ под руководством коммунистической партии выведет вас на просторную дорогу жизни, самую лучшую тропу, об этом позаботится наше государство, коммунистическая партия. …Все, о чем можно мечтать, будет доступно вам. От вас требуется одно – отлично учиться, отлично работать»[48]. Ребятам демонстрировался успех созидательного труда предшествующих поколений: изобилие доступных им общественных благ, электричества, транспорта и авиации, служившее интерпретации образа Советской России как самой передовой страны в мире[49]. В результате одной из таких коммемораций пионеры лагеря Барнаульского меланжевого комбината писали о чувстве гордости за жизнь в социалистической стране[50].

Е.И. Красильникова называет типичной тенденцией сталинского руководства инициирование в провинциях поиск персоналий, мест и символов мемориального пространства, связанных со значимыми героями или событиями общесоветского масштаба[51]. На каникулах пионерские отряды различных районов Алтайского края встречались в экспедициях с партизанами и ветеранами Гражданской и Великой Отечественной войн, записывали в дневники походов их мемораты, собирали материалы биографического характера[52]. Учащиеся 7 «Б» класса школы № 100 ст. Озерки провели 15-дневный поход по местам Гражданской войны на Алтае вдоль р. Чумыш. Маршрут проходил по селам Сорокино – Старокопытово – Новоглущенко – Калиновка – Желтухино – Ногино – Выползово – Тальменка. В экспедиции ребята разыскивали материалы о жизни и революционной деятельности М.И. Ворожцова. Пионеры собирали народные рассказы, песни и частушки партизан, работников колхозов времен первых пятилеток, Великой Отечественной войны, современный фольклор. Находки планировалось экспонировать в создаваемом школьном краеведческом музее[53]. В рассматриваемый период закрепилась традиция возложения пионерами во время путешествий по краю венков и цветов на могилы погибших в Гражданской войне на Алтае партизан и красноармейцев[54].

Таким образом, в ходе послевоенного восстановления советское государство обратилось к нематериальным стимулам формирования социальной основы проводимого политического курса, в том числе за счет активизации пионерского движения. С 1945 по 1955 г. на Алтае вдвое увеличился численный состав организации. В русле общесоюзной политики памяти, ставившей цель пережить травмирующие последствия Великой Отечественной войны, строилась практика формирования советской идентичности подрастающего поколения региона. Эволюционировало содержание коммемораций, в которых, по терминологии А.И. Савина, намечался переход от транслируемого подросткам образца подражания в виде «героя-мученика» к типажу «героя-созидателя». Постепенно нарабатывая региональный опыт, руководители пионерских объединений во внеклассной и внешкольной деятельности обращались к сюжетам прошлого края. Этому способствовало распространение в СССР экскурсий и походов по изучению истории родных мест. В первой половине 1950-х гг. юноши и девушки знакомились с событиями Гражданской войны, встречались со старожилами – потомственными рабочими заводов и первыми коммунарами, бывшими партизанами,

[47] *Самарин М.* О пионерских делах // Сталинская смена. 1952. 9 апр. С. 3; ГААК. Ф. П-1. Оп. 90. Д. 224. Л. 76–79.
[48] ГААК. Ф. Р-1196. Оп. 3. Д. 74. Л. 3–4.
[49] *Шевченко Е.* Интересная экскурсия // Сталинская смена. 1952. 11 июля. С. 2.
[50] *Ник Л.* Хорошо в лагере… С. 2.
[51] *Красильникова Е.И.* Мемориальное пространство Новосибирска… С. 37.
[52] *Беликова А.П.* Славный путь пионерии… С. 52; ГААК. Ф. П-1. Оп. 90. Д. 224. Л. 22–25, 56–57, 61, 67–69.
[53] *Львов П.* Скоро в поход // Сталинская смена. 1952. 4 июня. С. 3; ГААК. Ф. П-1. Оп. 90. Д. 224. Л. 44–45.
[54] *Лещенко В.* Походы школьников // Сталинская смена. 1952. 2 июля. С. 2.

фронтовиками и тружениками Алтая, отмеченными наградами[55]. Положительными факторами формирования жизненных ориентиров молодого поколения являлись примеры судеб ветеранов двух войн, летчиков, ученых и исследователей, высококлассных специалистов предприятий региона. Специфическая особенность рассмотренных практик конструирования советской идентичности заключалась в том, что их реализация являлась частью уникального эксперимента включения коммунистических ритуалов в повседневную жизнь детей и юношества.

Литература

Беневаленская Е.Н., Демин М.А. Активизация лекционной политико-просветительной работы на Алтае в послевоенный период // Вестник Омского государственного университета. Сер.: Исторические науки. 2022. № 1. С. 85–94.

Головин Ю.А., Коханая О.Е. Детско-юношеские общественные движения и отечественная периодика как факторы ценностного самоопределения личности // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 2. С. 132–148.

Димке Д.В. Незабываемое будущее: советская педагогическая утопия 1960-х годов. М.: Common Place, 2018. 264 с.

Зиберт Н.П. Антирелигиозная деятельность комсомольских и пионерских организаций на Алтае в 1920-е гг. // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: Исторические науки и археология. 2017. № 5 (97). С. 44–48.

Ионов И.Н. Имперские, цивилизационные и формационные образы России XIX–XX века: память и идентичность в советской и постсоветской России // Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности / под общ. ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2020. С. 72–114.

Козлова А.В. Как воспитать пионеров самостоятельными и инициативными: педагогические тактики «Артека» и «Орленка» (1957–1991) // Антропологический форум. 2020. № 45. С. 75–115.

Красильникова Е.И. Мемориальное пространство Новосибирска в исторической динамике (1893–2000 гг.) // Вестник Томского государственного университета. Сер.: История. 2019. № 61. С. 32–43.

Красильникова Е.И. Помнить нельзя забыть… Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 – середина 1941 г.). Новосибирск: ИЦ НГАУ «Золотой колос», 2015. 404 с.

Красильникова Е.И., Вальдман И.А. Политика памяти: исторические символы и коммеморативные практики в системе социально-политической саморегуляции Сибирского региона в XX – начале XXI вв. // Вестник Самарского университета. Сер.: История, педагогика, филология. 2020. Т. 26, № 1. С. 47–54.

Кудинов В.А. История детского и юношеского движения в России / отв. ред. Л.И. Тимонина. Кострома: Изд-во Костром. гос. ун-та, 2017. 289 с.

Кэлли К. Быт: идентичность и повседневная жизнь // Национальная идентичность в русской культуре / под ред. С. Франклина и Э. Уиддис. М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 172–193.

Лапшина С.В. Всегда готовы! Бийск: РОАК ОООП «Общероссийское литературное сообщество», 2020. 208 с.

Линченко А.А. Коммеморативные практики и массовое историческое сознание: методологический аспект // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Философия. 2015. № 2. С. 116–127.

Макколлум К.И. Судьба Нового человека: Репрезентация и реконструкция маскулинности в советской визуальной культуре, 1945–1965 / пер. с англ. Н. Проценко. М.: НЛО, 2021. 326 с.

[55] См.: Встречай пионерское лето // Сталинская смена. 1952. 14 мая. С. 3; *Львов П.* Скоро в поход…; *Шевченко Е.* Интересная экскурсия…; и др.

Перова М.А. Пространство детской повседневности в Советской России 1920–1930-х гг. (на примере Курганского и Шадринского округов) // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2018. № 3 (42). С. 107–115.

Рейли Д. Советские бэйби-бумеры. Послевоенное поколение рассказывает о себе и о своей стране / пер. с англ. Т. Эйдельман. М.: НЛО, 2015. 544 с.

Репина Л.П. Введение // Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности / под общ. ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2020. С. 5–10.

Савин А.И. Путешествия советского героя // Новое прошлое. 2019. № 1. С. 214–223.

Слезин А.А. «Новые верующие»: дела и иллюзии // Тамбовский комсомол: грани истории / под ред. А.А. Слезина. Тамбов: Пролетарский светоч, 2008. Т. 1 (1918–1945) [Электронный ресурс]. URL: http://krotov.info/history/20/1920/slezin.htm (дата обращения: 30.06.2022).

Федотова Н.Г. Практики городской коммеморации: особенности формирования культурной памяти города // Вестник Томского государственного университета. Сер.: Культурология и искусствоведение. 2020. № 39. С. 130–142.

Morawiecki J. Октябрята, пионеры, комсомольцы – pierwsze wzruszenia duchowe, erozja ideologiczna i kontestacja w wywiadach biograficznych rosyjskiego „pokolenia przełomu” // Studenckie Prace Prawnicze, Administratywistyczne i Ekonomiczne. 2021. Vol. 38. P. 171–188.

Olick J., Sier A., Wuestenberg J. The Memory Studies Association: Ambitions and Invitation // Memory Studies. 2017. Vol. 10, No. 4. P. 490–494.

References

Benevalenskaya, E.N., Demin, M.A. (2022). Aktivizatsiya lektsionnoy politiko-prosvetitel’noy raboty na Altae v poslevoennyy period [Intensification of Lecture Political and Educational Work in Altai in the Post-War Period]. In *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoricheskie nauki.* No. 1, pp. 85–94.

Dimke, D.V. (2018). *Nezabyvaemoe budushchee: sovetskaya pedagogicheskaya utopiya 1960-kh godov* [An Unforgettable Future: Soviet Pedagogical Utopia of the 1960s]. Moscow, Common Place. 264 p.

Fedotova, N.G. (2020). Praktiki gorodskoy kommemoratsii: osobennosti formirovaniya kul’turnoy pamyati goroda [Practices of Urban Commemoration: Features of the City Cultural Memory Formation]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Kul’turologiya i iskusstvovedenie*. No. 39, pp. 130–142.

Golovin, Yu.A., Kokhanaya, O.E. (2018). Detsko-yunosheskie obshchestvennye dvizheniya i otechestvennaya periodika kak faktory tsennostnogo samoopredeleniya lichnosti [Children’s and Youth Social Movements and Domestic Children’s Periodicals as Factors of Value Personal Identity]. In *Znanie. Ponimanie. Umenie.* No. 2, pp. 132–148.

Ionov, I.N. (2020). Imperskie, tsivilizatsionnye i formatsionnye obrazy Rossii XIX–XX veka: pamyat’ i identichnost’ v sovetskoy i postsovetskoy Rossii [Imperial, Civilizational and Formational Images of Russia of the XIX–XX Century: Memory and Identity in Soviet and Post-Soviet Russia]. In *Proshloe dlya nastoyashchego: Istoriya-pamyat’ i narrativy natsional’noy identichnosti*. Moscow, Akvilon, pp. 72–114.

Kelli, K. (2017). Byt: identichnost’ i povsednevnaya zhizn’ [Everyday Life: Identity and Everyday Life]. In *Natsional’naya identichnost’ v russkoy kul’ture*. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, pp. 172–193.

Kozlova, A.V. (2020). Kak vospitat’ pionerov samostoyatel’nymi i initsiativnymi: pedagogicheskie taktiki “Arteka” i “Orlenka” (1957–1991) [How to Raise an Independent Soviet Citizen? Pedagogic Technologies of the Exemplary Pioneer Camps Artek and Orlyonok (1957–1991)]. In *Antropologicheskiy forum*. No. 45, pp. 75–115.

Krasil’nikova, E.I. (2015). *Pomnit’ nel’zya zabyt’… Pamyatnye mesta i kommemorativnye praktiki v gorodakh Zapadnoy Sibiri (konets 1919 – seredina 1941 g.)* [Remembering Must Not Be Forgotten… Memorable Places and Commemorative Practices in the Cities of Western Siberia (End of 1919 – Mid 1941)]. Novosibirsk, Zolotoy kolos. 404 p.

Krasil'nikova, E.I. (2019). Memorial'noe prostranstvo Novosibirska v istoricheskoy dinamike (1893–2000 gg.) [The Memorial Space of Novosibirsk in Historical Dynamics (1893–2000)]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya.* No. 61, pp. 32–43.

Krasil'nikova, E.I., Val'dman, I.A. (2020). Politika pamyati: istoricheskie simvoly i kommemorativnye praktiki v sisteme sotsial'no-politicheskoy samoregulyatsii Sibirskogo regiona v XX – nachale XXI vv. [Politics of Memory: Historical Symbols and Commemorative Practices in the System of Socio-Political Selfregulation of the Region (Siberia of the 20th – Early 21st Centuries)]. In *Vestnik Samarskogo universiteta. Seriya: Istoriya, pedagogika, filologiya.* Vol. 26, No. 1, pp. 47–54.

Kudinov, V.A. (2017). *Istoriya detskogo i yunosheskogo dvizheniya v Rossii* [History of Children's and Youth Movement in Russia]. Kostroma, Izd-vo Kostrom. gos. un-ta. 289 p.

Lapshina, S.V. (2020). *Vsegda gotovy!* [Always Ready!]. Biysk, Obshcherossiyskoe literaturnoe soobshchestvo. 208 p.

Linchenko, A.A. (2015). Kommemorativnye praktiki i massovoe istoricheskoe soznanie: metodologicheskiy aspekt [Commemorative Practices and Mass Historical Consciousness: Methodological Aspect]. In *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya.* No. 2, pp. 116–127.

Makkollum, K.I. (2021). *Sud'ba Novogo cheloveka: Reprezentatsiya i rekonstruktsiya maskulinnosti v sovetskoy vizual'noy kul'ture, 1945–1965* [The Fate of the New Man: Representation and Reconstruction of Masculinity in Soviet Visual Culture, 1945–1965]. Moscow, NLO. 326 p.

Morawiecki, Jędrzej. (2021). Oktyabryata, pionery, komsomol'tsy – pierwsze wzruszenia duchowe, erozja ideologiczna i kontestacja w wywiadach biograficznych rosyjskiego „pokolenia przełomu" [Octobrists, Pioneers, Komsomol Members – The First Spiritual Emotions, Ideological Erosion and Contestation in the Biographical Interviews of the Russian "Breakthrough Generation"]. In *Studenckie Prace Prawnicze, Administratywistyczne i Ekonomiczne.* Vol. 38, pp. 171–188.

Olick, J., Sier, A., Wuestenberg, J. (2017). The Memory Studies Association: Ambitions and Invitation. In *Memory Studies.* Vol. 10, No. 4, pp. 490–494.

Perova, M.A. (2018). Prostranstvo detskoy povsednevnosti v Sovetskoy Rossii 1920–1930-kh gg. (na primere Kurganskogo i Shadrinskogo okrugov) [The Space of Children's Daily Life of the Soviet Russia of the 1920s–1930s (on the Example of Kurgan and Shadrinsk Districts]. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya.* No. 3 (42), pp. 107–115.

Reili, D. (2015). *Sovetskie beibi-bumery. Poslevoennoe pokolenie rasskazyvaet o sebe i o svoey strane* [Soviet Baby Boomers. The Post-War Ggeneration Talks about Themselves and Their Country]. Moscow, NLO. 544 p.

Repina, L.P. (2020). Vvedenie [Introduction]. In *Proshloe dlya nastoyashchego: Istoriya-pamyat' i narrativy natsional'noy identichnosti*. Moscow, Akvilon, pp. 5–10.

Savin, A.I. (2019). Puteshestviya sovetskogo geroya [Soviet Hero's Travels]. In *Novoe proshloe*. No. 1, pp. 214–223.

Slezin, A.A. (2008). "Novye veruyushchie": dela i illyuzii [New Believers: Deeds and Illusions]. In *Tambovskii komsomol: grani istorii*. Tambov, Proletarskii svetoch. Vol. 1 (1918–1945). Available at: URL: http://krotov.info/history/20/1920/slezin.htm (date of access 30.06.2022).

Zibert, N.P. (2017). Antireligioznaya deyatel'nost' komsomol'skikh i pionerskikh organizatsiy na Altae v 1920-e gg. [Anti-Religious Activity of the Komsomol and Pioneer Organizations in Altai in the 1920s]. In *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki i arkheologiya.* No. 5 (97), pp. 44–48.

Т.М. Петрова*

КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДИСКУРСА СОВЕТСКИХ ДНЕВНИКОВ И «ПИСЕМ ВО ВЛАСТЬ» КАК ИНСТРУМЕНТ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАСТРОЕНИЙ О Н.С. ХРУЩЕВЕ (1953–1964 ГОДЫ)

doi:10.31518/2618-9100-2022-6-10
УДК (94)47 “1953/1964”

Выходные данные для цитирования:
Петрова Т.М. Критический анализ дискурса советских дневников и «писем во власть» как инструмент для изучения общественных настроений о Н.С. Хрущеве (1953–1964 годы) // Исторический курьер. 2022. № 6 (26). С. 135–145. URL: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-6-10.pdf

T.M. Petrova*

CRITICAL DISCOURSE ANALYSIS OF SOVIET DIARIES AND LETTERS TO THE AUTHORITIES AS AN INSTRUMENT FOR STUDYING PUBLIC OPINION ABOUT N.S. KHRUSHCHEV (1953–1964)

doi:10.31518/2618-9100-2022-6-10

How to cite:
Petrova T.M. Critical Discourse Analysis of Soviet Diaries and Letters to the Authorities as an Instrument for Studying Public Opinion about N.S. Khrushchev (1953–1964) // Historical Courier, 2022, No. 6 (26), pp. 135–145. [Available online: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-6-10.pdf]

Abstract. The article analyzes discourses of diaries and letters, which contain information about attitude of the population to N.S. Khrushchev. With the help of critical discourse analysis of N. Fairclough, sources are considered as communicative events. The author concludes that the presence of traditional and new discourses in diaries and letters indicates changes in the perception of the head of state in the minds of population. More traditional letters contain discourses of past times (peaceful, paternalistic), while the distinctive feature of diaries are discourses of personal characteristics and public approval, which are signs of the “thaw” indicating the expansion of boundaries of what is permissible in relation to the leader’s assessments. The latter became possible due to the transformations, which were initiated by Khrushchev. However, their inconsistency led to the emergence of a critical discourse, present both communicative events and caused by the disappointment of people with Khrushchev as head of state and his policy.

Keywords: N.S. Khrushchev, critical discourse analysis, N. Fairclough, public opinion, letters to the authorities, diaries.

The article has been received by the editor on 16.09.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье анализируются дискурсы дневников и «писем во власть», содержащих информацию об отношении населения к третьему советскому вождю. При помощи инструментов критического дискурс-анализа Н. Фэркло источники рассматриваются в качестве коммуникативных событий. Автор приходит к выводу о том, что присутствие в письмах и дневниках традиционных и новых дискурсов иллюстрирует связь социальных и дискурсивных изменений. В более традиционных по содержанию письмах присутствуют в основном дискурсы предыдущих эпох (о мире, патерналистский), в то время как отличительной чертой дневников являются дискурсы личностных характеристик и общественного одобрения, являющиеся приметами «оттепели». Присутствие в обоих

* **Татьяна Михайловна Петрова,** аспирант, Институт российской истории Российской академии наук, Москва, Россия, e-mail: tatiana.petrova-t@yandex.ru
Tatiana Mikhailovna Petrova, Postgraduate Student, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: tatiana.petrova-t@yandex.ru

коммуникативных событиях критического дискурса свидетельствует о трансформации общественных настроений в сторону более скептического отношения к высшему руководству страны. Последнее стало возможным вследствие начатых преобразований, их непоследовательности и разочарования граждан Хрущевым как главой государства и его политикой.

Ключевые слова: Н.С. Хрущев, критический анализ дискурса, Н. Фэркло, общественные настроения, «письма во власть», дневники.

Статья поступила в редакцию 16.09.2022 г.

Общественные настроения, мнения и их трансформация как часть более общей проблемы коммуникации власти и общества давно находятся в поле зрения историков[1]. При этом большинство существующих на данный момент исследований посвящено периоду 1920–1930-х гг.[2] Мнения «оттепельного» общества на этом фоне выглядят куда менее изученными.

В большинстве исследований общественные настроения середины 1950-х – начала 1960-х гг. рассматриваются в качестве реакции людей на преобразования как доказательства трансформации советского социума. Так, по мнению Е.Ю. Зубковой, несовпадение властных установок с общественным мнением было обусловлено отставанием моментов проведения реформ от периодов духовного подъема в обществе[3]. В то же время появление разных оценок текущих политических событий послужило основой для проведения реформ. Схожую позицию занял Ю.В. Аксютин[4]. Плюрализм реакций граждан на преобразования он связал с изменениями в сознании отдельных социальных групп (творческая интеллигенция, студенчество). Однако, в отличие от Зубковой, Аксютин трактовал поляризацию настроений как свидетельство переходного состояния общества от тоталитарного к демократическому строю. Связь между реформами Н.С. Хрущева и «модернизацией отношений между государством и народом» увидел и Э. Кулевиг[5]. По его мнению, в 1950-х – начале 1960-х гг. государство попыталось вызвать доверие со стороны населения с целью решения социально-экономических проблем. Однако ослабление идеологического давления породило рост протестных настроений в обществе, а также сомнения в эффективности советской системы.

Сегодня общественные настроения периода «оттепели» изучаются преимущественно на региональном уровне[6]. Материалы Оренбурга, Томска, Карелии показывают, что власть, с одной стороны, ослабила контроль за общественной жизнью, чем вызвала политическую активизацию населения, а с другой – сохранила рычаги управления идеологией и стремилась

[1] Общественные настроения и мнения трактуются в статье синонимично.

[2] *Аксенов В.Б.* Слухи, образы, эмоции: массовые настроения россиян в годы войны и революции. 1914–1918. М., 2020; *Булдаков В.П.* Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени в России. 1920–1930 гг. М., 2012; *Бушуева Т.С.* Общественные настроения в Красной Армии. 1920-е – 1934 г. М., 2020; *Голубев А.В.* «Если мир обрушится на нашу республику». Советское общество и внешняя угроза в 1922–1941 гг. М., 2019; *Лившин А.Я.* Настроения и политические эмоции в Советской России. 1917–1932 гг. М., 2010; *Орлов И.Б.* «Сытый голодному не разумеет»: проблема выживания в «письмах во власть» (1917–1927) // Армагеддон: актуальные проблемы истории, философии, культурологии. М., 1999. С. 85–96.

[3] *Зубкова Е.Ю.* Общество и реформы. 1945–1964. М., 1993.

[4] *Аксютин Ю.В.* Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М., 2010.

[5] *Кулевиг Э.* Народный протест в хрущевскую эпоху. Девять рассказов о неповиновении в СССР. М., 2009. С. 185.

[6] *Вавулинская Л.И.* Власть и общественная жизнь в Карелии в годы «оттепели» (середина 1950 – середина 1960-х годов) // Известия Саратовского университета. Сер.: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 533–540; *Медеубаев Е.И.* Власть и общество в Оренбуржье на закате хрущевской «оттепели»: умонастроения, массовая психология и жизненные ориентации // Девятые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен: сб. ст. Оренбург, 2018. С. 343–346; *Муренко Д.И.* Социально-политические трансформации хрущевской «оттепели» (на материалах комитета комсомола Томского государственного университета 1956–1957 гг.) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2021. № 1 (37). С. 138–148.

направить гражданскую инициативу в определенное русло. Данная непоследовательность в итоге привела к снижению доверия и критике власти со стороны населения.

Таким образом, сложившаяся историографическая традиция изучения общественных настроений в Советском Союзе середины XX в. тяготеет к рассмотрению реакции групп населения на отдельные политические преобразования. Отношение же людей к Никите Хрущеву как к инициатору большинства реформ остается за скобками. Недостаток внимания к нему делает вопрос изучения мнений и настроений советских граждан в отношении личности своего лидера, а не проводимой им политики, актуальным и требующим отдельного изучения.

Выявление общественных настроений в отношении Хрущева в статье проводится на основе «писем во власть» и дневников. Данный выбор неслучаен. Письма и дневники, в отличие от воспоминаний, отражают моментально-рефлекторную реакцию людей на события, а не память о них.

Письма, использованные в исследовании, выявлены в фондах Р-5446 (Совет Министров) Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), 3 (Политбюро/Президиум ЦК КПСС) и 100 (Подотдел писем Общего отдела ЦК КПСС) Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ). К сожалению, не у всех писем возможно определить авторство, поэтому указанием имени и фамилии отправителей в статье сопровождается лишь часть цитируемых текстов.

Некоторые из приводимых дневников полностью или частично опубликованы (дневники Л. Шапориной, Н. Каманина, Р. Назирова), однако бóльшая их часть находится в электронном корпусе дневников и воспоминаний «Прожито». Цитаты из всех источников приводятся с сохранением орфографии и пунктуации авторов.

В данной статье дискурс писем и дневников и его связь с социальной реальностью анализируется для выявления изменений в отношении населения к Хрущеву. Для этого используется инструментарий критического дискурс-анализа Н. Фэркло[7]. Концепция Фэркло предполагает анализ коммуникативного события (тексты писем и дневников) на уровнях дискурсивной практики, текста и социальной практики. Дискурсивная практика предполагает выявление дискурсов, на основе которых создан текст, или определение степени интердискурсивности. Анализ непосредственно текста сводится к анализу его лингвистических характеристик. Наконец, на третьем и самом важном, по мнению Фэркло, уровне изучения социальной практики рассматриваются отношения между дискурсивной практикой и порядком дискурса, выявляется связь изменений дискурса с социальными трансформациями.

Подобный ракурс анализа источников позволяет сделать отношение людей к Хрущеву самостоятельной исследовательской проблемой. Несмотря на то, что в историографии в первую очередь анализируются настроения в отношении политических решений, где Хрущев выступает лишь дополнением, представляется возможным, наоборот, посмотреть на реформы как на контекст для мнений о лидере. Разность реакций на проводимую политику могла касаться не только конкретных мероприятий, но и их инициатора. Следовательно, в данной статье предпринимается попытка ответить на вопросы о том, какие настроения и мнения о Хрущеве присутствовали в дискурсе советских граждан и как они были связаны с социальными изменениями эпохи «оттепели».

«Письма во власть». В силу массового характера и содержательной неоднородности «писем во власть» на их основе нельзя сформировать универсальную модель отношения людей к Хрущеву, однако можно попытаться выявить некоторые тенденции, присутствующие в большинстве текстов. В первую очередь речь идет о дискурс-строе писем, их текстуальных характеристиках и отражении в них социальной реальности.

Всего удалось выявить в письмах как минимум четыре дискурса, в которых репрезентировалось мнение советских граждан в отношении Хрущева: патерналистский, критический, антисталинский, дискурс о мире.

[7] *Fairclough N.* Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research. London, 2003; *Йоргенсен М., Филлипс Л.* Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков, 2008.

Первый, патерналистский, характеризуется написанием местоимения «Вы» с заглавной буквы, обращениями «вождь», «учитель», «отец», «дедушка»[8]. Некоторые из этих характеристик, например, «отец» и «вождь», применялись к Сталину. Употребление же их в отношении Хрущева свидетельствует о сохранении элементов прежнего патерналистского дискурса, несмотря на изменение политической обстановки.

Например, рабочие химического завода г. Новомосковска Тульской области называли Хрущева «дорогой наш вождь и учитель, демократ за предотвращение ядерной войны во всем мире»[9]. В данном письме одновременно присутствовали «сталинские» характеристики «вождь» и «учитель» и нетипичное для советского лидера определение демократа в значении миротворца. Следовательно, патерналистский дискурс был объединен с дискурсом о мире.

Другим проявлением патерналистского дискурса при характеристике Хрущева являлось его обозначение в качестве отца, дедушки, подразумевавшее неформальное, семейное отношение к лидеру страны. Если последним определением Хрущева наделяли дети («Здравствуйте, дорогой дедушка Никита Сергеевич»)[10], то «старшим товарищем и другом», «отцом» его называли уже взрослые люди. Характеристика «товарищ» присутствовала в поздравительных письмах в ряду других эпитетов, «отец» же использовался самостоятельно. Граждане писали: «Мы все и лично я, благодарим Вас, дорогой Никита Сергеевич и Отец наш, Председатель Совета Министров СССР за Вашу добрую заботу, которую Вы проявляете»[11]. Использование подобных определений свидетельствует о восприятии разными возрастными группами населения Хрущева не только как главы государства, но и как близкого человека, даже родственника. Демонстрация такого отношения к лидеру не была новацией «оттепели», поскольку «Отцом народов» именовался еще Сталин[12].

Главной темой следующего дискурса – о мире – являлось предотвращение нового глобального конфликта. В его рамках Хрущев представал главным борцом за мир во всем мире, освободителем стран Азии, Африки и Латинской Америки от колониальной зависимости. Эти акценты во мнениях о лидере были обусловлены коллективной травмой общества после недавно закончившейся войны, присутствием в речах Хрущева тезисов о недопустимости подобного сценария впредь, его встречами с лидерами стран – бывших колоний и оказанной им помощью.

Граждане, находившиеся, скорее всего, под впечатлением от подобных речей и дел Хрущева, характеризовали его в своих письмах как «посланца мира и доброй воли»[13]. Чаще всего они писали непосредственно до или сразу после зарубежной поездки лидера. В письмах-напутствиях люди выражали свои переживания («У меня вся душа уболит о Вас и я буду только тогда спокойна, когда Вы вернетесь домой»)[14]. После же возвращения Хрущева на Родину граждане благодарили его за проделанную работу («Спасибо за то, что вы так здорово дали по зубам зарвавшимся империалистическим хищникам»)[15]. Важным оказывался не только сам факт поездки за рубеж, но и внешнеполитическая деятельность Хрущева там. В своих выступлениях лидер подчеркивал миролюбивый характер СССР, который в наибольшей степени пострадал в ходе Второй мировой войны и поэтому лучше всех понимал важность недопущения нового конфликта[16].

---

[8] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5446. Оп. 92. Д. 910. Л. 16–17; Оп. 95. Д. 1146. Л. 16–16 об., 23–24; Оп. 98. Д. 1611. Л. 17; Д. 1620. Л. 72–72 об.; Д. 1621. Л. 26.

[9] Там же. Оп. 98. Д. 1611. Л. 14.

[10] Там же. Оп. 94. Д. 1284. Л. 115–115 об.; Оп. 97. Д. 1501. Л. 9–9 об.

[11] ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 97. Д. 1501. Л. 141–141 об.; Оп. 95. Д. 1145. Л. 16–16 об.; Оп. 96. Д. 1290. Л. 26; Оп. 97. Д. 1501. Л. 104–105.

[12] Подробнее см.: *Гюнтер Х.* Архетипы советской культуры // Соцреалистический канон. СПб., 2000. С. 743–784.

[13] ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 93. Д. 1309. Л. 203–204 об.

[14] Там же. Л. 90–91.

[15] ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 93. Д. 1309. Л. 203–204 об.; Оп. 94. Д. 1280. Л. 89–90; Оп. 95. Д. 1145. Л. 16–16 об.

[16] Например, во время поездки в США в 1959 г., отвечая на вопросы журналистов, Хрущев сказал: «…я ничего не хочу делать, что противоречило бы этой главной цели – улучшению отношений между нашими странами, ликвидации состоянии “холодной войны”, что мешало бы обеспечению дружбы, укреплению мира во всем мире» (Жить в мире и дружбе! Пребывание Председателя Совета Министров СССР Н.С. Хрущева в США. 15–27 сентября 1959 г. М., 1959. С. 78).

Следовательно, идентичность Хрущева-миротворца формировалась в рамках дискурса о мире. При этом чаще всего его миротворческая деятельность характеризовалась в качестве «неутомимой». Основным показателем здесь становилось количество зарубежных поездок, официально обозначавшихся пропагандой в качестве «визитов мира»[17].

Помимо дискурса о мире, в письмах нашел отражение так называемый антисталинский дискурс. Он основывался на закрытом докладе Хрущева на XX съезде КПСС, развенчании культа личности Сталина и реабилитации жертв политических репрессий. Граждане, пострадавшие от репрессий, выражали Хрущеву благодарность за «чуткое внимание», «мужество» и «заботу о людях»[18]. Горняки Донбасса, в частности, подчеркивали хрущевскую мобилизацию партии и народа «на разоблачение и ликвидацию предательской антипартийной фракционной группировки Маленкова, Молотова, Кагановича»[19]. Житель Иркутска Г.А. Гладков в январе 1963 г. писал Хрущеву: «Разрешите горячо поздравить и поблагодарить Вас за Ваше чуткое внимание, которое Вы оказали в те дни, когда всем стало известно о культе личности Сталина, а тоже антипартийную группу, которая непосредственно принимала участие в репрессиях в 1937–1938 годах»[20]. Отсюда следует, что антисталинский дискурс сводился преимущественно к теме репрессий 1930-х гг., вина за которые возлагалась населением не только на Сталина, но и на его ближайший круг, в который, однако, не включался Хрущев. Последнему, наоборот, ставилось в заслугу разоблачение деятельности бывших коллег по Политбюро. Противопоставление Хрущева «наследникам Сталина» носило неслучайный характер. В советском общественном дискурсе середины XX в. имена Берии и членов «антипартийной группы» имели резко отрицательную коннотацию. На этом фоне третий советский лидер репрезентировался как их антагонист, борец с культом личности за ленинский стиль работы.

Еще одна точка зрения на Хрущева основывалась на мнении о нем как о «верном ученике Ленина»[21]. С одной стороны, эта характеристика выглядела традиционно, поскольку все следующие после В.И. Ленина руководители партии и правительства рассматривались в качестве его преемников. С другой стороны, в результате политики десталинизации подчеркивание политического «родства» Хрущева с Лениным противопоставляло его Сталину. В этой связи граждане акцентировали внимание на «ленинских» чертах Хрущева: внешней доступности («Ваше стремление быть всегда с народом») и активной реформаторской деятельности («размах строительства, которое в результате Вашей государственной мудрости, ленинской принципиальности и энергии выдвинуто на переднюю линию развития нашей социалистической Родины и ее движения к коммунизму»)[22].

Наконец, еще одним дискурсом, присутствовавшим в «письмах во власть», был критический дискурс. Он выражался в недовольстве граждан по самым разным вопросам, касавшимся внутренней политики Хрущева. Чувствуя относительную свободу в выражении собственного мнения после марта 1953 г., люди не стеснялись критиковать главу государства за нарушение ранее данных обещаний, несмотря на то, что, как отметил Ю. Аксютин, правительство предпринимало усилия по «модернизации инфраструктуры и управления»[23]. Например, ассистент Политехнического института Петренко после выставки в Манеже в 1962 г. обвинял советского лидера в попытке навязать свое мнение другим, нарушив тем самым ленинские принципы[24]. Ввиду позиционирования Хрущева как восстановителя и продолжателя ленинского курса подобное замечание приобретало дополнительную резкость и лишало Хрущева символического статуса «наследника Ленина», а значит и легитимного лидера.

---

[17] Подробнее см.: *Зубков С.А.* «Лицом к лицу»: формирование международного имиджа Н.С. Хрущева в средствах массовой информации // Новый исторический вестник. 2007. № 1 (15). С. 101–107.
[18] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 97. Д. 1501. Л. 7–8 об., 42–42 об.
[19] Там же. Оп. 62. Д. 198. Л. 16–18.
[20] ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 97. Д. 1501. Л. 7–8 об.
[21] Там же. Д. 1498. Л. 65–67.
[22] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 62. Д. 199. Л. 1, 16–18, 34.
[23] *Аксютин Ю.В.* Хрущевская «оттепель»… С. 414.
[24] РГАНИ. Ф. 100. Оп. 5. Д. 1. Л. 31–33.

Очень часто люди жаловались на продовольственную проблему, которая приобрела к 1962 г. особую остроту. По словам граждан, они «ждали снижения цен на продукты», а Хрущев вместо этого отрезает «кусок хлеба у рабочих»[25]. Нехватка продуктов питания, особенно мяса и молока, их дороговизна связывались с приглашением в СССР иностранных делегаций («А вот мой вам совет, поменьше приглашайте зарубежных гостей и поменьше заказывайте столов, на которые уходит масса денег»)[26].

Согласно Е. Зубковой, основу общественной атмосферы в 1954–1964 гг. составлял страх перед возможным ухудшением жизни[27]. Отсутствие ощутимого роста благосостояния должно было восприниматься людьми как провал политики реформ. Ответственность за это население возлагало на Хрущева, поскольку рассматривало его в качестве главного инициатора преобразований, а значит и виновника всех неудач. Следовательно, с отправкой Хрущева на пенсию ситуация в стране должна была измениться в лучшую сторону.

Особое недовольство в письмах проявлялось, когда авторами поднималась тема Сталина. В одних текстах деятельность Сталина на посту главы СССР одобрялась, а Хрущев обвинялся в том, что разрушил благосостояние, достигнутое в предыдущий период. Граждане также обвиняли его в реабилитации на XX съезде КПСС «врагов народа» (Троцкого, Зиновьева, Каменева, Пятакова, Бухарина и др.), попытке «опорочить старых большевиков – соратников В.И. Ленина, в особенности товарища Сталина»[28]. Одновременно с этим заявлялось, например, что «если бы Сталин так руководил страной, те 4 года войны мы не выдержали б»[29].

В других письмах Хрущев критиковался как предатель собственной же политики борьбы с культом личности и создатель собственного культа. Некоторые граждане отмечали складывание нового культа личности, борцом с которым формально позиционировал себя Хрущев: «почему же Вы, понося всячески культ личности, не замечаете, что создаете культ Хрущева? Ведь присмотритесь, ни в одной газете, ни в одном журнале, даже в специальных научных, Вас не забывают славословить. И Вам это нравится. Скромности у Вас ленинской нет и в помине»[30]. Люди проявляли недовольство сохранением аплодисментов и оваций в адрес лидера, публикациями в прессе только положительной информации о работе партии и правительства, восхвалением деятельности Хрущева. Так, Евгений Гусев из Ростова-на-Дону негодовал по поводу того, что «товарищ Хрущев только и знает, что занимается самовосхвалением, делает длинные, хвастливые речи, а кто много говорит, тот мало делает»[31].

Следовательно, в большинстве «писем во власть» присутствуют повторяющиеся дискурсы: от борьбы за мир до отхода от сталинских принципов в управлении страной. Авторы идентифицировали Хрущева в качестве вождя и миротворца, хвалили его за начало десталинизации и критиковали за отступление от сталинских норм. Подобные противоположные настроения существовали в сознании людей одновременно: демократизация внутренней жизни сделала допустимым наличие разных мнений по одним вопросам. Также показательным является фактическое копирование информации СМИ в дискурсах о мире, патерналистском и антисталинском. Люди «присваивали» и воспроизводили оценки, данные Хрущеву пропагандой. Скорее всего, это было вызвано психологической установкой части граждан на веру в правоту власти. Более склонные к рефлексии или просто более смелые граждане проявляли недовольство только в рамках критического дискурса. Он являлся важной дискурсивной новацией «оттепели», так как демонстрировал потерю у населения страха перед властью.

Дневники. В отличие от писем, дневники являются менее массовым источником. Авторы дневников, в отличие от «писем во власть», более склонны к критическому анализу происходящих вокруг событий. При этом содержание дневников сильно разнится между собой. Главная причина этого, как и в случае с письмами, заключается в зависимости

[25] ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 96. Д. 1328. Л. 14–14 об.
[26] Там же.
[27] *Зубкова Е.Ю.* Общество и реформы… С. 120.
[28] РГАНИ. Ф. 100. Оп. 5. Д. 1. Д. 144. Л. 1–12.
[29] ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 98. Д. 1611. Л. 20; РГАНИ. Ф. 100. Оп. 5. Д. 1. Л. 47, 48.
[30] Там же. Л. 119–121; Д. 144. Л. 20–20 об., 28, 31–32; Д. 146. Л. 22–22 об.
[31] РГАНИ. Ф. 100. Оп. 5. Д. 1. Л. 56–58 об.

восприятия авторов от возраста, уровня образования, профессиональной принадлежности, политических взглядов и т.д.

В изученных дневниках присутствуют три дискурса, связанные с Хрущевым и его деятельностью: критический, личностных характеристик вождя, а также одобрения. Если критический дискурс характерен для обоих коммуникативных событий, то остальные являются отличительной особенностью текстов дневников.

В рамках критического дискурса авторы дневников выражали недовольство как Хрущевым-человеком, так и Хрущевым-политиком. Его критиковали за «не очень интеллигентный говор» (художница Л. Шапорина и историк С. Дмитриев)[32], слишком частое присутствие в СМИ (геолог Б. Вронский)[33], присвоение в короткий срок трех звезд Героя Социалистического Труда и одновременное занятие ключевых должностей в партии и правительстве (генерал-полковник авиации Н. Каманин)[34], а также отсутствие обещанного товарного «изобилия» (автомеханик Н. Козаков)[35].

На фоне, с одной стороны, провала многих хрущевских обещаний, а с другой, избавления от страха сталинской эпохи,общество стало требовать все большего и, как следствие, ругать власть за недостаточную заботу о населении и невыполнение собственных обещаний.

Следующий дискурс дневников о личностных характеристиках вождя выражался в описании физических и психологических особенностей Хрущева, нетипичности некоторых его действий. В рамках данного дискурса авторы дневников, как правило, конструировали идентичность Хрущева в качестве «народного лидера».

Чаще всего люди обращали внимание на внешнюю невыразительность Хрущева, свойственную скорее рядовому гражданину, чем главе огромного государства («он воплощал собой, скорее, тип градоначальника, нежели лидера ядерной сверхдержавы»[36]). Кроме того, работа слесарем на Донбассе и известная любовь к украинской культуре создавали почву для проявления национализма в его отношении. Так, адвокат А. Маслов из г. Томска писал, что «у нас никак не бывает, чтобы глава государства был русский», а его друг охарактеризовал Хрущева как «хитрого хохла»[37].

Предметом рефлексии граждан также была эмоциональная манера выступлений Хрущева. С одной стороны, она оценивалась положительно, когда речь шла о стиле речи Хрущева в целом, без привязки ко времени и месту. Биолог Э. Филипович писала по этому поводу: «Речи Н.С. Хрущева читаю с наслаждением. Просто, по-мужицки прямо и даже озорно говорит»[38]. С другой стороны, когда эмоциональность Хрущева была контекстуализирована, она могла принимать отрицательное значение. Например, разоблачающие Сталина и Берию экспрессивные выступления конца 1950-х гг. заставили Л. Шапорину назвать Хрущева «Наполеоном от коммунизма», устраивающим новый Брюмер[39].

Еще одним примером конструирования «человеческой» идентичности Хрущева является его поименование. Авторы дневников называли его в основном по фамилии, однако встречаются и более неформальные примеры: Никита Сергеич или Никита (литературовед Р. Назиров)[40], акула Хрущев (Н. Козаков)[41], фюрер Хрущев (учитель истории Л. Липкин)[42].

Первые два примера имеют положительные коннотации, в том числе в силу того, что Назиров, видимо, позитивно относился к деятельности Хрущева («Никита Сергеич наводит

---

[32] *Шапорина Л.В.* Дневник: в 2 т. М., 2017. Т. 2. С. 363; *Дмитриев С.* Дневник [Электронный ресурс]. URL: https://prozhito.org/note/40387 (дата обращения: 10.08.2022).
[33] *Вронский Б.* Дневник [Электронный ресурс]. URL: https://prozhito.org/note/608421 (дата обращения: 10.08.2022).
[34] *Каманин Н.П.* Скрытый космос. М., 1995. Кн. 1. С. 63–64.
[35] *Козаков Н.* Дневник [Электронный ресурс]. URL: https://prozhito.org/note/245505 (дата обращения: 10.08.2022).
[36] *Самойлов Д.* Дневник [Электронный ресурс]. URL: https://prozhito.org/note/65731 (дата обращения: 10.08.2022).
[37] *Маслов А.* Дневник [Электронный ресурс]. URL: https://prozhito.org/note/651648 (дата обращения: 10. 08.2022).
[38] *Твардовский А.* Дневник [Электронный ресурс]. URL: https://prozhito.org/note/196287 (дата обращения: 10.08.2022); *Филипович Э.* Дневник [Электронный ресурс]. URL: https://prozhito.org/person/1385 (дата обращения: 10.08.2022).
[39] *Шапорина Л.В.* Дневник... С. 363.
[40] *Назиров Р.Г.* Из дневника 1960 года // Назировский архив. 2020. № 3. С. 278.
[41] *Козаков Н.* Дневник…
[42] *Липкин Л.* Дневник [Электронный ресурс]. URL: https://prozhito.org/note/641182 (дата обращения: 10.08.2022).

порядок. Теперь в Советском Союзе только три человека получают зарплату в 10.000 рублей: Хрущев, Булганин и Ворошилов»)[43]. В то же время другие авторы выражали свое недовольство Хрущевым через добавление к его фамилии едких эпитетов – акула и фюрер. При этом причина сравнения Липкиным лидеров СССР и нацистской Германии не совсем понятна, так как из контекста дневника она не следует напрямую («Фюрер Хрущев якобы попросил отставку в связи с преклонным возрастом и ухудшением состояния здоровья»)[44].

Интересно, что во всех определениях Хрущева вне зависимости от положительной или отрицательной окраски проявляется субъективная модальность[45]. Люди не называли его лидером, вождем, учителем, не писали о внутри- и внешнеполитических успехах Хрущева. Дискурс о личностных характеристиках в дневниках складывался преимущественно из человеческих, а не профессиональных особенностей Хрущева, из обращений к нему по имени. Следовательно, дистанция между высказыванием и его субъектом сокращалась, а Хрущев воспринимался частью населения уже не как вождь, а как человек.

Наконец, в текстах дневников присутствует дискурс общественного одобрения. Он был, пожалуй, одним из важнейших достижений периода «оттепели», поскольку в его рамках люди писали о степени популярности Хрущева в советском обществе. Подобная традиция одобрения главы государства была характерна для западной политической культуры и связана с институтом выборов. В Советском Союзе население не оказывало прямого влияния на выбор лидера, поэтому в их поддержке он нуждался не так сильно. Тем не менее с середины 1950-х гг. советские граждане тоже получили возможность оценивать популярность лидера страны.

С этого момента в дневниках начали появляться записи об отношении к Хрущеву в разных частях страны («Рассказывает Алик о большой непопулярности Хрущева в Москве. В Грузии люто ненавидят Хрущева и Микояна»[46]) или со стороны общества в целом («Хрущев не пользуется симпатиями общественности, относятся к нему с холодком, насмешливо и недоверчиво»[47]). Одной из самых показательных является заметка в дневнике Б. Вронского. По его мнению, у Хрущева нет авторитета, а все люди в его окружении лишь «кулуарно над ним подтрунивают и единогласно утверждают некоронованным монархом»[48].

Следовательно, ослабление идеологических оков в общественной жизни привело к тому, что люди перестали бояться проявлять (путь даже на страницах личных дневников) свое недовольство властью в лице лидера страны. Они стали писать о популярности и степени доверия к Хрущеву, демонстрируя демократизацию общественных настроений.

Таким образом, в дневниках, так же как и в письмах, выделяются несколько дискурсов, при помощи которых выражались мнения о Хрущеве. Если авторы писем критиковали преимущественно конкретные политические шаги советского лидера, то авторы дневников проявляли больше недовольства в отношении поведения Хрущева на публике. Сокращение субъективной дистанции способствовало созданию идентичности Хрущева в качестве лидера-человека. В текстах дневников была артикулирована новая для советской политики тема популярности лидера и одобрения его деятельности. При этом авторы не были склонны воспроизводить дискурс СМИ. Они, наоборот, становились в оппозицию пропаганде, спорили с ней, высказывали свои критические замечания.

Присутствие в «письмах во власть» и дневниках разных дискурсов позволяет говорить о них как об интердискурсивных коммуникативных событиях. При этом дневники характеризуются присутствием бóльшего числа дискурсов «оттепели», наиболее показательным из которых является дискурс одобрения. Авторы же писем выражали свое мнение о Н.С. Хрущеве в основном при помощи более традиционных дискурсов: о мире и патерналистского.

[43] *Назиров Р.Г.* Дневник [Электронный ресурс]. URL: https://prozhito.org/note/182148 (дата обращения: 10.08.2022).
[44] *Липкин Л.* Дневник…
[45] *Fairclough N.* Analysing Discourse... P. 17.
[46] *Назиров Р.Г.* Дневник...
[47] *Дмитриев С.* Дневник…; *Слезов Г.* Дневник [Электронный ресурс]. URL: https://prozhito.org/note/456123 (дата обращения: 10.08.2022).
[48] *Вронский Б.* Дневник…

Следовательно, в конце 1950-х – начале 1960-х гг. во мнениях людей о лидере произошли значимые изменения, свидетельством чего являлось появление новых дискурсов. При этом авторы дневников были более чувствительны к социальным изменениям, что отразилось в их настроениях по отношению к главе государства. Скорее всего, навык рефлексии способствовал тому, что делавшие записи в дневниках люди подмечали недостатки личности Хрущева и экстраполировали их на его политические решения. Кроме того, сам формат дневников позволял авторам высказываться по злободневным для них вопросам с большей степенью откровенности. Склонные же преимущественно копировать риторику СМИ авторы «писем во власть» продолжали относиться к Хрущеву традиционно, видя в нем продолжателя дела Ленина и миротворца № 1.

Общим для «писем во власть» и дневников было то, что граждане выражали одобрение починам хрущевских преобразований, будь то усиление позиций СССР на мировой арене, борьба с культом Сталина или массовое жилищное строительство. Их несбыточность привела к появлению в обоих коммуникативных событиях критического дискурса, в рамках которого демократизированное к середине 1960-х гг. общество открыто проявляло негативные настроения в адрес Хрущева. В сознании граждан образовалась связка «Хрущев – реформы», подразумевавшая обусловленность всех положительных и отрицательных начинаний личностью лидера. При этом люди отделяли фигуру Хрущева от политической сферы. Критикуя лидера, они не подвергали критике саму систему. В середине 1960-х гг. в общественных настроениях еще доминировала идея о том, что все успехи и провалы СССР связаны с одним конкретным человеком, сохранение которого у рычагов управления или его устранение от власти может решить все проблемы.

Литература

Аксенов В.Б. Слухи, образы, эмоции: массовые настроения россиян в годы войны и революции. 1914–1918. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 984 с.

Аксютин Ю.В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М.: РОССПЭН, 2010. 621 с.

Булдаков В.П. Утопия, агрессия, власть: психосоциальная динамика постреволюционного времени: Россия, 1920–1930 гг. М.: РОССПЭН, 2012. 756 с.

Бушуева Т.С. Общественные настроения в Красной Армии, 1920-е–1934 г. М.: Изд-во МПГУ, 2020. 443 с.

Вавулинская Л.И. Власть и общественная жизнь в Карелии в годы «оттепели» (середина 1950 – середина 1960-х годов) // Известия Саратовского университета. Сер.: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 533–540.

Голубев А.В. «Если мир обрушится на нашу республику»: советское общество и внешняя угроза в 1922–1941 гг. М.: Директ-Медиа, 2019. 285 с.

Зубков С.А. «Лицом к лицу»: формирование международного имиджа Н.С. Хрущева в средствах массовой информации // Новый исторический вестник. 2007. № 1 (15). С. 101–107.

Зубкова Е.Ю. Общество и реформы. 1945–1964. М.: Россия молодая, 1993. 198 с.

Йоргенсен М., Филлипс Л. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Изд-во Гуманитарного центра, 2008. 336 с.

Кулевиг Э. Народный протест в хрущевскую эпоху: девять рассказов о неповиновении в СССР. М.: АИРО-XXI, 2009. 206 с.

Лившин А.Я. Настроения и политические эмоции в Советской России. 1917–1932 гг. М.: РОССПЭН, 2010. 341 с.

Медеубаев Е.И. Власть и общество в Оренбуржье на закате хрущевской «оттепели»: умонастроения, массовая психология и жизненные ориентации // Девятые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен: сб. статей. Оренбург: Изд-во Оренбург. гос. пед. ун-та, 2018. С. 343–346.

Муренко Д.И. Социально-политические трансформации хрущевской «оттепели» (на материалах комитета комсомола Томского государственного университета 1956–1957 гг.) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2021. № 1 (37). С. 138–148.

Орлов И.Б. «Сытый голодному не разумеет»: проблема выживания в «письмах во власть» (1917–1927) // Армагеддон: актуальные проблемы истории, философии, культурологии. Кн. 4: июль–сентябрь: сб. ст. / Моск. пед. ун-т; науч. ред. В.Э. Багдасарян. М.: Сигналъ, 1999. С. 85–96.

Соцреалистический канон: сб. ст. / под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. 1040 с.

Fairclough N. Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research. London: Routledge, 2003. 199 p.

References

Aksenov, V.B. (2020). *Sluhi, obrazy, emotsii: massovye nastroeniya rossiyan v gody voyny i revolyutsii. 1914–1918* [Rumors, Images, Emotions: Mass Moods of Russians During the War and Revolution]. Moscow, New Literary Observer. 984 p.

Aksyutin, Yu.V. (2010). *Khrushhevskaya "ottepel" i obshhestvennye nastroeniya v SSSR v 1953–1964 gg*. [Khrushchev's "Thaw" and Public Opinion in the USSR in 1953–1964]. Moscow, ROSSPEN. 621 p.

Buldakov, V.P. (2012). *Utopiya, agressiya, vlast: psikhosotsialnaya dinamika postrevolyutsionnogo vremeni: Rossiya, 1920–1930 gg*. [Utopia, Aggression, Power: Psychosocial Dynamics of Post-Revolutionary Time: Russia, 1920–1930]. Moscow, ROSSPEN. 756 p.

Bushueva, T.S. (2020). *Obshhestvennye nastroeniya v Krasnoy Armii, 1920-e–1934 g*. [Public sentiment in the Red Army, 1920s–1934]. Moscow, Izdatelstvo MPGU. 443 p.

Fairclough, N. (2003). Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research. London, Routledge. 199 p.

Golubev, A.V. (2019). *"Esli mir obrushitsya na nashu respubliku": sovetskoe obshhestvo i vneshnyaya ugroza v 1922–1941 gg*. ["If the World Collapses on Our Republic": Soviet Society and the External Threat in 1922–1941]. Moscow, Direkt-Media. 285 p.

Gyunter, Kh., Dobrenko, E. (Eds.). (2000). *Sotsrealisticheskiy kanon* [Social Realistic Canon]. St. Petersburg, Akademicheskiy proekt. 1040 p.

Yorgensen, M., Fillips, L. (2008). *Diskurs-analiz. Teoriya i metod* [Discourse Analysis. Theory and Method]. Kharkov, Izdatelstvo Gumanitarnogo tsentra. 336 p.

Kulevig, E. (2009). *Narodnyy protest v khrushhevskuyu epohu: devyat rasskazov o nepovinovenii v SSSR* [Popular Protest in the Khrushchev Era: Nine Stories about Disobedience in the USSR]. Moscow, AIRO-XXI. 206 p.

Livshin, A.Ya. (2010). *Nastroeniya i politicheskie emotsii v Sovetskoy Rossii. 1917–1932 gg*. [Opinions and Political Emotions in Soviet Russia. 1917–1932]. Moscow, ROSSPEN. 341 p.

Medeubaev, E.I. (2018). Vlast i obshhestvo v Orenburzh'e na zakate khrushhevskoy "ottepeli": umonastroeniya, massovaya psihologiya i zhiznennye orientatsii [Power and Society in Orenburg Region at the Sunset of Khrushchev's "Thaw": Attitudes, Mass Psychology and Life Orientations]. In *Devyatye Bolshakovskie chteniya. Orenburgskiy kray kak istoriko-kulturnyy fenomen*. Orenburg, pp. 343–346.

Murenko, D.I. (2021). Sotsialno-politicheskie transformatsii khrushhevskoy "ottepeli" (na materialah komiteta komsomola Tomskogo gosudarstvennogo universiteta 1956–1957 gg.) [Socio-Political Transformations of the Khrushchev "Thaw" (Based on the Materials of the Komsomol Committee of Tomsk State University 1956–1957)]. In *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. Iss. 1 (37), pp. 138–148.

Orlov, I.B. (1999). "Sytyy golodnomu ne razumeet": problema vyzhivaniya v "pismah vo vlast" (1917–1927) ["The Well-Fed does not Understand the Hungry": The Problem of Survival in "Letters to the Authorities" (1917–1927)]. In *Armageddon: aktualnye problemy istorii, filosofii, kulturologii.* Moscow. Vol. 4, pp. 85–96.

Vavulinskaya, L.I. (2021). Vlast i obshhestvennaya zhizn v Karelii v gody “ottepeli” (seredina 1950 – seredina 1960-h godov) [Power and Public Life in Karelia during the “Thaw” (mid-1950s – mid-1960s)]. In *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 21, Iss. 4, pp. 533–540.

Zubkov, S.A. (2007). “Litsom k litsu”: formirovanie mezhdunarodnogo imidzha N.S. Khrushheva v sredstvah massovoy informatsii [“Face to Face”: Formation of the International Image of N.S. Khrushchev in the Media]. In *Novyy istoricheskiy vestnik*. Iss. 1 (15), pp. 101–107.

Zubkova, E.Yu. (1993). *Obshhestvo i reformy. 1945–1964* [Society and Reforms. 1945–1964]. Moscow, Rossiya molodaya. 198 p.

А.А. Фокин*

«АВТОМАТИКА НАМ НЕ ПОДХОДИТ»: ВЫБОРЫ КАК ЭЛЕМЕНТ ПРОТИВОСТОЯНИЯ МЕЖДУ СОЦИАЛИЗМОМ И КАПИТАЛИЗМОМ В ЭПОХУ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»**

doi:10.31518/2618-9100-2022-6-11
УДК 324(470+571)

Выходные данные для цитирования:
Фокин А.А. «Автоматика нам не подходит»: выборы как элемент противостояния между социализмом и капитализмом в эпоху «холодной войны» // Исторический курьер. 2022. № 6 (26). С. 146–153. URL: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-6-11.pdf

A.A. Fokin*

“AUTOMATICS DON’T SUIT US”: ELECTIONS AS AN ELEMENT OF THE CONFRONTATION BETWEEN SOCIALISM AND CAPITALISM IN THE COLD WAR ERA**

doi:10.31518/2618-9100-2022-6-11

How to cite:
Fokin A.A. “Automatics don’t Suit Us”: Elections as an Element of the Confrontation Between Socialism and Capitalism in the Cold War Era // Historical Courier, 2022, No. 6 (26), pp. 146–153. [Available online: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-6-11.pdf]

Abstract. The turn of the 1950s and 1960s was marked by the desire to build a dialogue between the East and the West. The USSR was showing its openness and willingness to compete with the West not only with tanks, planes and missiles, but also on the symbolic field. One such aspect of the competition, which was supposed to prove the superiority of socialism, was the Soviet elections. Soviet propaganda actively emphasized that genuine democracy existed only in the USSR. In capitalist countries, various censors and other restrictions prevented the population from fully expressing its political will. During this period, the struggle for true democracy fitted well with the general achievements of the USSR in the exploration of the space and the atom, and successes in science and technology were supposed to support the advantages of the model of democracy which was being implemented within the Soviet regime. At the same time, it is important to note that the Soviet leadership sought not to hide the peculiarities of Soviet elections, such as almost 100 % turnout and no alternatives, but rather to show the progressive nature of the Soviet electoral system. The article analyzes a meeting in 1962 between representatives of the Central Election Commission of the USSR and students of courses for activists of the trade union movement in Asia, Africa, and Latin America. It shows how the representatives of the Soviet system sought to demonstrate the advantage of the Soviet electoral system and the disadvantages of the Western one. In this way the discussion of Soviet diplomacy is considered in the context of the Cold War.

Keywords: Elections, Democracy, Cold War.

The article has been received by the editor on 30.04.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Александр Александрович Фокин,** кандидат исторических наук, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, e-mail: a.a.fokin@utmn.ru
Aleksandr Aleksandrovich Fokin, Candidate of Historical Sciences, Tyumen State University, Tyumen, Russia, e-mail: a.a.fokin@utmn.ru
** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 20-09-00218 «Практики взаимодействия власти и общества в позднесоветский период (1956–1985 гг.)».
The work was carried out with the financial support of RFBR grant No. 20-09-00218 “Practices of Interaction Between Government and Society in the Late Soviet Period (1956–1985)”.

Аннотация. Рубеж 1950–1960-х гг. ознаменовался стремлением выстроить диалог между Востоком и Западом. СССР показывал свою открытость и готовность конкурировать с Западом не только танками, самолетами и ракетами, но и на символическом поле. Одним из таких аспектов соревнований, которые должны были доказать преимущество социализма, стали выборы в Советы. В советской пропаганде активно подчеркивалось, что подлинная демократия существует только в СССР. В странах капитализма различные цензы и другие ограничения мешают населению в полной мере выражать свою политическую волю. Борьба за «истинную» демократию в этот период удачно встраивалась в общий фон достижений СССР, таких как успехи в областях освоения космоса и исследований атома, достижения в области науки и техники. Все эти результаты научно-технического прогресса должны были подкреплять преимущества той модели демократии, которая реализовывалась в рамках советского режима. При этом важно отметить, что советское руководство вовсе не стремилось скрывать особенности советских выборов (такие как почти 100 %-я явка и безальтернативность выборов), а наоборот, старалось демонстрировать прогрессивный характер советской избирательной системы. В статье анализируется встреча в 1962 г. представителей Центральной избирательной комиссии СССР и слушателей курсов для активистов профсоюзного движения Азии, Африки и Латинской Америки. Показано, как представители советской стороны стремились продемонстрировать преимущество советской избирательной системы и недостатки западной. Таким образом, дискуссия о советской дипломатии вписывается в контекст «холодной войны».

Ключевые слова: выборы, демократия, «холодная война».

Статья поступила в редакцию 30.04.2022 г.

Важным аспектом идеологии марксизма (а потом и большевизма) была критика существующих вариантов демократии, которую марксисты обозначали как буржуазную. Так, в 1918 г. Владимир Ленин писал: «Выборы, производимые при таких условиях, буржуазия, понятное дело, любит называть “свободными”, “равными”, “демократическими”, “всенародными”, ибо эти слова служат для сокрытия правды, для сокрытия того, что собственность на средства производства и политическая власть остается у эксплуататоров, поэтому о действительной свободе, о действительном равенстве для эксплуатируемых, т.е. для громадного большинства населения, не может быть и речи. Буржуазии выгодно и необходимо скрывать от народа буржуазный характер современной демократии, изображать ее демократией вообще или “чистой демократией”»[1]. В противовес буржуазной «демократии» большевики, естественно, противопоставляли власть Советов в качестве примера подлинной демократии. Но если первоначально в Советской России действовала система лишения части граждан политических прав, что не позволяло говорить о всеобщей демократии, то после принятия Конституции в 1936 г. ситуация изменилась. Статья 135 декларировала, что выборы депутатов являются всеобщими, и все граждане СССР, достигшие 18 лет, независимо от расовой и национальной принадлежности, пола, вероисповедания, образовательного ценза, оседлости, социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности, имеют право участвовать в выборах депутатов, за исключением лиц, признанных в установленном законом порядке умалишенными. Таким образом, система выборов в Советы охватывала почти все дееспособное население страны. С момента проведения первых всеобщих выборов в Верховный Совет СССР в 1937 г. идея о тотальном превосходстве советской избирательной системы над зарубежными аналогами воспроизводилась постоянно. Примером этого может служить появление различных изданий на эту тему[2]. Еще больше противостояние

[1] *Ленин В.И.* О «демократии» и диктатуре // ПСС. 5-е изд. С. 388.

[2] *Островский А.Г.* Фальшь буржуазной демократии. Ленинград, 1937; Вот она – буржуазная «демократия»: сборник статей и материалов о выборах в капиталистических странах. Саратов, 1938; *Вольский Р.А.* Как происходят выборы в капиталистических странах. М., 1937.

советской и буржуазной демократии активизируется с началом «холодной войны», поскольку появляется необходимость доказывать не только себе, но и другим странам преимущество социалистического строя.

Вторая половина 1950-х гг. ознаменовалась стремлением выстроить диалог между Востоком и Западом. Помимо традиционной дипломатии, возникают новые каналы коммуникации. VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Москве (1957 г.), проведение I Международного конкурса им. Чайковского (1958 г.), показ моделей европейских домов мод (1959 г.), Американская национальная выставка в Сокольниках (1959 г.) – все это должно было способствовать установлению новых отношений между враждующими блоками. СССР показывал свою открытость и готовность конкурировать с Западом не только танками, самолетами и ракетами, но и на символическом поле.

Показательно, что удачным поводом для развития международных связей советское руководство посчитало выборы в Верховный Совет СССР 1958 г. Так, в записке на имя секретаря Президиума Верховного Совета СССР Михаила Георгадзе заведующий Секретариатом ЦИК Петр Туманов отмечал, что «приглашение иностранных представителей на выборы в Верховный Совет СССР будет способствовать развитию взаимопонимания между СССР и другими странами, а также будет способствовать установлению парламентских контактов и связи между должностными лицами СССР и других государств, считаем целесообразным одновременно рассмотреть вопрос о приглашении на предстоящие выборы в Верховный Совет СССР представителей других иностранных государств, в частности стран народной демократии и стран, имеющих общую границу с СССР»[3].

Помимо прагматических целей, у иностранных наблюдателей была важная символическая задача. Еще на ранних этапах существования Страны Советов культурная дипломатия и приглашение иностранных делегаций были важными шагами к легитимации советского строя. Неслучайно иностранные гости, прежде всего известные деятели культуры, такие как Герберт Уэллс, Анри Барбюс, Андре Жид, Лион Фейхтвангер и даже вернувшийся из-за границы Максим Горький, выступали как наблюдатели, чей взгляд обладал большей ценностью, чем взгляды жителей самого СССР. Как отмечает Алексей Голубев, иностранный взгляд играл роль зеркала Жака Лакана, которое могло собрать разрозненные фрагменты в некую целостность: «Власть западного взгляда была по своей природе аффективна: движущей силой для советского человека, определявшей, как необходимо выступать на “международной сцене”, являлась потребность произвести впечатление на внешнего наблюдателя: вызвать восторг, благоговение и одобрение среди условных друзей и зависть, бессильный гнев и разочарование среди условных врагов. Тем самым в советской культурной логике западный взгляд рождал онтологическую потребность в гордости за советское тело, вещь или пространство»[4].

Так, в советской пропаганде активно подчеркивалось наличие в странах Запада и прежде всего в США избирательных цензов, которые ограничивали участие населения в процессе голосования. Вот как писали в одной из советских книг: «Одной из наиболее реакционных является избирательная система США, которая отличается наибольшим числом ограничений избирательных прав. Формально в США провозглашено “всеобщее” избирательное право. На деле избирательные законы штатов отстраняют от участия в выборах весьма широкие слои населения, особенно негритянского»[5]. Далее идет перечисление этих цензов: имущественный ценз – в восьми штатах нужно уплатить специальный избирательный налог, чтобы получить право на участие в выборах; ценз оседлости – для получения избирательного права законы штатов требуют, чтобы гражданин проживал в пределах штата от 3 месяцев до 2 лет, в пределах графства – от 1 месяца до 1 года, в пределах города – от 20 дней до 6 месяцев и т.д.; образовательный ценз – существует в 19 штатах и требует знания английского языка и умения

[3] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 7522. Оп. 14. Д. 26. Л. 2–3.

[4] *Голубев А.* Западный наблюдатель и западный взгляд в аффективном менеджменте советской субъективности // После Сталина: позднесоветская субъективность (1953–1985): сб. ст. СПб., 2018. С. 240.

[5] *Крутоголов М.А.* Выборы в СССР и буржуазных странах. М., 1959. С. 18.

«правильно излагать конституцию»; возрастной ценз – (высокий возрастной ценз – 21 год) – лишает значительную часть молодежи права участвовать в выборах; в 29 штатах не могут голосовать солдаты и матросы; в штате Калифорния от выборов отстранены китайцы, в штате Айдахо – индейцы; в штате Северная Каролина не допускаются к выборам лица, не верующие в бога, и т.д.[6] Этой проблеме был посвящен плакат Вениамина Брискина «Выборные махинации в странах капитала»[7], на котором изображены фигуры, символизирующие американскую и британскую буржуазную элиту, а также представители Ку-клукс-клана, стоящие на ступенях лестницы, ведущей в здание парламента, и держащие длинные палки, которыми преграждают путь потенциальным кандидатам, и на этих палках написано: расовый ценз, ценз оседлости, образовательный ценз, возрастной ценз, женщинам мест нет, неграм мест нет.

В Советском Союзе, наоборот, представительство различных групп населения в разных органах власти подчеркивалось и соблюдалось. Хотя формально и официально наличие избирательных квот нигде не указывалось, на деле же в документах как местных, так и центральных избирательных комиссий можно обнаружить статистические отчеты, отражающие логику представительства. Так, существовало как минимум пять категорий граждан, которые должны были получить свое представительство в системе Советов: женщины, рабочие, колхозники, беспартийные, комсомольцы. Поскольку на выборах должен был победить «блок коммунистов и беспартийных», не допускалось чтобы депутатами Советов были только члены КПСС, так как система Советов должна была представлять всех советских людей. Несмотря на почти полное отсутствие женщин на руководящих постах, в системе Советов осуществлялся принцип гендерного представительства, поскольку женщины должны были занимать около 35–45 % депутатских мест. Плюс к этому в системе Верховного Совета СССР существовал Совет Национальностей, который, в отличие от Совета Союза, был выбираем по национальным округам. Именно он должен был обеспечить справедливое представительство различным национальным группам.

Так, к началу 1960-х гг. в рамках советской идеологии уже сформировались определенные модели репрезентации преимущества советской избирательной системы на международной арене. Борьба за истинную демократию в этот период удачно вписывалась в общие достижения СССР в освоении космоса и атома, в успехи в области науки и техники, и должна была подкреплять преимущества той специфической модели демократии, которая реализовывалась в рамках советского режима. При этом важно отметить, что советское руководство стремилось не скрывать особенности советских выборов, а наоборот, старалось показывать прогрессивный характер советской избирательной системы.

Наглядным выражением этой политики может послужить интересный кейс в начале 1960-х гг. В 1962 г. в Центральную избирательную комиссию СССР обратилось руководство курсов для активистов профсоюзного движения Азии, Африки и Латинской Америки. Слушатели данных курсов, находившихся в Москве, выразили желание провести беседу по вопросам советской избирательной системы. Особенно актуально это было для представителей «черного» континента, поскольку с 1960 г. начинается череда получений независимости бывшими европейскими колониями, и многие из них начинают ориентироваться на СССР, в том числе и в плане формирования политической системы.

СССР на встрече представляли: председатель ЦИК В.В. Гришин (председатель ВЦСПС), заместитель председателя Н.А. Муравьева (председатель Центральной ревизионной комиссии КПСС), секретарь В.Н. Титова (заведующая Отделом партийных органов ЦК КПСС по союзным республикам). Интересный факт, что и Муравьева, и Титова избирались в ЦИК не от партийных организаций, а от профсоюза работников культуры. Видимо, это было связано с желанием подстраховаться от обвинений, что делегаты от партии контро-

[6] *Крутоголов М.А.* Выборы в СССР… С. 19.

[7] *Брискин В.М.* Выборные махинации в странах капитала // Digital Soviet Art [Электронный ресурс]. URL: https://www.digitalsovietart.com/artist-portfolios/56-briskin-veniamin-1906-1982/12336-election-fraud-in-the-capitalist-countries (дата обращения: ??.??.2022 г.)

лируют выборы в СССР, в то время как выдвижение трудовыми коллективами работников культуры делало кандидатуры более нейтральными.

Перед представителями ЦИК стояла задача не просто рассказать иностранным гостям о советской избирательной системе, но и убедить их в том, что она по-настоящему демократическая и передовая. Выборы в Верховный Совет СССР были своеобразной витриной советской демократии, и вопросы, связанные с политическими свободами в СССР, являлись частью идеологического противостояния в ходе «холодной войны».

Интересно проследить, какие тезисы о советской демократии использовались для представителей стран Африки, Азии и Латинской Америки. Вот как советская сторона обосновывала схожесть СССР и бывших колониальных стран: «Подобно тому, как империалистическая пропаганда утверждает, что некоторые народы еще не созрели для самоуправления, что у них якобы нет опыта руководства государством, подходящих кадров и т.д., так и эта буржуазная пропаганда после Октябрьской революции утверждала, что рабочие и крестьяне Советского Союза, взяв политическую власть в свои руки, не смогут управлять страной. Как известно, история Советского государства решительным образом опровергла эти доводы»[8]. То есть раньше Советская Россия противостояла странам капитализма и находилась во враждебном окружении, а теперь в похожей ситуации оказались бывшие колонии. И если советская модель демократии позволила СССР добиться значительных успехов, то такой путь приведет к успеху и другие страны.

Основным аргументом, который озвучивали представители ЦИК, было последовательное проведение в жизнь принципа всеобщего избирательного права, что являлось лучшим доказательством демократичности советской избирательной системы. Подчеркивалось, что советское избирательное право – самое демократическое, поскольку, в отличие от многих государств так называемого свободного мира, не имело никаких избирательных цензов. Особый упор делался на то, что советское законодательство не только провозглашает избирательные права граждан, но и гарантирует им возможность осуществить эти избирательные права. Указывалось, что для выдвижения кандидатов в депутаты не предусмотрено никаких особых условий, никаких ограничений. Расходы, связанные с выборами, производятся за счет государства. Это обеспечивает трудящимся невиданные ни в одной буржуазной стране возможности посылать своих представителей в верховный орган власти. Это был серьезный аргумент, поскольку многие из бывших колоний еще недавно являлись частью европейских империй и напрямую были знакомы с расизмом. В США расизм также был массовым явлением, в то время как СССР активно пропагандировал принципы интернационализма и дружбы народов. Если в Конгрессе и Сенате США цветные члены были очень редким исключением, то в СССР депутаты из всех республик избирались в Верховный Совет СССР.

Отличительной особенностью советских выборов было наличие одного кандидата в бюллетенях – это шло вразрез с привычными вариантами выборов, где кандидаты соревнуются между собой. Поэтому необходимо было обосновать безальтернативность советских выборов, и тут в ход шли различные аргументы. «При прошлых выборах к нам часто обращались корреспонденты иностранных газет с вопросом: “Почему у нас по каждому округу голосуется только один кандидат, для избирателей якобы нет выбора за кого голосовать?” Отвечу на этот вопрос. В СССР избирательный закон предусматривает возможность регистрации нескольких кандидатов по одному избирательному округу. Почему же на практике не применяется включение в бюллетень нескольких кандидатов по одному и тому же округу? Ответ следующий. У нас в стране нет антагонистических классов, а следовательно, нет противостоящих, враждующих между собой партий. Поэтому у нас кандидат единый. В начале избирательной кампании по каждому округу выдвигается несколько кандидатов. Собрания различных общественных организаций выдвигают своих кандидатов. Затем идет процесс обсуждения этих кандидатов. На общих собраниях обсуждают выдвинутых кандида-

[8] ГАРФ. Ф. Р-7522. Оп. 6. Д. 23. Л. 22.

тов и договариваются о едином кандидате, который лучшим образом сможет представлять интересы избирателей»[9].

Тема одного кандидата была очевидным различием выборов в СССР и в буржуазных странах, поэтому к ней постоянно возвращались. Например, Никита Хрущев, выступая на собрании избирателей Калининского избирательного округа г. Москвы 16 марта 1962 г., высказался следующим образом: «Пропагандисты и идеологи буржуазного образа жизни США кичатся тем, что у них при выборах в Конгресс баллотируются два кандидата. Это они преподносят чуть ли не как высшее проявление демократии. Какие же два кандидата баллотируются там на выборах? От каких партий эти кандидаты? От двух основных буржуазных партий – демократической и республиканской. Но сами американцы говорят, что разницы между этими партиями практически никакой нет, обе выражают интересы эксплуататорских классов. Поэтому во время выборов идет грызня между различными кандидатами, которые представляют монополистов, фабрикантов, заводчиков, то есть те классы, с господством которых советский народ покончил еще в 1917 г. Мне понравилось выступление одного рабочего во время этой предвыборной кампании. Он сказал: “Мы, советские люди – коммунисты и беспартийные, отдаем свои голоса за одного, но настоящего представителя народа. А это куда лучше, чем в США, где люди предпочитают выбор между двумя кандидатами, из которых один не лучше другого, так как оба они ничего общего не имеют с народом”»[10]. Схожую мысль высказывал уже упоминавшийся Петр Туманов в статье «Гарантия демократизма»[11].

В контексте данной темы интересна не столько сама статья, сколько ответ автора на письмо одного читателя, поступившее в редакцию «Известий» и содержавшее критику практики включения в избирательный бюллетень только одного кандидата. Петр Туманов в своем ответном письме указывал: «Вы [*анонимный автор письма. – А. Ф.*] подходите к вопросу предубежденно и абстрагируетесь от вопроса о политическом значении наших выборов в международной жизни. Вы не задумывались над тем, что скажут наши недруги, когда узнают, что депутаты нашего парламента избраны лишь незначительным большинством голосов избирателей»[12]. То есть, с точки зрения П. Туманова (а поскольку он был одной из ключевых фигур в ЦИК, можно говорить, что это отражение официальной позиции), советские выборы должны были показать единство советских граждан, то, что они не могут разделяться, даже выбирая между хорошим и лучшим, они всегда должны быть вместе. И это единство важно демонстрировать не только внутри страны, но и за ее пределами.

Выборы также воспринимались важным инструментом репрезентации СССР на международной арене. В 1976 г. в известном сборнике «СССР: 100 вопросов и ответов», который предназначался для разъяснения иностранцам особенностей советской действительности, выстраивается другая логика выдвижения единственного кандидата: «Это не требование закона (он не ограничивает числа баллотирующихся кандидатов), а сложившаяся традиция. Отметим, что и в буржуазных государствах от каждой партии в избирательном округе обычно баллотируются не два и не три, а всего лишь один кандидат. Общее количество кандидатов на каждое депутатское место там, как правило, соответствует количеству партий, принимающих участие в выборах. У нас же одна партия – Коммунистическая, и если она выставляет своего кандидата, то тоже одного на место»[13]. Помимо интересного указания на сложившуюся традицию, в этих вариантах видно желание подчеркнуть единство советского народа и, что самое важное, отзеркаливание западной версии выборов. Если Карл Маркс поставил диалекту Гегеля с головы на ноги, то советская власть поставила систему выборов в правильное положение.

Интересно, что представитель Ганы Керсей Поль, присутствующий на встрече, задал логичный вопрос: «В связи с тем, что в СССР нет антагонистических классов, почему бы не

[9] ГАРФ. Ф. Р-7522. Оп. 6. Д. 23. Л. 32.
[10] Там же. Л. 60.
[11] *Туманов П.* Гарантия демократизма // Известия. 1966. 16 мая.
[12] ГАРФ. Ф. 7522. Оп. 7. Д. 23. Л. 124.
[13] СССР: 100 вопросов и ответов. М., 1978. С. 17.

проводить автоматические выборы тех кандидатов, которые выдвинуты организациями». На что представитель Центральной избирательной комиссии Н.А. Муравьев ответил: «Автоматика нам не подходит. Выборы в Верховный Совет СССР – это большая политическая кампания, которая поднимает весь советский народ, мобилизует всю его политическую и трудовую активность, сплачивает коммунистов и беспартийных. Мы считаем, что всенародные выборы путем голосования – это наилучшее выражение демократии. Хозяин – сам народ, народ выдвигает своего представителя в парламент»[14].

В этом плане важно подчеркнуть, что, с точки зрения советского руководства, и это подтверждается и другими материалами, выборы не были политическим театром, призванным обмануть советских граждан. Отметим, что именно такой подход бытует в литературе, посвященной анализу электоральной системы в СССР. Внутри самой системы выборы – не простая формальность, а важный элемент, призванный зафиксировать волю народа, т.е. проявлением подлинного народовластия. Это было призвано зафиксировать и массовое участие населения в выборах. Вот еще одно сравнение советской и американской демократий, озвученное на встрече: «У нас почти 100 % всех избирателей участвуют в выборах и участвуют сознательно. В то же время в США, например, всего 50–60 % избирателей принимают участие в выборах. Остальные избиратели или устраняются от выборов с помощью различных ограничительных цензов, или избиратели сами пассивно относятся к выборам и не хотят принимать участие в голосовании, ибо не видят никакой заинтересованности власти в проведении таких выборов»[15]. Таким образом, лишний раз подчеркивалось фактическое неравенство, существующее в буржуазной демократии. Что членом парламента или главой государства может стать человек, за которого проголосовало около четверти избирателей, в то время как в СССР депутату поддержку оказывают 99 % избирателей. Предполагалось, что для представителей стран Африки, Азии и Латинской Америки идеи установления политического и социального равенства в 1960-е гг. были особенно актуальны.

В позднем СССР выборы стремились показать стабильность и воспроизводимость политических структур, что должно было демонстрировать незыблемость системы. Неслучайно Алексей Юрчак в заглавие своей книги выносит фразу «Это было навсегда» и отмечает, что «большинство советских людей до начала перестройки не просто не ожидало обвала советской системы, но и не могло его себе представить»[16]. Действительно, социально-политическая стабильность советской системы, которая в символическом плане поддерживалась и за счет различных ритуалов, создавала у населения СССР ощущение некой неизменности. В этом аспекте позднесоветская идеология, хотя Алексей Юрчак отмечает выхолащивание политического языка, была более эффективна, чем сталинская, которая, особенно в 1930-е гг., постоянно менялась и не могла выработать устойчивых форм, понятных для всех участников политического процесса[17]. По сути, позднесоветская модель предлагала один из механизмов создания политической нации, что в период государственного строительства было крайне актуально. На международной арене, в условиях соревнования двух систем, советский вариант в сочетании с идеями антиколониализма и интернационализма давал привлекательный вариант развития для молодых государств. В этом аспекте советское руководство стремилось не просто имитировать демократию, а создать предсказуемую и стабильную систему, которая как внутри страны, так и за ее пределами могла выступать реальной альтернативой политической системе США и других капиталистических стран.

[14] ГАРФ. Ф. Р-7522. Оп. 6. Д. 23. Л. 35.
[15] Там же. Л. 5–24.
[16] *Юрчак А.* Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М., 2014. С. 34.
[17] О противоречиях формирования сталинской идеологии и пропаганды: *Бранденбергер Д.* Кризис сталинского агитпропа: Пропаганда, политпросвещение и террор в СССР, 1927–1941. М., 2017.

Литература

Бранденбергер Д. Кризис сталинского агитпропа: Пропаганда, политпросвещение и террор в СССР, 1927–1941. М.: РОССПЭН, 2017. 370 с.

Голубев А. Западный наблюдатель и западный взгляд в аффективном менеджменте советской субъективности // После Сталина: позднесоветская субъективность (1953–1985): сб. ст. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. С. 219–254.

Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: НЛО, 2014. 664 с.

References

Brandenberger, D. (2017). *Krizis stalinskogo agitpropa: Propaganda, politprosveshchenie i terror v SSSR, 1927–1941* [The Crisis of Stalinist Agitprop: Propaganda, Political Education and Terror in the USSR, 1927–1941]. Moscow, ROSSPEN. 370 p.

Golubev, A. (2018). Zapadnyy nablyudatel' i zapadnyy vzglyad v affektivnom menedzhmente sovetskoy subektivnosti [The Western Observer and the Western Gaze in the Affective Management of Soviet Subjectivity]. In *Posle Stalina: pozdnesovetskaya subektivnost' (1953–1985): sbornik statey.* St. Petersburg, Izd-vo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, pp. 219–254.

Jurchak, A. (2014). *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie* [It was Forever Until it Ended. The Last Soviet Generation]. Moscow, NLO. 664 p.

И.Н. Стрекалов*

«ПИСЬМА ВО ВЛАСТЬ» СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН В ХОДЕ СОЗДАНИЯ КОНСТИТУЦИИ СССР 1977 ГОДА: ЛОМКА СТЕРЕОТИПА И НЕОЖИДАННЫЕ «ОТКРОВЕНИЯ»**

doi:10.31518/2618-9100-2022-6-12
УДК 352.07(47+57)(044)"1977"

Выходные данные для цитирования:
Стрекалов И.Н. «Письма во власть» советских граждан в ходе создания Конституции СССР 1977 года: ломка стереотипа и неожиданные «откровения» // Исторический курьер. 2022. № 6 (26). С. 154–163. URL: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-6-12.pdf

I.N. Strekalov*

"LETTERS TO POWER" OF SOVIET CITIZENS DURING THE CREATION OF THE CONSTITUTION OF THE USSR IN 1977: "BREAKING" THE TEMPLATE AND UNEXPECTED "REVELATIONS"**

doi:10.31518/2618-9100-2022-6-12

How to cite:
Strekalov I.N. "Letters to power" of Soviet Citizens During the Creation of the Constitution of the USSR in 1977: "Breaking" the Template and Unexpected "Revelations" // Historical Courier, 2022, No. 6 (26), pp. 154–163. [Available online: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-6-12.pdf]

Abstract. The article is devoted to the analysis of non-standard appeals of the Soviet citizens about the structure of the state and society in the 1960s–1970s in the "letters to power". This subject of research was considered in connection with the constitutional reform, e.g. the process of creating the third Constitution of the USSR, officially held from 1962 to 1977. The work draws attention to the non-standard approach of Soviet citizens to the creation of a new Basic Law of the country, to discuss not only socio-economic, political and other issues that were of particular interest to them. Citizens' letters to the Constitutional Commission, considered by employees of the apparatus of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR, as well as letters from the sub-department of letters of the General Department of the Central Committee of the CPSU were studied. Through the introduction of these sources into scientific circulation, it is possible to expand the ideas of researchers about the limits of thinking, creativity and the variety of approaches to constitutional reform. Once again, the analysis of constitutional correspondence indicates the impossibility of applying certain concepts and terms in relation to the entire Soviet society as a whole, testifies in favor of the existence of differences in Soviet society, the desire of a number of Soviet citizens to abandon standard appeals to power and even their commitment to "revelation" in dialogue with it.

Keywords: Constitution, Soviet society, Soviet Union, N.S. Khrushchev, L.I. Brezhnev, different thoughts (raznomyslie).

The article has been received by the editor on 14.04.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья посвящена анализу нестандартных обращений советских граждан об устройстве государства и общества в 1960–1970-е гг. в «письмах во власть». Данный предмет исследования рассмотрен в связи с конституционной реформой –

* **Илья Николаевич Стрекалов,** кандидат исторических наук, свободный исследователь, Москва, Россия, e-mail: strekalov4@gmail.com
Ilya Nikolaevich Strekalov, Candidate of Historical Sciences, Free Researcher, Moscow, Russia, e-mail: strekalov4@gmail.com

** Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 20-09-00218 «Практики взаимодействия власти и общества в позднесоветский период (1956–1985 гг.)».
The article was prepared as part of the RFBR grant project No. 20-09-00218 "Practices of Interaction Between Government and Society in the Late Soviet Period (1956–1985)".

процессом создания третьей Конституции СССР в 1962–1977 гг. Обращается внимание на нестандартный подход советских граждан к вопросу создания нового Основного Закона страны, на желание озвучить не только интересующие и волнующие их социально-экономические, политические и иные вопросы. Изучены письма граждан в Конституционную комиссию, рассматривавшиеся сотрудниками аппарата Президиума Верховного Совета СССР, а также письма подотдела писем Общего отдела ЦК КПСС, содержащие информацию о предложениях к проекту Конституции. Благодаря введению в научный оборот данных источников представляется возможным расширить представления исследователей о пределах творческого мышления, креативности и многообразия подходов к конституционной реформе со стороны советских граждан. Анализ конституционной корреспонденции лишний раз свидетельствует о невозможности применения тех или иных концептов и терминов по отношению ко всему советскому обществу в целом, свидетельствует в пользу существования разномыслия в советском обществе, стремления ряда советских граждан к отказу от стандартных обращений к власти и даже к «откровению» в диалоге с ней.

Ключевые слова: Конституция, советское общество, Советский Союз, Н.С. Хрущев, Л.И. Брежнев, разномыслие, творчество.

Статья поступила в редакцию 14.04.2022 г.

«Письма во власть» (или «public letter-writing», как это называется в англоязычной литературе) являются одним из наиболее привлекательных для историков сюжетов, позволяющих проследить характер взаимодействия власти и общества в самые разные исторические эпохи. Это связано с тем, что во все времена письменное обращение гражданина к руководству государства являлось и продолжает являться одним из прямых и надежных каналов коммуникации между населением и властью. Изучение этого исторического сюжета позволяет выявить тенденции, закономерности, провести определенные наблюдения по вопросу о том, как складывается взаимодействие власти и общества, почему оно принимает именно такой характер. Однако «письма во власть» являются также незаменимым источником при изучении образа мышления, сознания человека и гражданина, позволяют выявить стиль его сообщения с руководством страны. В случае с советской эпохой в отечественной истории это позволяет приблизиться к пониманию того, какой была в те или иные периоды этой эпохи советская идентичность, какие ценностные установки разделял рядовой гражданин в отношении власти, а также выяснить, можно ли считать, что это были некие единые, раз и навсегда заданные аксиомы мышления. Этот исторический сюжет также позволяет понять, в чем заключались особенности человека именно советской формации и как они повлияли на ход исторических событий, которые привели к распаду СССР.

В историографии «писем во власть» эпохи СССР наиболее изученным является раннесоветский период[1], также свою историю изучения имеет период 1930-х гг.[2], военные и послевоенные годы[3]. В конце прошлого столетия, когда стали доступны многие архивные документы, связанные с позднесоветской эпохой, историки стали писать о взаимодействии

[1] Напр., см.: *Лившин А Я.* Эффективность реквизиционной и налоговой политики в 1917–1927 годах в письмах «во власть» // Вестник Пермского университета. История. 2020. Вып. 3. С. 139–150; *Лившин А.Я., Орлов И.Б.* Власть и общество: Диалог в письмах. М., 2002; *Морозова Т.И.* Письма сибиряков во власть в условиях новой экономической политики // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 412. С. 89–97.

[2] Напр., см.: *Великанова О.* Конституция 1936 года и массовая культура политического сталинизма. М., 2021; *Савин А.И.* Письма во власть как специфическая форма политической адаптации советских граждан в 1930-е годы // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2016. Т. 15, № 8. С. 133–145.

[3] Напр., см.: *Зубкова Е.Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность 1945–1953. М., 1999; *Кимерлинг А.С.* «Прошу разобрать это письмо и устранить односторонние взгляды на рабочих, а иначе я буду вынужден написать в ЦК нашей партии»: письма во власть в послевоенные годы // Вестник РУДН. История России. 2013. № 2. С. 5–15; Советская действительность и массовое сознание. 1939–1945. М., 2003.

власти и общества в период хрущевской «оттепели»[4] и, наконец, о времени правления Л.И. Брежнева[5]. Все это позволило отечественной исторической науке развернуть полноценный историографический сюжет о «письмах во власть», глубже проникнуть в основы ментальности и сознания советского общества на разных этапах его существования, понять, какие формы обращения к руководству страны предпочитали граждане и что население ожидало от власти в качестве ответной реакции. Тем не менее, если сделать обзор литературы, заметно, что в области брежневского периода ряд аспектов в сравнении с предыдущими эпохами остается неизученным. Это касается и тех «писем во власть», что были адресованы руководству страны в связи с подготовкой третьей союзной Конституции, работа над которой шла порядка двух десятилетий, официально – с 25 апреля 1962 г. (образование Конституционной комиссии при Верховном Совете СССР) и до 7 октября 1977 г. (принятие Конституции СССР на сессии Верховного Совета СССР).

Безусловно, историография вопроса о «письмах во власть» на сегодняшний день располагает определенным количеством работ, посвященных корреспонденции в связи с разработкой Конституции «развитого социализма». Однако представления о характере конституционной почты у ряда авторов, как правило, весьма однозначны. Например, достаточно категоричные оценки даются в связи со всенародным обсуждением Конституции СССР, проходившим летом 1977 г. А.Н. Медушевский писал о том, что по вопросу принятия Конституции был воплощен в жизнь «сценарий», созданный властью[6]; В.Л. Шейнис утверждал, что во всенародном обсуждении Конституции принимали участие «люди, в подавляющем большинстве слабо подготовленные к освоению сложного юридического документа», все участники обсуждения «твердо знали правила игры и границы дозволенного»[7]. Существует убеждение, что коммуникация между населением и властью в СССР стала возможной только после смерти Л.И. Брежнева и его преемников: утверждается, что именно тогда «население начало верить в возможность диалога с государством и его представителями, налаживания механизмов участия в управлении государством, справедливого решения тех или иных вопросов»[8]. Складывается ощущение, что до наступления перестройки М.С. Горбачева население вовсе не знало никаких форм участия в управлении государством, не верило в возможность взаимодействия с властью.

А.Д. Попова и О.Д. Попова делают упор на том, что советские граждане в 1960-е гг. в письмах о союзной Конституции стали постепенно приближаться в своем сознании к принципам «гражданского общества»; авторы делают ярко выраженный акцент на этом термине: «…анализ, в частности, дает возможность говорить о своеобразном понимании в советском обществе одного из важнейших признаков гражданского общества – демократии и народовластия»[9]. Но представляется сомнительным, чтобы советские граждане в 1960–1970-е гг. мыслили в рамках таких терминов, как «гражданское общество», который столь активно используется исследователями.

Если брать работы, касающиеся писем граждан в Конституционную комиссию по разработке «брежневского» Основного Закона СССР, можно заметить, что авторы, как правило,

---

[4] Напр., см.: *Аксютин Ю.В.* Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М., 2004; *Пыжиков А.В.* Хрущевская «Оттепель» 1953–1964 гг. М., 2002.

[5] Напр., см.: *Попова О.Д.* «В ЦК те же помещики и капиталисты…»: восприятие советскими людьми социального неравенства в СССР в 1960-е годы // Новый исторический вестник. 2016. № 2. С. 72–81; *Савин А.И., Деннингхаус В.* «Письма во власть» как модус религиозного диссидентства в брежневскую эпоху // Россия XXI. 2017. № 6. С. 118–141.

[6] Напр., см.: *Медушевский А.Н.* Основной Закон СССР 1977 г.: государство и личность в эпоху «развитого социализма» // Полития. 2014. № 3. С. 161–164.

[7] *Шейнис В.Л.* Власть и закон. Политика и конституции в России в XX–XXI веках. М., 2014. С. 316.

[8] *Шкаликова С.М., Нагорная О.С.* Историческая ретроспектива коммуникации граждан с властью в дореволюционный и советский периоды // Вестник совета молодых ученых и специалистов Челябинской области. 2017. Т. 1, № 2. С. 78.

[9] *Попова О.Д., Попова А.Д.* Отражение специфики ментальных установок советского общества в представлениях граждан о новой Конституции СССР в 1960-е годы // Вестник Пермского университета. История. 2020. Вып. 3. С. 193.

усиленно концентрируются на социально-экономических вопросах, на конкретике предложений одного ряда или порядка. Редко кто из них стремится обратить внимание на необычные формы выражения мысли в конституционной корреспонденции, на оригинальные примеры демонстрации идей и мыслей граждан, однако именно подобные примеры представляют немалый интерес для историка.

Тем не менее в исторической литературе уже сформировалась точка зрения, согласно которой «письма во власть» помогают продемонстрировать, что оригинальный творческий подход к диалогу с властью также имел место в ходе конституционной реформы 1960–1970-х гг. Так, идею о многообразии мышления и нестандартности выражения суждений гражданами в ходе создания союзной Конституции разделяет А.В. Шубин. Рассматривая сюжет всенародного обсуждения проекта Конституции в 1977 г., он отмечает: «Обсуждение Конституции показывает, насколько многообразным по взглядам и интересам было советское общество, насколько далеко оно было от застывшего монолита, которым его иногда изображают»[10].

В современной исторической литературе тезис о творческом подходе граждан к диалогу с властью может быть описан термином «разномыслие». Одним из наиболее ярких авторов этого концепта является Алексей Юрчак, который писал: «Простые советские граждане активно наполняли свое существование новыми, творческими, позитивными, неожиданными и не продиктованными сверху смыслами – иногда делая это в полном соответствии с провозглашенными задачами государства, иногда вопреки им, а иногда в форме, которая не укладывается в бинарную схему за-против»[11]. Наконец, применительно к рассматриваемой нами истории создания Основного Закона СССР 1977 г. подобную мысль о разнообразии предложений, умонастроений советских граждан в 1960–1980-е гг. проводил в свое время и автор данной статьи в монографии об истории создания «брежневской» Конституции: «Настроения граждан в письмах и выступлениях были разными. <…> письма и выступления граждан как исторический источник показывают все многообразие жизни и деятельности, менталитета и сознания советского общества»[12].

Проблематика данного исследования требует оговорки. Нельзя отрицать того, что существовали некие определенные стандарты, схемы в сознании советских граждан, обращавшихся к руководству страны: это связано с самыми разными причинами, прежде всего политико-идеологического характера. Разумеется, наиболее умеренная в своих настроениях часть советских граждан придерживалась того понимания, что критика власти или законодательства не могла быть огульной, жесткой или выходящей за рамки существовавшего в стране политического строя и господствующей идеологии, что круг затрагиваемых вопросов, в общем-то, заранее очерчен. Безусловно, оглядываясь на все многообразие конституционной корреспонденции, можно признать, что существовал некий условный «шаблон» письма гражданина с предложениями по поводу проекта Конституции СССР.

Для того чтобы продемонстрировать его существование, можно взять в качестве примера письмо А.В. Винниченко (Гомель, Белорусская ССР), присланное в Конституционную комиссию летом 1977 г. Автор разбил свое письмо на несколько пунктов, в первом из которых он отметил как важное событие в жизни страны старт всенародного обсуждения проекта после речи Л.И. Брежнева на Пленуме ЦК КПСС 24 мая 1977 г. Винниченко писал, что считает своим «коммунистическим долгом весьма кратко дать оценку проекта Конституции и внести к нему некоторые замечания». Во втором пункте письма он подчеркивает достоинства проекта, например, говоря о том, что он «написан глубоко, ярко, доходчиво»[13], что он согласен с основными положениями проекта. Наконец, в третьем пункте Винниченко осторожно излагает свою критику с предложениями и поправками, касаясь статьи 12 проекта и сложного вопроса о нетрудовых доходах граждан, считая необходимым, чтобы в Конституции был «указан путь, исключающий возможность получать <…> крупный нетрудовой

[10] *Шубин А.В.* Золотая осень, или Период застоя. 1975–1985. М., 2008. С. 149.
[11] *Юрчак А.* Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М., 2014. С. 45.
[12] *Стрекалов И.Н.* Последняя Конституция Советского Союза. К вопросу о создании. М., 2018. С. 305–306.
[13] Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 100. Оп. 5. Д. 706. Л. 30.

доход»[14]. Автор письма, зная, что его заявка может кому-то показаться смелой, предупреждающе заметил, что его предложение может быть и неучтенным, но просил в таком случае дать ему разъяснения. Собственно, такая структура письма – приветствие, похвала проекту, критика советской действительности с вытекающими из нее конкретными предложениями к тексту проекта и выражение надежды на то, что предложения будут учтены, – присуща большей части того огромного массива конституционной корреспонденции, который поступал в партийные и государственные учреждения, а также в иные инстанции, например, редакции газет или радио.

Однако далеко не все письма граждан, касавшиеся текста будущей Конституции СССР, были подобны по своей структуре тому, что представлено выше. Порой люди выходили за рамки шаблона, проявляли определенного рода смекалку, предлагали необычную форму изложения своей точки зрения, затрагивали вопросы, которые в какой-то степени были закрыты для обсуждения в советском обществе, демонстрировали весьма творческий подход к внесению поправок в определенные статьи конституционного проекта. Это свидетельствует о том, что население страны нельзя рассматривать как нечто идеологически единое, разделяющее какие-то очень определенные, ограниченные в себе ценности, как сообщество людей, не способное к выходу за рамки негласных «правил игры», устоявшихся в советском обществе. Документы фондов Верховного Совета СССР (Государственный архив РФ) и подотдела писем Общего отдела ЦК КПСС (Российский государственный архив новейшей истории), в том числе письма граждан о проекте Конституции СССР за 1962–1977 гг. позволяют выявить примеры нестандартного подхода советских граждан к политическому сотворчеству с представителями руководства страны.

Если говорить о «конституционной» корреспонденции 1960–1970-х гг. и нестандартных формах выражения гражданами предложений в адрес власти, то довольно часто творческие идеи высказывались в связи с государственной символикой Советского Союза. В письме от 12 ноября 1963 г. Э.Н. Киселев (Пенза) выразил свои пожелания относительно государственного герба СССР. Примечательно, что начинал он свое письмо, адресованное председателю Президиума ВС СССР Л.И. Брежневу, следующими словами: «Дорогой Леонид Ильич! Прошу извинить меня, что я отвлекаю Вас от дела, но мне очень хочется поделиться с Вами одной мыслью»[15]. В связи с тем, отмечал Киселев, что на XXII съезде КПСС наука признана одной из важных производительных сил советской экономики, герб, состоящий из серпа и молота, нуждается в дополнительных символах, таких как циркуль, модель атома и спутник. Завершал гражданин свое письмо столь же скромно, как и начинал, обращаясь все к тому же Брежневу: «Очень буду рад, если одобрите, сочтете нужным мое предложение, а если что не так, то прошу меня извинить»[16]. В 1966 г. супруги Верменинг (Украинская ССР) в своем письме, представив рисунок герба, предложили в его центре поместить Ленина и Кремль, обосновав это следующим образом: «1. В.И. Ленин подтверждает правильность нашего пути к коммунизму. 2. Кремль, как гордый сокол, который выстоял в годы войны перед немецкими захватчиками и остался не побежден, возрос славой на весь земной шар. 3. Звезда Кремля светит всему человечеству мира»[17].

Очень часто в таких пожеланиях к изменению облика государственного герба СССР появлялся образ космоса. Советские люди видели в достижениях советской космонавтики огромную заслугу СССР и желали запечатлеть ее в главном символе государства. Так, в письме от 18 августа 1962 г. Ю.А. Соболев (Ленинград) рассуждал: «Россия первая начала штурмовать космос, она обогнала Америку. Это сделала партия, ученые и народ. Как я горжусь, что живу в Советском Союзе. Да, наши ученые хорошо потрудились, русские в космосе! <…> Космический корабль – символ мысли и знаний, символ прогресса нашей техники и труда, должен появиться на гербе моей Родины»[18]. П.Н. Криворотов (Баку) в 1966 г.

[14] РГАНИ. Ф. 100. Оп. 5. Д. 706. Л. 32.
[15] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 333. Л. 16.
[16] Там же. Л. 17 об.
[17] ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 357. Л. 63.
[18] Там же. Д. 329. Л. 116.

прислал письмо с рисунком проекта герба, на котором изображен космический корабль, вылетающий из пространства за стенами Кремля[19].

Оригинальным являлся проект герба, нарисованный и представленный в Конституционную комиссию А.Н. Сизовым (Москва) в его письме от 17 января 1967 г.: в центре герба «помещена буденовка – память о победе в революции и гражданской войне. Представители всех слоев советского общества определенный срок носили этот головной убор почти вплоть до Великой Отечественной войны»[20]. Также автор поместил в свой герб книгу как символ интеллигенции и настоящих коммунистов, а земной шар, на фоне которого располагаются все символы, должен был олицетворять надежду на то, что в будущем власть трудящихся победит во всем мире. Н.И. Мешалкин (Пермь) в письме от 7 мая 1975 г. предложил проект герба СССР (а точнее, проект в двух вариациях) на геральдическом щите, где были символы (автор пояснил их значение): серп, молот, циркуль – труд и созидание; кленовый лист – мир и доброжелательность; пшеничный колос – жизнь и благосостояние; пятнадцать звезд – союзные республики[21]. Показательно, что проекты гербов и флагов, которые предлагались советскими гражданами, как правило, говорят об их гордости за свою страну, за ее историю и достижения. Люди, которые их не только придумывали, но и собственноручно нарезали, клеили, рисовали, были полны энтузиазма и хотели поделиться своими идеями с представителями власти.

Аналогичная ситуация имела место и с государственным флагом Советского Союза. Г.С. Чапров (Крымская обл.) в письме 1971 г. предлагал к 50-летию образования СССР создать государственный флаг с пятнадцатью звездами золотого цвета – он не только выразил пожелание в письменной форме, но и приложил как образец флага к письму ткань с приклеенными на ней звездочками[22]. В.В. Патраков (Воронеж) в июне 1977 г. прислал свои предложения к флагу Советского Союза, где выразил пожелание, чтобы в центре флага была зеленая полоса, поскольку, по его мнению, это «обычно изображает жизнь, т.е. все молодое, прогрессивное, передовое и перспективное», это, в его понимании, «зеленая улица, которая, в конце концов, рано или поздно достигнет других стран нашей планеты, где восторжествует Коммунистическая идеология», а сам флаг при этом будет выглядеть «эстетически красивым, нарядным, торжественным и величавым»[23].

Безусловно, не все граждане были довольны проектом Конституции СССР. Недовольные, как правило, резко и категорично высказывались в отношении окружавших их советских реалий, описывали те явления жизни, когда было очевидно, что позитивные лозунги и речи с трибун расходятся с тем, что они видят вокруг себя. Некоторые из недовольных граждан в своих обращениях к власти в письмах не были сухими «критиканами», а, напротив, весьма сатирически обыгрывали отдельные положения документа. Например, И.И. Сухинин (Воронеж) в июне 1977 г. писал о недостатках производства одежды и обуви. Несмотря на статью о равноправии граждан, как отмечалось в письме, наблюдается неравенство в отношении людей, «рост которых превышает 185 см», т.е. граждан, которые «подвергнуты акселерации, т.е. увеличенному росту, начиная от 185 см и кончая 250 см». «Ростовки», посетовал Сухинин, как будто производятся только для людей невысокого роста. Одежда, которая поступает в магазин «Богатырь», по мнению автора письма, «изготовляется не для богатырей, а для пузатых и коротких», но не для «длинных людей», поэтому «в СССР нет жилого дома “для богатырей”»[24]. Адресант письма был так недоволен потому, что его сын-девятиклассник был ростом более чем два метра, и в семье испытывали постоянные трудности с тем, чтобы купить нужную ему по росту одежду. Поэтому, заключал Сухинин, чтобы улучшить положение людей высокого роста, нужно организовать «Республику богатырей», «где они могли бы жить и работать по санитарным нормам, с правом принятия богатырей из

[19] ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 355. Л. 158.
[20] Там же. Д. 358. Л. 367.
[21] Там же. Д. 366. Л. 268.
[22] Там же. Д. 362. Л. 93.
[23] РГАНИ. Ф. 100. Оп. 5. Д. 711. Л. 58.
[24] Там же. Д. 713. Л. 18.

других стран», а в армии и вовсе комплектовать «батальоны богатырей», в ЦК КПСС и Совете Министров СССР ввести «отделы акселерации», которые будут комплектоваться только из «длинных людей»[25]. Очевидно, что для ряда советских граждан было характерно сатирическое восприятие действительности, и нередко оно помогало им в какой-то степени завуалировать сухую жесткую критику, с которой они готовы были обрушиться на власть предержащих.

При изучении конституционной почты 1960–1070-х гг. встречаются и такие послания, которые отличаются совершенно нестандартным стилем письма, изложением, непривычным выплескиванием гаммы эмоций и чувств, темами, которые не было принято в советском обществе выводить на публичный уровень. Например, взять хотя бы письма А. Дроздовского из г. Одесса по вопросу права граждан на личную жизнь, датированные 1973 г. Сотрудники аппарата Президиума Верховного Совета СССР, которые их читали, были удивлены этими письмами, приписка к одному из них гласит: «Письмо сумбурное, автор производит впечатление душевнобольного человека. <…> в переписку с заявителем не вступать»[26]. Дроздовский же коснулся темы половых отношений, обосновывая свой интерес к проблематике так: «Разумеется, пишу без лицемерия, потому что за эту концепцию ни моральной, ни материальной поддержки не получаю. Ведь существующие ныне обстоятельства иногда вынуждают на темное сотворить светлое. И не скоро ждать искренности от научного авторитета (социальной группы людей), потому что они пекутся о личном благе (комфорте), нежели о других»[27].

В одном из своих писем с заголовком «Электронная сваха» Дроздовский раскрывает идею применения ЭВМ (компьютера) для поиска партнера в личной жизни. Он пишет (курсив автора приводим в оригинале): «Партнер не хочет обременять себя заботами (на определенном жизненном этапе) по ведению совместного хозяйства. Живет в казенном доме и состоит на собственном балансе. ЭВМ с подобной психикой подберет ему (ей) партнера. В какое-то время и рай может быть в шалаше. <…> Как кто считает (опять же, на определенном жизненном этапе) иметь ребенка, когда, с кем, у кого и где быть и где находиться ребенку и т.п. У обратившегося за помощью к ЭВМ имеется возможность взять на свою жилплощадь приемлемого партнера. Другой ищет партнера с жилплощадью. ЭВМ сработала. <…> В дальнейшем опыт ЭВМ подскажет, как лучше организовать встречу (смотрины) ОДИНАКОВОМЫСЛЯЩИХ индивидуально или же в специальном клубе. <…> Такое положение не даст ошибок в подборе. НЕОБХОДИМОЕ НЕ БУДЕТ ЯВЛЯТЬСЯ СЛУЧАЙНЫМ. Лотерея исключается. <…> И этим сократит трату личного времени до минимума…»[28].

Дроздовский считал, что в жизни все и всегда (даже при социализме) происходит по расчету, в том числе и заключение брака, при котором рассчитываются склонности и возможности людей. Для последнего, по мысли автора, хорошо подходит ЭВМ. «ЭВМ ответит: “Пожалуйста, закон гибкий. Только вступая в такую связь, к Вам предъявляются следующие требования… – Согласны?”. Так улыбайся, человек, и живи себе на радость, нам и людям, т.е. на свое и наше здоровье. Вам никто не будет мешать»[29]. При первом прочтении письма действительно складывается впечатление, что адресант имеет нарушения психики: он настойчиво посылал письма со своими предложениями об «электронной свахе» в различные периодические издания, например в «Литературную газету», откуда ему с вежливостью отвечали отказом. Но, как бы то ни было, налицо стремление автора писем выйти за рамки официозного обсуждения, предложить оригинальный амбициозный проект, рассказать о своей идее как можно большему числу человек, в том числе и во власти, в надежде получить поддержку.

Не менее интересна в этом смысле и серия писем от кочегара Шакура Аминова (Ленинград), присланных в ходе всенародного обсуждения проекта Конституции в 1977 г.

[25] РГАНИ. Ф. 100. Оп. 5. Д. 711. Л. 19.
[26] ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 365. Л. 11.
[27] Там же. Л. 13.
[28] Там же. Л. 132.
[29] Там же. Л. 133.

В своих посланиях он как гражданин СССР обращается к странам Запада, и в его словах чувствуется желание достичь мира в отношениях с зарубежными партнерами, что, разумеется, весьма свойственно для тогда еще продолжавшейся эпохи «разрядки» в международных отношениях. Одно из писем Аминов начинает словами, расположенными по центру: «Прошу рассмотреть, высылаю не для картотеки, я ведь трудился, все-таки, для Отчизны!»[30]. Среди посланий кочегара особо интересно выглядят те, что обращены к лидерам западных стран. Так, например, в своем письме к Президенту США Джимми Картеру он обращается так: «Девиз “разрушать и убивать”? Надеюсь, и вполне я уверен, что с этим девизом дикого алчно-злобного зверя-человека далеко не пойдете. Ведь Вы природу не создали. И закон природы неумолим. <…> Нет в природе ничего постоянного. Хотите это или нет, а подчиняться законам природы придется. Ваша система устарела, и она отойдет на свалку истории»[31]. Такое убеждение вполне характерно для советского человека, разделяющего официальную советскую позицию о странах «загнивающего» капитализма. Но форма выражения этой позиции весьма интересна – письмо простого гражданина, прямо адресованное руководителю зарубежной страны. Аминов призывал к миру американского президента, осуждал недавнюю войну во Вьетнаме и замечал, что Вашингтон не пережил 900 дней блокады Ленинграда и не знает, что такое по-настоящему страшное испытание в жизни, и что он, простой кочегар, никому и никогда не пожелал бы пережить такое.

Другое письмо Аминова начиналось с обращения «Здравствуй, Франция!». Даже не апеллируя к конкретному руководителю страны или его представителям, автор предложил создать скульптуру в честь Франции с натурщицы, которую выберут сами французы. Он ярко представил себе, как будет лепить эту скульптуру: «Буду ждать день и ночь тот час и минуту, да пожалуй и секунду, когда оно, т.е. письмо, а за ним – и она, натурщица, прилетят на сверхзвуковом “Конкорде” для посадки в Пулковском аэропорту у нас в Ленинграде. Когда на Советском сверхзвуковом я свезу Жанну Д’Арк в Париж, Париж!»[32]. Конечно, полет фантазии Аминова просто фантастический, он совершенно выходит за рамки обычного советского дискурса и является хорошим примером того, как некоторые советские граждане не боялись открыто выразить свои желания и мечты, обращаясь к руководителям Советского Союза.

Таким образом, рассмотрев ряд писем граждан, поступивших во властные структуры в 1960–1970-е гг. в ходе создания Конституции СССР 1977 г., можно констатировать факт, что в советском обществе были люди, стремившиеся к нестандартному, творческому, оригинальному подходу, мышлению, выражению своих суждений и позиций. Такое наблюдение позволяет нам отказаться от односторонних трактовок в отношении позднесоветского общества, не согласиться с суждением, согласно которому стремление граждан к политической активности, их интерес к государственному управлению проявились только в годы перестройки в СССР. Эпоха «развитого социализма» в свете истории создания третьей союзной Конституции демонстрирует обратное: порой советские люди в «письмах во власть» «разрывали» условный «шаблон» обращения, проявляли поистине творческий подход к поставленной перед ними властью задаче, облекали свои мысли в особые речевые формы, а также поднимали неожиданные темы для обсуждения. Это делало их письма «во власть» настоящим зеркалом их сознания и образа мысли.

Литература

Аксютин Ю.В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М.: РОССПЭН, 2004. 488 с.

Великанова О. Конституция 1936 года и массовая политическая культура сталинизма. М.: Новое литературное обозрение, 2021.

[30] ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 171. Л. 59.
[31] Там же. Л. 84.
[32] Там же. Л. 88.

Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность 1945–1953. М.: РОССПЭН, 1999. 229 с.

Кимерлинг А.С. «Прошу разобрать это письмо и устранить односторонние взгляды на рабочих, а иначе я буду вынужден написать в ЦК нашей партии»: письма во власть в послевоенные годы // Вестник РУДН. История России. 2013. № 2. С. 5–15.

Лившин А.Я. Эффективность реквизиционной и налоговой политики в 1917–1927 годах в письмах «во власть» // Вестник Пермского университета. История. 2020. Вып. 3. С. 139–150.

Лившин А.Я., Орлов И.Б. Власть и общество: Диалог в письмах. М.: РОССПЭН, 2002. 208 с.

Медушевский А.Н. Основной Закон СССР 1977 г.: государство и личность в эпоху «развитого социализма» // Полития. 2014. № 3. С. 149–168.

Морозова Т.И. Письма сибиряков во власть в условиях новой экономической политики // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 412. С. 89–97.

Попова О.Д. «В ЦК те же помещики и капиталисты…»: восприятие советскими людьми социального неравенства в СССР в 1960-е годы // Новый исторический вестник. 2016. № 2. С. 72–81.

Попова О.Д., Попова А.Д. Отражение специфики ментальных установок советского общества в представлениях граждан о новой Конституции СССР в 1960-е годы // Вестник Пермского университета. История. 2020. Вып. 3. С. 186–196.

Пыжиков А.В. Хрущевская «Оттепель» 1953–1964 гг. М.: ОЛМА-Пресс, 2002. 509 с.

Савин А.И. Письма во власть как специфическая форма политической адаптации советских граждан в 1930-е годы // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2016. Т. 15, № 8. История. С. 133–145.

Савин А.И., Деннингхаус В. «Письма во власть» как модус религиозного диссидентства в брежневскую эпоху // Россия XXI. 2017. № 6. С. 118–141.

Советская действительность и массовое сознание. 1939–1945 / сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. М.: РОССПЭН, 2003. 473 с.

Стрекалов И.Н. Последняя Конституция Советского Союза. К вопросу о создании. М.: Алгоритм, 2018. 432 с.

Шейнис В.Л. Власть и закон. Политика и конституции в России в XX–XXI веках. М.: Мысль, 2014. 1082 с.

Шкаликова С.М., Нагорная О.С. Историческая ретроспектива коммуникации граждан с властью в дореволюционный и советский периоды // Вестник совета молодых ученых и специалистов Челябинской области. 2017. Т. 1, № 2. С. 75–78.

Шубин А.В. Золотая осень, или Период застоя. 1975–1985. М.: Вече, 2008. 352 с.

Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 664 с.

References

Aksyutin, Yu.V. (2004). *Khrushchevskaya “ottepel’” i obshchestvennye nastroeniya v SSSR v 1953–1964 gg.* [The Khrushchev Thaw and Social Mood in the USSR in 1953–1964]. Moscow, ROSSPEN. 488 p.

Yurchak, A. (2014). *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos’. Poslednee sovetskoe pokolenie* [It was Forever Until It’s Ended. The Last Soviet Generation]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 664 p.

Kimerling, A.S. (2013). “Proshu razobrat’ eto pis’mo i ustranit’ odnostoronnie vzglyady na rabochih, a inache ya budu vynuzhden napisat’ v TsK nashey partii”: pis’ma vo vlast’ v poslevoennye gody [“Please Inquire into This Letter and Eliminate Unilateral View on Workers, Otherwise I will Be Compelled to Write to the Central Committee of Our Party”: Letters to Authorities in Post-War Studies]. In *Vestnik RUDN. Istoriya Rossii.* No. 2, pp. 5–15.

Livshin, A.Ya. (2020). Effektivnost' rekvizitsionnoy i nalogovoy politiki v 1917–1927 godah v pis'mah "vo vlast'" [The Efficiency of Requisition and Taxation Policies in 1917–1927 in Letters "To the Authorities"]. In *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya.* No. 3, pp. 139–150.

Livshin, A.Ya., Orlov, I.B. (2002). *Vlast' i obshchestvo: Dialog v pis'makh* [Authority and Society: Dialogue in Letters]. Modcow, ROSSPEN. 208 p.

Livshin, A.Ya., Orlov, I.B. (Eds.). (2003). *Sovetskaya deystvitel'nost' i massovoe soznanie. 1939–1945* [The Soviet Reality and Mass Consciousness. 1939–1945]. Moscow, ROSSPEN. 473 p.

Medushevskiy, A.N. (2014). Osnovnoy Zakon SSSR 1977 g.: gosudarstvo i lichnost' v epokhu "razvitogo sotsializma" [The Basic Law of the USSR 1977: State and Personality in the Age of "Developed Socialism"]. In *Politiya.* No. 3, pp. 149–168.

Morozova, T.I. (2016). Pis'ma sibiryakov vo vlast' v usloviyah novoy ekonomicheskoy politiki [Letters of Siberians to the Power in the Conditions of the New Economic Policy]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta.* No. 412, pp. 89–97.

Popova, O.D. (2016). "V TsK te zhe pomeshchiki i kapitalisty…": vospriyatie sovetskimi lyud'mi sotsial'nogo neravenstva v SSSR v 1960-e gody ["There are the Same Landowners and Capitalists in the Central Committee…": The Soviet People' Perception of Social Inequality in the USSR in 1960s]. In *Novyy istoricheskiy vestnik.* No. 2, pp. 72–81.

Popova, O.D., Popova, A.D. (2020). Otrazhenie spetsifiki mental'nykh ustanovok sovetskogo obshchestva v predstavleniyakh grazhdan o novoy Konstitutsii SSSR v 1960-e gody [Reflection of the Specifics of the Mental Attitudes of the Soviet Society in the Representations of Citizens about the New Constitution of the USSR in the 1960's]. In *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya.* Vol. 3, pp. 186–196.

Pyzhikov, A.V. (2002). *Khrushchevskaya "Ottepel'" 1953–1964 gg*. [Khrushchev "Thaw" 1953–1964]. Moscow, OLMA-Press. 509 p.

Savin, A.I. (2016). Pis'ma vo vlast' kak spetsificheskaya forma politicheskoy adaptatsii sovetskih grazhdan v 1930-e gody [Letters to Authorities as Specific form of Soviet Citizens' Political Adaptation in 1930's]. In *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya.* Vol. 15, No. 8, Istoriya, pp. 133–145.

Savin, A.I., Donninghaus, V. (2017). "Pis'ma vo vlast'" kak modus religioznogo dissidentstva v brezhnevskuyu epohu ["Letters to Pover" as a Modus of Religious Dissidence in the Brezhnev Era]. In *Rossiya XXI.* No. 6, pp. 118–141.

Strekalov, I.N. (2018). *Poslednyaya Konstitutsiya Sovetskogo Soyuza. K voprosu o sozdanii* [The Last Constitution of the Soviet Union. About the Question of the Creation]. Moscow, Algoritm. 432 p.

Sheynis, V.L. (2014). *Vlast' i zakon. Politika i konstitutsii v Rossii v XX–XXI vekakh* [The Authority and The Law. The Policy and the Constitutions in Russia in the 20th–21st Centuries]. Moscow, Mysl'. 1082 p.

Shkalikova, S.M., Nagornaya, O.S. (2017). Istoricheskaya retrospektiva kommunikatsii grazhdan s vlast'yu v dorevolyutsionnyy i sovetskiy periody [Historical Retrospect of Communication of Citizens with Power in Pre-Revolutionary and Soviet Periods]. In *Vestnik soveta molodyh uchenyh i spetsialistov Chelyabinskoy oblasti.* Vol. 1, No. 2, pp. 75–78.

Shubin, A.V. (2008). *Zolotaya osen', ili Period zastoya. 1975–1985* [The Gold Autumn, or the Period of Stagnation. 1975–1985]. Moscow, Veche. 352 p.

Velikanova, O. (2021). *Konstitutsiya 1936 goda i massovaya politicheskaya kul'tura stalinizma* [The Constitution of the USSR 1936 and Mass Political Culture of Stalinism]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 360 p.

Zubkova, E.Yu. (1999). *Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: politika i povsednevnost' 1945–1953* [The Post-War Soviet Cociety: The Policy and Everyday Life in 1945–1953]. Moscow, ROSSPEN. 229 p.

Т.В. Савина*

ГОВОРИТЬ ПО-БОЛЬШЕВИСТСКИ? ЯЗЫК ПАРТИЙЦА В ЛИТЕРАТУРЕ «ОТТЕПЕЛИ»

doi:10.31518/2618-9100-2022-6-13
УДК 82(091)(-051)

Выходные данные для цитирования:
Савина Т.В. Говорить по-большевистски? Язык партийца в литературе «оттепели» // Исторический курьер. 2022. № 6 (26). С. 164–179. URL: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-6-13.pdf

T.V. Savina*

SPEAKING BOLSHEVIK? THE LANGUAGE OF A COMMUNIST PARTY MEMBER IN SOVIET PROSE OF THE “THAW” PERIOD

doi:10.31518/2618-9100-2022-6-13

How to cite:
Savina T.V. Speaking Bolshevik? The Language of a Communist Party Member in Soviet Prose of the “Thaw” Period // Historical Courier, 2022, No. 6 (26), pp. 164–179. [Available online: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-6-13.pdf]

Abstract. Based on the analysis of the “Thaw” period Soviet prose, the article examines the question of destruction of the official Soviet language canon. The article concludes that the destruction of the external form of the language canon occurred at the expense of satirical techniques, while the semantic indivisibility of the language canon was undermined through irony: desacralization of the “meta-text” opened the possibility of its de-ideologization. However, the main ideologemes and myths proved resistant to destruction, since they were not external linguistic markers, but were embedded in the linguistic consciousness of a Soviet man. The Soviet Union was a space modeled by political texts. This space along with the ideologically generalized world-view of “Soviet people” were still not questioned in the literature of the “Thaw” period.

Keywords: “Thaw” Soviet prose, language canon, political meta-text, Soviet identity.

The article has been received by the editor on 15.09.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье на основе анализа произведений литературы периода «оттепели» рассматривается вопрос о разрушении официального советского языкового канона. Делается вывод о том, что сатирические приемы были направлены на разрушение внешней формы языковой формулы, в то время как приемы иронического подрывали семантическую неделимость языкового канона изнутри: десакрализация «метатекста» открыла возможности его деидеологизации. Однако основные идеологемы и мифы оказались устойчивыми к разрушению, поскольку имели характер не внешнего языкового маркера, а были встроены в языковое сознание советского человека. Смоделированное прецедентными текстами пространство – Советский Союз – и идеологически обобщенное мировоззрение «советских людей» в литературе «оттепели» все еще не подвергались сомнению.

Ключевые слова: литература «оттепели», языковой канон, политический метатекст, советская идентичность.

Статья поступила в редакцию 15.09.2022 г.

* **Татьяна Вячеславовна Савина,** кандидат филологических наук, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия, e-mail: tsavina2005@mail.ru
Tatiana Vyacheslavovna Savina, Candidate of Philology, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia, e-mail: tsavina2005@mail.ru

Речевая культура носителей языка традиционно крайне восприимчива к идеологии[1]. В России первой трети XX в. русский язык почти непрерывно подвергался изменениям, вызванным Первой мировой войной и революцией. В советский период характер реакции русского языка на внешние факторы изменился: отвечая на новые цели, изменения отличались высокой динамикой и глобальными масштабами, что резко усилило инструментальную функцию языка, превратив его в один из основных каналов трансляции советской идеологии.

Первые попытки описать и оценить речевой ответ населения на вторжение идеологии были сделаны сразу после революции, хотя в целом лингвисты оставались на позиции наблюдателей, только синхронно фиксируя изменения в языке. Представители Женевской лингвистической школы, имевшей социологическую направленность, С.О. Карцевский, Р.О. Якобсон и В.Б. Шкловский, а также А.М. Селищев, А.Г. Горнфельд, Г.О. Винокур, Я. Шафир, А. Мазон, наблюдая за синхронными изменениями в русском языке, в 1920-е гг. предприняли попытку систематизировать свои наблюдения в ряде очерков[2]. Кроме того, в 1924 г. вышел номер журнала «ЛЕФ», практически целиком посвященный анализу языка В.И. Ленина, что, однако, оказалось едва ли не единственной попыткой синхронного лингвистического анализа речевой практики политического лидера[3].

В 1930–1950-е гг. процесс научной рефлексии над наблюдаемыми в русском языке изменениями был в России фактически заморожен вторжением государства в науку о языке и в частности внедрением «нового учения о языке» и его классовой сущности Н. Марра. Среди западных интеллектуалов о последствиях вторжения идеологии в язык одним из первых написал Дж. Оруэлл в эссе «Политика и английский язык» (1948), проиллюстрировав на примере вымышленного «новояза» в романе «1984» (1949), как с помощью языка можно исключить возможность оппозиционного образа мышления. Вопросу изменения языковых привычек в обществе под давлением идеологии посвящено исследование немецкого филолога В. Клемперера (1947). Эти первые подходы были существенно развиты в 1960–1980-е гг. зарубежными политологами, социологами и социальными философами, а также исследователями – эмигрантами из России и СССР. Изучение взаимодействия языка и политики разрабатывали в рамках междисциплинарных комплексных обществоведческих советологических исследований А. Безансон, М. Раш, Х. Лассвелл, А. Каплан, А. Вежбицка, а также писатели-эмигранты М. Геллер, Т. Венцлова, В. Заславский, Л. Ржевский, А. и Т. Фесенко[4]. О связи между обществоведческим направлением в исследовании трансформации русского языка под давлением идеологии и собственно лингвистики свидетельствует появление лингвистической советологии, в рамках которой советологи уделяли внимание языку публичных выступлений советской политической элиты[5].

В изучении феномена русского языка советского типа российские исследователи отстали от зарубежных коллег на несколько десятилетий. Первые исследования на эту тему стали появляться только в конце 1990-х гг., фокусируясь на изучении триады «власть – язык – общество» с точки зрения номинативно-коммуникативной функции языка. Е. Добренко, И. Сандомирская, М. Вайскопф и др., анализируя прагматический аспект создания прецедентных текстов, их трансляцию и функционирование в обществе, исследовали «лингвистический поворот по-советски», а именно детерминированность коммуникативной

[1] *Шипицына Г.М., Мамонова Ю.О.* Общий взгляд на лексикон русского языка советского периода // Научные ведомости БелГу. Сер.: Гуманитарные науки. 2016. № 14 (235). Вып. 30. С. 21–28.

[2] См., например: *Карцевский С.О.* Язык, война и революция. Берлин, 1923; *Селищев А.М.* Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет. 1917–1926. М., 1928.

[3] *Калинин И.А.* Как сделан язык Ленина: материал истории и прием идеологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. № 15 (4). С. 605–617.

[4] См., например: *Безансон А.* Русское прошлое и советское настоящее. London, 1984; *Геллер М.Я.* Машина и винтики. История формирования советского человека. М., 1994.

[5] *Будаев Э.В., Чудинов А.П.* Эволюция лингвистической советологии // Политическая лингвистика. 2007. № 3 (23). С. 22–34.

функции языка политическими задачами власти[6]. Имеется ряд исследований, посвященных анализу трансформации концептов научного языка гуманитарных наук, например советской историографии и советского литературоведения[7], а также отдельно взятых идеологем и символов советской пропаганды, таких как «Родина», «враг», «партия», «пролетариат»[8]. О междисциплинарном характере изучения феномена советского языка также свидетельствует «лингвистический поворот» в исторической науке, когда историки заинтересовались языковыми аспектами коммуникации власти и общества, тем, что американский исследователь С. Коткин назвал умением «говорить по-большевистски»[9].

Резкий всплеск интереса к проблеме с точки зрения лингвистики, а не обществоведения, произошел в начале 1990-х гг., когда появились специальные исследования лингвистов, направленные на изучение механизмов, действовавших внутри системы языка, в основном на лексико-семантическом уровне: создание метафор, метонимий, лексикографическая кодификация идеологем, освоение заимствованной политической лексики, возникновение неологизмов[10]. Появился ряд исследований, посвященных «лагерной литературе» как отражению языкового сознания жертв политической системы. Немногочисленные исследования посвящены анализу «языкового сопротивления» позднесоветского периода – противостояние официозному «советскому стилю» языка в языковых практиках диссидентов. Особняком стоит исследование А.В. Юрчака, в том числе рассматривающее формализацию русского языка в позднюю советскую эпоху как одну из основных предпосылок краха «советского проекта»[11].

Анализ историографии свидетельствует, что основные усилия исследователей концентрируются на изучении языковых процессов «сталинского» периода (примерно 1930–1940-е гг.). При достаточном количестве публикаций, посвященных 1920–1930-м гг., практически вне рамок исследований лингвистов остается как хрущевский, так и брежневский период в истории СССР. Это, в свою очередь, приводит к тому, что предмет исследования становится равен объекту: русский язык советского периода изучается отдельно от естественных языковых процессов, характерных для эволюции любого языка как внутри, так и вне рамок идеологического давления.

Кроме того, в качестве основного источника информации об изменениях в языке исследователи предпочитают использовать политический прецедентный текст: тексты газеты «Правда», программные партийные документы, речи политических лидеров. В результате исследователи, по сути, оказываются внутри метатекста, с помощью которого осуществлялась индоктринация населения, в то время как речевой ответ рядового гражданина – носителя языка оставался вне рамок анализа. Тем не менее «лингвистический поворот» в исторической науке, связанный с интересом к советской повседневности, а также открытие архивов снабдили лингвистов огромным количеством синхронных эгодокументов («письма во власть», донесения, отчеты, ходатайства, рапорты), дающих материал для лингвистического анализа языковых изменений в сознании рядового гражданина. Дистанция между языком политических текстов, направленных сверху, и языком населения в качестве реакции снизу позволяет проследить механизм освоения населением умения «говорить по-большевистски».

---

[6] *Добренко Е.* Linguistic turn à la Soviétique: The Power of Grammar, and the Grammar of Power // The Vernaculars of Communism: Language, Ideology and Power in the Soviet Union and Eastern Europe. London; New York, 2014. P. 19–39; *Сандомирская И.* Язык-Сталин: «Марксизм и вопросы языкознания» как лингвистический поворот во вселенной СССР // Landslide of the Norm: Language Culture in Post-Soviet Russia. Bergen, 2006. P. 263–291.

[7] См., например: *Павловец М.* Школьный канон как поле битвы. Часть первая: историческая реконструкция // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2016. № 2. С. 73–92.

[8] См., например: *Разинкина Н.С.* Концептуальная метафора в русском языке советского периода (1917–1956 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 344. С. 26–29; *Савина Т.В.* «Пролетарии» и «буржуи»: иноязычная политическая лексика в крестьянских «письмах во власть» 1920-х годов // Россия XXI век. 2017. № 6. С. 104–117.

[9] *Коткин С.* «Говорить по-большевистски». Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период. Самара, 2001.

[10] См., например: *Купина Н.А.* Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург, 1995.

[11] *Юрчак А.В.* Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М., 2014.

Именно в этом зазоре между двумя процессами – активным со стороны власти и реактивным со стороны населения – оказалась советская литература, которая стала как инструментом трансляции в общество концепции «нового человека», так и способом фиксации ответной реакции снизу, в первую очередь изменений в языковом сознании носителя русского языка. Литературоцентричность советского общества была настолько высокой, что художественная литература действительно стала «зеркалом», и не только «русской революции», а всего процесса создания «нового человека». В этом смысле литература, по выражению П. Серио, далеко обгоняла лингвистику[12], что неудивительно, поскольку писатели имели возможность «на слух», синхронно, фиксировать проникновение в повседневный язык советских политических штампов.

Специфический характер литературы «оттепели» был обусловлен, по мнению А. Юрчака, сменой «внешнего редактора» советского идеологического пространства. У писателей появилась относительная свобода отхода от языкового канона сталинской эпохи[13]. В результате язык литературы «оттепели» получает новое качество: с одной стороны, налицо намеренное злоупотребление советскими штампами для достижения комического, сатирического или иронического эффекта. С другой стороны, авторы стремились через речь зафиксировать возможные изменения в языковой картине мира героя и, более того, в его мировоззрении. Возникает вопрос, в какой степени «советские» элементы в речи литературных героев отражали изменения в сознании говорящего, как трансформировалось его умение «говорить по-большевистски». Чтобы дать ответ на этот вопрос, в статье анализируются знаковые для периода «оттепели» литературные произведения И.Г. Эренбурга, Э.Г. Казакевича, П.Ф. Нилина, Г.Е. Николаевой, Б.И. Балтера, В.Д. Дудинцева, И.Ю. Зверева, Б.Н. Полевого и братьев Стругацких.

«Шершавым языком плаката». Даже не обращаясь к сюжету произведения, по речевым характеристикам героев можно достаточно легко определить, к какому периоду советской истории относится то или иное литературное произведение. В романтические ранние 1920-е гг. носители языка, особенно политизированная молодежь, с восторгом приняли новые слова в свой лексикон. Литература начала 1920-х гг. изобилует героями – восторженными романтиками, *пламенными революционерами*, толкующими о *мировой революции и контрреволюции, классовой борьбе, буржуях и пролетариях, комсомолии и пионерии* и т.д. Приняв новый лексикон, они изменились сами, став *борцами за революцию*. При этом уже в 1920-е гг. были сформулированы первые выводы о зарождении внутри русского языка новой системы значений, подчинявшейся двум требованиям – обязательности к использованию и массовому характеру распространения[14], что, в свою очередь, определило два направления, по которым шло освоение новой лексики населением: языковая мимикрия в виде механического воспроизводства штампов прецедентных текстов или изменение всего мировоззрения носителя языка, что выражается не только через усвоение новой терминологии, но и встраивание ее понятий в собственную картину мира.

Герой литературы конца 1920 – начала 1940-х гг. оказался «подчинен требованиям системы, <…> стал фигурой, лишенной собственного мнения и инициативы, руководимый властью, полностью идеологизированной»[15]. Следует заметить, что речь идет не столько о текстах литературы «соцреализма», по сути бывшими составной частью «метатекста», направленного сверху авторитетным заказчиком, сколько об объективных попытках зафиксировать изменения внутри русского языка в речевых практиках населения. Герой – *строитель коммунизма, стахановец*, выполняет план *пятилетки, борется с кулаком* за *коллективизацию*. «*Куда же я без партии? И зачем? Нет, партбилет я не отдам! Я всю жизнь свою*

[12] *Серио П.* Деревянный язык, язык другого и свой язык. Поиски настоящей речи в социалистической Европе 1980-х годов // Политическая лингвистика. 2008. № 5 (25). С. 160–167.
[13] *Rogers Th.F.* Trends in Soviet Prose of the ‘Thaw’ Period // The Bulletin of the Rocky Mountain Modern Language Association. 1968. Vol. 22, No. 4. P. 198–207.
[14] *Горнфельд А.Г.* Новые словечки и старые слова. Петроград, 1922.
[15] *Хомяков В.И.* Культура и власть (Концепция сотворения мира в русской литературе советского периода 1920–1930-х годов) // Омский научный вестник. 2006. № 1 (34). С. 200–204.

вложил…» – девиз героя 1930-х гг. Герой – в первую очередь *партиец*, только потом – работник, семьянин и пр. Именно в этот период возникают понятия *попутчики, примазавшиеся, перерожденцы, двурушники*, что свидетельствует о том, что язык начал утрачивать доверие своего носителя, который мог использовать политические штампы для своеобразной мимикрии. При этом ряд понятий, таких как, например, *оппортунисты* и *оппозиционеры*, расширил свое семантическое поле далеко за рамки первоначального значения, что дало, соответственно, самые широкие возможности прагматике слова.

Военный период вернул в активное использование целый ряд таких понятий, как *священный, мужество, отчизна, Родина-мать*. Обращение к образу *защитника Родины* вывело на первый план *павшего смертью храбрых героя* и *труженика тыла*, оставив на время в тени *политрука*, точно так же как *русский* на время заслонил *советского*. Интересно, что возврат в язык советского человека имен и образов из *российского*, не *советского* прошлого, таких как *воин, сражающийся с ордой, русские богатыри*, т.е. *защитников земли русской*, парадоксальным образом ослабило идеологическое давление на язык.

Начиная с середины 1950-х гг. и вплоть до распада Советского Союза усиление процесса формализации политического языка расширило языковое сопротивление, сопровождаемое деидеологизацией и десакрализацией прецедентного метатекста. Литература времен «оттепели» велела своему герою быть *искренним*. Программная статья В. Померанцева потребовала от героя литературы перестать *подбирать чужие слова*[16] – советский человек в литературе должен был артикулироваться иначе.

Герои литературы уже не были революционными романтиками 1920-х гг. и поэтому языковыми экстремистами – они родились и были воспитаны в советскую эпоху и находились внутри системы «советских смыслов», которые не воспринимались ими как нечто новое, революционное. Это уже не были и герои литературы сталинских времен – фанатики идеи со встроенными в языковое сознание коммунистическими идеологемами. Они не были и диссидентствующими маргиналами 1970–1980-х гг., с восторгом разрушавшими советский языковой канон, а заодно и нормативный русский язык. Напротив, разрушение языкового канона как части языковой картины мира советского человека означало подвижки к изменению советской идентичности – в своем сознании большинство все еще оставались «коммунарами» и не отказывались от идей социализма, но стремились к тому, что к концу 1960-х гг. получит название «социализм с человеческим лицом» – умеренной демократизации и либерализации. Массовое использование идеологических штампов перестало быть обязательным, началось размывание официальной формулы, что свидетельствовало о том, что русский язык постепенно освобождался от идеологического давления.

«Плохой хороший человек». Первой попыткой затронуть тему языковых штампов в речи героев постсталинской литературы стала статья В. Померанцева «Об искренности в литературе», опубликованная в «Новом мире» в 1953 г. Хотя основным посылом этой статьи-эссе была критика сюжетного канона, царствовавшего в то время в советской литературе, Померанцев тем не менее касался и вопросов языка литературных героев: «И как они между собой разговаривают! Тирадами, взятыми с радиопленки! <…> Помните, как ваш герой дарит дочери часики, потому что поднялся его *жизненный уровень* (выделено автором. – *Т. С.*)? Он – вытяжка из газетных столбцов – позабыл, что в семье никогда не поднимается жизненный уровень, а улучшается жизнь»[17].

Художественная литература «оттепели» положила начало процессу разрушения политического языкового канона[18]. Для современного читателя это довольно скучное чтение, поскольку язык героев все еще инструментален – они по-прежнему были «рупорами» идей. Учитывая то, что освобождение от сюжетного канона социалистического реализма не могло идти быстро, большинство конфликтов строилось по привычной схеме: герои непрестанно

[16] *Померанцев В.* Об искренности в литературе // Новый мир. 1953. № 12. С. 218–245.
[17] Там же. С. 235.
[18] *Lygo E.* The Thaw Generation Poets in the Post-Soviet Period в Twentieth-Century Russian Poetry: Reinventing the Canon. Cambridge, 2017. P. 329–354.

боролись, с той только поправкой, что ареной борьбы теперь стала общественная и творческая жизнь в попытках разделить партийное и личное. Условные «архаисты» и «новаторы» достаточно прямолинейно маркируются языком: «архаисты» изъясняются идеологическими штампами, в то время как язык «новаторов» стремится к естественности, хотя все еще не лишен ходульных выражений. Как точно резюмировал Илья Зверев устами героя своего рассказа о начинающем журналисте: «Я был <…> носитель новых веяний, свежих мыслей (которые, впрочем, сводились к тому, чтобы не писать больше "*встав на предмайскую трудовую вахту*" и "*с небывалым трудовым подъемом*", а писать **это** (выделено мной. – *Т. С.*) как-нибудь иначе»[19].

Крайняя формализация языкового канона и его бесконечное тиражирование привели к тому, что идеологические клише превратились в семантически неделимые словосочетания. Главное слово стало номинативно ослабленным, т.е. в пределах словосочетания перестало быть самостоятельным названием предметов или явлений, а полнотой номинации обладало только все словосочетание целиком, связывая все элементы друг с другом и заражая «советскими смыслами». Неделимое словосочетание по своей природе не способно к изменению семантики, которая актуализируется в рамках определенного контекста и требует воспроизводства всей формулы целиком. В литературе «оттепели» политические клише в речи героев впервые получили инструментальную функцию построения образа отрицательного персонажа – бюрократа от партии.

В этом смысле крайне интересно проследить динамику превращения в неделимое словосочетание комбинации слова *товарищ* с фамилией. Массовость использования слова *товарищ* после революции привела к тому, что это слово стало относиться не только к товарищам по партии, а ко всем советским людям[20], а также к членам коммунистических партий других стран. Отсутствие элемента *товарищ* перед фамилией всегда было тревожным признаком – в годы репрессий арестованный быстро превращался из *товарища* в *гражданина*, а то и вовсе назывался одной фамилией.

В романе И. Эренбурга «Оттепель» слово *товарищ* стабильно употребляется в трех значениях: как стандартное обращение к аудитории, как номинация друга или соратника и как своеобразная приставка к имени. Приобретение этим словом специфических советских значений стало причиной того, что к 1950-м гг. оно утратило свою исторически сложившуюся полисемию и в сочетании с фамилией стало сигналом не столько принадлежности к партии, сколько принадлежности к руководящему слою партийных работников. В повести И. Зверева «Она и он» (1963) описывается конфликт секретаря райкома товарища Емченко и директора виноградарского совхоза товарища Никифорова: «– Хитришь перед партией, Никифоров! – вдруг осерчал товарищ Емченко. <…> Не советую, Никифоров. И, услышав свою внезапно раздетую фамилию – без "товарищ", без имени-отчества, – директор вдруг испугался. Не умом испугался, а, как говорится, поротой задницей (видно, уже случалось ему в жизни называться просто Никифоровым)»[21]. Руководящие работники договорились, и Зверев заканчивает эпизод фразой: «Он же совсем не злой человек, *товарищ Емченко*». На протяжении всего повествования автор ни разу не назвал персонажа просто по фамилии, *товарищ* и фамилия Емченко слитно обозначали партийного функционера.

В романе П. Нилина «Жестокость» (1956) начальник угрозыска информирует слишком строптивого главного героя Веньку Малышева о переводе в другое место: «Это надо понимать, как *выдвижение молодых кадров на руководящую работу* в губернский центр… – А я при чем? – опять спросил Венька. – Если уж выдвигать, так не меня, а Соловьева Колю. Ведь Клочкова же он убил… – Ничего не знаю, ничего не знаю! – засмеялся начальник. – *Руководящим товарищам виднее, кто кого убил*»[22]. Несостоятельные, с точки зрения Малышева, причины его перевода, выраженные начальником языком партийных установок,

[19] *Зверев И.Ю.* Рассказ бывшего щенка // Защитник Седов. М., 1999. С. 285.
[20] *Выходцева И.С.* Функционирование слова «товарищ» в советской словесной культуре // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2014. № 13. С. 30–38.
[21] *Зверев И.Ю.* Она и он // Защитник Седов. М., 1999. С. 63.
[22] *Нилин П.Ф.* Жестокость // Испытательный срок. М., 1987. С. 125.

приобретают весомость бесспорного аргумента. В рамках короткой цитаты отрицательный персонаж налицо: начальник угрозыска – партийный бюрократ и карьерист.

«Наши новые машины – *плод коллективной мысли*», говорит «архаист» Дроздов в романе Дудинцева «Не хлебом единым» (1956). Интересно, что автор не дает прямую речь Дроздова, а только пересказывает: «И он сказал в меру длинную речь, умеренно похвалил машину, отметил несколько ее конструктивных недостатков, сказал, что *поддержка передовой технической мысли является первой обязанностью*… и так далее». Собственно, это *и так далее* красноречиво свидетельствует о появившейся необязательности воспроизводить языковые клише, однако при этом их идеологическая сила аргумента сохранялась: «Когда он говорил все это, Авдиев перестал курить и странно светлыми глазами смотрел на него, словно вдруг увидел гения»[23].

Главный антагонист в романе Г. Николаевой «Битва в пути» (1957) – директор завода Семен Вальган, «красный директор сталинской закалки». Он – хороший оратор, его речь достаточно естественная, однако своей риторикой, своей преувеличенной экспрессивностью обращена к предыдущей, сталинской эпохе. «О производстве печных вьюшек говорит, как о *штурме осажденного Сталинграда*! Мастак![24] – подумал Бахирев». Вальган злоупотребляет «громкими словами», которые в целом начинают терять свою функцию призыва и превращаются в знак формализации языкового канона. В финальной главе, которая носит красноречивое название «Старый и новый», протагонист задает вопрос: «А я на днях перечитывал твои же приказы и обращения *“Во имя великой родины…”*, *“Клянемся бессмертными могилами…”*, *“Наш доблестный коллектив…”* К кому обращал ты высокие слова приказов?»[25]

Самое интересное, что «новаторам» в их борьбе с «архаистами» всегда на помощь приходит… партия. Конфликт в «Битве в пути» разрешается вмешательством на уровне обкома: «Для Бахирева обком был уже не источником *выговоров*, *грозных решений*, а очагом непрерывного притяжения. Его то и дело одолевало желание звонить Гринину, говорить с Грининым, советоваться с Грининым. Бахирева притягивали в Гринине те качества, которых не хватало ему самому, – *партийная закалка* и то соединение *остроты зрения* с твердостью уравновешенных суждений, которое приходит со зрелостью ума». Героя «Оттепели» приводит в чувство простой рабочий, героя романа «Не хлебом единым» спасает смена руководства. Образ мудрого парторга завода, или умного энергичного секретаря комитета партии, или просто старого партийца-рабочего – ключевой в конфликте двух сил. Языковая риторика этих героев не выражена ярко, поскольку они апеллируют не к формулам, а к заключенным в них идеям. В итоге конфликт разрешается в пользу мятежного «новатора» на самом высоком уровне – министерства или даже правительства.

Избыточная экспрессивность языковой формулы, используемой слишком часто в незначимых ситуациях, применение языковых идеологических клише в качестве аргументов в споре, насыщенность речи языковыми штампами, но при этом определенная небрежность в воспроизводстве языковой формулы целиком стали языковыми элементами конструирования отрицательных или, что точнее, спорных персонажей первых литературных произведений времен «оттепели». Достаточно отчетливо можно наблюдать две тенденции. Во-первых, повышенный объем языковых идеологических штампов в речи персонажа позволил в 1960-е гг. и особенно в начале 1970-х гг. создать целую галерею сатирических образов советских бюрократов. Во-вторых, усечение идеологической формулы и разрушение ее неделимой природы открыли широкие возможности для языковой игры. В своей совокупности эти первые шаги к деидеологизации и десакрализации прецедентного метатекста свидетельствовали об определенных подвижках в языковом сознании носителя языка: он перестал быть «верным сталинцем», но при этом все еще оставался «советским человеком» и коммунистом.

[23] *Дудинцев В.Д.* Не хлебом единым. М., 1968. С. 46.
[24] *Николаева Г.Е.* Битва в пути. М., 1980. С. 301.
[25] Там же. С. 563.

Товарищ Фарфуркис и другие. Литература середины 1950-х гг., реагируя на общественные изменения, дала начало разрушению официального языкового канона посредством двух генеральных приемов: сатиры и иронии. Одним из примеров, иллюстрирующим эту тенденцию, может служить раннее творчество братьев Стругацких. Повесть «Страна багровых туч», написанная в 1952–1957 гг., заметно отличалась языком повествования. Как, например, отмечал Г. Горин в своей рецензии: «Их тема – люди в космосе, *обыкновенные советские люди* <…> Когда идешь по проторенной дорожке, самая большая опасность – шаблон»[26]. Хотя герои повести все еще остаются коммунистами («*коммунарами*», как предпочитают называть их авторы), их язык практически лишен идеологических шаблонов и стремится к естественности. Поразительно, но Стругацким действительно удалось обойтись без лозунгов, несмотря на то, что главный герой целого ряда произведений – человек коммунистического «Полдня, XXI века». Даже в одной из редких в этой повести отсылок к марксистско-ленинской идеологии авторы достаточно сдержанны: «…Их человеческие черты сцементированы общим для всех глубоким, бесценным фоном: все они *коммунисты, люди чести и дела*»[27], т.е., как верно подметил Г. Горин, авторы обошлись без *митингов*.

Спустя несколько лет Стругацкие ввели в литературу сатирический образ партийного бюрократа с помощью намеренного и гипертрофированного увеличения объема идеологических штампов в речи персонажа в незначимом контексте. Товарищ Камноедов и товарищ завкадрами Демин из повести «Понедельник начинается в субботу» (1965), по сути, не являются образами, поскольку отсутствует динамика развития героя. Они – символы. Каменные реплики Камноедова, как и утрированная речь товарища Фарфуркиса и членов административного триумвирата из «Сказки о Тройке» (1968), однозначно апеллируют к такому же условному персонажу Ильфа и Петрова – товарищу Полыхаеву с его набором резиновых печатей – «резиновых» языковых штампов, которые, по сути, физически олицетворяли их неделимость. Однако, при всей своей яркости, товарищ Полыхаев – персонаж довольно безобидный, поскольку он никак не угрожал идеологическим ориентирам эпохи.

Интересно то, что Стругацкие ни разу на протяжении всей повести не говорят о том, что и товарищ Камноедов, и товарищ завкадрами Демин – члены партии, хотя при сложившейся иерархии руководители такого административного уровня не могли ими не быть, как и товарищ Фарфуркис. В целом это сатира, но не столько на партийного, сколько на административного бюрократа. Это, собственно, была борьба с «канцеляритом» – языковой «лебедой и мякиной», по выражению Норы Галь. Сатирические образы достаточно прямолинейны, и языковая характеристика здесь явление скорее количественное, чем качественное: критика направлена на форму, но не на идею. «Бюрократия была и основой режима, и живым напоминанием о крушении революционных идеалов, поэтому ее образ должен был быть одновременно привлекательным (в парторгах и командирах производства) и в некотором роде отталкивающим, поскольку именно на ней удобно было фиксировать проявления массового недовольства»[28]. Федор Симеонович и Христобаль Хозевич, действуя парой, вполне подходят на роль, скажем, «командира производства» и «парторга», которые и побеждают в итоге бюрократию, появляясь как «deus ex machina». Сатира времен «оттепели» весь огонь направила на критику тиражирования идеологической формулы, но не на ее содержание.

Лингвистически образ профессора Выбегалло сложнее. Усиление сатирических элементов в языковой характеристике персонажа скрывало осторожную критику идеологических концептов и было построено на антифразисе – несоответствии значения словосочетания его контекстуальному употреблению. Выкрик Выбегалло «*Отгораживаете нашу науку от народа*»[29] является антифразисом тоста Сталина на приеме работников высшей школы

[26] *Горин Г.* Путешествие на Венеру // Знание – сила. 1959. № 12. С. 50.
[27] *Стругацкий А., Стругацкий Б.* Страна багровых туч // Страна багровых туч. Рассказы. Статьи, интервью. М., 1993. С. 99.
[28] *Добренко Е.* Гоголи и Щедрины: уроки «положительной сатиры» // Новое литературное обозрение. 2013. № 3 (121). С. 171.
[29] *Стругацкий А., Стругацкий Б.* Понедельник начинается в субботу // Понедельник начинается в субботу. Сказка о Тройке. М., 1990. С. 121.

17 мая 1938 г.: «За процветание науки – той науки, которая не отгораживается от народа…»[30]. «*Внеклассовый* огнедышащий дракон»[31] явно появился из работы Ленина «Что делать»: «…в обществе, раздираемом классовыми противоречиями, и не может быть никогда внеклассовой или надклассовой идеологии»[32]. Тирада Выбегалло «Мы, конечно, *стираем противоречия*… между умственным и физическим… между городом и деревней…» – намек на идею «агрогородов» Н.С. Хрущева – заканчивается доведением языковой формулы до абсурда: «…между мужчиной и женщиной, наконец»[33]. Неудивительно, что «Сказка о Тройке» была объявлена «идейно несостоятельной» – такое не прощали. Открытая критика идеологических концептов все еще была неприемлемой, и чтобы разрушить языковой канон изнутри, было необходимо обратиться к более тонкому инструменту – иронии.

Парадоксальным образом именно Салтыков-Щедрин, открывший возможности языковой игры с официальной языковой формулой, прошел идеологический отбор и остался в советском культурном пространстве – обличение Щедриным косности дореволюционного российского общества вполне соответствовало рамкам идеологического заказа. Поэтому советский читатель, как и советское литературоведение, прошел мимо открытой Щедриным возможности играть с официальной формулой на уровне языка, порождая новые смыслы[34]. Иначе, например, Сталин не требовал бы «Гоголей и Щедриных», чтобы «лечить недостатки»[35].

Как вид тропа, ирония оперирует словами и выражениями, и в этом смысле неделимые словосочетания советского языкового канона оказались наиболее уязвимы в силу искусственной природы своей неделимости. В целом приемы иронического смыслопорождения, использованные Щедриным, были широко освоены в жанре советского анекдота, но в литературном пространстве 1950–1960-х гг. использовались с осторожностью. Имплицитный характер иронической оценки автора в целом был направлен на снижение героического пафоса предыдущей, сталинской эпохи, и при этом ироническое стало оборотной стороной героического.

В короткой зарисовке «Рассказ бывшего щенка» (1962) Илья Зверев описывает производственную ситуацию: «Я приехал в Пантелеевку на пуск котла, а там случилась авария: во время опробования лопнула какая-то трубка, и два монтажника буквально при мне *пошли на подвиг*. <…> И с риском для жизни устранили аварию, не задержали *торжественный и великий* момент пуска»[36]. Собственно, конфликт в рассказе Зверева строится на том, что ради красивой сводки – не запустить, а только сдать комиссии агрегат досрочно – людей послали в горячий котел. Построенное на антифразисе описание вполне рабочего момента запуска агрегата как *великое* событие апеллирует к постоянному элементу языкового канона: от *Великой* Октябрьской революции до *великой* русской литературы, не забывая о *великих* основоположниках.

«Один день Ивана Денисовича» (1962) А. Солженицына на начальном этапе «всеобщего одобрения» вызвал множество споров не только новой темой – репрессии и лагеря, но и своеобразным стилистическим и языковым мастерством. Однако во время «сурового осуждения» во второй половине 1960-х гг. язык повествования стал одной из мишеней критиков. По свидетельству Т.Г. Винокур, в то время сотрудницы Института русского языка АН СССР, «пошли письма читателей, полные святого негодования: такой-рассякой, грубый, вульгарный, употребляет оскорбляющие их слух слова, запретные выражения, портит наш *великий и могучий*… кто позволил… и пр. и пр.»[37]. Кстати, здесь и Винокур иронизирует над

[30] *Сталин И.В.* Речь на приеме работников высшей школы 17 мая 1938 года // Правда. 19 мая 1938 г. С. 1.
[31] *Стругацкий А., Стругацкий Б.* Понедельник начинается… С. 120.
[32] *Ленин В.И.* Что делать? // ПСС. 5-е изд. Т. 6. С. 39–40.
[33] *Стругацкий А., Стругацкий Б.* Понедельник начинается… С. 120.
[34] *Ваулина С.С., Булатая Е.В.* Ирония М.Е. Салтыкова-Щедрина: особенность иронической оценки в романе «Господа Головлевы» // Слово.ру: балтийский акцент. 2021. Т. 12. С. 123–136.
[35] *Добренко Е.* Гоголи и Щедрины… С. 163–191.
[36] *Зверев И.Ю.* Рассказ бывшего щенка // Защитник Седов. М., 1990. С. 288.
[37] *Винокур Т.Г.* С Новым годом, шестьдесят вторым… // Вопросы литературы. 1991. № 11/12. С. 48–69.

растиражированной цитатой из стихотворения в прозе И.С. Тургенева о «*великом и могучем*» русском языке, соединяя ее антитезой с просторечным «*такой-рассякой*».

Естественно, что сюжет и место действия позволили автору избежать употребления языковых идеологических формул в их прямом значении, но оставили место для иронии.

«– Не иначе как двенадцать, – объявил и Шухов. – Солнышко на перевале уже.

– Если на перевале, – отозвался кавторанг, – так значит не двенадцать, а час.

– Это почему ж? – поразился Шухов. – Всем дедам известно: всего выше солнце в обед стоит.

– То – дедам! – отрубил кавторанг. – А с тех пор *декрет был*, и солнце выше всего в час стоит.

– Чей же это декрет?

– *Советской власти*!»[38].

Декрет Советской власти – вполне конвенциональное для того времени использование языкового канона в качестве последнего аргумента в споре, ставящего точку. Если считать, что это не кавторанг так опасно шутит, а имплицитная ироническая оценка самого автора, то определение места солнца в зените декретом Советской власти – полностью щедринский прием создания абсурдной ситуации.

Бригадир Тюрин, рассказывая свою историю, говорит, что тех командиров, которые его из армии выгнали, он встретил потом в лагере: «Там уж были они *пролетарии* или *кулаки*. *Имели совесть или не имели*… Перекрестился я и говорю: “Все ж ты есть, Создатель, на небе. Долго терпишь да больно бьешь”»[39]. Прием двойной антитезы значительно снижает классовый характер противопоставления *пролетариата* и *кулака*, как и снижает дежурный этический посыл о *революционной совести* и завершает всю конструкцию выводом: все люди, все под Богом ходим.

Такой же прием иронического смыслопорождения Щедрина в доведении ситуации до абсурда присутствует в рассказе о том, как и за что, собственно, Иван Денисович Шухов оказался в лагере: «Считается по делу, что Шухов *за измену родине* сел. И показания он дал, что таки да, он сдался в плен, *желая изменить родине*, а вернулся из плена потому, что *выполнял задание немецкой разведки*. Какое ж задание – ни Шухов сам не мог придумать, ни следователь. Так и оставили просто – задание»[40].

В литературе «оттепели» отчетливо звучит вполне щедринский прием употребления неподходящих к контексту терминов (как, пример, *конституционные замашки*, не свойственные госпоже Головлевой). Дополнительное искажение внешней формы неделимого словосочетания усиливало ироническую оценку: «Эй, *стакановец*!», «выросла *кадра*», «кто прав, кто виноват» и «где навредил *культ личности*, а где какая-нибудь *личность без культа*»[41].

Тем не менее антифразис, антитеза и абсурд как приемы иронии в разрушении идеологического языкового канона расцвели пышным цветом гораздо позже – в неформальной диссидентской литературе в эпоху «завинчивания гаек». В литературе «оттепели» вызовы семантической целостности неделимых идеологических словосочетаний были в общем-то редки – градус «оттепели» был еще недостаточно высок.

«Мы – советские люди». При всей смелости первых произведений времен «оттепели» герой новой литературы все еще мыслил себя частью советского общества, не отказываясь от его ценностей. В романе И. Эренбурга «Оттепель» в творческий конфликт двух художников оказался вовлечен простой рабочий – мастер Андреев. Андреев, безусловно, герой положительный, поскольку представляет собой идеальный образ рабочего: «до всего хочет сам дойти, талантливейший человек, именно такие блоху подковали…». Андреев увидел картину: пейзаж с розовым домиком на берегу моря. Лучшее, как считал художник Сабуров,

[38] *Солженицын А.И.* Один день Ивана Денисовича // Рассказы. СПб., 2006. С. 44.
[39] Там же. С. 56.
[40] Там же. С. 45.
[41] Там же. С. 71; *Зверев И.Ю.* Она и он… С. 47, 51.

что было им написано. Андреев попытался выразить то чувство очарования и умиротворения, даже гармонии, которое возникло у него при созерцании этой картины, следующим образом: «Когда я увидел картины Сабурова, мне захотелось *жить, трудиться, бороться*». Это не ирония автора: не умея самостоятельно формулировать свои мысли, Андреев прибегнул к самому сильному и надежному средству, которое было ему доступно – политическому клише.

«Человек вы смелый, и подход у вас наш, советский – *хотите работать для народа*», – говорит Андреев художнику Сабурову в качестве самой высокой похвалы[42]. Влюбленный парторг обнимает девушку и говорит: «Не бойся, Рая, *я член партии*, я не допущу с тобой ничего такого… *Аморального*…»[43]. Директор завода Дроздов объясняется в любви будущей жене: «Я принадлежу к числу *производителей материальных ценностей*. Главная духовная ценность в наше время – умение хорошо работать, создавать как можно больше нужных вещей. *Мы работаем на базис*»[44]. Без всякого иронического подтекста писатели фиксировали на слух проникновение в речевые практики носителей языка официальной формулы, имевшей только положительные коннотации, но при этом языковой канон претерпевал некоторые изменения, основным из которых было усечение полной формы неделимого словосочетания.

В повести «Она и он» И. Зверев описывает прием главной героини в партию: «Рая очень волновалась, что вот такая ей оказана честь. Она сказала, как в брошюре, по которой готовилась: “Я буду нести высоко и хранить в чистоте”»[45]. Отсутствие прямого дополнения у глаголов – нести *знамя коммунистического труда* и хранить в чистоте *честь* – не мешают пониманию того, что именно обещает сделать героиня. Неделимость элементов в идеологической формуле в определенном контексте создает ассоциативные пары, когда при утрате одного элемента оставшийся принимает на себя всю семантическую нагрузку. Такая усеченная формула понятна всем и не требует расширения, поскольку актуализируется только в узких рамках контекста – герой вступает в контакт с партийным и административным пространством.

Тем не менее усечение в разговорной практике официальной формулы не было свидетельством ее внутреннего разрушения, поскольку она представляла собой интертекстуальное включение в речь цитаты из «метатекста» и ее освоение в сокращенном виде. Как правило, довольно легко можно определить источник: брошюра, по которой готовилась Рая, «Краткий курс истории партии», который читал Дроздов, или «Моральный кодекс строителя коммунизма», о котором вспоминает парторг Петр. В целом явление далеко не новое, но интертекстуальность цитаты в литературе «оттепели» приобрела дополнительные оттенки.

В силу того, что для литературы «оттепели» было характерно обращение к только что пережитому опыту Второй мировой войны, присутствие языкового канона в речи персонажей имеет двойственный характер: языковые идеологические формулы оценивались с позиции критики предыдущего, сталинского периода истории, но вместе с тем прослеживается и настойчивый рефрен, свойственный литературе 1950–1960-х: «мы – советские люди».

В повести Б. Балтера «До свидания, мальчики» (1961) главный герой описывает друга предвоенной юности: «Алеша Переверзев был секретарем городского комитета комсомола. <…> Например, я отлично помнил его речь о вреде сусликов. Он произнес ее в девятом классе, когда вся школа готовилась выступить против них в поход. Он открыл нам глаза на *паразитическую жизнь* сусликов – этих *коварных врагов молодых колхозов и советской власти*». Однако когда речь зашла о призыве в армию, комсомольский лидер стал серьезен: «Речь идет о большой чести, – сказал Алеша, – о *великом доверии*, которые *партия и комсомол* готовы оказать вам, мальчишкам…»[46]. Собственно, хронологический маркер *молодой*

[42] *Эренбург И.Г.* Оттепель. М., 1954. С. 46.
[43] *Зверев И.Ю.* Она и она… С. 12.
[44] *Дудинцев В.Д.* Не хлебом единым. М., 1968. С. 27.
[45] *Зверев И.Ю.* Она и он… С. 19.
[46] *Балтер Б.И.* До свидания, мальчики. М., 1965. С. 10.

при слове *колхоз* помещает языковой шаблон в период «культа личности», а антитеза *сусликов*, угрожающих *колхозам*, иронически окрашена. Тем не менее пара *партия* и *комсомол* остаются неделимыми при сохранении положительной коннотации.

Повесть Э. Казакевича «Двое в степи» была разгромлена критикой в 1948 г., но экранизирована в 1961 г. Отданный под трибунал за трусость лейтенант связи Огарков встречается в камере с другим арестантом: «– Не хочу воевать, – ответил приговоренный. – Я баптист, понимаешь? – И добавил: – Пусть немец приходит. Все одно. – Как же так “все одно”? – ужаснулся Огарков. – Что вы говорите? Ведь они фашисты! Просто странно, что вы это говорите! Еще русский человек… <…> – А ты-то, *советскай*, за что сюды попал?»[47]. Здесь очень интересно существование в одном идеологическом пространстве двух слов – *русский* и *советский*, что, как уже отмечалось, было свойственно «военной» литературе.

Лейтенанта Огаркова приговорили к расстрелу – он мучительно пытается объяснить, что он готов на все, чтобы искупить свою вину: «Они не имеют права не выполнить его требование. *Здесь Советский Союз*, где каждый человек *имеет право быть выслушанным*». Идеологизированный пространственный объект – *Советский Союз* – получает типологическое добавление в виде пересказанной статьи Конституции.

«Повесть о настоящем человеке» (1947), пик популярности которой пришелся на 1950-е гг., массово внедряла в советское идеологическое пространство словосочетание *советский человек*. Смерть Сталина и смена власти никак не повлияли на разрушение этого неделимого словосочетания, но существенно изменили один из элементов – вместо *советский человек* на первый план вышла дефиниция *советские люди*, вполне в соответствии с идеологическим предписанием[48]. Произведения Бориса Полевого по своему характеру – публицистика, что объясняется его обширным опытом военного корреспондента и функционера от литературы. Однако язык его рассказов и зарисовок неожиданно естественен и легок. Ни на йоту не отступив от сюжетного канона, заданного социалистическим реализмом, Полевому тем не менее удалось избежать обилия идеологических языковых штампов, характерных для официальной литературы. Его герои – солдаты, колхозники, учителя, шахтеры – говорят вполне естественным языком даже там, где речь идет о «государственных соображениях». Они – *советские люди*: дефиниция, которая оказалась неуязвимой к разрушению, поскольку основывалась на чем-то большем, чем партийная принадлежность или даже гражданская общность. «Советский народ – не миф и не публицистическое клише, это действенная и по сей день реальность, предполагающая определенное состояние сознания и установку на поведение личности»[49]. В этом смысле словосочетание *советские люди*, безусловно, является аксиологическим прецедентом и могло быть разрушено только при изменении оценки идеологического пространства в целом, что в период «оттепели» было невозможно.

Политический поворот в сторону свертывания «оттепели» затормозил движение текста официальной литературы к освобождению от языкового идеологического шаблона, а семантическая деформация «метатекста» перешла в область неформальной советской литературы, развивавшейся параллельно, которая активно осваивала сатирические и иронические приемы. Смена «внешнего редактора» не означала отмену идеологического давления на язык, которое в самом общем виде можно определить как выражение в языковой форме определенной мировоззренческой установки. Чтобы разрушить языковой канон, необходимо было в первую очередь подвергнуть критике базовую идеологему о тотальной положительной сущности «советского».

Время «оттепели» стало знаковым в истории развития русского языка советского периода как начало преодоления идеологических схем, встроенных в сознание носителей языка. Литература «оттепели» четко обозначила возможные границы разрушения официальной языковой формулы как первые шаги к десакрализации партийного «метатекста». Постоянная апелляция к идеологическим стандартам или их избыточное использование в незначимом

[47] *Казакевич Э.* Двое в степи // Звезда. М., 2003. С. 34.
[48] *Полевой Б.Н.* Мы – советские люди. М., 1950.
[49] *Купина Н.А.* Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург, 1995. С. 3.

контексте сатирически маркировали героя-«архаиста» и партийного бюрократа, у которого языковая самобытность подавлялась предписанной мировоззренческой схемой. В то время как сатирические приемы были направлены на разрушение внешней формы языковой формулы, приемы иронического подрывали семантическую неделимость языкового канона изнутри: десакрализация «метатекста» открыла возможности его деидеологизации. Однако основные идеологемы и мифы оказались устойчивыми к разрушению, поскольку имели характер не внешнего языкового маркера, а были встроены в языковое сознание. Смоделированное прецедентными текстами пространство – Советский Союз – и идеологически обобщенное мировоззрение «советских людей» в литературе «оттепели» все еще не подвергались сомнению.

Литература

Балтер Б.И. До свидания, мальчики. М., 1965. 324 с.

Безансон А. Русское прошлое и советское настоящее / пер. и общ. ред. А. Бабича; вступ. ст. М. Геллера. London, 1984. 387 с.

Будаев Э.В., Чудинов А.П. Эволюция лингвистической советологии // Политическая лингвистика. 2007. № 3 (23). С. 22–34.

Ваулина С.С., Булатая Е.В. Ирония М.Е. Салтыкова-Щедрина: особенность иронической оценки в романе «Господа Головлевы» // Слово.ру: балтийский акцент. 2021. Т. 12. С. 123–136.

Винокур Т.Г. С Новым годом, шестьдесят вторым… // Вопросы литературы. 1991. № 11/12. С. 48–69.

Выходцева И.С. Функционирование слова «товарищ» в советской словесной культуре // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2014. № 13. С. 30–38.

Геллер М.Я. Машина и винтики. История формирования советского человека. М.: МИК, 1994. 335 с.

Горин Г. Путешествие на Венеру // Знание – сила. 1959. № 12. С. 50.

Горнфельд А.Г. Новые словечки и старые слова. Речь на съезде преподавателей рус. яз. и словесности в Петербурге 5 сент. 1921 г. Петроград: Колос, 1922.

Добренко Е.А. Гоголи и Щедрины: уроки «положительной сатиры» // Новое литературное обозрение. 2013. № 3 (121). С. 163–191.

Дудинцев В.Д. Не хлебом единым. М.: Вече, 2011. 432 с.

*Зверев И.*Ю. Защитник Седов. М.: Советский писатель, 1990. 478 с.

Казакевич Э.Г. Двое в степи // Звезда. М.: Вече, 2004. 512 с.

Калинин И.А. Как сделан язык Ленина: материал истории и прием идеологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. № 15 (4). С. 605–617.

Карцевский С.О. Язык, война и революция. Берлин: Рус. универ. изд-во, 1923. 43 с.

Коткин С. «Говорить по-большевистски» // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период. Самара: Самарский университет, 2001. 376 с.

Купина Н.А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург, 1995. 144 с.

Ленин В.И. Что делать? // ПСС. 5-е изд. 1969. Т. 6. С. 39–40.

Николаева Г.Е. Битва в пути. М.: Советская Россия, 1980. 614 с.

Павловец М.Г. Школьный канон как поле битвы. Часть первая: историческая реконструкция // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2016. № 2. С. 73–92.

Полевой Б.Н. Мы – советские люди. М.: Детгиз, 1950. 306 с.

Померанцев В.М. Об искренности в литературе // Новый мир. 1953. № 12. С. 218–245.

Разинкина Н.С. Концептуальная метафора в русском языке советского периода (1917–1956 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 344. С. 26–29.

Савина Т.В. «Пролетарии» и «буржуи»: иноязычная политическая лексика в крестьянских «письмах во власть» 1920-х годов // Россия XXI век. 2017. № 6. С. 104–117.

Сандомирская И.И. Язык-Сталин: «Марксизм и вопросы языкознания» как лингвистический поворот во вселенной СССР // Landslide of the Norm: Language Culture in Post-Soviet Russia / ed. by I. Lunde and T. Roesen. Bergen, 2006. P. 263–291.

Серио П. Деревянный язык, язык другого и свой язык. Поиски настоящей речи в социалистической Европе 1980-х годов // Политическая лингвистика. 2008. № 5 (25). С. 160–167.

Солженицын А.И. Один день Ивана Денисовича // Рассказы. СПб.: Азбука-классика. 2006. 576 с.

Сталин И.В. Речь на приеме работников высшей школы 17 мая 1938 года // Правда. 19 мая 1938 г.

Стругацкий А., Стругацкий Б. Понедельник начинается в субботу // Понедельник начинается в субботу. Сказка о Тройке. М., 1990. 318 с.

Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н. Страна багровых туч // Страна багровых туч. Рассказы. Статьи, интервью. М., 1993. 479 с.

Хомяков В.И. Культура и власть (Концепция сотворения мира в русской литературе советского периода 1920–1930-х годов) // Омский научный вестник. 2006. № 1 (34). С. 200–204.

Шипицына Г.М., Мамонова Ю.О. Общий взгляд на лексикон русского языка советского периода // Научные ведомости БелГу. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 14 (235). Вып. 30. С. 21–28.

Эренбург И.Г. Оттепель. М.: Советский писатель, 1954. 140 с.

Юрчак А.В. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: НЛО, 2014. 604 с.

Dobrenko E.A. Linguistic turn à la Soviétique: The Power of Grammar, and the Grammar of Power // The Vernaculars of Communism: Language, Ideology and Power in the Soviet Union and Eastern Europe. Ed. By Petre Petrov and Lara Ryazanova-Clarke. London; New York, 2014. P. 19–39.

Lygo E. The Thaw Generation Poets in the Post-Soviet Period. Hodgson, Katharine, et al. Twentieth-Century Russian Poetry: Reinventing the Canon. Cambridge: Open Book Publishers, 2017. P. 329–354.

Rogers Th.F. Trends in Soviet Prose of the ‘Thaw’ Period // The Bulletin of the Rocky Mountain Modern Language Association. 1968. Vol. 22, No. 4. P. 198–207.

References

Balter, B.I. (1965). *Do svidaniya, mal’chiki* [Farewell, Boys]. Moscow. 324 p.

Bezanson, A. (1984) *Russkoe proshloe i sovetskoe nastoyashchee* [Russian Past and Soviet Present]. Tr. and ed. by A. Babich. Intro. by Mikhail Geller. London. 387 p.

Budaev, E.V., Chudinov, A.P. (2007). Ehvolyutsiya lingvisticheskoy sovetologii [Evolution of Linguistic Sovietology]. In *Politicheskaya lingvistika*. 2007. No. 3 (23), pp. 22–34.

Dobrenko, E.A. (2013). Gogoli i Shchedriny: uroki “polozhitel’noy satiry” [Gogols and Shchedrins: Lessons of “Positive Satire”]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 3 (121), pp. 163–191.

Dobrenko, E.A. (2014). Linguistic turn à la Soviétique: The Power of Grammar, and the Grammar of Power. In *The Vernaculars of Communism: Language, Ideology and Power in the Soviet Union and Eastern Europe*. Ed. By Petre Petrov and Lara Ryazanova-Clarke. London, New York, pp. 19–39.

Dudintsev, V.D. (2011). *Ne khlebom edinym* [Not by Bread Alone]. Moscow, Veche. 432 p.

Ehrenburg, I.G. (1954). *Ottepel’* [The Thow]. Moscow, Sovetskiy pisatel’. 140 p.

Geller M.Ya. (1994). *Mashina i vintiki. Istoriya formirovaniya sovetskogo cheloveka* [Cogs in the Wheel: The Formation of Soviet Man]. Moscow, MIK. 335 p.

Gorin, G. (1959). Puteshestvie na Veneru [Trip to Venus]. In *Znanie – sila*. No. 12, p. 50.

Gornfel’d, A.G. (1922). *Novye slovechki i starye slova. Rech’ na s"ezde prepodavateley rus. yaz. i slovesnosti v Peterburge 5 sent. 1921 g.* [New Words and Old Words. Speech at the Congress of Russian Language and Literature Teachers in St. Petersburg on 5 Sept. 1921]. Petrograd, Kolos. 43 p.

Kalinin, I.A. (2018). Kak sdelan yazyk Lenina: material istorii i priem ideologii [How Lenin's Language is Made: The Material of History and the Method of Ideology]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura*. No. 15 (4), pp. 605–617.

Kartsevskii, S.O. (1923). *Yazyk, voyna i revolyutsiya* [Language, War and Revolution]. Berlin, Rus. univer. izd-vo. 43 p.

Kazakevich, E.G. (2004). Dvoe v stepi [The Two in Steppe]. In *Zvezda* [The Star]. Moscow, Veche. 512 p.

Khomyakov, V.I. (2006). Kul'tura i vlast' (Kontseptsiya sotvoreniya mira v russkoy literature sovetskogo perioda 1920–1930-kh godov) [Culture and Power (The Concept of World Creation in Russian Literature of the Soviet Period of the 1920s and 1930s)]. In *Omskiy nauchnyy vestnik*. No. 1 (34), pp. 200–204.

Kotkin, S. (2001). "Govorit' po-bol'shevistski" [Speaking Bolshevik]. In *Amerikanskaya Rusistika: vekhi istoriografii poslednikh let. Sovetskiy period*. Samara, Samarskiy Universitet. 376 p.

Kupina, N.A. (1995). *Totalitarnyy yazyk: slovar' i rechevye reaktsii* [Totalitarian Language: Vocabulary and Speech Reactions]. Ekaterinburg. 144 p.

Lenin, V.I. (1969). *Chto delat'?* [What to Do?]. In *Complete works*. 5-e izd. Vol. 6, pp. 39–40.

Lygo, E. (2017). The Thaw Generation Poets in the Post-Soviet Period. Hodgson, Katharine, et al. Twentieth-Century Russian Poetry: Reinventing the Canon. Cambridge, Open Book Publishers, pp. 329–354.

Nikolaeva, G.E. (1980). *Bitva v puti* [Battle on the Way]. Moscow, Sovetskaya Rossiya. 314 p.

Pavlovets, M.G. (2016). Shkol'nyy kanon kak pole bitvy. Chast' pervaya: istoricheskaya rekonstruktsiya [School Canon as Battlefield. Chapter One: Historical Reconstruction]. In *Neprikosnovennyy zapas. Debaty o politike i kul'ture*. No. 2, pp. 73–92.

Polevoi, B.N. (1950). *My – sovetskie lyudi* [We are Soviet People]. Moscow, Detgiz, p. 306.

Pomerantsev, V.M. (1953). Ob iskrennosti v literature [On Sincerity in Literature]. In *Novyy mir*. No. 12, pp. 218–245.

Razinkina, N.S. (2011). Kontseptual'naya metafora v russkom yazyke sovetskogo perioda (1917–1956 gg.) [Conceptual Metaphor in the Russian Language of the Soviet Period (1917–1956)]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 344, pp. 26–29.

Rogers, Th.F. (1968). Trends in Soviet Prose of the 'Thaw' Period. In *The Bulletin of the Rocky Mountain Modern Language Association*. Vol. 22, No. 4, pp. 198–207.

Sandomirskaya, I.I. (2006). *Yazyk-Stalin: "Marksizm i voprosy yazykoznaniya" kak lingvisticheskiy povorot vo vselennoy SSSR* [Language-Stalin: "Marxism and Linguistics Issues" as Linguistic Turn in USSR Universe]. In *Landslide of the Norm: Language Culture in Post-Soviet Russia*. Ed. by I. Lunde and T. Roesen. Bergen, pp. 263–291.

Savina, T.V. (2017). "Proletarii" i "burzhui": inoyazychnaya politicheskaya leksika v krest'yanskikh "pis'makh vo vlast'" 1920-kh godov ["Proletarins" and "Bourgeois": Borrowed Lexicon in Peasants Letters to Authorities]. In *Rossiya XXI vek*. No. 6, pp. 104–117.

Seriot, P. (2008). Derevyannyy yazyk, yazyk drugogo i svoy yazyk. Poiski nastoyashchey rechi v sotsialisticheskoy Evrope 1980-kh godov [Wooden Language, the Language of Another and Your Own Language. The Search for Real Speech in Socialist Europe in the 1980s]. In *Politicheskaya lingvistika*. No. 5 (25), pp. 160–167.

Shipitsyna, G.M., Mamonova, Yu.O. (2016). Obshchiy vzglyad na leksikon russkogo yazyka sovetskogo perioda [General Look at the Lexicon of the Russian Language of the Soviet Period]. In *Nauchnye vedomosti BeLGu. Seriya Gumanitarnye nauki*. No. 14 (235), Is. 30, pp. 21–28.

Solzhenitsyn, A.I. (2006). *Odin den' Ivana Denisovicha* [One Day in the Life of Ivan Denisovich]. In Tales. St. Petersburg, Azbuka-klassika. 576 p.

Stalin, I.V. (1938). Rech' na prieme rabotnikov vysshey shkoly 17 maya 1938 goda [Speech at the Reception of Employees of Higher Education]. In *Pravda*. 19 May, p. 1.

Strugatskii, A.N., Strugatskii, B.N. (1990). Ponedel'nik nachinaetsya v subbotu [Monday Starts on Saturday]. In *Ponedel'nik nachinaetsya v subbotu. Skazka o Troike*. Moscow. 318 p.

Strugatskii, A.N., Strugatskii, B.N. (1993). Strana bagrovykh tuch [Country of the Crimson Clouds]. In *Strana bagrovykh tuch. Rasskazy. Stat'i, interv'yu*. Moscow. 479 p.

Vaulina, S.S., Bulataya, E.V. (2021). Ironiya M.E. Saltykova-Shchedrina: osobennost' ironicheskoy otsenki v romane "Gospoda Golovlevy" [M. Saltykov-Shchedrin's Irony: The Peculiarity of Ironic Evaluation in the Novel "The Golovlevs"]. In *Slovo.ru: baltiyskiy aktsent*. Vol. 12, pp. 123–136.

Vinokur, T.G. (1991). S Novym godom, shest'desyat vtorym… [Happy 1966 New Year…]. In *Voprosy literatury*. No. 11/12, pp. 48–69.

Vykhodtseva, I.S. (2014). Funktsionirovanie slova "tovarishch" v sovetskoy slovesnoy kul'ture [The Word *Comrade* in Soviet Verbal Culture]. In *Aktual'nye voprosy sovremennoy filologii i zhurnalistiki.* No. 13, pp. 30–38.

Yurchak, A.V. (2014). *Ehto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie* [It Was Forever Intil It Was Over. The Last Soviet Generation]. Moscow, NLO. 604 p.

Zverev, I.Yu. (1990). *Zashchitnik Sedov* [Sedov, the Lawyer]. Moscow, Sovetskiy pisatel'. 478 p.

Н.А. Белякова
В.П. Клюева*

МАРГИНАЛЫ ИЛИ ЧЕСТНЫЕ ТРУЖЕНИКИ: РАЗНООБРАЗИЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ ЕВАНГЕЛЬСКИХ ВЕРУЮЩИХ В ПОЗДНЕМ СССР

doi:10.31518/2618-9100-2022-6-14
УДК [94+278](470+571)

Выходные данные для цитирования:
Белякова Н.А., Клюева В.П. Маргиналы или честные труженики: разнообразие репрезентаций евангельских верующих в позднем СССР // Исторический курьер. 2022. № 6 (26). С. 180–194. URL: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-6-14.pdf

N.A. Beliakova
V.P. Kliueva*

OUTCASTS OR HONEST WORKERS: DIVERSITY OF REPRESENTATIONS OF EVANGELICAL BELIEVERS IN THE LATE USSR

doi:10.31518/2618-9100-2022-6-14

How to cite:
Beliakova N.A., Kliuveva V.P. Outcasts or honest workers: Diversity of Representations of Evangelical Believers in the Late USSR // Historical Courier, 2022, No. 6 (26), pp. 180–194. [Available online: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-6-14.pdf]

Abstract. The article analyzes the representations of believers in the USSR during the Brezhnev period, and the correlation of religious views with everyday life and Soviet ideology. Authors used field materials collected in religion communities of the former Soviet Union in the 2010s. The main method of data collection is the biographical narrative interview method. These narratives were supplemented and verified by documents of government authorities from central and regional archives and ego-documents of believers (testimonies, memoirs, and letters). The materials of oral history show the position of the believers themselves, who talk about their Soviet experience, and about various practices of exclusion and inclusion. Believers in the Soviet media were portrayed as a marginal and isolated group. The Evangelicals themselves, in their memoirs, describe “feats of faith” and ways of surviving in an anti-religious environment. Modern interviews show the versatility of Soviet society in the period of late socialism and the active involvement of evangelical believers in it. Latent discrimination contributed to the shaping of their identity. The value of their labor potential compensated for their social discrimination as “sectarians”. At the same time, believers learned and practiced Soviet values (ideals) and norms, which is reflected in their speech and behavior patterns. They, like the majority of Soviet people, demonstrated a performative shift in relation to Soviet rituals and practices. It is concluded that in the late USSR, evangelical believers were an organic part of the Soviet social diversity.

Keywords: Soviet protestants, Pentecostals, Baptists, marginality, labor in the USSR, communistic morals, work ethic, Christian ethic, religious everyday life, social exclusion.

The article has been received by the editor on 25.08.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье рассматривается репрезентация советских верующих (евангельских христиан) в 1970–1980-е гг. Исследуется соотношение религиозных убеждений, повседневной жизни и советской идеологии. Статья написана на эмпири-

* **Надежда Алексеевна Белякова,** кандидат исторических наук, Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия, e-mail: beliacovana@gmail.com
Nadezhda Alekseevna Beliakova, Candidate of Historical Sciences, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: beliacovana@gmail.com
Вера Павловна Клюева, кандидат исторических наук, Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук, Тюмень, Россия, e-mail: vormpk@gmai.com
Vera Pavlovna Kliueva, Candidate of Historical Sciences, Tyumen Scientific Centre of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Tyumen, Russia, e-mail: vormpk@gmai.com

ческих материалах, собранных в 2000–2010-е гг. в разных регионах бывшего СССР. Собранные нарративы дополнены документами органов власти и эго-документами верующих. Материалы устной истории позволяют увидеть позицию самих верующих, рассказывающих о своем советском опыте и о разнообразных практиках эксклюзии и инклюзии. Разнообразные советские источники создавали образ верующих как маргиналов. Сами евангелики в своих воспоминаниях описывают «подвиги веры» и способы выживания в антирелигиозной среде. Современные интервью показывают многогранность советского общества периода позднего социализма и активную включенность в него евангельских верующих. Латентная дискриминация способствовала оформлению идентичности евангельского сообщества. Ценность трудового потенциала компенсировала социальную дискриминацию как «сектантов». Одновременно с этим верующие усваивали и практиковали советские ценности (идеалы) и нормы, что отражалось в их речевых и поведенческих паттернах. Они же, как и большинство советских граждан, по отношению к советским ритуалам и практикам демонстрировали перформативный сдвиг. Сделан вывод, что в позднем СССР евангельские верующие были органичной частью советского социального многообразия.

Ключевые слова: советские евангелики, пятидесятники, баптисты, маргиналы, труд в СССР, коммунистическая мораль, трудовая этика, христианская этика, религиозная повседневность, социальная эксклюзия.

Статья поступила в редакцию 25.08.2022 г.

Фокус предлагаемой статьи сосредоточен на необычной и одновременно привычной для позднесоветского ландшафта категории советских людей – евангельских верующих, которых привычно называли баптистами или «сектантами». В эту категорию, включавшую все разнообразие советского евангельско-христианского сообщества, объединяли верующих, называвших себя евангельскими христианами или просто христианами.

В предлагаемой статье мы обратимся к тому, какими видели себя «баптисты» в брежневском СССР, как соотносили свои религиозные убеждения с повседневной жизнью и идеологией страны, строившей социализм. В нашем исследовании мы попробуем выйти за границы клише, которыми описывали «верующих ЕХБ» чиновники[1], и посмотрим на материалы, созданные самими верующими. Источниковую базу составили биографические интервью, тексты и воспоминания активных верующих 1960-х – сер. 1980-х гг. Интервью были собраны авторами в 2000–2010-е гг. в республиках бывшего СССР (РФ, Украина, Казахстан, Белоруссия, республики Прибалтики). Для цитирования используются наиболее насыщенные нарративы, в которых уделялось внимание репрезентациям в советском обществе.

Верующие баптисты (евангелики) в брежневский период не были однородны. Во-первых, сообщество делилось на членов зарегистрированных и незарегистрированных общин; во-вторых, внутри сообщества были разные вероучительные и обрядовые особенности. В кратком историческом очерке мы попытаемся дать краткую характеристику и отсылки к основным исследованиям на эту тему.

Как «баптисты» появляются в советском публичном пространстве. Евангельские общины разных течений были легализованы в СССР в рамках единой структуры с центром в Москве в 1944 г.[2] Впервые в истории страны в качестве централизованной организации была легализована структура евангельских христиан, в публичном пространстве воспринимаемых как сектанты. Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов (ВСЕХБ) становится

[1] О специфике источников государственного происхождения, характеризующих религиозную жизнь, см.: *Люрманн С.* Что мы можем знать о религиозности советского периода? (Сопоставление архивных и устных источников из послевоенного Поволжья) // Государство, религия и церковь в России и за рубежом. 2012. № 3-4 (30). С. 485–504.

[2] *Белякова Н.А.* Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов – продукт и заложник сталинской религиозной политики // Конфессиональная политика советского государства в 1920–1950-е годы. М., 2019. С. 418–429.

брендом, своеобразным зонтиком, под которым собираются самые разные, иногда в корне конфликтные деноминации[3]. Баптисты воспринимались высшим советским руководством как «короста на теле советского общества» (выражение К. Ворошилова). Однако весь хрущевский период (с середины 1950-х гг.) советские евангелики оказываются в зоне внешнеполитических интересов советского руководства; более того, с их участием проводятся систематические «показы» жизни религиозных общин евангельских христиан для посещающих СССР иностранцев.

В период хрущевской антирелигиозной кампании внутри СССР, имевшей ярко выраженный антисектантский характер и целенаправленно представлявшей верующих как фанатиков и изуверов, возникает протестное движение евангеликов, которое структурируется вокруг «инициативной группы» и приводит к расколу евангельского движения[4]. Представители евангельских сообществ были массово репрессированы в начале 1960-х гг. Согласно справке Совета по делам религий за 1961–1964 гг., было осуждено 1 234 верующих. Среди осужденных и высланных насчитывалось 340 верующих евангельских христиан-баптистов, 261 пятидесятник, 215 иеговистов[5].

Евангелики и социалистические ценности. Брежневский период начинается с восстановления «социалистической законности» в отношении верующих евангеликов[6]. Важность сохранения баланса между ограничением активности «религиозных экстремистов» и демонстрацией «свободы совести» в стране заставляла искать компромиссы и определение новых границ легальности для евангельского сообщества.

Были ли евангелики в СССР маргинальной группой[7], находившейся на периферии в системе социальных взаимоотношений и связей? Их участие в социальной «советской» жизни не было активным. Но при этом евангельское сообщество имело хорошо развитую структуру коммуникаций с развитым набором коллективных практик и таким образом вписывалось в процесс формирования субкультурных сообществ[8].

Посмотрим, как сами евангелики определяли свое отношение к советскому социалистическому проекту. Обратимся к показательному трактату, который был известен в самиздате с 1969 г., «В.И. Ленин и свобода совести»[9]. Текст был составлен в Куйбышеве и представляет, на наш взгляд, яркую иллюстрацию того, как определенная часть советских баптистов позиционировала себя внутри советского пространства. Автор текста, баптист Ю.С. Грачев[10],

---

[3] *Beliakova N., Kliueva V.* Leadership, communication, and conflicts among evangelicals: analysis of relations in religious communities in the late USSR // Canadian Slavonic Papers/Revue canadienne des slavistes. 2019. Vol. 61, № 1. P. 4–24; *Beliakova N., Kljueva V.* Special features of the evangelical community in the Soviet Union: difficulties of co-existence in conditions of harassment and discrimination // Reliģiski – filozofiski Raksti. 2017. XXIII. P. 49–68.

[4] *Никольская Т.К.* Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 годах. СПб., 2009. С. 201–214.

[5] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6991. Оп. 6. Д. 173. Л. 181–182.

[6] *Савин А.* «Многие даже не допускают мысли, что сектант может быть честным человеком»: «брежневский» поворот в антирелигиозной политике и российский протестантизм (1964–1966 гг.) // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: История. 2016. № 4. С. 59–75.

[7] Говоря о верующих как о маргиналах, мы опираемся на социологический концепт маргинальности. См. об этом подробнее: *Баньковская С.* Чужаки и границы: к понятию социальной маргинальности // Отечественные записки. 2002. № 6. С. 457–467; *Bankovskaya S.* Living in-between: The Uses of Marginality in Sociological Theory // Russian sociological review. 2014. Vol. 13, No. 4. P. 94–104.

[8] *Белякова Н.А.* Коллективные практики типичной общины евангельских христиан-баптистов в позднем СССР // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 3–4. С. 284–314.

[9] Автор подчеркивает юбилейный характер своего текста, вписанный в советскую лениниану, вынеся в верхней части брошюры подзаголовок «К 100-летию со дня рождения Ленина».

[10] **Грачев Юрий Сергеевич** (1911–1973), родился в Самаре в семье баптистов, принял в 16 лет в 1928 г. крещение, прошел через три заключения. Первый раз был арестован в 1930 г. и приговорен к 5 годам ИТЛ, в 1934 г. он был снова арестован и осужден на 3 года, и в 1949 г. был осужден к расстрелу, замененному на 25 лет ИТЛ. Освобожден 24 марта 1955 г. Верховным судом РСФСР. Все три раза он был осужден по статье об антисоветской агитации по ст. 58-10 или 58-11. В 1958 г. смог закончить Оренбургский институт и получить высшее медицинское образование (до этого он, как и его отец, погибший в лагере, на протяжении многих лет работал фельдшером), и с 1961 г. работал в Куйбышеве врачом «скорой помощи». Согласно его официальной биографии, в 1972 г. после поставленного перед ним заведующим «скорой помощью» ультиматума: «или работа, или проповедь», он написал письмо генеральному секретарю ЦК КПСС Л.И. Брежневу, в котором сообщал о своем желании работать на благо общества при своей вере в Иисуса Христа.

активный проповедник, неоднократно репрессированный, врач «скорой помощи», член зарегистрированной государственными органами общины ЕХБ.

В трактате, названном в соответствии с советским литературным каноном, содержался апологетический нарратив и излагалась, как нам представляется, вероучительная и социальная повестка советских евангеликов. Апеллируя к евангельскому тексту, автор утверждал, что Христос и апостольская церковь не допускали никакого принуждения и насилия по отношению к разномыслящим. История показывает, что «церкви, возвращающиеся к апостольскому вероучению, высоко ценят свободу совести». Впервые в Советском Союзе верующим было предоставлено право на свободу благодаря декрету советского государства во главе с В.И. Лениным. Созданное в результате Октябрьской революции «советское государство сделало все, чтобы гарантировать свободу совести гражданам», которые были уравнены в правах, получив право на беспрепятственное выполнение религиозных обрядов, менять религиозные убеждения и воспитание детей в соответствии со своими религиозными убеждениями. Затем автор переходил к обсуждению принципа свободы совести и утверждал: «всемирное движение баптистов разделяло идею свободы совести, за которую боролся и которую осуществил В.И. Ленин и его партия, а наши русские евангельские христиане и баптисты всегда защищали естественные права свободы веры, слова, печати». Идеал евангельских христиан – «вободная церковь в свободном государстве» – был воплощен благодаря советскому декрету о свободе совести.

Этот документ позволяет понять контраргументы евангеликов доминирующей идеологии. Если советская идеологическая машина представляла евангельских верующих в качестве «сектантов», идеологически чуждых советскому обществу элементов и к тому же «пятой колонной» в условиях «холодной войны»[11], то значительная часть верующих стремилась представлять себя частью советского общества, и речь идет не просто о конформизме или попытке стать «попутчиками» революции, как их стремились представить оппоненты.

Для большинства протестантского сообщества было присуще положительное отношение к революционным преобразованиям, восприятие социалистических идей созвучными христианству, а также распространение идеи «социального Евангелия» и необходимость активного участия верующих в социалистическом строительстве[12]. Более того, представление об антимонархичности русских сектантов сформировалось во властном дискурсе уже к 1880-м гг.[13] Тезис о склонности к демократизму и революционной активности российских евангеликов к началу XX столетия был усвоен представителями разных имперских институтов[14].

Действительно, евангельские христиане оказались активными участниками конструирования нового мира в период революции. Идейным лидером евангельских христиан был И.С. Проханов, сформулировавший концепт духовной революции и духовного преображения общества, в начале 1920-х гг. выступивший с инициативой строительства города Евангельска в Сибири[15]. Вот показательная цитата из послания, подписанного Прохановым и другими лидерами евангельских христиан: «Деятельность советской власти, направленная к освобождению трудящихся от эксплуатации и помощи бедным и т.п., соответствует духу евангельских христиан, ибо наш учитель Христос, будучи сам бедняком, заботился о трудя-

[11] *Beliakova N., Dobson M.* Protestant women in the late Soviet era: gender, authority, and dissent // Canadian Slavonic Papers/Revue canadienne des slavistes. 2016. Vol. 58, No. 2. P. 117–140.

[12] См. подробнее: *Coleman H.* Russian Baptists and Spiritual Revolution, 1905–1929. Bloomington, 2005.

[13] *Polunov A.* The problem of religious freedom in late imperial Russia: The case of Russian Baptists // Journal of Eurasian Studies. 2012. Vol. 3, Iss. 2. P. 161–167.

[14] В выпущенной в 1916 г. брошюре православного миссионера Айвазова утверждалось, что, «по признанию самих баптистов, религия им понадобилась только для того, чтобы революционные выступления в России провести в народную толщу и укрепить их в народных массах, как дело Божие, и тем доставить победу на Руси германизму, который заканчивал подготовку к вторжению в Россию, объятую-де “пламенем религиозной революции”, поднятой немцами-колонистами и их детищем – баптистами!..» (*Айвазов И.Г.* Баптизм – орудие германизации России. Пг., 1916. С. 18).

[15] *Савин А.И.* «Город Солнца»: к истории одной религиозной утопии в Советской России // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2009. Т. 8. Вып. 1. С. 45–49.

щихся и обремененных и нам заповедовал то же самое» (1923 г.)[16]. В руководящем органе поздних протестантов СССР – ВСЕХБ – ключевые позиции заняли представители как раз евангельских христиан и последователи Проханова – Яков Жидков и Александр Карев, и именно они во многом формировали концептуальную и идеологическую основу послевоенного евангельского сообщества.

Переплетение в текстах периодических изданий евангельских христиан языка демократии, революции и христианства было отмечено еще в начале XX столетия[17]. В послевоенный период мы видим активное оперирование понятиями, типичными для коммунистической пропаганды: важность трудовой активности, примат коллективного над индивидуальным, ответственность за свои поступки перед коллективом и будущими поколениями. Эти утверждения были органичной частью рабочей повседневности у евангеликов. На страницах официального печатного органа ВСЕХБ «Братского вестника» давался посыл не только о пользе и важности труда на благо Родины, но и его сакральном характере. «...Наш повседневный труд – какие здесь возможности для служения родине! Пусть это будет самый прозаический труд, но мысль, что он служит во благо родного народа, превратит его в нечто священное, больше даже – в нечто божественное», – писал в первом выпуске журнала Я.И. Жидков.

Установку о возможности преобразования социальной жизни на христианских началах, как представляется, нужно рассматривать не столько в русле светских секулярных концептов строительства «новой жизни», сколько христианского эсхатологизма, который был важной доминантой в сознании евангеликов. Эсхатологизм евангеликов, особенно в условиях развития биполярного противостояния и ядерной угрозы, вызывал серьезные опасения у власти[18]. Поэтому открыто демонстрировать его в 1960–1970-е гг. лидеры евангельских общин не осмеливались. Однако, как мы знаем из истории христианства, акцентуация на эсхатологических ожиданиях могла проявляться по-разному. Одни верующие сосредоточивали свое внимание на апокалипсисе, тяжелых последних днях, приходе Антихриста, необходимости сохранить «остаток верных», а значит, держаться подальше от мира, который окончательно погряз во зле. Это было характерно в послевоенный период для «чистых» баптистов. Для другой части христиан акцент смещался на торжественную победу Христа, на возможность Его торжества и радость от встречи Ним.

Дискурс «церкви мучеников» и ее «антисоветская» составляющая. Движение внутри евангельских христиан-баптистов, вызванное множеством внутренних процессов, репрессиями извне, нормализацией или «обмирщением» части верующих, выкристаллизовалось в структуру «Совета церквей» (который представлял новое поколение верующих)[19]. Здесь формируется дискурс страданий за веру, который быстро приобрел международное звучание и включил незарегистрированные общины в глобальный нарратив о «подпольной церкви»[20]. Активисты незарегистрированного Совета церквей массово пишут и распространяют в самиздате материалы о страдающих христианах, безбоязненно выступающих против атеистической власти. Широкое знакомство западного читателя с жизнью свободных церквей в послевоенном СССР началось с публикаций англиканского пастора и правозащитника Майкла Бордо, описавшего преследования со стороны властей активистов баптистских общин, организационно оформившихся в период хрущевской антирелигиозной кампании[21]: здесь была представлена позиция той части евангельских христиан-баптистов, которые выступили как радикальные религиозные диссиденты и борцы с советской атеистической

[16] Послание Высшего совета евангельских христиан всем общинам и всем отдельным братьям, евангельским христианам проживающим в СССР // Известия ВЦИК. 1923. № 180.

[17] *Coleman H.* Russian Baptists…

[18] *Dobson M.* Protestants, Peace and the Apocalypse: The USSR's Religious Cold War, 1947–62 // Journal of Contemporary History. 2018. No. 53 (2). P. 361–390.

[19] *Dönninghaus V., Savin A.* Unter dem wachsamen Auge des Staates: Religiöser Dissens der Russlanddeutschen in der Breschnew-Ära. Veröffentlichungen des Nordost-Instituts. Vol. 22. Wiesbaden, 2019.

[20] См., например, публикации Рихарда Вурмбранда: *Вурмбранд Р.* Торжествующая Церковь. Voice of the Martyrs, 2010.

[21] *Bourdeaux M.* Religious Ferment in Russia: Protestant Opposition to Soviet Religious Policy. London, 1968; Christian Appeals from Russia. London, 1969; Aida of Leningrad: The Story of Aida Skripnikova. London, 1972.

системой и одновременно были против официального баптистского руководства. Несколько позднее идею мученичества за веру развивают активисты-пятидесятники. Именно этот тезис был для них основным во время движения за эмиграцию[22].

Открытые протестные письма баптистов и пятидесятников, регулярный религиозный самиздат «Вестник Спасения», «Бюллетень родственников узников ЕХБ», правозащитная «Хроника текущих событий» – все они транслировали тему стойкости и мученичества верующих, непримиримых с атеистической действительностью. Однако отметим, что большинство пострадавших за веру в брежневский период эмигрировали из страны, как только появилась возможность. Оставшиеся, в том числе члены семей осужденных по религиозным причинам, нечасто воспроизводят «страдальческий» дискурс, хотя он имплицитно присущ воспоминаниям о советской действительности, особенно озвучиваемых среди своих единоверцев.

Все-таки маргиналы или часть позднесоветского разнообразия? Маргинальность советских верующих традиционно звучит в публичном дискурсе изучаемого периода. Однако вопрос – кто был инициатором процесса эксклюзии – остается дискуссионным. Уже с середины 1960-х гг. доминировала установка на нормализацию верующих, что отразили и тексты известного советского религиоведа А.И. Клибанова: «Верующие – это советские люди, и они, естественно, радуются нашим общим достижениям», и далее – масса «верующих, которые прежде всего чувствуют себя советскими людьми и нередко с помощью религиозной софистики мучительно ищут выход из своих идейных противоречий»[23]. Советские религиоведы и в более поздний период пытались обосновать одновременно используемые противоположные утверждения о самоизоляции и потребности верующих в евангелизации окружающих. Вот как выглядит типичное объяснение: «можно вести речь о внутренней замкнутости сектантских общин, о стремлении части верующих к самоизоляции. <…> Верующие легко идут на контакты с инаковерующими или вообще неверующими, ставя перед собой вполне определенные цели. И вместе с тем они действительно стремятся к определенной самоизоляции, замыкаясь в кругу узких интересов своей общины»[24]. Интересно, что Л. Алексеева, посвятив религиозным движениям в СССР значительную часть своей книги, объясняла самоизоляцию верующих их дискриминацией со стороны светского общества[25].

Сами верующие заявляли о своей лояльности и соответствии социальным нормам: «Все законы, издаваемые правительством нашей страны, признаем и выполняем. Дети наши учатся в школе, вступать в пионеры и комсомол не запрещаем. Медицинским лечением пользуемся как на дому, также и коечным. Работаем на заводе, фабрике или в учреждениях честно. Служим в рядах Советской Армии, как в мирное время, так и во время военных действий. Крещение духом святым признаем, если человек имеет один из следующих даров: слово мудрости, слово знания, или исцеление по молитве, или иные языки, или пророчества, но все должно происходить благопристойно и чинно»[26].

В наших интервью мы стремились узнать, насколько верующие были включены в советскую повседневность. Было ли участие в советской обрядности маркером лояльности? Как мы знаем из исследований о православных или старообрядческих радикальных движениях, отказ от участия в советских ритуалах – в получении паспортов, участии в демонстрациях и выборах – был отличительным знаком «истинных» религиозных групп довоенного периода[27].

Судя по всему, значительная часть евангельских верующих воспринимала в брежневский период советские ритуалы как формальность, и участие в них не считалось религиозно-политическим заявлением. У части верующих мы фиксируем пассивность воспоминаний:

[22] *Клюева В.* Эмиграция по религиозным мотивам: советские пятидесятники в поисках «лучшей доли» // Quaestio Rossica. 2018. Т. 6, № 2. С. 438–453.
[23] *Клибанов А.И.* Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. М., 1973. С. 158–159.
[24] *Белов А.В.* Секты, сектантство, сектанты. М., 1978. С. 83.
[25] *Алексеева Л.М.* История инакомыслия в СССР. Новейший период. Вильнюс; М., 1992. С. 154–155.
[26] *Граждан В.* О «духовных дарах» и их почитателях // Наука и религия. 1976. № 12. С. 25–26.
[27] *Беглов А.Л.* В поисках «безгрешных катакомб»: Церковное подполье в СССР. М., 2008. С. 78–102.

«*Кто-то ходил, кто-то не ходил. <…> Мы старались не ходить*» [Инт. 1]. Рутинизация действий подчеркивается и отсутствием ярких впечатлений: «*Я ходил на демонстрации от училища и от школы, мне кажется, я не помню. Я помню, что ходили. <…> Первого мая, я помню, что мы ходили и где-то стоять надо было. И ходили тогда, когда холодно было*» [Инт. 3]. Для участия в подобных мероприятиях сложилось бытовое оправдание: нужно ходить, иначе могут лишить стипендии или премии [Инт. 2].

Редко, но известны случаи активного участия в массовых советских мероприятиях. В 1970-е гг. в некоторых городах пятидесятническая молодежь с интересом выходила на демонстрации [Инт. 4]. Отец информантки, активный пятидесятник, своим детям участвовать не запрещал, хотя сам нашел способ легитимного отсутствия в «праздничных колоннах»: «*На праздник обычно всегда приходилось сутками дежурить. Никому неохота в праздники дежурить, все уж надеялись, что Филиппов всех выручит. Я обычно и дежурил. <…> Начальник скажет: “Будешь дежурить?”, я говорил: “Не откажусь, подежурю”. А на демонстрациях я не бывал*» [Инт. 5].

Участие в других советских политических событиях (например, выборах) воспринималось верующими, так же как и другими советскими людьми, как нечто не имеющее большого значения. Здесь нет сознательного избегания или наполнения собственным смыслом подобных действий, это всего лишь рутинный акт, за которым ничего не последует.

> «***Инт.: А в выборах участвовали?***
>
> *Инф.: В выборах – да. Была такая ситуация, что не хотелось идти на эти выборы, потому что все выбрано, и потому что они сами распространяли, что сектанты на выборы не ходят. Ну, пришли. Что от этого изменится? Хоть иди, хоть не иди.*
>
> ***Инт.: Наверное, так думали все, не только верующие.***
>
> *Инф.: Наверное, люди-то понимали, но система такая и поэтому шли» [Инт. 5].*

Описание участия в процедуре, когда уже «все выбрано», является показателем перформативного сдвига[28], при котором воспроизводство нормы идеологического ритуала доминирует над буквальным смыслом. Результатом безразличия становится также забывание своего участия в акции.

> *«Инф.: А выборов тогда, по-моему, и не было.*
>
> ***Инт.: Были выборы в Верховный совет и советы других уровней.***
>
> *Инф.: Не помню что-то. Так, наверное, если выборы – то куда деваться. В них все участвуют, и верующие, и неверующие. За властей нужно ж голосовать тоже» [Инт. 6].*

Однако, помимо индифферентного отношения к советским ритуалам, мы видим и качественное овладение евангеликами советской идеологической риторикой, и глубокое понимание символичности публичных действий, выступавших в качестве маркера лояльности. Например, верующие писали протестные письма и отказывались от участия в выборах для выражения своего мнения по поводу дискриминационно-репрессивного давления[29]. В 1983 г. пресвитер Петропавловской общины (КазССР) написал письмо в Совет по делам религий при СМ СССР, где обвинил местную власть в нарушении прав человека и Конституции СССР. Причиной письма стал суд над верующими. Они же отказались приходить на выборы: «*Приходят переписчики, я говорю: “Мы голосовать не будем”. А в то время не голосовать невозможно было. Как? Почему? Я говорю: “Ну, вот такую клевету [в газете про нас] написали, и мы обращались к власти и они никаких мер не предпринимали, а зачем нам*

[28] *Юрчак А.* Это было навсегда, пока не кончилось. М., 2014. С. 76.

[29] *Белякова Н.А.* «Сообщаем о преступлении против правосудия…»: обращения и жалобы верующих в брежневском СССР // Новейшая история России. 2018. Т. 8, № 3. С. 640–658; *Bieliakowa N.* Życie religijne w późnym ZSRS: listy i petycje wierzących w warunkach zimnej wojny // Pamięć i sprawiedliwość. 2021. № 1 (37). P. 79–99.

такая власть?”» [Инт. 7].

Представленные выше нарративы показывают, что евангелики в целом вписывались в позднесоветские реалии. Диссонансом в гармоничной жизни верующего возникала информация о преследованиях по идеологической линии. Отметим, что в беседах с информантами мы никогда не встречали критики советской власти и социалистического строя, рассуждений о несовместимости христианства и коммунизма или историй о нетерпимом отношении к ним в быту.

Евангелики – единственные честные труженики в позднем СССР? Можно ли считать подчеркивание лояльности к социалистическим идеям, которую мы часто встречаем у верующих, всего лишь стратегией адаптации, сложившейся у большинства советских обывателей[30]? Многие советские профессиональные атеисты обращали внимание на заявления, декларируемые руководством религиозных деноминаций. Зачастую их фиксация носила обличительный характер. «Проповедники религии сейчас стараются внушить верующим, что коммунистические взгляды на труд заимствованы из “священного писания”, что они совместимы и даже совпадают с тем, что говорит Библия о труде»[31]. Особенно раздражало идеологов добросовестное отношение евангеликов к труду, ставшее «притчей во языцех». Распространенным шаблоном было подчеркивание, что «одна из распространенных в настоящее время идей сектантства состоит в том, что она якобы прославляет трудолюбие и в связи с этим прививает людям высокие нравственные черты. <…> Для многих советских людей труд стал жизненной потребностью. Учитывая это, сектанты начали говорить о труде как о земном призвании человека»[32]. Одновременно подчеркивалось, что религиозные лидеры – тунеядцы, заставляющие своих единоверцев выплачивать десятину, которую тратили на собственные потребности, тогда как рядовым верующим приходилось претерпевать разнообразные материальные трудности.

В правозащитной литературе был распространен тезис о том, что верующие, «как правило, не получают должностей, соответствующих квалификации, а заняты физическим трудом. Пятидесятников не продвигают по работе, как бы хорошо они ни работали. <…> занимают самые низкооплачиваемые и незавидные должности <…> и все-таки часто подвергаются увольнениям по требованию партийного начальства, блюдущего “идеологическую монолитность” коллектива»[33]. При этом официально дискриминация по религиозному признаку, в том числе при приеме на работу, в Советском Союзе была запрещена (согласно Конвенции Международной Организации Труда № 111 о дискриминации в области труда и занятий, ратифицированной СССР в январе 1961 г.), о чем также не забывали упоминать правозащитники[34].

Чтобы понять, существовала ли дискриминация верующих на рабочем месте де-факто, посмотрим на образовательные и карьерные траектории верующих. Собранные нами интервью зафиксировали устойчивый стереотип негативного отношения к высшему образованию, в большей степени распространенный в советской провинции, чем в центральных городах. Установка на трудности в поступлении и обучении в вузе, возникшая еще в первые советские десятилетия, стала ценностной детерминантой сообщества, сформулировавшего идейное обоснование нежелательности такой учебы: обязательность изучения марксистско-ленинской философии и научного атеизма могла повлечь за собой потерю веры. «*Очень много было моментов в вузах, когда видели, что студент – верующий, и [его] исключали. Я сам был неоднократным свидетелем этого*» [Инт. 9].

Особенно распространенной эта установка была у «нелегальных», не имеющих официальной регистрации сообществ (пятидесятников и представителей СЦ ЕХБ). Поэтому многие

[30] *Хархордин О.В.* Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб.–М., 2002; *Юрчак А.* Это было навсегда… С. 58–62; *Левада Ю.* Феномен «человека советского»: социологические параметры // Время перемен: предмет и позиция исследователя. М., 2016. С. 499–521.

[31] *Шахнович М.И.* Коммунизм и религия. Л., 1966. С. 23.

[32] *Калугин В.М.* Современное религиозное сектантство. Его разновидности и идеология. М., 1962. С. 44.

[33] *Алексеева Л.М.* История инакомыслия в СССР… С. 153.

[34] *Чалидзе В.* Лекции о правовом положении рабочих в СССР. Нью-Йорк, 1976. С. 24.

даже не пробовали поступать из-за своего априорного представления о дискриминации верующих. Часто отказ от образования объяснялся априорной необходимостью вступать в комсомол. «*Чтобы пойти в институт, тем более требовалось быть комсомольцем, [поэтому] дорога закрыта практически всем*» [Инт. 8].

Хотя и члены официальных церквей ЕХБ подтверждают устоявшееся мнение: «*…учиться невозможно было в высших учебных заведениях, даже в техникуме не всегда возможно было остаться даже на вечернем [отделении]... Вот мой папа учился в техникуме, уже когда мы учились в школе. То есть ему удалось поступить на вечернее отделение. А до этого он никак [не мог учиться], ему как христианину невозможно было учиться*» [Инт. 10].

В собранных нами интервью видно, что для профессионального обучения предпочтение отдавалось учебе в училищах, чтобы получить востребованную рабочую специальность. «*Я говорил детям: “Ребята, учитесь хорошо, но имейте в виду: вы можете работать дворником, токарем, слесарем, [но] даже в техучилище вы не поступите. Уж не говоря о техникуме или об институте”…*» [Инт. 11].

На практике интервьюируемые нами верующие имели широкий спектр профессий (например, процитированный выше баптист был настройщиком фортепиано), наиболее распространенными были строительные специальности. При этом в биографических интервью сюжеты о трудовых достижениях и отношениях с трудовым коллективом занимают важное место. Представители евангельского сообщества обязательно подчеркивали свою включенность в производственный процесс и определяли свое место в рабочей иерархии:

«*И меня уважали рабочие все, и начальство уважало, несмотря на мои убеждения. <…> Она /бригадир/: “Да, конечно, приходи. Скажи начальнику и пиши заявление, что Полякова берет. Мне все равно, во что ты там веришь, это твое дело; самое главное – это твое отношение к работе и уровень профессионализма”*» [Инт. 8].

Рабочая специальность, кроме возможности избежать испытания научным атеизмом в вузах, давала чувство свободы от контроля советской системы. Поэтому верующие предпочитали не заниматься руководящие должности даже на среднем уровне, например мастера или прораба [Инт. 1]. Нечто подобное испытывали люди, уезжавшие работать *на Севера́* (в Арктику и северные районы РСФСР) и рассказывавшие, что север привлекал не только «длинным рублем», но и возможностью ощутить себя свободным и самостоятельным.

Трудовая этика евангеликов и отрицательное отношение к алкоголю выгодно отличали их от других работников, поэтому начальство старалось соблюдать негласную конвенцию в отношении верующих и по мере сил охранять от рьяных борцов с религией [Инт. 7]. Более того, встречаются случаи, когда при запросе характеристики с места работы для передачи дела в суд «по религиозной статье» приходил положительный ответ. Вот пример такой характеристики: «На протяжении всей рабочей деятельности в цехе РТО Гуров Н.Т. выполнял самые ответственные сварочные работы классных аппаратов и трубопроводов высокого давления. Пользуясь доверием администрации цеха и коллектива рабочих, Гуров Н.Т. избирался на 2 срока членом цехкома цеха РТО и вел общественную работу по контролю общественного питания. Гуров Н.Т. показал себя дисциплинированным, исполнительным, выполнял любые производственные задания качественно и в срок. Производственное задание выполнял на 125–150 %. По производственной необходимости Гуров Н.Т. неоднократно не покидал рабочего места по 2–3 суток. Административных взысканий не имел»[35].

Полезная рабочая специальность приносила некоторые преференции и во время заключения. «Узник совести» баптист Петр Румачик вспоминал, что его специальность ремонтника отопительных котлов позволила ему выжить на зоне[36]. Дети осужденного за тунеядство пятидесятника рассказывали, что отца перевели с лесоповала на работу в поселок, так как он был печником и истопником [Инт. 12].

В армии наличие специальности у верующих тоже могло давать им возможность

[35] Цит. по: *Чалидзе В.* Лекции о правовом положении… С. 52.
[36] Путь не украшен цветами. Петр, Павел и Люба Румачик. Б/м, 2005. С. 74.

занимать более льготное свободное положение. *«Поскольку у меня был строительный техникум, я возглавлял взвод инженерно-технических средств охраны. Мы занимались строительством сигнализаций, заборов, охранных сооружений, и это была такая работа инженерная, строительная. Поэтому мы тоже были как полковая интеллигенция, мы не ходили в наряды, мы ездили по этому округу военному в Якутии»* [Инт. 13].

Интересно, что советские надзирающие органы со своей стороны констатировали заинтересованность верующих в повышении производительности труда. «Некоторые из них участвуют в социалистическом соревновании, ставя свою подпись под его условиями. Отдельные имеют значки “Победитель социалистического соревнования”»[37]. О подобных случаях упоминает и К. Ваннер[38].

Что воспроизводят верующие, выдавая нарративы об успешной трудовой деятельности? Наверное, соблазнительно было бы списать это только на протестантскую этику. Однако мы видим, что респонденты легко используют советские штампы, ведь в наборе официальных советских ценностей добросовестный труд ради светлого будущего занимал ключевое место. Между тем столкновение с советской реальностью показывало несоответствие между декларацией и практикой. Участие в советской плановой экономике было серьезным ежедневным вызовом для верующих. Одна из информанток красочно рассказывала, как после окончания техникума устроилась работать на сахарный завод нормировщицей. Из-за крайне низких расценок ее просили приписывать дополнительные показатели, что для нее выглядело обманом, в котором не хотелось участвовать. Возникшее принципиальное непонимание привело к обсуждению ее религиозных взглядов [Инт. 14]. Этот рассказ был нам интересен присутствием этической оценки своей работы и декларацией нежелания участвовать в обмане.

Понятно, что рассказанная история отражает иногда выходившую в публичное пространство дискуссию между представителями идеологических структур и верующими об отношении к труду и качестве участия в социалистическом строительстве. Евангелики претендовали на то, что именно они и были строителями настоящего социализма, тогда как коммунисты выступали в качестве тех, кто дискредитировал социалистические ценности.

Процитированная выше героиня еще рассказывала, как на другом рабочем месте – маргариновом заводе – было принято решение заняться ее «перевоспитанием»: *«Работать, значит перевоспитывать, вести просветительскую такую работу, просвещать меня. <…> А меня передали потом главному энергетику завода. Ну, он пришел такой важный, в цех прямо пришел: “Что ты вот взяла себе в голову, это ж нельзя ни пить, ни курить, ни жене изменять, одну жену иметь, мужа одного иметь, это ж узкий такой взгляд у тебя, узкий”, говорил, говорил…»* [Инт. 14]. Этот «воспитатель», по словам рассказчицы, также был наказан: за «несоциалистическую мораль» (о которой рассказчица сообщила руководству завода) он сам был «проработан» на партсобрании. Наши респонденты часто представляли себя в рассказах ревнителями морали и этики. О том, что баптисты выступали в брежневский период как блюстители общественной морали, нарушаемой коммунистами, зафиксировано и другими исследователями[39].

Наши материалы показывают, что наличие трудовой этики и выбор специфических специальностей или работы на «вредных» производствах, которые в Советском Союзе оплачивались выше, позволяли многим верующим иметь определенный материальный достаток. Представляется, что категорический отказ от употребления алкоголя и других «светских» развлечений способствовал стабильности бюджета семей верующих. При непосредственном знакомстве с повседневной жизнью евангельского сообщества в 1970–1980-е гг. становится заметной обеспеченность многих респондентов дефицитными для советского обывателя жильем и предметами быта: частные дома (которые зачастую использовались как нелегаль-

[37] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 1595. Л. 25.

[38] *Wanner C.* Communities of the Converted: Ukrainians and Global Evangelism. Ithaca, 2007. P. 79–80.

[39] См., например: *Миронова Е.* Представления о браке и брачные практики евангельских верующих в Советском Союзе в 1940–1980-е гг. (по материалам общин евангельских христиан-баптистов Центрально-Черноземного региона) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. № 2. С. 131–162.

ные молитвенные дома), личные автомобили, магнитофоны, радиоприемники, импортная одежда[40]. Один из наших респондентов, будучи настройщиком фортепиано в Тамбове, рассказывал о своих регулярных поездках в спальном вагоне, что было, как правило, недоступно большинству советских граждан. Пятидесятнические лидеры, вспоминая о своих регулярных полетах по стране, никогда не упоминали о финансовых ограничениях. Можно утверждать, что материальное благополучие семей евангеликов проистекало как благодаря тому, что ими были освоены так называемые «дефицитные ниши» советской инфраструктуры быта и производства, так и благодаря коммунитарной структуре этого движения, где взаимопомощь и солидарность были важным условием выживания сообщества.

Заключение. Нарративы верующих показывают успешное сосуществование религиозного и советского в повседневности верующих. Более того, рискнем предположить, что члены евангелического движения достаточно комфортно ощущали себя в позднем СССР. Информация о дискриминации в материалах устной истории хоть и присутствует привычным латентным фоном, но наличие дискурса социалистической законности давало верующим определенные рычаги для борьбы с конкретными проявлениями дискриминации. Похоже, скрытая дискриминация и отчуждение способствовали кристаллизации идентичности и высокой степени консолидации внутри евангельского сообщества. При этом евангельские верующие воспроизводили типическое отношение к советским ритуалам, практикам и институтам, во многом совпадая в этом с большинством советских граждан. Можно утверждать, что в евангельской среде на базе советской культуры формировалась собственная специфичная субкультура. Одновременно сообщество обладало миссионерским потенциалом и не оставляло попытки «евангелизировать» советскую реальность, придать материалистической повседневности духовное измерение, что вызывало стабильное напряжение у представителей атеистического фронта, видевших в активности евангеликов «сектантскую угрозу». В брежневский период евангелики становятся частью советского социального разнообразия. Ценность их трудовой активности в какой-то степени компенсировала их социальную дискриминацию в качестве «сектантов». Возможно, не пережив кардинальной эмансипации от советского прошлого, они не создали собственной героической истории «о подвиге веры». Поэтому для большинства наших информантов воспоминания о трудовом подвиге не несут травматичных моментов.

Список интервью

Инт. 1 – Вл. Д., муж., пятидесятник, Петропавловск, Республика Казахстан
Инт. 2 – А. К., муж., пятидесятник, Петропавловск, Республика Казахстан
Инт. 3 – Вас. Д., муж, пятидесятник, Петропавловск, Республика Казахстан
Инт. 4 – О. Т., жен, пятидесятница, Пермь
Инт. 5 – Вл. В., муж., пятидесятник, Пермь
Инт. 6 – В. Ф., муж., пятидесятник, Пермь
Инт. 7 – В. Г., муж., пятидесятник, Петропавловск, Республика Казахстан
Инт. 8 – М. Н., муж., пятидесятник, Краснодар
Инт. 9 – В. О., муж., пятидесятник, Пермь
Инт. 10 – А. Б., жен., баптистка, Краснодар
Инт. 11 – Г. М., муж., баптист, Тамбов
Инт. 12 – Т. М., жен., пятидесятница, Пермь
Инт. 13 – Ю. С., муж., баптист, Москва
Инт. 14 – Г., жен., баптистка, Киевская область, Украина

[40] *Жук С.* Религиозные практики, повседневная религиозность и западная массовая культура в закрытом городе Днепропетровске в послесталинское время (1960–1984 гг.) // Государство, религия и церковь в России и за рубежом. 2012. № 3–4. С. 349–379.

Литература

Айвазов И.Г. Баптизм – орудие германизации России. 3-е доп. изд. Пг.: Тип. «Колокол», 1916. 38 с.

Алексеева Л.М. История инакомыслия в СССР. Новейший период. Вильнюс; М.: Весть, 1992. 352 с.

Баньковская С. Чужаки и границы: к понятию социальной маргинальности // Отечественные записки. 2002. № 6. С. 457–467.

Беглов А.Л. В поисках «безгрешных катакомб»: Церковное подполье в СССР. М.: Издательский совет Русской православной церкви: Арефа, 2008. 350 с.

Белов А.В. Секты, сектантство, сектанты. М.: Наука, 1978. 151 с.

Белякова Н.А. Коллективные практики типичной общины евангельских христиан-баптистов в позднем СССР // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 3–4. С. 284–314.

Белякова Н.А. «Сообщаем о преступлении против правосудия…»: обращения и жалобы верующих в брежневском СССР // Новейшая история России. 2018. Т. 8, № 3. С. 640–658.

Белякова Н.А. Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов – продукт и заложник сталинской религиозной политики // Конфессиональная политика советского государства в 1920–1950-е годы: мат-лы XI междунар. науч. конф. М.: Политическая энциклопедия, 2019. С. 418–429.

Вурмбранд Р. Торжествующая Церковь. Voice of the Martyrs, 2010. 96 с.

Граждан В. О «духовных дарах» и их почитателях // Наука и религия. 1976. № 12. С. 23–26.

Жук С. Религиозные практики, повседневная религиозность и западная массовая культура в закрытом городе Днепропетровске в послесталинское время (1960–1984 гг.) // Государство, религия и церковь в России и за рубежом. 2012. № 3-4. С. 349–379.

Калугин В.М. Современное религиозное сектантство. Его разновидности и идеология. М., 1962. 59 с.

Клибанов А.И. Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1973. 256 с.

Клюева В. Эмиграция по религиозным мотивам: советские пятидесятники в поисках «лучшей доли» // Quaestio Rossica. 2018. Т. 6, № 2. С. 438–453.

Левада Ю. Феномен «человека советского»: социологические параметры // Время перемен: предмет и позиция исследователя. М.: НЛО, 2016. С. 499–521.

Люрманн С. Что мы можем знать о религиозности советского периода? (Сопоставление архивных и устных источников из послевоенного Поволжья) // Государство, религия и церковь в России и за рубежом. 2012. № 3-4 (30). С. 485–504.

Миронова Е. Представления о браке и брачные практики евангельских верующих в Советском Союзе в 1940–1980-е гг. (по материалам общин евангельских христиан-баптистов Центрально-Черноземного региона) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. № 2. С. 131–162.

Никольская Т.К. Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 годах. СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2009. 356 с.

Путь не украшен цветами. Петр, Павел и Люба Румачик. Б/м: Baptist International Evangelistic Ministries, 2005.

Савин А.И. «Город Солнца»: к истории одной религиозной утопии в Советской России // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2009. Т. 8, вып. 1. С. 45–49.

Савин А.И. «Многие даже не допускают мысли, что сектант может быть честным человеком»: «брежневский» поворот в антирелигиозной политике и российский протестантизм (1964–1966 гг.) // Вестник ТвГУ. Серия: История. 2016. № 4. С. 59–75.

Хархордин О.В. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб.; М.,

2002. 507 с.

Чалидзе В. Лекции о правовом положении рабочих в СССР. Нью-Йорк: Хроника, 1976. 66 с.

Шахнович М.И. Коммунизм и религия. Л., 1966. 40 с.

Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. М.: НЛО, 2014. 661 с.

Aida of Leningrad: The Story of Aida Skripnikova / ed. by X. Howard-Johnston, M. Bourdeaux. London: Mowbrays, 1972. 121 p.

Bankovskaya S. Living in-between: The Uses of Marginality in Sociological Theory // Russian sociological review. 2014. Vol. 13, No. 4. P. 94–104.

Bieliakowa N. Życie religijne w późnym ZSRS: listy i petycje wierzących w warunkach zimnej wojny // Pamięć i sprawiedliwość. 2021. No. 1 (37). P. 79–99.

Beliakova N., Dobson M. Protestant women in the late Soviet era: gender, authority, and dissent // Canadian Slavonic Papers/Revue canadienne des slavistes. 2016. Vol. 58, № 2. P. 117–140.

Beliakova N., Kljueva V. Special features of the evangelical community in the Soviet Union: difficulties of co-existence in conditions of harassment and discrimination // Reliģiski-filozofiski Raksti. 2017. XXIII. P. 49–68.

Beliakova N., Kliueva V. Leadership, communication, and conflicts among evangelicals: analysis of relations in religious communities in the late USSR // Canadian Slavonic Papers/Revue canadienne des slavistes. 2019. Vol. 61, № 1. P. 4–24.

Bourdeaux M. Religious Ferment in Russia: Protestant Opposition to Soviet Religious Policy. London: Macmillan, 1968. 255 p.

Christian Appeals from Russia / ed. by X. Howard-Johnston, R. Harris. London: Hodder and Stoughton, 1969. 159 p.

Coleman H. Russian Baptists and Spiritual Revolution, 1905–1929. Bloomington: Indiana Univ. Press, 2005. 304 p.

Dobson M. Protestants, Peace and the Apocalypse: The USSR's Religious Cold War, 1947–62 // Journal of Contemporary History. 2018. № 53 (2). P. 361–390.

Dönninghaus V., Savin A. Unter dem wachsamen Auge des Staates: Religiöser Dissens der Russlanddeutschen in der Breschnew-Ära. Veröffentlichungen des Nordost-Instituts. Vol. 22. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2019. 454 p.

Polunov A. The problem of religious freedom in late imperial Russia: The case of Russian Baptists // Journal of Eurasian Studies. 2012. Vol. 3. Iss. 2. P.161–167.

Wanner C. Communities of the Converted: Ukrainians and Global Evangelism. Ithaca: Cornell University Press, 2007. 305 p.

References

Aivazov, I.G. (1916). *Baptizm – orudie germanizatsii Rossii* [Baptism – a Tool of Germanization of Russia]. Petrograd, tip. "Kolokol". 38 p.

Alekseeva, L.M. (1992). *Istoriya inakomysliya v SSSR. Noveyshiy period* [History of Dissent in the USSR. The Latest Period]. Vil'nyus-Moskva, Vest'. 352 p.

Bankovskaya, S. (2002). Chuzhaki i granitsy: k ponyatiyu sotsial'noy marginal'nosti [Outsiders and Borders: Towards the Concept of Social Marginality]. In *Otechestvennye zapiski*. 2002. No. 6. P. 457–4677

Bankovskaya, S. (2014). Living in-between: The Uses of Marginality in Sociological Theory. In *Russian sociological review*. Vol. 13, No. 4, pp. 94–104.

Beglov, A.L. (2008). *V poiskakh "bezgreshnykh katakomb": Tserkovnoe podpol'e v SSSR* [In Search of "Sinless Catacombs": The Church Underground in the USSR]. Moscow, Izdatel'skiy sovet Russkoy pravoslavnoy tserkvi, Arefa. 350 p.

Beliakova, N., Dobson, M. (2016). Protestant women in the late Soviet era: gender, authority, and dissent. In *Canadian Slavonic Papers/Revue canadienne des slavistes*. Vol. 58, No. 2, pp. 117–140.

Beliakova, N., Kliueva, V. (2019). Leadership, communication, and conflicts among evangelicals: analysis of relations in religious communities in the late USSR. In *Canadian Slavonic Papers/Revue canadienne des slavistes*. Vol. 61, No. 1, pp. 4–24.

Beliakova, N., Kljueva, V. (2017). Special features of the evangelical community in the Soviet Union: difficulties of co-existence in conditions of harassment and discrimination. In *Reliģiski-filozofiski Raksti*. XXIII, pp. 49–68.

Belov, A.V. (1978). *Sekty, sektantstvo, sektanty* [Sects, Sectarianism, Sectarians]. Moscow, Nauka. 151 p.

Belyakova, N.A. (2012). Kollektivnye praktiki tipichnoy obshchiny evangel'skikh khristian-baptistov v pozdnem SSSR [Collective Practices of the Typical Evangelist Christian Baptists Community in the Late USSR]. In *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*. No. 3–4, pp. 284–314.

Belyakova, N.A. (2018). "Soobshchaem o prestuplenii protiv pravosudiya…": obrashcheniya i zhaloby veruyushchikh v brezhnevskom SSSR ["We Report about the Crimes Against Justice…": Believer's Appeals and Complaints in the Brezhnev USSR]. In *Noveyshaya istoriya Rossii*. Vol. 8, No. 3, pp. 640–658.

Belyakova, N.A. (2019). Vsesoyuznyy sovet evangel'skikh khristian-baptistov – produkt i zalozhnik stalinskoy religioznoy politiki [The All-Union Council of Evangelical Christians-Baptists – the Product and Hostage of Stalin's Religious Policy]. In *Konfessional'naya politika sovetskogo gosudarstva v 1920–1950-e gody: Materialy XI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, pp. 418–429.

Bieliakowa, N. (2021). Życie religijne w późnym ZSRS: listy i petycje wierzących w warunkach zimnej wojny [Religious Life in the Late USSR: The Letters and Petitions of Believers in the Conditions of the Cold War]. In *Pamięć i sprawiedliwość.* No. 1 (37), pp. 79–99.

Bourdeaux, M. (1968). *Religious Ferment in Russia: Protestant Opposition to Soviet Religious Policy*. London, Macmillan. 255 p.

Chalidze, V. (1976). *Lektsii o pravovom polozhenii rabochikh v SSSR* [Lectures on the Legal Status of Workers in the USSR]. New York, Khronika. 66 p.

Coleman, H. (2005). *Russian Baptists and Spiritual Revolution, 1905–1929.* Bloomington, Indiana Univ. Press. 304 p.

Dobson, M. (2018). Protestants, Peace and the Apocalypse: The USSR's Religious Cold War, 1947–62. In *Journal of Contemporary History.* No. 53 (2), pp. 361–390.

Dönninghaus V., Savin A. (2019). *Unter dem wachsamen Auge des Staates: Religiöser Dissens der Russlanddeutschen in der Breschnew-Ära.* Veröffentlichungen des Nordost-Instituts. Vol. 22. Wiesbaden, Harrassowitz Verlag. 454 p.

Grazhdan, V.D. (1976). O "dukhovnykh darakh" i ikh pochitatelyakh [About "Spiritual Gifts" and Their Worshipers]. In *Nauka i religiya*. No. 12, pp. 23–26.

Howard-Johnston, X., Bourdeaux, M. (Eds.). (1972) *Aida of Leningrad: The Story of Aida Skripnikova.* London, Mowbrays. 121 p.

Howard-Johnston, X., Harris, R. (Eds.). (1969). *Christian Appeals from Russia.* London, Hodder and Stoughton. 159 p.

Iurchak, A. (2014). *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'* [It was Forever, Yet hasn't Come to an End]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 661 p.

Kalugin, V.M. (1962). *Sovremennoe religioznoe sektanstvo. Ego raznovidnosti i ideologiya* [Contemporary Religious Sectarianism. Its Variety and Ideology.]. Moscow, Vysshaya shkola. 59 p.

Kharkhordin, O.V. (2002). *Oblichat' i litsemerit': genealogiya rossiyskoy lichnosti* [To Convict and Dissemble: Genealogy of the Russian Personality]. St. Petersburg-Moscow, EUSPb, Letniy Sad. 507 p.

Klibanov, A.I. (1973). *Religioznoe sektantstvo v proshlom i nastoyashchem* [Religious Sectarianism in the Past and Present]. Moscow, Nauka. 256 p.

Kliueva, V. (2018). Emigratsiya po religioznym motivam: sovetskie pyatidesyatniki v poiskakh "luchshey doli" [Emigration for Religious Reasons: The Soviet Pentecostals in Search of

“a Better Life”]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 6, No. 2, pp. 438–453.

Levada, Yu. (2016). Fenomen “cheloveka sovetskogo”: sotsiologicheskie parametry [Phenomenon of “the Soviet Person”: Sociological Parameters]. In *Vremya peremen: predmet i pozitsiya issledovatelya*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 499–521.

Luehrmann, S. (2012). Chto my mozhem znat’ o religioznosti sovetskogo perioda? (Sopostavlenie arkhivnykh i ustnykh istochnikov iz poslevoennogo Povolzh’ya) [What Can We Know about Soviet-Era Religiosity? A Comparison of Archival and Oral Sources from the Postwar Volga Region]. In *Gosudarstvo, religiya i tserkov’ v Rossii i za rubezhom.* No. 3-4 (30), pp. 485–504.

Mironova, E. (2018). Predstavleniya o brake i brachnye praktiki evangel’skikh veruyushchikh v Sovetskom Soyuze v 1940–1980-e gg. (po materialam obshchin evangel’skikh khristian-baptistov Tsentral’no-Chernozemnogo regiona) [Marriage Ideas and Practices among Evangelical Believers in the Soviet Union in 1940–1980s: The Case of Central Black Earth Region]. In *Gosudarstvo, religiya i tserkov’ v Rossii i za rubezhom*. No. 2, pp. 131–162.

Nikol’skaya, T. (2009). *Russkiy protestantizm i gosudarstvennaya vlast’ v 1905–1991 godakh* [Russian Protestantism and State Power from 1905–1991]. St. Petersburg, Izdatel’stvo EU SPb. 356 p.

Polunov, A. (2012). The problem of religious freedom in late imperial Russia: The case of Russian Baptists. In *Journal of Eurasian Studies*. Vol. 3, Iss. 2, pp. 161–167.

(2005). *Put’ ne ukrashen tsvetami. Petr, Pavel i Lyuba Rumachik* [The Way isn’t Decorated with Flowers. Pyotr, Pavel and Lyuba Rumachik]. Baptist International Evangelistic Ministries.

Savin, A. (2009). “Gorod Solntsa”: k istorii odnoy religioznoy utopii v Sovetskoy Rossii [“The City of the Sun”: From the History of One Religious Utopia in the Soviet Russia] In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. Vol. 8, No. 1, pp. 45–49.

Savin, A. (2016). “Mnogie dazhe ne dopuskayut mysli, chto sektant mozhet byt’ chestnym chelovekom”: “brezhnevskiy” povorot v antireligioznoy politike i rossiyskiy protestantizm (1964–1966 gg.) [“Many doesn’t Even Consider the Possibility, that the Cultist Could Be an Honest Man”: Brezhnev’s Turn in Anti-Religious Policy and Russian Protestantism (1964–1966)]. In *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya*. No. 4, pp. 59–75.

Shakhnovich, M.I. (1966). *Kommunizm i religiya* [Communism and Religion]. Leningrad. 40 p.

Wanner, C. (2007). *Communities of the Converted: Ukrainians and Global Evangelism*. Ithaca, Cornell University Press. 305 p.

Zhuk, S. (2012). Religioznye praktiki, povsednevnaya religioznost’ i zapadnaya massovaya kul’tura v zakrytom gorode Dnepropetrovske v poslestalinskoe vremya (1960–1984 gg.) [Religious Practices, Everyday Religiosity and Western Mass Culture in the Closed City of Dnepropetrovsk in Post-Stalin Era (1960–1984)]. In *Gosudarstvo, religiya i tserkov’ v Rossii i za rubezhom.* No. 3–4, pp. 349–379.

А.Д. Попов
Е.А. Попова*

ОГОНЬ, ВОДА И ЗВОНКИЕ ГОРНЫ: РИТУАЛИЗИРОВАННЫЕ СИМВОЛИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ «АРТЕКА» В ПОЗДНЕСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД**

doi:10.31518/2618-9100-2022-6-15
УДК 94(47).084.9

Выходные данные для цитирования:
Попов А.Д., Попова Е.А. Огонь, вода и звонкие горны: ритуализированные символические практики «Артека» в позднесоветский период // Исторический курьер. 2022. № 6 (26). С. 195–206. URL: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-6-15.pdf

A.D. Popov
E.A. Popova*

FIRE, WATER AND SONOROUS BUGLES: RITUALIZED SYMBOLIC PRACTICES OF ARTEK IN THE LATE SOVIET PERIOD**

Doi:10.31518/2618-9100-2022-6-15

How to cite:
Popov A.D., Popova E.A. Fire, Water and Sonorous Bugles: Ritualized Symbolic Practices of Artek in the Late Soviet Period // Historical Courier, 2022, No. 6 (26), pp. 195–206. [Available online: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-6-15.pdf]

Abstract. The article analyses ritualized symbolic practices characteristic of the All-Union pioneer camp Artek in the second half of the 1950s – 1980s. Using of the concept of “the ritualized symbolic practice”, proposed by the American sociologist D. Knottnerus, allows the authors to get away from the need for a theoretical separation of related concepts “ritual,” “rite,” “custom,” “tradition,” “ceremony” and makes it possible for the first time to consider the whole set of emotionally loaded algorithms (scenarios) of social actions practiced in Artek, implemented in accordance with certain programs (schemes). Another advantage of this approach is the ability to build a hierarchy of Artek ritualized symbolic practices: from intra-group interaction of several people to large-scale events designed for a global audience. As a result, the authors conclude that, despite the very favorable conditions for ideological and educational influence, Artek also showed ambiguous phenomena characteristic of late Soviet society as a whole: excessive ideologization and formalism, “shadow” practices, including those aimed at moving to “zones of deterritorialization”.

Keywords: young Pioneer camp, ritual, ceremony, ritualized symbolic practice, ideology, upbringing, Artek, Soviet Union.

The article has been received by the editor on 01.10.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье рассматриваются ритуализированные символические практики, характерные для Всесоюзного пионерского лагеря «Артек» во второй половине 1950-х – 1980-е гг. Использование концепта «ритуализованная символическая практика» (ritualized symbolic practice), предложенного американским социологом Д. Кноттнерусом, позволяет авторам уйти от необходимости теоретического разделения родственных

* **Алексей Дмитриевич Попов,** кандидат исторических наук, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, e-mail: popalex79@mail.ru
Aleksey Dmitrievich Popov, Candidate of Historical Sciences, Tyumen State University, Tyumen Russia, e-mail: popalex79@mail.ru
Екатерина Алексеевна Попова, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия, e-mail: kate0312popova@mail.ru
Ekaterina Alekseevna Popova, V.I. Vernadskiy Crimean Federal University, Simferopol, Russia, e-mail: kate0312popova@mail.ru
** Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 20-18-00342.
Funding: The study is supported by Russian Science Foundation, project No. 20-18-00342.

понятий «ритуал», «обряд», «обычай», «традиция», «церемония» и впервые дает возможность рассмотреть всю совокупность практиковавшихся в «Артеке» эмоционально нагруженных алгоритмов (сценариев) социальных действий, реализуемых в соответствии с определенными программами (схемами). Еще одним преимуществом такого подхода является возможность выстроить иерархию артековских ритуализованных символических практик: от внутригруппового взаимодействия нескольких человек до масштабных мероприятий, рассчитанных на глобальную аудиторию. В итоге авторы делают вывод, что, несмотря на очень благоприятные условия для идеологического и воспитательного воздействия, в «Артеке» также проявлялись неоднозначные явления, характерные для позднесоветского общества в целом: чрезмерная идеологизация и формализм, «теневые» и «нишевые» практики, в том числе направленные на перемещение в «зоны вненаходимости».

Ключевые слова: пионерский лагерь, ритуал, церемония, ритуализованная символическая практика, идеология, воспитание, «Артек», Советский Союз.

Статья поступила в редакцию 01.10.2022 г.

Артек представляется… гигантским кострищем,
где раз в год, по случаю приезда очередного вождя,
разводился жертвенный костер великой дружбы.

(Быков Д. Правила поведения в раю // Огонек. 1993. № 16. С. 6)

Феномену советских пионерских лагерей посвящено значительное количество публикаций[1], дисциплинарно относящихся к таким направлениям исследований, как история педагогики, социология, культурная и социальная антропология. Однако лишь в единичных случаях авторы специально фокусируют свое внимание именно на символике и прагматике лагерных ритуалов[2]. В частности, российская исследовательница Е.В. Абашкина рассматривает феномен советского пионерского лагеря с использованием концепции «тотальных институтов» (total institution) американского социолога Ирвинга Гофмана. Согласно такому подходу, в пионерском лагере, как и в других тотальных институтах (монастырях, интернатах, тюрьмах и др.), коллективизированы, регламентированы и подчинены решению общих задач все три сферы социального бытия индивида: работа, досуг и сон. Такая тотальная включенность в коллектив, постоянное нахождение среди других людей и отсутствие личного пространства якобы делают индивидов более управляемыми и подверженными внешнему (в том числе воспитательному) воздействию[3].

Также существуют довольно многочисленные работы непосредственно по истории пионерского лагеря «Артек»[4], повышенный интерес к которому со стороны исследователей

---

[1] *Кудряшев А.В.* Летние лагеря 1960-х – начала 1980-х гг.: в поисках свободы и романтики // Вестник Московского государственного педагогического университета. Сер.: Педагогика и психология. 2019. № 3. С. 111–120; *Куприянов Б.В.* Загородный детский лагерь в исторической ретроспективе // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер.: Педагогика и психология. 2018. № 1. С. 86–97; *Морозов В.Ю.* Пионерский лагерь (гуманитарный и социологический аспект) и его оценка в современной историографии // Вояджер: мир и человек. 2017. № 8. С. 182–192; и др.

[2] *Абашкина Е.В.* «Линейка», «зарядка», «свечка»: воспроизводство порядка в ритуалах повседневности летнего лагеря // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2014. Вып. 1 (21). С. 94–100; *Абашкина Е.В.* Советский пионерский лагерь: от послевоенного к позднесоветскому (опыт качественного исследования) // Известия Саратовского университета. Новая серия: Социология. Политология. 2013. № 4. С. 55–59.

[3] *Абашкина Е.В.* «Линейка», «зарядка», «свечка»… С. 96.

[4] *Абдулхаиров А.З.* «Страна мечты» Артек: традиции, достижения и перспективы международного детского центра // Вестник Академии детско-юношеского туризма и краеведения. 2014. № 4. С. 81–94; *Ефимова Е.А., Чернышов А.В.* Опыт периодизации истории Артека в контексте рекреационно-педагогического освоения

вполне объясним. В советский период он рассматривался как эталонный и образцовый пионерский лагерь, а также один из наиболее известных за рубежом советских брендов. Именно поэтому «Артек» находился под постоянным контролем со стороны государственных органов власти и общественно-политических институций СССР. За счет концентрации значительных материальных и кадровых ресурсов в условиях круглогодичного функционирования он выступал как своеобразный «полигон» для апробации передовых методик и практик идейно-воспитательной работы, в том числе имеющих ритуализованный характер. Как отмечалось в постановлении Секретариата ЦК ВЛКСМ, посвященном 50-летию всемирно известного лагеря, «“Артек” ведет важную работу по воспитанию пионеров и школьников в духе ленинских заветов, преданности идеалам коммунизма, пролетарского интернационализма, способствует развитию их общественной и политической активности»[5].

Важную роль для изучения данной темы имеют не только материалы Российского государственного архива социально-политической истории (фонд М-1 – ЦК ВЛКСМ), но и опубликованные сборники документов[6], публикации в прессе, а также разнообразные эго-документы. Несмотря на большое количество работ об «Артеке» в целом, ритуальная сторона артековской деятельности в советский период требует дальнейшего изучения на основе новых методологических подходов. В данной статье для этих целей будет использована теория структурной ритуализации (structural ritualization theory), предложенная американским социологом Дэвидом Кноттнерусом (David Knottnerus)[7] и позволяющая расширить и дополнить традиционную методологию изучения ритуалов, разработанную классиками социологии (Э. Дюркгейм, И. Гофман[8] и др.), а также культурной и социальной антропологии (А. Ван Геннеп, В. Тёрнер и др.).

Прежде всего, следует обратить внимание на некоторые терминологические нюансы, связанные с соотношением понятий «обычай», «обряд», «традиция», «ритуал», «церемония». Так, ярко выраженное эмоционально-экзистенциальное содержание, а также очевидная взаимосвязь с сакральным считаются характерными чертами «ритуала»/«обряда», причем эти понятия выступают практически как синонимы. В советской культуре сакральное (священное) определялось от профанного (бытового, обыденного) на основе идеологического, а не религиозного мифа. В то же время понятия «обычай»/«традиция» характеризуют сложившуюся форму повседневно-бытового поведения, которая, по мнению ряда исследователей, может не иметь выраженного сакрального содержания. Что же касается понятия «церемония», то под ним большинство исследователей понимают масштабный и зрелищный ритуал, который может утрачивать свое эмоционально-экзистенциальное содержание за счет излишнего внимания к внешней показной фактуре[9].

Однако применение такой классификации затрудняется тем, что отсутствует верифицируемая методика измерения наличия/отсутствия или уровня концентрации сакральности в конкретном коллективном действии. В контексте рассматриваемой темы интересен также концепт «ритуалы взаимодействия», обозначающий привычный, происходящий по определенному сценарию порядок взаимодействия индивидов в рамках какой-либо социальной

пространства Черноморского побережья от Гурзуфа до Аю-Дага // Таврический научный обозреватель. 2015. № 3/2. С. 11–15; *Козлова А.В.* Как воспитать пионеров самостоятельными и инициативными: педагогические тактики «Артека» и «Орленка» (1957–1991) // Антропологический форум. 2020. № 45. С. 75–115; *Попов А.Д.* Международная деятельность «Артека» в контексте детской дипломатии периода Холодной войны // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2018. № 2. С. 81–88. [Электронный ресурс]. URL: http://magistravitaejournal.ru/images/2_2018/popov.pdf (дата обращения: 12.09.2022); и др.

[5] О 50-летии Всесоюзного пионерского лагеря «Артек» имени В.И. Ленина. Постановление Секретариата ЦК ВЛКСМ от 28 января 1975 г. // Документы ЦК ВЛКСМ. 1975. М., 1976. С. 187.

[6] Крым. Артек. Страницы документальной истории. 1920–2020. М., 2020.

[7] См.: *Knottnerus D.J.* Religion, ritual and collective emotion // Collective emotions: Perspectives from psychology, philosophy and sociology. Oxford, 2014. P. 312–325.

[8] В ряде переводов на русский язык выдающийся американский социолог Ирвинг Гофман (*Erving Goffman)* называется Эрвином/Ирвином Гофманом/Гоффманом.

[9] См., например: *Глебкин В.* Ритуал в советской культуре. М., 1998. С. 43; *Доброниченко Е.В.* Функционально-семантические границы ритуального пространства: к вопросу об определении понятий // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2013. № 6. С. 9–12.

ситуации. Индивид, по каким-либо причинам нарушивший такой алгоритм действий, вызывает непонимание и осуждение окружающих, вследствие чего испытывает чувство стыда, неловкости, смущения[10]. Однако более удачным, на наш взгляд, является предложенный Д. Кноттнерусом термин «ритуализированная символическая практика» (ritualized symbolic practice), который используется для описания эмоционально нагруженных алгоритмов (сценариев) социальных действий, реализуемых в соответствии с определенными программами (схемами). Таким образом, ключевым для Кноттнеруса, как и для Гофмана, является предопределенный запрограммированный характер социального действия. Что же касается внутреннего содержания, то на первый план выступает не сакральность, а коллективные эмоции, которые разделяются всеми участниками такого события. По мнению еще одного исследователя данного вопроса – Рэндалла Коллинза, для успешного совершения любого ритуала необходимы три составляющие: эмпирический контакт группы лиц, концентрация внимания в одном направлении, переживание одинаковых эмоций[11]. При этом сами ритуализированные события могут значительно различаться по масштабам и реализовываться на различных уровнях социального порядка[12]. Такой подход позволяет при анализе многочисленных и разнообразных артековских «обычаев», «обрядов», «традиций», «ритуалов», «церемоний» использовать для них «зонтичный» термин «ритуализованные символические практики», но ставит новые вопросы об их структурной морфологии.

В 1962 г. был издан сборник «Так живут в Артеке», подготовленный педагогическими работниками лагеря. Среди прочего, этот сборник содержал очерк «Наши традиции»[13], где в достаточно произвольном порядке перечислялись и описывались многочисленные ритуализированные практики, культивируемые в «Артеке» того времени. При попытке их структурирования можно применить несколько подходов. Часть из них была связана с ритмичными циклами, как в рамках каждой лагерной смены (от приветственной встречи с цветами и сбора знакомств до прощального пионерского костра), так и в рамках каждого проведенного здесь дня (от подъема под звуки горна до вечернего «отбоя»). Другие носили календарный характер, т.е. были приурочены к определенным датам не только «большого» общесоюзного календаря (1 и 9 мая, 7 ноября), но и собственного артековского календаря (например, 16 апреля – день освобождения «Артека» от немецко-фашистских захватчиков). Наконец, многие из них интегрированы в артековскую повседневность и должны были воспроизводиться по традиционному сценарию в определенных ситуациях. В качестве примеров можно привести стандартные речевки болельщиков во время лагерных спортивных соревнований, торжественные встречи участников туристских походов, обязательное приветствие взрослых и пионеров из других отрядов при встрече, благодарность поварам после завершения трапезы в столовой и т.д. К традициям «Артека» в данном тексте причислялось даже поддержание чистоты и строгого порядка в комнатах, а также чрезвычайно популярная у артековцев спортивная игра с мячом «снайпер» (артбол, «выбивала»)[14].

Помимо синкретизма артековских «обычаев»/«обрядов»/«традиций»/«ритуалов»/«церемоний», методологической проблемой, недостаточно отрефлексированной в работах предшественников, является многомерность самих артековцев как участников ритуализированных практик и объектов социально-антропологического анализа. В привычном представлении образ артековца, как и институциональная модель «Артека», представляется весьма упрощенно и одномерно. Артековцы воспринимаются как некая гомогенная каста избранных, представители которой каким-то образом добились возможности провести смену в пионерском лагере № 1, после чего получили право пожизненно гордиться этим фактом своей биографии и по возможности распространять полученные в «Артеке» знания, навыки,

[10] См.: *Гофман Э.* Ритуал взаимодействия: Очерки поведения лицом к лицу. М., 2009.
[11] *Collins R.* Interaction ritual chains and collective effervescence // Collective emotions: Perspectives from psychology, philosophy and sociology. Oxford, 2014. P. 299.
[12] *Knottnerus D.J.* Religion, ritual and collective emotion… P. 312–313, 315.
[13] *Головкина З., Сарычева З.* Наши традиции // Так живут в Артеке: сборник. М., 1962. С. 3–20.
[14] Там же.

позитивные моральные интенции[15]. Однако для качественного анализа необходимо составить более многомерное представление о социальных статусах и ролевых моделях тех детей и подростков, которые побывали в «Артеке» в рассматриваемый нами период.

Примером подобного многомерного подхода может служить исследование Д.В. Димке о советском коммунарском движении 1960-х гг. В нем наглядно показано, что юные коммунары, помимо участия в практиках конкретной коммуны, были вовлечены в различные активности своего учебного заведения, пионерской дружины, компании друзей, семьи, что создавало почву для различного рода коллизий, зачастую перераставших в конфликты[16]. В случае с артековцами многомерность приобретала еще более выраженный характер. Во-первых, каждый из них имел определенное место в многоуровневой институциональной матрице «Артека», который в действительности представлял конгломерат нескольких лагерей (например, в конце 1940-х гг. их было 4, а с середины 1960-х – 10[17]), каждый из которых имел название, историю, символику, собственные традиции: «Горный», «Лазурный», «Прибрежный» и др. Пионеры из одного артековского лагеря делились на дружины (в крупных лагерях, например «Прибрежном», их могло быть несколько), далее – на отряды, которые в свою очередь разделялись на звенья. Во-вторых, широко практиковалось разделение артековцев по тематическому профилю, обусловливавшему определенный набор аттракций, клубных и кружковых занятий: юные моряки, юные помощники пограничников, юные журналисты (юнкоры), юные друзья искусства и т.д. В-третьих, если речь шла не о летних сменах, то также имело место разделение на классы в школе «Артека». Помимо этих групповых форм организации, конкретный артековец также мог иметь какие-то индивидуальные роли (председатель совета отряда, знаменосец, горнист, барабанщик).

Согласно концепции Д. Кнoттнеруса, в отличие от популярных подходов социальных антропологов, ритуальные практики делятся не на основе их содержания и функционального назначения (искупительные ритуалы, имитационные ритуалы, ритуалы родства, ритуалы перехода), а по уровням. Исследователь выделяет следующие социальные уровни, каждому из которых могут соответствовать определенные ритуалы: отношения, сети, внутриорганизационные отношения, межорганизационные отношения, социальное расслоение, мировая система[18]. Адаптируя данный подход применительно к ритуализированным символическим практикам «Артека» в рассматриваемый период, можно предложить такую их структурную иерархию: уровень приватного межличностного взаимодействия, уровень «вариативных» сетей (например, в рамках тематических профилей по интересам), уровень формализованных сообществ по иерархии «звено – отряд – лагерь», общеартековский уровень, общесоюзный уровень, международный (глобальный) уровень.

Интересно, что все эти уровни были связаны сквозными доминирующими символами, одним из которых являлся огонь/пионерский костер. В целом этот символ был одним из основных для всего советского пионерского движения. Однако именно в пионерских лагерях, в том числе в «Артеке», существовали благоприятные условия для превращения горящего костра из абстрактного символа в объективную реальность. Пионерские костры организовывались в «Артеке» как минимум дважды за смену. «Костер знакомств» был связан с ритуалом открытия смены, тогда как «прощальный костер» организовывался во время ее закрытия. Также костры могли разводиться в рамках каких-либо тематических мероприятий, проходящих в вечернее время на отрядном, лагерном, общеартековском уровнях. Например, в плане воспитательной работы «Артека» на 1964 г. говорилось о проведении «отрядных костров», посвященных 42-й годовщине пионерской организации (19 мая) и Дню советской

[15] «Артековец сегодня / Артековец сегодня / Артековец всегда!» – строки одной из самых известных артековских песен.

[16] См.: *Димке Д.* Юные коммунары, или Крестовый поход детей: между утопией декларируемой и утопией реальной // Острова утопии: Педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940–1980-е). М., 2015. С. 360–397.

[17] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. М-1. Оп. 7. Д. 243. Л. 1; Оп. 67. Д. 194. Л. 96.

[18] *Knottnerus D.J.* Religion, ritual and collective emotion… P. 320–322.

молодежи (28 июня)[19]. Кроме того, костры стали непременным атрибутом многочисленных всесоюзных слетов и международных детских фестивалей, проходивших на территории «Артека». Главная площадка, предназначенная для общего сбора пионеров каждого из артековских лагерей, обычно называлась «костровой», хотя здесь могли проводиться различные мероприятия и без использования огня – линейки, построения, награждения, вечера отдыха («массовки» или «свечки»)[20].

Одной из традиций «Артека», которая прослеживается на протяжении всего рассматриваемого периода, являлось сохранение углей от костра, горевшего во время закрытия смены. Этой практике, в частности, посвящен целый ряд артековских песен: «Момент отъезда недалек / Прощаться нам пора / Возьму на память уголек / Священного костра…»[21]. Однако интерпретации этого ритуала на разных уровнях заметно отличались. На микроуровне приватного взаимодействия этот сохраненный уголек являлся предметом, стимулирующим воспоминания о времени, проведенном в лагере вместе с приобретенными артековскими друзьями. Одновременно могли возникать сопутствующие ритуалы, например, завязывание во время горения костра нитки на запястье того, кто вызывал симпатию. На формализованном общеартековском уровне костер являлся символом очищения, реинкарнации, вечной энергии пионерского движения и советского идеологического проекта в целом: «Артек, Артек, Артек! / Страна пионерского счастья! / Пламя наших костров, / Пламя наших костров / Погасить никому не удастся!»[22]. Во время международных мероприятий, проходивших с участием иностранных гостей, возникали новые глобальные интерпретации: «все участники международной смены, помимо медалей и дипломов, получили угольки от [пионерского] костра с тем, чтобы от них во всех концах мира зажглись новые костры дружбы»[23]. В качестве сопутствующей практики иногда имело место сжигание в горящем костре предметов, символизировавших негативные явления международного уровня: неофашизм, колониализм, империализм, гонку вооружений[24].

Учитывая особую роль «Артека» в идеологической и воспитательной работе, неудивительно, что здесь происходило достаточно активное «изобретение традиций» ритуально-символического характера. Некоторые из них соответствовали типичной для советского проекта мобилизационной логике. Так, артековцы предыдущей смены могли дать письменный наказ следующей смене выполнить какое-то общественно-полезное задание (сделать своими руками настольные игры, высадить аллею кипарисов, построить новые шлюпки для морской флотилии или даже участвовать в строительстве новых артековских корпусов)[25]. Другие ритуализированные практики отличались большим креативом и не имели прямых аналогов за пределами «Артека».

В 1958 г. «Артек» был окончательно передан в сферу управления ЦК ВЛКСМ, а также официально получил статус международного лагеря[26]. Эти институциональные изменения свидетельствовали о том, что рекреационно-оздоровительное направление в деятельности «Артека» постепенно утрачивало приоритетность, а на первое место выдвигались задачи, связанные с пропагандой коммунистической идеологии и культурной дипломатией. Во время ежегодной международной смены, традиционно проходившей в июле-августе, сложившиеся в «Артеке» ритуальные практики приобретали глобальный контекст. Именно во время этой смены, один раз в году, происходила символическая отправка писем с помо-

[19] Крым. Артек. Страницы документальной истории… С. 456–457.
[20] Малая артековская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: http://artekovetc.ru/company1.html (дата обращения: 10.09.2022).
[21] *Чекмарев К.* Неизвестный «Артек», 1957 год. Ч. 8-я [Электронный ресурс]. URL: http://artekovetc.ru/0kip1957_8.html (дата обращения: 10.09.2022).
[22] Когда поет Артек: песни Артека, песни в Артеке, песни об Артеке. М., 2010. С. 129.
[23] *Остапенко Г.* Праздник юных // Правда. 1959. 29 июля.
[24] Подробнее см.: *Попов А.Д.* Печи Освенцима и пепел Хиросимы: страх войны в режиссуре советских массовых мероприятий 1950–1980-х годов // Новое литературное обозрение. 2020. № 2. С. 146–149.
[25] *Головкина З., Сарычева З.* Наши традиции… С. 12; Крым. Артек. Страницы документальной истории… С. 437–438.
[26] *Попов А.Д.* Международная деятельность «Артека»… С. 81.

щью так называемой «бутылочной почты». Запечатанные бутылки с посланиями артековцев выбрасывались с борта корабля в нейтральных водах Черного моря, чтобы, подобно посланиям из приключенческих романов Даниэля Дефо и Жюля Верна, найти своих адресатов на далеких зарубежных берегах[27]. Однако и здесь над артековцами довлела их глобальная миссия, связанная с пропагандой социалистических идей и борьбой за дело мира во всем мире. В середине 1980-х гг., отправляя послание в рамках артековского ритуала «бутылочной почты», пионер из Киргизской ССР Бекзата Джумбаев посчитал необходимым адресовать свое письмо непосредственно Президенту США Рональду Рейгану. В тексте письма он написал: «Господин президент, у меня восемь братьев и сестер. Наша семья не хочет войны… Я познакомился в Артеке с американской девочкой Самантой Смит и теперь точно знаю, что в вашей стране есть много честных людей, которые, как и мы, не хотят войны»[28].

Как уже было показано на примере с «костровыми» площадками, реализация ритуализованных символических практик требовала не только набора определенных символов и мифов, но и материальной инфраструктуры, опыт создания которой мог быть как удачным, так и неудачным. В соответствии с советскими идеологическими установками рассматриваемого периода значительную роль в жизни лагеря занимали практики, связанные с культом В.И. Ленина, чье имя «Артек» носил с 1957 по 1991 г. Однако обычно они проходили в стандартных, лишенных креатива формах, таких как тематические беседы, киноэкскурсии по ленинским местам, трудовые воскресники/субботники, приуроченные к дате рождения «вождя мирового пролетариата» (22 апреля)[29]. Сооружаемый на территории «Артека» грандиозный памятник-монумент В.И. Ленину, отдельные архитектурные элементы которого достигали высоты 42 м, из-за целого комплекса объективных причин превратился в типичный позднесоветский «мемориальный долгострой». Данный объект был торжественно открыт в упрощенном относительно первоначального проекта виде только в 1985 г. и так и не стал полноценным центром ритуализованных символических практик общеартековского уровня.

В то же время в «Артеке» большое распространение получили масштабные коммеморативные практики, связанные с памятью о Великой Отечественной войне. Во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг. здесь окончательно сформировался мемориальный культ Неизвестного матроса[30] и известных героев-артековцев, погибших в годы Великой Отечественной войны (Володя Дубинин, Витя Коробков, Гуля Королева и др.). На артековской территории были созданы соответствующие мемориальные сооружения: памятник Неизвестному матросу (торжественно открыт в 1962 г., реконструирован в 1975 г.) и мемориал погибших героев-артековцев (так называемый «Холмик Славы», открыт в 1957 г.). Проходя строем мимо этих мемориальных объектов, артековцы отдавали пионерский салют. Также они использовались на отрядном, лагерном, общеартековском уровне для совершения ритуалов поминовения (возложение цветов, «минута молчания»), которые часто дополнялись произнесением символических клятв или рапортов, иногда факельными шествиями[31]. По воспоминаниям Л.В. Яшуниной, являвшейся заместителем директора «Артека» в начале 1960-х гг., сразу после открытия памятника Неизвестному матросу артековцы возлагали к нему стандартные букеты цветов. Однако затем настало время ритуальных инноваций. Для достижения большего воспитательного эффекта руководство лагеря приняло решение во время мемориальных мероприятий коллективно возлагать к этому памятнику «гирлянды славы» из зелени и цветов, увитые гвардейскими лентами[32], причем эта традиция успешно закрепилась[33].

---

[27] Малая артековская энциклопедия…

[28] *Залюбовская М.Е.* Возьми мой адрес… Очерки и рассказы. Киев, 1986. С. 87.

[29] *Яшунина Л.В.* Живые истоки [Электронный ресурс]. URL: http://artekovetc.ru/book10.html (дата обращения: 10.09.2022).

[30] Близкие к мифологическим интерпретации появления культа Неизвестного матроса в «Артеке» см., напр.: *Степанов В.* Баллада о матросе // Пионерская правда. 1969. 29 июля.

[31] См., например: *Матвеева Т.* Контрасты «Артека» // Правда. 1969. 25 июня; *Остапенко Г.* Праздник юных…; РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 68. Д. 197. Л. 69.

[32] *Яшунина Л.В.* Живые истоки…

[33] *Стрибук В., Джакаева Т.* Артек: от А до Я: малая энциклопедия. Симферополь, 2013. С. 38–39.

В целом все описанные выше ритуализированные символические практики были направлены на формирование и закрепление качеств и навыков, которые, как представлялось, должен был иметь идеальный советский субъект. В этом контексте пионерский лагерь как социальный институт был инкорпорирован с пионерской организацией, которая являлась институтом политическим. С его помощью Коммунистическая партия прививала подрастающему поколению идейно-нравственные установки, воспитывая тем самым достойного советского гражданина[34]. «Школа гражданственности, коллективизма, дружбы, интернационализма – вот что такое для детей “Артек”», – утверждал один из авторов газеты «Правда»[35]. Однако в реальности артековская система, конструировавшаяся как идеальная, столкнулась с некоторыми неоднозначными проявлениями, особенно заметными на микроуровне.

Напряженные отношения могли возникать в ходе проведения различных мероприятий, связанных с конкурентной борьбой между артековскими лагерями и отрядами. Стремление «отстоять честь» своего лагеря/отряда иногда принимало гипертрофированные формы и оказывалось сильнее установок о безусловном единстве «артековской семьи». Так, бывший артековец 1957 г. Константин Чекмарев вспоминает, что только на общеартековском прощальном костре ощутил некое единство всех собравшихся, тогда как до этого на протяжении всей смены наблюдалось определенное «разделение на наших и не наших», особенно во время спортивных соревнований[36]. После расширения и реконструкции 1960-х гг., когда в «Артеке» в летние месяцы могло одномоментно находиться до 4,5 тыс. артековцев из 10 лагерей, эта гетерогенность могла еще более усиливаться.

Также при проведении многочисленных артековских мероприятий самого разного уровня, от отрядных до международных, мог проявляться откровенный формализм. Так, запись на конкретные тематические профили могла осуществляться по разнарядке, без учета личных пожеланий и способностей. Программа пребывания в лагере могла быть особо перегружена участием в репетициях, смотрах, показательных выступлениях и конкурсах, тогда как рекреационной составляющей пребывания в лагере не уделялось достаточного внимания[37]. Побывавшая в конце 1960-х гг. в «Артеке» Ирина Хакамада уже в постсоветский период так вспоминала этот эпизод своей биографии: «С утра до ночи мы участвовали в парадах, маршах, не успевали ни отдыхать, ни купаться в море…»[38].

Определенные дефекты могли проявляться и в системе распределения путевок, что отмечалось в некоторых официальных документах[39], публикациях в прессе[40], воспоминаниях самих артековцев. Один из них, побывавший в легендарном лагере в 1974 г., вспоминает следующее: «Из Закавказских республик и Узбекистана половина приходилась на “блатных”, которые попали в “Артек” благодаря связям родителей и деньгам <…> Многим из “блатных” в “Артеке” не нравилось, они были малоактивны, выпадали из коллектива, скучали. Отряд состоял из 30 человек, человек семь “блатные”»[41].

Наконец, доминирование идиллических репрезентаций артековской повседневности не исключает тот факт, что на микроуровне здесь культивировались различные полуформальные и неформальные практики. Как утверждает Е.В. Абашкина, именно неформальные ритуалы создают уникальную, запоминающуюся и привлекательную для детей и подростков атмосферу, что было характерно для советских пионерских лагерей и остается актуальным для современных детских лагерей. К числу таких ритуалов она относит рассказывание страшных историй после отбоя, исполнение других специфических фольклорных произведе-

[34] *Абашкина Е.В.* Советский пионерский лагерь… С. 56.
[35] *Матвеева Т.* Контрасты «Артека»…
[36] *Чекмарев К.* Неизвестный «Артек», 1957 г. Ч. 8…
[37] *Матвеева Т.* Контрасты «Артека»…
[38] *Хакамада И.* Я пытаюсь изменить свою карму [Электронный ресурс]. URL: https://interviewmg.ru/1735/ (дата обращения: 11.09.2022).
[39] РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 4. Д. 2598. Л. 102–103.
[40] *Матвеева Т.* Контрасты «Артека»…
[41] Каким был советский «Артек»? Воспоминания артековца из дружины «Янтарной» [Электронный ресурс]. URL: https://ivanov-1980.livejournal.com/25146.html дата обращения: 10.09.2022).

ний, намазывание спящих соотрядников зубной пастой, а также все, что касается романтического общения с противоположным полом (дискотеки, свидания)[42]. «Идеальный», образцовый пионерский лагерь «Артек» в этом отношении не являлся исключением.

В условиях советского пионерского лагеря как тотального института так называемая «вненаходимость»[43] могла иметь две проекции: пространственную (связанную с местом, локацией) и темпоральную (связанную со временем). Артековец конца 1950-х гг. Константин Чекмарев в своих воспоминаниях подробно описывает акт своего «грехопадения», когда, пользуясь общественным статусом физорга отряда, по дороге со стадиона он неоднократно сбегал на «дикий пляж», где тайком купался в море вместе с обычными отдыхающими. Примечательно, что когда это стало известно администрации лагеря, то назначенное наказание находилось в ритуально-символической плоскости: провинившийся пионер был лишен права на традиционное фотографирование у развернутого артековского знамени[44].

Время темпоральной «вненаходимости» в «Артеке» длилось от сигнала «отбой» и до сигнала «подъем». Здесь следует отметить, что все ключевые события в ежедневной жизни артековского отряда (подъем, утренний сбор отряда, начало завтрака, обеда, полдника, ужина, линейка, «ко сну», «отбой») происходили после стандартных музыкальных сигналов, издаваемых с помощью горна (иногда также барабана). В позднесоветский период, помимо «живого» исполнения, часто транслировались записи этих композиций через систему репродукторов[45]. Как воспоминает один из артековцев середины 1970-х гг.: «…после отбоя в 22.00 было наше время. Битвы на подушках, перья и пух во все стороны летели. Рассказы веселых историй, а порой и страшных. Смех. Но вот выход из своей комнаты был категорически запрещен, исключение туалет. Мазать друг друга зубной пастой было категорически запрещено, я одного… намазал, нас потом директор дружины полчаса пытал, кто это сделал»[46].

Судя по воспоминаниям некоторых бывших артековцев, даже с учетом некоторых «теневых» сторон жизни легендарного лагеря они оценивали свое пребывание в «Артеке» как своеобразное «погружение в коммунизм»[47]. Это заставляет задуматься о том, насколько происходившее «на планете Артек» в 1950–1980-е гг. отличалось от происходящего за пределами его территории. Опыт пребывания в самом известном пионерском лагере СССР, несмотря на всю его кажущуюся элитарность и небанальность, в целом соответствовал опыту любого позднесоветского субъекта, который был постоянно вовлечен в многоуровневые ритуализованные символические практики, которые должны были способствовать выработке эмоциональной энергии и через чувство солидарности выполнять определенные внутриполитические и внешнеполитические задачи[48].

По всей видимости, в «Артеке» уровень идеологически правильных коллективных эмоций был выше, чем в целом по стране, что достигалось за счет максимально удачного сочетания целого ряда факторов. Прежде всего, несмотря на определенные сбои в процедуре отбора, основную массу артековцев все же составляли общественно активные, успешные в учебе и внеучебной деятельности представители подрастающего поколения СССР, которые изначально были удачным «материалом» для воспитательного и идеологического воздействия. Эффективность работы с ними еще более усиливалась за счет эффекта «тотального института», который в «Артеке» был более выраженным, чем в типичных советских пионерских лагерях, за счет его круглогодичной работы и увеличенной продолжительности смен. К тому же детский и подростковый возраст всегда отличает повышенная восприимчивость и

[42] *Абашкина Е.В.* «Линейка», «зарядка», «свечка»… С. 96–98.

[43] Подробнее о концепте «вненаходимость» применительно к позднесоветскому периоду см.: *Юрчак А.* Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М., 2014. С. 255–310.

[44] *Чекмарев К.* Неизвестный Артек, 1957 год. Ч. 6-я. О море и диком пляже [Электронный ресурс]. URL: http://artekovetc.ru/0kip1957_6.html (дата обращения: 10.09.2022).

[45] Когда поет Артек: песни Артека, песни в Артеке, песни об Артеке. М., 2005. С. 613, 620–623.

[46] Каким был советский «Артек»?..

[47] Там же.

[48] Подробнее о некоторых позднесоветских ритуализованных практиках и их восприятии советскими гражданами см.: *Юрчак А.* Это было навсегда… С. 165–255.

более выраженный идеализм. Наконец, свою роль играли интенсивность и масштабность ритуализованных практик, для реализации которых здесь привлекались очень значительные материальные, кадровые, символические ресурсы. Однако, несмотря на такие благоприятные условия, в жизни «Артека» могли проявляться неоднозначные явления, характерные для позднесоветского общества в целом: чрезмерная идеологизация и формализм, «теневые» и «нишевые» практики, в том числе направленные на перемещение в «зоны вненаходимости».

Литература

Абашкина Е.В. Советский пионерский лагерь: от послевоенного к позднесоветскому (опыт качественного исследования) // Известия Саратовского университета. Новая серия: Социология. Политология. 2013. № 4. С. 55–59.

Абашкина Е.В. «Линейка», «зарядка», «свечка»: воспроизводство порядка в ритуалах повседневности летнего лагеря // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2014. Вып. 1 (21). С. 94–100.

Абдулхаиров А.З. «Страна мечты» Артек: традиции, достижения и перспективы международного детского центра // Вестник Академии детско-юношеского туризма и краеведения. 2014. № 4. С. 81–94.

Глебкин В. Ритуал в советской культуре. М.: Янус-К, 1998. 168 с.

Головкина З., Сарычева З. Наши традиции // Так живут в Артеке: сборник. М.: Молодая гвардия, 1962. С. 3–20.

Гофман Э. Ритуал взаимодействия: Очерки поведения лицом к лицу / пер. с англ.; под ред. Н.Н. Богомоловой, Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2009. 319 с.

Димке Д. Юные коммунары, или Крестовый поход детей: между утопией декларируемой и утопией реальной // Острова утопии: Педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940–1980-е). М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 360–397.

Доброниченко Е.В. Функционально-семантические границы ритуального пространства: к вопросу об определении понятий // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2013. № 6. С. 7–12.

Ефимова Е.А., Чернышов А.В. Опыт периодизации истории Артека в контексте рекреационно-педагогического освоения пространства Черноморского побережья от Гурзуфа до Аю-Дага // Таврический научный обозреватель. 2015. № 3/2. С. 11–15.

Залюбовская М.Е. Возьми мой адрес… Очерки и рассказы. Киев: Молодь, 1986. 94 с.

Когда поет Артек: песни Артека, песни в Артеке, песни об Артеке / авт.-сост. А.В. Чернышов; под общ. ред. Н.Д. Оконовой. 2-е изд. М.: Редакция журнала «Пионер», 2010. 1024 с.

Когда поет Артек: песни Артека, песни в Артеке, песни об Артеке / авт.-сост. А.В. Чернышов; под общ. ред. Н.Д. Оконовой. М.: Лана, 2005. 784 с.

Козлова А.В. Как воспитать пионеров самостоятельными и инициативными: педагогические тактики «Артека» и «Орленка» (1957–1991) // Антропологический форум. 2020. № 45. С. 75–115.

Крым. Артек. Страницы документальной истории. 1920–2020 / сост. Н.Д. Оконова, Н.М. Пронина. М.: Научно-политическая книга, 2020. 1007 с.

Кудряшев А.В. Летние лагеря 1960-х – начала 1980-х гг.: в поисках свободы и романтики // Вестник Московского государственного педагогического университета. Сер.: Педагогика и психология. 2019. № 3. С. 111–120.

Куприянов Б.В. Загородный детский лагерь в исторической ретроспективе // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер.: Педагогика и психология. 2018. № 1. С. 86–97.

Морозов В.Ю. Пионерский лагерь (гуманитарный и социологический аспект) и его оценка в современной историографии // Вояджер: мир и человек. 2017. № 8. С. 182–192.

Попов А.Д. Международная деятельность «Артека» в контексте детской дипломатии периода Холодной войны // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2018. № 2. С. 81–88. URL: http://magistravitaejournal.ru/images/2_2018/popov.pdf (дата обращения: 12.09.2022).

Попов А.Д. Печи Освенцима и пепел Хиросимы: страх войны в режиссуре советских массовых мероприятий 1950–1980-х годов // Новое литературное обозрение. 2020. № 2 (162). С. 140–157.

Стрибук В., Джакаева Т. Артек: от А до Я: малая энциклопедия. Симферополь: Салта ЛТД, 2013. 235 с.

Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 664 с.

Collins R. Interaction ritual chains and collective effervescence // Collective emotions: Perspectives from psychology, philosophy and sociology / ed. by Ch. von Scheve, M. Salmela. Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 299–311.

Knottnerus D.J. Religion, ritual and collective emotion // Collective emotions: Perspectives from psychology, philosophy and sociology / ed. by Ch. von Scheve, M. Salmela. Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 312–325.

References

Abashkina, E.V. (2013). Sovetskiy pionerskiy lager': ot poslevoennogo k pozdnesovetskomu (opyt kachestvennogo issledovaniya) [Soviet Pioneer Camp: From Post-War to Late Soviet (Experience in Qualitative Research)]. In *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya: Sotsiologiya. Politologiya*. No. 4, pp. 55–59.

Abashkina, E.V. (2014). "Lineika", "zaryadka", "svechka": vosproizvodstvo poryadka v ritualakh povsednevnosti letnego lagerya ["Meeting", "Morning Exercises", "Candle": Reproduction of Order in the Rituals of Everyday Life of the Summer Camp]. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya. Sotsiologiya i sotsial'nye tekhnologii*. No. 1 (21), pp. 94–100.

Abdulkhairov, A.Z. (2014). "Strana mechty" Artek: traditsii, dostizheniya i perspektivy mezhdunarodnogo detskogo tsentra ["Dream Country" Artek: Traditions, Achievements and Prospects of the International Children's Center]. In *Vestnik Akademii detsko-yunosheskogo turizma i kraevedeniya*. No. 4, pp. 81–94.

Chernyshov, A.V. (Eds.). (2005). *Kogda poet Artek: pesni Arteka, pesni v Arteke, pesni ob Arteke* [When Artek Sings: Artek Songs, Songs in Artek, Songs about Artek]. Moscow, Lana. 784 p.

Chernyshov, A.V. (Eds.). (2010). *Kogda poet Artek: pesni Arteka, pesni v Arteke, pesni ob Arteke* [When Artek Sings: Artek Songs, Songs in Artek, Songs about Artek]. Moscow, Pioneer. 1024 p.

Collins, R. (2014). Interaction ritual chains and collective effervescence. In *Collective emotions: Perspectives from psychology, philosophy and sociology*. Oxford, pp. 299–311.

Dimke, D. (2015). Yunye kommunary, ili Krestovyy pokhod detey: mezhdu utopiey deklariruemoy i utopiey real'noy [Young Communards, or the Crusade of Children: Between the Declared Utopia and the Real Utopia]. In *Ostrova utopii: Pedagogicheskoe i sotsial'noe proektirovanie poslevoennoy shkoly (1940–1980-e)*. Moscow, pp. 360–397.

Dobronichenko, E.V. (2013). Funktsional'no-semanticheskie granitsy ritual'nogo prostranstva: k voprosu ob opredelenii ponyatiy [Functional-Semantic Boundaries of Ritual Space: To the Question of Definition of Concepts]. In *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 6, pp. 7–12.

Efimova, E.A., Chernyshov, A.V. (2015). Opyt periodizatsii istorii Arteka v kontekste rekreatsionno-pedagogicheskogo osvoeniya prostranstva Chernomorskogo poberezh'ya ot Gurzufa do Ayu-Daga [Experience in Periodization of the History of Artek in the Context of Recreational and Pedagogical Development of the Black Sea Coast from Gurzuf to Ayu-Dag]. In *Tavricheskiy nauchnyi obozrevatel'*. No. 3/2, pp. 11–15.

Glebkin, V. (1998). *Ritual v sovetskoy kul'ture* [Ritual in Soviet Culture]. Moscow, Yanus-K. 168 p.

Goffman, E. (2009) *Ritual vzaimodeistviya: Ocherki povedeniya litsom k litsu* [Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior]. Moscow, Smysl. 319 p.

Golovkina, Z., Sarycheva, Z. (1962). Nashi traditsii [Our Traditions]. In *Tak zhivut v Arteke*. Moscow, pp. 3–20.

Knottnerus, D.J. (2014). Religion, ritual and collective emotion. In *Collective emotions: Perspectives from psychology, philosophy and sociology*. Oxford, pp. 312–325.

Kozlova, A.V. (2020). Kak vospitat' pionerov samostoyatel'nymi i initsiativnymi: pedagogicheskie taktiki "Arteka" i "Orlenka" (1957–1991) [How to Educate Pioneers as Independent and Initiative: Pedagogical Tactics of "Artek" and "Orlenok" (1957–1991)]. In *Antropologicheskiy forum*. No. 45, pp. 75–115.

Kudryashev, A.V. (2019). Letnie lagerya 1960 – nachala 1980 gg.: v poiskakh svobody i romantiki [Summer Camps of the 1960s – Early 1980s: In Search of Freedom and Romance]. In *Vestnik MGPU. Seriya: Pedagogika i psikhologiya*. No. 3, pp. 111–120.

Kupriyanov, B.V. (2018). Zagorodnyy detskiy lager' v istoricheskoy retrospektive [Country Children's Camp in Historical Retrospective]. In *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Pedagogika i psikhologiya*. No. 1, pp. 86–97.

Morozov, V.Yu. (2017). Pionerskiy lager (gumanitarnyy i sotsiologicheskiy aspekt) i ego otsenka v sovremennoy istoriografii [Young Pioneer Camp (Humanitarian and Sociological Aspect) and Its Assessment in Modern Historiography]. In *Voyadzher: mir i chelovek*. No. 8, pp. 182–192.

Okonova, N.D., Pronina, N.M. (Eds.). (2020). *Krym. Artek. Stranitsy dokumental'noy istorii*. 1920–2020 [Crimea. Artek. Pages of Documentary History]. Moscow, Nauchno-politicheskaya kniga. 1007 p.

Popov, A.D. (2018). Mezhdunarodnaya deyatel'nost' "Arteka" v kontekste detskoy diplomatii perioda Kholodnoy voyny [Artek's International Activities in the Context of the Cold War Child Diplomacy]. In *Magistra Vitae: elektronnyy zhurnal po istoricheskim naukam i arkheologii*. No. 2, pp. 81–88. Available at: URL: http://magistravitaejournal.ru/images/2_2018/popov.pdf (date of access 12.09.2022).

Popov, A.D. (2020). Pechi Osventsima i pepel Khirosimy: strakh voyny v rezhissure sovetskikh massovykh meropriyatiy 1950–1980-kh godov [Auschwitz Ovens and Hiroshima Ashes: Fear of War in Directing Soviet Mass Events of the 1950s and 1980s]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 2 (162), pp. 140–157.

Stribuk, V., Dzhakaeva, T. (2013). Artek: ot A do Ya: malaya entsiklopediya [Artek: From A to Z: A Small Encyclopedia]. Simferopol', Salta LTD. 235 p.

Yurchak, A. (2014). *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie* [Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 664 p.

Zalyubovskaya, M.E. (1986). *Voz'mi moy adres: Ocherki i rasskazy* [Take My Address: Essays and Short Stories]. Kiev, Molod'. 94 p.

О.Н. Шелегина*

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ ПОЗДНЕГО СОЦИАЛИЗМА: НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СИБИРСКИХ ОТДЕЛЕНИЙ СОВЕТСКОГО/РОССИЙСКОГО ФОНДА КУЛЬТУРЫ

doi:10.31518/2618-9100-2022-6-16
УДК 316(930)+316.462

Выходные данные для цитирования:
Шелегина О.Н. Общественные организации позднего социализма: начальный этап деятельности сибирских отделений Советского/Российского фонда культуры // Исторический курьер. 2022. № 6 (26). С. 207–220. URL: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-6-16.pdf

O.N. Shelegina*

PUBLIC ORGANIZATIONS OF LATE SOCIALISM: THE INITIAL STAGE OF THE ACTIVITY OF THE SIBERIAN BRANCHES OF THE SOVIET/RUSSIAN CULTURE FUND

doi:10.31518/2618-9100-2022-6-16

How to cite:
Shelegina O.N. Public Organizations of Late Socialism: The Initial Stage of the Activity of the Siberian Branches of the Soviet/Russian Culture Fund // Historical Courier, 2022, No. 6 (26), pp. 207–220. [Available online: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-6-16.pdf]

Abstract. The Soviet Cultural Foundation was established on November 12, 1986 and is considered the largest public organization of the USSR during the period of late socialism. In late 1987 – early 1988, regional branches of the All–Russian (since 1993 - Russian Cultural Foundation) Cultural Foundation were organized in Siberia: Altai, Irkutsk, Kemerovo, Novosibirsk, Tomsk, Khakass, as well as the Krasnoyarsk Regional branch. The Omsk Regional branch positioned its direct affiliation to the Soviet Cultural Foundation. The main directions and results of the Foundation's activities in Siberia were the program “Assistance to the development of national and cultural associations of peoples inhabiting the Novosibirsk region”, the association “Assistance to the revival of cultures of small peoples inhabiting Siberia”, as well as the program to perpetuate the memory of Siberians who died during the Great Patriotic War. When the Siberian branches were reorganized into branches of the Russian Cultural Foundation in 1997, personal continuity in their leadership was preserved. In general, the fund's branches helped to consolidate the forces of the intelligentsia, increase the role of scientists in the socio-political life of the macroregion. The democratic nature of the organization contributed to the implementation of creative initiatives, the emergence of Russian-level innovations, the development of civil society institutions, in particular national cultural associations. In the post-Soviet period, the Foundation maintained its position in the regional space and carried out its activities within the framework of Russian national programs and projects. Organizational experience, reputation and credibility among different groups of the population were of basic importance. Further study of the Foundation's activities seems to be very relevant and significant for the study of the processes and results of interaction between the state, society, and man in the context of socio-political dynamics, taking into account regional peculiarities.

Keywords: Soviet/Russian cultural fund, Omsk branch of the fund, Novosibirsk branch of the fund, Khakass branch of the fund, social organization, late socialism.

The article has been received by the editor on 24.09.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Ольга Николаевна Шелегина,** доктор исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: oshelegina@yandex.ru
Olga Nikolaevna Shelegina, Doctor of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: oshelegina@yandex.ru

Аннотация. Советский фонд культуры был учрежден 12 ноября 1986 г. и считается самой крупной общественной организацией СССР периода позднего социализма. В конце 1987 – начале 1988 г. в Сибири были организованы областные отделения Всероссийского (с 1993 – Российского фонда культуры) фонда культуры: Алтайское, Иркутское, Кемеровское, Новосибирское, Томское, Хакасское, а также Красноярское краевое отделение. Омское областное отделение позиционировало свою непосредственную принадлежность к Советскому фонду культуры. Основными направлениями и результатами деятельности Фонда в Сибири стали программа «Содействие развитию национально-культурных объединений народов, населяющих Новосибирскую область», ассоциация «Содействие возрождению культур малочисленных народов, населяющих Сибирь», а также программа по увековечению памяти сибиряков, погибших в годы Великой Отечественной войны. При реорганизации в 1997 г. сибирских отделений в филиалы Российского фонда культуры сохранилась персональная преемственность в их руководстве. В целом отделения фонда содействовали консолидации сил интеллигенции, повышению роли ученых в общественно-политической жизни макрорегиона. Демократический характер организации способствовал реализации творческих инициатив, появлению инноваций российского уровня, развитию институтов гражданского общества, в частности национально-культурных объединений. В постсоветский период Фонд сохранял свои позиции в региональном пространстве и осуществлял свою деятельность в рамках российских национальных программ и проектов. Базовое значение при этом имели организационный опыт, репутация и кредит доверия у разных групп населения. Дальнейшее изучение деятельности Фонда представляется весьма актуальным и значимым для исследования процессов и результатов взаимодействия государства, общества, человека в контексте общественно-политической динамики с учетом региональных особенностей.

Ключевые слова: Советский/Российский фонд культуры, Омское отделение фонда, Новосибирское отделение фонда, Хакасское отделение фонда, общественная организация, поздний социализм.

Статья поступила в редакцию 24.09.2022 г.

Советский фонд культуры (далее – СФК, Фонд) считается самой крупной общественной организацией периода позднего социализма в СССР. Он был учрежден 12 ноября 1986 г. как общественное объединение «Советский Фонд Культуры» при поддержке общесоюзных и республиканских творческих союзов, общественных организаций и учреждений культуры. Возникнув на этапе коренного переустройства общества, Фонд занял доминирующие позиции также в деле объединения соотечественников в странах ближнего и дальнего зарубежья.

С момента основания Фонда до настоящего времени он прошел ряд реорганизаций. В 1986 г. это общественное объединение «Советский Фонд Культуры», возглавляемое академиком Д.С. Лихачевым, в состав которого входили соответствующие республиканские фонды, в том числе Всероссийский. В ноябре 1991 г. правопреемником Советского фонда культуры стал Всероссийский международный фонд культуры. В 1993 г. в связи с решением правительства из названия фонда было исключено название «международный» и он получил современное название – Российский фонд культуры[1]. С 1993 г. Российский фонд культуры выступал в роли общественного института, который под руководством кинорежиссера и общественного деятеля Н.С. Михалкова влиял на формирование государственной культурной политики. В 1996 г. произошла реорганизация Фонда в некоммерческую организацию, с 2016 г. идет превращение фонда в Общероссийскую общественно-государственную органи-

[1] Неизвестный Лихачев. Неопубликованные материалы из архива Российского фонда культуры. М., 2006. С. 165.

зацию. В 2021 г. была принята новая редакция Устава Общероссийской общественно-государственной организации «Российский фонд культуры».

В целях изучения деятельности Фонда необходимо обращение к его уставной и распорядительной документации, введение в оборот новых архивных материалов, выявление путей расширения источниковой базы. Результирующим вектором данной постановочной работы может стать определение факторов влияния общественных организаций на гармонизацию социокультурного развития российских территорий, их вклад в формирование и поддержание патриотизма.

В статье, посвященной 20-летию деятельности Советского/Российского фонда культуры, В.В. Леонидов, заведующий архивом-библиотекой Фонда, не дает «за столь короткий промежуток времени» оценок результатов его работы, а ограничивается перечислением фактов и подчеркивает, что «читатель волен расставить свои приоритеты»[2]. Нам представляется важным указать на: 1) мощное государственное сопровождение первой негосударственной общественной организации: патронат Президента СССР М.С. Горбачева, «немыслимой по тем временам» (определение В.В. Леонидова. – *О. Ш.*) финансовой поддержки – более 15 млн долларов, включение в число соучредителей (наряду с более чем 50 творческими союзами и общественными организациями) крупнейших государственных учреждений культуры; 2) создание развитой региональной сети, охватывающей всю территорию страны: 15 республиканских и 154 областных отделений; 3) формирование имиджа фонда, имевшего очень мощный старт, совпадающий с эйфорией в обществе как одного из символов перестройки с девизом «Сохранять. Осваивать. Приумножать культурные ценности» как нового этапа развития культурной жизни в СССР; 4) активное развитие краеведческого направления под руководством видного советского историка С.О. Шмидта, создание во многих городах России, Украины, Белоруссии археографических комиссий, занявшихся изучением и изданием при поддержке Фонда материалов по истории своего края; 5) ответная реакция на патриотические чувства русских эмигрантов и советских граждан – ветеранов войны, героев труда, ученых, людей, подвергшихся репрессиям, в форме передачи в дар фонду исторических реликвий, произведений искусства, книжных памятников и прочих культурных ценностей, сбереженных ими в круговоротах истории XX в.[3]

Стартовым документом для начала деятельности Советского фонда культуры явилось специальное постановление Совета Министров СССР от 7 апреля 1986 г. № 424. В нем были одобрены предложения творческих союзов, деятелей культуры и науки, трудовых коллективов о создании Советского фонда культуры, утвержден Устав Советского фонда, определены меры по финансовому, организационному и материально-техническому обеспечению фонда. Согласно данному постановлению, «Фонд как самоуправляемый орган общественности призван активно содействовать приобщению к культурному строительству различных групп населения, реализации общественно-полезных инициатив, использованию материальных возможностей и творческих усилий граждан в интересах более полного удовлетворения их культурных запросов»[4].

Российское республиканское отделение Советского фонда культуры было учреждено 27 июня 1987 г. на конференции в г. Ульяновске, положившей начало процессу организации областных отделений Всероссийского фонда культуры. Как отмечала Н.В. Бурдонова, Иркутский фонд культуры, созданный общественностью 28 октября 1987 г., стал «одним из первых в сети отделений Советского, а затем Российского фонда культуры»[5]. Следует отметить, что именно такое определение принадлежности областных отделений фонда, как Советского/Российского, употребляется практически во всех публикациях. Вместе с тем кор-

[2] *Леонидов В.В.* Российский фонд культуры: итоги двадцати лет // Россия и современный мир. 2007. № 1 (54). С. 242.
[3] Там же. С. 243–244.
[4] Совет Министров СССР. Постановление от 7 апреля 1986 г. № 424 «О Советском фонде культуры» [Электронный ресурс]. URL: https://docs.cntd.ru/document/765706615?marker=2Q706HH (дата обращения: 23.10.2022).
[5] *Бурдонова Н.В.* 28 октября 1987 г. Иркутский фонд культуры. 25 лет со дня создания // Приангарье: годы, события, люди: календарь знаменат. и памят. дат Иркут. обл. на 2012 г. Иркутск, 2011. С. 169.

ректным следует считать областные отделения Советского фонда культуры на территории России структурными подразделениями Всероссийского фонда культуры.

В соответствии с распоряжением Совета Министров РСФСР от 16 июля 1987 г. № 756-р и решением учредительной конференции Российского республиканского отделения СФК в г. Новосибирске 20 ноября 1987 г. была проведена конференция учредителей Новосибирского отделения Всероссийского фонда культуры (далее – НО ВФК). Омское областное отделение СФК, позиционировавшее свою непосредственную принадлежность к Советскому фонду культуры, было создано на учредительной конференции 21 ноября 1987 г. по инициативе Управления культуры исполкома Омского областного Совета народных депутатов. Резолюция конференции призывала: «трудящихся, интеллигенцию, молодежь, всех граждан области включиться в деятельность новой организации, внести свой вклад в духовный расцвет нашего общества, благородное дело обновления и развития культурной жизни»[6]. 13 февраля 1988 г. состоялась Учредительная конференция Хакасского областного отделения Всероссийского фонда культуры – (ХО ВФК). Она постановила создать областное отделение ВФК как самоуправляемый орган общественности в целях объединения усилий граждан, трудовых коллективов, общественных организаций, творческих союзов и государственных учреждений для сохранения, возрождения и развития национально-культурного наследия Хакасии, а также организовать городские и районные организации ВКФ. Характеристика начального этапа деятельности Хакасского отделения дается в исторической справке к материалам фонда № 920 «Общественная организация “Хакасский филиал Российского фонда культуры” (1987–2002)». 26 февраля 1988 г. в Красноярске состоялся первый пленум краевого отделения Всероссийского фонда культуры[7].

Для последовательной реконструкции и анализа многогранной деятельности Фонда считаем целесообразным в данной статье сосредоточить внимание на начальном этапе его функционирования в условиях советского государства с выявлением региональной специфики. Вместе с тем следует отметить, что направления деятельности областных отделений, в частности Омского и Новосибирского, фактически оставались практически неизменными вплоть до 1997 г., что зафиксировано в архивных документах.

Поскольку обобщающих работ по истории Советского/Всероссийского/Российского фонда культуры до настоящего времени не создано, мы считаем необходимым актуализировать эту тему в контексте расширения эмпирической базы для дискуссии по проблемам формирования гражданского общества в России и Сибири[8], определения влияния крупных общественных организаций на развитие социокультурного пространства регионов. Конкретно-историческая задача, которая решается в данной статье, состоит в реконструкции на основе архивных материалов, хранящихся в Государственном архиве Новосибирской области, деятельности Новосибирского отделения Всероссийского фонда культуры до момента его реорганизации в Новосибирский филиал Российского фонда культуры. Такая попытка предпринимается впервые с учетом релевантных, весьма немногочисленных научных публикаций по Сибирскому региону, относящихся в основном к деятельности Омского отделения/филиала Фонда культуры.

Из выявленных нами публикаций первая относится к 2010 г. и принадлежит А.П. Сорокину, который анализировал роль Омского филиала Российского фонда культуры в социокультурном пространстве города Омска в конце XX – начале XXI в.[9] Подчеркивая историческую и практическую значимость Фонда культуры для формирования гражданского

[6] Омский филиал Российского фонда культуры: справочник / сост. Э.Р. Ахунова, А.П. Сорокин, Н.А. Томилов. Омск, 2016. С. 52.

[7] ГКУ РХ «Национальный архив». Общественная организация «Хакасский филиал Российского фонда культуры Российский фонд культуры». г. Абакан, Республика Хакасия, 01.08.88 г. [Электронный ресурс]. URL: https://archive.culture19.ru/fund/10000156592 (дата обращения: 22.10.2022).

[8] Институты гражданского общества в Сибири (XX – начало XXI в.). Новосибирск, 2009. 182 с.

[9] *Сорокин А.П.* Роль Омского филиала Российского фонда культуры в социокультурном пространстве города Омска в конце XX – начале XXI века // Проблемы культуры городов России: теория, методология, историография материалы VIII Всерос. науч. симп. (Новосибирск, 21–22 октября 2010 г.). Омск, 2010. С. 302–307.

общества, автор отмечает, что на этапе организации Омского отделения СФК (далее – ОО СФК) необходимо было «расшевелить деятельность творческих союзов, интеллигенции, дать им реальную возможность участвовать в определении культурной политики государства»[10]. На учредительной конференции ОО СФК предлагалось установить мемориальные доски выдающимся людям, создать выставочные залы в каждом районе города, собирать книги для детских домов и сельских библиотек, изучать и издавать фольклор, развивать ремесла. Н.А. Томилов, бессменный председатель Совета ОО СФК, называл первых активистов Фонда «Рыцарями омской культуры». На основании отчетной документации и публикаций в числе основных направлений деятельности Омского отделения/филиала А.П. Сорокин называет благотворительную помощь в создании библиотек, выявление и поддержку юных дарований, общественных инициатив в области культуры и художественного образования, пропаганду культурного наследия в ходе совместных проектов филиалов фонда с общественными организациями и муниципальными музеями по созданию передвижных фондовых выставок из картин омских художников, а также дарений в фонды музеев. Он также приводит описание ряда успешных проектов первого десятилетия XXI в.

С.С. Наумов изучал процесс реализации программ ОО СФК по возрождению и трансляции исторической памяти во второй половине 1980-х гг.[11] Прежде всего автор отмечает консолидацию под эгидой ОО СФК широкого спектра общественных групп интеллигенции, занимающихся по своей профессиональной принадлежности проблемами сохранения, приумножения и трансляции коллективной исторической памяти. Советом «Культурное наследие и современность» ставились актуальные задачи, связанные с сохранением и возрождением архитектурных, исторических и литературных памятников, возвращением улицам Омска исторических наименований, переименованием отдельных сел и деревень области. Отмечено, что Совету удалось осуществить некоторые изменения в топографическом облике города, были возвращены исторические названия трем улицам, однако в условиях кризиса 1990-х гг. топонимическая проблема в Омске, как и во многих других городах, решаться практически перестала. Советом «Память» под руководством известного краеведа Ф.К. Надя была проведена работа по уточнению и изучению захоронений Героев Советского Союза и Социалистического Труда, участников Гражданской и Великой Отечественной войн, воинов-интернационалистов, ученых, деятелей культуры для подготовки на этой основе «Книги народной памяти Омской земли». Совокупность мероприятий (научно-практические конференции, проекты по увековечиванию памяти, работа народного университета «Твой край в прошлом и настоящем» и др.), связанная с активизацией деятельности и усилением влияния представителей омской интеллигенции, расценивается автором как свидетельство проявления гражданского общества, переосмысления функций и значения исторической памяти народа.

На примере деятельности Советского фонда культуры С.С. Наумов поставил проблему взаимоотношений и взаимодействия интеллигенции сибирского города и культурно-просветительных организаций в период позднего социализма в СССР (1985–1991 гг.)[12]. С «мемориальным поворотом», политикой перестройки и гласности автор связывает качественно новые формы и способы актуализации проблематики памяти, получившие развитие под эгидой Советского фонда культуры и его областных отделений. На основе архивных данных он определяет характер и специфику деятельности общественных культурно-просветительных организаций в Омске и Новосибирске. Внимание акцентируется на работе советов Омского отделения: «Краеведение», «Культурное наследие и современность», «Возвращение». Автором

[10] *Сорокин А.П.* Роль Омского филиала Российского фонда культуры… С. 304.

[11] *Наумов С.С.* Реализация программ Омского отделения Советского фонда культуры по возрождению и трансляции исторической памяти во второй половине 1980-х годов // Первые Ядринцевские чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 30–31 октября 2012 г.). Омск, 2012. С. 155–157.

[12] *Наумов С.С.* Интеллигенция сибирского города и культурно-просветительные организации в 1985–1991 годах (На примере деятельности Советского фонда культуры) // Интеллигенция и мир. Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук. 2016. № 2. С. 109–122.

впервые указывается на инициативу финансирования краеведческих конференций советами ОО СФК при отсутствии их государственной поддержки в условиях наступившего кризиса.

Организация конференций силами общественности, по оценке автора, стимулировала интерес омичей к местной истории, сохранению и актуализации памятников культуры, способствовала формированию системы традиционных для региона научно-практических мероприятий, в том числе «Ядринцевских чтений». В рамках Омского отделения был создан специальный совет, получивший название «Достоевский и Сибирь». Важное значение имела проведенная в 1990 г. Омским отделением совместно с обкомом КПСС, Омским государственным университетом, Педагогическим институтом им. А.М. Горького Всероссийская научно-практическая конференция «Национальные и социально-культурные процессы в СССР».

Отмечая схожесть в направлениях работы рассматриваемых областных отделений Советского фонда культуры, С.С. Наумов указывает на особенности в деятельности Новосибирского отделения, обусловленные празднованием юбилейной даты – 100-летия города Новосибирска (1993 г.). В связи с этим знаменательным событием была принята соответствующая программа. Она включала помощь государственным учреждениям в реставрации, реконструкции и сохранении памятников историко-культурного наследия: Дома Ленина, сквера Героев революции, собора Александра Невского, здания Новосибирского государственного академического театра оперы и балета. Наличие в Новосибирске значительного числа научно-исследовательских и образовательных учреждений гуманитарного профиля обеспечило их большую, чем в Омске, включенность в работу общественных культурно-просветительных организаций и отделения СФК. Это же обстоятельство обусловило в условиях демократизации и гласности, раскрепощения интеллигенции возможность выступлений ее представителей с критикой деятельности управленцев различных рангов: обсуждение проблем регионального отделения Всероссийского общества охраны памятников с привлечением Новосибирского отделения СФК, дискуссию о формах, методах краеведческой, сибиреведческой работы, а также о результатах работы общественных объединений в развитии культуры[13]. С учетом общего и особенного С.С. Наумов оценивает деятельность отделений Советского фонда культуры в крупных сибирских городах в годы перестройки как пример успешного объединения сил интеллигенции для реализации ее созидательной и социокультурной миссии.

Справочник, изданный в 2016 г. Омским филиалом Российского фонда культуры, имеет как существенное научно-информационное значение, так и как образец для дальнейшей систематизации материалов по истории областных отделов/филиалов Фонда[14]. Он содержит сведения об ОО СФК, основанном в 1987 г. В семи приложениях сосредоточены учредительные документы отделения, материалы учредительной конференции, а также списки организаций-учредителей, членов правления, президиума правления, ревизионной комиссии, руководителей советов правления. Обобщающий характер носит статья Н.А. Томилова об истории создания ОО СФК в контексте российской культуры, а также обзор А.П. Сорокина и Н.А. Томилова деятельности ОО СФК/Омского филиала Российского фонда культуры (1987–2014 гг.), дополненный иллюстративными источниками, данными о составах Совета и Президиума Совета, перечнем изданий филиала, а также публикаций о его деятельности в 2012–2015 гг.

Развитию и реализации традиций, заложенных на начальных этапах работы ОО СФК, посвящена статья Н.А. Томилова об историко-краеведческой тематике в «Вестнике культуры» – научно-информационном издании с 1990 г. по настоящее время[15].

Таким образом, представленный историографический обзор свидетельствует об активном изучении истории и современной деятельности Омского отделения / филиала Фонда

[13] *Наумов С.С.* Интеллигенция сибирского города… С. 116–121.
[14] Омский филиал Российского фонда культуры… 62 с.
[15] *Томилов Н.А.* Историко-краеведческая тематика в научно-информационном издании «Вестник культуры» // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2021. Т. 8, № 1 (29). С. 124.

культуры. Учитывая функционирование на территории Сибирского федерального округа четырех филиалов Российского фонда культуры – Омского, Новосибирского, Хакасского и Иркутского – возможно дальнейшее изучение деятельности каждого из них для создания обобщающего труда по истории Советского/Всероссийского/Российского фонда культуры.

История Новосибирского отделения Всероссийского фонда культуры (далее – НО ВФК) берет свой отсчет с конференции учредителей, состоявшейся 20 ноября 1987 г. в Доме актеров. На конференции присутствовало 172 делегата от 40 организаций г. Новосибирска и Новосибирской области, в числе которых были представители государственных, партийных, комсомольских, профсоюзных органов, творческих союзов, общественных организаций, крупных промышленных предприятий (от Новосибирского производственного объединения «Союз», завода им. В.П. Чкалова – по 6 делегатов), учебных заведений, учреждений культуры и искусства, библиотек, а также Новосибирского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (7 участников). Делегация Управления культуры Облисполкома включала 17 человек. Академическую науку представляли руководители и сотрудники Государственной публичной научно-технической библиотеки СО АН СССР (5 участников) и Института истории, филологии, и философии СО АН СССР (далее – ИИФиФ) – 9 делегатов, среди них В.Л. Соскин, Н.Н. Покровский, Л.М. Русакова, Р.П. Зверева, Т.Н. Осташко, М.Г. Шуряк, Исакова, О.Н. Вилков, А.Е. Аникин[16].

В состав правления были избраны 62 человека, 12 из которых имели почетные звания. Деятели культуры составляли 30,6 %; ученые, преподаватели высших учебных заведений – 25 % (в том числе 2 члена академии наук, 12 докторов и кандидатов наук); представители государственных и советских органов – 23,3 %; руководители национально-культурных объединений – 8,3 %; представители средств массовой информации – 5,6 %; духовенство – 3,3 %[17]. Председателем правления избрали доктора философских наук, профессора, ректора Новосибирской государственной консерватории им. М.И. Глинки Е.Г. Гуренко, заместителем председателя – заслуженного работника культуры РСФСР Н.И. Никулькову.

На учредительной конференции был сформирован состав пленума Новосибирского отделения фонда культуры, определены основные направления работы. С учетом активной позиции ученых и перспектив их влияния на развитие НО ВФК в состав Правления фонда был избран директор ИИФиФ АН СССР академик А.П. Деревянко[18]. В течение первого года работы отделения осуществлялось формирование программ и рабочих органов (советов, комиссий, инициативных групп, клубов), налаживалось взаимодействие с государственными и общественными организациями, творческими союзами, устанавливались контакты со средствами массовой информации: Новосибирским комитетом по телевидению и радио, газетами «Советская Сибирь», «Вечерний Новосибирск», «Молодость Сибири». Важное значение придавалось созданию финансовой базы отделения фонда на основе поступлений от благотворительных спектаклей, концертов, аукционов, дарений, создания кооперативов и предприятий фонда.

Руководящим органом во всех областных отделениях Фонда культуры являлось Правление, регулярно проводившее пленумы[19]. Следует подчеркнуть, что приоритетное значение придавалось структурам областных отделений фонда, обеспечивающим выявление, оценку и обеспечение сохранности документов и предметов, связанных с историко-культурным наследием в соответствии с концепцией и девизом Советского фонда культуры. Экспертная группа Новосибирского отделения по архивным материалам (писатель В.М. Коньяков, член Союза писателей РСФСР Е.А. Пьянкова) под председательством директора областного государственного архива Р.К. Сухановой должна была организовывать экспертизу предлагаемых в дар фонду архивных материалов, а также оказывать помощь в формировании и сохранении личных архивов, имеющих общественное значение.

[16] Государственный архив Новосибирской области (ГАНО) Ф. Р-2099. Оп. 1. Д. 1. Л. 31–46.
[17] Там же. Д. 77. Л. 6.
[18] Там же. Л. 9.
[19] ГАНО. Ф. Р-2099. Оп. 1. Д. 2. Л. 14, 26–29.

Достаточно представительной являлась Комиссия по вовлечению в общественное пользование дарений и находящихся в личных коллекциях культурно-исторических ценностей и национальных реликвий. Ее возглавил Ю.А. Воробьев – директор Новосибирской картинной галереи, в состав вошли: Н.А. Бредихина – директор областной научной библиотеки, Б.С. Елепов – директор ГПНТБ СО АН СССР, И.И. Кодин – ректор Новосибирского инженерно-строительного института, В.Н. Лагуна – председатель правления Новосибирской организации Союза художников. Функциональное поле комиссии включало выработку рекомендаций и осуществление конкретной работы по рациональному вводу в общественный оборот реликвий, памятников и произведений, полученных в дар, содействие их показу и публикации, а также активную работу с коллекционерами, оказание им методической и практической помощи. Члены комиссии выявляли находящиеся в личной собственности историко-культурные ценности и произведения искусства и вовлекали их на добровольных началах в общественное пользование.

Краеведческая комиссия под руководством заместителя директора Новосибирского областного краеведческого музея О.Н. Шелегиной содействовала развитию краеведения посредством передачи местным обществам подаренной литературы, поощрения соответствующих изданий, организации конференций краеведов. Н.Г. Кашликова, заместитель заведующего отделом культуры Областного совета профессиональных союзов, Р.А. Шило, директор зоопарка, В.И. Воробьева, методист отдела культурно-просветительной работы при Областном совете профессиональных союзов, и З.П. Симонова, заведующая музеем Новосибирского электровакуумного завода, стремились привлечь организации и местное сообщество к повсеместному созданию историко-культурных центров, музеев, стимулирующих поисковую работу по истории революционного движения, Великой Отечественной войны, послевоенного культурного строительства, а также составлению летописей боевой и трудовой славы на промышленных предприятиях, в колхозах и совхозах, учебных заведениях, учреждениях и воинских частях. Комиссия была уполномочена вырабатывать предложения и рекомендации, направленные на сохранение исторически сложившихся наименований географических пунктов, объектов.

Представителей науки, образования, культуры консолидировала в своих рядах Фольклорная (впоследствии Фольклорно-этнографическая) комиссия под председательством известного российского и сибирского специалиста в этой области профессора М.Н. Мельникова, заведующего кафедрой Новосибирского государственного педагогического института, члена Союза писателей. Поддержку в развитии традиционного, декоративно-прикладного и народного искусства, сохранении и развитии фольклора, возрождении и утверждении в народном быту народных традиций, праздников и обрядов всемерно оказывали Н.П. Вязанкин, директор Областного культурно-просветительного училища, заслуженный работник культуры РСФСР, профессор В.П. Гусев, главный дирижер оркестра русских народных инструментов Новосибирского комитета по телевидению и радиовещанию, заслуженный деятель искусств РСФСР, Л.М. Ромашова, начальник бюро платных услуг Центрального парка культуры и отдыха г. Новосибирска, В.Г. Рощепий, заведующий отделом культуры Черепановского районного исполнительного комитета, Л.М. Русакова, сотрудник ИИФиФ, Н.А. Скосырский, заместитель начальника Управления культуры Новосибирского облисполкома[20].

Приведенные сведения о персональном составе профильных историко-культурных комиссий Новосибирского отделения фонда культуры свидетельствуют о привлечении к этой деятельности как известных ученых, заслуженных работников культуры, так и представителей профсоюзных, общественных организаций, представителей предприятий, что способствовало интеграции науки, культуры, образования, сферы управления и местного сообщества.

Для успешного выполнения Программы НО ВФК на 1988–1990 гг., сформированной с

[20] ГАНО. Ф. Р-2099. Оп. 1. Д. 2. Л. 26–29.

учетом предложений городской общественности и актива, были реорганизованы некоторые ранее созданные комиссии, образованы профильные советы. Существенное влияние на формирование научно-исследовательской базы оказал Научный совет по изучению культуры Сибири, возглавляемый доктором исторических наук В.Л. Соскиным. Деятельность Художественного совета по разработке и реализации программ местного значения направлял его председатель А.С. Чернобровцев, заслуженный деятель искусств, член Союза художников РСФСР. Благотворительный совет функционировал под руководством М.В. Титовой – члена правления.

Фольклорно-этнографическая комиссия была преобразована в Совет по народной культуре, создана специальная Комиссия по содействию одаренной молодежи под председательством Б.А. Шиндина, проректора Новосибирской государственной консерватории. Комиссию по вовлечению в общественное пользование дарений и находящихся в личных коллекциях культурно-исторических ценностей и национальных реликвий возглавил Б.С. Елепов. В связи со значительным объемом и спецификой работы была выделена экспертная группа по художественным ценностям и культурным реликвиям под председательством Ю.А. Воробьева. Популяризацию Советского фонда культуры, НО ВФК и связь с общественностью города и области осуществляла Информационно-пропагандистская комиссия под руководством А.С. Зайкова, заместителя председателя Новосибирского комитета по телевидению и радиовещанию. Демократический характер и социальная ответственность Новосибирского отделения прослеживаются в ротациях состава его пленума и Президиума. В результате критической оценки позиции членов выборных органов некоторые из них, из-за отсутствия реальной общественно-полезной работы, были выведены и доизбраны новые члены – «активные, любящие культуру и понимающие цели и задачи фонда культуры»[21].

К 1990–1991 гг. достаточно четко определились приоритетные направления и результаты деятельности НО ВФК. В рамках направления «Сохранение и восстановление исторической памяти ушедших поколений деятелей культуры и искусства Сибири, г. Новосибирска, внесших вклад в развитие культуры» в марте 1991 г. появилась мемориальная доска Ю. Кондратюку (Александру Шагрею), одному из основоположников советской космонавтики, жившему и работавшему в г. Новосибирске в довоенный период.

Неоднократно вопросы о возрождении языка, традиционной культуры, развитии национально-культурных центров обсуждались на заседании президиума и пленумах правления отделения фонда. Так, 16 марта 1990 г. на пленуме правления с докладом «О развитии культурно-экологического движения народов, населяющих Новосибирскую область» выступил профессор М.Н. Мельников. Он, в частности, отметил, что в области в несколько раз сократилось количество национальных поселений сибирских татар, казахов, не сохранилось ни одной школы с преподаванием на их родном языке. В деревенских школах с преобладанием белорусского и украинского населения преподавание велось только на русском языке. Национальный состав населения должным образом не учитывался и при развитии культурно-просветительных учреждений в селах и городах. Телевидением и радиовещанием игнорировались эстетические интересы и потребности дисперсных национальных групп населения. Определенным показателем заинтересованности представителей фонда культуры в решении данного круга проблем было то, что 17 человек выступили с предложениями о разработке соответствующей программы и конкретных действий по развитию национально-культурных объединений народов, населяющих область.

В рамках специально выделенного направления «Содействие развитию национально-культурных объединений народов, населяющих Новосибирскую область» на совместном пленуме НО ВФК и коллегии Комитета по культуре Новосибирского облисполкома была утверждена программа, направленная на возрождение национального самосознания, традиционных национальных культур и вызвавшая большой интерес как среди представителей национальных объединений, так и интеллигенции города. К январю 1991 г. был создан ряд

[21] ГАНО. Ф. Р-2099. Оп. 1. Д. 77. Л. 7.

национально-культурных объединений народов, населяющих Новосибирскую область, в феврале того же года сформировался и областной Совет содействия развитию национально-культурных объединений. Представители татарского, немецкого, украинского, еврейского, польского центров были избраны в состав правления фонда культуры[22].

Актуализировалось и активизировалось направление «Содействие возрождению культур малочисленных народов, населяющих Сибирь». В июле 1991 г. была утверждена Ассоциация возрождения языка, фольклора и культуры народов Сибири и Дальнего Востока во главе с чл.-корр. АН СССР А.Б. Соктоевым. Задача данной Ассоциации состояла в сохранении и возрождении языка, фольклора, традиционных культур народов Сибири и Дальнего Востока, особенно тех, над которыми нависла угроза бесследного исчезновения. Деятельность Ассоциации была направлена на сбор и обработку материалов на языках народов Сибири и Дальнего Востока, а также подготовку и выпуск серии грамматик и словарей малоизученных языков коренных народов региона. Представлялся чрезвычайно важным сбор и изучение произведений устного, поэтического творчества, создание цельного свода наиболее выдающихся памятников фольклорной классики. Предполагалась подготовка серии учебных пособий «Библиотека учителя национальных школ Сибири и Дальнего Востока».

Существенное значение для привлечения общественности к этим проблемам имела проведенная ИИФиФ СО АН СССР совместно с Новосибирским отделением фонда культуры научно-практическая конференция «Художественная культура Сибири: опыт истории» (9–11 марта 1991 г., г. Новосибирск). На конференции с обобщающим докладом «Социально-этнические процессы в современной духовной культуре народов Западной Сибири» выступил профессор Н.А. Томилов. По окончании конференции был проведен «круглый стол» по проблемам культурного развития коренных народов Сибири[23].

Хакасское отделение Всероссийского Фонда культуры с самого начала своей деятельности принимало активное участие в решении вопросов, связанных с сохранением национального историко-культурного наследия. В 1988 г. был приобретен и передан в археологическую лабораторию Абаканского государственного педагогического института научный архив этнографа П.И. Каралькина. В 1989 г. перевезена коллекция произведений искусства, подаренная Хакасии скульптором И.Н. Карачаковой, проживавшей в г. Ленинграде. В 1990 г. в целях популяризации фольклорного наследия и духовных ценностей средствами кино и изопродукцией при отделении была образована хозрасчетная студия «Хакмультфильм»[24].

Важно отметить, что для сибирских отделений Всероссийского фонда культуры был характерен высокий уровень интеграции на научном уровне, связанном с решением национально-культурных проблем, сохранением этнокультурного населения Сибири.

Самой масштабной и значимой стала региональная программа по увековечению памяти сибиряков, погибших в 1942 г. в боях под городом Белым в Калининской области. Она консолидировала историко-патриотическое направление работы сибирских областных отделений Фонда культуры: Новосибирского, Алтайского, Омского, Томского, Кемеровского и Красноярского краевого, организованных в конце 1987 – начале 1988 г. Инициатива создания этого мемориала появилась в г. Новосибирске и вышла на высокий организационный уровень. 8 мая 1988 г. у председателя Новосибирского горисполкома, председателя Ассоциации сибирских городов И.И. Индинка было проведено совещание городских советов и руководителей отделений фондов культуры, главных архитекторов и художников об участии в строительстве памятника погибшим сибирякам и подписан протокол о долевом участии каждого из них в строительстве памятника[25]. Лучшим проектом памятника в конкурсе, объявленном Новосибирским горисполкомом и обкомом ВЛКСМ, названа работа группы архитекторов «Новосибгражданпроекта» под руководством Г.Н. Туманика[26]. Организационную дея-

[22] ГАНО. Ф. Р-2099. Оп. 1. Д. 77. Л. 8–9.
[23] Там же. Л. 10–11.
[24] ГКУ РХ «Национальный архив». Общественная организация «Хакасский филиал Российского фонда культуры Российский фонд культуры»…
[25] ГАНО. Ф. Р-2099. Оп. 1. Д. 77. Л. 11.

тельность по выполнению принятых решений возглавила К.Б. Пальмина – член правления Новосибирского отделения фонда культуры[27]. В своей статье она представила для широкого круга читателей идейный замысел памятника, отметила сложности в сборе средств для реализации этого масштабного проекта, призвала местное сообщество к консолидации усилий по коммеморации событий под г. Белым[28]. На заседаниях президиума, пленумах областного отделения неоднократно рассматривался вопрос о ходе строительства памятника, сборе денег. Успехом совместной деятельности сибирских и Калининского отделений Российского фонда культуры стало торжественное открытие мемориала 14 августа 1996 г.

В рамках благотворительной деятельности осуществлялось взаимодействие и сотрудничество областного отделения фонда культуры с Новосибирской Епархией Русской православной церкви, возглавляемой Епископом Тихоном, членом Правления областного отделения. Обращает на себя внимание акцентуация на мероприятиях, связанных с популяризацией военно-исторического наследия России. Были отмечены знаменательные даты: 720-я годовщина со дня Невской битвы и 750-летие рождения св. Александра Невского; 610-я годовщина победы русских войск на Куликовском поле; День Победы русских войск в Отечественной войне 1812 г. (7 января 1990 г.). На строительство Мемориала Славы воинам-сибирякам под г. Белым Епархией в 1990 г. было перечислено 3 000 руб. Значительное место занимала и культурно-просветительная, образовательная работа с населением. В Новосибирском областном краеведческом музее демонстрировалась выставка «Русская православная церковь», богословами проводились встречи с показом документальных фильмов в Новосибирском государственном университете, Педагогическом институте, научно-исследовательском институте «Гидроцветмет», Доме культуры «Академия», Исполнительном комитете Центрального района г. Новосибирска. Значительный интерес вызвал показ в апреле 1991 г. фильмов-лауреатов II Всесоюзного фестиваля православного кино во Дворце культуры железнодорожников и Доме культуры «Академия» (апрель 1991 г.). Немаловажное значение имела и социальная поддержка населения в форме проведения 15 Рождественских елок с подарками для детей малоимущих семей, инвалидов и сирот, а также Пасхальных благотворительных концертов и чаепитий в домах престарелых и детских домах, колониях, детских приемниках[29].

По инициативе и при поддержке Новосибирского отделения фонда культуры также проведены социокультурные мероприятия общероссийского уровня: фестиваль, посвященный лауреату Первого Всесибирского конкурса музыкантов 1927 г баянисту И.Л. Маланину; традиционный праздник «Играй гармонь»; конкурс балетмейстеров Урала, Сибири, Дальнего Востока[30].

Дальнейшая поступательная деятельность Фонда культуры в целом осложнилась распадом Советского Союза, становлением новых межгосударственных и социально-экономических отношений. Все это сказалось и на деятельности отделений фонда культуры, в том числе Новосибирского. В июне 1992 г. на президиуме правления рассматривались дополнительные предложения к постановлению правительства РФ «О мерах государственной поддержки культуры и искусства в период экономических реформ» и предложения по социальной защите деятелей культуры и искусства Новосибирской области.

Надежды учредителей Новосибирского отделения фонда культуры на его финансирование благотворительными и попечительскими организациями себя не оправдали. В первые годы деятельности отделениям фонда помогали в основном учреждения культуры, творческие союзы, деятели культуры. В период перехода к рыночной экономике неблагоприятные

[26] *Туманик Г.Н.* Мемориальный комплекс сибирякам, погибшим на фронтах Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (город Белый Тверской области) из истории проектирования и строительства. Новосибирск, 2006.
[27] *Пальмина К.Б.* История создания Мемориала Славы всем воинам-сибирякам, погибшим в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Новосибирск, 2002.
[28] *Пальмина К.* На месте боев. О памятнике погибшим сибирякам // Советская Сибирь. 1990. № 48. 25 февр. С. 3.
[29] ГАНО. Ф. Р-2099. Оп. 1. Д. 62. Л. 30–31.
[30] Там же. Д. 77. Л. 16.

условия налогового обложения предприятий, отчислявших средства на благотворительные цели, практически исключали всю благотворительность. Отделение фонда в начале 1990-х гг. использовало единственный путь поддержки своего существования, а именно стремилось самостоятельно зарабатывать деньги[31]. Указ Президента Российской Федерации от 6 января 1996 г. № 15 «О государственной поддержке Российского фонда культуры» был приостановлен с 1 сентября 1996 г. Указом же Президента Российской Федерации от 18 августа 1996 г. № 1208[32].

После распада СССР перед всеми областными отделения фонда культуры стояла задача его реорганизации в новый институт нарождавшегося гражданского общества, способного выступать в качестве одного из субъектов национально-культурной политики. К 1997 г. РФК, следуя рекомендациям Правительства России, был реорганизован в некоммерческую организацию. В марте 1997 г. Новосибирское отделение Российского фонда культуры в лице руководителя отделения фонда Е.Г. Гуренко обратилось в РФК с предложением о преобразовании организации в филиал Российского Фонда Культуры. На должность директора филиала была рекомендована Н.И. Никулькова, заслуженный работник культуры, успешно работавшая заместителем председателя Правления с 20 декабря 1987 г.[33]

В 1998 г. произошла реорганизация Омского областного отделения Российского фонда культуры в Омский филиал некоммерческой организации Российский фонд культуры. Президиум Совета Омского филиала возглавил Н.А. Томилов. Директором Хакасского филиала РФК назначена Л.М. Калченаева, являвшаяся с 1990 г. заместителем председателя Хакасского отделения фонда культуры и ранее работавшая заведующей городским отделом культуры Абаканского горисполкома. Таким образом, при переходе областных отделений в новый юридический статус филиалов РФК сохранялась персональная преемственность в их руководстве и заинтересованность в продолжении работы фонда.

Для расширения источниковой базы и определения места и роли сибирских отделений в Советском/Всероссийском фонде культуры представляется весьма перспективным обращение к материалам рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН (ф. 769). В нем Д.С. Лихачевым были собраны документы с пометой «Для истории фонда». Это разнообразная переписка, в том числе письма и телеграммы официального характера от учреждений (музеев, библиотек, архивов) по вопросам сохранения конкретных памятников культуры; от частных лиц, небезразличных к проблеме охраны памятников культуры. Эти источники могут стать репрезентативным ресурсом для анализа деятельности фонда культуры как элемента гражданского общества, который, по оценке его основателя, «не был задуман и не создавался сверху» и «не служил одним из каналов государственного управления культурой»[34]. По мнению И.В. Федоровой, наибольший интерес исследователей могут вызвать документы о программах и акциях, проводимых СФК/РФК, так как «в них отражена вся история зарождения и реализации программ, с которыми долгие годы будут ассоциировать СФК и по ним оценивать продуктивность работы этой организации»[35].

Таким образом, на современном этапе исследования деятельности сибирских областных отделений фонда культуры удалось обобщить материалы Омского, Новосибирского и Хакасского отделений Советского/Всероссийского, ставших филиалами Российского фонда культуры. В русле основных направлений деятельности фонда они осуществили значительную работу по выявлению и освоению историко-культурного и этнокультурного наследия народов Сибири. В результате совместной деятельности Калининского и сибирских отделений фонда был осуществлен масштабный проект по сооружению памятника воинам-сибиря-

[31] ГАНО. Ф. 2099. Оп. 1. Д. 62. Л. 14–16.
[32] Указ Президента Российской Федерации от 06.01.1996 г. № 15 «О государственной поддержке Российского фонда культуры» [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/8709 (дата обращения: 22.10.2022.)
[33] ГАНО. Ф. 2099. Оп. 1. Д. 77. Л. 1–2.
[34] Цит по: *Федорова И.В.* Обзор материалов Советского фонда культуры в архиве академика Д.С. Лихачева. Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 гг. СПб., 2010. С. 27.
[35] Там же. С. 25–34.

кам, погибшим в 1942 г. под г. Белый. Отделения фонда содействовали консолидации сил интеллигенции, повышению роли ученых в общественно-политической жизни макрорегиона. Демократический характер организации способствовал проявлению творческих инициатив, появлению культурных новаций, развитию институтов гражданского общества, в частности национально-культурных объединений. Сегодня Фонд следует девизу «Преображение культуры – возрождение России!».

В целях создания полной истории Советского/Всероссийского/Российского фонда культуры и его областных отделений/филиалов необходима дальнейшая реконструкция деятельности всех его структурных подразделений на территории Сибири с привлечением архивных материалов, включая фонд Д.С. Лихачева, публикаций в местной и центральной периодической печати.

Литература

Бурдонова Н.В. 28 октября 1987 г. Иркутский фонд культуры. 25 лет со дня создания // Приангарье: годы, события, люди: календарь знаменательных и памятных дат Иркутской области на 2012 г. / сост. Л.А. Казанцева, А.Н. Макеев; ред. Е.П. Малованюк. Иркутск: Изд-во Иркут. обл. гос. универ. науч. б-ки им. И.И. Молчанова-Сибирского, 2011. 236 с.

Институты гражданского общества в Сибири (XX – начало XXI в.) / Ин-т истории СО РАН; отв. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2009. 182 с.

Леонидов В.В. Российский фонд культуры: итоги двадцати лет // Россия и современный мир. 2007. № 1 (54). С. 242–245.

Наумов С.С. Реализация программ Омского отделения Советского фонда культуры по возрождению и трансляции исторической памяти во второй половине 1980-х гг. // Первые Ядринцевские чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 170-летию со дня рождения Н.М. Ядринцева (Омск, 30–31 октября 2012 г.) / под ред. П.П. Вибе, Е.М. Бежан. Омск, 2012. С. 155–157.

Наумов С.С. Интеллигенция сибирского города и культурно-просветительные организации в 1985–1991 годах (на примере деятельности Советского фонда культуры) // Интеллигенция и мир. 2016. № 2. С. 109–122.

Неизвестный Лихачев: неопубликованные материалы из архива Российского фонда культуры / под науч. ред. Л.М. Аринштейна; подгот. текстов, сост. коммент., вступ. ст. И.Ю. Юрьевой. М.: Рос. фонд культуры, 2006. 288 с.

Пальмина К.Б. История создания Мемориала Славы всем воинам-сибирякам, погибшим в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Новосибирск, 2002. 401 с.

Сорокин А.П. Роль Омского филиала Российского фонда культуры в социокультурном пространстве города Омска в конце XX – начале XXI века // Проблемы культуры городов России: теория, методология, историография: материалы VIII Всерос. науч. симп. (Новосибирск, 21–22 окт. 2010 г.). Омск, 2010. С. 302–307.

Томилов Н.А. Историко-краеведческая тематика в научно-информационном издании «Вестник культуры» // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2021. Т. 8, № 1 (29). С. 124–132.

Туманик Г.Н. Мемориальный комплекс сибирякам, погибшим на фронтах Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. (город Белый Тверской области) из истории проектирования и строительства. Новосибирск: НГАХА, 2006. 76 с.

Федорова И.В. Обзор материалов Советского фонда культуры в архиве академика Д.С. Лихачева. Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 гг. / отв. ред. Т.С. Царькова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 25–34.

References

Arinstein, L. (Ed.). (2006). *Neizvestnyy Lihachev: neopublikovannye materialy iz arhiva Rossiyskogo fonda kul’tury* [Unknown Likhachev: Unpublished Materials from the Archive of the Russian Cultural Foundation]. Moscow, Ros. fund of culture. 288 p.

Burdonova, N.V. (2011). 28 oktyabrya 1987 g. Irkutskiy fond kul'tury. 25 let so dnya sozdaniya [October 28, 1987 Irkutsk Fund of Culture. 25 Years Since the Foundation]. In *Priangar'e: gody, sobytiya, lyudi: kalendar' znamenat. i pamyat. dat Irkut. obl. na 2012 g*. Irkutsk. 236 p.

Fedorova, I.V. (2010). Obzor materialov Sovetskogo fonda kul'tury v arhive akademika D.S. Lihacheva [Review of Materials of the Soviet Culture Fund in the Archive of Academician D.S. Likhachev]. In *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2007–2008 gg.* St. Petersburg, Dmitry Bulanin, pp.25–34.

Leonidov, V.V. (2007). Rossiyskiy fond kul'tury: itogi dvadtsati let [Russian Fund of Culture: The Results of Twenty Years]. In *Rossiya i sovremennyy mir*. No. 1 (54), pp. 242–245.

Naumov, S.S. (2012). Realizatsiya programm Omskogo otdeleniya Sovetskogo fonda kul'tury po vozrozhdeniyu i translyatsii istoricheskoy pamyati vo vtoroy polovine 1980-kh gg. [Realization of Programs of Omsk Branch of the Soviet Culture Fund on Revival and Translation of Historical Memory in the Second Half of 1980s]. In *Pervye Yadrintsevskie chteniya. Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 170-letiyu so dnya rozhdeniya N.M. Yadrintseva (1842–1894)*. Omsk, pp. 155–157.

Naumov, S.S. (2016). Intelligentsiya sibirskogo goroda i kul'turno-prosvetitel'nye organizatsii v 1985–1991 godakh (na primere deyatel'nosti Sovetskogo fonda kul'tury) [Intellectuals of the Siberian City and Cultural and Educational Organizations in 1985–1991 (On the Example of the Activities of the Soviet Culture Fund)]. In *Intelligentsiya i mir*. No. 2, pp. 109–122.

Pal'mina, K.B. (2002). *Istoriya sozdaniya Memoriala Slavy vsem voinam-sibiryakam, pogibshim v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 godov* [History of the Creation of the Memorial of Glory to All the Soldiers of Siberia Who Died in the Great Patriotic War of 1941–1945]. Novosibirsk. 401 p.

Shishkin, V. (Ed.). (2009). Instituty grazhdanskogo obshchestva v Sibiri (XX – nachalo XXI v.) [Institutes of Civil Society in Siberia (20th – Beginning of 21st Century)]. Novosibirsk. 182 p.

Sorokin, A.P. (2010). Rol' Omskogo filiala Rossiyskogo fonda kul'tury v sotsiokul'turnom prostranstve goroda Omska v kontse XX – nachale XXI veka [The Role of Omsk Branch of Russian Culture Fund in the Socio-Cultural Space of Omsk at the End of 20th – Beginning of 21st Centuries]. In *Problemy kul'tury gorodov Rossii: teoriya, metodologiya, istoriografiya: materialy VIII Vseros. nauch. simp. (Novosibirsk, 21–22 oktyabrya 2010 g.)*. Omsk, pp. 302–307.

Tomilov, N.A. (2021). Istoriko-kraevedcheskaya tematika v nauchno-informatsionnom izdanii "Vestnik kul'tury" [Historical and Local Lore Subjects in the Scientific and Informational Edition "Culture Herald"]. In *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki*. No. 1 (29), Vol. 8, pp. 124–132.

Tumanik, G.N. (2006). *Memorial'nyy kompleks sibiryakam, pogibshim na frontah Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg. (gorod Belyy Tverskoy oblasti) iz istorii proektirovaniya i stroitel'stva* [Memorial Complex to the Siberians Who Died on the Fronts of the Great Patriotic War 1941–1945 (The Town of Belyi, Tver Region) from the History of Design and Construction]. Novosibirsk, NGAHA. 76 p.

А.Г. Тепляков*

«ЖИЗНЬ ЧЕКИСТА-ОПЕРАТИВНИКА»: ВОСПОМИНАНИЯ М.П. ШРЕЙДЕРА (ЧАСТЬ 5)**

doi:10.31518/2618-9100-2022-6-17
УДК 351.746“192”(093.3)

Выходные данные для цитирования:
Тепляков А.Г. «Жизнь чекиста-оперативника»: воспоминания М.П. Шрейдера (часть 5) // Исторический курьер. 2022. № 6 (26). С. 221–250. URL: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-6-17.pdf

A.G. Teplyakov*

M.P. SCHRADER’S MEMORIES “LIFE OF THE OFFICER OF SECRET POLICE” (PART 5)**

doi:10.31518/2618-9100-2022-6-17

How to cite:
Teplyakov A.G. M.P. Schrader’s Memories “Life of the Officer of Secret Police” (Part 5) // Historical Courier, 2022, No. 6 (26), pp. 221–250. [Available online: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-6-17.pdf]

Abstract. This publication is another part of the extensive memoirs of the prominent Chekist M.P. Schreider (1902–1978) “The Life of a Chekist Operative”. Mikhail Shreider worked with major Chekists of both the central apparatus of the Cheka-OGPU and the periphery. Considered a valuable operative, Schrader participated in many covert actions of secret police. His memoirs deal with episodes from the specific work of the Chekists, both in relation to political opponents and criminal elements. The author gives a lot of information about the daily life and life of the leaders and rank and file of the secret police under Lenin and Stalin, many of which are still known only from schematic information from official biographies. It is important that Mikhail Shreider writes in detail and claims to be objective, therefore he reports a lot of information about the mercenary and service crimes of the Chekists themselves, and also often critically and ironically tells about his own person. Schrader’s memoirs are written in an absolutely Soviet language, imbued with the worldview of a fanatical communist, but they reveal an extraordinary memory and have undoubted literary merit. It is important that some of the episodes from The Life of a Chekist Operative, both known and still awaiting publication, have now been confirmed by some of the latest documentary publications. In the future, a complete version of Schrader’s memoirs will be of significant help to historians. One fifth of the published text refers to Schrader’s work in the currency group of the Economic Department of the OGPU in the late 1920s.

* **Алексей Георгиевич Тепляков,** кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: teplyakov-alexey@rambler.ru
Aleksey Georgievich Teplyakov, Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: teplyakov-alexey@rambler.ru

** Предыдущие части:
Тепляков А.Г. «Жизнь чекиста-оперативника»: воспоминания М.П. Шрейдера (часть 1) // Исторический курьер. 2019. № 1 (3). Статья 13. URL: http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-1-13.pdf
Тепляков А.Г. «Жизнь чекиста-оперативника»: воспоминания М.П. Шрейдера (часть 2) // Исторический курьер. 2019. № 6 (8). С. 214–227. URL: http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-6-17.pdf
Тепляков А.Г. «Жизнь чекиста-оперативника»: воспоминания М.П. Шрейдера (часть 3) // Исторический курьер. 2020 № 1 (9). С. 179–229. URL: http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-1-15.pdf
Тепляков А.Г. «Жизнь чекиста-оперативника»: воспоминания М.П. Шрейдера (часть 4) // Проблемы истории общества, государства и права: сб. науч. тр. Екатеринбург: Уральский гос. юридический ун-т, 2021. Вып. 14. С. 370–397.

Previous parts:
Teplyakov A.G. M.P. Schrader’s Memories “Life of the Officer of Secret Police” (Part 1) // Historical Courier, 2019, No. 1 (3). Article 13. [Available online: http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-1-13.pdf]
Teplyakov A.G. M.P. Schrader’s Memories “Life of the Officer of Secret Police” (Part 2) // Historical Courier, 2019, No. 6 (8). P. 214–227. [Available online: http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-6-17.pdf]
Teplyakov A.G. M.P. Schrader’s Memories “Life of the Officer of Secret Police” (Part 3) // Historical Courier, 2020, No. 1 (9). P. 179–229. [Available online: http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-1-15.pdf]
Teplyakov A.G. M.P. Schrader’s Memories “Life of the Officer of Secret Police” (Part 4) // Problems of the History of Society, State and Law: Collection of Scientific Papers. Yekaterinburg: Ural State Law University, 2021. Iss. 14. P. 370–397.

Keywords: Economic department of the OGPU, currency group, confiscations, Moscow, Prokofiev, Mironov, secret agents.

The article has been received by the editor on 10.09.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Данная публикация представляет собой очередную часть обширных воспоминаний М.П. Шрейдера (1902–1978) «Жизнь чекиста-оперативника». Михаил Шрейдер работал вместе с видными деятелями органов государственной безопасности как центрального аппарата ВЧК-ОГПУ, так и периферии. В качестве оперативного сотрудника Шрейдер участвовал во множестве секретных акций политической полиции. Его мемуары касаются эпизодов конкретной работы чекистов как в отношении политических противников, так и уголовных элементов. Значительная часть публикуемого здесь текста относится к работе Шрейдера в валютной группе Экономического управления ОГПУ конца 1920-х гг. Автор дает массу информации о повседневной жизни и быте руководящего и рядового состава сотрудников тайной полиции, о многих из которых до сих пор известны только скупые схематичные сведения из официальных биографий. Важно, что Шрейдер пишет подробно и претендует на объективность, поэтому сообщает в том числе сведения о корыстных и служебных преступлениях сотрудников «органов», а также нередко критически и иронически повествует о собственной персоне. Мемуары Шрейдера написаны абсолютно советским языком, проникнуты мировоззрением фанатичного коммуниста, но обнаруживают незаурядную память и обладают несомненными литературными достоинствами. Важно, что часть эпизодов из «Жизни чекиста-оперативника», как опубликованных, так и еще ждущих публикации, к настоящему времени подтверждена рядом новейших документальных публикаций.

Ключевые слова: Экономическое управление ОГПУ, валютная группа, конфискации, Москва, Прокофьев, Миронов, конспиративная агентура.

Статья поступила в редакцию 10.09.2022 г.

Воспоминания видного чекиста и работника милиции 1920–1930-х гг. М.П. Шрейдера являются уникальным источником по откровенности и насыщенности ценными сведениями. Известная с 1995 г. и часто цитируемая публикация мемуаров Шрейдера включает в себя менее половины сохранившейся рукописи, при этом можно с уверенностью сказать, что ждущие обнародования страницы не менее ценны для историков. Ранее «Исторический курьер» осуществил публикацию трех фрагментов неизвестной до сей поры части мемуаров Шрейдера, относящихся к 1920–1928 гг., когда молодой чекист, работавший в системе особых отделов ВЧК, получил первые навыки секретной работы, помогая советизировать Белоруссию и Грузию. Затем Шрейдер был переведен в Москву, где успешно работал в губотделе ГПУ и центральном аппарате ГПУ-ОГПУ.

Предлагаемый в данном выпуске фрагмент рукописи относится к периоду конца 1920-х гг. и посвящен деятельности автора в составе валютной группы Экономического управления (ЭКУ) ОГПУ. Это подразделение центрального аппарата занималось, по терминологии того времени, «выкачкой» как иностранной валюты, так и монет из драгоценных металлов царской и советской чеканки. Опираясь на законодательство, запрещавшее с отменой нэпа иметь в личной собственности не только валюту, но и сколько-нибудь заметное количество изделий из благородных металлов и драгоценных камней, чекисты развернули масштабную работу по поиску и изъятию ценностей у населения.

Вербуя нэпманов, прежде всего маклеров «черной биржи», сотрудники валютной группы ЭКУ ОГПУ сосредотачивали в своих руках обширную информацию обо всех лицах, причастных в прошлом к валютным операциям, а также просто собственниках, у которых могли иметься ценности, не обменянные на рубли. С помощью угроз и шантажа чекисты заставляли нэпманов расставаться с припрятанной на черный день валютой и драгоценностями. Шрейдер, подробно описывая «кухню» чекистской работы, приводит интересные сведения об операциях ОГПУ по вербовке источников и поиску валюты, которые приводили в ряде случаев к очень крупным конфискациям, как пишет Шрейдер, на нужды индустриализации. Интересен приводимый им пример задержания с крупной суммой в золотой валюте латвийского дипломата, которому в результате этой чекистской операции, официально выданной за милицейскую, пришлось покинуть страну. Часть операций, особенно в провинции, производилась работниками валютной группы с риском для собственной жизни и здоровья.

Успехи в «выкачке» валюты стали важной ступенью в карьере Шрейдера. Молодой чекист стал известен руководству органов госбезопасности СССР в лице руководителей ЭКУ ОГПУ, о покровительстве которых он с гордостью сообщает. Автор дает множество личных характеристик начальственному и рядовому составу ОГПУ, упоминает о ведомственных противоречиях и не скрывает случаев коррумпированности в самой чекистской среде. Содержательны, при всей недоброжелательности, и портреты деятелей теневой экономики, с которыми боролись чекисты, успешно добираясь до тщательно укрываемых тайников. Шрейдер с удовлетворением описывает те хитрости, как обычные, так и изощренные, с помощью которых сотрудники валютной группы «выходили» на состоятельных людей и заставляли их расставаться как с нечестно нажитыми капиталами, так и фамильными ценностями, сбереженными на фоне социальных катаклизмов. Любопытны сведения о контактах чекистов с внесудебными инстанциями и прокурорскими работниками, которые давали санкции на бессудные расправы с держателями валюты, вплоть до применения расстрела.

Текст печатается по современной орфографии с полным сохранением авторского стиля. Ниже публикуется пятая по счету часть воспоминаний М.П. Шрейдера. Первые три части были помещены в журнале «Исторический курьер» № 1 (3) и № 6 (8) за 2019 г., № 1 (9) за 2020 г. Четвертая часть опубликована в сборнике «Проблемы истории общества, государства и права»: сб. научных трудов / гл. ред. проф. А.С. Смыкалин. – Екатеринбург: Уральский гос. юридический ун-т, 2021. – Вып. 14. – С. 370–397.

16. Борьба с валютчиками

Вскоре после подачи мною рапорта меня откомандировали из особого отдела Московской пролетарской дивизии в распоряжение ОГПУ Центра и назначили помощником уполномоченного по секретному штату в 8-е отделение ЭКУ ОГПУ в валютную группу (вакантной штатной должности не было).

К моменту моего прихода в ЭКУ «борьбу с валютчиками» осуществлял технический работник, беспартийный молодой парень Сергей Арсатьянц[1], который как мог, так и «боролся». Начальство ничего не требовало, серьезной и систематической борьбы с валютчиками тогда еще никто не вел. Я в этом деле был абсолютным новичком и даже вряд ли смог отличить американские доллары от английских фунтов, а кроме того, не совсем ясно представлял себе, какой именно вред наносит советскому государству деятельность валютчиков. Все это мне пришлось постепенно изучать в процессе работы.

Начальником Экономического управления ОГПУ в то время был прекрасный руководитель и хороший оперативник Георгий Евгеньевич Прокофьев[2]. Это был человек обаятельной внешности, высокий брюнет с небольшой проседью, чрезвычайно простой в обращении с подчиненными и отличающийся от многих начальников того времени высокой культу-

[1] **Арсатьянц Сергей Григорьевич** сотрудтик ОГПУ-НКВД, на 1947 г. – сотрудник ОК атомного КБ-11 (ныне ВНИИ экспериментальной физики в ЗАТО Саров).

[2] **Прокофьев Георгий Евгеньевич** (1895–14.08.1937, Москва). Комиссар ГБ 1-го ранга (1935). В 1926–1931 – нач. ЭКУ ОГПУ СССР, в 1932–1934 – зам. пред. ОГПУ СССР и нач. ГУРКМ ОГПУ, в 1934–1936 – второй зам. НКВД СССР. Арестован 11.04.1937, расстрелян. Не реабилитирован.

рой. Он, например, никогда не позволял себе в разговорах употреблять какие-либо нецензурные выражения, на которые у ряда начальников была в то время даже своего рода «мода», которую, следует упомянуть, ввел и поддерживал в органах Ягода, бывший большим матерщинником.

Заместителем начальника ЭКУ был хороший большевик, прекрасно знающий все тонкости оперативной работы, исключительный товарищ и до застенчивости скромный человек Лев Григорьевич Миронов[3], у которого в подчинении находилось наше восьмое отделение. От него я и получил первый урок по валютным делам во время моего дежурства по ЭКУ. Миронов в тот вечер задержался на работе и, подойдя ко мне, поинтересовался, как идут дела на новом поприще. Я откровенно рассказал ему, что пока никак, так как я ничего не понимаю в этом деле. Тогда он сел рядом со мною и почти всю ночь разъяснял мне сущность этой крайне нужной в то время для нашего советского государства работы и стал советовать, каким образом надо бы организовать это дело.

Этот ночной инструктаж и послужил отправной точкой для организации и развертывания работы по валютным операциям. Но прежде чем начать рассказывать о работе валютной группы, вкратце обрисую финансовое положение, сложившееся в СССР к 1928 г. Для укрепления экономики и стабилизации валюты советское правительство в 1922 г. выпустило новые деньги – червонцы, которые обеспечивались золотом. Зарплата рабочим и служащим выдавалась как новыми червонцами, так и облигациями государственных займов, которые также котировались наравне с золотом.

В те годы в наркомате финансов орудовала антисоветски настроенная группа из бывших царских чиновников, которые, пользуясь недостаточной компетенцией «молодых» советских работников в финансовых и валютных вопросах, подготовили и издали ряд неправильных, не учитывающих специфику первой в мире страны социализма приказов, благодаря которым можно было бумажные червонцы и облигации займа в любом банке обменять на золото или иностранную валюту[4]. Даже на так называемой «черной бирже» меняли облигации на золото.

С введением новой экономической политики была разрешена частная торговля. Бывшие дельцы начали открывать магазины, рестораны, организовывались частные акционерные общества, открылся ряд фабрик легкой промышленности. Советское государство сдавало в аренду частникам, в том числе и иностранным, многие предприятия, как, например, Алданзолото[5] и др.

Иностранные дельцы не только старались выкачивать из этих предприятий большие прибыли, но с целью подрыва экономики советской страны занимались скупкой золота и всевозможных антикварных ценностей. Кроме того, большинство из них занималось шпионажем и вредительством, что впоследствии подтвердилось раскрытием крупных вредительских и шпионских центров на Алданзолоте, по делу английской фирмы «Метро-Виккерс» и др.[6]

Многочисленные нэпманы и купцы с нетерпением ожидали свержения советской власти и на весь свой свободный капитал скупали в огромном количестве золото, иностранную валюту и другие драгоценности. Спекулянты и валютчики скупали не только золото и валюту, но и всевозможные антикварные вещи: картины, старинные иконы, сервизы и т.п.,

[3] **Миронов (Каган) Лев Григорьевич** (1895–29.08.1938, Коммунарка под Москвой). Комиссар ГБ 2-го ранга (1935). В 1926–1930 – пом. нач. ЭКУ, в 1931–1937 – нач. ЭКУ ОГПУ – ЭКО (КРО) ГУГБ НКВД СССР. Арестован 14.06.1937, расстрелян. Не реабилитирован.

[4] Без этих мер реальная конвертируемость рубля была бы невозможной. Размен ценных бумаг на золото является нормальным рыночным механизмом, тем более что сам автор признает, что облигации даже на черном рынке приравнивались к золоту. Государство покупало золото у населения по заниженному курсу, о чем свидетельствует фраза в «Двенадцати стульях» И. Ильфа и Е. Петрова (1927) архивариуса и ростовщика Варфоломеича в разговоре с Воробьяниновым, который расплачивался золотыми десятками: «По [официальному] курсу приму. По девять с полтиной».

[5] Имеется в виду АО «Лена Голдфилдс».

[6] Отражение чекистской мифологии. Участники указанных «заговоров» в постсоветский период были реабилитированы.

которые частично через ряд иностранных посольств вывозились за границу под видом дипломатической почты.

Многие торговцы переводили свои капиталы за границу[7] через иностранные посольства, доставляя своим иностранным хозяевам за эти «услуги» шпионские сведения[8]. Недалеко от Наркомфина (Ильинка, 9 – ныне ул. Куйбышева[9]) помещалась торговая палата. Там находилась легальная черная биржа, где орудовали спекулянты всех мастей и шпионы всех иностранных разведок. Такие же черные биржи были на Кузнецком мосту, в Столешниковом переулке, на Цветном бульваре, у Триумфальных ворот (ныне площадь Маяковского), где тогда было официальное казино с рулеткой, а также в ряде других мест.

В результате вредительской деятельности иностранных агентов и внутренней контрреволюции наш золотой запас и запасы иностранной валюты постепенно сосредотачивались в руках частников, большинство из которых в ожидании свержения советской власти миллионы золота[10], иностранной валюты и других драгоценностей замуровывали в стены домов, закапывали в землю и даже хоронили в гробах вместе с покойниками. А некоторые с помощью иностранных посольств, а также с помощью контрабандистов вывозили золото, бриллианты, иностранную валюту и другие драгоценности за границу.

В начале 1928 г., когда Советский Союз стал расширять свои торговые связи с заграницей и возникла необходимость закупки оборудования (станков, машин и пр.) для возрождения и создания новых индустриальных предприятий, за которое надо было платить золотом, выяснилось, что у нас почти весь валютный и золотой фонд в результате вредительской экономической контрреволюции растранжирен. Тогда-то и была поставлена перед органами ОГПУ задача изъять у частников иностранную валюту и золото.

До 1928 г. валютчиков и спекулянтов арестовывали одиночками, если они попадались на какой-либо крупной спекуляции или на шпионском деле; теперь же этим делом приходилось заняться более серьезно.

Когда меня назначили в 8-е отделение ЭКУ, валютная группа состояла всего из трех работников: Семена Львовича Римского (единственного в нашей группе, имеющего незаконченное высшее образование), меня и технического работника Сергея Арсатьянца. Вскоре к нам последовательно были прикреплены сотрудники установочной группы из 7-го отделения[11]: Оскар Брандт[12], Володя Попов-Пузаков[13], Коган, Валентин Жуков, Николай Счастливцев, Якубовский и ряд других. В процессе практической деятельности наша группа, в которую дополнительно подбирались подходящие работники, вырабатывала все новые и новые методы выявления валютчиков и борьбы с ними.

Необходимо подчеркнуть, что основную руководящую и решающую роль в деле организации борьбы с валютчиками и изъятия валюты в те дни играл заместитель начальника ЭКУ Лев Григорьевич Миронов. Также ему принадлежала инициатива начала проведения так называемых баратных операций, т.е. получения из заграничных банков по доверенностям валюты, переведенной туда промышленниками, купцами и скупщиками – [как] до революции, [так] и нелегально после революции.

---

[7] Это было следствием неуверенности нэпманов в государственной политике, которая по отношению к частному капиталу была враждебной и шла по линии всевозможных ограничений.

[8] Чекисты считали шпионажем сообщение любой информации иностранцам.

[9] В 1935–1990 гг.

[10] Так в тексте. Речь идет преимущественно о золотых монетах царской чеканки, во множестве сохранявшихся на руках населения.

[11] Это означало, что костяк отделения по борьбе с валютчиками составили лица, имевшие опыт в установлении адресов и местонахождения интересовавших чекистов лиц.

[12] **Брандт Оскар Маркович** (25.12.1901–?). Капитан ГБ (1935). Беспартийный. Уроженец Тересполя (Польша), еврей, образование среднее. В РККА с 15.11.1919. В нач. 1930-х гг. – опер. ЭКУ ОГПУ СССР, награжден орд. Красной Звезды (20.12.1932). С авг. 1934 – пом. нач. 8-го отделения ЭКО ГУГБ НКВД СССР. В июне 1938 уволен с должности пом. нач. 2-го отделения КРО ГУГБ НКВД СССР. Арестован 25.05.1938 и ОСО при НКВД СССР осужден 19.12.1939 на 8 лет ИТЛ. Амнистирован. Уволен с 09.05.1944, подполковник.

[13] **Пузаков (Попов) Владимир Павлович** сотрудник ОГПУ-НКВД СССР, мл. лейтенант ГБ (1935).

Поскольку до этого борьба с валютчиками почти не велась, на первых порах нам пришлось работать вслепую, так как мы не имели почти никакой агентуры. Пришлось через налоговые финансовые органы выявлять всех крупных частных торговцев и затем приглашать их для бесед в ОГПУ. Смысл бесед сводился примерно к следующему:

– Вы советский гражданин, – говорил кто-либо из нас приглашенному к нам нэпману. – Нам известно, что вы в свое время скупали иностранную валюту и золото, следовательно, у вас должны быть запасы таковых. Теперь Советский Союз приступил к индустриализации, и нам необходимо закупать машины, станки и прочее оборудование за границей, которое можно приобрести только на золото и иностранную валюту. Поэтому мы предлагаем вам сдать имеющуюся у вас валюту и золото государству. За них вы получите полностью возмещение совзнаками по существующему курсу[14].

Затем следовало предупреждение:

– В случае если вы не сдадите валюту и золото добровольно, мы все равно ее найдем, но тогда она будет конфискована, а вы будете осуждены.

Значительная часть задержанных соглашалась добровольно сдать валюту. Правда, далеко не всегда они полностью сдавали все, что имели. Многие из них сдавали небольшую часть, а значительные суммы скрывали.

Некоторые из этих «добровольно раскулаченных»[15] соглашались стать нашими агентами, что для нас было очень ценно, так как все эти нэпманы имели огромные связи в торговом мире и были в курсе всех коммерческих дел, касающихся валюты. И, что самое важное, пользовались у валютчиков большим доверием.

Но основной костяк агентуры мы старались составить из лиц, которые в прошлом были маклерами (посредниками), постоянно наводняли «черные биржи» и занимались скупкой и перепродажей валюты, золота, бриллиантов и других драгоценностей. Большей частью сами они не имели значительных накоплений, но зато отлично знали всех крупных спекулянтов валютой, были в курсе всех валютных операций, совершавшихся на протяжении многих лет, и помнили, кто, где, когда и сколько скупил валюты или золота. У некоторых из этих маклеров сохранились записные книжки, в которых они систематически заносили все известные им валютные операции, приводя фамилии спекулянтов-валютчиков, время покупки и другие подробности. Эти записные книжки весьма и весьма пригодились нам.

Кроме того, у нас имелись осведомители в магазинах Ювелирторга и в частных часовых мастерских, где в те времена обычно проводились многие валютные операции. И хотя последние в большинстве состояли из жуликов и спекулянтов, но и они оказывали нам определенную помощь. А при выявлении малейшего двурушничества с их стороны мы привлекали их к уголовной ответственности через Коллегию ОГПУ[16].

Как я уже указывал выше, многие из наших агентов – «добровольно раскулаченных» нэпманов – не полностью сдавали валюту, ограничиваясь незначительными суммами, поэтому нам впоследствии приходилось перепроверять и перекрывать их агентурные донесения. И если по их материалам задерживался тот или иной валютчик, то мы не только принимали меры к изъятию у него валюты, но попутно пытались получить, и очень часто с успехом получали материалы на наших агентов-валютчиков, не полностью сдавших валюту и имеющих еще большие запасы таковой.

Таким образом, получалась следующая картина. Агент «А» сообщал нам, что у торговцев «Б» и «В» имеется валюта. В донесении указывалось, у кого и когда валюта была ими приобретена. После этого мы проводили агентурную установку, собирали негласным путем всевозможные данные о разрабатываемых лицах: ведут ли они широкий образ жизни, подтверждающий наличие больших денег. После этого мы приглашали «Б» и «В» к нам. Когда же вопрос о сдаче ими валюты разрешался, мы заводили с ними разговор о других

[14] Курс был сильно занижен.

[15] Население воспринимало атаку на держателей ценностей как аналог «раскулачивания» для горожан. Характерно, что и чекисты оценивали данную политику аналогичным образом.

[16] То есть во внесудебном порядке, заочно, без участия обвиняемого.

валютчиках, в том числе и об агенте «А». Конечно, для валютчиков «Б» и «В» оставалось неизвестным, кто именно из них разрабатывал их.

Очень часто агенты-валютчики, направляя к нам материал на того или иного нэпмана, не подозревали, что одновременно с этим они выявляют и себя как укрывателей валюты.

Если обнаруживалось, что валютчики, ставшие нашими агентами, не полностью сдали имеющуюся у них валюту, мы в большинстве случаев их не арестовывали, а просто при очередной явке ставили перед ними ультиматум с требованием немедленной сдачи валюты. Обычно этим дело ограничивалось, и они дополнительно сдавали имеющиеся у них запасы валюты.

Как правило, все агенты, оказавшиеся двурушниками (т.е. скрывающие от нас крупных валютчиков и утаивающие свои личные крупные запасы валюты) всегда нарывались на кого-либо из других агентов и бывали рано или поздно разоблачены.

Вскоре наша агентурная работа достигла очень высокого уровня. Донесения того или иного агента перепроверялись и перекрывались данными других агентов. В процессе разработки все новых и новых методов по изъятию валюты у частников тогдашнее руководство ОГПУ возложило на валютную группу ЭКУ задачу скупки золота и валюты на «черных биржах» по существующему на этих биржах курсу, а в отдельных случаях и по более высоким ценам. В этих случаях специально подобранные для этой цели агенты получали от нас соответствующие суммы советских денег и направлялись в определенные пункты Москвы, а затем и в ряд других городов.

Для контроля за этими агентами мы имели параллельную агентуру, подтверждавшую нам существующие в тот момент на том или ином пункте черной биржи цены на золото и валюту, что до некоторой степени гарантировало невозможность злоупотребления со стороны наших агентов. Но, конечно, поскольку вся агентура состояла из валютчиков-торговцев и коммерсантов, безусловно, в отдельных случаях злоупотребления все же могли быть.

Обнаруженных обманщиков мы привлекали к ответственности, сознательно их расшифровывали перед другими агентами[17] (для острастки остальным) и таким образом добивались неплохого порядка. Все валютчики тех лет знали, что многие среди них являются нашими осведомителями, но точно никто из них не знал ничего. Поэтому они почти все друг друга подозревали. Для нас же это было выгодно. Зачастую скупщик, покупая валюту или золото у того или другого спекулянта, подозревал, что именно он и является нашим осведомителем. И вот во время явок тот или иной агент говорил: «Я купил валюту у такого-то, но он, по-моему, работает с вами, как и я». Мы в таких случаях не отрицали этого факта, но и не подтверждали его, предоставляя разрешать этот вопрос самому агенту.

Одновременно с ЭКУ ОГПУ валютными операциями занимались работники контрабандного отделения Главного управления пограничной охраны [ОГПУ]. Во главе этого отделения стоял Горин[18]. Заместителем начальника ГУПО по борьбе с контрабандой был тогда Роттенбург. В отделении работали тт. Гиляров, Каневский и другие.

Очень часто наши агенты наталкивались на агентов ГУПО. Бывали такие казусы, когда наш осведомитель сообщал нам, что через час на Столешниковом переулке он встретится с крупным валютчиком. Или наоборот, работники ГУПО получали подобное же сообщение. И вот для задержки этих «новых» валютчиков выходили работники ЭКУ и не знавшие об

[17] Правила агентурной работы категорически запрещали расконспирацию завербованного источника.

[18] Правильно **Горев (Гурвиц) Наум Юрьевич** (1903–23.02.1939, Москва). Капитан ГБ (1935 г.). Чл. компартии с 1925. Уроженец Бессарабии, еврей, образование среднее. В органах ГБ с 1920: сексот Одесской губернской ЧК, оперативник в Одесском губотделе ГПУ. В 1925–1927 – слушатель Высшей погранштколы ОГПУ, затем уполномоченный 1-го отделения частей погранохраны ГУПО и войск ОГПУ СССР. С 1928 – пом. начальника 1-го отдела, нач. 2-го отдела ГУПО и войск ОГПУ, нач. 5-го отделения Оперода и пом. нач. Оперода ГУПО и войск ОГПУ СССР. С июля 1932 – зам. нач. Оперода ГУПО и войск ОГПУ. В августе 1933 – июле 1934 – нач. Командного отдела ГУПО и войск ОГПУ СССР, затем нач. 4-го отдела ГУПВО НКВД СССР. С марта 1935 – нач. особого отделения ГУГБ НКВД аппарата внутренней охраны Московского Кремля. В марте 1936 – апреле 1937 – нач. 5-го отделения ОК НКВД СССР, в сентябре 1937 уволен в запас, пенсионер НКВД. Арестован 08.08.1938 и 22.02.1939 ВК ВС СССР осужден к ВМН. Расстрелян. Реабилитирован ВК ВС СССР 04.02.1956. Награжден знаком «Почетный работник ВЧК-ГПУ» (V).

этом работники ГУПО. И тут мы наталкивались друг на друга. Продавец оказывался нашим агентом, а покупатель – агентом ГУПО, или наоборот.

Во избежание такого параллелизма был установлен следующий порядок, согласно которому руководство всеми валютными операциями возлагалось на валютную группу ЭКУ ОГПУ. ГУПО также имело право бороться с валютчиками, но обязано было предварительно получать соответствующие справки о том или ином разрабатываемом объекте через отдел Центральной регистратуры ГПУ. Работники ЭКУ также должны были наводить аналогичные справки через ОЦР. После этого параллелизм был почти ликвидирован. Хотя все же в отдельных случаях в пылу «конкуренции» наши работники сталкивались с ГУПОвцами.

Как только агентурная работа была более или менее налажена, мы начали одного за другим вылавливать крупных спекулянтов-валютчиков. После нескольких удачных операций руководство ЭКУ заинтересовалось работой нашей группы и стало уделять ей все больше и больше внимания.

Начальником 8-го отделения ЭКУ был тогда Марк Исаевич Гай, а его помощником – латыш Кланг[19], а позднее – Эмиль Зибрак[20] и Николай Счастливцев.

С Марком Исаевичем Гаем я был знаком еще с 1923 года, когда он был начальником политотдела дивизии Осназа, а я – секретарем-организатором комсомола ОГПУ. Теперь, когда я был назначен в валютную группу, Гай оказался моим непосредственным начальником.

Так как работа по борьбе с валютчиками была совершенно новой, Гай оказался в этой части весьма слабым руководителем, и когда я передавал ему длинные сводки о подготавливаемых нами операциях, редко накладывал какие-либо деловые резолюции, а большей частью уклонялся от них и писал: «Зайдите переговорить!»

После нескольких случаев устных переговоров и уклонения от конкретных заданий со стороны Гая я не выдержал и сказал ему:

– Что же это получается, Марк Исаевич? Вы пишете «переговорить», и в деле не остается никаких следов о ваших указаниях. А если что-либо случится, как можно будет доказать, каково было ваше мнение?

Но мои попытки протестовать ни к чему не привели. В подавляющем большинстве случаев Гай продолжал уклоняться от конкретных указаний, и нам волей-неволей приходилось обращаться к зам. нач. ЭКУ Миронову, который, по-видимому, хорошо знал слабые знания в этой области Гая и постоянно сам вызывал нас к себе с докладами и подробно расспрашивал обо всех валютных операциях и давал установки на будущее.

Несмотря на отсутствие помощи со стороны Гая в части валютных операций, все мы хорошо к нему относились, так как он держал себя со всеми по-товарищески просто. Кроме того, он отличался большим гостеприимством. Почти каждую неделю, в субботу или воскресенье, он собирал у себя на квартире всех работников отделения и кормил хорошим ужином. Его жена Раиса радушно принимала гостей. Эти приемы поддерживали товарищескую и деловую обстановку в отделении.

Изредка, после особо крупных и удачных операций, организовывал товарищеские ужины или обеды на квартире у кого-либо из сотрудников Лев Григорьевич Миронов. Обычно на них присутствовал и Георгий Евгеньевич Прокофьев.

Следует отметить, что на этих товарищеских встречах никогда не допускалось никакого пьянства. Несмотря на то, что на столе бывало и вина, и водка, большинство сотрудников обычно ограничивалось одной-двумя рюмками. Среди нас почти не было любителей

[19] **Кланг Анатолий Антонович** (1894–?). Капитан ГБ (1935). Чл. компартии с 1918. Латыш (по др. сведениям, русский). Участник гражданской войны. В ВЧК-НКВД с 1921. До 1938 – нач. 20-го отделения КРО ГУГБ НКВД СССР, с 27.06.1938 уволен в запас.

[20] **Зибрак Эмиль Александрович** (1902–08.10.1937, Москва). Ст. лейтенант ГБ (1936). Чл. компартии с 1928. Из служащих, еврей, образование неполное среднее. С 1926 – опер. ЭКУ ОГПУ, с 1928 – пом. и врид нач. 8-го отделения ЭКУ ОГПУ СССР. В 1931 – сотрудник для особых поручений ЭКУ ОГПУ, нач. СПО ПП ОГПУ по Московской обл. С 1931 – в Комитете резервов при СТО СССР. В 1933–1934 – пом. нач. ЭКУ ОГПУ СССР. В 1935–1937 – нач. Управления особого строительства при СНК СССР и НКВД СССР. Арестован 26.08.1937, расстрелян. Реабилитирован в 1956.

выпить. Исключение составляли Николай Счастливцев и Якубовский (бывший работник Минского ГПУ), за которыми мы неусыпно следили, пресекая их попытки выпить лишнее.

За столом оживленно обсуждались удачные операции, а также разбирались допущенные ошибки и их причины. В случаях отдельных неудач или затруднений Миронов всегда поддерживал и подбадривал нас, советуя, как на будущее избежать повторения чего-либо подобного.

Иногда на этих вечерах Миронов, обладавший хорошим голосом, с большим чувством исполнял лирические песни. Он был добрейшим человеком, большим умницей, пользовавшимся всеобщей любовью и уважением. (Впоследствии он был избран секретарем парткома ОГПУ.)

В то время секретарем парторганизации ЭКУ был старший оперуполномоченный 1-го отделения Александр Павлович Рыбкин, потомственный рабочий, участник гражданской войны. Несмотря на большую партийную и общественную нагрузку, Александр Павлович много работал над своим самообразованием, а затем, при первой возможности, ушел из органов учиться. В настоящее время А.П. Рыбкин – известный профессор, ученый, был одним из руководителей Совнархоза Московской области.

По линии прокуратуры в деле борьбы с валютчиками нам помогали: заместитель Прокурора СССР [по делам ОГПУ] Рубен Павлович Катаньян[21], прокуроры Михаил Острогорский[22], Анна Глузман[23], Яковлев и многие другие. Дельные советы и помощь мы также получали от помощника начальника 7-го отделения Михаила Ткачева[24].

Надо сказать, что в те годы все работники ЭКУ, а также прокуратуры работали дни и ночи, не считаясь ни со временем, ни с состоянием здоровья, и своим самоотверженным трудом сделали немалый вклад в дело выполнения планов первых пятилеток, значительно пополнив золотой и валютный запас нашей страны.

За давностью я, конечно, не помню многих интересных операций, а главное, совершенно не в состоянии установить их хронологию. Но некоторые запомнились на всю жизнь, о них я и попытаюсь рассказать.

1. Первые шаги

Как-то мы получили агентурные данные, что на бульваре около Центрального рынка систематически появляется какой-то высокий человек с черной бородкой, который скупает золотые монеты царской чеканки и затем исчезает на несколько дней. Потом появляется снова. В те годы Цветной бульвар у Центрального рынка был одним из самых оживленных мест «черной биржи».

Вдвоем с Сергеем Арсатьянцем мы отправились на следующий день на Цветной бульвар, заранее договорившись с человеком, давшим нам сведения, что как только он продаст чернобородому золото, то сделает условный знак, после чего мы задержим чернобородого и установим его личность.

Придя на Цветной бульвар, мы начали прогуливаться среди оживленной толпы. Вскоре появился высокий человек с черной бородкой и тоже начал прохаживаться. Наш агент

[21] **Катанян (Катаньян) Рубен Павлович** (1880–06.06.1966, Москва). Чл. компартии с 1903. До революции – адвокат. С 1920 г. – зав. агитпропотделом ЦК РКП (б). С 20 янв. по 10 апр. 1921 – нач. Иностранного отдела ВЧК. С 1923 – пом. прокурора РСФСР, зав. подотделом надзора за органами ОГПУ в НКЮ РСФСР, затем старший пом. прокурора Верховного Суда СССР. В 1933–1938 – ст. пом. прокурора Верхсуда СССР по спецделам (надзор за ОГПУ). Арестован в 1938, осужден. В 1948–1950 был в ссылке, с 1955 – снова в заключении. В 1955 освобожден и реабилитирован.

[22] **Глузман Анна Моисеевна**, прокурорский работник, на 1937 – парторг спецотдела Прокуратуры СССР. В 1940-х работала в аппарате Прокуратуры СССР.

[23] **Острогорский Михаил Владимирович** (1897–?). В 1932 – прокурор Московской обл., награжден знаком «Почетный работник ВЧК−ОГПУ (XV)». В 1939 – пом. прокурора СССР, осужден. Персональный пенсионер союзного значения с 01.04.1955.

[24] **Ткачев Михаил Львович** (1901–20.06.1937, Москва). Ст. лейтенант ГБ (1935). Сотрудник ЭКУ ОГПУ СССР, награжден знаком «Почетный работник ВЧК-ОГПУ». В 1937 работал в КРО ГУГБ НКВД СССР, расстрелян «в особом порядке».

подошел к нему, они о чем-то поговорили, но условного знака так и не последовало. По каким-то причинам на этот раз чернобородый золото не купил и вдруг стал уходить с рынка в сторону. Мы с Сергеем пошли за ним на соответствующем расстоянии, стараясь не потерять его из вида.

Вскоре он довел нас до маленького деревянного одноэтажного домика где-то в конце 3-й Мещанской улицы (окна выходили на улицу, а вход в домик был со двора) и вошел в калитку. Мы остались на улице, прогуливаясь в отдалении, не зная, живет ли он здесь или зашел к знакомым и сколько времени пробудет.

Примерно через час человек с черной бородкой вышел из домика. Дав знак Сергею, чтобы он следовал за ним, я зашел в ту же дверь, откуда вышел чернобородый. Оказалось, что он остановился у какой-то простоватой на вид женщины в качестве постояльца на одну-две ночи. Хозяйка была уже пожилая женщина. Я расспросил ее, кто она такая. Женщина сказала, что муж ее погиб во время гражданской войны, она работает где-то уборщицей и подрабатывает стиркой белья, а при случае сдает койки.

Показав женщине свое удостоверение, я сказал:

– Чернобородый, остановившийся у вас, – шпион. Вы должны помочь нам поймать его.

Затем я объяснил ей, что со мною группа работников, часть которых находится во дворе, а другая часть – на улице. И попросил ее, как только постоялец вернется, подать нам потихонечку условный знак: «Откройте окно и помашите нам чем-нибудь. Ну хотя бы вытряхните скатерть или что-нибудь в этом роде».

Хозяйка, поахав о коварности людей, пообещала мне обязательно подать знак, как только войдет постоялец. Я вышел на улицу. Часа через полтора чернобородый, сопровождаемый на значительном расстоянии Сергеем, вернулся на квартиру. Как только он вошел в дом, а Сергей поравнялся с воротами двора, вдруг открылось окно на улицу и взволнованный громкий голос простодушной хозяйки провозгласил на всю улицу:

– Сыщики! Сыщики, где вы? Шпиен пришел!

Немногочисленные прохожие, находящиеся вблизи, пораженные этим криком, остановились как вкопанные. Я, мысленно проклиная себя за то, что не разобрался, что из себя представляет хозяйка, и не проинструктировал ее как следует, выхватил револьвер и вскочил в открытое хозяйкой окно, благо оно было невысоко от земли, чтобы не дать чернобородому скрыться. Сергей в это время был уже у двери во дворе, преграждая валютчику выход.

Обыскав задержанного, мы обнаружили при нем сравнительно небольшую сумму денег и около 200 рублей золотом. Но тем не менее доставили его в отделение. На допросе он рассказал, что работает в Кинешме часовщиком и постоянно приезжает в Москву за запасными частями для часов, а попутно покупает золото по поручению целой группы крупных торговцев и прочих богатых людей, в основном кинешемских, и, кроме того, для одного купца из Вичуги и для владельца валя[ль]ной фабрики Юрьевецкого района – Фролова. Сам же является только маклером, получающим соответствующее вознаграждение за покупку.

Доложив о результатах допроса чернобородого начальству, я получил задание выехать с ним в Иваново-Вознесенск, чтобы затем с помощью местных работников ГПУ проверить полученные данные и произвести обыски у перечисленных маклером лиц.

Прибыв в Иваново-Вознесенск, я направился к начальнику ОГПУ т. Молчанову[25], который выделил мне в помощники оперуполномоченного ЭКО т. Судомоева. И вот мы с Судомоевым и чернобородым маклером отправились в Кинешму и прибыли к райуполномоченному ГПУ Василию Васильевичу Чуркину. Поскольку необходимо было произвести обыски более чем в двадцати домах, пришлось мобилизовать весь состав работников Кинешемского ГПУ.

Операции производились около недели. У всех лиц, перечисленных маклером, золото было найдено. Самое большое количество золотых (около 50 тысяч рублей) нашли у популярного в Кинешме врача-армянина (фамилии не помню). Самая меньшая сумма находок была три тысячи золотых рублей. Золото находили закопанным в садах, в огородах, в подполье

[25] Имеется в виду полномочный представитель ОГПУ по Иваново-Вознесенской области Г.А. Молчанов.

домов. В некоторых случаях купцы и торговцы после уговоров указывали места хранения сами, и им стоимость золота была оплачена по курсу совзнаками, но большинство отпирались до последнего момента, когда уже золото находили сами работники ГПУ.

Один из купцов, несмотря на длительные уговоры, упорно не хотел указать место, где спрятано золото. Тогда мы стали уговаривать его красавицу жену не вредить себе, а рассказать все откровенно. Она сказала нам, что золото спрятано под уборной во дворе. Пришлось выкачать все нечистоты, вскрыть цементный пол и, наконец, под этим полом были найдены кубышки с золотыми монетами.

После окончания кинешемских операций я выезжал в Вичугу, где вместе с местным уполномоченным районного ГПУ изъял крупную сумму золота у богатого купца. Теперь из названных чернобородым маклером адресов оставался только один – владельца валя[ль]ной фабрики в Юрьевецком районе – Фролова.

2. Погибшие герои

И вот мы с Судомоевым и маклером сели на пароход и отправились в Юрьевец, а оттуда на подводе, полученной в Юрьевецком сельсовете, поехали в деревню, где проживал фабрикант Фролов. Наш возчик оказался довольно симпатичным и очень разговорчивым стариком с широкой окладистой бородой. Всю дорогу он развлекал нас рассказами о местных жителях. Но, как оказалось впоследствии, мы напрасно были так доверчивы.

Приехали мы в деревню уже в сумерки, и наш возчик сразу подкатил телегу к дому Фролова. Как потом оказалось, он был родом из этой деревни и всех здесь прекрасно знал. Вместе с возчиком мы вошли в дом.

Фролов оказался одним из самых упорных кулаков. Несмотря на все доводы и утверждения маклера, что он систематически скупал и передавал Фролову золото, несмотря на уговоры, что в случае добровольной сдачи золота он получит за него возмещение по курсу, а в противном случае может подвергнуться аресту, Фролов ни за что не хотел признаться, что у него есть золото. Почти полночи провозились мы, уговаривая Фролова, и только после полуночи он показал нам, наконец, свой тайник в бане (находящейся на огороде), под полом.

Всего оказалось закопанными там около 30 тысяч рублей десятками и пятерками царской чеканки. Мы уселись в избе за стол и стали составлять акт об изъятии золота. В это время возчик, осведомившись у нас, скоро ли мы поедем, и получив утвердительный ответ, сказал, что пойдет напоить лошадь. Закончив составление акта и подсчет денег, мы вместе с задержанным нами Фроловым вышли на крыльцо дома.

Уже начинало светать, наша подвода стояла рядом с крыльцом. Но, сделав несколько шагов по направлению к подводе, мы вдруг увидели, что на улице, на некотором отдалении, полукругом, возле дома Фролова виднеются силуэты большого количества людей, вооруженных кто вилами, кто лопатами, кто кольями.

Мгновенно оценив обстановку, я понял, что наш возчик разнес по деревне весть о том, что мы отбираем золото у Фролова, и односельчане пришли на защиту, возможно, толком и не зная, в чем дело. Но раздумывать было некогда, и я во весь голос выкрикнул:

– Товарищ Судомоев, дайте команду взводу открыть пулеметный огонь! – и выстрелил в воздух из револьвера. Судомоев, поняв меня, также выстрелил два раза в воздух.

Большая часть темных фигур, услышав крик и выстрелы, подалась назад, мы же, быстро подтолкнув на подводу Фролова, вскочили с Судомоевым сзади, бросив на дно телеги свой драгоценный груз.

– Гони вовсю, а не то пристрелю! – крикнул я возчику и сделал еще два или три выстрела в воздух. Судомоев тоже выстрелил еще несколько раз.

Возчик схватил вожжи, а лошади, испуганные выстрелами и хорошо отдохнувшие за ночь, крупной рысью рванули вперед. Опомнившиеся «защитники» Фролова бросились было за нами с воинственными криками. Вслед нам раздалось два или три выстрела, засвистело несколько камней, но через несколько секунд мы были уже далеко.

Утром мы благополучно прибыли в Юрьевец и вместе с возчиком, которого мы решили задержать за предательство, и Фроловым сели на пароход, отправляющийся в Кинешму. В Кинешемском райотделении ГПУ наше появление произвело непонятную нам сенсацию и было встречено с огромной радостью. Мы с недоумением взирали на сотрудников, пока нам не разъяснили, в чем дело. Оказывается, что когда на рассвете около дома Фролова произошла перестрелка, один из селькоров по телефону сообщил в Кинешму, что возле дома Фролова убиты два уполномоченных ГПУ, приезжавших к нему конфисковать золото. Эта «печальная весть» молниеносно дошла до начальника ГПУ Иваново-Вознесенской губернии Молчанова, который немедленно снарядил отряд для розыска наших трупов и убийц. И вот в Кинешемском райотделении ГПУ мы встретились с группой, отправленной на розыски.

Все вместе мы возвратились в Иваново, где начальник ГПУ Молчанов на радостях устроил нам шикарный обед. Много было тогда сказано теплых слов по моему и Судомоева адресу. Нас хвалили за находчивость, правда, и поругивали за неосторожность, а главное, все были рады, что операция закончилась благополучно.

– Ну и молодец же ты, – восторгался Молчанов, – не растерялся и заорал про взвод и пулеметы, а у самого было всего шесть патронов. Счастье еще, что Судомоев взял немножко побольше.

Досталось тогда начальнику райотделения ГПУ Кинешмы Чуркину, которого ругали за то, что он отправил нас двоих в глухую деревню, в то время когда уже повсеместно имели место случаи убийств селькоров и других представителей советской власти на селе.

Мы с Судомоевым тоже допустили неосторожность, не зная, что из себя представляет возчик, взяв его с собой в дом Фролова и сделав невольным свидетелем изъятия золота. Возчика мы оставили в Кинешме для привлечения к ответственности за сбор крестьян на помощь Фролову. Из группы купцов из Кинешмы те, которые упорно отказывались сдать золото добровольно, были осуждены на три года ИТЛ. На такой же срок был осужден фабрикант валяльной фабрики Фролов.

Возвратившись из Кинешмы в Москву, я встретил где-то на лестнице начальника одного из отделений Особого отдела Центра, политкаторжанина Ривина[26].

– Ну, – мрачно буркнул он, – поздравляю! Смотри, не зарывайся. – И тут же пошел дальше.

– С чем вы меня поздравляете? – удивился я, еще не зная, что решением Коллегии ОГПУ за кинешемскую операцию меня наградили боевым оружием – браунингом с надписью на серебряной дощечке: «За беспощадную борьбу с контрреволюцией»[27].

С Лазарем Борисовичем Ривиным по работе мне никогда не приходилось сталкиваться, но я часто видел его на партсобраниях, в клубе и в других общественных местах. От товарищей я ранее слышал, что в дореволюционное время Ривин убил видного провокатора царской охранки, за что был приговорен к повешению, позднее замененному пожизненной каторгой, и сидел в Орловском централе, закованный в кандалы, кажется, с 1907 года до Февральской революции. В этот период в Орловском централе некоторое время находился в заключении Ф.Э. Дзержинский и там познакомился с Ривиным.

Ривин был активным участником гражданской войны и работал по линии Красной Армии, пока не встретился с Дзержинским, который предложил ему перейти на работу в органы. Ривин сначала категорически отказывался, питая с царских времен отвращение ко всякого рода «полиции и жандармерии», но Феликс Эдмундович убедил его, что чекист

[26] **Ривин Лазарь (Лейзер) Борисович** (1888–15.07.1972, Москва). Капитан ГБ (1936). Чл. компартии с 1918. Уроженец Бобруйска, из семьи трубочиста, еврей, рабочий-металлист. В 1907 в Вильно за убийство провокатора осужден к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. С 1918 работал в органах ВЧК-ОГПУ, сотрудник системы особых отделов. Награжден орденом Красного Знамени (1928). В 1937 – зам. нач. отделения 8-го отдела ГУГБ НКВД СССР, уволен из НКВД с 01.08.1937 по болезни. На 1943 – зам. нач. главка наркомата танковой промышленности СССР. Персональный пенсионер с 01.07.1957. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

[27] Типичная для того времени формулировка награждений.

ничего общего с полицейским не должен иметь, и что это почетная и благородная работа. Ривин занимал ряд руководящих должностей в органах ВЧК, по представлению Ф.Э. Дзержинского был награжден орденом Красного Знамени, знаком почетного чекиста пятилетия, неоднократно награждался Коллегией ОГПУ боевым оружием «за беспощадную борьбу с контрреволюцией».

Ривин всегда держался независимо, ненавидел подхалимов, говорил каждому, даже самому большому начальнику в глаза все, что о нем думает. Говорили, что его резких высказываний в 30-е годы побаивался «даже сам Ягода». (Последние годы /1966–68 гг./ мы с Ривиным несколько раз встречались. Он мог бы очень много рассказать интересного из практики работы органов, но, к сожалению, нигде не выступает, считая себя плохим оратором, и, к еще большему сожалению, ничего не пишет. А у него в личном архиве есть много интересных документов и фотографий.)

Когда мне показали приказ Коллегии ОГПУ, согласно которому я был награжден за кинешемскую операцию боевым оружием, а Судомоеву была только объявлена благодарность, я немедленно помчался к начальнику отделения Гаю и затем вместе с ним – к начальнику ЭКУ Прокофьеву, и стал просить о награждении боевым оружием и Судомоева:

– Мы вместе работали, вместе рисковали и должны быть вместе и награждены, – доказывал я.

Прокофьев сначала возражал, говоря, что все же руководящую роль играл я, но, поскольку я с большим упорством продолжал настаивать на своем, он, наконец, согласился и приказ был изменен. Мы оба с Судомоевым были награждены боевым оружием с надписью: «За беспощадную борьбу с контрреволюцией». Это была моя первая боевая награда в органах.

После Кинешемского дела руководство ЭКУ нашло, что я оперативно «созрел», и одновременно с награждением оружием я был переведен из секретного штата в уполномоченные. А затем вскоре стал оперуполномоченным, на обязанности которого было возложено руководство всеми валютными операциями не только в Москве, но и по всему Советскому Союзу.

Не помню точно, когда именно, но как-то у меня произошел неприятный инцидент с Гаем. Когда я уже ознакомился с агентурной сетью нашего отделения, Гай поручил мне пойти в Харитоньевский переулок к одной женщине, которой надо было передать о назначенном ей Гаем деловом свидании. Ее фамилия показалась мне знакомой: как будто она упоминалась в каких-то донесениях, связанных со спекуляцией валютой.

Явившись по указанному адресу, я увидел довольно интересную молодую женщину с холеными руками, унизанными кольцами. Я передал поручение Гая, а женщина сделала умильно сладкое выражение лица, показывая готовность явиться куда и когда угодно. Мне все это показалось подозрительным: нет ли тут личного интереса со стороны Гая, но ничего определенного, конечно, я знать не мог.

Вскоре после этого, когда я сидел в назначенные часы на одной из конспиративных квартир, вдруг дверь отворилась и на пороге показался Гай с красавицей из Харитоньевского переулка. Он, в свою очередь, выразил удивление.

– Что ты здесь делаешь? – оставив спутницу в передней и подойдя ко мне, спросил Гай.

– Дежурю в назначенные часы.

– Знаешь что, Миша. Ты, пожалуйста, посиди в передней и подожди своих людей, а у меня сейчас очень важное дело… – покосился он на стоящую в отдалении спутницу.

– Вы мой начальник, Марк Исаевич, и я обязан вам подчиниться и, конечно, уйду. Но вы все-таки бывший начальник политотдела, а я бывший секретарь комсомольской организации, и мне кажется, что устраивать здесь свои бардачные дела неэтично. Пошли бы куда-нибудь в гостиницу.

Гай опешил от моей дерзости, но ничего не возразил и был явно смущен, а я повернулся и поспешил выйти из квартиры. На другой день Гай утром вызвал меня к себе в кабинет.

– Послушай, Миша, тебе не нужно пособие? Как твои материальные дела?

– Спасибо. Мне ничего не нужно.

– У тебя очень плохой характер.

– Какой есть, – ответил я, пожав плечами.

(Не помню точно, когда и по какому поводу Гай писал на меня характеристику: «Шрейдер растущий оперативный работник, инициативен и проч., и проч., но… с очень плохим характером».)

3. Врачи-аферисты

На Мясницкой улице (ныне ул. Кирова) находилась в те годы частная лечебница, владельцем которой являлся доктор Г-лин. Проживал он в кооперативном доме, кажется, на Харитоньевском переулке, кроме того, имел две прекрасные зимние дачи на станции Ильинское по Казанской ж.д.: одна – на имя отца, вторая – на него. У доктора Г-лина была дочь лет 12 (жены не было) и старик-отец.

По поступившим к нам сведениям, лечебница доктора Г-лина являлась филиалом черной биржи, где производились крупнейшие валютные операции. Сам владелец лечебницы и работающие у него врачи, а также старик отец систематически скупали на черном рынке большое количество иностранной валюты. После тщательной проверки поступивших к нам сведений доктор Г-лин был арестован, а у него на квартире произведен обыск, в котором принимали участие Римский, Володя Пузаков, Валентин Жуков и я.

При обыске ничего обнаружено не было, и на допросах, которые вели Римский и я, Г-лин в течение нескольких дней упорно отрицал наличие у него валюты, а также факты скупки таковой. Тогда я решил пойти на хитрость и предложил Г-лину следующее:

– Вы, доктор, заявляете, что ни вы, ни ваш отец валюты не скупали. Если это действительно так, напишите отцу записку и попросите его указать место и выдать нам имеющуюся у вас валюту. Если таковой нет, то нечего будет и выдавать?

Немного подумав, Г-лин написал записку приблизительно следующего содержания: «Папа, если у тебя есть валюта, то отдай ее представителям ГПУ, тогда меня освободят». Передавая мне эту записку, Г-лин еще раз заверил меня и Римского, что у него, а также и у его отца нет ни копейки в иностранной валюте. И все бывшие у него советские деньги они истратили на оборудование лечебницы и покупку квартиры.

С этой запиской Римский и я отправились на квартиру к отцу Г-лина и передали старику записку. Сначала он, как и сын, начал отрицать наличие у них валюты. Тогда мы начали доказывать ему бессмысленность запирательства. Ведь и его, и сына много раз видели на черной бирже, скупающими валюту, а также убеждали, что мы, мол, все равно валюту найдем, но тогда его сын будет осужден, а имущество конфисковано, а при добровольной сдаче валюты она будет по курсу обменяна на советские деньги. После долгих уговоров старик, наконец, сказал, что у него на даче в Ильинском закопано около пяти тысяч долларов и что он укажет нам место.

В тот же вечер Римский, Николай Счастливцев, Зибрак, я и еще двое или трое сотрудников поехали вместе со стариком на поезде в Ильинское. Был сильный мороз. Для того чтобы раскопать мерзлую землю в указанном стариком месте, надо было ее разогреть. Нам пришлось развести костер. С огромным трудом удалось добраться до «клада».

Когда из земли показалась крышка ящика, старик побледнел как смерть и ему стало дурно. Нам пришлось прервать работу, найти врача и приводить его в чувство. Затем мы выкопали ящик и извлекли из него пачку валюты, завернутую в клеенку. Каково же было наше удивление, когда вместо пяти тысяч там оказалось около ста тысяч долларов. Тогда нам стала понятна причина обморока старика. Он понял, что перепутал место и указал нам не тот «клад».

Теперь уже с оправданной настойчивостью мы стали требовать, чтобы старик указал нам место, где закопаны пять тысяч долларов, о которых он говорил. Но он продолжал клясться, что не помнит, где второе место. Тогда мы договорились с ним, что привезем сына

в Ильинское и он должен уговорить его указать нам остальные места, где спрятана валюта. Кто-то из нашей группы поехал в Москву за Г-линым, а я с другими остался на даче ждать его.

Часа через два на дачу на машине привезли доктора Г-лина. Сначала мы не сказали ему, что отец тоже находится здесь, а зашли с ним в другую комнату и стали вести разговор насчет валюты, а так как он продолжал отрицать наличие у него таковой, мы показали ему выкопанный нами ящик с валютой и предложили ему, чтобы он показал нам, где еще закопана валюта.

Поскольку его первоначальные показания насчет отсутствия валюты оказались ложными и валюта нашлась, мы предупредили его, что не остановимся ни перед чем, в конце концов перекопаем весь участок и разберем дачу, но валюту найдем, а в случае если он сейчас добровольно укажет нам, где спрятана валюта, то получит минимальное наказание.

Тут Г-лин пообещал рассказать обо всех тайниках, повел нас на свою вторую дачу, где, по его словам, должно было быть закопано 12 тысяч долларов. Но когда после долгих трудов мы выкопали и этот клад, в нем оказались не доллары, а английские фунты и шведские кроны, и не 12, а свыше 40 тысяч. Оказалось, что и сын обладал не лучшей памятью, чем старик отец. Тогда мы свели отца и сына вместе и стали требовать, чтобы они показали нам все остальные места, в том числе указанные ими самими с пятью и 12-ю тысячами долларов.

После долгих и упорных уговоров Г-лин последовательно указывал нам место за местом со спрятанной валютой. В результате на обоих дачах оказалось еще четыре или пять «кладов». Пришлось целую ночь жечь костры, разогревать землю и копать. От бессонной ночи и от многих часов, проведенных без еды и питья, а также от напряженных уговоров и убеждений все мы были почти без сил. Один Николай Счастливцев, в прошлом партизан, сибиряк, не терял бодрости и всячески подбадривал нас. Глядя на него, и мы заражались его энергией и с усердием копали и копали мерзлую землю. Отдыхать было некогда, да и не совсем приятно, так как лютый мороз сейчас же начинал пробирать до костей.

В общей сложности в ту ночь у Г-линых было изъято около полумиллиона разной иностранной валюты. По окончании операции естественно возник вопрос, откуда у Г-линых накопилось такое огромное количество денег? Проведенным следствием было установлено, что владелец клиники Г-лин, а также работавшие у него другие врачи занимались вымогательством у больных, которым ставили неправильные диагнозы опасных венерических болезней и проводили совершенно ненужные процедуры, за которые взимали большие деньги. Как, например, больному, заболевшему гонореей, говорили, что ему нужно два раза в день приходить в клинику для измерения температуры. Неопытные и запуганные врачами больные покорно выполняли эти нелепые требования и за каждый раз измерения температуры платили по три рубля. В то время это была огромная сумма: мясо стоило 50 коп. килограмм.

В результате проведения следствия были арестованы все врачи клиники Г-лина, которые имели довольно большое количество валюты. Но все они, узнав, что у Г-лина изъята крупная сумма валюты, а также и то, что им будет оплачена полная стоимость по курсу советскими деньгами, согласились сдать валюту добровольно, после чего были из-под стражи освобождены.

Сам Г-лин был осужден на три года ИТЛ. Частная лечебница со всем оборудованием, а также обе дачи и кооперативная квартира были конфискованы. Старика отца и дочь обеспечили жилплощадью, и им была выделена значительная сумма из конфискованных облигаций золотого займа для обеспечения прожиточного минимума.

(В лагере Г-лин был назначен санитаром. Вскоре он прислал нам письмо, в котором писал, что только теперь понял, насколько низко пал морально, заменив благородную профессию врача спекуляцией и аферами. Он давал нам слово, что постарается честной работой в лагере искупить свою вину и в будущем стать настоящим врачом, полезным родине.

Мы написали письмо начальнику лагеря с просьбой оказать Г-лину всемерную помощь в осуществлении его благих намерений. Впоследствии Г-лин стал работать в лагере в каче-

стве врача и очень хорошо себя зарекомендовал. По истечении трех лет он остался работать в тех местах по вольному найму.)

4. Золото в гробу

В Москве был арестован крупный скупщик золотых монет царской чеканки. После длительного допроса и упорного запирательства он, наконец, признался, что действительно скупал золото, но не держал ценности у себя, а переправлял их к своей родственнице в одну из деревень Скопинского уезда Рязанской губернии. Мне было поручено выехать со скупщиком к его родственнице, которой он переправлял скупленное золото. Вместе с двумя или тремя установщиками мы выехали в назначенное место.

Родственницей скупщика оказалась бывшая помещица, старая, фанатично богомольная женщина, недавно похоронившая своего мужа. Припертая к «стене» показаниями скупщика, она рассказала, что золото спрятала в стеклянные четверти и положила в гроб с телом покойного мужа. Священник, хоронивший покойника, знал об этом, она заплатила ему крупную сумму денег за молчание.

Связавшись с местными властями и партийно-комсомольской организацией, мы на следующий день решили произвести вскрытие могилы в присутствии всех жителей деревни. Также был вызван на кладбище и священник-взяточник, которому причина вызова не была известна.

Когда почти все жители деревни и весь партийно-комсомольский актив собрались на кладбище и приступили к вскрытию могилы, среди населения молниеносно распространился слух, что раскапывается могила помещика Н., которого якобы убила жена. Многие богомольные старушки и женщины начали креститься и потихоньку причитать.

Каково же было удивление всех окружающих, когда из выкопанного из земли и раскрытого гроба была извлечена первая стеклянная четверть, наполненная золотыми монетами, а затем вторая, третья и четвертая. Мы страшно жалели, что у нас не было киноаппарата запечатлеть всю эту сцену.

Когда все четверти с золотом были извлечены из могилы, тут же на кладбище был организован летучий митинг, на котором выступили представители партийно-комсомольского актива, а также и я, разъясняя населению вредность подрывной деятельности валютчиков и спекулянтов, укрывающих золото и драгоценности, необходимые для индустриализации страны.

Позднее мне передавали, что после этого митинга многие верующие из местного населения отказывались от услуг священника, которого мы разоблачили как пособника валютчиков.

5. Тайны женского туалета

Однажды к нам поступили сведения, что в Москву систематически приезжает из Винницы крупная спекулянтка, которая скупает валюту и уезжает обратно. Один из агентов сообщил нам об ожидающемся очередном приезде спекулянтки, и мы условились о встрече на черной бирже, где он должен был подать нам условный знак, как только она купит у него валюту.

Кому-то из наших работников было поручено проследить за спекулянткой и арестовать ее на черной бирже. Все произошло, как было условлено, и как только был подан условный знак, наши работники арестовали спекулянтку и доставили к нам в отделение. Она оказалась красивой и молодой женщиной. Обыск спекулянтки был поручен произвести работающим у нас женщинам: жене Николая Счастливцева – Трошиной, и Рималис[28] – маленькой некрасивой женщине, имевшей высшее образование и ценившейся у нас как большой умницы. Обыскав спекулянтку, сотрудницы ничего не нашли, о чем пришли и доложили мне.

– Не может быть. Ведь нам был подан условный сигнал, что она уже купила валюту. Плохо искали, – сказал я.

[28] **Рималис Ия Савельевна**, лейтенант ГБ (11.12.1935), занималась следственной работой. Уволена из НКВД с 08.04.1936 по болезни.

Все же для проверки я вызвал сотрудников, арестовывавших спекулянтку, которые еще раз подтвердили, что с момента ареста и во время следования в ОГПУ она никуда не могла выбросить валюту, так как с нее не спускали глаз.

Тогда я опять стал допытываться у Трошиной и Рималис, со всею ли тщательностью они произвели обыск.

– Все осмотрено, только… – замялась Трошина.

– Что только?

– Да знаете, неудобно даже говорить… Видите ли, она не совсем здорова… И у нее надеты бинты с ватой, – покраснев, выдавила наконец из себя Трошина.

– Немедленно снимите и осмотрите повязку.

– Но она… грязная… вся выпачкана…

– Ничего, помоете потом руки одеколоном, а осмотреть надо, и немедленно.

Трошина и Рималис вторично отправились обыскивать винницкую спекулянтку и в ватной повязке обнаружили три тысячные бумажки и пять – по пятьсот долларов, а всего 5.500 долларов.

Потом, когда об этом деле стало известно руководству ОГПУ, то надо мной подтрунивали. А заместитель прокурора СССР Рубен Павлович Катаньян, любивший крепкую и острую шутку, встречая меня после этого случая, все расспрашивал:

– Ну, Миша, так расскажите нам, как это вы доставали валюту у этой молодой и красивой винницкой спекулянтки. Расскажите подробно, где она прятала доллары?

И как я ни доказывал, что обыск производили наши сотрудницы Трошина и Рималис, все долго еще вспоминали этот случай и подсмеивались надо мною.

По окончанию следствия, когда Винницким ОГПУ на квартире этой спекулянтки была найдена крупная сумма валюты и золота, на Коллегии [ОГПУ] решался вопрос о наказании. Докладывая на Коллегии об этом деле, я предложил три года ИТЛ[29]. Но Рубен Павлович Катаньян, который обычно умерял пыл некоторых работников ЭКУ, любящих завышать сроки, а иногда вообще требовал прекращения дела, на тот раз сказал:

– Нет, такой заядлой спекулянтке надо дать пять лет минимум!

(Насколько помню, в допросе этой спекулянтки принимал участие оперуполномоченный нашего отделения Николай Гарнич[30], старый большевик, в период гражданской войны командовавший частями Красной армии. В тот период Гарнич написал книгу о гражданской войне под названием «Год осьмнадцатый», которую я получил от автора с дарственной надписью.)

6. «Попросю вас выйти вон».

В 1928 или 1929 г. в газете «Правда» появился нашумевший в то время фельетон Михаила Кольцова «Попросю вас выйти вон», в котором рассказывалось, как агенты Московского уголовного розыска во главе с голубоглазым начальником задержали на бегах скупщика валюты, оказавшегося торговым представителем латвийского посольства Блюменталем, систематически занимавшимся скупкой валюты, золота, драгоценностей, а затем переправлявшим все скупленное за границу под видом дипломатической почты. Заканчивался фельетон требованием, чтобы подобные дипломаты убирались вон из Советского Союза.

В истории, послужившей поводом для вышеупомянутого фельетона, принимали участие совсем не агенты МУРа, как было указано для зашифровки, а работники валютной группы 8-го отделения ЭКУ.

На «черной бирже» около Госцирка был задержан старик-еврей родом из Риги, покупающий американские доллары и расплачивающийся за них золотыми монетами царской чеканки. Он оказался сапожником и проживал у Никитских ворот в доме, где была аптека. (Теперь этот дом снесен.)

---

[29] Коллегия ОГПУ ориентировалась на мнение следователя о социальной опасности обвиняемого.

[30] **Гарнич Николай Федорович** (1901–1961), ген.-майор (1943). В 1923–1933 работал в ОГПУ. Его документальный роман «Осьмнадцатый» вышел в 1930 г.

На допросе сапожник, не запираясь, сразу рассказал, что покупает валюту для некоего Блюменталя, который дает ему для сбыта золотые монеты и большие суммы советских денег и просит приобретать для него американские доллары. (В те годы у представителей старого русского купечества на золотые монеты царской чеканки был большой спрос, и они в СССР котировались выше, чем за границей.)

Сапожник сообщил, что Блюменталь бывает у него два раза в месяц уже в течение года. Свидания происходят на квартире сапожника. Мы сказали сапожнику, что он должен помочь нам изобличить и поймать Блюменталя, который не только скупщик валюты, но и шпион (это соответствовало действительности, так как в то время КРО ОГПУ разрабатывало материалы о шпионской деятельности[31] Блюменталя и посла Латвии Озольса[32]), и договорились с сапожником, что он пока будет продолжать встречаться с Блюменталем, как и прежде, у себя дома, чтобы не вызвать подозрений, а при первой же возможности назначит ему встречу где-либо в публичном месте, мотивируя это тем, что якобы соседи начинают коситься на систематические визиты к нему домой шикарно одетого иностранца.

Захватить Блюменталя именно в публичном месте нам было необходимо по двум соображениям: во-первых, этого требовала задуманная нами операция захвата Блюменталя как якобы опознанного по фотографии бандита-уголовника, а во-вторых, в этом случае оставался нерасшифрованным старик-сапожник.

Через несколько дней сапожник позвонил нам и сообщил, что договорился встретиться с Блюменталем в воскресенье на ипподроме. Мы проинструктировали сапожника, чтобы он, встретясь с Блюменталем, спросил у него, принес ли тот с собой золото, а потом сказал ему, что долларов он с собой не захватил, так как побоялся. Убедившись в том, что Блюменталь принес с собою золото для расплаты, сапожник должен был подать нам условный знак – поднести платок к губам.

Оперативная группа, которая должна была схватить Блюменталя на ипподроме, состояла из Семена Римского, Николая Счастливцева, меня и нескольких разведчиков-установщиков. Все мы были в штатских костюмах. У нас было две пары наручников, которые обычно надевают на уголовников, оказывающих сопротивление. Наручники мы решили применить, дабы создать впечатление у окружающей публики, что мы арестовываем матерого бандита-убийцу. Николай Счастливцев захватил с собой пару каких-то фотографий, по которым мы должны были якобы опознать убийцу «Иванова».

Общее руководство по предстоящей операции осуществлял помощник начальника 8-го отделения ЭКУ Эмиль Зибрак. Он заранее договорился с соответствующими органами и к моменту операции занял место «дежурного» по соседнему с ипподромом отделением милиции, куда мы должны были доставить захваченного Блюменталя. Одновременно Зибрак вызвал в это же отделение милиции представителя Наркоминдела по латвийскому отделу.

К назначенному времени наша группа прибыла на ипподром. В условленном месте мы сразу же увидели сапожника и на соответствующем расстоянии [по]шли за ним. Наше наблюдение никем не могло быть замечено, так как в тот день разыгрывались на скачках и на бегах какие-то крупные призы и на ипподроме была масса народу. Все трибуны и проход около барьера были заполнены нарядной публикой, нэпманами, разодетыми дамами и франтоватыми молодыми людьми. Игроки, ставящие ставки, все время сновали от барьера к тотализатору и обратно.

Для видимости и мы поодиночке подходили к кассам якобы для игры, не теряя из виду сапожника. Через некоторое время к сапожнику подошел шикарно одетый блондин выше

[31] Несмотря на запрет интересоваться деятельностью соседних подразделений, чекисты зачастую хорошо знали о многих аспектах работы своих коллег из ЭКУ, Секретного, Особого, Контрразведывательного и Транспортного отделов.

[32] **Озолс Карлис** (1882–23.06.1941, Москва). Из крестьян, латыш, инженер-механик. С 1920 работал послом в Вашингтоне. С сентября 1923 по май 1929 – посол, чрезвычайный посланник и полномочный министр Латвии в СССР. В 1934 уволен из МИД Латвии, автор мемуаров (1938). Арестован после присоединения Латвии к СССР 25.08.1940 и 23.06.1941 Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к смертной казни. Расстрелян.

среднего роста, уже немолодой, – это и был торгпред Латвии Блюменталь. Он поздоровался с сапожником и одновременно огляделся вокруг.

Так как работники нашей группы находились ближе всех к сапожнику, то взгляд Блюменталя скользнул и по некоторым из нас. Но наша одежда и поведение не вызывали у него никаких подозрений. Мы вели себя так же, как и все окружавшие нас игроки. Особенно страстного игрока изображал Сеня Римский. Он с видом знатока то и дело бросал реплики по поводу той или другой лошади.

Тем временем Блюменталь начал вполголоса о чем-то разговаривать с сапожником. По выразительному жесту неудовольствия мы поняли, что сапожник сказал ему, что побоялся принести доллары. Через минуту сапожник поднес платок к губам, подавая нам тем самым условный знак, означающий, что у Блюменталя есть при себе золото.

В следующее мгновение все мы, выхватив револьверы, подскочили вплотную к Блюменталю и сапожнику, направив на них оружие и вполголоса, но внушительно скомандовали:

– Руки вверх, Иванов!

Николай Счастливцев вынул из кармана фотокарточки и, поглядывая то на Блюменталя, то на карточки, сказал довольно громко, с расчетом, чтобы услышали окружающие:

– Да, это он! – И как бы между прочим добавил: – Известный убийца Иванов!

Стоявшая поближе публика, увидев оружие и услышав реплику Счастливцева, шарахнулась в стороны. Блюменталь остолбенел и испуганно что-то бормотал насчет своей дипломатической неприкосновенности. (Между прочим, он хорошо говорил по-русски.) Но мы, изображая рьяных агентов МУРа, не разбирающихся в дипломатии, уже успели надеть на него и на сапожника наручники и, очищая дорогу среди и без того почтительно расступающейся публики, быстро провели задержанных к стоявшим около главного входа двум машинам.

Через две-три минуты мы были в соседнем отделении милиции, где нас поджидал «дежурный по милиции» Зибрак. Не снимая с Блюменталя наручников, мы ввели его в кабинет «дежурного».

– Товарищ начальник, – доложил я, – вот задержанные по делу убийства.

– Обыскали их? – спросил Зибрак.

– Нет, не успели еще.

– Обыскать! – приказал «дежурный». И обратился к Блюменталю:

– Оружие есть?

– Что вы, какое оружие? – взволнованно залепетал обыскиваемый. – Тут какое-то недоразумение. Я представитель Латвии, дипломат, неприкосновенное лицо, у меня документы… Вы будете отвечать за это безобразие!

– Успокойтесь, гражданин. Сейчас все выясним. Документам тоже не всегда можно верить. Бывают и фальшивки, а также и приобрести документы можно не совсем обычным путем, – спокойно продолжал Зибрак.

В это время мы уже успели обыскать Блюменталя и положить на стол «дежурного» найденные у него золотые монеты царской чеканки на сумму около тысячи рублей и только после этого наконец «обнаружили» в боковом кармане пиджака его дипломатический паспорт.

Зибрак, взяв в руки паспорт, разыграл удивление и скомандовал:

– Снимите наручники. – И когда приказание было выполнено, обратился к Блюменталю:

– Еще раз прошу вас успокоиться. Я немедленно свяжусь с наркоминделом и вызову сюда представителя, который, конечно, должен знать вас в лицо. И если вы действительно торговый представитель Латвии, то нам останется только извиниться за это недоразумение. К сожалению, вы очень похожи на человека, которого мы разыскиваем. Мы обязаны выполнять свой долг – служба есть служба. А от ошибки, конечно, никто не гарантирован…

Зибрак тут же будто бы связался с наркоминделом по телефону и вызвал представителя, который в это время находился в соседней комнате, выжидая необходимую для его «приезда из наркоминдела» паузу, после которой он вошел к дежурному.

– Господин Блюменталь! – с удивлением обратился он к задержанному, – что тут произошло? Кто посмел вас задержать?

Ему коротко объяснили, в чем дело. Представитель наркоминдела начал отчитывать нас за допущенную ошибку и извиняться перед Блюменталем за недоразумение. Но потом, как бы вспомнив о золоте, грудой лежавшем на столе, добавил:

– Да-а-а, но, знаете ли… господин Блюменталь, весьма сожалею, но очень странно, что у вас оказалось такое количество золота… Боюсь, что мы вынуждены будем составить по этому поводу соответствующий акт. Конечно, это очень-очень неприятно, но придется пригласить для этой цели господина Озольса.

Тут же по телефону был вызван полномочный представитель[33] буржуазной Латвии Озольс. Пока ждали Озольса, мы в другой комнате успели допросить «сапожника», зафиксировав его прежние показания о том, что он в течение года систематически получал у Блюменталя золото в монетах царской чеканки и приобретал для него на «черной бирже» доллары, драгоценности и другую иностранную валюту[34].

Латвийский посол Озольс, прибыв в отделение и узнав, в чем дело, был крайне смущен произошедшим. Но делать было нечего. Груда золотых монет, изъятая из карманов Блюменталя, лежала на письменном столе, и последний не мог отрицать факт наличия золота у него. Правда, он упорно отрицал, что занимался этим ранее.

В итоге Озольсу и Блюменталю пришлось подписать акт об обнаружении у Блюменталя золотых монет, после чего оба они уехали. Сапожник был для видимости временно задержан, но вскоре освобожден. На следующий день к нам в отделение ЭКУ приехал известный в те годы фельетонист Михаил Кольцов, которому я рассказал все подробности операции, а через пару дней в «Правде» появился вышеуказанный фельетон под заглавием «Попросю вас выйти вон», где в собирательном образе начальника фигурировали голубые глаза Римского.

Этот фельетон, а также представление наркоминдела служили поводом к немедленной высылке из Советского Союза латвийского торгпреда Блюменталя. Но правительство буржуазной Латвии в связи с этим скандалом было вынуждено отозвать и посла Озольса. Нам было известно, что за время пребывания в Москве Озольс скупил массу ценностей: золотых вещей, икон, картин и т.п. Но как дипломатическое неприкосновенное лицо он был для нас недосягаем. Поэтому, узнав о времени отъезда Озольса в Латвию, мы через соответствующие каналы постарались обеспечить осмотр личных вещей Озольса на латвийской границе таможенной охраной. К этому времени на границе «случайно» оказались некоторые корреспонденты иностранных газет, которые также «случайно» явились свидетелями осмотра, при котором у Озольса было обнаружено много драгоценных картин, икон, золотых изделий и иностранной валюты.

Как нам стало известно впоследствии, отклики о результатах таможенного осмотра вещей Озольса появились в иностранной печати и были перепечатаны в наших газетах. В связи с этим буржуазное правительство Латвии оказалось в затруднительном положении и вынуждено было судить Озольса как спекулянта и контрабандиста. По слухам, он был осужден латвийским судом к пяти годам. Так закончилась дипломатическая карьера спекулянтов-антисоветчиков Озольса и Блюменталя.

7. Давид-контрабандист

Нам стало известно, что в Москве проживает крупный нэпман, некий Розенберг (в фамилии не уверен), который закупает в Москве валюту, бриллианты и прочие ценности и

[33] Полномочные представители (полпреды) были в СССР. Речь идет, разумеется, о латвийском после.
[34] Так в тексте.

контрабандно переправляет их за границу. У него в Москве есть жена, проживающая по другому адресу.

Поскольку Розенберг в это время был за границей, мы решили сначала вызвать и допросить его жену, которая оказалась довольно красивой раскормленной нэпманкой, с презрением взиравшей на всех простых смертных. Во всех нас она вызывала чувство ненависти. Это была типичнейшая представительница буржуазии в самом плохом смысле этого слова. Нечего и говорить, что было совершенно бесполезно взывать к ее чувствам патриотизма или просто здравого смысла. Это была капиталистка до мозга костей, которая скорее погибла бы, но не указала места, где спрятаны деньги. На допросе она вела себя вызывающе нахально и не скрывала, что у нее и мужа имеются большие ценности:

– Умру, но ничего вам, сволочам, не скажу, – с презрительной миной глядя на меня, говорила она.

Не добившись от нее ничего, я распорядился, чтобы ее задержали и поместили в самую плохую камеру[35] (хотя в те годы особо плохих камер не было, везде были чистота и порядок[36]), с удовольствием думая о том, как эта изнеженная нэпманка будет себя чувствовать в тюрьме после той роскоши, к которой она привыкла с детства.

Вскоре в Москву вернулся Розенберг, о чем нам сразу же сообщили. Источник рассказывал, что он – богатырского телосложения, всегда вооружен, и поэтому арестовывать его надо с большой осторожностью. Но прежде чем предпринимать задержание Розенберга, нам необходимо было выяснить, с кем он имеет связь из иностранных посольств и каким путем переправляет ценности за границу.

Связанный с нами маклер сообщил, что Розенберг собирается в ближайшие дни с ним увидеться. Мы договорились с маклером, что он пригласит к себе Розенберга домой на ужин с тем, чтобы познакомить с известным одесским контрабандистом Давидом, который, мол, имеет связи на румынской границе. Розенберг заинтересовался одесским Давидом и с удовольствием принял предложение маклера отужинать у него.

Руководство ЭКУ долго обсуждало, кому поручить роль Давида: Римскому или мне, и наконец остановились на том, что его должен сыграть я. Мне подобрали замечательный импортный штатский костюм, в задний карман брюк я положил маленький револьвер. Возле квартиры маклера на улице была поставлена охрана из нескольких человек, с которыми заранее было условлено, что как только интересующие нас сведения будут от Розенберга получены, я подойду к окну, открою его и закурю папиросу (дело было летом). Мы также условились, что в аварийном случае кто-либо из нас – я, маклер или его жена, которая также была посвящена в суть дела, – должны были чем-нибудь разбить оконное стекло и тогда наши работники вбегут в квартиру.

И вот в условленный вечер за ужином у маклера встретились контрабандист-валютчик Розенберг и «Давид из Одессы». Когда Розенберг вошел в квартиру маклера и я увидел его могучую широкоплечую фигуру, то невольно подумал, что такой атлет может без труда одной рукой нокаутировать лошадь, и мне стало немного не по себе.

Мы разговорились. Розенберг очень интересовался моими связями на румынской границе. Я с апломбом сообщил ему, что у меня там полный порядок и повсюду есть «свои люди». Розенберг спросил, не могу ли я помочь ему в переходе через границу в Румынию и сколько это будет стоить?

– Камушки у меня имеются, – с гордостью добавил он, намекая на наличие у него бриллиантов.

Я заверил его, что постараюсь это дело организовать, а затем начал осторожно расспрашивать его, где и какие связи имеет он для перехода границы. За ужином мы специально сели таким образом, чтобы я оказался между маклером и его женой, на случай, чтобы Розенберг не заметил, что у меня в заднем кармане оружие и не мог дотянуться до него.

[35] Откровенное указание давления на арестованных с помощью тяжелых условий содержания. Признание чекистского начальника о наличии «плохих» камер весьма показательно.

[36] Явная неправда.

Розенберг много пил и все время уговаривал пить и меня. В то время я вообще почти никогда не пил даже вина, а тем более водку, но здесь хоть немного, но пришлось выпить. И уже после первой рюмки у меня зашумело в голове. Тогда я стал нажимать на фаршированную рыбу и усиленно пить газированную воду с сиропом из стоявших на столе сифонов, пытаясь сделать вид, что пью вино. Но Розенберг продолжал приставать ко мне, чтобы я пил вместе с ним. Тогда я стал говорить, что моя профессия контрабандиста приучила меня к трезвости, потому что при совершении опасных дел я всегда должен быть начеку и иметь свежую голову. В конце концов его, по-видимому, удовлетворили мои объяснения, но сам он пил все больше и больше и становился разговорчивым. Когда мы стали с ним обмениваться мнением насчет «лягашей» (то есть работников ГПУ и милиции), Розенберг вдруг с ненавистью произнес:

– Моя жена передала мне, что ее допрашивал какой-то негодяй Шрейдер! (каким образом Розенберг узнал об этом, мне неизвестно, так как переписка его жене не была разрешена[37].) Вот сволочь! Ведь еврей и своих «засыпает». Да еще поместил жену в самую паршивую камеру. Попадись он мне, я бы его, подлеца, удавил голыми руками, – и он с силой стукнул по столу своим огромным кулачищем.

У меня по спине пробежал неприятный холодок. Но вскоре мне удалось узнать от Ротенберга почти все, что нас интересовало.

– Ох, как жарко, – сказал я, подошел к окну, открыл его и чиркнул спичкой, закуривая папиросу.

В ту же минуту наши работники, находящиеся на улице, позвонили в квартиру, но не один раз, как надо было звонить маклеру, а три раза – соседям. Те открыли и, узнав, что это не к ним, постучали в дверь к маклеру и чей-то голос произнес:

– Тут к вам кто-то пришел.

Дверь раскрылась, и человек пять во главе с Римским ворвались в комнату с обнаженными револьверами.

– Руки вверх, – скомандовал Римский.

Все, в том числе и я, подняли руки. Мне и Розенбергу тут же надели наручники и всех четверых (маклера с женой тоже) посадили в машины и отправили в отделение. Римский специально грубо подталкивал меня в спину, когда мы шли к машине, говоря:

– Ну, иди, иди скорей, нечего…

В машине меня и Розенберга посадили рядом. Он на древнееврейском языке вполголоса сказал:

– Молчи обо всем.

Я пробормотал что-то в подтверждение. На нас закричали и приказали молчать. По прибытии в отделение Розенберга обыскали и нашли у него два крупных бриллианта, каратов по десять каждый, и отправили в камеру.

На следующий день, когда я в чекистской форме сидел у себя в кабинете, привели на допрос Розенберга. Переступив порог кабинета, он остолбенел.

– Ну, теперь познакомимся, гражданин Розенберг, – сказал я, указывая ему на стул. – Я и есть тот самый «негодяй Шрейдер», как вы изволили вчера заметить, который поместил вашу жену в плохую камеру.

В дальнейшем следствие по делу Розенберга вел Римский. Розенберг был осужден Коллегией ОГПУ, не помню уже на какой срок.

8. Драгоценные орехи

Один из наших осведомителей сообщила, что в семье бывших крупных торговцев имеется много бриллиантов (осведомительница была в каких-то родственных отношениях с этой семьей).

– Когда мы будем производить обыск, – предупредила она, – то ищите, как обычно, во всех местах. А под конец обратите внимание на орехи. У них на буфете и на столе вазы с орехами. Попросите один орешек попробовать, из левой вазы на буфете.

[37] Утечка сведений через тюремный персонал была всегдашней проблемой чекистов и милиции.

Мы так и сделали. Отправились по указанному адресу, произвели тщательный обыск по всем правилам. Ничего, конечно, не нашли, а потом я, подойдя к буфету и положив руку на левую вазу с орехами, спросил хозяйку, глядя на нее в упор:

– Разрешите попробовать орешек!

Хозяйка сразу потеряла самообладание и схватилась рукою за сердце.

– Конечно, пожалуйста, – почти теряя сознание, пролепетала она, пододвигая мне блюдо с орехами, стоящее на столе.

Но я все же взял орех, как мне было подсказано осведомительницей, из левой вазы, расколол его и в нем обнаружил несколько бриллиантов. Тут уж мы раскололи подряд все орехи и нашли бриллианты не только в орехах из левой вазы, но и в некоторых орехах в остальных вазах. Всего бриллиантов было обнаружено на очень большую сумму.

Под конец обыска хозяйка, уже успокоившись и пылая мстительным огнем, допытывалась у меня:

– Теперь мне уже все равно, но, пожалуйста, скажите, кто вам выдал нашу тайну?

– Ну что вы, какая тайна, – с невинным видом утверждал я. – Просто мне захотелось попробовать орешек.

Конечно, мне неизвестно, узнала ли когда-нибудь владелица бриллиантов, кто оказался виновником ее несчастья. Не исключено, что чем-то обиженная родственница впоследствии сама проболталась.

В те годы довольно часто случалось, что люди, связанные какими-либо родственными отношениями, неожиданно оказывались в резко враждебных друг к другу отношениях. Как пример можно привести следующий случай. В одном доме я познакомился с шофером, работающим в иностранном посольстве. Его отец был владельцем большого шляпного магазина на Кузнецком мосту. Когда шофер услышал, что органами ГПУ проводятся валютные операции, так как советскому государству требуется валюта и золото для индустриализации страны, он заявил, что у его дедушки в Угличе имеется большое количество золота и драгоценностей.

Вдвоем с ним мы съездили в Углич и в огороде возле дома деда нашли закопанными золото и иностранную валюту. Эта операция никаких арестов за собою не повлекла, но нетрудно себе представить, какие проклятия посылали на голову сына и внука стяжатели отец и дед.

9. Поездка в Белоруссию

Наиболее крупными очагами сферы деятельности спекулянтов-валютчиков считались Украина и Белоруссия. Органы ОГПУ Украины довольно успешно изымали иностранную валюту и золото у спекулянтов. Валютной группой там руководил работник ЭКУ (ГПУ) Украины Шор. Что же касается Белоруссии, то там не все шло гладко. По существу, во всем ГПУ Белоруссии был только один работник, являвшийся грозой валютчиков и спекулянтов – уполномоченный ЭКО Голубовский[38]. Лично я знал Голубовского с 1921 г. в бытность мою в погранотряде № 4 в городе Слуцке. Голубовский тогда работал в Транспортном отделе ГПУ и все время разъезжал в поездах по линии Минск – Осиповичи, Осиповичи – Слуцк и др., вылавливая спекулянтов, причем его популярность как самого ловкого советского сыщика вскоре среди спекулянтов стала так велика, что они его именем пугали своих детей.

Конечно, один Голубовский не мог охватить всех и вся, а ему больше почти никто не помогал и результаты работы по борьбе с валютчиками были явно недостаточны. Поэтому было решено направить в Белоруссию оперативную группу из Центра. Перед группой ставились следующие задачи: 1) выявить спекулянтов-валютчиков и изъять у них валюту и золото; и 2) произвести скупку валюты не только на территории Белоруссии, но и за ее пределами, т.е. за пограничными станциями.

[38] **Голубовский Яков Шахнович**, работник ВЧК-НКВД, в 1930 был сотрудником опергруппы погранвойск ОГПУ, за что награжден орд. Трудового Красного Знамени Белорусской ССР (19.12.1930). В сентябре 1936 по болезни уволен в запас с должности пом. оперуполномоченного ЭКО УНКВД по Ленинградской обл., мл. лейтенант ГБ.

Мне поручили возглавить эту группу. После тщательной проверки было отобрано 8–10 человек известных московских валютчиков, пользующихся доверием в так называемых спекулянтских «деловых кругах». (Конечно, это были валютчики, сдавшие уже свои накопления и проверенные на практической работе по выполнению наших оперативных заданий.) Последние должны были в Белоруссии выявлять валютчиков и одновременно скупать у них валюту за советские деньги.

Все отобранные люди были представлены руководителям ЭКУ Прокофьеву и Миронову, которые с ними переговорили, а затем их кандидатуры были утверждены[39]. В финотдел ГПУ Белоруссии на мое имя была переведена крупная сумма советскими деньгами. Председателем ОГПУ т. Менжинским было дано распоряжение полномочному представителю ГПУ Белоруссии, знакомому мне еще по Вильно с 1919 г. Ромуальду Пиляру оказывать нашей группе всяческое содействие и помощь, а также выделить в наше распоряжение требуемое количество помощников.

Ромуальд Пиляр был высоким и худощавым человеком, на первый взгляд казавшийся мрачным и замкнутым, но на деле был хорошим товарищем и прекрасным оперативником. Поляк по национальности, он страстно ненавидел буржуазный диктаторский режим пилсудчиков.

В разделе виленских воспоминаний я уже упоминал, что весной 1919 г. Пиляр раненым был захвачен в плен белополяками и содержался в городской тюрьме (кажется, в Лукишской, точно не знаю). Позднее кто-то из товарищей виленчан рассказывал мне об эпизоде, относящемся к периоду нахождения Пиляра в тюрьме. Однажды в тюрьму в сопровождении высших полицейских чинов явился польский диктатор Иозеф Пилсудский. Когда он со своей свитой зашел в камеру, где находился Пиляр и другие коммунисты, комендант тюрьмы дал команду: «Начность» (т.е. «Встать, смирно!»), и кое-кто из заключенных, измученных и избитых на допросах и морально подавленных, невольно стал подниматься на ноги. Тогда Ромуальд Пиляр, спокойно сидя на месте, крикнул:

– Вольно! Садитесь, товарищи!

И все с радостью подчинились команде Пиляра.

Возмущенный Пилсудский и все польское начальство, резко повернувшись, вышли из камеры[40]. Но как только за ними закрылась дверь, Пиляр и остальные товарищи громко и торжествующе запели Интернационал. Польские жандармы тут же снова вбежали в камеру и потребовали прекратить пение, но их никто не послушался.

Сколько времени Пиляр находился в тюрьме у пилсудчиков, я не знаю[41], но помню, что его и ряд других польских коммунистов впоследствии обменяли на каких-то белополяков, находящихся у нас в качестве заложников.

Но возвращаюсь ко времени моего приезда в Минск в 1928 г. (или в начале 1929 г.). Когда я явился в кабинет в Пиляру, он был уже предупрежден о моем приезде и о моих полномочиях и принял меня по-дружески. На мое приветствие: «Здравствуйте, товарищ пэпэ (полномочный представитель)!» он иронически улыбнулся и, подойдя ко мне и дружески пожимая руку, сказал:

– Ну тебя к черту с твоим официальным пэпэ. Садись!

Пока я подробно излагал ему цель приезда и намеченный план поездки по ряду городов Белоруссии и на польско-советскую границу, Пиляр возбужденно ходил взад и вперед по кабинету, курил одну за другой папиросы и все время бросал окурки на пол.

– Почему вы не пользуетесь пепельницами, а бросаете окурки на пол? – шутливо укорил его я, показывая на стоящие на письменном столе пепельницы.

Но Пиляр досадливо махнул рукой, затем улыбнулся и снова стал ходить по кабинету и бросать окурки на пол. По-видимому, это вошло уже у него в привычку.

Обсуждая план операций нашей группы, я попросил Пиляра обеспечить ежедневную

[39] Наглядный пример внимания чекистского руководства к квалифицированной агентуре.
[40] При аналогичном поведении в советских тюрьмах заключенных ждало наказание.
[41] Пиляр находился в польской тюрьме с мая по декабрь 1919.

отправку валюты в Москву. Начальником фельдъегерского отдела в ГПУ Минска работал Иванов-Ханин, знакомый мне еще по работе в Смоленске в 1921 г.

– Алло, Ханин? – тут же позвонил ему по телефону Пиляр. – К нам из Москвы приехал товарищ Шрейдер!.. Ага, знаете уже. Ну так вот, договоритесь с ним и обеспечьте все что нужно. И смотрите у меня, чтобы все было в порядке, – сделав упор на последних словах, закончил разговор Пиляр.

Потом он вызвал своего заместителя, также моего старого знакомого по Минску в 1919 г. Залина (Левина) и начальника ЭКО ПП Белоруссии Жукова, с которым меня познакомил. Наша группа приступила к работе. Прежде всего, когда выяснилось, что в Белоруссии не было квалифицированной агентуры по выявлению валютчиков, пришлось начать с выявления лиц, связанных с валютным миром, наладить агентурную работу путем вовлечения в качестве осведомителей местных маклеров и скупщиков валюты и через них наладить изъятие и скупку валюты. Вскоре эта работа наладилась.

В период нахождения нашей группы в Белоруссии Иванов-Ханин ежедневно отправлял в Москву специального фельдъегеря с иностранной валютой и золотом, к которым прилагались соответствующие отчеты о проведенных операциях. Кроме того, я каждый день посылал в Москву шифрованные телеграфные отчеты.

Наладив работу в Минске и организовав скупку золота и валюты за пределами новой границы на территории бывшей белой Польши, согласно указаниям Москвы, я выехал для проверки работы по борьбе с валютчиками в города Витебск и Гомель. В этой поездке со мною был заместитель ПП Белоруссии Залин и начальник валютной группы ЭКО Цюрупа (?).

В Витебске начальником окружного отдела ГПУ был знакомый мне по Минску как начальник особого пограничного отделения № 3 Жан Рояльви[42]. Это был старый большевик, опытный чекист и человек большой культуры. Никто никогда не слышал, чтобы Жан Рояльви разговаривал с кем-нибудь в повышенном тоне. Между прочим, я в то время не знал, какой он был национальности. Тогда национальности не придавали никакого значения. (Только в 1960 г., побывав в Витебске, я узнал, что он был литовцем.)

Как нас информировал начальник ЭКО Витебского окружного отдела, у них имелась хорошая агентура, и она дела по изъятию валюты наладит. Тем не менее я попросил начальника ЭКО организовать мне в тот же день встречу с его агентами в разные часы. Через два-три часа он доложил, что связался с тремя агентами, которые будут на явочной квартире. Мы вместе с Залиным и начальником ЭКО направились на явочную квартиру, находившуюся в глубине какого-то двора на втором этаже, и уселись поджидать агентов. Само собой разумеется, что все мы были в штатских костюмах.

Окно в комнате было открыто, дело было летом. Минут через двадцать мы услышали громкий разговор:

– Скажите, пожалуйста, – спрашивал с сильным еврейским акцентом какой-то мужчина, – где здесь тайная квартира ГПУ?

Какая-то женщина ответила, что впервые слышит подобный вопрос и что таких квартир у них в доме нет. Насколько было возможно, я приблизился к окну и увидел старика еврея с черной бородой, который крутился по двору, вопрошая всех о «тайной квартире». На его громкий голос из квартир высыпали жильцы, некоторые выглядывали в окна, и все, недоумевая, подтверждали ему, что никакой тайной квартиры ГПУ они не знают. Нам, конечно, ничего более не оставалось, как переждать минут двадцать в квартире, а потом потихоньку убраться оттуда.

Начальник ЭКО за свою «замечательную» работу получил 10 суток ареста и вскоре

[42] **Рояльви (Ройяльви) Жан Вильевич (Вернерович)** (1892–1958, Москва). Капитан милиции (16.08.1936). Чл. компартии с 1918. Урож. Ковно, литовец, из рабочих. С 1921 в ВЧК-НКВД. В 1921–1923 – нач. пограничного особого отделения № 3 ГПУ Белорусской ССР (Минск). В 1923–1924 – нач. погранособотделения № 6 в местечке Койданово Минской обл., нач. 13-го Койдановского погранотряда ПП ОГПУ по Западному округу. В 1928 – нач. Витебского облотдела ПП ОГПУ по БелВО. В 1931 – пом. начальника оперсектора ОГПУ и член тройки. Награжден орденом Трудового Красного Знамени БССР (16.02.1928), знаком «Почетный работник ВЧК-ОГПУ (5)». На 1938 – нач. общего отдела УРКМ НКВД в Москве.

вообще был снят с работы. В связи с этим Залину и мне пришлось задержаться на несколько дней, чтобы наладить агентурную работу и помочь вновь назначенному товарищу.

На следующий день я попросил, чтобы ко мне пригласили знаменитого агента с черной бородой. При личном свидании с ним выяснилось, что это абсолютно безграмотный, очень бедный человек. Когда-то он получил от родственников из Америки незначительный денежный перевод, доллары продал, был задержан и в связи с этим дал согласие помогать органам выявлять валютчиков. Но после этого больше его никто не видел и он никого не видел. А в тот день, когда он был приглашен на явочную квартиру, к нему в полной форме пришел работник ЭКО и сказал, что он должен явиться по указанному адресу на прием. Старик был уверен, что «тайная квартира» вполне официальное учреждение, о котором должны знать все жильцы. Поэтому он открыто наводил справки о ее местонахождении во дворе. Мы, конечно, освободили его от обязанностей агента, проинструктировав о неразглашении случившегося.

В Гомеле дело обстояло лучше. Там начальником окружного отдела ГПУ был Карягин (позднее я встречал его в должности начальника АХО ГПУ Москвы и Московской области), начальником ЭКО был Кац[43], очень образованный по тому времени человек, энергичный чекист, хотя и беспартийный. С начальником одного из отделений СПО [А.П.] Радзивиловским я был уже немного знаком по Крыму. (Вскоре Радзивиловский был переведен в Москву и получил комнату в той же квартире, где жил и я, освобожденную Серафимом Арсатьянцем, братом [чекиста] Сергея.)

Начальником ИНФО в Гомеле был [П.С.] Симановский. (В период ежовщины он и Радзивиловский, оказавшиеся талантливыми фальсификаторами, были выдвинуты на должности начальников облуправлений НКВД.) Задерживаться в Гомеле не пришлось, и я вернулся в Минск, откуда, распрощавшись с Пиляром и другими товарищами, направился в Москву, так как все наши денежные и коммерческие операции были успешно закончены.

Начальник Финотдела ОГПУ Берензон[44], просмотрев мой отчет о работе в Белоруссии, выразил одобрение по поводу аккуратности и точности финансовых операций. В моем присутствии он позвонил по телефону зам. начальника ЭКУ Миронову и сказал:

– Молодец ваш валютный король. Ворочали там миллионами, и ни на одну копейку нет расхождения по отчетам.

(Берензон славился доскональным знанием финансового дела и невероятной оперативностью. Органами ОГПУ в один и тот же день был послан правительству рапорт об окончании строительства «Волго-канала» и финансовый отчет о нем. Рассказывали, что подобный, невиданный до сих пор случай поразил Сталина, который решил назначить Берензона заместителем наркома финансов. Менжинскому и другим руководящим работникам пришлось долго доказывать Сталину, что Берензон необходим для органов, так как его перевод в наркомфин может плохо отразиться на финансовых делах ряда важных строек, подведомственных ОГПУ.)

[43] **Кац Марк Исаевич** (1899–?). Чл. компартии с 1944. Уроженец г. Быхова Могилевской губ. В ВЧК-НКВД-МВД с 1920. Еврей, образование среднее. Работник ГПУ БССР. До мая 1935 – нач. отделения ЭКО УГБ НКВД Белорусской ССР, затем зам. нач. отдела мест заключения НКВД БелССР, мл. лейтенант ГБ (1937). С 1937 – инспектор при наркомвнудел БелССР. В январе 1938 снят и откомандирован в ГУЛАГ НКВД, пом. нач. Дальлага НКВД. До 1954 работал в системе лагерей; на апрель 1946 – зам. нач. Управления Нижне-Амурского ИТЛ МВД, майор. Награжден орденом Трудового Красного Знамени БелССР, орденами Красного Знамени и Ленина.

[44] **Берензон Лазарь Израилевич** (1898–1956). Дивинтендант (1936), ген.-майор интендантской службы (1943). Беспартийный. Из семьи биржевого маклера, еврей, окончил два курса юрфака Московского ун-та (1918). С апреля 1918 на разных должностях в финотделе НКВД РСФСР. В органах ГБ с 1920. С июля 1921 по июль 1934 – нач. финотдела ВЧК-ОГПУ СССР, одновременно в 1922–1930 – нач. финотдела НКВД РСФСР. С 1931 – нач. финотдела ГУМ и угрозыска при СНК РСФСР. С 1932 – нач. финотдела строительства канала «Москва-Волга» ОГПУ СССР, с июля 1934 – нач. финотдела НКВД СССР. В 1940–1941 – зам. нач. ГУЛАГа НКВД СССР, затем нач. финотдела НКВД СССР (до 1946). С 1947 – ст. инспектор при нач. тыла МВС СССР, с декабря 1949 уволен в отставку. Награды: ордена Красной Звезды (1933), Красного Знамени (1944), Ленина (1945), Трудового Красного Знамени (1945).

10. Акционерное общество «Гармония»

В районе Красной площади, не то на Ильинке, не то на бывшей Никольской (точно не помню), в 1928 г. находилось частное акционерное общество «Гармония». Председателем правления общества был армянин Амирагов. Он имел собственный особняк где-то на 3-й Тверской-Ямской (дом № 38), в котором, кроме его семьи, никто не жил. Особняк был окружен небольшим садиком.

Сам Амирагов был уже довольно старый человек, а жена у него (Маруся) была более чем на 20 лет моложе его, красивая русская девушка, блондинка. У них была маленькая девочка.

К нам поступили данные о том, что в акционерном обществе «Гармония» производятся баратные операции, т.е. перевод капиталов за границу. Операции эти нелегально могли производиться только через какое-либо иностранное посольство, следовательно, можно было предполагать, что тут имеет место и шпионаж.

Проверка полученных данных подтвердила, что члены акционерного общества «Гармония» скупают доллары, фунты стерлингов, шведские кроны, а также бриллианты и золото в монетах и изделиях. Предварительным расследованием была также установлена связь председателя правления Амирагова с французским посольством. После сбора всех этих материалов прокурор дал санкцию на арест Амирагова.

Во время обыска в квартире Амирагова ничего найдено не было, кроме облигаций советского займа, который тогда котировался наравне с золотом. Ни валюты, ни золота не нашли. Обыск производили Римский, Валентин Жуков, Володя Попов-Пузаков и я.

На допросах во время следствия Амирагов вел себя вызывающе. Он говорил, что считает свой арест недоразумением, ссылался на знакомство с товарищем Микояном, а когда его спрашивали о валюте и золоте, он категорически отрицал не только наличие чего-либо подобного у него дома, но и утверждал, что вообще никогда никакими валютными операциями не занимался.

В подтверждение своих слов он написал заявление в три адреса: нам следователям, руководству ОГПУ и Прокурору СССР примерно такого содержания:

«Если когда-нибудь у меня дома будет обнаружен хоть один доллар или золотая монета, то пусть меня расстреляют».

Не добившись никакого толку от Амирагова, я вызвал к себе в кабинет его жену. Мы поговорили с нею, что называется, по душам. Я начал убеждать ее, что улики против Амирагова настолько серьезны и неопровержимы, что мы все равно не успокоимся, пока не найдем валюту, и разъяснял ей, насколько сейчас валюта необходима советскому государству для восстановления народного хозяйства, для приобретения станков, машин, а скупать золото и валюту и переводить все это за границу – подлость по отношению к советским гражданам и к русским людям, и в этой подлости активное участие принимает ее старый муж.

– Я не верю, что вы любите мужа, – говорил я ей, – ведь он вам в отцы годится. Он просто купил вас, соблазнил деньгами. А зачем вам это? Вы молодая и красивая женщина, у вас все впереди. Если вы поможете нам раскрыть преступление, то вам с ребенком будут оставлены все советские деньги и облигации, принадлежащие вашему мужу (облигаций у Амирагова было найдено на очень крупную сумму), а валюту все равно придется отдать государству.

Жена Амирагова была неплохая женщина, и, как я, видимо, правильно угадал, мужа она не любила. Уж слишком большая была между ними разница в возрасте и, кроме того, он вообще был малоприятным человеком. В общем, в результате наших уговоров она сказала, что покажет нам место, где муж прячет валюту.

В тот же вечер я и Римский вместе с нею отправились на 3-ю Тверскую-Ямскую в особнячок к Амираговым, где мы ранее безуспешно производили обыск. Маруся провела нас прямо на чердак, и тут мы увидели, что в деревянных балках перекрытия были выдолблены четырехугольные гнезда, прикрытые тонким слоем дерева, в которых находились свертки и

коробки с долларами, шведскими кронами и другой валютой, а также масса бриллиантов, золотых монет и других драгоценных изделий. Одной валюты было найдено на чердаке около полумиллиона в долларовом исчислении.

В одной из коробок с драгоценностями была обнаружена расписка какого-то сотрудника французского посольства в получении от Амирагова очередной партии валюты для переотправки за границу. Мы тут же составили акт и сдали всю валюту и ценности в Финотдел, а коробки из-под валюты я взял с собою. Возвратившись к себе в кабинет, я вызвал Амирагова к себе:

– Ну так что же, Амирагов, вы по-прежнему настаиваете на том, чтобы вас расстреляли, если мы найдем хоть несколько долларов у вас в доме? – спросил я.

Он ответил утвердительно и в подтверждение своих слов написал еще одно, четвертое по счету заявление примерно с тем же текстом, что и три первых. Тогда я приоткрыл ящик письменного стола и вынул сначала одну, затем вторую и третью коробки из-под валюты. Амирагов замер на полуслове, все понял и зарыдал. Игра была проиграна. Он тут же назвал всех членов акционерного общества, занимающихся скупкой валюты и драгоценностей.

Наши работники произвели обыски, во время которых у каждого из названных членов общества было обнаружено по несколько десятков тысяч долларов и другие ценности. Амирагов признался, что за перевод валюты за границу французская разведка требовала с него соответствующей компенсации в виде интересующих разведку сведений, которые он и передавал через одного из сотрудников посольства.

После признания Амирагова я отправился к заместителю председателя ОГПУ [С.А.] Мессингу доложить об этом деле. Выслушав мой доклад, он с возмущением воскликнул:

– Вот сволочь какая! Ну что ж, я – за расстрел. Таких гадов надо стрелять.

Затем я отправился к Прокурору СССР Рубену Павловичу Катаньяну:

– Ну, Рубен Павлович, сегодня я к вам, как говорится, с самым смаком, – еще с порога начал докладывать ему я, – валютчик, шпион и, увы, ваш соотечественник, армянин.

– Что ты говоришь? – с деланным возмущением заговорил Катаньян, – неужели у армян бывают такие мерзавцы?

– Как же, Рубен Павлович. Ведь недаром говорят, что там, где пройдет один армянин, десяти евреям делать нечего.

Разбирая материалы следствия и увидев, что, кроме заявления, адресованного на его имя, есть еще три таких же заявления Амирагова с просьбой расстрелять его, Рубен Павлович сказал:

– Ну раз человек так просит, то надо уважить. Четыре раза расстрелять, конечно, трудно, но один раз сделаем.

И написал резолюцию: «Расстрелять»[45].

Несколько позднее от заместителя председателя ОГПУ Мессинга я узнал, что когда он рассказал об этом деле Анастасу Ивановичу Микояну, на которого в период следствия неоднократно ссылался Амирагов, Микоян, выслушав рассказ, сказал:

– Да, я знаю такого. Большая сволочь и жулик. Правильно сделаете, если расстреляете[46].

Акционерное общество «Гармония» как спекулянтское было распущено, имущество конфисковано, а члены правления, занимавшиеся спекуляцией валютой, осуждены на разные сроки. На деньги, переведенные за границу, Амирагов дал нам договоренность, и они впоследствии были возвращены в Государственный банк СССР.

Жене Амирагова и девочке была оставлена очень большая сумма денег и облигаций золотого займа. Когда я пришел к заместителю начальника ЭКУ Миронову подписывать решение об этом, он с сомнением покачал головой:

[45] Характерная черта внесудебной юстиции – для казни достаточно резолюции высокопоставленного чиновника, представляющего контрольный государственный орган.

[46] Очередное свидетельство влияния партийно-государственных чиновников на решения судебных и внесудебных инстанций. Фамилия Амирагова в списках реабилитированных не обнаружена.

– Это невозможно. Такую огромную сумму оставлять жене и одному ребенку. Ведь она молодая женщина, будет работать.

– Ей было обещано нами за оказанную помощь оставить все облигации и деньги, – разъяснил я.

– Ну раз обещано, ладно уж… Но все-таки очень уж много, – повторил Миронов, со вздохом визируя решение.

(В 1964 или 1965 г. я встретился у друзей с женой одного из руководящих работников ОГПУ того времени. Услышав от меня рассказ о деле Амирагова, она сказала, что несколько раз бывала в особняке на 3-й Мещанской у Маруси Амираговой, где собирались большие и веселые компании, и бывала, кроме нее, жена еще одного из сотрудников ОГПУ. Надо полагать, Амирагов пытался привлечь в свою компанию сотрудников ОГПУ, чтобы в случае чего иметь там приятелей.)

В период, когда следствие по делу Амирагова только начиналось, как-то вечером к нам в отделение зашел оперуполномоченный другого отделения ЭКУ Ефим Гуров. Он поинтересовался, как идет следствие, и как бы между прочим сказал, что Амирагов неплохой парень и вряд ли наши агентурные данные имеют серьезные обоснования. Затем через несколько дней, придя вторично, он опять поинтересовался, как идет следствие по делу Амирагова и какие тот дает показания, о чем рассказывает.

Мне и Римскому показался немного странным его повышенный интерес к Амирагову, но тогда мы не придали этому значения. Каково же было наше удивление, когда в конце следствия, после того как судьба Амирагова была уже предрешена, он, пытаясь полной откровенностью добиться смягчения приговора, начал рассказывать историю своих финансовых успехов, связанных с Гуровым. Оказывается, еще в первые годы нэпа Амирагов открыл в Москве табачный магазин. Ему удалось завязать знакомство с тогдашним руководящим работником Моссельпрома Гуровым, у которого он за взятки получал большое количество самых лучших сортов табака. Это и дало Амирагову возможность сколотить капиталец и позднее подниматься все выше и выше, дойдя до председателя акционерного общества «Гармония».

И вот перед нами встал вопрос о необходимости немедленного разоблачения как взяточника в прошлом оперуполномоченного ЭКУ Гурова, да к тому же еще любимца начальника ЭКУ Прокофьева. Тем не менее я не мог допустить, чтобы взяточник оставался в органах. Придя к Прокофьеву с докладом по делу Амирагова, я рассказал и о показаниях, данных Амираговым на Гурова.

Прокофьеву мое сообщение явно пришлось не по душе и он всячески пытался уговорить меня не придавать этому делу гласности, говоря, что все это, вероятно, сильно преувеличено и относится к давнему времени, и приводил другие, в этом же роде малосостоятельные доводы.

Видя, что я не в силах лично убедить Прокофьева в необходимости принять меры в отношении Гурова, я выступил на общем партийном собрании ОГПУ, где рассказал о деле Амирагова и его показаниях, и, что называется, с высокой трибуны объявил, что Гуров в прошлом взяточник и недостоин оставаться в органах, а начальник ЭКУ Прокофьев, руководствуясь какими-то дружескими связями, покрывает Гурова и не хочет сделать из наших материалов соответствующих выводов. После меня выступил ряд работников ЭКУ, в том числе секретарь парторганизации А.П. Рыбкин, которые горячо меня поддержали.

По окончании собрания, при выходе из клуба, Прокофьев подошел ко мне, подхватил под руку и, провожая вниз по Кузнецкому, начал говорить, что я не так его понял, что он и сам хотел расправиться с Гуровым, но мне не надо было выступать так резко и откровенно. Затем Прокофьев рассказал, что в период гражданской войны Гуров был председателем ревтрибунала и хорошим коммунистом, и он, Прокофьев, работал вместе с ним.

– И знаете, если уж быть до конца откровенным, ведь это я рекомендовал Гурова в органы, – доверительно добавил он.

– Георгий Евгеньевич, – решительно возразил я, – если бы я даже знал, что Гуров ваш ставленник, я все равно выступил бы.

Прокофьев отпустил мою руку и, отступив от меня, серьезно посмотрел мне в лицо:

– Ну и анархист же вы!.. Но, хотя разоблачая Гурова, вы задели и меня, все же вы молодец, что так смело и принципиально отстаиваете свою точку зрения.

После этого партсобрания Гуров получил какое-то взыскание и был снят с работы в органах. Однако он ничего не проиграл на этом деле, потому что тут же попал в помощники к Н.А. Булганину[47] в Моссовет. Оказалось, что Булганин также в прошлые годы был связан по работе с Гуровым и взял его под свое крылышко. И хотя мое выступление помогло убрать Гурова из органов, все же не пресекло его успешной карьеры на другом не менее важном государственном поприще.

Много лет спустя, в 1954–1955 гг., когда Гуров, как и многие другие, возвратился из лагеря, где отбывал наказание (не знаю за что и по какой статье), Н.А. Булганин, бывший в то время председателем Совета министров, устроил ему прекрасную квартиру на ул. Горького, хорошую пенсию и прочие блага. Старое знакомство и здесь выручило и поставило в особо выгодные условия «невинно пострадавшего», хотя этот человек запятнал себя еще в первые послереволюционные годы позорным клеймом взяточника.

Архив НИПЦ «Мемориал» (Москва). Ф. 2. Оп. 2. Д. 100. Л. 323–369.

[47] **Булганин Николай Александрович** (1895–24.02.1975, Москва). В 1931–1937 – председатель исполкома Моссовета. В 1955–1958 – председатель Совмина СССР.

Н.Н. Аблажей
А.Т. Казбекова*

МЕЖДУ ССЫЛКОЙ И РЕПАТРИАЦИЕЙ: ВАЙНАХИ И ХРУЩЕВСКАЯ «ОТТЕПЕЛЬ»

doi:10.31518/2618-9100-2022-6-18
УДК 821.161.1

Выходные данные для цитирования:
Аблажей Н.Н., Казбекова А.Т. Между ссылкой и репатриацией: вайнахи и хрущевская «оттепель» // Исторический курьер. 2022. № 6 (26). С. 251–276. URL: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-6-18.pdf

N.N. Ablazhey
A.T. Kazbekova*

BETWEEN EXILE AND REPATRIATION: VAINAKHS AND THE KHRUSHCHEV “THAW”

doi:10.31518/2618-9100-2022-6-18

How to cite:
Ablazhey N.N., Kazbekova A.T. Between Exile and Repatriation: Vainakhs and the Khrushchev “Thaw” // Historical Courier, 2022, No. 6 (26), pp. 251–276. [Available online: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-6-18.pdf]

Abstract. The consequences of deportation, exile and repatriation as an example of the Soviet migration policy are analyzed in this paper based on the data referring to the Chechen and Ingush people. Total deportation and the twelve-years exile turned out to be counterproductive measures, as they led to ethnic consolidation and allowed the “punished people” to resist not only foreign cultural influence, but also Sovietization. In the context of liberalization and the rejection of mass repression, the authorities tried to return the Vainakhs to the Soviet system restoring their national autonomy and allowing repatriation to the historical homeland. The authors attempt illustrating the updated paradigm of the dialogue between the authorities and the ethnic group, and the boundaries of the communicative space. The publication brings into the field of research two documents from the thematic case on the return of the Chechen-Ingush population to the CHI ASSR (Chechen-Ingush Automous Soviet Socialist Republic) in 1957, deposited in the fonds of the Central Committee of the Communist Party of Kazakhstan and stored in the Archive of the President of the Republic of Kazakhstan.

Keywords: Vainakhs, deportation, repatriation, the Khrushchev “Thaw”.

The article has been received by the editor on 10.11.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. На примере советской миграционной политики по отношению к чечено-ингушскому населению анализируются последствия депортации, ссылки и репатриации. Тотальная депортация и двенадцатилетняя ссылка оказались контрпродуктивными мерами, поскольку привели к этнической консолидации и позволили «наказанному народу» противостоять не только инокультурному влиянию, но и советизации. В условиях линии на либерализацию и отказа от массовых репрессий власть попыталась вернуть вайнахов в советскую систему, пойдя по пути восстановления национальной автономии и разрешив репатриацию на историческую родину. Предпринята попытка проиллюстрировать обновленную парадигму диалога власти с этносом и границы коммуникативного про-

* **Наталья Николаевна Аблажей,** доктор исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: ablazhey@academ.org
Natalia Nikolaevna Ablazhey, Doctor of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Novosibirsk, Russia, e-mail: ablazhey@academ.org
Айнур Татимбековна Казбекова, магистр истории, Восточно-Казахстанский университет им. С. Аманжолова, Усть-Каменогорск, Казахстан, e-mail: akasbekova2008@mail.ru
Ainur Tatimbekovna Kazbekova, Master of History, East Kazakhstan University named after S. Amanzholov, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan, e-mail: akasbekova2008@mail.ru

странства. Публикация вводит в научный оборот два документа из тематического дела о возвращении чечено-ингушского населения в ЧИАССР в 1957 г., отложившихся в фонде ЦК КП Казахстана и хранящихся в Архиве Президента Республики Казахстан.

Ключевые слова: вайнахи, депортация, репатриация, хрущевская «оттепель».

Статья поступила в редакцию 10.11.2022 г.

Введение. Ссылка превратила вайнахов в «этнический монолит»[1]. Этническая консолидация достигла своего пика в 1956–1957 гг. и совпала с ликвидацией системы спецпоселений и началом процесса реабилитации. Власть смогла вернуть депортированных вайнахов в сферу влияния советской системы, пойдя по пути восстановления автономии и разрешив вернуться на историческую родину. В данной публикации мы попытались не только проанализировать последствия депортации и ссылки, описать процессы освобождения и репатриации чечено-ингушского населения на историческую родину, но и на конкретных примерах показать, какие доводы использовала власть, обращаясь к «наказанному», а затем «помилованному» народу, и насколько убедительными оказались ее аргументы. Публикация вводит в научный оборот два документа из тематического дела о возвращении чечено-ингушского населения в ЧИАССР в 1957 г., отложившихся в фонде ЦК КП(б)К из Архива Президента Республики Казахстан. Документы иллюстрируют события 8–15 июня 1957 г., связанные с приостановкой программы возвращения в Чечено-Ингушетию и введением временного запрета на выезд из Казахстана бывших спецпоселенцев из числа чеченцев и ингушей. Документы публикуются впервые.

Депортация вайнахов. Депортацию вайнахов (чеченцев и ингушей) исследователи относят к числу так называемых депортаций возмездия. Официальной причиной выселения стало обвинение в активном участии в террористическом движении против Советов и Красной армии, хотя территория Чечено-Ингушской автономии лишь частично оказалась в зоне немецкой оккупации. Депортация осуществлялась согласно «Инструкции о порядке проведения выселения чеченцев и ингушей», изданной НКВД СССР 29 января 1944 г., и двух постановлений ГКО от 31 января 1944 г., посвященных чеченцам и ингушам и их выселению в Киргизию и Казахстан. 11 февраля 1944 г. вопрос о депортации чеченцев и ингушей рассматривался на Политбюро ЦК ВКП(б), и к выселению было намечено 459 тыс. чел. Депортация началась 23 февраля и закончилась 2 марта 1944 г., общее число высланных составило 494,5 чел. Несколько дней спустя, 7 марта 1944 г., Чечено-Ингушская АССР была ликвидирована. В течение 1944 г. контингент высланных пополнили 57 тыс. чел., демобилизованных из Красной армии. На начало 1945 г. на спецпоселении насчитывалось 440,5 тыс. чеченцев и ингушей, спустя год – уже 337 тыс., на сентябрь 1947 г. – 317,4 тыс., на сентябрь 1949 г. – около 307 тыс. чел.[2] Столь резкое уменьшение численности было вызвано прежде всего сверхсмертностью. Тем не менее спустя десятилетие численность чечено-ингушского населения возросла до 524,7 тыс. чел.[3]

По планам основной территорией вселения депортированного вайнахского населения должен был стать Казахстан. Республике предстояло принять 400,6 тыс. депортированных, на деле в республику прибыло почти 407 тыс. чел.[4] Контингент разместили по всей территории республики, преимущественно в северных и северо-восточных областях[5]. Если на начало

[1] *Козлов В.А., Козлова М.Е., Бенвенути Ф.* Парадоксы этнического выживания: сталинская ссылка и репатриация чеченцев и ингушей после Второй мировой войны (1944 – начало 1960-х гг.). СПб., 2016. С. 99.
[2] Данные статистики по: *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2003. С. 105, 134.
[3] Данные приведены по: *Бугаев А.М.* Население и территория Чечено-Ингушской АССР в 60-е – 80-е гг. XX века // Вестник Калмыцкого университета. 2017. № 33 (1). С. 9.
[4] Архив Президента Республики Казахстан (АПРК). Ф. 708. Оп. 10. Д. 1855а. Л. 29.
[5] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.Р-9479. Оп. 1. Д. 182. Л. 234–234 об.

1949 г. на учете числилось 302 тыс. чел., то к началу 1953 г. в республике проживало 244,7 тыс. чеченцев и 80,8 тыс. ингушей[6]. Общим итогом массовой ссылки стало резкое изменение этнической структуры населения Казахстана: 15 % от общей численности населения республики приходились на ссыльных.

Образ кавказцев и иерархия спецпереселенческого социума. Еще до прибытия вайнахского контингента власти способствовали формированию негативного социально-психологического фона вокруг выселенцев с Кавказа. В разъяснениях руководителям принимающих регионов указывалось: *«Во избежание неправильных толкований причин переселения с Северного Кавказа в Казахстан чеченцев и ингушей и пресечения возможных попыток распространения переселенцами провокационных слухов, необходимо учесть следующее: чеченцы и ингуши переселены в Казахстан по Указу Президиума Верховного Совета СССР в связи с тем, что в период Отечественной войны и особенно во время нахождения немецко-фашистских войск на Кавказе многие чеченцы и ингуши изменили Родине и перешли на сторону немецких оккупантов, вступили в ряды диверсантов и разведчиков, забрасываемых немцами в тыл Красной Армии для подрывной работы. Создали при поддержке немцев вооруженные банды для борьбы с Советской властью... До войны многие чеченцы и ингуши на протяжении ряда лет участвовали в вооруженных выступлениях против Советской власти и в течение продолжительного времени, будучи не заняты честным трудом, совершали бандитские налеты на колхозы соседних областей, грабя и убивая людей. Советское правительство, наказывая за подобные действия чеченцев и ингушей, решило переселить их в Казахстан, поставив перед ними задачу честным трудом искупить свою вину перед народом Советского Союза»*[7]. В соответствии со спущенной установкой местное население должно было воспринимать чеченцев как «опасный» и «неблагонадежный» этнос.

В отношении высланных были сформированы отрицательные ценностные оценки, усиливающие тревогу, опасения, недоверие, нетерпимость, поданные преимущественно в политическом ключе. По сути, налицо был этнополитический стереотип, служивший обоснованием дискриминации на основании политической нелояльности. Отрицательные установки по отношению к чеченцам первоначально ассоциировались в принимающем обществе с воображаемой угрозой. Циркулировавшие в местном сообществе накануне прибытия чеченцев и ингушей слухи были самыми разными: от ожидания диверсий и террора по отношению к местному населению до принудительного выселения этого населения из республики на Кавказ[8]. Согласно многочисленным свидетельствам самих депортированных, первоначально их воспринимали именно в качестве «врагов» и «предателей».

За годы ссылки трансформация образа, безусловно, имела место. Для титульного населения республики немаловажную роль в изменении отношения к ссыльным сыграли ценности традиционного общества и ислама. Но в целом для принимающего социума было характерно не снижение, а, скорее, смещение напряженности, обусловленное появлением значительной массы лиц иной этнической принадлежности, что априори должно было привести и реально привело к росту конфликтности. Чеченцы оказались крайне неспокойным спецконтингентом, к тому же, в силу низкой степени интеграции в советскую систему, плохо поддавались «перевоспитанию». Нелояльность проявлялась в сопротивлении спецконтингента мероприятиям власти и находила свое выражение в побегах, росте преступности, усилении религиозности, антисоветской риторике.

Тотальная депортация этноса, имевшего собственную национальную автономию республиканского уровня, понизила его статус до дискриминированного нацменьшинства. Обеспечение режима ссылки для целого народа, опираясь на насилие, было возможно лишь частично. В значительной степени подобный режим стал возможен за счет использования системы «самонадзора», которая обеспечивалась не столько бывшими силовиками и советско-партийным активом, сколько лицами, имевшими авторитет среди сородичей.

[6] *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР… С. 213.
[7] Государственный архив Восточно-Казахстанской области (ГАВКО). Ф. 130-п. Оп. 22. Д. 11. Л. 6.
[8] ГАВКО. Ф. 130-п. Оп. 22. Д. 171. Л. 8.

Система гласного надзора (так называемые десятидворки) у чеченцев продолжала функционировать и после освобождения, что позволяло оперативно доводить информацию до населения. Система работала двояко: с одной стороны – позволяла обеспечить режим, а с другой – способствовала самосохранению этноса.

Внутри чеченского спецпоселенческого социума существовала своя иерархия. Здесь сложилась достаточно сложная структура власти, ключевые позиции в которой заняли старейшины, мусульманское духовенство, фронтовики и советско-партийная элита. Власть пыталась использовать всех этих ключевых игроков для внедрения в среду спецпоселенческого социума нужной идеологии, но изменить традиционное чеченское общество не смогла. По компетентному мнению МГБ, за время ссылки тейповые связи еще сильнее укрепились, внутренняя жизнь сообщества по-прежнему шла по адату, которому подчинялись все – интеллигенция, молодежь и даже коммунисты[9]. Что касается коммунистов, то первоначально они оказались интегрированы в местную партийную систему, хотя их доля составляла всего 0,7 % от численности компартии Казахстана[10]. К концу 1940-х гг. статус коммунистов из числа ссыльных резко понизился из-за запрета на занятие ими руководящих должностей. Основная роль советско-партийного актива свелась к идеолого-пропагандистской работе. Прием в партию и комсомол полностью прекратился к концу 1940-х гг. и возобновился лишь с середины 1950-х гг. В условиях реализации линии на восстановление автономии национальная, пусть и немногочисленная партийная и советская элита смогла первой получить право на освобождение, выехать на родину и встроиться во властные структуры.

Основной причиной высылки вайнахов была нелояльность по отношению к центральной власти, поэтому как репрессивная мера ссылка должна была обеспечить в первую очередь ускоренную советизацию и разрушение традиционного общества. Результаты оказались прямо противоположными. В местах расселения сложились этнические анклавы и общины, ставшие, по сути, альтернативой советской системе. Произошла консервация родовых отношений и всплеск этнического самосознания, что способствовало этнической консолидации и позволило «наказанному народу» противостоять не только инокультурному влиянию, но и советизации.

Освобождение и восстановление автономии. Вопрос о «целесообразности дальнейшего сохранения во всей полноте» системы административной ссылки начал обсуждаться руководством страны с весны 1953 г. Проект реформы был предложен МВД СССР, в ведении которого находилась система спецпоселений. Формально все депортированные были поделены на две большие группы: первые – это высланные до войны и советские немцы, вторые – это контингенты военного и послевоенного времени. В соответствии с этим делением высланные с Кавказа попадали только во вторую волну освобождения. К началу 1954 г. руководство страны уже осознавало, что «ГУЛАГ – не наш идеал», но упразднить его одномоментно считало невозможным. В феврале 1954 г. решение вопроса по системе спецпоселений было возложено Президиумом ЦК КПСС на специальную комиссию, которая взаимодействовала и с МВД, и с руководством регионов ссылки. В ходе работы Комиссии было озвучено предложение оставить переселенцев с Кавказа в ссылке еще на пять лет, что отодвигало их освобождение на конец десятилетия.

Для регионов, где оказались сконцентрированы большие контингенты ссыльных, сроки и темпы освобождения имели большое значение. Предложенный МВД СССР график освобождения предполагал снятие с учета спецпоселения значительной части спецконтингента уже в первую волну. Однако секретарь ЦК Казахской СССР П.К. Пономаренко выступил против резкой ликвидации системы спецпоселений, аргументируя свою позицию как экономическими, так и политическими причинами. Власти Казахстана рассчитывали, что приблизительно 550 тыс. бывших ссыльных в республике останется, демонтаж системы спецпоселений отодвигался. При этом желание депортированных остаться в местах ссылки явно преувеличивалось.

[9] *Козлов В.А., Козлова М.Е., Бенвенути Ф.* Парадоксы этнического выживания… С. 46.
[10] АПРК. Ф. 708. Оп. 9. Д. 1249. Л. 22.

Высокая миграционная активность вайнахов проявилась еще в начале 1950-х гг. Республиканские власти были крайне обеспокоены неконтролируемой миграцией и неоднократно обращались в Москву с предложением, исходя из «интересов государственной и общественной безопасности», провести отселение вайнахов в районы первоначального вселения, что, по сути, означало бы повторную депортацию, в которую могло попасть около 40–60 тыс. чел.[11] Послабления в режиме произошли в 1953–1954 гг., и одним из важнейших стало право ссыльных на территориальную мобильность внутри региона вселения. Это сразу повлияло на миграционную ситуацию в Казахстане: обозначилась тенденция к переезду людей на юг республики, а также в крупные города и поселения вдоль железной дороги. Республиканское МВД пыталось ограничить вторичную миграцию спецпоселенцев, но полностью контролировать ситуацию уже не могло.

Поэтапное освобождение ссыльных началось с 1954 г., и первыми освободили советских немцев. «Наказанные народы», высланные в годы войны, начали снимать с учета в декабре 1955 г. В списке на освобождение чеченцы, ингуши и карачаевцы оказались последними, указ об их освобождении был принят Президиумом Верховного Совета СССР лишь 16 июля 1956 г. Примечательно, что в отношении репрессированных народов Кавказа оно носило массовый характер: к середине 1956 г. с учета сняли почти половину ссыльных чеченцев и ингушей (46 и 54 % соответственно). В итоге к моменту принятия указа об освобождении 16 июля 1956 г. в Казахской ССР продолжало оставаться только 141,7 тыс. чеченцев и 36,8 тыс. ингушей[12].

Власть, изменив статус «наказанных народов» на «помилованных», продолжала утверждать, что тотальное выселение было продиктовано «государственной необходимостью». Лишь в постановлении ЦК КПСС от 24 ноября 1956 г. «О восстановлении национальной автономии калмыцкого, карачаевского, балкарского, чеченского и ингушского народов» констатировалось, что *«…массовое выселение целых народов не вызывалось необходимостью и не диктовалось военными соображениями, а было одним из проявлений чуждого марксизму-ленинизму культа личности, грубым нарушением основных принципов национальной политики нашей партии»*[13].

Реформа спецпоселенческой системы актуализировала вопрос о воссоздании автономий, в том числе и Чечено-Ингушской. Рассматривался проект создания таковой на территории Киргизии и Казахстана или в пределах прежней этнической территории. Серьезные опасения вызывало то, что в случае воссоздания автономии на Кавказе неизбежно последует территориальное размежевание, а следствием массовой репатриации станет перенаселенность ряда территорий, что обострит этнополитическую ситуацию в регионе. В плоскость практических решений планы восстановления национальных автономий на Кавказе перешли в июне 1956 г., когда по инициативе Н.С. Хрущева была создана комиссия под председательством А.И. Микояна. Уже 12 июня 1956 г. вайнахской делегации удалось встретиться с Микояном в Кремле, в ходе которой обсуждалось положение депортированных народов и было передано обращение на имя Хрущева с просьбой разрешить вернуться на Кавказ и восстановить автономию в прежних границах[14]. Таким образом, массовые обращения к власти представителей «наказанных народов» оказались не напрасны. Комиссия Микояна к середине ноября 1956 г. подготовила рекомендации, на основании которых ЦК КПСС принял постановление «О восстановлении национальной автономии калмыцкого, карачаевского, балкарского, чеченского и ингушского народов». 12 декабря 1956 г. Президиум ЦК КПСС принял решение о восстановлении Чечено-Ингушской автономии, ее территориальные рамки были согласованы на заседании Президиума ЦК КПСС 5–6 января 1957 г. 9 января 1957 г.

[11] См. подробнее: *Аблажей Н.Н.* Кампания внутренней передислокации спецпоселенцев в начале 1950-х гг.: нереализованная директива // Знать, чтобы не забыть: тоталитарная власть и народ в 20 – начале 50-х годов XX века: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (30–31 мая 2014 г.). Усть-Каменогорск, 2014. С. 37–48.

[12] *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР… С. 252–253.

[13] *Ибрагимов М.М.* Чеченцы: выселение, выживание, возвращение. Грозный, 2015. С. 224.

[14] Подробнее см.: *Бугаев А.М.* Восстановление ЧИАССР: начальный этап (1956–1958 годы) // Вестник Академии наук Чеченской республики. 2009. № 1 (10). С. 65.

Президиумы Верховных Советов СССР и РСФСР приняли серию решений административно-территориального характера в отношении автономий репрессированных народов Кавказа, в том числе Чечено-Ингушской, которые фактически снимали запрет на возвращение на Кавказ.

Репатриация. В качестве одной из причин восстановления Чечено-Ингушской автономии стало массовое возвращение. Желание и надежда вернуться на Кавказ никогда не покидали чеченцев (официально выезд на Кавказ был запрещен до весны 1957 г., поскольку указ об освобождении со спецпоселения от 16 июля 1956 г. не давал права на возвращение). Несмотря на запрет, только за декабрь 1956 г. на Кавказ выехало около 11 тыс. чел.[15] Новая волна началась весной 1957 г. Отток усилился, несмотря на то, что власти Казахстана приняли в середине апреля программу по закреплению чечено-ингушского населения в республике.

Указ от 9 января 1957 г. формально снял запрет на возвращение. В условиях несанкционированного выезда процессу репатриации пытались придать плановый характер. Вопросами переселения вайнахов из Казахстана и Киргизии занималось сразу несколько структур: Советы министров и ЦК компартий Казахской и Киргизской ССР, Чечено-Ингушский обком КПСС, Главное управление переселения и организованного набора рабочих при Совете Министров РСФСР. Особую роль в организации выезда сыграл Организационный комитет по Чечено-Ингушской АССР, начавший работу с января 1957 г. под руководством бывшего спецпоселенца фронтовика М.Г. Гайрбекова, впоследствии назначенного Председателем Совета Министров ЧИАССР[16]. В компетенцию Оргкомитета входил широкий круг вопросов, связанных с формированием государственных структур автономии и возвращением населения. Работа по репатриации стартовала с марта 1957 г. Одним из первых шагов в рамках программы возвращения стал учет чечено-ингушского населения. Репатриация базировалась на принципе добровольности, предполагавшей, что все желающие могут остаться. Для организации работ по учету, выдаче удостоверений (разрешений на въезд) и отправке чечено-ингушского населения в каждую область был командирован представитель оргкомитета ЧИАССР. К началу репатриации в Казахской ССР численность чечено-ингушского населения составляла 366,7 тыс. чел. В течение года планировалось организовать выезд 170,8 тыс. чел.[17] Право на первоочередной выезд получили партийцы, актив, специалисты и передовики. Планировалось вывозить людей и имущество спецэшелонами по железной дороге (что напоминало о том, как проходила депортация).

Переселение чеченцев и ингушей на Кавказ планировалось провести за четыре года и завершить его в 1960 г., что выглядело весьма символично в связи с 40-летием установления советской власти в Чечено-Ингушетии. На деле организация переселения явно запаздывала. В соответствии с планом, утвержденным 21 февраля 1957 г. Совмином РСФСР, в 1957 г. предусматривалось переселить 17 тыс. семей (или 80 000 чел.). Однако цифры скорректировали в сторону увеличения, при этом если формальное количество удостоверений на въезд семей увеличили всего на пару тысяч, то количество фактически переселенных людей оказалось вдвое выше. Кроме того, чеченцы и ингуши не стали ждать «команды на возвращение», в отличие от других «наказанных» народов, которые вели себя более «законопослушно»[18]. Возвращение скорее напоминало массовое бегство. По официальным данным, на июль 1957 г. в ЧИАССР прибыло 132 тыс. чел.[19] На долю чеченцев и ингушей пришлось почти 60 % от численности населения, принадлежавшего к народам, которым восстановили автономию и разрешили вернуться. К концу года численность возвратившихся вайнахов составила более 48 тыс. семей, или около 200 тыс. чел.[20]

---

[15] *Ибрагимов М.М.* Чеченцы: выселение, выживание, возвращение… С. 225.
[16] Восстановление Чечено-Ингушской АССР (1953–1962): сб. док-тов и мат-лов. Нальчик, 2013. Т. 1. С. 18–19.
[17] АПРК. Ф. 708. Оп. 30. Д. 449. Л. 63.
[18] *Козлов В.А., Козлова М.Е., Бенвенути Ф.* Парадоксы этнического выживания… С. 61.
[19] Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в.). М., 2011. С. 896 (со ссылкой на: ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 7. Д. 9230. Л. 34).
[20] *Бугаев А.М.* Население и территория Чечено-Ингушской АССР… С. 8.

Власти рассчитывали сделать из восстановленной Чечено-Ингушетии полиэтничную территорию. Дело в том, что в районах тотальных этнических депортаций широко практиковались компенсаторные миграции, когда за место выехавшего населения в регион вселяли представителей других этнических групп. Подобные вселения носили как добровольный, так и добровольно-вынужденный характер. Территория бывшей Чечено-Ингушетии за короткий промежуток времени оказалась заселена переселенцами из России, Украины, Молдавии, Армении, Дагестана и Осетии. При условии возвращения в республику всех чеченцев и ингушей могло произойти удвоение численности населения, что, безусловно, повлекло бы за собой не только проблему с приемом, размещением и трудоустройством, но грозило конфликтами на национальной почве. На деле после прибытия первой волны переселенцев начался отток русского населения из республики. Возвратные переселения осуществлялись также в Дагестан и Осетию.

Не успев начаться, репатриация была спешно свернута. Первый тревожный звонок прозвенел еще в апреле, когда от МВД и парторганизации Грозненской области в ЦК была направлена информация об обострении ситуации в Чечено-Ингушетии в связи с несанкционированной миграцией. Параллельно с разворачивающейся репатриацией началась корректировка миграционной политики. В начале июня Оргкомитету по ЧИАССР, ЦК компартий Казахстана и Киргизии было дано указание временно приостановить возвращение чеченцев и ингушей на территорию ЧИАССР до весны 1958 г. На рассмотрение правительства РСФСР был вынесен проект решения о введении на территории Чечено-Ингушской АССР особого паспортного режима. Следуя указаниям из центра, 8 июня 1957 г. бюро ЦК КП Казахстана приняло решение о приостановке выезда из республики[21]. На этот момент республику успели покинуть 114,6 тыс. чел., выезда ожидали еще 66,8 тыс. чел., из которых 31,8 тыс. чел.[22] уже находились на железнодорожных станциях и ожидали погрузки. Было принято решение всех, кто не успел выехать в ЧИАССР, принудительно вернуть в места прежнего проживания. На деле вернули не менее 30 тыс. чел. Только 3 тыс. чел. смогли выехать в августе, приоритетом пользовались члены разобщенных семей, молодежь, выезжавшая на обучение, лица, отзываемые в ЧИАССР на постоянную работу[23]. Затем вновь последовали указания «ни под каким предлогом не разрешать выезд чеченцам и ингушам за пределы Казахской ССР»[24].

Только в октябре 1958 г. власти автономии запросили разрешение на въезд в республику 11,5 тыс. семей и 3,5 тыс. чел. из разъединенных семей[25]. До конца 1958 г. в республику должно было приехать около 50 тыс. чеченцев и ингушей[26]. В 1958 г. вернулись на родную землю и поселились на прежних местах жительства 201,7 тыс. чел.[27] На выборах в Верховный Совет автономии в марте 1958 г. уже 44 % избирателей составляли представители титульных национальностей. Параллельно с репатриацией проводилась линия на «закрепление» чечено-ингушского населения в Казахстане и Киргизии. Перепись 1959 г. зафиксировала достаточно широкую географию расселения чечено-ингушского населения в СССР: в Чечено-Ингушской АССР числилось почти 292 тыс. чел., в Дагестанской и Северо-Осетинской АССР – более 20 тыс. (неполные данные), в других регионах РСФСР – около 8 тыс., в Казахской ССР – 178 тыс. чел., в Киргизской ССР – почти 27 тыс. чел.[28]

В сентябре 1960 г. СМ РСФСР принял предложение властей ЧИАССР продлить репатриацию до 1963 г.[29] Репатриация была официально завершена в 1963 г. Общая численность вернувшихся на родину вайнахов составила 468 тыс. чел.

---

[21] АПРК. Ф. 708. Оп. 30. Д. 100. Л. 148–149.
[22] Там же. Д. 449. Л. 63.
[23] Там же. Л. 76.
[24] Там же. Л. 81.
[25] Вайнахи и имперская власть… С. 919 (со ссылкой на: ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 42. Д. 1965. Л. 767).
[26] ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 1007. Л. 1.
[27] Ингуши: депортация, возвращение. Реабилитация. 1994–2004: Документы, материалы, комментарии. Магас, 2004. С. 447.
[28] Данные приведены по: *Бугаев А.М.* Население и территория Чечено-Ингушской АССР… С. 9–10.
[29] Вайнахи и имперская власть… С. 949 (со ссылкой на: ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 42. Д. 4832. Л. 85).

Аргументы сторон. Послабление режима спецпоселения сильно отразилось на настроениях вайнахов. Повсеместно фиксировались высказывания о возможности *«тайно поехать на Кавказ»* или *«переехать на жительство в теплые края»*. МВД Казахстана констатировало, что имеют место призывы, в том числе и со стороны коммунистов, всем чеченцам выезжать в города, в том числе в столицу, что «*вынудит власти республики пойти на большие уступки»*[30].

С лета 1955 г. властям регионов начали рекомендовать «осудить и отрешиться от неправильного и вредного взгляда на спецпоселенцев как людей “второго сорта”». Но по отношению к чеченцам на местах эта линия наметилась только с 1956 г. Был инициирован ряд мер по интеграции и улучшению положения этой категории населения, в том числе путем предоставления возможности обучаться на родном языке, другие шаги, направленные на возрождение национальной культуры. Одновременно ставилась задача активизации политико-пропагандистской работы, основное содержание которой составляли шаги по дальнейшей интеграции в местах вселения. В верхах рассматривали возможность для вайнахов «образования автономии в одной из южных областей Казахстана», хотя чеченцы открыто заявляли, что *«стремятся на Кавказ»*[31].

Доклад Хрущева «О культе личности и его последствиях», сделанный на XX съезде партии, произвел ошеломляющий эффект. Было принято решение ознакомить с его содержанием всех коммунистов страны. Обсуждение доклада прошло на закрытых партийных собраниях во всех первичных парторганизациях. С его содержанием были ознакомлены и коммунисты из числа спецпоселенцев. Хотя свидетельств об участии ссыльных в обсуждениях крайне мало, по косвенным признакам можно сделать вывод, что доклад восприняли как разрешение на реабилитацию. Приведем один пример: член партии чеченец Б. Магоматхаджанов, слесарь Верх-Березовского рудника, после ознакомления с докладом Хрущева сразу продал дом и попытался выехать в г. Грозный[32].

Указ от 16 июля 1956 г., освободив вайнахов, при этом запретил им возвращаться на Кавказ. В связи с этим летом-осенью 1956 г. проводилась кампания, в ходе которой с уже снятых с учета людей попытались взять обязательства не возвращаться на родину. По данным МВД Казахской ССР, в ходе этой кампании треть бывших ссыльных отказалась подписать расписки об ознакомлении с указом и разъяснении им причин запрета на выезд за пределы республики. Напротив, после принятия указа об освобождении люди открыто и резко стали требовать возвращения. Отказ от новых обязательств они мотивировали как политическими, так и экономическими причинами: *«нужно подумать, за что расписываться. Когда нас выселяли, то правительство с нами не считалось, даже в целом с республикой, а теперь признают чеченцев невиноватыми и снимают с учета, однако не предоставляют право выехать на родину…»; «правительство издевается над чеченцами. Что это за свобода, если все отобрали и нельзя возвращаться домой»*. Особо осведомленные, в том числе бывшие фронтовики, заявляли, что *«в данное время чеченцы ведут большую переписку с Москвой. Все равно добьемся разрешения вернуться на Кавказ. Если по-хорошему не получим, то поднимем восстание, но рано или поздно будем жить там, где проживали до выселения»*. «*Нас, чеченцев, выслали сталинские вредители. У чеченцев имеется письмо от т. Микояна, в котором он пишет, что нас выслал Сталин, а правительство против нас ничего не имеет и мы можем проживать на Кавказе»*[33].

По следам XX съезда ЦК КПСС 24 ноября 1956 г. принял постановление «О восстановлении национальной автономии калмыцкого, карачаевского, балкарского, чеченского и ингушского народов». После него в адрес центральной власти поступили тысячи писем и телеграмм с благодарностью за принятые исторические решения. Для оглашения и разъяснения постановления аппарат ЦК и СНК Казахской ССР отправил в регионы ответственных

[30] ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 842. Л. 41–56.
[31] ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 75. Д. 359. Л. 19.
[32] *Ермекбаев Ж.А.* Чеченцы и ингуши в Казахстане. История и судьбы. Алматы, 2009. С. 245.
[33] ГАВКО. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 7230. Л. 39, 41, 42.

работников. Собрания с участием коммунистов и комсомольцев прошли в горкомах и райкомах партии, на места выехали пропагандисты. О настроениях и тональности выступлений позволяют судить отчеты обкомов. Так, согласно отчету Восточно-Казахстанского обкома, выступавшие говорили *«от имени всего народа» и «благодарили партию и правительство за принятое решение о восстановлении республики»*. Выражая радость и отмечая, что этот день станет *«праздником для всех чеченцев»* и *«останется навсегда в памяти народа»*, выступающие высказывали обиду за выселение, отмечали, что им *«тяжело вспоминать прошлое»*, «*выслали всех как изменников Родины, наказали строже, чем бандитов…»*. Но принятое партией решение доказывает «*всему миру и советскому народу, что мы пострадали невинно» и «народ понес тяжелые лишения»*.

Центральной темой обсуждения стала проблема возвращения на Кавказ. Чеченцы понимали, что *«переселение на родину встретит большие трудности»*, но они *«честным трудом»* «*постараются оправдать оказанное доверие партии и правительства» и «на своей родине дадут больше пользы для государства…»*. Отдельные выступающие высказывали недовольство тем, что *«переселение намечено проводить в течение трех лет, и просили, чтобы их отправили домой в феврале-марте 1957 года»*, при этом напоминали, что *«правительство сумело выслать в 24 часа. Почему теперь надо 3 года…»*[34]. Были высказаны просьбы «*не дожидаясь 1960 года, отправить на Кавказ за счет государства и оказать помощь в восстановлении…*», просили правительство оставить им скот, предоставить пенсии, разрешить въезд в горные районы. По итогам собраний, встреч и частных бесед на местах был сделан однозначный вывод: все чеченцы желают вернуться в свою республику и просят отправить их туда как можно скорее. Со стороны чеченцев поступали заверения, что *«выселять никого не нужно, они будут дружно жить и работать вместе с проживающим там населением»*[35]. Но реальная этнополитическая ситуация в Чечено-Ингушетии показывала, что возвращающиеся были настроены на то, чтобы «освободить свою этническую нишу»[36].

Выдача удостоверений для выезда на Кавказ вызвала ажиотаж и многочисленные нарушения, в том числе коррупцию. Еще до выдачи удостоверений в беседах с чечено-ингушским населением представители Оргкомитета ЧИАССР гарантировали гражданам, что все выедут в текущем году, а расходы на переезд и приобретение имущества полностью возьмет на себя государство. Заметим, что обязательства по оплате проезда на Кавказ государство на себя не взяло и реабилитированные выезжали за свой счет. Многие чеченцы, не дожидаясь получения удостоверений, увольнялись с работы и распродавали имущество, а некоторые самостоятельно выезжали на Северный Кавказ. При включении в заветный список и получении удостоверения на выезд за короткий срок нужно было оформить большое количество документов: паспорт, военный билет, справку из школы, справки с предприятий и колхозов об увольнении, справки сельсоветов об уплате паев, налогов и справки о сданном при выезде имуществе и ветеринарном контроле. При этом на местах старались всячески содействовать выезду чеченцев, мотивируя это тем, что если *«не выдадим пропуска, то оставшаяся часть не будет работать»*[37].

Приостановка репатриации в июне 1957 г. обострила ситуацию в Казахстане до критической, республиканские власти оказались в тяжелом положении. Нужно было найти аргументы, которые смогли бы удержать чеченцев от выезда. Власти понимали, что они не смогут применять оружие, хотя степень конфронтации могла быть крайне высокой. Приходилось не только разъяснять, но и «показывать твердую руку». При этом доводить ситуацию до массовых протестов было нельзя. Более правильной тактикой было признано не взваливать всю полноту ответственности на ЦК компартии Казахстана, а ссылаться также на Оргкомитет. Очень ждали приезда в республику комиссии из Москвы, из ЦК, но понимали, что ситуацию придется «разруливать» самим. На этом этапе нужно было убедить людей так, *«чтобы сами*

[34] ГАВКО. Ф. 1-П. Оп. 1. Д. 7264. Л. 3, 7, 10.
[35] Цитата по: *Кринко Е.Ф., Черкасов А.А.* Из истории восстановления автономий репрессированных народов Северного Кавказа в условиях «оттепели» // Новый исторический вестник. 2014. № 1 (39). С. 51.
[36] *Козлов В.А., Козлова М.Е., Бенвенути Ф.* Парадоксы этнического выживания… С. 79.
[37] АПРК. Ф. 708. Оп. 29. Д. 449. Л. 5.

чеченцы сказали – республика у нас есть, никуда не денется, давайте подождем», «чеченцы в Чечено-Ингушетии оказались в тяжелом положении, но <…> вы сами в этом деле виноваты, сказать, что это дело временное и в свое время вы уедете туда».

Стремясь сократить численность отъезжающих, с 10 по 20 июня 1957 г. руководством областей и районов проводились многочисленные собрания с чечено-ингушским населением с разъяснениями о порядке выезда из республики. На собраниях люди открыто высказывали свое возмущение, заявляли, что не собираются подчиняться властям и прислушиваться к их уговорам. Все собрания заканчивались скандалами. На местах лишь констатировали, что «*все чеченцы, в том числе и коммунисты, возмущаются, высказывают по существу свой гнев в адрес местных партийных и советских органов и представителей Оргкомитета ЧИАССР*». «*Настроение у большинства чеченцев, особенно у тех, кто продал дома, отправил вещи, – плохое (подавленное), а запрет на передвижение внутри областей и республики они расценивают как грубое нарушение законных прав гражданина СССР*»[38].

Отсрочка репатриации привела к резкому обнищанию чечено-ингушского населения. Доведенные до отчаяния чеченцы вновь и вновь писали заявления в высшие органы власти. В этих письмах содержится огромное количество свидетельств о бедственном положении людей в связи с продажей жилья, скота, ликвидацией имущества. *«Обстоятельства заставили меня обратиться к Вам, с просьбой разобрать мое заявление и по моей просьбе оказать всемерное содействие. Мне уже 77 лет… Я прошел трудный тернистый путь труженика, с малых лет работал, несмотря на тяжелые условия переселения, я нашел применение в труде. Я имел двух сыновей, один из которых погиб на фронте Великой Отечественной войны, и второй сын при несчастном случае погиб, в шахте остался. Я на склоне лет со старушкой женой и тремя дочерями, мужья которых умерли и я с ними жил и помогал растить внуков. Сбылась наша мечта, восстановили все права и ЧИАССР. Мы считали, что в таком случае сможем выехать на родину. Но с этим оказались препятствия, установили очередность и в связи с этим начались безобразия и путаница, и этим воспользовались случайные люди, которым предоставили такое важное мероприятие, и они обернули это в источник наживы. И люди неимущие, несмотря на положительные биографии, остались на неопределенный срок. Я пенсионер, имел хозяйство, но я считал, что первыми отправить людей с отличием, и поэтому распродал все и живу с семьей в стайке, вещи упакованы. К предстоящей зиме не готовлюсь, и что будет с моей семьей, если меня не отправят? Что будет с людьми, где зима бывает восемь месяцев, поэтому я вынужден просить Ваше содействие и дать указание уже спущенных лимитов выдать мне пропуск на выезд с семьей в ЧИАССР. Уважая меня, старика, отдавшего всю свою жизнь труду во благо родины, надеюсь, поймете мое положение и мою просьбу удовлетворите»*[39]. «Письма во власть» были не столько каналом общения граждан со своей властью, сколько проявлением патерналистской системы отношений. Только незащищенный народ всегда нуждается в «покровителе». И чаще всего таковым выбирает «отеческое» государство.

[38] АПРК. Ф. 708. Оп. 30. Д 449. Л. 4.
[39] ГАВКО. Ф. 176. Оп. 9. Д. 6. Л. 17.

Документы

№ 1

Стенограмма встречи с представителями чечено-ингушского населения, находящегося на железнодорожной станции Алма-Ата-I

г. Алма-Ата 15 июня 1957 г.

СТЕНОГРАММА

беседы с представителями чечено-ингушского населения, находящегося на железнодорожной станции Алма-Ата-I (Алма-Атинский район)

ВАХАЕВ[1] (представитель Чечено-Ингушской АССР):

Как вам известно, в этом году были посланы представители Оргкомитета для отправки людей отсюда, которые должны поехать на родину в первую очередь. Товарищи проводили работу по учету нашего населения и оформлению документов для отправки людей. Постановлением ЦК партии и Верховного Совета СССР определены 4 года нашего возвращения, включая 1960 год, начиная с 1957 года. На 1957 год нам было запланировано отправить 78 тысяч человек или 17 тысяч хозяйств. На сегодняшнее число в Чечено-Ингушетию прибыло 150 тыс. человек и еще идут 17 эшелонов. На месте положение такое: большое количество домов разрушено, те дома, которые имеются, заняты населением, которое проживало там эти годы. Почти все дома заняты. Создалось тяжелое положение с размещением людей. Поскольку был установлен план приема 78 тыс. человек, то на это количество и рассчитывали, а приехало 150 тысяч. Создалось тяжелое положение с размещением людей. Я был там сам, семья моя находится здесь. Я поехал туда один. Я объехал целый ряд районов…, объехал я их сам и своими глазами видел… ужасное состояние там, некуда разместить это количество людей… С одной стороны виноват Оргкомитет, а с другой стороны мы сами виноваты… В разрешении предполагалось писать по одной семье, а мы писали по 5–6 семей… Приехало 40 тысяч населения с разрешением, а 150 тысяч без разрешения… Когда формировались эшелоны, то в них садились люди в неорганизованном порядке… Оргкомитет, видя такое положение, внес предложение в Москву с просьбой, чтобы временно воздержаться от отправки людей, находящихся в Киргизии и Казахстане. Я повторяю, что Оргкомитет так поставил вопрос только временно. В соответствии с просьбой Чечено-Ингушского оргкомитета Москва приняла постановление временно прекратить дальнейшую отправку чеченцев и ингушей в Чечено-Ингушскую республику. ЦК прислал комиссию в Чечено-Ингушетию. Комиссия предложила местным партийным и советским организациям обеспечить прием людей и разместить их. Они поголовно все, за исключением одного секретаря обкома, сидят в сельсоветах и в колхозах и занимаются размещением людей. 500 коммунистов сидят на этой работе. В Казахстан приехала комиссия из представителей ЦК КПСС во главе с т. Ивлевым. Тов. Ивлев – это человек, который все время занимался нашим вопросом, в частности когда ставили вопрос о возрождении нашей республики. Они учли наши страдания, они учли наше желание вернуться на родину. Товарищу Ивлеву мы всегда обещали, что будет порядок. Наш народ просил передать Центральному Комитету просьбу, что мы сделаем возвращение в организованном порядке, пусть только будет восстановлена наша республика, а после этого все, что вы скажете, мы будем делать. Все это было обещано нашими представителями, здесь присутствуют чеченцы и ингуши, которые обещали это…

Тов. Ивлев и его комиссия поверила нашему честному слову и доложила Центральному комитету партии, что такое желание народа, что это желание надо удовлетворить и что все будет происходить в организованном порядке, никакого беспорядка не будет, что это народ трудолюбивый, и находясь в Казахстане и Киргизии, он доказал свое трудолюбие, свое отношение к жизни. Известен целый ряд прекрасных людей, награжденных правительственными медалями за освоение целины в Киргизии и Казахстане, и народ заслуживает его реа-

билитации. На основе этой информации Центральный Комитет принял постановление. Несмотря на то, что вся наша республика была заселена, нам разрешили вернуться на родину. Был установлен срок в 4 года. Если перед нашим выселением в республике проживало полмиллиона, то сейчас без нас на территории Чечено-Ингушской республики находится 600 тыс. человек, и вы представляете – приедут еще полмиллиона человек. К 1960 году там будет 1 100 тыс. человек. Этих людей надо разместить и задачу эту не так легко выполнить. Очень легко стоять на собрании и кричать: расстреляйте нас, испытайте на нас атомную бомбу и др. провокационные выкрики…

Что мы видим здесь сейчас? Мы видим, что в результате такого решения ЦК и Оргкомитета отправку временно задержали. Придется подождать, может быть 2–3 месяца, может быть до весны будем жить, и оставшиеся здесь люди должны быть отправлены как только будет закончена подготовка условий к размещению там людей. В первую очередь будет отправлен тот контингент, у которого имеется разрешение на руках. Об этом вам доложит обком и облисполком, соответствующие райкомы партии, откуда вы приехали сюда.

Что происходит на станции? Там колоссальнейшее скопление людей. Это грозит опасностью, вспышкой санинфекционных заболеваний. Там находятся грудные дети, старушки, старики, женщины, больные. Кто в этом виноват? Мы вас винить не собираемся, мы вам сказали, чтобы вы подготовились к поездке, вы продали дома, продали коров, так что это наша ошибка, ошибка оргкомитета, ошибка всех нас, кто был связан с теми мероприятиями. Вы поехали по своему графику. Правда, среди вас имеется огромное количество людей, которые поехали без разрешения. Я еще раз повторяю, что мы вас не виним, мы обязаны перед вами преклоняться сейчас. В вашем бедственном положении виноват оргкомитет и мы. Виновники будут нести государственную и партийную ответственность.

Вчера шел проливной дождь, вы сидели в лужах, там были больные, дети, старики, лежали продукты. Вы упорно сопротивляетесь против помощи. Мы вас просим, вернитесь сейчас на свои места, слушайте нас, что мы вам говорим, вам плохого никто не хочет. Отправку вас мы временно приостановили, так как некуда вас там поместить, нет места там. Здесь присутствуют представители ЦК КПСС, представитель Министерства внутренних дел СССР, представители ЦК КП Казахстана, комиссия ЦК КПСС. Это говорит о том, что Центральный Комитет нашему вопросу придает исключительное значение. ЦК предложил вплотную заняться нашим вопросом всей Казахстанской партийной организации. Несмотря на то, что сейчас горячее время, наступило сенокошение, большая работа по животноводству, по прополке и по целому ряду других работ, вся партийная организация Казахстана занимается нашим вопросом, занимается кучкой людей, сидящих на вокзале. Этим вопросом занимается обком партии и облисполком. Партия и правительство не хотят допустить наши страдания…

…Мы восстановлены, получили полные гражданские права и полностью реабилитированы. Надо понимать одно, что существует власть, которая жалеет, лелеет вас, которая вам все рассказывает и говорит, что этого нельзя сейчас делать. За 40 лет существования Советской власти все народы, населяющие территорию Советского Союза, шли нога в ногу с Коммунистической партией и не устраивали никаких демонстраций против партии и Советского правительства, т.к. они делают всегда только то, что направлено на пользу народа.

То, что вы сейчас собрались здесь на станции, это не к лицу нам. Мы, чеченцы и ингуши, должны показать себя образцами в быту, доказать это своим поведением и работой, поскольку нас реабилитировали. Если в свое время была допущена несправедливость по отношению к нашему народу, то решениями XX съезда, последующими мероприятиями Центральный Комитет эту ошибку исправил, и мы все реабилитированы. А дальше что? Мы должны с вами идти нога в ногу с партией и Советским правительством и знать, что в государстве существует дисциплина, которой мы должны подчиняться. Тот, кто не подчиняется и переходит пределы этой дисциплины, в этих случаях соответствующие организации принимают меры против провокаторов, дезертиров, нарушителей дисциплины. Наши крики и угрозы не принесут добра. Кричать не надо, не надо угрожать. Советское правительство

очень сильно, это надо помнить всем и всем нам понимать, что Советское правительство хочет для нас только хорошего.

Что оно просит от нас сейчас? Поскольку создалось такое положение в Чечено-Ингушской Республике, то нас просят временно вернуться на прежние места. Известно, что вы продали дома. Вам говорят – вернитесь, мы вам приготовим дома, поможем приобрести скота вы будете восстановлены обратно на работу. Для этого созданы комиссии. Сегодня некоторые говорят, что мы можем вернуться, а нам не будут созданы соответствующие условия. Это неверно, такие рассуждения неверны. Создана комиссия ЦК не для того, чтобы только отправить вас отсюда и уехать. Она приехала для того, чтобы вас благоустроить, устроить на работу, и только после этого комиссия вернется обратно. Вам все это рассказывали. Вчера днем я был там... разговаривал с вами, с вами разговаривали тов. Дырдин и секретарь обкома партии, с вами разговаривали члены оргкомитета. Стоило нам оттуда уйти, как сразу же пустили разговоры, что тов. Ворошилов дал телеграмму, чтобы вас отправили на родину, что якобы тов. Хрущев и тов. Булганин занялись вашим вопросом. Тов. Хрущев и Булганин всегда занимаются такими вопросами, им докладывают каждый день, информируют их. Тов. Ивлев и комиссия ежедневно докладывают правительству о вашем положении. Никакой телеграммы от тов. Ворошилова нет, об этом тов. Ивлев вам скажет. Такие разговоры ведут не к хорошему, они могут погубить дело. Не доводите до этого дела, не допускайте эпидемии, ведь вы живете в нечеловеческих условиях.

Я не являюсь ни членом бюро обкома, ни членом оргкомитета, я обыкновенный чеченец, член партии, никогда я вас не обманывал и сейчас не хочу обманывать. Если я вас обману, то я готов голову сложить. Ни один чеченец и ни один ингуш мне не скажет, что я кого-то обманул. Я уверяю вас, что видел собственными глазами валявшихся людей с детьми на улице, поверьте мне, я так говорю потому, что мне поручили говорить так тов. Яковлев и Гадырбеков. Я болею за вас, мне жалко вас, если бы вы могли заглянуть в мою душу, то вы бы увидели, что я переживаю за вас не меньше, чем вы. Я обращаюсь к вам и прошу вас еще раз послушать то, что вам предлагают и представители Центрального Комитета партии, и представители Чечено-Ингушских партийных и советских организаций, которые здесь находятся – вернуться временно в те места, где вы работали до этого. Я вас прошу от имени всей группы, которая приехала сюда из Грозного. Выслушайте все, что вам говорят представители партии и правительства. Вас сюда вызвали для того, чтобы выслушать вас и рассказать вам, что происходит здесь и в Грозном. Мы с вами договорились, что вы поедете, а после нашего ухода пустили слухи, что вас хотят арестовать. Это же провокация, поскольку ни одного человека не арестовали и арестовывать никто не собирается. Вам хотят рассказать, вложить в вашу голову, почему это происходит, какая причина задержки отправки. Вас никто не собирается арестовывать, вы сами себе делаете хуже.

Вас просят жить в более-менее нормальных условиях, вас просят спасти детей от инфекционных заболеваний, спасти самих себя, устроиться и работать, а как только будет закончено размещение, вы немедленно будете отправлены домой.

Поэтому еще раз, обращаясь к вам, прошу, выслушайте и расскажите народу, что сейчас имеется. Все то, что вы просите, мы запишем и доложим ЦК. Вас вызвали не для того, чтобы вас арестовывать и угрожать. Вас вызвали для того, чтобы вы доложили, что таится у вас на душе, что вы хотите высказать, и представители ЦК расскажут вам о намерении и мероприятиях Советского правительства. Поэтому прошу выступить и рассказать, что вы хотите.

ИВЛЕВ. Есть желающие выступить, в первую очередь из тех, кто имеет удостоверение и находится на ж.д. станции…

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Слово имеет Баматнелиев (Трест столовых и ресторанов).

БАМАТНЕЛИЕВ. В таких местах я в первый раз говорю, я не обладаю красноречием. В течение 13 лет нам не было предоставлено такого дня, как сейчас. 6-я Сессия Верховного Совета СССР предоставила нам автономию. Это отчасти наша заслуга, а отчасти это было исправление прошлых ошибок. Мы были рады этому. Мы представляем самую наименьшую нацию Советского Союза. Поскольку нам была предоставлена автономия, то мы были очень

обрадованы этому, благодарили партию и правительство, мы не считались ни с чем, ни с какими трудностями. Мы любим свою родину, как ее любит каждый советский человек. Но мы любим и свой родимый край. Мы 13-летние трудовые накопления вложили в то, чтобы вернуться на Кавказ. Сейчас же нам говорят, чтобы мы вернулись. Конечно, мы не можем идти против интересов партии. Интересы партии – это интересы наши и всех народов Советского Союза. Конечно, если нам прикажут возвратиться, то мы должны будем вернуться назад.

ЦК КПСС направил комиссию во главе с т. Ивлевым к нам для разбора обстановки. Тов. Ивлеву поручено выполнить и нашу просьбу, если это будет возможно. Допустим, сегодня мы вернемся назад. Если потребуют от нас, то мы, конечно, вернемся, скажу я о себе. Но на станции есть люди, которые хуже меня живут. Я продал дом здесь, дом, оставленный мне отцом, остался на Кавказе. За этот дом мне не дали ни одной копейки. Помимо дома у меня осталось имущество, но об этом…

…но об этом сейчас мы не говорим и не требуем этих вещей. У нас был скот – куда он делся, куда пропал, мы не знаем, но нам дорога была наша автономия. Мы ее лишились. За эти 13 лет мы трудились, создали наше личное добро, сейчас мы его продали за полцены и по зову Оргкомитета – поскольку нам дали удостоверения, я считаю это зовом – мы сумели за 3–4 дня [собрать] 5 тыс. руб., которые я накопил для того, чтобы вернуться на родину. Я своим трудом зарабатываю только на прокормление семьи. У меня семья 5 чел. Если мне поневоле придется вернуться, я таких денег уже не накоплю, потому что я зарабатываю 500–600 рублей при всем своем труде. Больше я не получу. Я, конечно, поеду, но я терплю материальные лишения.

Нам говорят, что там большая заселенность, нам предлагают большие условия. Этим занимается сейчас власть, плюс к этому приехала комиссия ЦК КПСС. Я прошу от своего имени лично и думаю, что вы не будете против. Нам создают условия для возвращения обратно. Это можно было бы сделать потому, что в нашей республике нет условий, там люди валяются на улице. Но чем просить дом у собственника – пожалуйста, выделите одну комнату, почему же нельзя попросить у русского, осетина, чтобы они освободили наши родные дома, если не весь дом полностью, то хотя бы 10 метров квадратных, на которых мы могли бы поселиться со своими семьями. Я сам из Урус-Мартановского района. Если данное совещание обсуждает вопрос, я думаю дискутировать нечего. Раз решен вопрос, мы возвращаемся, а если есть за что зацепиться и т. Ивлев, сочувствуя отеческой заботой поможет нам в этом, я думаю, что ЦК партии не будет против того, чтобы люди, которые сидят на станции, были отправлены. Я думаю, что Ивлев приехал сюда этим заниматься. Мы послушаем его и никаких конфликтов, никаких противоречий против решений партии не может быть и никто не заинтересован. Но он должен нам помочь в этом. Если он никакого результата не добьется, то нам на станции делать нечего. Половина из сидящих людей на станции в 1958 году не поедет на родину, так как не будет у них денег.

Я жил в Малой Станице 13 лет. Знаю, что здесь очень трудно с квартирами, но власть сделает все. На других станциях тоже сидит очень много людей, например в Джамбуле. Если нам сделают исключение, т.е. нас отправят домой, то могут возмутиться чеченцы и ингуши других областей и скажут – почему их отправили, а нас нет. Но им можно будет ответить, что в Алма-Ате трудно с квартирами, трудно с работой, а в других областях есть целинные земли и можно там устроиться жить.

Я тоже искал работу в Алма-Ате, причем не какую-то руководящую работу, а черновую, но я не мог найти работу. Алма-Ата настолько густо заселена, что нас можно было бы отправить домой. Я бы просил от имени всех людей, сидящих на станции, помочь нам в этом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Слово имеет т. Алмазов – бригадир табачной бригады совхоза им. Маленкова Энбекши-Казахского района.

АЛМАЗОВ. Я, конечно, неграмотный, по-русски говорить не умею, но я буду говорить по-русски. Мне больно не за себя, а за всех, за всех людей, которые сидят на станции. Нам 23-го числа выдали удостоверения на право выезда в Чечено-Ингушскую Республику, но Дукузов плохо организовал работу. Например, в Кустанайской, Акмолинской, Петропав-

ловской и других областях были выделены специальные представители для выдачи удостоверений, они раздали вовремя удостоверения и отправили людей. Они на месте, тут, по-моему, они неправильно дали предлог и запросили Центральный Комитет. На сегодня есть хорошие труженики, которые работали добросовестно. Зачем приехал сюда Дукузов, зачем нас тревожили? Сейчас все продали дома, коровы, другое имущество, а как оно будет восстановлено? У нас есть калеки, женщины без хозяина, они приехали сюда, бросили свое имущество для того, чтобы поехать на Родину, им дали 40 дней срока. Они израсходовали деньги. На сегодня невозможно поехать обратно на место, где они жили, чем они будут жить, на каких условиях вернутся обратно, я просто не представляю. 50 % людей, которые получили пропуска, не уехали.

Просьба у меня и у всех сидящих на станции такая: те, кто приехал на станцию и имеют удостоверения, отправить их на родину. (Дальше говорит на чеченском языке)… Дукузов тут два месяца провел и это же время провели другие товарищи в других областях, фактически он не удовлетворил нас и ничего хорошего не сделал.

ЭДИЛОВ, плотник «Заготзерно» Алма-Атинского района.

(Выступает на чеченском языке). (Перевод делает т. Абазатов).

Я хочу сказать то, что возможно многие из нас хотят сказать. Виноваты тут не присланные сюда члены оргкомитета, а виноваты до некоторой степени мы сами. Вместо того, чтобы записывать в удостоверении на выезд пять человек, приходилось по нашему настоянию записывать по 15 человек. Дукузов и другие члены оргкомитета допускали ошибки по нашей просьбе. Я не хочу обвинять тов. Докузова. Оргкомитет наш не имеет необходимых прав. Нет у них своей печати, они просто исполнители того, что на них возложат руководители, которые стоят во главе Чечено-Ингушской Республики.

Нынешнее руководство Чечено-Ингушской Республики велит жителям той республики, чтобы они не принимали чеченцев и ингушей, чтобы они говорили, что нет у них места. Руководители из Грозного не хотят, чтобы мы приехали домой. Мы по документам, которые выдали нашим работникам из Оргкомитета, прибыли на станцию. В этом мы не виноваты, мы думали, что эти документы действительные и что мы действительно своевременно уедем, но получились одни недоразумения. Теперь мы хотим поехать на целину Чечено-Ингушской Республики, хотим там трудиться и создавать народное добро. А не возвращаться обратно. Мы лучше там будем трудиться, а не здесь. Мы должны сказать представителям ЦК КПСС, чтобы нас повезли трудиться в свою республику на целину Чечено-Ингушской Республики. Нечего зря обвинять Оргкомитет. *(В это время раздались аплодисменты)*. Он не виноват. *(Аплодисменты)*.

МАГОМАТОВ (работал в Горпищеторге. Кагановичский район). (Говорит на чеченском языке. Переводит Абазатов.)

Я хочу сказать то, о чем я думаю. Как бы ни старались, как бы мы с вами ни убивались, а власть все равно осуществит свои мероприятия, противостоять воле власти мы бессильны. Это мы видим на примере 1943 года, когда нас без сопротивления, быстро и легко переселили. Но мы здесь жили хорошо, обзавелись состоянием, приобрели специальность, стали комбайнерами, трактористами, жили неплохо. Советское правительство своевременно узнало о допущенных Берия ошибках, и наша Чечено-Ингушская Республика восстановлена. Мы получили от Советского правительства справедливые права. Спасибо правительству за восстановление Чечено-Ингушской Республики *(аплодисменты)*.

Мы очень рады, что восстановлена наша республика, и рассчитывали на то, что с такой же радостью мы будем возвращаться домой. А в настоящее время мы находимся в тяжелом положении и просим представителей понять это, просим помочь нам также хорошо вернуться домой *(аплодисменты)*.

КЕБЕЕВ (представитель Чечено-Ингушского обкома партии). (Говорит на чеченском языке.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Слово имеет т. Кебеев – представитель Чечено-Ингушского обкома партии.

КЕБЕЕВ. (Говорит на своем родном языке.) (Перевод делает тов. Абазатов[2].)

К вашему сведению, я Кебеев. Когда я приехал недавно домой, то видел своими глазами, что делается в аулах и селах Чечено-Ингушской Республики. Там до нашего прибытия было уже много чеченцев и ингушей. Оргкомитет старается все сделать, чтобы вас взять домой. Когда во Фрунзе проводили собрание и на собрание приглашали 50 человек, то прибыло более 3 тыс. человек.

Тов. Ивлев является одним из работников, который подготовил проект и заботился о восстановлении нашей республики. Поэтому мы должны быть деликатными и вежливыми.

Выступавший первый товарищ говорил правдиво о положении в Чечено-Ингушской Республике. Там действительно положение сейчас тяжелое. Мои родные находятся сейчас в Семипалатинске, они еще не поехали на родину и пока не спешат, потому что там нет условий для жизни. Мы не должны спешить домой, должны подождать немного.

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА. Кто тебя уполномочил так говорить?

КЕБЕЕВ. Старик, тебя я знаю.

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА. Кто тебе поручает говорить позорные вещи?

КЕБЕЕВ. Надо слушать правду, не спешить ехать, временно пожить здесь…

БАЙМАСАНОВ (из колхоза «Новый путь» Илийского района.) (Говорит на чеченском языке. Переводит Абазатов.)

Баймасанову 30 лет. Он говорит, что в течение 15 минут нам приказали в 1944 году подготовиться к выселению. Быстро выселили нас с родной земли, нас повезли в Сибирь, сюда. За время нашей жизни в этой Сибири и здесь мы с большим трудом приобрели хозяйство, скот, жили неплохо, и я не ожидал, что вдруг кто-то появится и заставит разориться. Мне привезли удостоверение на выезд. Я все свое добро продал, моя семья уехала, я остался с одной женой. Все, что у нас было, уже частично мы лишились, то, что осталось, в небольшом количестве, я не знаю, что будет дальше со мной.

Мы всего лишились, мы хотим домой. Я хорошо разговаривать не умею и не знаю о чем сказать, я хочу, чтобы нас отправили домой.

АХМАДОВ. (Говорит на чеченском языке. Слушатель высшей партийной школы.)

Перевод поступления Ахмадова. Партия и правительство приняли решение о восстановлении нашей Чечено-Ингушской Республики. Это решение было принято с горячей любовью всеми народами Советского Союза.

Вместе с этим в решении партии и правительства были установлены сроки переселения в течение 1957–1960 гг. Положение с переселением чрезвычайно усложнилось из-за недисциплинированности отдельных людей. Тяжелая обстановка создалась на территории Чечено-Ингушской АССР. Вместо планового переселения 78 тыс. чел. в этом году фактически прибыло правдами и неправдами 150 тыс. человек. Руководители Чечено-Ингушской АССР не в состоянии обеспечить жильем и трудоустроить их, а поэтому во избежание бедствия Оргкомитет обратился к ЦК партии и правительству с просьбой временно приостановить переселение.

Я должен вам сказать истинную правду того, что я знаю. Нас 34 чел. чеченцев и ингушей в высшей партийной школе при ЦК, но с нами учатся балкарцы, карачаевцы, калмыки. Нам стыдно перед ними, когда мы услышали о недисциплинированности с переселением нашего народа. Нас 6 чел. слушателей курсов ВПШ послали сюда разъяснить вам решение партии и правительства на родном языке, чтобы вы правильно поняли создавшуюся обстановку в Чечено-Ингушской АССР и тем самым не допустили неорганизованности и бедствия среди нашего народа.

Сейчас на вокзалах в нечеловеческих условиях находятся около 30 тыс. человек и не хотят разъезжаться по местам прежнего жительства. Мы должны правильно понять, что такое положение недопустимо. Дезорганизаторов, провокаторов среди нас призвать к порядку, ради своих детей уехать с вокзалов и приступить к работе. Особенно старики должны держать молодежь в руках, осудить неправильное поведение отдельных товарищей и тем самым не допустить позора всего нашего народа.

13 лет терпели, неужели нельзя потерпеть еще 3–4 месяца или полгода? Ведь вы поймите, какой сейчас вред мы наносим себе, а также тормозим работу руководителей Алма-Атинской области. Все работники, начиная от пред. колхозов и кончая секретарями обкома, заняты нашим вопросом.

У меня есть просьба к вам, от имени всего нашего народа, ради счастья и благополучия всего нашего народа потерпеть еще 5–6 месяцев, разъехаться по местам и приступить к работе. Надо помнить и ценить работу партии и правительства, проявленную по отношению к нам, и помня это, честно и добросовестно выполнить решение нашей партии и правительства. Давайте по-хорошему разъедемся по местам и еще несколько месяцев честно поработаем.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Слово имеет т. Эндиев (Малая Станица, Алма-Атинский район, инвалид первой группы Отечественной войны). (Говорит на своем родном языке, перевод делает т. Абазатов.)

ЭНДИЕВ.

Наше правительство потеряло мужество. Оно не может решать вопросы, не делает исключения ни для больных, ни для старух, ни для детей. Например, у меня такое состояние, что я 17 лет нахожусь под наблюдением в сумасшедшем доме, у меня голова кипит, мне тут нельзя оставаться, я больной, я сумасшедший. Я сейчас сумасшедший и до конца буду сумасшедшим.

(Перевод) – Я хочу, чтобы руководителям ЦК КПСС, находящимся здесь, точно перевели мою речь. Меня могут увезти и запереть здесь. Здесь умирают и многого лишились люди, почему не отправляют людей, сидящих на вокзале? Здесь, видимо, есть какое-то вредительство. Как здесь, так и в других городах сидят люди, люди умирают, а им не разрешают хоронить здесь. Много больных и будет еще больше.

Я 17 лет был под надзором в доме сумасшедших. Я дважды лишался ума. Сейчас нахожусь на грани сумасшествия. Если нас вернут домой, то нам будет меньше горя. Ни тов. Докузов, ни другие здесь не виноваты. А люди не доводят наше горе до власти, не рассказывают нашему руководящему правительству правду. Здесь продолжается бериевское преступление. Все-таки о нашем положении не узнают т. Хрущев и Булганин, и наш вопрос решится справедливо, нас могут вернуть домой. Выступающие товарищи говорили, что в Чечено-Ингушской Республике негде разместить людей. Так говорят потому, что нас не хотят отправлять домой, потому что люди нас не хотят там принять, потому что не подготовились к приему. Но за все наше горе сидящие здесь товарищи ответят перед правительством. Они ответят за наше разорение. Я получил право на выезд, мне здесь врачи не разрешают жить, а железнодорожники не дают возможности уехать домой.

17 лет я был в доме сумасшедших, я болен, у меня голова болит. Власть в этом не виновата. Молодой человек здесь выступал и уговаривал нас остаться здесь. Он говорил так потому, что боится потерять свой партбилет… Разве нет возможности нас послать домой. Запишите пожалуйста мою фамилию и отправьте меня домой…

ШЕДУЛИН (представитель Чечено-Ингушской Республики).

Товарищи, выступавшие здесь, Лохаев и Кибиев, уже рассказывали нам, какое положение сейчас у нас на родине в Чечено-Ингушской Республике. Они рассказали, что там положение очень тяжелое, и для того чтобы не усугублять его, не ставить еще [под] более тяжелый удар вас, надо принимать меры, которые бы предупредили бедствия.

Среди вас есть, очевидно, такие, которые поедут в г. Грозный, который теперь является столицей нашей Чечено-Ингушской Республики. Я являюсь работником горисполкома г. Грозного, являюсь заместителем председателя горисполкома.

ГОЛОС С МЕСТА. Кто вы по национальности?

ШЕДУЛИН. Грузин. По плану, который был намечен Оргкомитетом, который сейчас является нашим правительством в столице республики в г. Грозный, в этом году должны приехать 450 семей чеченцев и ингушей. Сейчас уже в наш г. Грозный приехали по удостоверениям и, к сожалению, без удостоверений уже более 350 семей, но после нашего отъезда сюда еще были отправлены эшелоны. Очевидно, они тоже туда уже приехали. Плюс

к этому в Грозный приехало много семей, которые имеют направления в другие районы республики. Многие из них решили остаться в Грозном, и таким образом положение еще более усложнилось.

Многие жители г. Грозного тоже находятся в тяжелом положении. Какие меры принимает правительство, Оргкомитет и парторганизация республики? Прежде всего, мы принимаем меры, чтобы имеющиеся служебные помещения, культурно-бытовые помещения приспособить под квартиры для приехавших чеченцев и ингушей. Мы уже разместили прибывших. В основном люди начали прибывать с апреля месяца. Мы размещаем прибывших в промышленных районах, принимаем меры, чтобы разместить чеченцев и ингушей в квартирах, которые мы уплотняем. Уплотнять приходится с большим трудом, но мы это делаем. Выделяем материал, оборудование для строительства домов, будем строить 100 одноквартирных и двухквартирных домов для прибывших чеченцев и ингушей. Многие чеченцы и ингуши, которые уже сейчас находятся в Грозном, изъявили желание сами строить дом. Мы им предоставляем сейчас такую возможность, предоставляем земельные участки, будем оказывать помощь материалами.

Однако всех этих мер сейчас оказывается совершенно недостаточно. Многие семьи в г. Грозном и особенно в областях и районах находятся в очень и очень тяжелых условиях.

Здесь товарищи говорили, якобы Оргкомитет не хочет принимать чеченцев и ингушей. Это не так. Мы не можем всем приехавшим товарищам дать квартиры в нашем коммунальном фонде. Мы через райкомы и райисполкомы ищем частные квартиры. Некоторым товарищам оказываем материальную помощь. Поэтому я хочу опровергнуть заявление выступающего здесь товарища, что там, в Чечено-Ингушетии местные организации делают так, чтобы не принимать чеченцев и ингушей.

Когда наши трудящиеся объявили, что город Грозный становится центром Чечено-Ингушской Республики, то трудящиеся города Грозного восприняли это дело с удовлетворением, они приветствовали такое решение партии и правительства. Я должен заявить, что чеченцы и ингуши ведут себя достойно, местное население тоже ведет себя хорошо. Оргкомитет и обком партии г. Грозного занимаются переселением людей. У нас все меры принимаются к тому, чтобы лучше организовать переселение людей и избежать трудностей, в которых оказались и прибывшие чеченцы, и ингуши, и люди, живущие на местах.

Оргкомитет и обком партии просили нас сказать вам всю правду, просили передать, что оргкомитет и обком партии будут принимать все меры к тому, чтобы вы приехали домой, чтобы ваш переезд был наиболее благополучным. Наша задача сейчас состоит в том, чтобы избежать жертв, чтобы не мучить вас.

Например, вчера был проливной дождь, а вы сидели под дождем и отказывались от услуг, от помощи, которую вам прислали.

От имени горисполкома г. Грозного, где я работаю, заверяю вас, что мы сделаем все, чтобы сократить срок переезда на родину.

Горком, оргкомитет и обком партии при помощи Центрального правительства и ЦК КПСС будут все делать, чтобы ускорить срок вашего переезда, чтобы максимально сократить этот срок. Всем нам понятны ваши чувства к своему краю, к родному дому, где жили ваши отцы и братья. Но нужно сейчас, чтобы не было нездоровых явлений, нужно, чтобы никто не пострадал. Если не будет всего этого, то срок вашего переезда будет сокращен. Самое долгое, вам придется ждать до весны будущего года, а к весне будущего года вас будут принимать как славных братьев Чечено-Ингушской Республики. *(Аплодисменты)*…

ДЕЛАЕВ (из совхоза им. Молотова Энбекши-Казахского района). (Говорит на чеченском языке. Переводит т. Абазатов.)

Поворачиваясь к президиуму Делаев говорит: Не хочу им говорить, хочу вам сказать. Я хочу говорить, как говорят чеченцы и ингуши. Когда устанавливалась Советская власть, то в Осетии была своя власть, в Грузии установили свое государство. Когда к нам пришла Советская власть, то мы с радостью приняли в свои объятья Советскую власть, но потом на наших землях поселились грузины, осетины, дагестанцы. Это было в далекие времена.

Мы по-братски жили, мы не против всего этого, все мы вытерпели. Мы вытерпели и переселение в 1944 г. Мы разорились тогда, мы перенесли все тяжести жизни.

Осетины на своей земле, грузины на своей земле. Чем же мы виноваты, почему мы не на родной земле? Почему вы не передадите и не расскажите правительству о нашем горе? Если грузины, осетины и др. могут жить на родной земле, почему же мы не можем жить на родной природе? *(Здесь люди рассмеялись в зале)*.

Дальше он продолжает: Почему нас не принимают? Мы всегда слушались и слушаемся, а почему вы не расскажете нашему правительству о нашем горе, не поможете? Неужели мы такие люди, если уж не можете удовлетворить нашу просьбу и такие мы плохие люди, тогда передайте нас другому государству. *(Тут в зале зааплодировали)*.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Слово имеет т. Холухаев Б.А.

Товарищи! Решением XX съезда нашей партии был поставлен вопрос о восстановлении нашей Чечено-Ингушской АССР.

Товарищ Ивлев, представитель ЦК КПСС, который сидит здесь в Президиуме, является активным участником в деле решения партии и правительства о восстановлении нашей республики. Ему клялись наши чечено-ингушские делегаты в Москве, которые ездили с просьбой о восстановлении нашей республики, что «если будет восстановлена наша республика, мы готовы всеми силами оберегать честь и славу своей республики, что мы никогда не допустим никаких беспорядков в ней и готовы на любые условия передвижения на родину и т.д.».

В наших письмах на имя нашего правительства о восстановлении нашей республики мы писали: «главное не обстоятельство, которое задерживает наше возвращение, нам говорят, что наши места заняты другими людьми. К этим поселенцам у нас нет претензии. Мы приветствуем заботу о них и ни на одну секунду не желаем им того страшного, что перенесли мы».

Так мы говорили раньше, а теперь мы эти свои священные обязательства, данные нашему правительству, начинаем нарушать. И тов. Ивлев сегодня вполне законно требует от нас не нарушать свои обязательства и обещания, данные нами нашими представителями в Москве.

На нашей родине в настоящее время проживают около 400 тысяч человек разной национальности, плюс к этому отсюда выехали домой около 150 тыс. чечено-ингушского населения, из них 70 тыс. с разрешением, а остальные без разрешения. Это и является большим беспорядком и создает затруднения в переселении в этом году по плану нашего правительства нашей республики. В настоящее время нет никакой возможности принять еще людей туда, в то время когда в тягчайших условиях находятся уже переехавшие отсюда всякими правдами и неправдами.

В настоящее время много людей с разрешением и без разрешения скопилось на станциях Алма-Аты, Джамбула, Фрунзе и т.д. Почти половина желающих переехать на Родину сосредоточены на вокзалах уже после того, как был запрещен дальнейший выезд в Чечено-Ингушетию. Таким образом, люди очутились в тяжелых условиях, дети и женщины начинают болеть, не исключена возможность вспышки эпидемии. Поэтому прежде всего надо сохранять свое здоровье. Это самое главное. Казахский народ нас вновь принимает в свои объятия. Они готовы создать нам самые благоприятные условия при возвращении нас обратно в те места, где мы жили.

Для нашего благоустройства на территории Казахской ССР создана комиссия во главе с зам. председателя Совета Министров КазССР тов. Николаевым. Во всех областях и районах тоже имеются комиссии по благоустройству нашего народа, который временно должен оставаться здесь. Это будет зависеть от того, как наше чечено-ингушское правительство справится с расселением тех, кто уже переехал на родину. Казахский народ и правительство вновь принимают нас в свою семью и создают нам все условия для спокойной жизни.

Я прошу вас немедленно вернуться в свои прежние места поселения. Вам предоставят дома, скот и трудоустроят, предоставят все возможности для нормальной жизни. Я со всей ответственностью говорю вам, что это будет так. К примеру, скажу вам одно. Я имею здесь

шесть братьев и много родственников. Ни один из них не находится на этом вокзале, хотя у них на руках и имеется разрешение. Учитывая создавшееся положение на Кавказе, я им не разрешил ехать сейчас на родину и сказал всем им, что надо подождать с отъездом, пока будет порядок. Вы все это знаете, поэтому еще раз прошу вас не губить своих в чем неповинных детей и женщин, не создавать им тяжелые и невыносимые условия жизни и немедленно вернуться обратно в свои дома и к своим друзьям и приступить к созидательному труду ради ваших детей и близких. Вот моя просьба к вам, дорогие товарищи!

МАСАЕВ (десятник строительства кирпичного завода № 1 г. Алма-Аты). (Говорит на родном языке. Переводит т. Абазатов.)

Многие товарищи, которые здесь выступали, говорили о возвращении домой. Я тоже хочу немого сказать об этом. Надо отметить, что в настоящее время мы не освобождены еще от режима комендатуры, мы фактически неравноправны, нас не освободили от ограничений, которые были наложены на нас при переселении. Некоторых из нас расстреляли в 1944 году. Я сам являюсь свидетелем, своими глазами видел, как расстреляли 4 человек, но за их смерть никого не наказали и о наказании нам не сообщили.

Говорят, что Оргкомитет не подготовился к приему чечено-ингушского населения, потому что нынешние руководители Чечено-Ингушской Республики – это старые руководители, которые были еще до Оргкомитета, и они не дают Оргкомитету ничего делать и сами не заботятся о возвращении чечено-ингушского народа на родину. В обкоме партии сидят казаки, люди которые не хотят знать нас и не хотят нашего возвращения домой. Надо это иметь в виду и принять меры по этой части, чтобы там действительно сидели люди, которые бы понимали и готовились принять чечено-ингушский народ.

Я и год и два мог бы остаться здесь, но настоятельно прошу руководителей, чтобы они передали выше, чтобы отправили тех, кто терпит лишения, которые все растеряли и находятся на вокзале. *(Здесь ему аплодировали)*.

(С места). *(Здесь пропущено)*. Я сказал, что нас еще не полностью освободили, что комендант каждый день ходит на вокзал и следит, если дают билеты другим гражданам, то у чеченцев отнимают.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ: слово предоставляется т. Дильмухамедову – председателю колхоза им. Чапаева Алма-Атинского р-на.

ДИЛЬМУХАМЕДОВ: Товарищи, здесь присутствует много колхозников из нашего колхоза. Мы с вами работали 13 лет. Ни правление колхоза, ни наша партийная организация не имеет серьезных претензий к нашим колхозникам, которые на сегодня собрались выезжать на свою родину. Мы их по требованию оргкомитета подготовили, доставили сюда. Коль скоро состоялось такое решение партии и правительства, наши колхозники просили меня передать вам от имени наших колхозников – мы с удовольствием готовы принять наших колхозников обратно. Мы можем тем колхозникам, которые продали колхозу свои дома, крупный рогатый скот ,полностью возвратить то, что им принадлежало, колхоз в состоянии выделить приусадебный участок согласно уставу с/х артели. Мы ни в чем вас обвинять не будем и не будем обижать, если вы сегодня пойдете вместе со мной, мы готовы принять вас. Дома ваши стоят на месте, скот на месте. Если товарищи сегодня скажут, что пойдут, мы готовы целиком и полностью принять их в колхоз, и вы будете работать так же, как и работали до сих пор.

Многие колхозники, которые находятся тут, в своем большинстве были отмечены решением правления колхоза, партийной организации и решением общего собрания колхозников за хорошую работу по итогам годовой деятельности колхоза в 1956 г. Мы считаем, что мы с вами и в дальнейшем будем работать до тех пор, пока будет команда о вашей отправке на Родину. Осталось немного времени, когда вы поедете к себе на родину, а сейчас правление колхоза, партийная организация готовы принять обратно и полностью вас благоустроить *(аплодисменты)*.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ: слово предоставляется т. Лопатюк – председателю колхоза им. Сталина Алма-Атинского района.

ЛОПАТЮК: Товарищи, трудящиеся Казахстана вместе с трудящимися всего Советского Союза и вместе с вами одобряют и приветствуют решение правительства о восстановлении Чечено-Ингушской Республики. Сейчас обсуждается вопрос о том, как быть с отправкой вас в вашу республику. Положение, которое доложили здесь представители Оргкомитета, вы знаете, вам надо сделать выбор, что будет лучше – или временно оставаться здесь и переждать какой-то момент с тем, чтобы затем более организованно переселиться и устроиться на новом месте в своей республике, или приехать в совершенно неблагоустроенные условия. Видимо, из этих двух моментов надо отдать предпочтение второму, т.е. несколько переждать с тем, чтобы уехать затем более организованно, более благополучно организовать переселение. На вокзале находится 22 семьи. А некоторые из них здесь присутствуют, которые являлись колхозниками колхоза им. Сталина Алма-Атинского района (Ленинский сельсовет). От имени колхозников правления колхоза, партийной организации я приглашаю всех тех колхозников, которые были в колхозе им. Сталина, возвратиться обратно к нам. Я прошу вас некоторое время, то есть до того момента, когда будет вновь возобновлено переселение, остаться в колхозе и выполнять те же работы, которые выполняли до этого. Мы постараемся вас благоустроить. Правда, может быть хуже, чем вы были раньше устроены, но колхоз обязуется обеспечить вас квартирами, участками для огородов, помочь семенным материалом для того, чтобы обеспечить посадку приусадебных участков. Таким образом, мое выступление сводится к тому, чтобы пригласить всех товарищей, которые являлись колхозниками колхоза им. Сталина Ленинского сельсовета Алма-Атинского района, к нам обратно. Можете завтра же приходить к нам.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Слово имеет т. Чернов – секретарь Алма-Атинского райкома партии.

Тов. ЧЕРНОВ. Тов. Чернов в своем выступлении призывает всех чеченцев и ингушей обратно на свои старые места. Он говорит, что Алма-Атинский район в состоянии обеспечить жильем, создать лучшие условия, чем ожидают их в Чечено-Ингушской Республике. Тов. Чернов говорит, что чеченцы и ингуши будут окружены заботой и вниманием всей партийной организации, что они смогут спокойно в хороших условиях прожить тот период, который просит правительство Чечено-Ингушской Республики, пожить в Казахстане *(аплодисменты)*.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ: Слово имеет т. Вахаев для ответа на вопросы.

ВАХАЕВ: Я сказал все, что хотел сказать, в своем выступлении. Здесь некоторые товарищи неправильно информировали вас, я хочу дать справку по существу отдельных моментов. Один из товарищей заявил, что Чечено-Ингушского оргкомитета нет, что фактически там руководят русские. Я считаю, что такая постановка вопроса совершенно неправильна и не отражает мнения нашего народа. Это высказывания отдельных людей, которые не направлены на защиту интересов ни ваших, ни всего нашего народа.

Наш народ жил и рос вместе с русским народом в единой братской семье, и наш народ никогда не был обижен русским народом. В нашем выселении русский народ не виноват, в нашем выселении виноваты отдельные лица и группа людей, которые получили по своим заслугам от советского правительства и от русского государства. Мы должны понять раз и навсегда это, и если мы этого не поймем, мы допустим большую ошибку, которая может привести к очень нехорошим результатам.

Некоторые товарищи говорили, что в Акмолинской, Кокчетавской, Карагандинской и других областях происходит то же, что и здесь, что якобы там тоже люди выезжают на станцию и сидят там. Это ложная информация. Ни в Акмолинске, ни в Караганде, ни в Кокчетаве такого положения нет. Это только в Алма-Атинской области, в Джамбульской и Южно-Казахстанской. Тов. Яндиев выступал и говорил, что в нашем правительстве не мужчины, что они не понимают нас и ставят вопрос о прекращении въезда.

Я говорю от имени всех коммунистов Чечено-Ингушской Республики, которые выступают сейчас в защиту решений ЦК партии и решений Чечено-Ингушского обкома и оргкомитета, что так понимать нельзя, это не отражает мнения нашего народа. Нельзя устра-

ивать такие вещи. Надо наоборот сказать, что сумасшедшим нужно быть в сумасшедшем доме, но не говорить такие вещи. Я коммунист, член партии, чеченец и на себя не могу принять такое заявление, что мы не защищаем вас. Мы выступаем во имя защиты наших интересов, хотим защитить ваших детей, которые валяются на полу, защитить вас самих. Мы знаем истинное положение на территории Чечено-Ингушской Республики. Я знаю, что там невозможно принять ни одного человека на сегодняшний день. Поэтому мы просим задержаться немного здесь, а потом приехать на родину. Нельзя так ставить вопрос, ибо такая постановка вопроса неправильная. Тов. Эндиев в своем выступлении говорил, что меня здесь или посадят, или отпустят. Его никто не собирается сажать, а заниматься демагогией никто не позволит. Здесь ответственное собрание, а поэтому нужно себя держать так, как подобает советскому человеку.

Тов. Гинаев в своем выступлении говорил, что вы перебили всех наших мулл и всех наших стариков, что если нас не хотите, то передайте нас другому государству. Это пахнет не только демагогией, а пахнет это антиполитическим выступлением. Это не отражает чаяния нашего народа. Наш народ завоевывал Советскую власть рука об руку с русскими. Наша территория орошена кровью лучших сынов наших. Наш народ поддерживал Коммунистическую партию, и на сегодняшний день наш народ будет поддерживать нашу партию. Наш народ не хочет идти ни на какую другую территорию другого государства, не хочет идти ни во Францию, ни в Америку, ни в Англию, никуда. Наш народ хочет жить в единой семье со всеми народами Советского Союза, опираясь на великий русский народ, опираясь на культуру русского народа, опираясь на экономику русского народа, получая помощь этого народа, и поэтому мы должны осудить это выступление.

ИВЛЕВ: Правильно он говорит?

ГОЛОСА ИЗ ЗАЛА: Правильно! *(аплодисменты)*

ВАХАЕВ. Еще одно замечание насчет выступления Мусаева. Он ставил так вопрос, что оргкомитет не является хозяином, что хозяин Яковлев, хозяева те, кто раньше сидел там и т.д. Отношение русских товарищей к чеченцам я высказывал и повторять не буду. Он сказал, что ЦК не заставляет этих руководителей повернуться лицом к чеченскому народу. Так я понял тебя, Мусаев?

МУСАЕВ: Почти так.

ВАХАЕВ. Я считаю, что такая постановка вопроса совершенно неправильна и по адресу ЦК партии вы не имеете права говорить такие вещи. Именно ЦК принял постановление о возрождении нашей республики, именно ЦК отпустил ссуду на благоустройство нашего народа на территории Чечено-Ингушской республики, именно ЦК пошел нам сейчас навстречу для того, чтобы спасти нас от бедственного положения, прислал свою комиссию, которая поможет благоустроить. Один Яковлев не решает вопроса. Решает коллектив. Другое дело, что там имеются большие недостатки в области выдвижения и размещения работников нашей национальности. Об этом известно и соответствующее задание дано. Сейчас занимаются подбором национальных кадров. Они будут там, мы только начинаем жить. Это все сразу не делается, надо иметь терпение. Все будет сделано, все будет подготовлено и все будет проведено в жизнь.

Я считаю, что наш народ чечено-ингушский, в том числе и мы с вами, поддержим решение ЦК, поддержим советское правительство. Мы поддерживали советское правительство в тяжелые годы войны, поддерживали в более тяжелые дни. Теперь нам остается немного, остаются считанные месяцы. Давайте же поддержим решение Центрального Комитета партии и докажем это своей организованностью, честным трудом, давайте выкинем из своей среды провокаторов, дезорганизаторов.

Да здравствует Центральный Комитет нашей партии и Советское правительство!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Слово имеет т. Ивлев – представитель ЦК КПСС.

Тов. ИВЛЕВ. (Не стенографируется).

ГОЛОСА ИЗ ЗАЛА: Нам безразлично, кто чеченец, или русский, или казах, но мы требуем справедливости. Почему с железнодорожным билетом в кармане мы не можем выехать на родину?

Тов. ИВЛЕВ. Вопрос о вашем выезде будет решаться в скором времени.

[Без подписи].

АП РК. Ф. 708. Д. 449. Л. 126–173. Машинописная копия.

Комментарии

[1] Х.Г. Вахаев – инструктор Чечено-Ингушского обкома КПСС.

[2] М. Абазатов – редактор республиканской газеты «Къинхьегаман Байракх» («Знамя труда»), выходившей на чеченском языке.

* * *

№ 2

Письмо А.Б. Шадиева секретарю ЦК КП Казахстана И.Д. Яковлеву

г. Алма-Ата 10 июня 1957 г.

Секретарю ЦК КП Казахстана
товарищу И. Д. Яковлеву
трест «Казжелдорресторан»
Т[елефон] 9-48-91

8 июня 1957 г. мне пришлось быть очевидцем скопления большого количества чеченцев и ингушей на станции Алма-Ата-1. Они расположились лагерем вдоль железной дороги протяженностью 700–800 мет. И на глубину 10–25 мет., со средней плотностью 1 чел. на 1,5–2 м площади.

Мешки, кадки, кровати и другие вещи расставлены кучками и рядами по всей площади без соблюдения какого-либо порядка. Тут же разводятся костры, на которых готовится пища.

Водоснабжение осуществляется из 2-х колонок, у которых стоят в очереди по 2 часа.

Вечером в пристанционных магазинах хлеба не было. Тыльная сторона лагеря на всю его протяженность детворой превращена в отхожее место.

В сборе примерно насчитываются 7–8 тыс. человек. Число их быстро росло. Под одновременной разгрузкой насчитывалось 4–6 грузотакси. По составу преобладают дети и женщины. Сюда съехались люди почти со всех мест области. Начиная с первых чисел месяца, распродав дома, рассчитавшись с работой к указанному в удостоверениях сроку, что имели в виду те, которые выдавали.

Все, что мною описано, происходит без вмешательства или руководства со стороны ответственных лиц. Их никто не назначал. Также отсутствовали санконтроль и милиция. Зато имеют место отрицательные явления, как-то: наличие больных, азартных игр, кражи, циркуляция самых разнообразных слухов, большая часть, не имеющая общего с действительностью.

Я слышал, как подозрительные личности намекали на свои «услуги» за незначительное вознаграждение устранить первоочередную погрузку. Намек на обман, на взятку.

Пользуясь благоприятной атмосферой, иные из этой среды не брезгали пускаться на демагогические заявления. Один из говоривших в поте лица «трудился», доказывая, что все руководители уехали, бросив нас на произвол судьбы, что оргкомитет не наделен никаким правом и вообще бездействует, и в конце пришел к выводу, что всеми силами нужно ехать и ради чего он побывал сегодня то там, то там <…> и т.д.

Описываемый мною случай на Алма-Ате-1 не является результатом сегодняшнего дня или результатом задержки, а наоборот, подготовлен неправильными отношениями, действиями в процессе подготовки к отправке с начала этой кампании, которая началась проведением разовых собраний, где не было достигнуто взаимопонимание и потому в дальнейшем не было произведено серьезных попыток разъяснить людям значения этих мероприятий.

После проведенных собраний, без технической и организационной подготовки приступили к составлению списков. В числе их был и я. Списки спешно составлялись и сдавались в райсоветы. В процессе составления списков у меня возник ряд вопросов, в том числе и о необходимости усиления агитмассовой работы по вопросам организации, но, к сожалению, переговорить с кем-либо из оргкомитета или с теми, которые дали задание, мне не удалось, также как многим остальным составлявшим списки, а нас называли агитаторами, нам поручали ответственную работу. Невозможно было добиться приема. Они, видимо, были охвачены горячкой, и думая, что каждый приходит к ним за разрешением, отказывали в приеме или даже могли не располагать временем. Ведь по всем вопросам, даже самым пустяковым, со всей области обращались к тов. Сагаеву и т. Дукузову, ибо они только могли отвечать. Всюду старались сами успевать. Даже тов. Сагаев, говорят, по несколько раз выходил за день из служебного кабинета в садик и там беседовал с людьми.

А кто еще беседовал или проводил работу разъяснительную с людьми?

Если не считать отдельных выступлений газеты «Знамя труда» и разовых собраний по вопросу отправки на Кавказ, никакой другой работы, как-то: беседы, лекции, читки, собрания через агитаторов, через актив не было проведено.

Таким образом, политмассово-разъяснительная была запущена и отсутствовала слаженность в работе. В результате чего желание спешно отправляться на Кавказ взяло верх и началась погоня за удостоверениями, и такая серьезная кампания во многом уподобилась казахской народной игре «Кокпар».

Удостоверения не стали фактором, регулирующим отправку. Я, конечно, здесь имею в виду А-Атинские районы. Пользуясь неорганизованностью, удостоверениями также заручались много несознательные элементы, и наоборот, большая часть из оставшихся, движимые сознательностью, продолжают нормально работать и жить. Такому положению способствовало еще и следующее: некоторые товарищи из Чечено-Ингушского актива склонны отрицать агитацию, заявляя, что мы и так не справляемся с делом, что еще много нерешенных вопросов и с агитацией нас высмеют. Мне, конечно, непонятно, о каком деле может идти речь без разъяснительной работы. Или еще «коммунисты из чеченцев и ингушей пользуются весьма низким влиянием среди чечено-ингушского населения. Обращает на себя внимание, то, что основной центр тяжести своей работы оргкомитет держит в ЧИАССР и незначительная часть уделяется отправке людей, при этом делают ставку на стремление, желание людей ехать на Кавказ, приняв его за основное в своей работе, отодвигая сознательность и организованность на вторую очередь.

Я считаю, что успех всякой организационной работы по определению прибывающих в ЧИАССР будет зависеть в первую очередь от того, с какой сознательностью, с какой организованностью будут люди прибывать из Казахстана, что начало агитмассовой работы должно быть здесь, надо активно вмешиваться в стремление ехать людей на Кавказ, организуя и направляя их, руководя ими. Нужно больше привлечь активистов, работать с ними, требовать с них, призывать их к налаживанию дела организации отправки.

Я от всего сердца одобряю решение VII Пленума ЦК КП Казахстана об усилении агитмассовой политической работы с чечено-ингушским населением. За последнее время, увлекшись второстепенными вопросами, среди чечено-ингушского актива забыто и сдвинуто из поля зрения самое важное и главное, которое в то же время является самым близким сердцу каждого горца – это решение XX съезда КПСС о полной реабилитации чеченцев и ингушей. Отсюда нетрудно понять, что все остальное в чечено-ингушском вопросе является второстепенным по отношению к главному и то, что несовместимое с ним будет изживаться и пусть оно не заслоняет главного.

Горцам, т.е. чеченцам и ингушам, приличествует должным образом отвечать на любую услугу, не говоря уж о столь огромной отеческой заботе, проявленной о них нашей Партией. Вот о чем агитаторы могли бы вести агитацию и могли призывать их помочь в осуществлении намеченных мероприятий. Сейчас как никогда ощутимы исторические достижения

народов СССР и перспективы будущего. Все это послужило бы хорошим примером для разъяснительной работы.

Я пишу настоящее заявление в надежде, что оно принесет пользу общему делу.

[Без подписи]

АП РК. Ф. 708. Д. 449. Л. 22–25. Рукописный подлинник

Литература

Аблажей Н.Н. Кампания внутренней передислокации спецпоселенцев в начале 1950-х гг.: нереализованная директива // Знать, чтобы не забыть: тоталитарная власть и народ в 20 – начале 50-х годов XX века: мат-лы. междунар. науч.-практ. конф. Усть-Каменогорск, 2014. С. 37–48.

Бугаев А.М. Восстановление ЧИАССР: начальный этап (1956–1958 годы) // Вестник Академии наук Чеченской республики. 2009. № 1 (10). С. 65–78.

Бугаев А.М. Население и территория Чечено-Ингушской АССР в 60-е – 80-е гг. XX века // Вестник Калмыцкого университета. 2017. № 33 (1). С. 6–11.

Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в.) / ред. В.А. Козлов. М.: РОССПЭН, 2011. 1094 с.

Восстановление Чечено-Ингушской АССР (1953–1962): сб. док-тов и мат-лов / сост. Л.Д. Инуркаева и др. Нальчик: Печатный двор, 2013. Т. 1. 491 с.

Ермекбаев Ж.А. Чеченцы и ингуши в Казахстане. История и судьбы. Алматы: Дайк-Пресс, 2009. 508 с.

Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М.: Наука, 2003. 306 с.

Ибрагимов М.М. Чеченцы: выселение, выживание, возвращение. Грозный: Грозненский рабочий, 2015. 270 с.

Ингуши: депортация, возвращение. Реабилитация. 1994–2004: Документы, материалы, комментарии / автор-сост. Я.С. Патиев. Магас: Сердало, 2004. 608 с.

Козлов В.А., Козлова М.Е., Бенвенути Ф. Парадоксы этнического выживания: сталинская ссылка и репатриация чеченцев и ингушей после Второй мировой войны (1944 – начало 1960-х гг.). СПб.: Нестор-История, 2016.

Кринко Е.Ф., Черкасов А.А. Из истории восстановления автономий репрессированных народов Северного Кавказа в условиях «оттепели» // Новый исторический вестник. 2014. № 1 (39). С. 49–69.

References

Ablazhey, N.N. (2014). Kampaniya vnutrenney peredislokatsii spetsposelentsev v nachale 1950-kh gg.: nerealizovannaya direktiva [Campaign for the Internal Redeployment of Special Settlers in the Early 1950s: An Unrealized Directive]. In *Mater. mezhd. nauch.-prakt. konf. Znat, chtoby ne zabyt: totalitarnaya vlast i narod v 20 – nachale 50-kh godov XX veka.* Ust-Kamenogorsk, pp. 37–48.

Bugaev, A.M. (2009). Vosstanovlenie CHIASSR: nachalnyy etap (1956–1958 gody) [Restoration of the CHIASSR: The Initial Stage (1956–1958)]. In *Vestnik Akademii nauk Chechenskoy Respubliki.* No. 1 (10), pp. 65–78.

Bugaev, A.M. (2011). Naselenie i territoriya Checheno-Ingushskoy ASSR v 60-e – 80-e gg. HKH veka [Population and Territory of the Chechen-Ingush Autonomous Soviet Socialist Republic in the 60s–80s]. In *Vestnik Kalmytskogo universiteta.* No. 33 (1), pp. 6–11.

Ermekbaev, Zh.A. (2009). *Chechency i ingushi v Kazahstane. Istoriya i sudby* [Chechens and Ingush in Kazakhstan. History and Fate]. Almaty, Dajk-Press. 508 p.

Ibragimov, M.M. (2015). *Chechentsy: vyselenie, vyzhivanie, vozvrashchenie* [Chechens: Eviction, Survival, Return]. Groznyy, Groznenskiy rabochiy. 270 p.

Inurkaeva, L.D. (2013).*Vosstanovlenie Checheno-Ingushskoy ASSR (1953–1962). Sbornik dokumentov i materialov* [Restoration of the Chechen-Ingush ASSR (1953–1962). Collection of Documents and Materials]. Nalchik, Pechatnyy dvor, 2013. T. 1. 491 p.

Kozlov, V.A. (Eds.). (2011). *Vaynahi i imperskaya vlast: problema Chechni i Ingushetii vo vnutrenney politike Rossii i SSSR (nachalo XIX – seredina XX v.)* [Vainakhs and Imperial Power: The Problem of Chechnya and Ingushetia in the Internal Politics of Russia and the USSR (Early 19th – mid-20st Century)]. Moscow, ROSSPEN. 1094 p.

Kozlov, V.A., Kozlova, M.E., Benvenuti, F. (2016). *Paradoksy etnicheskogo vyzhivaniya: stalinskaya ssylka i repatriatsiya chechencev i ingushey posle Vtoroy mirovoy voyny (1944 – nachalo 1960-h gg.)* [Paradoxes of Ethnic Survival: Stalins Exile and Repatriation of Chechens and Ingush after World War II (1944 – early 1960s)]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya. 128 p.

Krinko, E.F., Cherkasov, A.A. (2014). Iz istorii vosstanovleniya avtonomiy repressirovannyh narodov Severnogo Kavkaza v usloviyah “ottepeli” [From the History of the Restoration of the Autonomies of the Repressed Peoples of the North Caucasus in the Conditions of the “Thaw”]. In *Novyy istoricheskiy vestnik.* No. 1 (39), pp. 48–69.

Patiev, Ya.S. (Eds.). (2004). *Ingushi: deportatsiya, vozvrashchenie. Reabilitatsiya. 1994–2004: Dokumenty, materialy, kommentarii* [Ingush: Deportation, Return. Rehabilitation. 1994–2004: Documents, Materials, Comments]. Magas, Serdalo. 608 p.

Zemskov, V.N. (2003). *Spetsposelentsy v SSSR, 1930–1960* [Special Settlers in the USSR, 1930–1960]. Moscow, Nauka. 306 p.

М.А. Симонов*

В НАЧАЛЕ ДОЛГОЙ ЭПОХИ

doi:10.31518/2618-9100-2022-6-19
УДК 94:354+321.022

Выходные данные для цитирования:
Симонов М.А. В начале долгой эпохи // Исторический курьер. 2022. № 6 (26). С. 277–285. URL: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-6-19.pdf

M.A. Simonov*

AT THE BEGINNING OF A LONG EPOCH

doi:10.31518/2618-9100-2022-6-19

How to cite:
Simonov M.A. At the Beginning of a Long Epoch // Historical Courier, 2022, No. 6 (26), pp. 277–285. [Available online: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-6-19.pdf]

Abstract. The article is a review of two documentary publications (Tomilina, N.G., Prozumenshchikov, M.Y., Jalilov, T.A., Pivovarov, N.Y. (Comp.). (2020). Secretariat of the Central Committee of the CPSU. Recordings and Transcripts of Meetings of 1965–1967. Moscow, IstLit, 2020. 944 p.; Prozumenshchikov, M.Yu., Jalilov, T.A., Pivovarov, N.Yu. (Comp.). (2020). Secretariat of the Central Committee of the CPSU. Working Notes and Minutes of Meetings. 1968. Moscow, IstLit. 968 p.). The corpuses of records and working materials of the Secretariat of the Central Committee of the CPSU for 1966–1968 are a full-stock edition of the documents of one of the two highest leadership bodies of the Communist Party, along with the Politburo. The review reveals the informational potential of the publications. First of all, they reflect the formal organization of the supreme party power at the beginning of the Brezhnev leadership of the USSR, and also show the decision-making process of its members. In addition, the collections under consideration contain material about almost all areas of the country's life. The review pays special attention to the reflection of the Soviet-Chinese contradictions in the documents.

Keywords: USSR, CPSU, Secretariat, L.I. Brezhnev, corpus of documents.

The article has been received by the editor on 29.08.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Представлена рецензия на два документальных издания (Секретариат ЦК КПСС. Записи и стенограммы заседаний 1965–1967 гг. / сост. Н.Г. Томилина, М.Ю. Прозуменщиков, Т.А. Джалилов, Н.Ю. Пивоваров. М.: ИстЛит, 2020. 944 с.; Секретариат ЦК КПСС. Рабочие записи и протоколы заседаний. 1968 г. / сост. М.Ю. Прозуменщиков, Т.А. Джалилов, Н.Ю. Пивоваров. М.: ИстЛит, 2021. 968 с.). Сборники записей и рабочих материалов Секретариата ЦК КПСС за 1966–1968 гг. представляют собой пофондовое издание документов одного из двух высших органов руководства Коммунистической партией наряду с Политбюро. В рецензии раскрывается информационный потенциал изданий. Прежде всего в них отражена формальная организация высшей партийной власти в начале брежневского руководства СССР, а также показан процесс принятия решений его членами. Помимо этого, рассматриваемые сборники содержат в себе материал практически обо всех областях жизни страны. Особое внимание в рецензии уделяется отражению в документах советско-китайских противоречий.

* **Максим Анатольевич Симонов,** кандидат исторических наук, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, e-mail: m.a.simonov1@yandex.ru
Maxim Anatolievich Simonov, Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russia Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia, e-mail: m.a.simonov1@yandex.ru

Ключевые слова: СССР, КПСС, Секретариат, Л.И. Брежнев, сборник документов.

Статья поступила в редакцию 29.08.2022 г.

В современной историографии сложилась особая ситуация – исследования по истории СССР после смерти И.В. Сталина в основном посвящены отдельным сюжетам развития страны, но сумма этих сюжетов не складывается в цельную картину. Меньше всего в этом отношении повезло периоду «застоя» или «брежневской стабильности», которому, как правило, посвящены биографии высших руководителей[1] и исследования по истории повседневности и антропологии[2]. В то же время историческая наука испытывает дефицит работ, в которых раскрываются принципы функционирования государственного аппарата, экономики и советского общества в этот период[3].

Такое положение связано с целым набором факторов. Во-первых, до сих пор не рассекречен ряд комплексов архивных документов, несмотря на состоявшуюся в начале 1990-х гг. «архивную революцию». Во-вторых, долгое время как общественный, так и исследовательский интерес к периоду «застоя» удовлетворяла обширная мемуарная литература, носящая при этом крайне субъективный и противоречивый характер[4]. В-третьих, налицо сохраняющийся интерес историков прежде всего к периоду 1917–1945 гг.

Накопление знаний о второй половине 1960-х – начале 1980-х – медленный процесс, который основан на вводе в научный оборот большого числа ранее не рассматривавшихся исторических источников и их критическом осмыслении. Крупным шагом в этом направлении стала публикация двух сборников документов, посвященных работе Секретариата ЦК КПСС в первые годы руководства страной Л.И. Брежневым. Эти сборники продолжают сложившуюся традицию публикации источников о деятельности высших органов власти и должностных лиц Советского Союза[5].

Секретариат ЦК КПСС наряду с Политбюро являлся одним из двух высших руководящих органов правящей партии. Сборники выстроены вокруг рабочих записей заседаний Секретариата ЦК, которые представляют собой «промежуточный вид документа между стенограммой, в которой максимально подробно записан ход заседания, и чистовым вариантом

[1] *Dornberg J.* Brezhnev: The Masks of Power. N.Y., 1974; *Медведев Р.А.* Личность и эпоха. Политический портрет Л.И. Брежнева. М., 1991; *Волкогонов Д.А.* Семь вождей. Галерея лидеров СССР в двух книгах. М., 1995; *Андриянов В.И.* Косыгин. М., 2003; *Млечин Л.М.* Брежнев. М., 2008; *Шаттенберг С.* Леонид Брежнев. Величие и трагедия человека и страны. М., 2018; *Огрызко В.В.* Неразгаданный Суслов. М., 2022.

[2] *Юрчак А.В.* Это было навсегда, пока не кончилось. М., 2014; *Иванова А.С.* Магазины «Березка». Парадоксы потребления в позднем СССР. М., 2018.

[3] Исключением можно считать: *Козлов В.А.* Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953 – начало 1980-х гг.). М., 2009. 463 с.

[4] *Шелест П.Е.* «Да не судимы будете». Дневниковые записи, воспоминания члена Политбюро ЦК КПСС. М., 1994; *Яковлев А.Н.* Омут памяти. М., 2000; *Семичастный В.Е.* Беспокойное сердце. М., 2002; *Бовин А.Е.* XX век как жизнь. Воспоминания. М., 2003; *Месяцев Н.Н.* Горизонты и лабиринты моей жизни. М., 2005; *Байбаков Н.К.* От Сталина до Ельцина. М., 2011; *Пастухов Б.Н.* Друзей моих прекрасные черты. Воспоминания. М., 2017; и др.

[5] Большевистское руководство. Переписка. 1912–1927. М., 1996; Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1936 гг. М., 1996; Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1998; Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1999; Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919–1952. Каталог: в 3 т. М., 2000–2001; Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М., 2001; Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953. М., 2002; Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления: в 3 т. М., 2003–2008; ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос: в 2 кн. 1918–1945 гг. М., 2005–2009; Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). 1923–1938 гг. М., 2007; «Никита Хрущев. 1964». Стенограмма пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 2007; Региональная политика Н.С. Хрущева. ЦК КПСС и местные партийные комитеты. 1953–1964 гг. М., 2009; Никита Сергеевич Хрущев. Два цвета времени. Документы из личного фонда Н.С. Хрущева: в 2 т. М., 2009; *Л.И. Брежнев*. Рабочие и дневниковые записи: в 3 т. М., 2016.

протокола, где фиксировались только номер вопроса, его название и постановление по нему»[6]. Рабочие записи в сборниках дополняются протоколами заседаний и материалами к ним. Исчерпывающее археографическое описание рассматриваемого комплекса документов дано в предисловии изданий, поэтому стоит сфокусироваться на их содержании.

Представленные в публикациях исторические источники раскрывают принцип работы и принятия решений высшим руководством СССР после смещения со своего поста Н.С. Хрущева. Учитывая, что такие органы ЦК партии, как Политбюро, Секретариат и Оргбюро, существовали на протяжении всего советского периода и развивались эволюционно, то рассматриваемые сборники позволяют взглянуть на советскую историю целостно, концептуально не деля ее на «раннесоветский»[7] и «позднесоветский»[8] периоды. Это особенно важно, учитывая, что советские практики государственного управления и официальная политическая риторика разных периодов обладают преемственностью по отношению к друг другу. Поэтому одна из задач, которая стоит перед современными исследователями, – выявление механизмов этой преемственности и создание картины советской истории, которая уйдет от восприятия ее как череды сменявших друг друга руководителей и будет сфокусирована на эволюции режима в целом.

Содержимое сборников является пофондовой публикацией материалов Секретариата ЦК КПСС за 1966–1968 гг. При этом событиям 1965 г. посвящен только один протокол совещания секретарей ЦК от 1 декабря, на котором была удовлетворена просьба А.И. Микояна об отставке с поста председателя Президиума ВС СССР. Таким образом, за пределами сборников остались события, связанные со сворачиванием преобразований Н.С. Хрущева – ликвидация совнархозов и восстановление министерской системы управления, а также разделение комитета партийно-государственного контроля и создание комитета народного контроля. При этом в материалах Секретариата за 1966–1968 гг. отражен не менее важный процесс трансформации «коллективного руководства» в режим политического лидерства Л.И. Брежнева.

Представленные в сборниках материалы можно рассматривать как основание для различных направлений исследований. Прежде всего, в документах отражен процесс принятия решений в аппарате ЦК КПСС. Секретариат, будучи частью ЦК, подчинялся общим для него формальным и неформальным правилам. Работа этого органа представляла собой периодические заседания секретарей ЦК КПСС под руководством одного из них, считавшегося «старшим». Как правило, в рассматриваемое время это был либо А.П. Кириленко, либо М.А. Суслов. От того, кто был председательствующим, зависела повестка заседания. Соответственно, анализ повесток позволяет определить изменение функционала секретарей. Сам Л.И. Брежнев редко возглавлял заседания Секретариата. Из представленных в сборниках 65 рабочих записей заседаний Л.И. Брежнев председательствовал лишь на одном – 5 января 1966 г. На нем обсуждались важнейшие политические вопросы момента: подготовка XXIII съезда КПСС в марте-апреле 1966 г. и Пленума ЦК, намеченного на май 1966 г. На съезде в завуалированной форме была высказана критика хрущевского экономического курса[9], а на пленуме сделан доклад о развитии мелиорации как нового направления в хозяйственной деятельности. Таким образом, это заседание стало одним из этапов корректировки экономической политики после Н.С. Хрущева.

---

[6] *Болдовский К.А., Пивоваров Н.Ю.* На пути к «брежневской стабильности»: Секретариат Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза в 1966–1968 годах // Новейшая история России. 2020. Т. 10, № 3. С. 685.

[7] См. напр.: Раннесоветское общество как социальный проект, 1917–1930-е гг.: в 2 ч. Ч. 1. Страна Советов: пространство, власть, экономика. Екатеринбург, 2018.

[8] См. напр.: *Дубин Б.В.* Позднесоветское общество в социологических разработках Юрия Левады 1970-х годов // Общественные науки и современность. 2010. № 5. С. 101–110; *Фокин А.А.* Тема повседневности в позднесоветских политических институциональных ритуалах // Петербургский исторический журнал. 2020. № 4. С. 114–122; *Чупринин С.И.* Оттепель. Март 1953 – август 1968 года. М., 2021.

[9] *Некрасов В.Л.* «Дилемма Хрущева»: реформы Госплана СССР, нефтехимический проект и вызовы холодной войны (вторая половина 1950-х – первая половина 1960-х гг.). М., 2020.

Важная функция Секретариата заключалась в заслушивании отчетов партийных руководителей разных уровней о проделанной работе. Так, высший партийный орган осуществлял руководство и контроль за положением дел в различных сферах: производстве, государственном управлении, науке и т.д. Например, по результатам докладов директора и секретаря партийного комитета Московского автомобильного завода имени Лихачева от 28 февраля 1968 г. о «совершенствовании технологий, усилении механизации производства, сокращении трудовых затрат и улучшении условий труда» председательствующий А.П. Кириленко предложил осветить передовой опыт завода в печати.

Наоборот, рассматривавшийся 25 января 1967 г. доклад Й.Г. Кэбина о работе с кадрами ЦК Компартии Эстонской ССР был подвергнут острой критике за недостаточную борьбу с «националистическими проявлениями». К ним относились случаи отказа десяти человек от партийных билетов, невозвращение секретаря райкома комсомола, а также работников киностудии «Таллинфильм» из заграничных командировок. Ответом на эти события со стороны Секретариата стала разработка проекта специального Постановления ЦК КПСС. Такая реакция являлась традиционной для центрального руководства и говорила об усиливавшейся формализации процессов государственного управления, так как еще при Н.С. Хрущеве ряд подобных проявлений мог стать поводом не только для постановления, но и создания специального Бюро ЦК. В период 1962–1964 гг. существовал целый ряд таких бюро: Закавказское, Среднеазиатское, по промышленности и строительству, по сельскому хозяйству и т.д.

Прямым следствием формализации была перегруженность Секретариата ЦК входящей документацией, что сказывалось на скорости его работы. Например, за вторую половину 1967 г. лишь одна треть вопросов, представленных отделами ЦК, была рассмотрена Секретариатом. Но экстраординарные случаи рассматривались в особом порядке.

Например, 23 января 1968 г. на повестку дня был вынесен вопрос о работе председателя Комитета молодежных организаций (КМО) СССР В.Г. Ярового, при котором была организована неформальная система сбора средств с местных комсомольских организаций (так называемые «подарки») для банкетов и приемов иностранных делегаций. По итогам разбирательства В.Г. Яровой был снят со своей должности, но председательствующий на заседании М.А. Суслов принял решение «не развертывая компании, следует посмотреть и в низовых организациях, как устраняются недостатки с организацией приемов, подарков». В этом решении также прослеживается эволюция отношений центрального и регионального управленческого аппарата, поскольку в сталинское время подобные, но менее громкие факты привели к организации всесоюзной кампании по «борьбе с премированиями»[10].

Помимо проблем, связанных с оперативным руководством партийными и государственными организациями, на рассмотрение Секретариата выносились идеологические вопросы. На заседаниях определялась необходимость печати очередных томов истории КПСС, очерков истории Коминтерна, книг по истории Второй мировой войны и т.д. Много обсуждений между членами Секретариата вызвал процесс подготовки мемуаров Г.К. Жукова. Таким образом, Секретариат контролировал издательский процесс в СССР.

Помимо этого, члены Секретариата рассматривали ряд научных дискуссий как поле для идеологической работы. Так, 22 марта 1967 г. Секретариат поручил Комиссии партийного контроля (КПК) провести расследование по поводу обсуждения книги А.М. Некрича «1941. 22 июня». Запись этого обсуждения попала в самиздат и за границу, что грозило репутационными потерями для власти, поскольку на совещании подверглась критике официальная версия нападения Германии на СССР.

Не менее важной стороной деятельности Секретариата было поддержание идеологического противостояния на мировой арене. Прежде всего, Секретариат был озабочен реагированием на «идеологическую опасность» со стороны США и их союзников, отражая «нападки буржуазной прессы». Однако набольший интерес для исследователей представляет менее

[10] Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О фактах премирования министерствами СССР и хозяйственными организациями руководящих работников регионов» // ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. 1945–1953. М., 2004. С. 156–158.

приоритетное для Секретариата направление работы – идеологическое противостояние с КНР, которое было частью борьбы за лидерство в мировом коммунистическом движении. Стоит отметить, что тема «Советско-Китайского раскола» плохо изучена в отечественной историографии, особенно ее идеологическая составляющая[11].

Материалы Секретариата дают широкое представление о тех методах, с помощью которых советское руководство пыталось влиять на общественное мнение внутри Китая и соперничать с ним в других регионах мира, прежде всего в Африке. Секретариат давал указания по переформатированию работы советско-китайского общества дружбы, регулированию обмена делегациями спортсменов и студентов, а также организации радиовещания на КНР на различных диалектах китайского языка. Б.Н. Пономарев так описал главную цель этих действий 19 июля 1966 г. на заседании Секретариата: «Мы не хотим вести с китайцами прямой полемики, но нам необходимо постоянно вести работу по пропаганде на Китай и противодействию их раскольнической деятельности».

Другое крупное международное событие с участием СССР – ввод войск в Чехословакию в 1968 г. – освещено в сборнике незначительно. Причина этого заключается в том, что военно-политические вопросы рассматривались на заседаниях Политбюро, на совещаниях в Министерстве обороны и КГБ. Однако слова, сказанные А.П. Кириленко на заседании 26 ноября 1968 г., дают представления об оценке этих событий высшим руководством СССР: «мы пока […] не выступили в поддержку КПЧ против правых». Слово «правые», как характеристика политических противников, отсылает к «правой оппозиции» (Н.И. Бухарин, А.И. Рыков, М.П. Томский) периода внутрипартийной борьбы за власть в 1920-е гг. Изучение причин инерции политического языка партийных руководителей, а как следствие, и их картины мира, является важной исследовательской задачей.

В сборниках также содержится богатый материал по советской символической политике, которая применительно к брежневскому периоду мало изучена. Начиная с 1961 г., на который пришлось двадцатилетие начала Великой Отечественной войны, СССР вошел в череду памятных дат и юбилеев, которая продолжалась до конца его существования.

Секретариат ЦК КПСС на своих заседаниях рассматривал вопросы о праздновании той или иной памятной даты. В этой связи важно изучить механизмы отбора событий для празднования, потому что любой юбилей или общенациональный праздник – это возможность для мобилизации населения и укрепления его гражданской идентичности. В этой связи особый интерес представляет выявление механики селекции примечательных дат, поскольку это может дать развернутую картину деятельности власти по форматированию советского общества.

Отдельно стоит отметить возможность, которую дают сборники для изучения влияния глобальных трендов на развитие СССР. В частности, начиная с 1960-х гг., на Западе набрала силу вторая волна феминистского движения. На этом фоне журнал «Советская женщина» взял интервью у Председателя Совета министров СССР А.Н. Косыгина о правах женщин в СССР, но на заседании Секретариата 6 февраля 1968 г. было признано «нецелесообразным публиковать беседу с т. Косыгиным». Выяснение реальных причин отказа требует дальнейшего исследования.

Можно заключить, что материалы Секретариата ЦК КПСС за 1966–1968 гг., представленные в двух рассматриваемых сборниках, будучи сопоставлены с уже известными фактами о функционировании высших органов власти СССР в более ранний период, позволяют проследить эволюцию практик государственного управления. Помимо этого, опубликованные документы дают возможность для значительного углубления научных знаний о различных аспектах политического, экономического, социального и культурного развития СССР в эпоху Брежнева. Универсальность и важность представленных в сборниках материалов делает их обязательными для использования в специальных работах.

[11] См., напр.: *Кулик Б.Т.* Советско-китайский раскол: причины и последствия. М., 2000. 639 с.; *Усов В.Н.* Дэн Сяопин и его время. М., 2009. 872 с.

Литература

Андриянов В.И. Косыгин. М.: Молодая гвардия, 2003. 366 с.

Байбаков Н.К. От Сталина до Ельцина. М.: Фонд инноваций им. Н.К. Байбакова, 2011. 349 с.

Бовин А.Е. XX век как жизнь. Воспоминания. М.: Захаров, 2003. 773 с.

Болдовский К.А., Пивоваров Н.Ю. На пути к «брежневской стабильности»: Секретариат Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза в 1966–1968 годах // Новейшая история России. 2020. Т. 10, № 3. С. 685–701.

Большевистское руководство. Переписка. 1912–1927. М.: РОССПЭН, 1996. 423 с.

Волкогонов Д.А. Семь вождей. Галерея лидеров СССР в двух книгах. М.: Новости, 1995. 972 с.

Дубин Б.В. Позднесоветское общество в социологических разработках Юрия Левады 1970-х годов // Общественные науки и современность. 2010. № 5. С. 101–110.

Иванова А.С. Магазины «Березка». Парадоксы потребления в позднем СССР. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 297 с.

Козлов В.А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953 – начало 1980-х гг.). М.: РОССПЭН, 2009. 463 с.

Кулик Б.Т. Советско-китайский раскол: причины и последствия. М.: Институт Дальнего Востока, 2000. 639 с.

Л.И. Брежнев. Рабочие и дневниковые записи: в 3 т. М.: Историческая литература, 2016. 3568 с.

Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М.: МФД, 1999. – 512 с.

Медведев Р.А. Личность и эпоха. Политический портрет Л.И. Брежнева. М.: Новости, 1991. 336 с.

Месяцев Н.Н. Горизонты и лабиринты моей жизни. М.: Вагриус, 2005. 623 с.

Млечин Л.М. Брежнев. М.: Молодая гвардия, 2008. 640 с.

Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы. М.: МФД, 1998. 848 с.

Некрасов В.Л. «Дилемма Хрущева»: реформы Госплана СССР, нефтехимический проект и вызовы холодной войны (вторая половина 1950-х – первая половина 1960-х гг.). М.: ИВИ РАН, 2020. 174 с.

Никита Сергеевич Хрущев. Два цвета времени. Документы из личного фонда Н.С. Хрущева: в 2-х т. М.: МФД, 2009. 1536 с.

«Никита Хрущев. 1964». Стенограмма пленума ЦК КПСС и другие документы. М.: РОССПЭН, 2007. 572 с.

Огрызко В.В. Неразгаданный Суслов. М.: Литературная Россия, 2022. 472 с.

Пастухов Б.Н. Друзей моих прекрасные черты. Воспоминания. М.: Центрполиграф, 2017. 320 с.

Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1936 гг. М.: Россия молодая, 1996. 303 с.

Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953. М.: РОССПЭН, 2002. 656 с.

Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919–1952. Каталог: в 3 т. М.: РОССПЭН, 2000–2001. 3048 с.

Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления: в 3 т. М.: РОССПЭН, 2003–2008. 3846 с.

Раннесоветское общество как социальный проект, 1917–1930-е гг.: в 2 ч. Ч. 1. Страна Советов: пространство, власть, экономика. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2018. 468 с.

Региональная политика Н.С. Хрущева. ЦК КПСС и местные партийные комитеты. 1953–1964 гг. М.: РОССПЭН, 2009. 776 с.

Секретариат ЦК КПСС. Записи и стенограммы заседаний 1965–1967 гг. / сост. Н.Г. Томилина, М.Ю. Прозуменщиков, Т.А. Джалилов, Н.Ю. Пивоваров. М.: ИстЛит, 2020. 944 с.

Секретариат ЦК КПСС. Рабочие записи и протоколы заседаний. 1968 г. / сост. М.Ю. Прозуменщиков, Т.А. Джалилов, Н.Ю. Пивоваров. М.: ИстЛит, 2021. 968 с.

Семичастный В.Е. Беспокойное сердце. М.: Вагриус, 2002. 460 с.

Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М.: РОССПЭН, 2001. 798 с.

Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). 1923–1938 гг.: в 3-х т. М.: РОССПЭН, 2007. 2442 с.

Усов В.Н. Дэн Сяопин и его время. М.: СТИЛСЕРВИС, 2009. 872 с.

Фокин А.А. Тема повседневности в позднесоветских политических институциональных ритуалах // Петербургский исторический журнал. 2020. № 4. С. 114–122.

ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос: в 2-х кн. 1918–1945 гг. М.: РОССПЭН, 2005–2009. 1879 с.

Чупринин С.И. Оттепель. Март 1953 – август 1968 года. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 1192 с.

Шаттенберг С. Леонид Брежнев. Величие и трагедия человека и страны. М.: РОССПЭН, 2018. 623 с.

Шелест П.Е. «Да не судимы будете». Дневниковые записи, воспоминания члена Политбюро ЦК КПСС. М.: Квинтэссенция, 1994. 612 с.

Юрчак А.В. Это было навсегда, пока не кончилось. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 661 с.

Яковлев А.Н. Омут памяти. М.: Вагриус, 2000. 602 с.

Dornberg J. Brezhnev: The Masks of Power. N.Y., 1974. 317 p.

References

(1996). *Bolshevistskoe rukovodstvo. Perepiska. 1912–1927* [The Bolshevik Leadership. Correspondence. 1912–1927]. Moscow, ROSSPEN. 423 p.

(2007). *“Nikita Khrushchev. 1964”. Stenogramma plenuma CK KPSS i drugie dokumenty* [“Nikita Khrushchev. 1964”. Transcript of the Plenum of the Central Committee of the CPSU and Other Documents]. Moscow, ROSSPEN. 572 p.

Andriyanov, V.I. (2003). *Kosygin* [Kosygin]. Moscow, Molodaya gvardiya. 366 p.

Baybakov, N.K. (2011). *Ot Stalina do Elcina* [From Stalin to Yeltsin]. Moscow, Fond innovatsiy im. N.K. Baybakova. 349 p.

Boldovskiy, K.A., Pivovarov, N.Yu. (2020). *Na puti k “brezhnevskoy stabilnosti”: Sekretariat tsentralnogo komiteta kommunisticheskoy partii Sovetskogo Ssoyuza v 1966–1968-godakh* [On the Way to “Brezhnev Stability”: Secretariat of the Central Committee of the CPSU, 1966–1968]. In *Sovremennaya istoriya Rossii.* No. 10, pp. 685–701.

Bovin, A.E. (2003). *XX vek kak zhizn. Vospominaniya* [The 20th Century as Life. Memoirs]. Moscow, Zaharov. 773 p.

Chuprinin, S.I. (2021). *Ottepel. Mart 1953 – avgust 1968 goda* [Thaw. March 1953 – August 1968]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 1192 p.

(2005–2009). *CK RKP(b) – VKP(b) i natsionalnyy vopros: v 2 kn. 1918–1945 gg.* [The Central Committee of the RCP(b) – the CPSU(b) and the National Question: In 2 Books 1918–1945]. Moscow, ROSSPEN. 1879 p.

Dornberg, J. (1974). Brezhnev: The Masks of Power. New York. 317 p.

Dubin, B.V. (2010). Pozdnesovetskoe obshchestvo v sotsiologicheskikh razrabotkakh Yuriya Levady 1970-kh godov [Late Soviet Society in the Sociological Developments of Yuri Levada in the 1970s]. In *Obshchestvennye nauki i sovremennost*. No. 5. 101–110 p.

Fokin, A.A. (2020). Tema povsednevnosti v pozdnesovetskikh politicheskikh institutsional’nykh ritualah [The Theme of Everyday Life in Late Soviet Political Institutional Rituals] In *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal.* No. 4. P. 114–122.

Ivanova, A.S. (2018). *Magaziny “Berezka”. Paradoksy potrebleniya v pozdnem SSSR* [Shops “Berezka”. Paradoxes of Consumption in the Late USSR]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 297 p.

Kozlov, V.A. (2009). *Massovye besporyadki v SSSR pri Khrushcheve i Brezhneve (1953 – nachalo 1980-kh gg.)* [Mass Riots in the USSR under Khrushchev and Brezhnev (1953 – Early 1980s)]. Moscow, ROSSPEN. 463 p.

Kulik, B.T. (2000). *Sovetsko-kitayskiy raskol: prichiny i posledstviya* [The Soviet-Chinese Split: Causes and Consequences]. Moscow, Institut Dalnego Vostoka. 639 p.

(2016). *L.I. Brezhnev. Rabochie i dnevnikovye zapisi: v 3 t.* [Working and Diary Entries: In 3 Vol.]. Moscow, Istoricheskaya literatura. 3568 p.

(1999). *Lavrentiy Beriya. 1953. Stenogramma iyulskogo plenuma CK KPSS i drugie dokumenty* [Lavrentiy Beria. 1953. Transcript of the July Plenum of the CPSU Central Committee and Other Documents]. Moscow, MFD. 512 p.

Medvedev, R.A. (1991). *Lichnost i epoha. Politicheskiy portret L.I. Brezhneva* [Personality and Epoch. Political Portrait of L.I. Brezhnev]. Moscow, Novosti. 336 p.

Mesyacev, N.N. (2005). *Gorizonty i labirinty moey zhizni* [Horizons and Labyrinths of My Life]. Moscow, Vagrius. 623 p.

Mlechin, L.M. (2008). *Brezhnev* [Brezhnev]. Moscow, Molodaya gvardiya. 640 p.

(1998). *Molotov, Malenkov, Kaganovich. 1957. Stenogramma iyunskogo plenuma CK KPSS i drugie dokumenty* [Molotov, Malenkov, Kaganovich. 1957. Transcript of the June Plenum of the CPSU Central Committee and Other Documents]. Moscow, MFD. 848 p.

Nekrasov V.L. (2020). *"Dilemma Krushcheva": reformy Gosplana SSSR, neftekhimicheskiy proekt i vyzovy holodnoy voyny (vtoraya polovina 1950-kh – pervaya polovina 1960-kh gg.)* ["Khrushchev's Dilemma": Reforms of the USSR State Planning Committee, the Petrochemical Project and the Challenges of the Cold War (The Second Half of the 1950s – the First Half of the 1960s)]. Moscow, IVI RAN. 174 p.

(2009). *Nikita Sergeevich Khrushchev. Dva tsveta vremeni. Dokumenty iz lichnogo fonda N.S. Khrushcheva: v 2 t.* [Nikita Sergeevich Khrushcev. Two Colors of the Time. Documents From N.S. Khrushchev's Personal Archives: In 2 Vol.]. Moscow, MFD. 1536 p.

Ogryzko, V.V. (2022). *Nerazgadannyy Suslov* [Unsolved Suslov]. Moscow, Literaturnaya Rossiya. 472 p.

Pastuhov, B.N. (2017) *Druzey moikh prekrasnye cherty* [My Friends Have Beautiful Features. Memoirs]. Vospominaniya. Moscow, Tsentrpoligraf. 320 p.

(1996). *Pisma I.V. Stalina V.M. Molotovu. 1925–1936 gg.* [Letters of I.V. Stalin to V.M. Molotov. 1925–1936]. Moscow, Rossiya molodaya, 303 p.

(2000–2001). *Politbyuro CK RKP(b) – VKP(b). Povestki dnya zasedaniy. 1919–1952. Katalog: v 3 t.* [Politburo of the Central Committee of the RCP (b) – VKP (b). Meeting Agendas. 1919–1952. Catalog: In 3 Vol.]. Moscow, ROSSPEN. 3048 p.

(2002). *Politbyuro CK VKP(b) i Sovet Ministrov SSSR. 1945–1953* [The Politburo and the USSR Council of Ministers, 1945–1953]. Moscow, ROSSPEN. 656 p.

Prozumenshchikov, M.Yu., Jalilov, T.A., Pivovarov, N.Yu. (Comp.). (2020). *Sekretariat TsK KPSS. Rabochie zapisi i protokoly zasedaniy. 1968 g.* [Secretariat of the Central Committee of the CPSU. Working Notes and Minutes of Meetings. 1968]. Moscow, IstLit. 968 p.

(2003–2008). *Prezidium CK KPSS. 1954–1964. Chernovye protokolnye zapisi zasedaniy. Stenogrammy. Postanovleniya: v 3 t.* [The Presidium of the Central Committee of the CPSU. 1954–1964. Draft Protocol Records of Meetings. Transcripts. Resolutions: In 3 Vol.]. Moscow, ROSSPEN. 3846 p.

(2018). *Rannesovetskoe obshchestvo kak social'nyy proekt, 1917–1930-e gg.: v 2 ch. Ch. 1. Strana Sovetov: prostranstvo, vlast, ekonomika* [Early Soviet Society as a Social Project, 1917–1930s: In 2 Part. Part 1. The Country of the Soviets: Space, Power, Economy]. Ekaterinburg. Izdatelstvo Uralskogo universiteta. 468 p.

(2009). *Regionalnaya politika N.S. Khrushchev. CK KPSS i mestnye partiynye komitety. 1953–1964 gg.* [The Regional Policy of N.S. Khrushchev. The Central Committee of the CPSU and Local Party Committees. 1953–1964]. Moscow, ROSSPEN. 776 p.

Semichastnyy, V.E. (2002). *Bespokoynoe serdtse* [Restless Heart]. Moscow, Vagrius. 460 p.

Shattenberg, S. (2018). *Leonid Brezhnev. Velichie i tragediya cheloveka i strany* [Leonid Brezhnev. The Greatness and Tragedy of Man and Country]. Moscow, ROSSPEN. 623 p.

Shelest, P.E. (1994). *"Da ne sudimy budete". Dnevnikovye zapisi, vospominaniya chlena Politbyuro CK KPSS* ["May You Not be Judged". Diary Entries, Memoirs of a Member of the Politburo of the Central Committee of the CPSU]. Moscow, Kvintessentsiya. 612 p.

(2001). *Stalin i Kaganovich. Perepiska. 1931–1936 gg.* [Stalin and Kaganovich. Correspondence. 1931–1936]. Moscow, ROSSPEN. 798 p.

(2007). *Stenogrammy zasedaniy Politbyuro CK RKP(b) – VKP(b). 1923–1938 gg.: v 3 t.* [Transcripts of Meetings of the Politburo of the Central Committee of the RCP(b) – the CPSU (b). 1923–1938: In 3 Vol.]. Moscow, ROSSPEN. 2442 p.

Tomilina, N.G., Prozumenshchikov, M.Y., Jalilov, T.A., Pivovarov, N.Y. (Comp.). (2020). *Sekretariat TsK KPSS. Zapisi i stenogrammy zasedaniy 1965–1967 gg.* [Secretariat of the Central Committee of the CPSU. Recordings and Transcripts of Mmeetings of 1965–1967]. Moscow, IstLit. 944 p.

Usov, V.N. (2009). *Den Syaopin i ego vremya* [Deng Xiaoping and His Time]. Moscow, STILSERVIS. 872 c.

Volkogonov, D.A. (1995). *Sem vozhdey. Galereya liderov SSSR v dvuh knigakh* [Seven Leaders. Gallery of Leaders of the USSR in Two Books]. Moscow, Novosti. 972 p.

Yakovlev, A.N. (2000). *Omut pamyati* [The Pool of Memory]. Moscow, Vagrius. 602 p.

Yurchak, A.V. (2014). *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos* [It Was Forever Until It Was Over]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 661 s.

И.Н. Стрекалов*

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ВОЙТИКОВ С.С. ЗА ФАСАДОМ СТАЛИНСКОЙ КОНСТИТУЦИИ. СОВЕТСКИЙ ПАРЛАМЕНТ ОТ КАЛИНИНА ДО ГРОМЫКО. М: ВЕЧЕ, 2021. 464 С.**

doi:10.31518/2618-9100-2022-6-20
УДК 94(930)+316.462

Выходные данные для цитирования:
Стрекалов И.Н. Рецензия на книгу: Войтиков С.С. За фасадом сталинской конституции. Советский парламент от Калинина до Громыко. М.: Вече, 2021. 464 с. // Исторический курьер. 2022. № 6 (26). С. 286–291.
URL: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-6-20.pdf

I.N. Strekalov*

BOOK REVIEW: VOYTIKOV S.S. BEHIND THE FACADE OF THE STALIN CONSTITUTION. THE SOVIET PARLIAMENT FROM KALININ TO GROMYKO. M.:, VECHE, 2021. 464 P.**

doi:10.31518/2618-9100-2022-6-20

How to cite:
Strekalov I.N. Book Review: Voytikov S.S. Behind the Facade of the Stalin Constitution. The Soviet Parliament from Kalinin to Gromyko. M., Veche, 2021. 464 p. // Historical Courier, 2022, No. 6 (26), pp. 286–291. [Available online: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-6-20.pdf]

Abstract. A review of the book by S.S. Voytikov on the history of the Supreme Soviet of the USSR is presented in the following text. The book describes the historical age from the time of the formation of this state body, the first years of Soviet power, until the mid-1980s. The book provides information about the work of the structural units of the highest legislative body of a power in the Soviet Union. Biographical characteristics of its leaders, from M.I. Kalinin to A.A. Gromyko, are presented too; their personal role in the work of this institution is revealed. The author comes to the conclusion that the Supreme Soviet of the USSR turned out to be an unviable institution of power in the conditions of the dominance of the party rules in the country. Such a conclusion is quite traditional for historiography, although it is based on the introduction of some previously unpublished sources. The position expressed by the author makes it possible to continue the discussion about the real intentions and capabilities of the USSR leadership to “revive” the work of the country’s highest authority.

Keywords: constitution, the Soviet Union, politics, legislature, the Supreme Soviet.

The article has been received by the editor on 28.07.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Представлена рецензия на книгу С.С. Войтикова, посвященную истории Верховного Совета СССР – со времен начала его функционирования в первые годы советской власти до середины 1980-х гг. В книге приводятся сведения о работе структурных подразделений высшего законодательного органа власти Советского Союза, представлены биографические характеристики его руководителей – от М.И. Калинина до А.А. Громыко, раскрыта их личная роль в работе этого учреждения. Автор приходит к

* **Илья Николаевич Стрекалов,** кандидат исторических наук, свободный исследователь, Москва, Россия, e-mail: strekalov4@gmail.com
Iliya Nikolaevich Strekalov, Candidate of Historical Sciences, free researcher, Moscow, Russia, e-mail: strekalov4@gmail.com

** Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 20-09-00218 «Практики взаимодействия власти и общества в позднесоветский период (1956–1985 гг.)».
The article was prepared as part of the RFBR grant project No. 20-09-00218 “Practices of Interaction Between Government and Society in the Late Soviet Period (1956–1985)”.

выводу о том, что Верховный Совет СССР оказался нежизнеспособным институтом власти в условиях господства партийного диктата в стране; подобный вывод является достаточно традиционным для историографии, хотя и основан на введении в оборот некоторых ранее не публиковавшихся источников. Выраженная автором позиция дает возможность продолжить дискуссию о реальных намерениях и возможностях руководства СССР «оживить» работу высшего органа власти страны.

Ключевые слова: конституция, Советский Союз, политика, законодательный орган власти, Верховный Совет.

Статья поступила в редакцию 28.07.2022 г.

История советской государственности, бесспорно, является одним из краеугольных камней в понимании развития отечественного государственного строя в XX столетии, дает возможность понять корни, истоки многих общественно-политических явлений и закономерностей, так или иначе присутствующих в нашей жизни и сегодня. Неудивительно, что эта тематика от года к году привлекает достаточное количество исследователей разных областей гуманитарных наук. Новая книга известного специалиста по истории раннего СССР историка Сергея Войтикова, посвященная развитию высшего советского органа государственной власти в нашей стране, является тому доказательством.

Войтиков начинает свое повествование со времен существования Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета РСФСР (ВЦИК РСФСР), который после смерти Я.М. Свердлова возглавил М.И. Калинин, знакомит читателя с эволюцией этого органа в Центральный Исполнительный Комитет СССР (ЦИК СССР) и, наконец, описывает становление и развитие Верховного Совета СССР (ВС СССР), который существовал вплоть до распада советского государства. Центральным вопросом для автора является дееспособность высшего советского органа власти: насколько он реализовывал свои полномочия, насколько мог быть самостоятельным от партийных инстанций. Подчеркнем, что исследователь изначально поставил перед собой задачу проследить эволюцию указанного государственного учреждения от основания до распада советской системы, что видно из соответствующих разделов книги: так, рассказывается о ВЦИК РСФСР первых лет советской власти, затем – о периоде образования Советского Союза и появлении ЦИК СССР в структуре союзной власти, далее – о создании Конституции СССР 1936 г. и появлении Верховного Совета СССР в обстановке массовых политических репрессий второй половины 1930-х гг., и, наконец, о деятельности Верховного Совета СССР в послевоенные годы вплоть до конца 1980-х гг.

Автор стремится сделать повествование документальным, используя как опубликованные, так и ранее неизвестные исследовательскому сообществу источники, обнаруженные в пяти архивах (РГАСПИ, РГАНИ, РГВА, ЦГА г. Москвы, ЦГАМО). Благодаря этому он раскрывает ряд интересных сюжетов, связанных с реальной практикой функционирования высшего органа государственной власти Страны Советов. Это, конечно, и путешествия будущего «всесоюзного старосты» М.И. Калинина на поезде «Октябрьская революция» по стране (с. 32–33 и др.), его более поздняя деятельность (особенно интересно в этой связи прочесть приводимые автором фрагменты воспоминаний Л.М. Калининой, дочери известного политика, составленные в 1950-е гг.). Вообще, фигура Калинина – одна из центральных в книге и, по всей видимости, наиболее интересная для автора. Это, кстати, показательная черта новой монографии Войтикова – раскрытие вопроса о государственном строительстве через историю отдельных выдающихся деятелей этого направления, так называемый персоналистский подход. Убедительно показаны взаимоотношения между отдельными функционерами учреждения, интриги, которые они «плели» друг против друга. Весьма ярко подан сюжет «Кремлевского дела»: интересно стремление Войтикова связать его с государственным и конституционным строительством 1930-х гг. Хорошо и подробно, вплоть до повсе-

дневных мелочей, показаны выборы в Москве в 1937 г. В целом работе, несмотря на предполагаемый формальный сухой язык для тематики государственного управления, присущ достаточно живой, легкий стиль повествования.

Тем не менее то, что касается центрального пункта книги Войтикова – проблемы дееспособности высшего советского органа государственной власти, вызывает ряд вопросов по нескольким причинам. Уже в самом начале своего повествования историк утверждает, что с началом председательствования М.И. Калинина во ВЦИКе в 1919 г. «в советском парламенте началась эра “худосочного функционирования”» (с. 15). Конечно, автор оговаривается и отмечает, что Калинин не был чисто декоративной фигурой, что, скажем, он прекрасно умел доносить до крестьян чаяния партии большевиков, но в самостоятельности ВЦИКу он практически отказывает, а слова о «начале эры» как бы намекают, что в дальнейшем говорить о какой-либо конкурентоспособности высшего государственного органа в политической системе Страны Советов вряд ли приходится. В оценках другого периода – сталинского – Войтиков периодически показывает свою категоричность, отмечая личную роль «хитрого» (с. 171) И.В. Сталина в отметании демократических положений конституционного проекта 1936 г., в репрессиях («партийно-чекистский задник» за «фасадом» ВС СССР – с. 170; «НКВД СССР под его чутким руководством…» – с. 203) в отношении ряда политических деятелей (например, Н.В. Крыленко – с. 230–240; А.С. Енукидзе – с. 192–193), которые, на его взгляд, не позволили Верховному Совету СССР стать демократическим учреждением, но дали возможность наполнить его послушными безвольными депутатами вместо положительно инициативных старых большевиков.

Удивительно то, что, воспроизводя традиционную точку зрения о нивелировании демократических идей Конституции СССР 1936 г. Сталиным, об исключительно репрессивном характере советской власти указанного периода, подавившем исключительно инициативных и энергичных политических деятелей, Войтиков не учитывает достижения современной историографии по этому вопросу, наличие различных точек зрения на рассматриваемые события. Так, Ю.Н. Жуков считает, что Сталин имел план демократических преобразований, который не удалось воплотить в жизнь из-за нежелания косной партийной номенклатуры; О. Великанова прямо сравнила изначально позитивные, на ее взгляд, инициативы авторов реформы с замыслами деятелей эпохи Просвещения, стремившимися организовать общество и государство на разумных началах. В этом смысле вряд ли уместно настаивать на идее, согласно которой «за фасадом сталинской конституции» скрывался тоталитарный репрессивный аппарат. На эту проблему можно посмотреть намного сложнее и интереснее, если учесть последние достижения историографии в этом вопросе.

К сожалению, автор не избежал пристрастности в отношении к отдельным представителям отечественной историографии интересующего его вопроса. В части первых лет существования советской власти, да и более позднего периода, автор то и дело ссылается на работу «Советское государство и его учреждения» Т.П. Коржихиной, называя ее книгу «фундаментальной монографией» (с. 141), соглашаясь с ее выводами и даже в одном месте заявляя, что она «сделала гениальное обобщение» (с. 142), а в другом – цитируя пространный вывод автора относительно значения Конституции СССР 1936 г., тем самым по умолчанию соглашаясь с приведенной цитатой (с. 162). Между тем необходимо заметить, что исследователь все-таки упустил из виду ряд фундаментальных работ в области становления советской государственности в начале 1920-х гг.: это, прежде всего, книга об истории создания Конституции СССР 1924 г. О.И. Чистякова[1] и, конечно, работа о государственном строительстве периода образования СССР С.А. Байбакова[2]. Нет в тексте автора и обращения к исследованиям об истории создания Конституции СССР 1936 г., например к диссертации Е.А. Шершневой[3] или монографии О. Великановой[4]. Правильнее было бы рассмотреть раз-

[1] *Чистяков О.И.* Конституция РСФСР 1918 года: учеб. пособие. 2-е изд. М., 2003.
[2] *Байбаков С.А.* История образования СССР: итоги и перспективы изучения. М., 1997.
[3] *Шершнева Е.А.* Создание Конституции СССР 1936 года: дис. … канд. юрид. наук. М., 2011.
[4] *Великанова О.* Конституция 1936 года и массовая политическая культура сталинизма. М., 2021.

ные позиции и взгляды по вопросу образования СССР и создания союзной Конституции, не отдавая явное предпочтение одному автору.

Наконец, весьма важно отметить, что автор заявил в исследовании хронологический период, финальной точкой которого является 1988 г., т.е. уход с поста председателя Президиума Верховного Совета СССР А.А. Громыко. Действительно, раннесоветская история, сталинская эпоха, военные годы и отчасти первые послевоенные годы Войтиковым раскрыты весьма убедительно, с приведением документальных материалов (в том числе и в полнотекстовом формате в приложении к книге – с. 342–397), что позволяет говорить о научной новизне исследования: привлекая партийную документацию, исследователь показывает, как не сразу, но постепенно партийные инстанции, используя как личный (путем назначения менее инициативных людей, например, того же М.И. Калинина), так и административный (в письменных сношениях рекомендательного характера) ресурсы, установили жесткий контроль над высшим органом государственной власти.

При этом позднесоветский период, несмотря на заявку в названии книги («От Калинина до Громыко»), в целом охарактеризован слабо. Автор, например, ограничивается по большей части одной категорией источников – мемуарными свидетельствами очевидцев эпохи, кроме того, он представляет хорошо известные, но весьма тенденциозные однобокие оценки деятельности Верховного Совета СССР: «…сессии Верховного Совета СССР остались доброй традицией показного решения рядовыми советскими гражданами государственной важности вопросов» (с. 291).

При этом Войтиков справедливо отмечает, что сотрудники аппарата Президиума ВС СССР «всерьез озаботились […] наладили проверку исполнения» (с. 302). Разумеется, не только формальное, но и в известной степени политическое, «презентационное» значение имели представительские, внешнеполитические функции в виде поездок председателя Президиума ВС СССР на встречи с зарубежными политиками (с. 310–314). Справедливо автор уделил внимание К.Е. Ворошилову как председателю Президиума и обратился к фигуре В.С. Акшинского – секретаря Президиума в период руководства Ворошилова (с. 316–317).

Тем не менее большая часть суждений автора основана на скудных источниках мемуарного происхождения. А источниковая база исследователя могла бы быть намного более основательной, если бы он привлек документы фонда Верховного Совета СССР (Р-7523), хранящегося в Государственном архиве РФ. Именно они наглядно демонстрируют внутреннюю «кухню» Верховного Совета и его Президиума, усердную работу аппарата Президиума по совершенствованию деятельности ВС СССР; автор данной рецензии обратил на это особое внимание в своем монографическом исследовании, посвященном истории создания Конституции СССР 1977 г.[5] Эта конституционная реформа показала, что в высшем эшелоне власти в 1960–1970-е гг. явно прослеживалось намерение активизировать работу Верховного Совета СССР, сделать его не просто высшим законодательным, но высшим органом государственной власти вообще, а также определить его взаимоотношения с Президиумом ВС СССР. И, собственно говоря, третья союзная Конституция закрепила ряд новаций, на которые в литературе не принято обращать внимание, но которым уделялось много внимания со стороны самих создателей Основного Закона СССР во время конституционной реформы. Рассмотрение этого пласта исследований и документальных источников существенно обогатило бы работу Войтикова в части позднесоветского периода существования Верховного Совета СССР. Конечно, сложно поспорить с исследователем в части того, что о «реальной, а не показной» заботе о трудящихся по делопроизводственным источникам аппарата Президиума ВС СССР «судить трудно» (с. 305), но, с другой стороны, вряд ли верно оценивать значение Верховного Совета СССР в целом, например лишь по тому, сколько абзацев А.А. Громыко уделил в своих мемуарах председательствованию в этом учреждении (с. 338).

[5] *Стрекалов И.Н.* Последняя Конституция Советского Союза. К вопросу о создании. М., 2018. Есть и другие исследования данного вопроса, см.: *Згоржельская С.С.* Концепция общенародного государства в проекте Конституции СССР 1964 г.: дис. … канд. юрид. наук. М., 2006; *Байбаков С.А.* Опыт междисциплинарного изучения разработки третьей Конституции СССР // Материалы конференции «Актуальные проблемы методологии отечественной истории». М., 2010. С. 135–185; и другие статьи автора.

И уж тем более категорично звучит вывод автора о том, что брежневское руководство «не было готово оставить даже то место» Верховному Совету СССР, которое он занимал при Н.С. Хрущеве (с. 334). В свете многолетней истории создания Конституции СССР 1977 г., одним из центральных пунктов которой был вопрос полновластия Советов и самого главного из них – Верховного Совета СССР, такое утверждение является дискуссионным.

В этом смысле вряд ли правомерно говорить о том, что, как пишет автор, уже с 1919 г. высший орган государственной власти Страны Советов оказался фактически недееспособным. Ближайшее рассмотрение историографии вопроса и документальных источников показывает, что такое заявление не вполне правомерно как по отношению к 1930-м гг., так и к 1960–1970-м гг. Существовали планы и проекты преобразований высшего органа государственной власти, и позиция руководства страны далеко не всегда, как представляется, шла против демократической инициативы с целью «подмять» государственные органы партийными инстанциями. Конечно, дилемма «партийное – государственное» оказалась неразрешимой в истории СССР, но она была в поле зрения и власти, и населения, и варианты решения проблемы предлагались. Поэтому, к сожалению, книга Войтикова, несмотря на то, что вводятся в оборот новые документальные источники, не привносит концептуальной новизны в отечественную историографию, практически повторяя хорошо известный тезис о неспособности органов государственной власти СССР к самостоятельности ввиду поставленного над ними партийного диктата в условиях недемократического (а если говорить о сталинской эпохе, то репрессивного) политического режима.

Несмотря на высказанную критику, монография «За фасадом сталинской конституции…» позволяет интересно, с применением методов «персональной истории», с привлечением ранее неизвестных документальных источников, взглянуть на внутреннюю «кухню» высшего органа советской государственной власти, разглядеть историю этого учреждения «в лицах». Наконец, эта книга является еще одним поводом для научной дискуссии по вопросу о государственном строительстве в СССР и дает еще одну возможность задуматься над вопросом соотношения партийного и государственного начала в истории Советского Союза.

Литература

Байбаков С.А. История образования СССР: итоги и перспективы изучения. М.: Диалог-МГУ, 1997. 428 с.

Байбаков С.А. Опыт междисциплинарного изучения разработки третьей Конституции СССР // Материалы конференции «Актуальные проблемы методологии отечественной истории». М.:, МГУЛ, 2010. С. 135–185.

Великанова О. Конституция 1936 года и массовая политическая культура сталинизма. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 360 с.

Войтиков С.С. За фасадом сталинской конституции. Советский парламент от Калинина до Громыко. М.:, Вече, 2021. 464 с.

Згоржельская С.С. Концепция общенародного государства в проекте Конституции СССР 1964 г.: дис. … канд. юрид. наук. М., 2006. 211 с.

Стрекалов И.Н. Последняя Конституция Советского Союза. К вопросу о создании. М.: Алгоритм, 2018. 432 с.

Чистяков О.И. Конституция РСФСР 1918 года: учеб. пособие. 2-е изд. М.: Зерцало-М, 2003. 224 с.

Шершнева Е.А. Создание Конституции СССР 1936 года: дис. … канд. юрид. наук. М., 2011. 231 с.

References

Baibakov, S.A. (1997). *Istoriya obrazovaniya SSSR: itogi i perspektivy izucheniya* [History of the Education of the USSR: Results and Prospects of a Study]. Moscow, Dialog-MGU. 428 p.

Baibakov, S.A. (2010). Opyt mezhdistsiplinarnogo izucheniya razrabotki tret’ey Konstitutsii SSSR [The Experience of an Interdisciplinary Study of the Development of the Third Constitution of the USSR]. In *Materialy konferentsii “Aktual’nye problemy metodologii otechestvennoy istorii”*. Moscow, pp. 135–185.

Chistyakov, O.I. (2003). *Konstitutsiya RSFSR 1918 goda* [The Constitution of the RSFSR 1918]. Moscow, Zertsalo-M. 224 p.

Shershneva, E.A. (2011). *Sozdanie Konstitutsii SSSR 1936 goda* [The Creation of the Contitution of the USSR 1936], Cand. hist. sci. diss. Moscow. 231 p.

Strekalov I.N. (2018). *Poslednyaya Konstitutsiya Sovetskogo Soyuza. K voprosu o sozdanii*. [The Last Constitution of the Soviet Union. About the Question of the Creation]. Moscow, Algoritm. 432 p.

Velikanova, O. (2021). *Konstitutsiya 1936 goda i massovaya politicheskaya kul'tura stalinizma* [The Constitution of The USSR 1936 and the Mass Political Culture of Stalinism]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 360 p.

Voytikov, S.S. (2021). *Za fasadom stalinskoy konstitutsii. Sovetskiy parlament ot Kalinina do Gromyko* [Behind the Facade of the Stalin Constitution. The Soviet Parliament from Kalinin to Gromyko]. Moscow, Veche. 464 p.

Zgorzhel'skaya, S.S. (2006). *Kontseptsiya obshchenarodnogo gosudarstva v proekte Konstitutsii SSSR 1964 g.* [The Concept of the All-People State in the Project of the Constitution of the USSR 1964], Cand. hist. sci. diss. Moscow. 211 p.

И.С. Кузнецов*

УЧЕНЫЕ ОБ УЧЕНЫХ: МИРЫ И МИФЫ НОВОСИБИРСКОГО АКАДЕМГОРОДКА

doi:10.31518/2618-9100-2022-6-21
УДК 94(47+57)

Выходные данные для цитирования:
Кузнецов И.С. Ученые об ученых: миры и мифы Новосибирского Академгородка // Исторический курьер. 2022. № 6 (26). С. 292–304. URL: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-6-21.pdf

I.S. Kuznetsov*

THE SCIENTISTS ABOUT THE SCIENTISTS: WORLDS AND MYTHS OF NOVOSIBIRSK AKADEMGORODOK

doi:10.31518/2618-9100-2022-6-21

How to cite:
Kuznetsov I.S. The Scientists about the Scientists: Worlds and Myths of Novosibirsk Akademgorodok // Historical Courier, 2022, No. 6 (26), pp. 292–304. [Available online: http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-6-21.pdf]

Abstract. The article analyzes the most notable new publications about the history of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk Scientific Center. Among them are a monograph by I.A. Kraineva, a book by E.V. Vishnevsky about M.A. Lavrentiev, memoirs by V.D. Ermikov and a collection about N.A. Pritvits. The author comes to the conclusion that the own history of Akademgorodok of Novosibirsk as an unique social and historical phenomenon is still clearly insufficiently researched. The author agrees with the high assessment of the Siberian city of Science, its unique intellectual and spiritual atmosphere. At the same time, the illegality of his idealization and apologetics is emphasized, since here, along with outstanding achievements, ambiguous, contradictory facts took place.

Keywords: Academy of Sciences of the USSR/RAS, power, M.A. Lavrentiev, science, Akademgorodok of Novosibirsk, Siberian Department of the Academy of Sciences of the USSR/RAS.

The article has been received by the editor on 28.09.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье анализируются наиболее заметные новые публикации об истории Сибирского отделения Российской академии наук и Новосибирского научного центра. В их числе – монография И.А. Крайневой, книга Е.В. Вишневского о М.А. Лаврентьеве, мемуары В.Д. Ермикова и сборник о Н.А. Притвиц. Автор приходит к выводу, что по-прежнему явно недостаточно исследована собственная история Новосибирского Академгородка как уникального социально-исторического феномена. Автор солидарен с высокой оценкой сибирского города науки, его уникальной интеллектуальной и духовной атмосферой. Вместе с тем подчеркивается неправомерность его идеализации, апологетики, поскольку здесь, наряду с выдающимися достижениями, имели место неоднозначные противоречивые явления.

Ключевые слова: Академия наук СССР/РАН, власть, М.А. Лаврентьев, наука, Новосибирский Академгородок, Сибирское отделение Академии наук СССР/РАН.

Статья поступила в редакцию 28.09.2022 г.

* **Иван Семенович Кузнецов,** доктор исторических наук, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия, e-mail: ivan-kuz@list.ru
Ivan Semenovich Kuznetsov, Doctor of Historical Sciences, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, e-mail: ivan-kuz@list.ru

В настоящее время история СО АН СССР/РАН, Новосибирского Академгородка вызывает интерес не только историков, но и широкой общественности. Это в немалой степени обусловлено ролью этих научно-образовательных структур в развитии социально-культурной жизни региона и страны в целом. Обращение к данной теме особенно оправданно в год 65-летия СО АН СССР/РАН.

В свое время автор данной статьи предпринял анализ современной историографии Академгородка[1], однако с момента появления данной публикации прошло немало лет, что требует обращения к новым публикациям. Оценивая в целом историографическую ситуацию на сегодняшний день, можно сделать вывод, что она во многом осталась прежней: основное внимание привлекает история Сибирского отделения АН СССР/РАН. Наиболее фундаментальным и сейчас остается очерк истории научного центра, вышедший к его 50-летию[2].

По-прежнему явно недостаточно исследована собственная история Новосибирского Академгородка как уникального социально-исторического феномена, который включал, помимо собственно научных, социальные, градостроительные, экологические, общественно-политические, морально-психологические и другие параметры. Можно сказать, что до сегодняшнего дня единственным фундаментальным опытом такого подхода остается книга американского историка Пола Джозефсона[3].

Обращаясь же к литературе последних лет, в качестве наиболее значительного, даже уникального события следует отметить мемуары М.С. Качана[4] в 22 томах[5]. Детальный анализ этого обширного труда является самостоятельной задачей, которая не ставится в данной статье. Такое решение представляется оправданным с учетом того, что сжатый, но весьма глубокий анализ названного произведения дан в публикации Г.И. Ханина[6].

В данной же работе внимание будет сосредоточено на публикациях монографического характера. Первой из числа рассматриваемых нами книг по времени выхода является монография И.А. Крайневой[7]. Автор – д-р ист. наук, сотрудник Института систем информатики им. А.П. Ершова СО РАН. Она сыграла большую роль в реализации масштабного инновационного проекта – создания Открытого архива РАН (электронной системы накопления, представления и хранения научного наследия, рук. д-р физ.-мат. наук А.Г. Марчук).

В книге воссоздаются биографии и научная деятельность выдающихся ученых, судьба которых оказалась связанной с Сибирским отделением АН СССР: академика Андрея Петровича Ершова (1931–1988), члена-кор. Алексея Андреевича Ляпунова (1911–1973) и д-ра физ.-мат. наук Юрия Борисовича Румера (1901–1985). Как известно, их интеллектуальный потенциал проявился в различных направлениях научной сферы: в области собственно математики и ее приложений, кибернетике, теории и практике программирования, теоретической физике, биологии, генетике, лингвистике.

Круг архивных материалов, использованных в монографии, весьма широк. Это Архив Института прикладной механики им. В.М. Келдыша (ИПМ), Архив МГУ, Архив Российской академии наук (АРАН), Архив ФСБ РФ, Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ), Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Российский государственный архив экономики (РГАЭ), Российский государственный военный архив (РГВА), Государственный архив Новосибирской области (ГАНО), Научный архив СО РАН (НАСО) и др.

---

[1] *Кузнецов И.С.* Современная историография Новосибирского Академгородка // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2014. Т. 13, вып. 1. С. 130–140.

[2] Российская академия наук. Сибирское отделение: Исторический очерк. Новосибирск, 2007.

[3] *Josephson P.* New Atlantis revisited: Akademgorodok, the Siberian city of science. Princeton, 1997.

[4] **Качан Михаил Самуилович** (1934–2018), д-р техн. наук, в 1960-е гг. видный общественный деятель – председатель Объединенного профсоюзного комитета СО АН.

[5] Качан М.С. Потомку о моей жизни: в 22 т. Сакраменто, 2015–2018.

[6] *Ханин Г.И.* Честный и талантливый рассказ о Новосибирском Академгородке, советском народе и советском обществе (воспоминания Михаила Качана) // Идеи и идеалы. 2019. Т. 11, № 4. Ч. 1. С. 217–239.

[7] *Крайнева И.А.* Научное наследие советских ученых в электронных архивах СО РАН: Мастер. Проповедник. Лидер. Новосибирск, 2018.

Впечатляет не только массив использованных источников и совершенное владение автором современными информационными технологиями, но и использование новейших теоретико-методологических подходов. По многим параметрам перед нами новаторское исследование.

Отдавая должное проделанной работе, хотелось бы высказать некоторые соображения в интересах дальнейшей плодотворной деятельности. Иногда создается впечатление, что автор несколько абсолютизирует радикальность трансформаций в информационной среде современного гуманитарного познания, как бы абстрагируясь от реальной ситуации.

Бесспорно, применение информационных технологий открывает новые большие возможности перед гуманитариями, в том числе перед историками. Однако при этом, как представляется, перспективы прогресса в данной области не в меньшей, а быть может даже в большей степени определяются двумя факторами. Первый – это свободный доступ к архивным фондам, где сейчас существуют значительные трудности: многие важнейшие материалы до сих пор недоступны исследователям и при этом нарастает процесс «вторичного засекречивания» тех документов, которые в 1990-е гг. были открыты для историков.

Второй фактор – применение к используемым документам методики скрупулезного источникового анализа, что является элементарной нормой при изучении более отдаленных эпох. Именно этим, прежде всего, определяется прогресс в исторической науке, в том числе в изучении новейшей истории России. Данный императив в полной мере относится также к истории науки и техники. Между тем в этих вопросах порой наблюдаются рецидивы давно устаревших подходов. Например, нередко фигурирует система «глухих» сносок, когда указываются выходные данные архива, но не расшифровывается, какой конкретно документ используется. Тем более не ставится элементарный вопрос о достоверности используемой информации. Такая практика совершенно немыслима в работах по истории более отдаленных эпох.

В рассматриваемой работе деятельность трех выдающихся ученых анализируется во взаимосвязи с общим ходом исторических событий. В отличие от многих апологетических биографий, в данном случае вполне убедительно показано, что эти титаны науки отнюдь не находились в «башне из слоновой кости». Конечно, выявление отмеченной взаимосвязи в большей мере является прерогативой социальной истории науки, тем не менее некоторые моменты такого плана заслуживали бы здесь более основательной характеристики. Это касается, в частности, обстоятельств перехода Ю.Б. Румера из Института математики (ИМ) в Институт ядерной физики. В качестве причины такого события называются «антисемитские настроения в рядах математиков»[8].

В принципе данное явление, отнюдь не украшавшее сибирский город науки, не является секретом. Однако, возможно, дело в данном случае не просто в соответствующих «настроениях математиков», а в позиции вполне определенных начальственных персон, с некоторого времени доминировавших и в ИМ, и в НГУ. В воспоминаниях ряда «пионеров» Академгородка, на разных этапах покинувших его, отмечаются проявления этого постыдного явления уже и в ранние годы существования наукограда. В ряду этих современников можно назвать таких ученых, как А.И. Бурштейн, М.С. Качан, Л.С. Трус, В.Э. Шляпентох. Особенно же заметная активизация антисемитских настроений отмечается с конца 1960-х гг., что правомерно рассматривать в контексте нарастания реакционных тенденций в жизни СССР в тот период.

Не исключено, что на судьбе ученых сказались, помимо обычных межличностных и кланово-корпоративных конфликтов, еще два взаимосвязанных императива. С одной стороны, это усиливающееся давление правящих кругов на Академгородок в целом как «гнездо крамолы» и конкретно на наиболее свободомыслящих, ярких представителей научного сообщества. С другой – это усиление консервативных настроений в определенных кругах самого нашего научного сообщества.

[8] *Крайнева И.А.* Научное наследие советских ученых… С. 129.

Возможно, учет этих факторов позволяет более адекватно понять не очень веселый финал бурной деятельности А.А. Ляпунова. В самом деле: обладатель универсальных талантов, «отец советской кибернетики», одна из знаковых фигур «раннего» Академгородка. И чем все закончилось? Проект создания в Академгородке Института кибернетики не был реализован, а в 1970 г. А.А. Ляпунов вынужден был уйти из Института математики – его с группой соратников «приютил» М.А. Лаврентьев в Институте гидродинамики. И.А. Крайнева объясняет это двумя причинами: 1) негативным отношением «чистых алгебраистов» к разнообразным применениям математики (с легкой руки Ляпунова) – к биологии, лингвистике и т.д.; 2) обидой А.А. Ляпунова, что его не поставили заведующим отделением кибернетики ИМ[9]. Принимая во внимание масштабы личности Алексея Андреевича, эти мотивы не выглядят исчерпывающими. Трудно отделаться от подозрения, что его просто «выдавили» из ИМ как слишком крупную и самобытную фигуру.

Что касается раздела, посвященного А.П. Ершову, то он в наибольшей степени приближается к типу «когнитивной» истории науки. Мы узнаем очень много о свершениях Андрея Петровича в области информатики, в формировании новосибирской школы программирования. Однако общеисторический контекст его деятельности прослеживается в меньшей мере, между тем все это развивалось в определенной политико-идеологической обстановке. Большое внимание политико-идеологическому аспекту деятельности А.П. Ершова и в целом информатике в СССР уделено в книге П. Джозефсона – там этому посвящена целая глава[10]. Автор подчеркивает, что Ершов и его соратники подвергались постоянному прессингу, затруднялись их международные связи и т.д. Все это делалось, чтобы предотвратить «утечку секретной информации» и не допустить инфильтрации через эти контакты «враждебной идеологии». Судя по этим данным, немалая часть усилий ученого уходила на преодоление такого рода проблем, что, возможно, нанесло значительный урон его здоровью, приблизило столь раннюю кончину.

Помимо работ профессиональных историков, значительный интерес представляет также ряд публикаций публицистического и мемуарного характера. В этом ряду особенно выделяется книга Е.В. Вишневского[11]. Данная работа, как ни странно, является первым монографическим исследованием биографии «отца-основателя» Академгородка. Для «аборигенов» Академгородка автор не нуждается в представлении – ученый, «активист-шестидесятник», писатель – все это в одном лице. Главное достоинство книги – она пронизана глубоким уважением и любовью к М.А. Лаврентьеву, что созвучно и нашим чувствам. При этом книга написана так, что будет интересна самым разным категориям читателей – и ветеранам, и молодежи.

Главным же минусом ценной книги Е.В. Вишневского является ограниченность ее информационной базы и некритическое отношение к источникам. Это вполне объяснимо, поскольку, будучи известным и талантливым писателем, он не является профессиональным историком. Возможно, этим объясняется то, что третья часть рассматриваемой книги (главы 17–19) в основном позаимствована из нашей публикации «Неизвестный Лаврентьев» (2010), иногда с указаниями на первоисточник, иногда без оных. Это тем более важно, что цитируемые там документы как раз из разряда «сокровищ» НАСО, которые теперь малодоступны другим исследователям.

С этой точки зрения очень странным является утверждение Е.В. Вишневского, что «самым полным, правдивым и надежным источником является довольно пространная автобиография, написанная самим М.А. Лаврентьевым в конце 70-х гг.»[12]. Речь идет о тексте «Опыты жизни. 50 лет в науке», опубликованном сначала в журнале ЭКО в 1979–1980 гг., а затем в книге «Век Лаврентьева» (2000). При этом в заключительном разделе книги Е.В. Вишневский верно отмечает, что последние годы жизни М.А. Лаврентьева проходили в

[9] *Крайнева И.А.* Научное наследие советских ученых в электронных архивах СО РАН… С. 215.
[10] *Josephson P.* New Atlantis revisited… P. 120–161.
[11] *Вишневский Е.В.* Стратег сибирской науки. Михаил Алексеевич Лаврентьев. Новосибирск, 2019. 347 с.
[12] Там же. С. 13.

сложной обстановке – в сущности, в условиях травли[13]. Однако это никак не учитывается при оценке достоверности лаврентьевских мемуаров.

Очень хорошо, что в ряде случаев, когда Лаврентьев по понятным причинам умалчивал о важных аспектах рассматриваемых событий, Вишневский восполняет эти пробелы ценной дополнительной информацией. Характерен в этом смысле рассказ о «Лузитании» – московском математическом сообществе во главе с Н.Н. Лузиным. В мемуарах М.А. Лаврентьева вдохновенно повествуется об энтузиазме молодых математиков, их творческих дерзаниях. На самом деле финал «Лузитанин» был невеселым: в 1936 г. развернулась беспрецедентная кампания травли выдающегося математика. Естественно, в мемуарах М.А. Лаврентьева нет и не могло быть даже намека на эти события. Здесь надо отдать должное Е.В. Вишневскому, который подробно изложил эту тяжелую историю. В данном случае мы в очередной раз сталкиваемся со следующей ситуацией: автор явно не ограничивается «самым правдивым и надежным источником», однако происхождение своей дополнительной информации не называет. У читателя, незнакомого с «автобиографией», может сложиться превратное представление о границах дозволенного на рубеже 1970–1980-х гг.

Это касается и многих других моментов, когда автор явно дополняет «автобиографию», однако никаких указаний на источники мы не обнаруживаем, за исключением раздела третьего, где, как уже говорилось, неоднократно фигурируют ссылки на нашу работу. Конечно, это можно оправдать популярным характером рассматриваемой книги, однако читать ее будут в том числе ученые Академгородка. Так что хотя бы минимальный научно-справочный аппарат в книге не помешал бы, даже в виде списка литературы в конце текста.

Кстати, обращение к источникам позволило бы составить более ясную картину упомянутых печальных событий 1936 г. Е.В. Вишневский – и это его несомненная заслуга – обращает внимание на то, что травлю Н.Н. Лузина вели не столько представители власти, сколько сами участники «Лузитании». Он, правда, не называет конкретных лиц, но при этом отмечает: «Нападали на учителя не все его ученики. Молодые математики М.А. Лаврентьев и П.С. Новиков категорически отказались сотрудничать с комиссией по дискредитации Мастера»[14]. Это, несомненно, говорит о высоком моральном уровне Михаила Алексеевича, однако следует иметь в виду, что решающую роль в нападках на Лузина играла «артиллерия крупного калибра», в том числе отличился молодой член-кор. С.Л. Соболев, впоследствии академик и директор Института математики СО АН. Возможно, в отличие от многих, у него потом по этому поводу возникло какое-то чувство раскаяния, быть может, потому он относительно толерантно показал себя в 1968 г. в ситуации с «подписантами».

Если в ряде случаев автор дополняет автобиографию Лаврентьева ценными подробностями (хотя и без указания на источники информации), то порой неукоснительное следование за этим текстом приводит к заметным пробелам в биографии ученого. Наиболее серьезный из них – отсутствие информации об участии академика в самом крупном научно-техническом проекте XX в. – создании атомного оружия. Но об этом будут высказаны дополнительные соображения в связи с книгой, посвященной Н.А. Притвиц.

Некоторые ключевые положения рассматриваемого труда являются «ноу-хау» автора, не прослеживаются в других трудах по истории СО АН и, разумеется, не декларируются в «основном источнике» – мемуарах М.А. Лаврентьева. Речь идет прежде всего об утверждении, что создание Научного центра под Новосибирском было продиктовано в первую очередь интересами Военно-промышленного комплекса. В книге многократно декларируется, что именно военные сыграли главную роль в принятии судьбоносного решения о строительстве Академгородка, а работа его ученых велась в первую очередь для ВПК[15]. Евгений Венедиктович утверждает, что «Сибирское отделение Академии наук было создано в первую очередь для научной поддержки военно-промышленного комплекса (ВПК) страны, изна-

[13] *Вишневский Е.В.* Стратег сибирской науки… С. 338–339.
[14] Там же. С. 48.
[15] Там же. С. 158–159.

чально едва ли не все его серьезные разработки связывались исключительно с нуждами Министерства обороны»[16].

Это утверждение, как представляется, требует более конкретного обоснования. Конечно, в последнее время появился ряд публикаций, где отмечаются военные разработки ряда институтов СО АН. Однако это, собственно, была общая картина: вся советская наука была милитаризована, и весьма сложно судить, какова в этом плане была специфика ситуации в ННЦ. Возможно, автор располагает какими-то более конкретными данными по этому поводу, но они не фигурируют в книге, а без этого данное серьезное утверждение «повисает в воздухе».

Последующий ход развития Академгородка заставляет усомниться в исчерпывающем характере названной версии. Как известно, уже к концу первого десятилетия его истории явственно проявились тенденции стагнации, что обусловило в том числе нарастание социальной напряженности («жилищный кризис»). Если бы Академгородок был исключительно «детищем ВПК», то вряд ли произошло бы столь быстрое ухудшение социальной обстановки.

Как уже отмечалось, воспринимая мемуары М.А. Лаврентьева в качестве «наиболее достоверного источника», автор порой некритически воспроизводит присутствующие там недостаточно убедительные положения. Так, восприводится широко распространенная версия о том, что строительство Академгородка тормозилось из-за «присвоения» направленных туда материалов новосибирским руководством. Вслед за именитым мемуаристом автор заявляет, что после жалобы Лаврентьева на действия первого секретаря Новосибирского обкома КПСС Б.Н. Кобелева в Академгородок была направлена высокая московская комиссия. Далее утверждается: «…В течение одной ночи на территорию стройки были завезены все материалы и машины, ранее присвоенные Совнархозом. Так что московская комиссия была вынуждена квалифицировать жалобу ученых Академгородка как клевету»[17].

Сколько же материалов можно было перевезти «за одну ночь»? Логика подсказывает, «изъятия» не были столь значительными, чтобы серьезно тормозить стройку. Главная причина недостаточных темпов строительства наукограда, вероятно, заключалась в другом: постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 14 мая 1957 г. о создании СО АН исходило из того, что возведение Академгородка будет осуществляться строителями Новосибирской ГЭС, которое, как указывалось в документе, к тому времени якобы уже «завершалось». Е.В. Вишневский правильно отмечает, что на самом деле в 1957 г. был пущен лишь первый агрегат этой ГЭС, а все девять – лишь в 1959 г. Однако констатация данного очевидного факта не побудила автора рассматриваемой книги более критически отнестись к соответствующим утверждениям в мемуарах М.А. Лаврентьева.

Далее автор вслед за именитым мемуаристом сообщает о передаче в 1959 г. строительства «Сибакадемстрою» (в системе «Минсредмаша») «во главе с опытным и энергичным строителем (а вскоре генерал-майором Николаем Маркеловичем Ивановым». В связи с этим в рассматриваемой книге утверждается: «Уже через два-три месяца после этого дела на строительстве Новосибирского Академгородка коренным образом изменились <...> унылый убыточный “долгострой” времен треста “Новосибирскгэсстрой” ушел в прошлое»[18].

По этому поводу следует напомнить, что с декабря 1957 по май 1959 г. строительством Академгородка занимался трест «Новосибирскгэсстрой-2», выделенный из «Новосибирскгэсстроя». Его руководителем был вначале В.П. Лобанов, а затем П.И. Масленников. Что касается «Сибакадемстроя», то его первым руководителем был Л.И. Губанов, а Н.М. Иванов возглавил эту организацию лишь в феврале 1960 г. Конечно, Н.М. Иванов внес огромный вклад в строительство Академгородка, но перелом в этом процессе произошел, конечно, не через «два-три месяца», а в конце 1960 и в 1961 г. Это было связано, в первую очередь, с тем, что к тому времени после окончания строительства Иркутской ГЭС на стройку Академгородка началась массовая поставка железобетонных конструкций.

[16] *Вишневский Е.В.* Стратег сибирской науки… С. 275.
[17] Там же. С. 196.
[18] Там же. С. 201, 208.

Представляется, что давно назрела необходимость воздать должное первостроителям Академгородка, особенно П.И. Масленникову. Ведь о них забыли даже многие «старожилы» наукограда, что, конечно, несправедливо. Несмотря на огромные трудности, под руководством П.И. Масленникова было сделано многое: сформирован многочисленный коллектив строителей, построены для них дома в микрорайоне «Щ», возведено здание Института гидродинамики (ИГ) и первые жилые дома в «верхней зоне» – трехэтажки на ул. Терешковой. В связи с этим отметим, что на главном корпусе ИГ имеется мемориальная доска, которая сообщает, что он был введен в эксплуатацию в июне 1959 г. «Сибакадемстроем». Принимая во внимание, что данная структура была создана лишь в мае того же года, понятно, что заслуга возведения первого НИИ Академгородка принадлежит именно «Новосибирскгэсстрою-2».

Досадно, что автор некритически воспроизводит еще ряд положений из «основного источника», например следующее: «Один из известных и успешных ученых (имени его не будем указывать из этических соображений), уехавший из Москвы в Сибирь, здесь, на новом месте, нашел себе юную подругу <…> а со старой московской женой развелся. Эта история каким-то образом стала широко известна и имела мощный резонанс: московские жены одна за другой потянулись за своими мужьями в Сибирь…»[19].

Для понимающих ясно, что этот «юмористический эпизод» камуфлирует, пожалуй, одну из самых неприглядных страниц истории Академгородка. Ведь здесь имеется в виду Сергей Алексеевич Христианович – выдающийся разработчик аэрокосмической техники, награжденный шестью орденами Ленина. Как известно, в 1958–1961 гг. С.А. Христианович был первым заместителем председателя Президиума СО АН и непосредственно курировал строительство Академгородка. В марте 1961 г. Советский райком КПСС объявил С.А. Христиановичу строгий выговор с занесением в учетную карточку «за аморальное поведение и нарушение партийной этики, выразившееся в оставлении семьи». В соответствии с тогдашними «правилами игры» это послужило основанием для снятия его в мае того же года с поста первого заместителя председателя Президиума СО АН. До 1965 г. он продолжал оставаться директором созданного им ИТПМ, а затем вернулся в Москву, где уже не занимал видных должностей.

Нетрудно догадаться, что ситуация с «юной подругой» была лишь поводом для беспрецедентного прессинга в отношении выдающегося ученого. Не вдаваясь в детали, можно сказать, что в условиях высокой концентрации власти, которая была в Академии наук и в ее Сибирском отделении, такой тяжелый исход конфликта двух научных лидеров, вероятно, был предрешен. Видимо, помимо прочего, сыграли свою роль и опасения М.А. Лаврентьева за свою власть, ведь в период борьбы против «вейсманистов-морганистов» Н.С. Хрущев угрожал сменить руководство СО АН. Понятно, что в таком случае единственной достойной кандидатурой преемника был С.А. Христианович.

Следует отметить, что конфликты такого рода не были единичным явлением в СО АН. Пожалуй, после «низвержения» С.А. Христиановича самым значительным инцидентом было «изгнание» из СО АН Е.Н. Мешалкина, а затем отъезд из Академгородка ряда других выдающихся ученых. Так, в 1971 г. в Москву вернулся корифей математической экономики Л.В. Канторович (в 1975 г. стал лауреатом Нобелевской премии). Позднее, в 1985 г., так же поступил один из «отцов-основателей» СО АН академик С.Л. Соболев. Сложно в полной мере судить, в какой мере возвращение в Москву этих гигантов науки стало следствием конфликтов в новом научном сообществе, однако какие-то противоречия этот процесс, видимо, отражал. Все эти моменты необходимо иметь в виду, разумеется, не в укор М.А. Лаврентьеву, а для объективности исторической картины. Неоднозначным было время, противоречива существовавшая в то время общественная система, а ведь наука действовала не в «вакууме». Да и саму фигуру великого создателя Академгородка не стоит рисовать розовыми красками. Михаил Алексеевич Лаврентьев – великий ученый и истинный патриот нашего Отечества – был человеком своей эпохи со всеми ее плюсами и минусами.

[19] *Вишневский Е.В.* Стратег сибирской науки… С. 183.

Более основательного осмысления заслуживает также основное концептуальное положение рассматриваемой книги, вошедшее в ее название. Речь идет о М.А. Лаврентьеве как о «стратеге сибирской науки». Как и многие другие авторы, Евгений Венедиктович рассматривает эту «стратегию» через призму знаменитого «треугольника Лаврентьева»: наука – образование – производство. Однако факты показывают, что это была скорее «декларация о намерениях», нежели реальность. В главе 15-й книги Вишневского прекрасно показано, что «внедрение научных разработок СО АН» осуществлялось с величайшим трудом, – это, разумеется, определялось всей системой сложившихся в СССР экономических отношений. Фактически не удалось реализовать идею Лаврентьева о «КБ двойного подчинения». Под давлением бюрократической машины была уничтожена самая успешная инновационная структура – НПО «Факел». Сильно пострадал и другой очаг инновационной активности – СКБ ГИТ. В дополнение к этому можно напомнить: были торпедированы два крупнейших в истории СО АН инновационных проекта – создание паро-газовых установок (С.А. Христианович) и формирование «второго ЦАГИ» (В.В. Струминский).

Возможно, более успешно реализовывались разработки оборонного характера, что было характерно для всей научно-технической сферы нашей страны, где ВПК был основным заказчиком и потребителем научно-технических новшеств. Однако, как уже отмечалось, этот аспект деятельности сибирских ученых в книге лишь декларируется. А что же с «внедрением» научно-технических инноваций в невоенные сегменты нашей экономики? Понятно, что если бы «треугольник Лаврентьева» был воплощен в реальность, то Академгородок при его огромном интеллектуальном потенциале превратился бы в «Кремниевую долину».

На проблему «стратегии» можно взглянуть и с другого ракурса. В ряде заявлений М.А. Лаврентьева прослеживаются попытки сформулировать эту «стратегию» в смысле некой суперзадачи, интегрирующей усилия всех НИИ Академгородка. Так, вначале «отец-основатель» СО АН делал акцент на математизации всех наук, в том числе в свое время большой пиар получила работа молодых энтузиастов по созданию «искусственного интеллекта». Однако, как известно, эта работа шла очень непросто, а попытка внедрения математики и ЭВМ в гуманитарные исследования (пресловутая «расшифровка письменности майя») ознаменовалась настоящим скандалом.

Тогда же М.А. Лаврентьев заявил, что ученые Академгородка окажут всяческое содействие И.В. Курчатову в решении проблемы «управляемой термоядерной реакции». В то время это рассматривалось как главная научно-техническая задача, решение которой, собственно, и позволит создать «материально-техническую базу коммунизма». Сейчас хорошо известно, какова была судьба широковещательных обещаний об «управляемом термояде». В последующие годы, кажется, такие масштабные интеграционные цели уже и не выдвигались, тем более что после устранения Н.С. Хрущева над СО АН все более довлел «императив выживания».

В целом же хотелось бы выразить надежду, что интересная книга Е.В. Вишневского «разбудит» историков, даст новый импульс для создания полноценной научной биографии М.А. Лаврентьева, основанной на широком круге источников.

Заметным событием в историографии Академгородка следует признать ряд публикаций, сочетающих качества мемуаров и публицистики. В 2019 г. наиболее значимым событием стало появление книги В.Д. Ермикова[20]. Валерий Дмитриевич Ермиков – один из немногих здравствующих ныне первопроходцев Академгородка, который начал свой путь здесь как строитель. Это человек, известный не только в Новосибирске, но и во всем Сибирском отделении РАН. В свое время он, выпускник НГУ, канд. геол.-минер. наук, «пожертвовал» основной научной деятельностью в пользу научно-административной работы в Президиуме СО РАН. На протяжении длительного периода (с 1985 по 2008 г.) являлся главой Управления организации научных исследований. В последующие годы В.Д. Ермиков возглавил отдел инновационных программ и стал консультантом Института геологии и минералогии им. В.С. Соболева.

[20] *Ермиков В.Д.* О временах высоких целей (записки рационального оптимиста). Новосибирск, 2019.

В данной статье не ставится задача детальной характеристики названного ценного издания, поскольку этому посвящена фундаментальная рецензия Н.А. Куперштох[21]. Отметим лишь один момент, который нуждается в уточнении. Речь идет об относительно частном, но на самом деле одном из самых ярких эпизодов и в биографии нашего героя, и в истории Академгородка – деятельности НПО «Факел». Валерий Дмитриевич был одним из руководителей этой уникальной структуры, поэтому его свидетельства представляют особую ценность. Тем более огорчительны некоторые неточности в трактовке этой эпопеи. Начнем с утверждения, что «объединение “Факел” появилось в Новосибирске в конце 1960-х гг.». Это утверждение не является достаточно точным. На самом деле Президиум СО АН принял решение о преобразовании Комсомольского конструкторского бюро (создано в июле 1966 г.) в НПО «Факел» 27 декабря 1966 г., что стало возможным в обстановке прогрессивных преобразований середины 1960-х гг. («косыгинская реформа»). В конце же данного десятилетия, по мере общего усиления консервативных тенденций в политике правящих кругов, все более активизируются нападки на «Факел», что в итоге привело к прекращению его деятельности в 1970 г. и окончательному закрытию в 1971 г.

Не совсем понятна позиция мемуариста по поводу такого неблагоприятного финала: «“Факел” явно родился преждевременно, но сама идея была настолько здравая, что всего через год после его закрытия ЦК комсомола начал создавать по всей стране центры научно-технического творчества молодежи. Через эту систему прошли все самые видные нынешние бизнесмены. Глядишь, и мы бы стали олигархами, останься “Факел” на плаву»[22]. Что значит «родился преждевременно»? Вполне очевидно, что СССР уже в то время нуждался в кардинальном обновлении хозяйственного механизма, однако этот процесс был заблокирован бюрократической системой. В результате экономическое реформирование запоздало по меньшей мере на два десятилетия, что во многом и предопределило дальнейшую судьбу страны.

Значительным событием в историографии Академгородка следует признать и книгу, посвященную Н.А. Притвиц[23]. Она опубликована в серии «Наука Сибири в лицах», где ранее были воссозданы биографии целой плеяды выдающихся ученых. Книга великолепно издана – на прекрасной бумаге, с большим количеством интереснейших фотографий. Да и в целом из всех рассматриваемых книг данный том выглядит наиболее внушительно. Почему книга посвящена человеку, не занимавшему «командных высот» ни в научной, ни в административной иерархии? Наталья Алексеевна Притвиц (1931–2019) – канд. техн. наук, инженер-гидротехник, популяризатор науки, журналист, аналитик, сценарист, консультант группы прессы Президиума СО РАН. В Сибирском отделении АН она начала работать с 1959 г., потому публикуемый в книге текст носит необычное название «Дневник полуаборигена», – имеется в виду, что она прибыла позднее первых обитателей «Золотой долины». С 1970 г. занимала должность ученого секретаря Сибирского отделения АН СССР по связям с прессой, радио, телевидением, кино. Была куратором газеты «За науку в Сибири». Долгие годы сотрудничала с лидерами СО АН/РАН М.А. Лаврентьевым, В.А. Коптюгом, Г.И. Марчуком, Н.Л. Добрецовым.

Наталья Алексеевна являлась автором и редактором многочисленных художественных, научных и литературных трудов: «Академия наук СССР. Сибирское отделение. Персональный состав. Хроника 1957–1982 гг.» (1982), «Российская академия наук. Сибирское отделение. Стратегия лидеров» (2007), автор-составитель «Век Лаврентьева» (2000) и др. Тем самым она внесла неоценимый вклад в сохранение исторической картины рождения и формирования Новосибирского Академгородка. Можно сказать, что еще при жизни Наталья Алексеевна стала настоящей легендой Академгородка, неподражаемым хранителем его замечательных традиций.

---

[21] *Куперштох Н.А.* Верность избранному пути. Рецензия на книгу В.Д. Ермикова «О временах высоких целей (записки рационального оптимиста)» // Управление наукой: теория и практика. 2020. Т. 2, № 4. С. 227–232.
[22] *Ермиков В.Д.* О временах высоких целей… С. 113.
[23] Наталья Алексеевна Притвиц: Хранитель знаний. Новосибирск, 2020. 20 с.

Неудивительно, что в создании книги в память о ней приняли участие В.Д. Ермиков, писательница и журналистка Замира Мирзовна Ибрагимова, коллеги Н.А. Притвиц по работе в Президиуме СО РАН. Ответственным редактором книги стал академик В.И. Молодин.

Поразительно разнообразие материалов, опубликованных в книге: это и фрагменты воспоминаний Н.А. Притвиц, и ее стихотворные произведения, письма и дневниковые записи. Трудно преувеличить значение опубликованных в сборнике статей Н.А. Притвиц, охватывающих целую эпоху от 1961 до 2016 г. Это настоящая хроника Сибирского отделения АН/РАН от его становления и почти до сегодняшнего дня. Первые годы – время созидания и огромных надежд, непростые проблемы развития научного центра, борьба СО АН против всякого рода необоснованных проектов (строительство БЦБК, поворот северных рек, сооружение Катунской ГЭС и др.). А в последние три десятилетия – неустанные усилия не допустить деградации российской науки, предотвратить пагубные последствия непродуманного реформирования РАН.

И все это пишет человек, досконально знающий истинное положение дел, находившийся в контакте с лидерами СО АН/РАН. Статьи очень аргументированные и в то же время отличаются эмоциональностью, предельно убедительные. Это действительно «голос Академгородка», сочетание научной убедительности и истинного патриотизма. В этом смысле книга, посвященная, казалось бы, лишь одному из первопроходцев сибирского города науки, предстает как ценнейшее издание по его истории в целом.

Подчеркивая все эти несомненные достоинства рассматриваемой книги, хотелось бы вместе с тем отметить некоторые огрехи. Они, быть может, не столь существенны с точки зрения «обычного» читателя, но не могут быть не замечены профессиональным историком. Некоторые вопросы вызывает структура этого издания. Оно начинается с мемуарного текста Н.А. Притвиц, хотя, казалось бы, было логичным начать книгу с введения или вводной статьи, где и рассказать о героине книги. В конечном итоге читатель из отдельных фрагментов может составить представление о личности и деятельности Натальи Алексеевны, но эта задача была бы существенно облегчена при наличии обычного вступительного текста.

В какой-то мере роль введения выполняет весьма обширная аннотация, – как это принято, на обороте титула. Обычно такая аннотация является все же достаточно лапидарной и не подменяет вводного текста. Отметим одну неудачную фразу в аннотации: там говорится, что Н.А. Притвиц – «первый историограф Академгородка». Заслуги Натальи Алексеевны в отображении истории нашего научного центра столь велики, что она не нуждается в этом «комплименте». И все же первым «историографом» нашего города науки был его создатель академик Лаврентьев, что нашло отражение в его мемуарах, многочисленных статьях, интервью и т.п.

С точки зрения «обычного историка» некоторые вопросы возникают и к одному из ценнейших разделов книги – «Дневнику полуаборигена». Из подстрочных примечаний следует, что этот текст ранее публиковался в 1962, 1965 и 1968 гг. Однако знакомство с этими публикациями показывает, что в содержании названных текстов имеются относительно небольшие, но существенные различия. В публикации «Дневника» 1962 г. мы видим восторженную реакцию по поводу приезда в Академгородок «дорогого Никиты Сергеевича». По вполне понятным причинам, в публикациях 1965 и 1968 гг. эти высказывания были удалены, а сейчас вновь восстановлены.

Естественно, у историка возникает вопрос: в какой мере рассматриваемая публикация соответствует исходному тексту, имеется ли соответствующая рукопись, быть может, в нее были внесены еще какие-то существенные коррективы? Все это элементарные археографические вопросы, которые в равной мере относятся и к исследованиям о тех или иных событиях, и к работам биографического характера.

Подчеркивая ценность публикации в рассматриваемой книге многочисленных статей Н.А. Притвиц, следует отметить одну проблемную ситуацию. Речь идет о статье «Мифы о М.А. Лаврентьеве», в свое время появившуюся в газете «Наука в Сибири» (2008. № 45). В данной книге она воспроизведена на с. 253–256. В ней Наталья Алексеевна совершенно

справедливо ратовала за объективное отображение деятельности великого ученого, против возможных искажений, которые она именует «мифами». Но приводимые там примеры не представляются в полной мере убедительными, во всяком случае, нуждаются в некоторых комментариях. К сожалению, составители сборника пошли по пути простого воспроизведения данной публикации. Между тем за эти годы появилось много новой информации и по истории СО АН/РАН, и по тем вопросам, которые когда-то дали основания говорить о «мифах».

Основная часть рассматриваемой статьи посвящена критике публикации И.С. Кузнецова в электронном издании Academ.Info от 10 мая 2007 г. Наталья Алексеевна обнаружила в ней «обличительный пафос» и безоговорочно отвергла два основных положения этого текста:

1) М.А. Лаврентьев принимал участие не только в создании «атомных артиллерийских снарядов» (это общеизвестно), но, возможно, и на предшествующих – решающих этапах «атомного проекта». Имеется версия, что для создания термоядерной бомбы, помимо основной команды И.В. Курчатова – Я.Б. Зельдовича, была создана «альтернативная группа» под руководством М.А. Лаврентьева и А.А. Ильюшина. Алексей Антонович Ильюшин – крупнейший специалист по проблемам прочности металлов, позднее член-кор. АН СССР. Согласно данной версии, «альтернативная группа» была призвана контролировать работу «команды Курчатова – Зельдовича», а при необходимости и заменить ее. 2) Это способствовало по меньшей мере не очень благожелательному отношению «атомщиков» (доминировавших в научном сообществе) к М.А. Лаврентьеву, что сказалось на его дальнейшей деятельности и, возможно, повлияло на решение переехать в Сибирь.

Следует сразу подчеркнуть, что эти суждения носят преимущественно характер гипотез: хотя за прошедшие годы целые массивы документов по «атомному проекту» рассекречены, многие ключевые документы по-прежнему историкам недоступны. Что касается версии об участии М.А. Лаврентьева уже на первом этапе «атомного проекта» – в создании атомной бомбы, то ее выдвинул М.И. Руденко, в свое время инженер-атомщик, затем журналист и писатель, автор многих публикаций на эту тему. В названной статье И.С. Кузнецова как раз подчеркивается, что данная гипотеза пока не имеет должного фактического подтверждения и может быть «принята к сведению» лишь как «информация к размышлению».

Относительно «альтернативной группы» с участием (или под руководством) М.А. Лаврентьева при создании термоядерного оружия, эту гипотезу впервые выдвинул академик А.Д. Сахаров[24]. Судить о ее достоверности, естественно, весьма затруднительно: с одной стороны, казалось бы, свидетельства «отца советской водородной бомбы» не должны вызывать сомнений. Однако, с другой стороны, следует иметь в виду обстановку суперсекретности, в результате чего даже непосредственные участники этой работы имели минимальные представления об общей картине.

Что касается сложных отношений в научном сообществе и не очень благосклонном отношении «атомщиков» к М.А. Лаврентьеву, то по этому поводу опубликованы соответствующие документы. Они приводятся в публикациях С.С. Илизарова[25]. Из них следует, что провести М.А. Лаврентьева на пост академика-секретаря отделения физико-математических наук АН СССР в 1955 г. удалось только в результате сильнейшего давления ЦК КПСС. Остается только гадать, было ли это реакцией «атомщиков» на предшествующую роль М.А. Лаврентьева в качестве «контролера» атомного проекта или сказалось отношение к нему как своего рода «ставленнику партбюрократии». Еще раз подчеркнем: ясность в этом вопросе может внести лишь дальнейшее рассекречивание документов Росатома, а также ФСБ.

К этому можно добавить еще одно соображение: сомнения по поводу участия М.А. Лаврентьева в атомном проекте невольно «принижают» будущего основателя СО АН. Вполне очевидно, что привлечение тех или иных ученых к этой грандиозной работе было наиболее очевидным маркером их подлинной научной величины. Так, из будущих сибирских

[24] *Сахаров А.Д.* Воспоминания. М., 1996. Т. 1.
[25] *Илизаров С.С.* Партаппарат против Тамма // Капица, Тамм и Семенов в очерках и письмах. М., 1998. С. 340–350.

коллег Лаврентьева участие в атомном проекте принимали Г.К. Боресков, Г.И. Будкер, А.А. Ковальский, Г.И. Марчук, А.В. Николаев, С.Л. Соболев, С.А. Христианович.

Подводя итоги, можно еще раз высказать пожелание, чтобы к подготовке изданий по истории СО АН и Академгородка привлекались профессиональные историки. Такое сотрудничество пошло бы только на пользу общему делу.

Литература

Вишневский Е.В. Стратег сибирской науки. Михаил Алексеевич Лаврентьев. Новосибирск, 2019. 347 с.

Ермиков В.Д. О временах высоких целей (записки рационального оптимиста). Новосибирск, 2019. 407 с.

Илизаров С.С. Партаппарат против Тамма // Капица, Тамм и Семенов в очерках и письмах. М., 1998. С. 340–350.

Качан М.С. Потомку о моей жизни: в 22 т. Сакраменто, 2015–2018.

Крайнева И.А. Научное наследие советских ученых в электронных архивах СО РАН: Мастер. Проповедник. Лидер. Новосибирск, 2018. 386 с.

Кузнецов И.С. Современная историография Новосибирского Академгородка // Вестник НГУ. Сер.: история, филология. 2014. Т. 13. Вып. 1: История. С. 130–140.

Куперштох Н.А. Верность избранному пути. Рецензия на книгу В.Д. Ермикова «О временах высоких целей (записки рационального оптимиста)» // Управление наукой: теория и практика. 2020. Т. 2, № 4. С. 227–232.

Наталья Алексеевна Притвиц: Хранитель знаний / сост. В.Д. Ермиков; отв. ред. академик РАН В.И. Молодин. Новосибирск, 2020. 520 с.

Российская академия наук. Сибирское отделение: Исторический очерк. Новосибирск: Наука, 2007. 510 с.

Сахаров А.Д. Воспоминания. М., 1996. Т. 1. 912 с.

Ханин Г.И. Честный и талантливый рассказ о Новосибирском Академгородке, советском народе и советском обществе (воспоминания Михаила Качана) // Идеи и идеалы. 2019. Т. 11, № 4. Ч. 1. С. 217–239.

References

Ermikov, V.D. (2019). *O vremenah vysokih tseley (zapiski ratsional'nogo optimista* [On the Times of High Goals (Notes of a Rational Optimist]. Novosibirsk. 407 p.

Ermikov, V.D. (2020). *Natal'ya Alekseevna Pritvic: Hranitel' znaniy* [Natalya Alekseevna Pritvits: Keeper of Knowledge]. Novosibirsk. 520 p.

Ilizarov, S.S. (1998). Partapparat protiv Tamma [Party Apparatus against Tamm]. In *Kapitsa, Tamm and Semenov in essays and letters*. Moscow. Pp. 340–350.

Josephson, P. (1997). New Atlantis revisited: Akademgorodok, the Siberian city of science. Princeton. 351 p.

Kachan, M.S. (2015–2018). Potomku o moey zhizni: v 22 t. [Descendants about My Life: in 22 vol.]. Sacramento.

Khanin, G.I. (2019). Chestnyy i talantlivyy rasskaz o Novosibirskom Akademgorodke, sovetskom narode i sovetskom obshchestve (vospominaniya Mihaila Kachana [An Honest and Talented Story about the Novosibirsk Academgorodok, the Soviet People and Soviet Society (Mikhail Kachan's Memoirs)]. In *Ideas and Ideals.* Vol. 11, No. 4, part 1, pp. 217–239.

Kraineva, I.A. (2018). *Nauchnoe nasledie sovetskih uchenyh v elektronnyh arhivah SO RAN: Master. Propovednik. Lider* [Scientific Heritage of Soviet Scientists in the Electronic Archives of the SB RAS: Master. Preacher. Leader]. Novosibirsk. 386 p.

Kupershtokh, N.A. (2020). Vernost' izbrannomu puti. Retsenziya na knigu V.D. Ermikova "O vremenah vysokih tseley (zapiski ratsional'nogo optimista)" [Loyalty to the Chosen Path. Review of the Book by V.D. Ermikov "On the Times of High Goals (Notes of a Rational Optimist)"]. In *Science Management: Theory and Practice*. Vol. 2, No. 4, pp. 227–232.

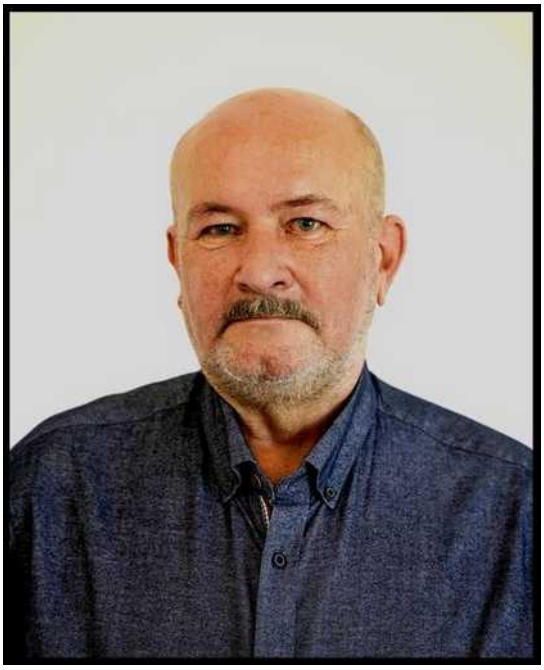
Kuznetsov, I.S. (2014). Sovremennaya istoriografiya Novosibirskogo Akademgorodka [Modern Historiography of the Novosibirsk Academgorodok]. In *Bulletin of NSU. Series: History, philology*. Novosibirsk. Vol. 13, Is. 1: History, pp. 130–140.

Sakharov, A.D. (1996). *Vospominaniya* [Memoirs]. Mosvow. Vol. 1. 912 p.

(2007). The Russian Academy of Sciences. Siberian branch: Historical essay. Novosibirsk, Nauka. 510 p.

Vishnevsky, E.V. (2019). *Strateg sibirskoy nauki. Mihail Alekseevich Lavrent'ev* [Strategist of Siberian Science. Mikhail Alekseevich Lavrentiev]. Novosibirsk. 347 p.

ПАМЯТИ ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК АЛЕКСАНДРА ХРИСТИАНОВИЧА ЭЛЕРТА



Институт истории СО РАН с прискорбием сообщает о кончине после тяжелой продолжительной болезни доктора исторических наук Александра Христиановича Элерта (03.12.1954 – 26.11.2022), ведущего специалиста в области истории Сибири XVII–XVIII вв., истории изучения Сибири академическими экспедициями XVIII в., этнографии и лингвистики сибирских коренных народов, археографии, источниковедения, палеографии, дешифровки и переводов немецкой готической скорописи.

А.Х. Элерт родился в селе Новоникольское Александровского района Томской области. В 1980 г. окончил исторический факультет Томского государственного университета. После завершения обучения под руководством академика Н.Н. Покровского в аспирантуре он был принят на работу в 1989 г. в сектор археографии и источниковедения Института истории, филологии и философии СО АН СССР, в котором прошел путь от младшего до главного научного сотрудника. С 2013 по 2021 г. Александр Христианович был заведующим сектором археографии и источниковедения. С 2008 по 2015 г. исполнял обязанности заместителя директора по науке Института истории СО РАН. В 1987 г. он успешно защитил диссертацию на соискание степени кандидата исторических наук («Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник по истории Сибири») и в 2000 г. – доктора исторических наук («Народы Сибири в трудах Г.Ф. Миллера»).

Главным направлением научной деятельности А.Х. Элерта было изучение истории академических экспедиций XVIII в. в Сибирь и научного наследия академика Г.Ф. Миллера. На основе впервые введенных в научный оборот источников он исследовал процессы заселения и освоения Сибири русскими, региональные, сословные и этнические особенности во взаимоотношениях русских с сибирскими аборигенами, различные аспекты мировоззрения языческих народов Сибири и шаманизма. Им опубликовано более 180 научных работ на русском, немецком и английском языках, в том числе 9 монографий и монографических изданий исторических источников. Один из важнейших итогов его научно-исследовательской деятельности – подготовка к изданию этнографических трудов Г.Ф. Миллера. Появившееся на свет в рамках международной серии «Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов» фундаментальное «Описание сибирских народов» Г.Ф. Миллера (М., 2009) стало результатом многолетней работы А.Х. Элерта в соавторстве с немецким ученым В. Хинтцше по дешифровке, переводу на русский язык, комментированию и публикации этнографиче-

ской монографии одного из первых российских академиков. Дополненное издание данной книги на немецком языке было осуществлено в Германии в 2010 г. (Gerhard Friedrich Müller. Ethnographische Schriften. I. Halle, 2010. Bd. 1: Beschreibung der Sibirischen Völker. 817 S.). В 2018 г. в Галле была издана вторая часть «Этнографических трудов» Г.Ф. Миллера (Gerhard Friedrich Müller. Ethnographische Schriften II. Halle, 2018. 878 S.). В этой книге А.Х. Элерт и его соавтор опубликовали на языке оригинала (немецком) важнейшую работу академика по сибирской этнографии XVIII в. – «Известия о якутах и их шаманах, о юкагирах, остяках, тунгусах, самоедах, камасинцах, качинцах, татарах и об обычаях разных сих народов» и фундаментальную программу комплексного изучения Сибири, состоящую из более чем 1 223 статей. Введение в научный оборот не использовавшихся ранее специалистами (из-за трудности дешифровки готической скорописи Г.Ф. Миллера) указанных фундаментальных трудов не только обогатило современную науку огромным массивом уникальных сведений о материальной и духовной культуре сибирских аборигенов, но и убедительно доказало приоритет российских ученых в формировании этнографии как особой науки. Эти издания, как и многие другие его научные работы, получили высокую оценку как отечественных, так и зарубежных исследователей, стали событиями в научной жизни.

А.Х. Элерт вел большую научно-организационную работу. На протяжении многих лет он был членом Ученого совета Института истории СО РАН, диссертационных советов при Институте истории СО РАН и Алтайском государственном университете, входил в состав редакционных советов и редколлегий российских журналов «Известия Уральского федерального университета», «Наука из первых рук», «Гуманитарные науки в Сибири», «Вестник Новосибирского государственного университета», «Известия Иркутского государственного университета». Он являлся членом редколлегии и куратором русскоязычной версии международной серии «История Сибири и Аляски из российских архивов», ответственным редактором сборников научных трудов серии «Археография и источниковедение Сибири», состоял членом Президиума Международного научного общества Георга Вильгельма Стеллера.

Интеллигентность, доброжелательность и порядочность были его отличительными чертами. Он был щедро наделен талантом и выдающимися способностями, помноженными на природное трудолюбие. Память об Александре Христиановиче Элерте, замечательном человеке и ученом, навсегда сохранится в наших сердцах.

Выражаем искренние соболезнования его семье, родным и близким.

Коллектив Института истории СО РАН